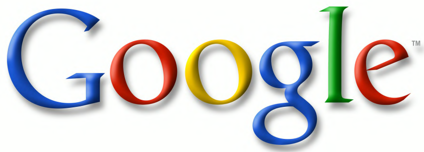
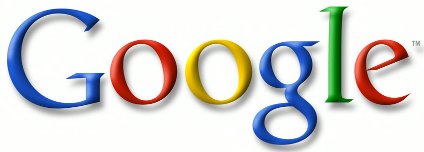
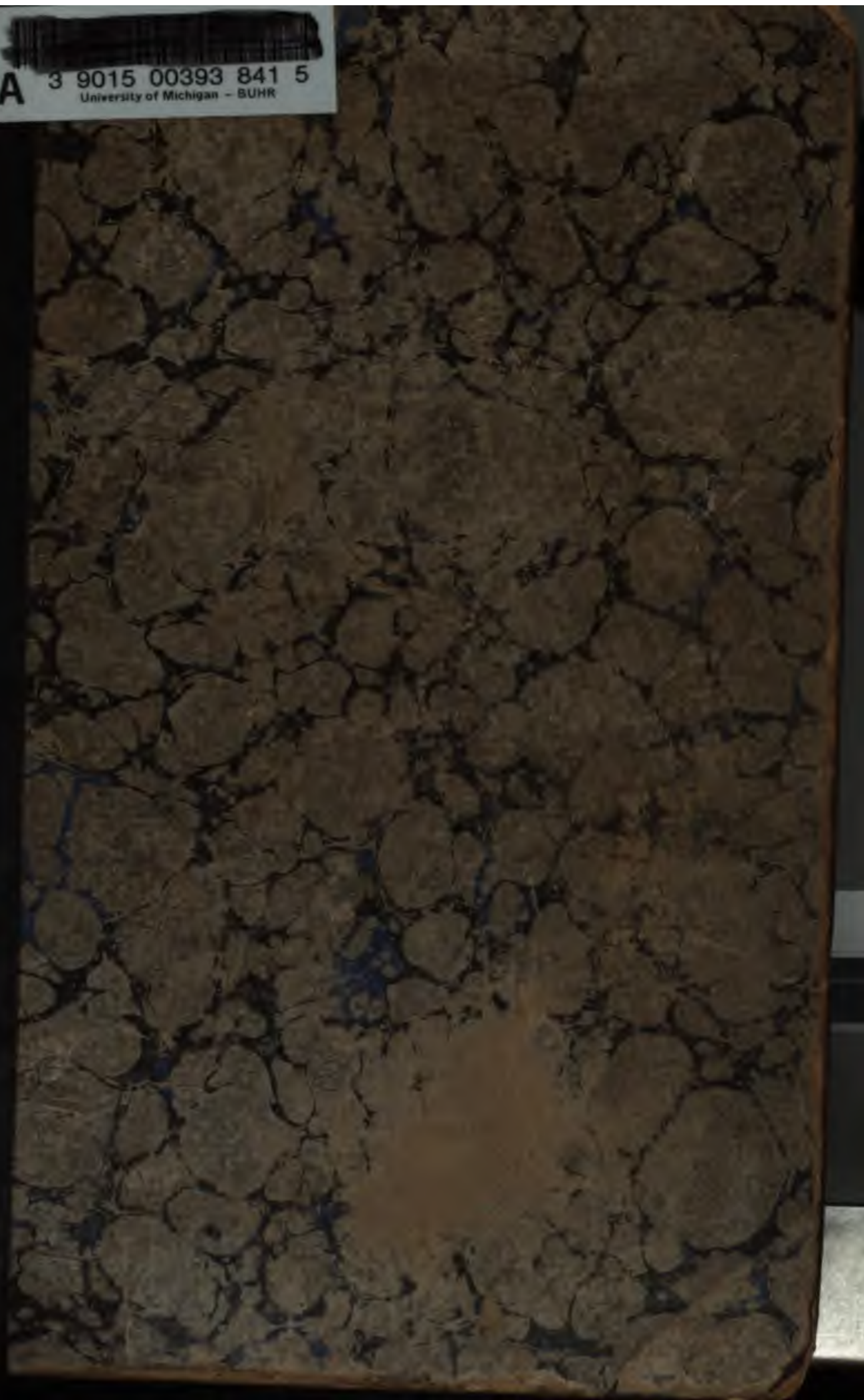

ЭТЮДЫ

В. Ѳ. КОРША

С Ъ БІОГРАФІЕЙ АВТОРА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

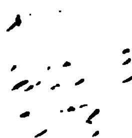
ИЗДАНІЕ Д. А. КОРШЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1885

СОДЕРЖАНІЕ.

ВАЛЕНТИНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ КОРШЪ.

(Біографическій очеркъ.)

Условія нашей общественной и литературной жизни вообще таковы, что литературный трудъ является у насъ одною изъ самыхъ тяжелыхъ профессій, своего рода чашею, полною всевозможныхъ горькихъ испытаній. Не даромъ всѣ наши дѣятели на этомъ поприщѣ старѣются не по лѣтамъ. Въ томъ возрастѣ, когда на Западѣ люди полны еще свѣжихъ силъ и непочатой энергіи, наши литераторы по профессіи являются уже нравственно и физически надломленными, ихъ организмъ оказывается уже глубоко потрясеннымъ. Таковъ общій законъ русской дѣйствительности, которая по отношенію къ лучшимъ своимъ дѣтямъ слишкомъ часто бываетъ суровою мачихою. Въ частности, среди различныхъ видовъ литературнаго труда едва ли можно найти трудъ болѣе тяжелый и неблагодарный, создающій положеніе болѣе исключительное, чѣмъ трудъ русскаго журналиста-редактора, если этотъ редакторъ, обладая талантомъ и отзывчивостью на лучшія стремленія своего времени, горячо проникнется общими интересами. Никому не приходится испытывать на себѣ столько самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, болѣзненно отзывающихся на всей нравственной природѣ человѣка. Каждый

развитой и мыслящій человѣкъ нерѣдко страдаетъ отъ невозможности высказаться, исполнить то, что̀ онъ считаетъ своимъ нравственнымъ и гражданскимъ долгомъ; но редактору періодическаго изданія, по отношенію къ этому послѣднему, приходится выносить на своихъ плечахъ, на своихъ нервахъ все то, что̀ терпитъ каждый изъ дѣятелей печати въ отдѣльности. Каждое слово, кѣмъ бы то ни было написанное, котораго онъ не можетъ напечатать не по убѣжденію, а вслѣдствіе внѣшнихъ условій, обращается для него въ ту непрестанно падающую каплю, которая пробиваетъ, наконецъ, даже и камень. И эта капля падаетъ на него каждый день, чуть не каждую минуту, преслѣдуетъ его и днемъ и ночью и своимъ постояннымъ паденіемъ доводитъ его до нервнаго изнеможенія. Прибавьте къ этому неизбѣжныя въ журнальномъ — и особенно въ газетномъ — дѣлѣ ошибки, свои и чужія, чрезвычайную сложность редакторскаго труда, требующую, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, энциклопедическихъ свѣдѣній и крайняго напряженія умственныхъ силъ, — прибавьте ту серьезную нравственную отвѣтственность, которую налагаетъ на себя человѣкъ, выступающій въ роли руководителя общественнаго мнѣнія, — и вамъ станетъ понятно, почему въ исторіи нашей періодической печати за послѣднія двадцать лѣтъ найдется такъ мало именъ, которыя по праву могли бы занять мѣсто наряду съ именемъ В. Ѳ. Корша, какъ редактора политической газеты, имѣвшей, впродолженіе многихъ лѣтъ, вполнѣ заслуженный успѣхъ и вліяніе. В. Ѳ. никогда не былъ, и по самой натурѣ своей не могъ сдѣлаться человѣкомъ личныхъ побужденій въ общемъ дѣлѣ. Ему всегда было чуждо, на него всегда болѣзненно дѣйствовало все то, что имѣетъ хотя отдаленное сходство съ подобнымъ отношеніемъ къ печати. Проникнутый чувствомъ высокаго уваженія къ печатному слову, онъ всегда старался внушать такое же чувство и своимъ собратьямъ по литера-

турѣ, и своимъ читателямъ. На редакторскую дѣятельность онъ имѣлъ чрезвычайно серьезный и добросовѣстный взглядъ. „Газета требуетъ всего человѣка, всего, безъ остатка“,—таковъ былъ его постоянный девизъ,— и, въ самомъ дѣлѣ, В. Ѳ., обладая недюжинными дарованіями и серьезной научно-литературной подготовкой, всецѣло, съ юношескимъ увлеченіемъ и страстностью предавался своему дѣлу, видя въ немъ единственную задачу своей жизни, свое призваніе, свой нравственный долгъ. Имя этого писателя, который, представляя собою крупную нравственную силу, никогда не зналъ и не допускалъ никакихъ компромиссовъ, никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, и умѣлъ стойко переносить житейскія невзгоды,—тѣсно связано съ исторіей умственнаго и общественнаго развитія нашего общества и занимаетъ въ этой исторіи хорошую, свѣтлую страницу. Будущій историкъ, говоря о судьбахъ нашей журналистики, безъ сомнѣнія, подробно изложитъ во многихъ отношеніяхъ поучительную дѣятельность В. Ѳ. и по достоинству оцѣнитъ ея значеніе для русскаго общества. Мы же ограничиваемся здѣсь только краткимъ очеркомъ литературной біографіи этого безкорыстнаго и энергичнаго труженика, такъ много поработавшаго на своемъ тернистомъ пути и такъ преждевременно сошедшаго въ могилу подъ ударами слѣпой судьбы, не разбирающей ни праваго, ни виноватаго... Въ этомъ небольшомъ очеркѣ, составленномъ отчасти на основаніи документовъ, отчасти же — по личнымъ воспоминаніямъ, мы постараемся указать лишь главные моменты литературной дѣятельности В. Ѳ. и опредѣлить ея общій характеръ и направленіе въ связи съ недавними и, конечно, всѣмъ еще памятными фактами изъ новѣйшей исторіи нашей литературы.

Валентинъ Өедоровичъ Коршъ родился 23-го ноября 1828 г. въ Москвѣ, и первоначальное образованіе получилъ въ 1-ой московской гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ съ золотою медалью. Семнадцати лѣтъ, В. Ө. поступилъ въ студенты московскаго университета. Здѣсь онъ былъ слушателемъ Грановскаго, къ памяти котораго онъ впослѣдствіи всегда относился съ необыкновеннымъ уваженіемъ и самымъ теплымъ сочувствіемъ,— Кудрявцева, Соловьева — и г. Каткова, преподававшаго въ то время философію, но вскорѣ оставившаго университетъ для журналистики. Грановскій и группировавшійся около него кружокъ профессоровъ и литераторовъ имѣли на молодого студента чрезвычайно сильное вліяніе, которымъ опредѣлились какъ нравственный складъ В. Ө., такъ и его литературное и политическое образованіе. Изъ этого кружка онъ вынесъ то уваженіе къ собственной и чужой личности, то моральное безпристрастіе и то душевное и умственное изящество, которыми онъ всегда и въ высокой степени отличался и которыя придавали необыкновенную мягкость и сдержанность его журнальнымъ воззрѣніямъ и его личнымъ отношеніямъ. Благодаря этому же кружку, науки политическія, исторія и исторія литературы сдѣлались постояннымъ, любимымъ занятіемъ Валнтина Өедоровича.

Окончивъ, въ 1850 году, въ петербургскомъ университетѣ [1]) курсъ, В. Ө. поступилъ на литературную службу: занялъ мѣсто помощника издателя „Московскихъ Вѣдомостей". Эта газета находилась въ то время въ казенномъ управленіи, и какъ ея издатель (т. е., собственно, редакторъ), такъ и его помощникъ были лица оффиціальныя, считавшіяся на службѣ при университетской типографіи. Такимъ обра-

[1]) В. Ө. пробылъ въ московскомъ университетѣ только два года, такъ какъ по семейнымъ обстоятельствамъ принужденъ былъ въ 1848 г. перейти въ петербургскій университетъ.

зомъ, В. Ѳ. прямо съ университетской скамьи вступилъ на тотъ путь, котораго уже и не покидалъ до конца своей жизни и которымъ опредѣлилось все содержаніе и значеніе его литературной дѣятельности. Г. Катковъ, бывшій въ то время „издателемъ“ университетской газеты, вскорѣ оставилъ эту должность (и основалъ „Русскій Вѣстникъ“), а В. Ѳ. занялъ его мѣсто и сдѣлался, слѣдовательно, самостоятельнымъ распорядителемъ въ литературной части изданія. Продолжая заниматься любимыми науками (одно время, вслѣдъ за выходомъ изъ университета, В. Ѳ. думалъ-было готовиться къ профессорской каѳедрѣ), онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ очень много работать для своей газеты, и работалъ со всѣмъ увлеченіемъ юноши, только что начинающаго серьезное общественное дѣло. Глухое и тяжелое для литературы время, когда В. Ѳ. пришлось стать въ ряды немногочисленныхъ тружениковъ русской періодической печати, вскорѣ смѣнилось новою, оживленною и памятною эпохою пробужденія общественнаго самосознанія. Положеніе русской печати существенно измѣнилось; предоставленная ей, до тѣхъ поръ еще небывалая, свобода въ обсужденіи важнѣйшихъ сторонъ жизни вызвала на литературное поприще много свѣжихъ силъ и создала много новыхъ періодическихъ органовъ печатнаго слова; русская журналистика начала понемногу приближаться къ европейскому типу. По мѣрѣ ослабленія цензуры и оживленія правительственной дѣятельности, оживали и „Моск. Вѣдомости“, продолжая, впрочемъ, сохранять за собою характеръ серьезнаго университетскаго органа, гдѣ помѣщались полемическія, ученыя и литературныя замѣтки и статьи профессоровъ и московскихъ литераторовъ. Первая „обличительная“ корреспонденція (о взяткахъ), обратившая на себя общее вниманіе и открывшая собою длинный рядъ статей въ этомъ новомъ духѣ, появилась именно въ „Моск. Вѣдомостяхъ“. Самъ В. Ѳ., помимо сложной

и трудной редакторской работы, печаталъ здѣсь свой историко-литературный трудъ: „Столѣтіе Московскихъ Вѣдомостей“ (1856), и велъ иностранный отдѣлъ, все болѣе и болѣе расширяя рамки заграничныхъ политическихъ извѣстій и ихъ обсужденія.

Въ 1862 году положеніе „Моск. Вѣд.“ существенно измѣнилось: изъ казеннаго изданія онѣ обратились въ частное и были сданы въ аренду г. Каткову. В. Ѳ. вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь, при посредствѣ графа Блудова, онъ взялъ въ аренду издававшіяся прежде А. Н. Очкинымъ, въ товариществѣ съ А. А. Краевскимъ, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, право собственности на которыя принадлежало Академіи Наукъ.

Такимъ образомъ, съ 1-го января 1863 года въ русской журналистикѣ одновременно явились три новыхъ, совершенно самостоятельныхъ органа,— три большія политическія газеты: „Моск. Вѣд.“ г. Каткова, „Голосъ“ г. Краевскаго и „С.-Петербургск. Вѣд.“ В. Ѳ. Корша. Хотя литературные противники послѣдняго и старались намекать на зависимость „С.-Петербургск. Вѣд.“ отъ оффиціальнаго учрежденія, упорно называя эту газету „академическою“, однако на самомъ дѣлѣ такой зависимости вовсе не существовало, тѣмъ болѣе, что В. Ѳ. всегда очень ревниво отстаивалъ совершенно частный характеръ своего изданія. Какъ видно изъ записки, написанной имъ по этому поводу двѣнадцать лѣтъ спустя, за все время его редакторства въ „С.-Петербургск. Вѣд.“ не было сообщено министерствомъ народнаго просвѣщенія ни одной статьи (въ общепринятомъ литературномъ смыслѣ этого слова), и сами члены Академіи Наукъ были настолько деликатны въ отношеніи къ газетѣ, настолько сознавали ея частный характеръ, что никогда не вступали съ редакціей ни въ какія препирательства по поводу ея обязанности печатать „сообщенія“. Редакція сама охотно печатала ихъ отчеты

и рѣчи, но только потому, что они представляли интересъ для публики и не имѣли политическаго характера. За все это время одинъ только разъ, именно — въ 1871 году — В. Ѳ. была оффиціально прислана изъ министерства народнаго просвѣщенія полемическая статья противъ газеты вообще и въ особенности — лично противъ редактора, который выставлялся въ этой статьѣ злонамѣреннѣйшимъ изъ людей. Но В. Ѳ. рѣшительно отклонилъ напечатаніе этой статьи, говоря, что контрактъ, заключенный имъ съ Академіею, вовсе его къ этому не обязываетъ. „Очевидно, — писалъ онъ въ своемъ отвѣтѣ департаменту народнаго просвѣщенія,— что при заключеніи контракта вовсе не имѣлось въ виду открытіе въ газетѣ спеціальнаго полемическаго отдѣла для министерства, ибо существованіе такого отдѣла превратило бы газету изъ частнаго òргана въ оффиціальный или поставило бы редакцію въ необходимость полемизировать съ оффиціальнымъ вѣдомствомъ".

Разсказать шагъ за шагомъ исторію „Спб. Вѣд." за двѣнадцать лѣтъ редактированія этой газеты В. Ѳ. Коршемъ — значило бы разсказать за данный періодъ исторію той дѣйствительности, какая отражалась въ этой газетѣ. Стоя на высотѣ требованій наступившей въ то время для насъ новой эпохи, чрезвычайно богатой внутреннимъ содержаніемъ, В. Ѳ. всѣми силами старался придать своему изданію серьезный, европейскій характеръ и, по возможности, сдѣлать газету вѣрнымъ зеркаломъ жизни русскаго общества. Ему удалось сгруппировать въ числѣ сотрудниковъ почти всѣ наличныя ученыя и литературныя силы того времени; газета имѣла множество корреспондентовъ въ Россіи и за границей и представляла небывалое до того времени въ русской печати богатство ежедневныхъ извѣстій; при этомъ В. Ѳ., всегда очень серьезно относившійся къ задачамъ публициста, постоянно стремился возвышать тонъ газеты и придавать ей дѣйствительно-опре-

дѣленный политическій характеръ. Литературно-политическая физіономія газеты сложилась, конечно, не сразу; редактору стоило большого труда поставить свое изданіе на настоящую дорогу; но мало по малу, какъ всѣмъ извѣстно, „Спб. Вѣд.“ сосредоточили въ себѣ лучшія силы того времени и сдѣлались органомъ политическаго либерализма въ лучшемъ значеніи этого слова. Какъ человѣкъ европейски просвѣщенный, В. Ѳ. всегда былъ горячимъ сторонникомъ политической и общественной свободы и до конца дней своихъ, не смотря на тяжкія испытанія, постигшія какъ его лично, такъ и все русское общество, сохранилъ твердую вѣру въ прогрессъ и въ торжество знанія и честной энергіи; искренно и задушевно радовался онъ всякому, хотя бы и незначительному шагу русскаго общества впередъ, и такъ же искренно и душевно скорбѣлъ и глубоко возмущался всякою несправедливостью, всякимъ проявленіемъ грубой силы и обскурантизма. Но, какъ идеалистъ по натурѣ, мягкій, гуманный и чуждый всякой рѣзкости, онъ, по справедливому замѣчанію одного изъ своихъ давнишнихъ сотрудниковъ, не былъ и не могъ быть однимъ изъ тѣхъ бойцовъ, въ которыхъ типично отражается духъ эпохи. Къ тому же, при тѣхъ условіяхъ, въ какія поставлено наше печатное слово, онъ никогда не имѣлъ возможности высказать свои убѣжденія такъ опредѣленно, какъ онъ этого желалъ, и долженъ былъ ограничиваться намеками и недомолвками тамъ, гдѣ всего нужнѣе было честное, откровенное слово. Понятно, что со стороны людей, не особенно вникающихъ въ положеніе русскаго политическаго писателя, это могло вызывать — и на самомъ дѣлѣ вызывало — недоразумѣнія и неудовольствія, особенно въ первую пору существованія газеты, въ эпоху польскаго возстанія 1863 г. Какъ извѣстно, въ то время сужденіямъ объ этомъ вопросѣ давали тонъ „Моск. Вѣд.“; не раздѣляя убѣжденій г. Каткова, съ тѣхъ поръ круто повер-

нувшаго на новую (нынѣшнюю) свою дорогу, В. Ѳ. конечно, не могъ держаться этого тона; вести же съ московскою газетою открытую полемику въ то время было возможно еще менѣе, чѣмъ теперь... Впрочемъ, недоразумѣнія, существовавшія въ нѣкоторой части общества относительно „Спб. Вѣдомостей", вскорѣ совершенно разсѣялись, и газета, направленіе которой уже вполнѣ опредѣлилось, стала пріобрѣтать все большее и большее уваженіе и сочувствіе, котораго она вполнѣ заслуживала, такъ какъ по праву могла назваться лучшею изъ русскихъ газетъ своего времени. В. Ѳ. принялъ въ свои руки редакторство въ наибольшій разгаръ преобразовательной дѣятельности правительства, въ то время, когда сознанію русскаго образованнаго человѣка представилась масса разнообразнѣйшихъ вопросовъ первостепенной важности и когда требовалось разрѣшеніе этихъ вопросовъ не въ теоріи только, но и на практикѣ, въ самой жизни. „Спб. Вѣдомости" съ самаго начала задались цѣлью служить практической разработкѣ реформъ прошлаго царствованія, облегчать, по возможности, примѣненіе ихъ къ жизни, защищать ихъ отъ всевозможныхъ нареканій, нападокъ и искаженій, слѣдить, чтобы новое вино не попало въ старые мѣхи. Напряженная и трудная работа требовалась отъ печатнаго óргана, желавшаго стоять въ первомъ ряду; онъ долженъ былъ неутомимо вести неравную борьбу съ реакціей и застоемъ и призывать общественныя силы къ энергической самодѣятельности; онъ долженъ былъ разобраться въ хаосѣ перепутавшихся мнѣній и дать вѣскій отпоръ, во имя принциповъ свободы и просвѣщенія, тѣмъ изъ нихъ, которыя старались затормозить развитіе русскаго общества. И „Спб. Вѣдомости" В. Ѳ. Корша, взявъ на себя эту трудную задачу, постоянно усложняемую внѣшними условіями, ни разу не отступали отъ своего основного направленія и всегда — насколько это было возможно — старались удержать за собою свою передовую

позицію. Какъ органъ, созданный реформою, „Спб. Вѣд.“ всегда служили принципамъ, положеннымъ въ основаніе этихъ реформъ. Такъ, онѣ всегда горячо ратовали противъ всякихъ крѣпостническихъ попытокъ, клонившихся къ искаженію крестьянской реформы; онѣ всегда были неизмѣннымъ другомъ и защитникомъ реформы судебной и, по мѣрѣ силъ, отстаивали ея неприкосновенность отъ реакціонныхъ посягательствъ, въ какомъ бы видѣ они ни представлялись; онѣ всегда стояли за охраненіе и дальнѣйшее, возможно болѣе широкое, развитіе началъ самоуправленія и съ неуклонною послѣдовательностью занимали мѣсто въ ряду самыхъ серьезныхъ проповѣдниковъ наиболѣе раціональной и наиболѣе широкой системы народнаго просвѣщенія, горячо ратуя противъ исключительности школьнаго классицизма. Несогласіе съ оффиціальными воззрѣніями на этотъ послѣдній вопросъ и послужило, какъ извѣстно, причиною того, что В. Ѳ. долженъ былъ оставить свое редакторство.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, политическій характеръ газеты В. Ѳ. Корша. Что касается до статей, относящихся къ общественной жизни и литературѣ, то въ этомъ отношеніи „Спб. Вѣд.“ выгодно отличались отъ остальныхъ газетъ полнотою, разнообразіемъ и интересомъ. Вездѣ чувствовалась умѣлая, опытная рука редактора, страстно любившаго науку и литературу и желавшаго пробуждать въ читателяхъ высшіе умственные интересы. Можно смѣло сказать, что ни одно сколько нибудь выдающееся явленіе въ этой области не было пропущено газетою, всегда зорко слѣдившею за умственной жизнью Европы. Всѣ эти положительныя качества изданія, не смотря на его недостатки, обусловливаемые, въ значительной степени, спѣшностью ежедневной работы, упрочили его успѣхъ и помогли ему занять выдающееся мѣсто въ числѣ органовъ русской печати.

Редакторомъ и вмѣстѣ издателемъ „Спб. Вѣд.“ В. Ѳ.

оставался двѣнадцать лѣтъ. Въ ноябрѣ 1874 года, по особому Высочайшему повелѣнію, исходатайствованному министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Д. А. Толстымъ, „Спб. Вѣд.“ были переданы въ полное и непосредственное завѣдываніе министерства. Этотъ переходъ права собственности на газету отъ учрежденія ученаго къ учрежденію политическому долженъ былъ сопровождаться лично для В. Ѳ. такими послѣдствіями, отъ которыхъ онъ не могъ не уклониться. Правда, онъ сохранялъ возможность оставаться издателемъ газеты еще одно трехлѣтіе, но уже не могъ быть ея редакторомъ; да и самый выборъ новаго редактора уже не могъ зависѣть отъ его литературныхъ убѣжденій и связей. Попытавшись-было, въ первое время, но безуспѣшно, найти редактора, который могъ бы быть утвержденъ въ этомъ званіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, В. Ѳ. пришелъ къ убѣжденію, что ему не остается другого исхода, какъ подчиниться распоряженію, уничтожавшему его контрактъ съ Академіею Наукъ. Такимъ образомъ, ему пришлось передать свое издательское право въ другія руки, другимъ людямъ, не возбудившимъ противъ себя тѣхъ предубѣжденій, какія возбудилъ онъ,— людямъ, отношеніе которыхъ къ извѣстнымъ крупнымъ вопросамъ было менѣе опредѣленно, чѣмъ его собственное. Впрочемъ, В. Ѳ. было сказано, что „по прошествіи нѣкотораго времени“ онъ можетъ снова получить право редактировать какое нибудь другое изданіе...

31-го декабря 1874 года, въ послѣднемъ листѣ газеты, подписанномъ именемъ В. Ѳ. Корша, какъ редактора, онъ простился съ публикою въ небольшой, прочувствованной статьѣ, въ которой, насколько это было возможно, объяснилъ причины своего удаленія и высказалъ свой взглядъ на задачи печати. „Разставаясь съ читателями — писалъ онъ, — мы разстаемся съ органомъ, который вели съ любовью такъ долго, съ которымъ нравственно сроднились, съ которымъ пережили вмѣстѣ нѣ-

сколько лѣтъ горячаго увлеченія общими интересами и трудные годы мучительныхъ тревогъ и разочарованій. Мы всегда были того мнѣнія, что всякому политическому изданію необходимо избрать одинъ изъ двухъ путей. Оно должно служить обществу и быть совершенно независимымъ отъ всякихъ стороннихъ вліяній, или, раздѣляя виды и намѣренія того или другого вѣдомства, прямо и открыто заявить себя его органомъ. Насколько твердо держались мы перваго изъ этихъ путей, настолько былъ чуждъ намъ второй. При нашемъ взглядѣ на призваніе печати, смѣшеніе ихъ было для насъ также невозможно. Многіе, и у насъ, и въ Европѣ, смотрятъ на дѣло иначе, для многихъ существуетъ еще третій, средній путь; но онъ намъ непривыченъ; въ теченіе нашей долгой журнальной дѣятельности у насъ сложились извѣстныя убѣжденія, извѣстныя нравственныя привычки, отъ которыхъ мы не въ силахъ отрѣшиться; мы не могли бы идти этимъ путемъ такъ же твердо, какъ шли до сихъ поръ, ограниченные, — правда, — тѣсными предѣлами, которые положены въ настоящее время нашей печати, но все же независимые во всемъ томъ, что̀ не выходило изъ этихъ предѣловъ. Для новаго пути нужны и новые люди"...

„Прощаясь съ читателями, мы не можемъ не отозваться глубокою, неизгладимою благодарностью на то довѣріе, которое они намъ оказывали, на ту нравственную связь, которая незамѣтно образовалась между ними и газетой. Эта связь и это довѣріе много разъ поддерживали наши силы при всѣхъ превратностяхъ, испытанныхъ нашею газетою въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Многочисленныя письма и заявленія, полученныя нами въ послѣднее время отъ людей лично намъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, и участіе, возбужденное въ публикѣ дальнѣйшею судьбою газеты, интересы которой она приняла къ сердцу, навсегда останутся для насъ лучшей наградой за наши

посильные труды, за то тяжелое редакторское ярмо, въ которое по необходимости впрягается всякій, кто берется стать во главѣ политическаго изданія и такимъ образомъ служить обществу“...

Это сочувствіе къ газетѣ и ея редактору, имя котораго пользовалось большою популярностью, между прочимъ, было заявлено и представителями органовъ петербургской печати, которые почти всѣ, безъ различія направленій, приняли участіе въ обѣдѣ, устроенномъ въ честь В. Ѳ-ча, гдѣ вполнѣ искренно выражались пожеланія лучшаго будущаго какъ для бывшаго редактора „Спб. Вѣд.“, такъ и для всей вообще русской печати. Первые-же нумера „Спб. Вѣд.“, вышедшіе подъ новою редакціею и при совершенно новомъ составѣ сотрудниковъ (такъ какъ весь прежній персоналъ газеты оставилъ ее одновременно съ В. Ѳ-чемъ), какъ нельзя болѣе убѣдительно показали публикѣ, что̀ она потеряла вслѣдствіе этой перемѣны и на чьей сторонѣ были всѣ преимущества. Дальнѣйшая печальная судьба газеты, съ тѣхъ поръ какъ бы исключенной изъ списка живыхъ, слишкомъ извѣстна, чтобы о ней распространяться.

Покончивъ разсчеты по изданію и щедро вознаградивъ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ, В. Ѳ. уѣхалъ заграницу, въ Италію и Германію, — отдыхать отъ редакторской работы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, учиться. Полтора года провелъ онъ тамъ, изучая, между прочимъ, итальянскій языкъ и древне-греческую литературу; но привычка къ общественной дѣятельности брала свое; не смотря на всѣ разочарованія, любовь къ журнальному дѣлу въ немъ не охладѣвала; его тянуло назадъ, въ Россію, за редакторскій столъ, за которымъ онъ провелъ лучшіе годы своей жизни. Вернулся онъ въ Петербургъ (1876) съ самыми разнообразными планами литературныхъ предпріятій, до того времени еще не бывалыхъ въ Россіи. Такъ, онъ задумывалъ изданіе еженедѣльной газеты „Универ-

ситетъ", которая была бы посвящена критикѣ и библіографіи по всѣмъ отраслямъ науки и искусства; предполагалъ издавать журналъ „Критическое Обозрѣніе" по подобной-же, но нѣсколько расширенной программѣ, или еженедѣльную „Литературную Лѣтопись", въ томъ же родѣ, но съ добавленіемъ русской и переводной беллетристики. Планъ такого изданія, которое давало бы русскому образованному человѣку возможность слѣдить за всѣми выдающимися фактами европейской умственной жизни, чрезвычайно занималъ В. Ѳ., въ бумагахъ котораго осталось много набросковъ и программъ предполагаемыхъ газетъ и журналовъ этого характера. В. Ѳ. всегда видѣлъ въ литературѣ могущественное орудіе общественнаго воспитанія, и эту педагогическую задачу журналиста ставилъ выше всѣхъ другихъ цѣлей и выше заботъ о матеріальномъ успѣхѣ изданій. Но всѣ эти литературные планы не могли осуществиться, встрѣтивъ непреодолимое препятствіе въ тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ. Ходатайство В. Ѳ. о разрѣшеніи ему изданія безъ предварительной цензуры, подъ отвѣтственностью если не его самого, то одного изъ лицъ, представленныхъ имъ въ качествѣ редакторовъ, не было уважено; подъ предварительною же цензурою невозможно было рѣшиться издавать серьезный журналъ, который и безъ того не могъ бы имѣть обширнаго круга читателей: объявить публикѣ, что предпринимается серьезное изданіе подъ цензурой, слѣдовательно, внѣ условій, общихъ почти для всей остальной журналистики, значило бы заранѣе лишить его надежды на нѣкоторый успѣхъ. Потерпѣвъ неудачу въ этомъ отношеніи, В. Ѳ. задумалъ издавать уже не журналъ, а всеобщую исторію европейскихъ литературъ, начиная съ греческой. Этотъ трудъ, къ участію въ которомъ онъ разсчитывалъ пригласить спеціалистовъ, долженъ былъ выходить выпусками въ теченіе 1877 и 1878 года и продаваться по заранѣе объявлен-

ной подпискѣ [1]). Но и это намѣреніе не могло осуществиться въ силу условій, не зависѣвшихъ отъ В. Ѳ-ча. Въ компетентномъ мѣстѣ было сказано, что если бы онъ вздумалъ издавать даже „святцы", то и въ такомъ случаѣ это изданіе не могло бы вполнѣ безпрепятственно выйти въ свѣтъ. Крайне тяжелое нравственное состояніе испытывалъ В. Ѳ. въ это печальное для него и для всей русской печати время. „Я просто въ отчаяніи отъ невозможности предпринять чтò-нибудь, подходящее къ моимъ наклонностямъ и моему прошлому", писалъ онъ одному изъ своихъ литературныхъ собратій. „А между тѣмъ, я чувствую въ себѣ силу, которая могла бы придать значеніе изданію. Два года я занимался, чѣмъ хотѣлъ, отдохнулъ умственно и нравственно; два года я не находился подъ гнетомъ цензурныхъ и денежныхъ заботъ. У меня опять стали рости крылья, насколько крылья возможны въ русскомъ климатѣ. И вотъ, я пытался сдѣлать чтò-нибудь порядочное и интересное для публики, но всѣ попытки были тщетны"...

Не смотря на такое безнадежное, повидимому, положеніе, преданность В. Ѳ. журнальному дѣлу и жажда возобновить свою литературную дѣятельность была такъ велика, что всѣ эти препятствія только еще болѣе возбуждали его энергію. Въ концѣ 1876 и въ началѣ 1877 г. имъ были начаты переговоры съ издателемъ-редакторомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" и „Вечерней Газеты" объ уступкѣ ему этихъ изданій съ тѣмъ, чтобы прежде окончанія сдѣлки былъ представленъ на утвержденіе Главнаго Управленія по дѣламъ печати номинальный отвѣт-

---

[1]) Исторія литературы всегда чрезвычайно интересовала В. Ѳ-ча, и во время своего вынужденнаго отдыха отъ редакторской работы онъ усердно занимался этимъ предметомъ. Результатомъ этихъ занятій былъ, между прочимъ, рядъ статей въ „Вѣстникѣ Европы", гдѣ В. Ѳ. велъ также одно время (1876) періодическое обозрѣніе иностранной научной литературы.

ственный редакторъ и измѣнено названіе газетъ; но исполненіе этого плана замедлилось; между тѣмъ, кружокъ литераторовъ и лицъ, интересующихся литературою, далъ средства на преобразованіе спеціально-юридической газеты „Судебный Вѣстникъ“ въ ежедневную политическую газету „Сѣверный Вѣстникъ“. Во главѣ этого изданія, въ качествѣ неоффиціальнаго редактора, сталъ В. Ѳ., отдавшій въ кассу газеты свои послѣднія сбереженія и тотчасъ же сгруппировавшій вокругъ себя тѣхъ изъ сотрудниковъ прежнихъ „Спб. Вѣд.“, которые еще не успѣли найти себѣ прочнаго мѣста въ другихъ газетахъ или журналахъ. Съ необыкновенною живостью и энергіей принялся В. Ѳ. за свое любимое редакторское дѣло, надѣясь воскресить старыя „Спб. Вѣдомости“, мѣсто которыхъ въ нашей журналистикѣ все еще оставалось незанятымъ. Первый № „Сѣвернаго Вѣстника“, живо напомнившій прежнюю газету В. Ѳ., вышелъ 1-го мая 1877 года и былъ встрѣченъ привѣтствіями со стороны большинства нашихъ печатныхъ органовъ. В. Ѳ. работалъ неутомимо, съ утра до поздней ночи, прочитывая массу ежедневно приносимыхъ русскихъ и иностранныхъ газетъ, журналовъ, статей и корреспонденцій, распредѣляя работу между сотрудниками, указывая имъ, на что̀ именно слѣдуетъ обращать вниманіе и провѣряя буквально каждую строчку текста газеты. Но скоро начались горькія разочарованія и тяжелыя испытанія. „Сѣв. Вѣстникъ“ составлялся вполнѣ добросовѣстно, разнообразно и интересно; но газета возникла въ такое время, когда вся русская публика интересовалась только военными событіями на Дунаѣ и за Кавказомъ и требовала какъ можно болѣе подробныхъ извѣстій объ этихъ событіяхъ; а при скромныхъ размѣрахъ капитала, которымъ могъ располагать „Сѣв. Вѣстникъ“ и значительная часть котораго была уже истрачена на устройство редакціи, газета не имѣла никакой возможности конкуррировать въ

этомъ отношеніи съ другими, уже прочно стоявшими изданіями, которыя не жалѣли денегъ на телеграммы и корреспонденціи съ театра войны. В. Ѳ. сразу хотѣлъ поставить свою газету на широкую ногу, придать ей возможно большую полноту и разнообразіе содержанія; такъ, напр., число выписанныхъ имъ, для редакціи, заграничныхъ газетъ и журналовъ доходило чуть не до пятидесяти; съ перваго же дня своего существованія „Сѣв. Вѣстникъ" имѣлъ корреспондентовъ во всѣхъ главныхъ городахъ Европы, и т. д. Но средства, предоставленныя въ распоряженіе редакціи, быстро истощались, а подписка не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ; притомъ же, В. Ѳ., всецѣло преданный редакціонному дѣлу, не могъ слѣдить за хозяйственною частью изданія, да и никогда не былъ разсчетливымъ хозяиномъ-коммерсантомъ. Къ матеріальной неудачѣ „Сѣв. Вѣстника" вскорѣ присоединились неожиданныя внѣшнія обстоятельства, сдѣлавшія продолженіе изданія невозможнымъ. Когда, въ началѣ 1877 года, издатель бывшаго „Судебнаго Вѣстника" убѣдился въ матеріальной невозможности издавать спеціально-юридическую газету, онъ ходатайствовалъ передъ Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати о переименованіи газеты въ „Сѣверный Вѣстникъ" и о присоединеніи къ двумъ, уже прежде существовавшимъ въ ней, отдѣламъ — политическому и юридическому, — еще и третьяго, литературнаго. Это ходатайство было уважено, и само цензурное вѣдомство (во главѣ котораго стоялъ въ то время В. В. Григорьевъ) признало „Сѣв. Вѣстникъ" газетою общею, а не спеціальною, и на этомъ общемъ основаніи газета издавалась безъ всякихъ затрудненій въ теченіе семи мѣсяцевъ, съ 1-го мая по ноябрь. Въ ноябрѣ газетѣ дано было предостереженіе — собственно, первое; но такъ какъ на прежнемъ „Судебномъ Вѣстникѣ" уже числилось два предостереженія, то это новое было признано третьимъ и повело къ пріостановкѣ

изданія на одинъ мѣсяцъ. Поводомъ къ этой суровой мѣрѣ было представлено личное заявленіе г. Е. Утина противъ одного изъ членовъ прокурорскаго надзора, а также одинъ изъ фельетоновъ газеты. Въ фельетонѣ говорилось о разныхъ предметахъ, и цензура оставила редакцію въ полномъ невѣдѣніи относительно того, чѣмъ именно было вызвано осужденіе этого фельетона. Что касается до заявленія г. Утина, то личный характеръ этого „письма въ редакцію“ давалъ, казалось бы, противной сторонѣ полное право отвѣчать на него немедленно, а на редакцію налагалъ такую же обязанность немедленно этотъ отвѣтъ напечатать. Такимъ образомъ, эта исключительная строгость въ отношеніи къ весьма умѣренному „Сѣв. Вѣстнику“ объясняется не столько политическими проступками самой газеты, сколько существовавшимъ въ то время мнѣніемъ нѣкоторыхъ лицъ, компетентныхъ въ цензурномъ дѣлѣ, о В. Ѳ. Коршѣ, какъ о литераторѣ, одно участіе котораго въ данномъ изданіи создавало послѣднему репутацію политической неблагонадежности... Приведенная выше фраза о „святцахъ“ все еще не была забыта. Вмѣстѣ съ предостереженіемъ, редакція неожиданно получила оффиціальное увѣдомленіе, что для „Сѣв. Вѣстн.“ составлена въ цензурномъ вѣдомствѣ новая программа, которою эта газета и должна руководствоваться на будущее время. Программа же эта, вопреки прежнимъ оффиціальнымъ заявленіямъ и вопреки обязательствамъ, принятымъ на себя редакціею передъ читателями, признавала за „Сѣв. Вѣстникомъ“ спеціально-юридическій характеръ, урѣзывала въ политическомъ отдѣлѣ газеты принадлежавшее еще „Суд. Вѣстнику“ право „разъяснять“ политическія извѣстія, т. е. печатать политическія руководящія статьи, лишала газету права касаться вопросовъ экономическихъ и финансовыхъ, и даже исключала изъ литературнаго отдѣла общественную жизнь, театръ и музыку. Само собою разумѣется, что успѣшное

изданіе газеты въ этомъ „преобразованномъ“ видѣ представлялось совершенно немыслимымъ, и „Сѣв. Вѣстнику“, не смотря на всю его сдержанность и осмотрительность, грозило полное разрушеніе. Изъ ѳргана общихъ интересовъ газета искусственно была превращена въ ѳрганъ одного судебнаго сословія, и самая перемѣна названія бывшаго „Судебнаго“ въ „Сѣверный Вѣстникъ“ теряла, благодаря этому условію, всякій смыслъ. Всѣ хлопоты редакціи о возстановленіи прежней программы остались безуспѣшными, и, не смотря на это, все-таки, было рѣшено попытаться вести газету на новыхъ основаніяхъ. Дѣло было трудное: приходилось, собственно говоря, играть въ прятки, замѣнять одни слова другими, чтобы не возбуждать неудовольствія и нареканій. Газета получила вслѣдствіе этого очень оригинальный видъ: такъ, напр., передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики стали печататься въ формѣ корреспонденцій изъ Москвы, Лондона, Вѣны и т. д., или въ „юридическомъ отдѣлѣ“, въ видѣ рецензій на русскія и иностранныя сочиненія; отчеты о театральныхъ представленіяхъ писались въ видѣ литературнаго разбора новой пьесы; за отсутствіе нѣкоторыхъ отдѣловъ, которыхъ нельзя было наполнить даже и при помощи этого вынужденнаго переодѣванья, редакція старалась вознаграждать читателей обиліемъ и полнотою извѣстій. Но публика, не подозрѣвавшая истинной причины такого превращенія общей газеты въ спеціальную и не привыкшая искать обычныхъ отдѣловъ ежедневнаго изданія въ необычномъ мѣстѣ, не могла поддержать газету и спасти ее отъ неминуемаго паденія. Промучившись такимъ образомъ два мѣсяца, редакція „Сѣв. Вѣстника“ должна была искать выхода въ какой-нибудь новой комбинаціи. Одинъ изъ давнишнихъ сотрудниковъ В. Ѳ. по „С.-Петербургск. Вѣдомостямъ“, принимавшій участіе также и въ „Сѣв. Вѣстникѣ“, выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе на изданіе новой газеты „Нев-

скій Вѣстникъ", по общей, широкой программѣ. Эту-то газету и рѣшено было издавать вмѣсто „Сѣв. Вѣстника", по-прежнему, подъ фактическою редакціею В. Ѳ. Но прежде чѣмъ явилась возможность сообщить публикѣ объ этой перемѣнѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о закрытіи „Сѣв. Вѣстника", газета была запрещена навсегда, по Высочайшему повелѣнію (мартъ 1878), за вредное направленіе, выразившееся въ напечатаніи письма Вѣры Засуличъ, только что оправданной петербургскимъ окружнымъ судомъ по дѣлу о покушеніи на жизнь г.-ад. Трепова. Вскорѣ послѣ того умеръ и предполагавшійся редакторъ-издатель „Невскаго Вѣстника", и замѣнить чѣмъ-либо „Сѣв. Вѣстникъ" оказалось рѣшительно невозможнымъ.

Разоренный матеріально, такъ какъ на него пали всѣ долговыя обязательства прекратившагося изданія, и разбитый нравственно, В. Ѳ. долженъ былъ искать себѣ литературнаго заработка въ какомъ-нибудь чужомъ изданіи. Въ это время имъ было написано нѣсколько статей для „Вѣстника Европы"; кромѣ того, онъ началъ вести въ газетѣ „Молва" отдѣлъ литературной критики, подписываясь псевдонимомъ „Отшельникъ". Вскорѣ, впрочемъ, ему представилась возможность опять занять видное мѣсто въ редакціи новой газеты „Русская Правда", предпринятой Д. К. Гирсомъ съ октября 1878 года. Здѣсь В. Ѳ. завѣдывалъ преимущественно политическимъ отдѣломъ. Но и эта газета, въ которой приняли участіе многіе изъ прежнихъ сотрудниковъ В. Ѳ., оказалась не въ силахъ долго бороться съ матеріальными неудачами и внѣшними препятствіями и, послѣ нѣсколькихъ перерывовъ, была вынуждена прекратить свое существованіе...

Одновременно съ сотрудничествомъ въ „Вѣстникѣ Европы" и „Русской Правдѣ", В. Ѳ. нашелъ средство осуществить давно занимавшую его мысль объ изданіи „Всеобщей исторіи литературы". Матеріальную часть

этого предпріятія взялъ на себя извѣстный книгопродавецъ К. Л. Риккеръ, а вся редакціонная работа, выборъ сотрудниковъ, литературныя сношенія и пр., были предоставлены В. Θ., который и принялся за это дѣло съ необыкновенною энергіею. Занятіе этимъ нелегкимъ и сложнымъ трудомъ еще разъ показало, какимъ богатымъ запасомъ силъ, знаній и способности къ неутомимой умственной работѣ обладалъ В. Θ., относившійся къ своей задачѣ съ чрезвычайною любовью и добросовѣстностью. Съ марта 1880 по августъ 1882 года вышло въ свѣтъ 15 выпусковъ „Всеобщей исторіи литературы". Здѣсь В. Θ-чу принадлежитъ общее введеніе и обширная исторія греческой литературы, для составленія которой онъ перечиталъ чуть ли не всѣхъ греческихъ писателей и массу новѣйшихъ ученыхъ изслѣдованій. Кромѣ того, В. Θ. взялъ на себя составленіе исторіи всѣхъ европейскихъ литературъ, начиная съ XVII вѣка до настоящаго времени; но этого труда онъ уже не успѣлъ начать; онъ только готовился къ нему усиленнымъ чтеніемъ, и однимъ изъ результатовъ этой подготовительной работы явился напечатанный въ „Вѣстн. Европы" этюдъ о Вольтерѣ, для составленія котораго В. Θ. перечиталъ всѣ сочиненія этого плодовитаго писателя.

Въ 1880 году, наконецъ, общее положеніе русской печати значительно измѣнилось къ лучшему, такъ что В. Θ. получилъ возможность снова выступить на журнальное поприще. Ему было безъ особеннаго труда разрѣшено изданіе большой ежедневной газеты „Печать", съ самою широкою программою; но, не смотря на то, что всѣми сознавалась потребность въ новомъ серьезномъ, безпристрастномъ и фактически-полномъ печатномъ органѣ, В. Θ., при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могъ найти достаточныхъ средствъ, чтобы начать изданіе этой газеты. Приходилось терпѣливо дожидаться исполненія разныхъ, далеко не вполнѣ надежныхъ, обѣщаній; а между

тѣмъ, горячее время уходило, и каждый лишній день молчанія былъ трудно вознаградимою потерею. Въ виду этого, В. Ѳ. рѣшилъ ограничиться, хотя бы на первое время, изданіемъ еженедѣльной газеты „Литераторъ", по программѣ, напоминающей нѣкогда замышлявшуюся имъ „Литературную Лѣтопись". Участіе, принятое В. Ѳ., съ начала 1881 года, въ газетѣ М. М. Стасюлевича „Порядокъ", гдѣ ему было поручено редактированіе политическаго отдѣла, и одновременное сотрудничество въ „Вѣстникѣ Европы", гдѣ онъ велъ тотъ же отдѣлъ, на нѣкоторое время отвлекли его отъ мысли основать собственное изданіе; но въ половинѣ того же года онъ снова вернулся къ этой мысли и рѣшилъ издавать — уже не еженедѣльную литературную газету, а ежемѣсячный журналъ „Заграничный Вѣстникъ", программа котораго была лишь дальнѣйшимъ развитіемъ первоначально задуманнаго „Литератора". Журналъ началъ выходить съ октября 1881 года. Сначала, повидимому, публика отнеслась къ журналу очень хорошо; но, чтобы выдержать первый годъ изданія, у В. Ѳ. не нашлось ни запаснаго фонда, ни кредита. Къ тому же, оказалось, что журналъ этотъ слишкомъ серьезенъ для „большой" публики, требующей по преимуществу легкой переводной беллетристики, не справляясь о литературныхъ достоинствахъ того, чтò ей предлагаютъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ денежными затрудненіями, обусловило неуспѣхъ журнала. Но въ самой этой неудачѣ „Заграничнаго Вѣстника" сказалась вся строгая добросовѣстность В. Ѳ., какъ журналиста: ради вкусовъ толпы, онъ не хотѣлъ поступиться своимъ серьезнымъ взглядомъ на воспитательное значеніе литературы.

Многолѣтняя, напряженная умственная дѣятельность и нравственныя тревоги, постоянные поиски кредита на продолженіе начатаго дѣла и горькое разочарованіе въ возможности его упрочить, наконецъ — ежедневная, тя-

желая забота о кускѣ насущнаго хлѣба для себя и для семьи — все это не могло не отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на здоровьѣ В. Ѳ. и въ особенности — на состояніи его нервной системы. Такихъ испытаній, какія выпали на его долю, не могъ бы долго выдержать и несравненно болѣе крѣпкій организмъ. Мучительный недугъ съ каждымъ днемъ замѣтно подкашивалъ его силы. Сначала у него разстроилось зрѣніе, затѣмъ наступилъ упадокъ силъ, котораго уже не могли поправить никакіе врачи, ни въ Москвѣ и Петербургѣ, ни въ Киссингенѣ, куда его отправили въ надеждѣ на цѣлебныя свойства мѣстныхъ водъ и откуда его, уже полуживымъ, пришлось перевезти въ Гейдельбергъ, въ клинику проф. Эрба. Здѣсь болѣзнь, еще осложнившаяся въ послѣднее время ракомъ зѣва, свела его въ преждевременную могилу. В. Ѳ. скончался на 55-мъ году жизни, 25 іюня 1883 г., вдали отъ семьи и отъ родины, которую онъ такъ горячо любилъ и которой отдавалъ всѣ свои силы, — въ томъ самомъ Гейдельбергѣ, гдѣ, за восемь лѣтъ передъ тѣмъ, онъ отдыхалъ за научными занятіями послѣ продолжительнаго редакторскаго труда...

Тѣло покойнаго было привезено въ Россію и погребено въ Петербургѣ, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, не вдалекѣ отъ могилъ Некрасова и Иванова.

Свѣтлая личность этого честнаго труженика, испившаго до дна горькую чашу нравственныхъ мученій отъ невозможности осуществить свои завѣтныя мечты, занимаетъ высокое мѣсто въ ряду нашихъ литературныхъ дѣятелей послѣдняго двадцатилѣтія. В. Ѳ. принадлежалъ къ числу людей, искренно преданныхъ общимъ интересамъ своей страны. Лучшія стремленія современности всегда находили живой отголосокъ въ его симпатичной душѣ, въ которой до конца сохранилась юношеская свѣжесть и воспріимчивость. Честное гражданское чувство и убѣжденіе никогда не покидали его во всѣхъ разно-

образныхъ испытаніяхъ, какія выпадали на его долю, и нѣтъ сомнѣнія, что при условіяхъ болѣе благопріятныхъ, передъ его литературными способностями открылось-бы болѣе широкое поле дѣятельности. Судьба судила иначе. Но и то, что̀ сдѣлано В. Ѳ. въ окружавшихъ его болѣе чѣмъ скромныхъ условіяхъ, не можетъ пройти безслѣдно; „нерукотворный памятникъ", воздвигнутый имъ себѣ, надолго переживетъ его, и каждый, кому дороги и близки судьбы родной литературы, будетъ съ благодарностью вспоминать о дѣятельности этого человѣка, такъ много потрудившагося на пользу русскаго печатнаго слова и общественнаго самосознанія и до конца сохранившаго вѣру въ идеалы лучшихъ дней своей юности. Значеніе этой дѣятельности и теперь понимается и признается всѣми образованными русскими людьми; но современемъ, когда наступитъ часъ исторической критики, когда потомство будетъ взвѣшивать на вѣсахъ исторіи, съ одной стороны—дѣянія тѣхъ людей, которые всю свою жизнь отдали на служеніе идеямъ прогресса и гуманности, правды и добра, а съ другой—подвиги тѣхъ, кто всѣми силами мѣшалъ и вредилъ развитію этихъ идей, тогда заслуга В. Ѳ. Корша передъ русскимъ обществомъ выяснится значительно больше и полнѣе, и его образъ явится высокимъ, полнымъ поучительности, примѣромъ для будущихъ литературныхъ поколѣній.

П. Морозовъ.

ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ ВЪ ЖИЗНИ ЛАССАЛЯ.

Прошло почти шестнадцать лѣтъ со времени трагической смерти нѣмецкаго ученаго, агитатора и представителя извѣстной соціальной идеи, Лассаля. Въ теченіи этихъ шестнадцати лѣтъ въ Германіи не переставали появляться брошюры, вызванныя этимъ неожиданнымъ тогда событіемъ,—брошюры, писанныя людьми, принимавшими, такъ или иначе, дѣятельное участіе въ томъ романѣ, въ тѣхъ сердечныхъ отношеніяхъ, которыя были ближайшей причиной его преждевременной смерти. Въ печати появились его сокровеннѣйшія бесѣды, письма и телеграммы, его личныя сношенія съ друзьями и недругами за послѣдніе мѣсяцы жизни, и вся эта исторія теперь выяснена до мельчайшихъ подробностей, особенно съ прошлаго года, когда сама героиня этого послѣдняго романа въ жизни Лассаля, сознавая, какъ незавидна была ея роль въ этомъ печальномъ дѣлѣ, нашла нужнымъ описать его сама, съ своей точки зрѣнія, въ надеждѣ, что къ ней будетъ примѣнена мудрая французская поговорка: tout comprendre—c'est tout pardonner. Мы говоримъ о брошюрѣ Елены фонъ-Раковица: «Meine Beziehungen zu Ferdinand Lassalle», которая нашла даже нужнымъ увѣковѣчить свои черты приложеннымъ къ этой брошюрѣ портретомъ. Съ этой и другими брошю-

рами въ рукахъ, теперь можно положительно сказать, съ полнымъ знаніемъ дѣла, что Лассаль погибъ жертвой страсти къ дѣвушкѣ, которая совсѣмъ не понимала его, которая по воспитанію и характеру была его антиподомъ, которая смотрѣла на свои отношенія къ нему, какъ на случайное, но интересное и возбуждающее «приключеніе», внѣ того пустого великосвѣтскаго кружка, гдѣ она выросла и вращалась, и, увѣряя его въ полной взаимности ихъ чувства, только кокетничала съ нимъ въ то время, когда онъ ставилъ на карту свою жизнь, чтобы вырвать это пустое и недостойное существо изъ рукъ безчестнаго отца и глупой, безсердечной матери.

Слишкомъ два года тому назадъ, въ «Вѣстникѣ Европы» была напечатана характерная переписка Лассаля съ одной изъ нашихъ соотечественницъ, съ которою Лассаль случайно встрѣтился въ Ахенѣ и которая, противъ своего желанія, зажгла въ немъ пылкую страсть, признанія которой составляютъ содержаніе его переписки съ нею. Это было еще въ 60-мъ и 61-мъ годахъ, когда Лассаль, до тѣхъ поръ исключительно преданный тому, что онъ считалъ своей общественной задачей и своимъ призваніемъ, мучительно искалъ сердечной жизни и личнаго счастія, когда блистательные успѣхи надъ политическими противниками казались ему очень многимъ для его ума и гордости, но ровно ничѣмъ — для его сердца. Онъ былъ тогда въ цвѣтѣ лѣтъ и жаждалъ женской беззавѣтной привязанности, какой обыкновенно не находитъ мужчина, когда самъ носитъ способность къ ней въ своемъ сердцѣ. Въ концѣ іюля 1863 года, когда привязанность его къ нашей соотечественницѣ еще не совсѣмъ угасла, когда онъ еще писалъ ей, отказавшей ему во взаимности, что онъ особенно взволнованъ, увидавъ снова ея почеркъ, и уже завязывались его близкія отношенія къ другой дѣвушкѣ, виновницѣ его гибели, онъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ умныхъ и выразительныхъ писемъ: «Мнѣ нужно личное счастіе, а у меня его вовсе нѣтъ. Я еще имѣю всѣхъ

моихъ друзей, но ничего, что̀ наполняло бы мнѣ сердце, а я, кажется, достаточно глупъ, чтобы нуждаться въ этомъ. Итакъ, довольство ума—вотъ грустный удѣлъ моей души».

И страстная натура его боролась противъ этого грустнаго удѣла со всѣмъ пыломъ сильнаго и цѣльнаго чувства, не допускавшаго никакихъ колебаній, стремившагося поглотить любимое существо и, въ свою очередь, отдаться ему вполнѣ, безъ остатка. Послѣдній романъ Лассаля, который мы хотимъ разсказать на основаніи подлинныхъ его писемъ и разсказовъ самой его героини, былъ плодомъ новаго порыва одинокой и глубоко-симпатичной души къ личному счастію, къ женской привязанности. Судьба, обстоятельства оставляли эти страстные порывы неудовлетворенными, и трагическій исходъ ихъ становится вполнѣ естественнымъ и понятнымъ въ виду той непреклонной послѣдовательности, съ какою предавалась имъ цѣльная натура Лассаля. Онъ былъ невысокаго мнѣнія объ умственной развитости нѣмецкихъ женщинъ. За исключеніемъ старой графини Гацфельдъ, которую онъ вырвалъ силою своего ораторскаго таланта и необычайной настойчивости изъ когтей гнуснаго мужа, доставивъ ей независимость и большое состояніе, онъ не находилъ въ нѣмецкомъ обществѣ такой женщины, которая отвѣчала бы его умственнымъ и нравственнымъ требованіямъ. И вотъ, онъ влюбляется въ русскую дѣвушку. Эта дѣвушка цѣнитъ его привязанность, отдаетъ справедливость его талантамъ, она рада его дружбѣ и готова особенно дорожить ею; но она выросла въ русской средѣ, въ русской деревнѣ; онъ для нея чужой человѣкъ, иностранецъ, она не чувствуетъ къ нему ничего, кромѣ самой искренней дружбы, а онъ кипитъ страстью, онъ хочетъ полной взаимности или разлуки, всего или ничего, онъ сначала надѣется, онъ рыдаетъ, какъ дитя, умоляя о взаимности, и когда рушится всякая надежда, когда его сердечное одиночество становится мучительнымъ, невыносимымъ, и въ душѣ еще живы отголоски нераздѣленной

страсти, онъ заглушаетъ ихъ новой привязанностью, на этотъ разъ еще менѣе счастливой, которая открываетъ передъ нимъ могилу.

Въ этомъ отношеніи жизнь и личность Лассаля, особенно его послѣдній романъ, представляютъ большой психологическій интересъ, даже независимо отъ крупнаго ихъ общественнаго значенія. Передъ нами его письма, въ которыхъ онъ исповѣдуетъ свою душу передъ двумя, страстно-любимыми имъ женщинами. Начало его сильной привязанности къ нашей соотечественницѣ относится къ концу 60-го года; два года спустя, онъ переноситъ ту же привязанность на другую дѣвушку, и высказываетъ ей тѣ же свои задушевныя убѣжденія, тѣ же мысли и чувства, свидѣтельствующія о глубокой и полной искренности этого человѣка, закрѣпленной потомъ его смертью. И въ той, и въ другой перепискѣ тѣ же сильныя и рѣзкія мнѣнія, тѣ же противорѣчія, всегда порождаемыя разладомъ стремленій съ данною дѣйствительностью, та же сила воли, та же самоувѣренность, близкая къ самообожанію, но вмѣстѣ и та же безкорыстная и безграничная преданность разъ выработанному убѣжденію и сложившемуся чувству. Лассаль писалъ много, писалъ по цѣлымъ днямъ; онъ былъ неутомимъ въ своей и дѣловой, и сердечной перепискѣ, въ своей публицистической дѣятельности; и тѣмъ не менѣе, онъ отзывается съ ужасомъ и презрѣніемъ о журнальной дѣятельности, какъ о проституціи, какъ-будто нельзя и въ журналистикѣ остаться вѣрнымъ избранному направленію и опредѣленной задачѣ. Нераздѣльно преданный одной идеѣ, кототорою была проникнута вся его общественная дѣятельность, преслѣдуемый администраціей и судами, предупреждая любимыхъ имъ женщинъ, что въ супружествѣ съ нимъ ихъ ожидаютъ, быть можетъ, тюрьма, изгнаніе и нищета, онъ рѣзко высказывался противъ самопожертвованія, называлъ его глупостью, говорилъ, что нелѣпо жертвовать своимъ спокойствіемъ и счастьемъ для

спокойствія и счастія другихъ въ отдаленномъ будущемъ. Такія противорѣчія легко объяснимы. Эта богатая натура была одарена слишкомъ большими жизненными силами, чтобы не стремиться жить на всѣхъ парахъ, чтобы не ожидать со дня на день побѣдоноснаго разрѣшенія ея задачъ и стремленій. Избытокъ силъ порождалъ въ немъ преувеличенныя надежды на близкое торжество его идеи, а всѣ мы знаемъ, какъ сильно поднимаютъ людей преувеличенныя надежды, и какъ жестоко принижаетъ и убиваетъ ихъ отсутствіе надеждъ. Если прибавить къ этому, что Лассаль умеръ еще молодымъ человѣкомъ, что ему не было и сорока лѣтъ, когда его сразила вражеская пуля, то мы вполнѣ поймемъ его искреннія противорѣчія, его самообольщеніе, смѣнявшееся горькими жалобами на скудость добытыхъ результатовъ, и самоувѣренность, не всегда оправдываемую горькими ошибками, изъ которыхъ одна стоила ему жизни.

I.

Зимой и весной 1862 года, у берлинскаго адвоката Гирземенцеля и его жены, миловидной блондинки, были вторники, на которые собиралось по вечерамъ многочисленное общество. Вторники эти представляли одну, впрочемъ исключительно хозяйственную, особенность. Хозяева не имѣя домашней кухни, не могли предлагать гостямъ ничего съѣстнаго, кромѣ хлѣба и масла; но каждый гость заявлялъ, чего онъ желаетъ, и горничная хозяевъ приносила все это изъ сосѣдняго ресторана. Зато вино Гирземенцеля славилось въ Берлинѣ, и хозяинъ любезно и щедро угощалъ имъ свое общество: онъ имѣлъ въ Берлинѣ свой погребъ, и лучшія его вина были всегда къ услугамъ гостей.

Въ одинъ изъ этихъ вторниковъ, въ девять часовъ вечера, къ Гирземенцелямъ пріѣхала, въ сопровожденіи ка-

кихъ-то родственниковъ, красивая девятнадцатилѣтняя дѣвушка, незадолго передъ тѣмъ сблизившаяся съ хозяйкой дома. Ее звали Елена Дённигесъ. Гостей собралось еще немного; но любезная хозяйка, привѣтствуя свою юную гостью, тѣмъ не менѣе поспѣшила шепнуть ей: «Онъ здѣсь!»

— Пожалуйста, не представляйте насъ другъ другу, тихо отвѣчала ей гостья. Мнѣ не хочется, чтобъ онъ тотчасъ замѣтилъ меня; на это есть свои причины.

Комната, гдѣ хозяйка и юная гостья обмѣнялись этими неслышными другимъ словами, была уставлена рѣзною мебелью съ высокими спинками, и дѣвушка поспѣшно опустилась на табуретъ за спинкой софы, стоявшей посреди комнаты, гдѣ она могла, оставаясь сама незамѣченной, видѣть сквозь рѣзьбу все, что̀ происходитъ кругомъ.

Хозяйка между тѣмъ подошла къ двери, ведущей въ кабинетъ мужа, и сказала:

— Теперь пожалуйте, господа: здѣсь больше гостей.

Въ кабинетѣ Гирземенцеля, плохо освѣщенномъ небольшою зеленою лампой, было накурено, и изъ пріемной комнаты нельзя было различить гостей хозяина. Но въ дверяхъ вскорѣ показались три фигуры: хозяинъ, подлѣ него какой-то малорослый, безобразный еврей и высокій, стройный, красивый мужчина съ блестящими глазами, широко раскрытыми въ эту минуту подъ вліяніемъ оживленнаго разговора.

— Какъ жаль, — подумала дѣвушка, что «онъ» — не этотъ красивый и стройный мужчина.

Она знала только, что «онъ» — еврей, и приняла за «него» малорослаго и некрасиваго гостя. Продолжая начатый въ кабинетѣ разговоръ объ одномъ новомъ сочиненіи, вошедшіе заняли мѣста въ гостиной. Самый интересный изъ нихъ — это былъ «онъ», Лассаль — помѣстился на той софѣ, за которой, на табуретѣ, скрывалась Елена.

Дѣвушка всматривалась въ некрасиваго еврея, предполагая въ немъ Лассаля, о которомъ ей говорили многіе,

будто онъ и она созданы другъ для друга. Но это продолжалось не долго. Интересный гость, помѣстившійся на софѣ, заговорилъ горячо и красиво, и она забыла все остальное... Но усидѣть въ своемъ уединеніи она все-таки не могла. Когда говорившій высказалъ мысль, которой она не поняла, или которая показалась ей невѣрной, она кокетливо вскочила съ своего табурета, мигомъ очутилась подлѣ него и громко возразила:

— Нѣтъ, я другаго мнѣнія!

Краснорѣчивый гость, изумленный внезапнымъ возраженіемъ, привсталъ съ своего мѣста и молча взглянулъ на свою оппонентку.

— Нѣтъ? — спросилъ онъ:—Отрицаніе — вотъ что приходится мнѣ прежде всего услышать отъ этого существа? Вотъ вы какая — вѣдь это вы? Да, да! Я такъ и представлялъ себѣ васъ! Такъ и должно быть.

Дѣвушка обратилась было къ хозяйкѣ съ просьбой представить ихъ другъ другу, но онъ тихо взялъ ее за руку и сказалъ:

— Зачѣмъ? Вѣдь мы уже знакомы. Вы знаете, кто̀ я, а вы, вы — Брунгильда, Адріенна Кардовиль [1]), та плутовка, о которой мнѣ разсказывалъ Корфъ, — однимъ словомъ, вы — Елена!

Дѣвушка засмѣялась и тотчасъ поняла, что это «онъ», что она, къ счастію, заблуждалась на счетъ его наружности. Онъ казался ей величественнымъ, несокрушимымъ, подавляющимъ своею привлекательностью. Онъ называлъ ее Брунгильдой, потому что желалъ быть самъ ея Зигфридомъ. Ей было все равно, о чемъ и что̀ онъ говорилъ съ ней въ этотъ вечеръ. Ей было важно только то, что они встрѣтились и что у нея завязались новыя, интересныя отношенія. Когда хозяйка пригласила гостей ужинать, Елена и привлекательный ея собесѣдникъ встали, взявшись за

---

[1]) Изъ «Вѣчнаго жида» Эженя Сю.

руки, и за столомъ проболтали всю ночь, до четырехъ часовъ утра. Онъ любовался ею, называлъ себя Зигфирдомъ, ее — новой Брунгильдой, и дѣтски радовался тому, что она любитъ хорошее вино.

— Прелестно! — говорилъ онъ. — Я всегда желалъ такой жены, которая умѣетъ цѣнить благородное вино. Мы будемъ пользоваться моимъ погребомъ на славу!

Когда наступитъ это время и ка̀къ достигнуть имъ такого союза — объ этомъ не было рѣчи. Это подразумѣвалось само собою, какъ нѣчто несомнѣнное.

Въ это время кто-то подошелъ къ Лассалю съ картами и спросилъ его мнѣнія объ одной азартной игрѣ. Лассаль взялъ карты, перемѣшалъ ихъ, показалъ какъ играть, но потомъ вдругъ отстранилъ ихъ и нетерпѣливо сказалъ:

— Это до насъ не касается. Оставьте меня въ покоѣ, оставьте насъ однихъ.

Въ четыре часа все было убрано со стола и гости стали расходиться, въ томъ числѣ и Елена съ своими родственниками: молодой, но очень чопорной дамой и пожилымъ господиномъ. Лассаль подалъ ей плащъ, приговáривая:

— Скорѣй, скорѣй! Пойдемъ, пожалуйста.

Онъ не только сказалъ ей: ты, но вышедши съ нею за дверь, въ сопровожденіи ея родственниковъ, взялъ ее на руки, какъ ребенка, и понесъ съ лѣстницы; спустившись, онъ опять поставилъ ее на ноги, предложилъ ей свою руку и, помолчавъ минуту, сказалъ:

— Теперь намъ надо поговорить и о дѣлѣ. Когда мы увидимся опять и когда мнѣ пріѣхать къ твоей бабушкѣ, чтобы на чистоту объясниться съ нею.

Елена знала, какъ враждебно относятся къ нему ея домашніе, и затруднилась отвѣтить разомъ на эти вопросы.

— Нѣтъ, не пріѣзжайте, — сказала она послѣ нѣкотораго колебанія: теперь вамъ нельзя пріѣхать; со временемъ — можетъ быть, но отнюдь не теперь. Препятствій такъ много, да и бабушла сильно хвораетъ.

Была ясная и свѣжая весенняя ночь; деревья еще не распустились; по одну сторону возвращавшейся четы стоялъ безмолвной и темной массой Тиргартенъ, и только въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ раздавались шаги двухъ родственныхъ спутниковъ Елены.

Лассаль остановился и заставилъ ее посмотрѣть ему въ глаза, а потомъ сказалъ тихо, почти жалобнымъ тономъ:

— Дитя! Дитя! Зачѣмъ ты затрудняешь развязку? Къ чему откладывать то, что̀ рано или поздно должно непремѣнно случиться? Развѣ ты не чувствуешъ, какъ и я, что судьба предназначила насъ другъ другу? Развѣ не знаешь, что нельзя безнаказанно играть своей судьбой?

Елена молчала. Легкая дрожь пробѣжала по ней, и впервые охватила ее ощущеніе, съ тѣхъ поръ уже никогда не покидавшее ее въ присутствіи Лассаля — ощущеніе сладостнаго страха, исчезновенія собственной воли и полнаго подчиненія его авторитету.

Она уже не смѣла противорѣчить ему, хотя и желала высказать свои возраженія. Видя ея замѣшательство, Лассаль нѣжно сказалъ ей:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, чтобъ ты страдала. Вѣдь ты дитя, нѣжное, слабое дитя, и я сдѣлаю все, что прикажутъ твои дѣтскія уста. Разумѣется, жаль будетъ потеряннаго времени, но бѣда не велика: передъ нами еще долгая, счастливая будущность.

Эти слова успокоили ее. Она легко вздохнула, и Лассаль сказалъ ей, смѣясь:

— Какой же ты ребенокъ, какая плутовка! Ты вѣдь знаешь, что Корфъ называетъ тебя златокудрой плутовкой? На другой день послѣ бала, гдѣ онъ видѣлъ тебя въ первый разъ, онъ былъ у меня и, входя, уже въ дверяхъ крикнулъ мнѣ: я нашелъ вамъ жену, Лассаль, но она — лисица!

Такъ дошли они до дому Елены, гдѣ разстались какъ старые знакомые, которымъ предстоитъ завтра же увидѣться опять.

II.

Кто же была эта дѣвушка, которой Лассаль при первомъ же знакомствѣ могъ уже говорить ты и носить на рукахъ, и почему она и жена Гирземенцеля придавали такое значеніе его присутствію въ этотъ вторникъ, на обычномъ вечерѣ у адвоката?

Елена была дочь бывшаго доцента, баварскаго придворнаго и дипломатическаго чиновника Дённигеса, прежде наставника баварскаго наслѣднаго принца. Это былъ одинъ изъ тѣхъ полусвѣтскихъ людей, которые умѣютъ только жуировать жизнію и извлекать изъ своего выгоднаго общественнаго положенія все то, что можетъ этому способствовать. Наука и литература съ ихъ идеями привлекательны для нихъ только съ этой своей пріятной стороны. Человѣкъ, по-своему образованный, у котораго собиралась пообѣдать и повеселиться баварская и вообще нѣмецкая аристократія и интеллигенція, фонъ-Дённигесъ всего менѣе заботился о воспитаніи своихъ дѣтей. Не больше заботилась о немъ и подруга его жизни, моложавая и великосвѣтская дама, погруженная въ удовольствія и развлеченія. Воспитаніе дѣтей было предоставлено гувернанткамъ, но предоставлено лишь настолько, насколько это не мѣшало дѣтямъ проникаться легкомысліемъ и слабохарактерностью. Никакой системы, никакой выдержки, никакихъ серьёзныхъ заботъ и цѣлей не имѣли въ виду эти постоянно услаждавшіе себя родители. Когда Еленѣ пошелъ двѣнадцатый годъ, родители уже открыли передъ нею двери свѣта. Физически дѣвочка развилась очень рано. Двѣнадцати лѣтъ она уже не уступала ростомъ и фигурой юнымъ девятнадцатилѣтнимъ дамамъ, и мать ея, красивая женщина, окруженная поклонниками и удовольствіями, была еще такъ молода, что находила забавнымъ имѣть такую «взрослую» дочь.

Одинъ, почти невѣроятный случай въ дѣтствѣ Елены показалъ, какъ легко смотрѣли родители на призваніе дѣвушки, какъ презрительно относились эти «образованные» люди къ ея человѣческому праву на нравственную физіономію и самостоятельность. Когда ей было всего двѣнадцать лѣтъ, они задумали соединить ее на вѣки съ сорокалѣтнимъ итальянскимъ генераломъ, котораго она еще ни разу не видала и который снискалъ благосклонность ея матери своимъ особеннымъ кулинарнымъ искусствомъ. Въ своей поѣздкѣ на островъ Сардинію, супруги Дённигесъ познакомились и сблизились съ комендантомъ Алессандріи, который вскорѣ плѣнился портретомъ Елены, и обѣщали выдать за него свою дочь. Воображеніе дѣвочки съ дѣтства было пропитано смутными мечтаніями о бракѣ, роскоши, удовольствіяхъ; оно было сильно развито въ ней на счетъ другихъ способностей, и при томъ съ чувственной стороны; теперь мать постоянно твердила ей, какъ прелестно, будучи еще ребенкомъ, сдѣлаться генеральшей, «превосходительствомъ», какъ щедра на роскошь и удовольствія любовь пожилого мужа. Только такой мужъ, говорила она дѣвочкѣ, умѣетъ истинно любить молодую жену и сдѣлать ее вполнѣ счастливою, только такой мужъ будетъ ей вѣчно благодаренъ за ея расположеніе, даже за одно ея согласіе быть его женою. Страстныя посланія пожилаго итальянца также дѣлали свое дѣло. Дѣвочка съ гордостью показывала ихъ своимъ подругамъ и кичилась передъ ними, радуясь ихъ зависти. Она бредила бархатомъ и драгоцѣнными украшеніями, многочисленной прислугой и роскошной обстановкой, величалась своей сокрушительной красотой, мечтала о возможности имѣть любовниковъ послѣ брака. Но эти развращающія грезы плѣняли ее только заочно, пока «женихъ» не предсталъ ей самъ во всей своей оригинальной непривлекательности. «Женихъ» произвелъ на дѣвочку ужасающее впечатлѣніе; но отъ него защитила и спасла ее только бабушка по матери, обожавшая свою

внучку. Бабушка убѣдила родителей оставить дѣвочку въ покоѣ и отпустить ее съ нею въ Берлинъ, гдѣ она жила постоянно.

При всей своей любви къ Еленѣ, бабушка не могла дать ей другое воспитаніе. Она боготворила свою внучку, безпрекословно подчинялась ей дѣтской, капризной и испорченной волѣ и баловала ее безъ всякой мѣры. Дѣвочка росла въ полномъ убѣжденіи, что ей одной позволительно многое, что̀ непозволительно другимъ, становилась все болѣе и болѣ прихотливой и эксцентричной. По примѣру бабушки, всѣ родные и знакомые всячески баловали внучку. Въ числѣ послѣднихъ былъ черноволосый и черноглазый мальчикъ Янко, князь Раковица, не много моложе Елены, игравшій очень незавидную роль въ ея жизни. Влюбленный Янко сначала нравился Еленѣ, и навсегда остался ея покорнѣйшимъ слугою; она прозвала его своимъ «мавританскимъ пажемъ», любила бесѣдовать съ нимъ по-французски и уже мечтала воспитать себѣ въ немъ мужа, вполнѣ отвѣчающаго ея вкусамъ, способнаго стать ея орудіемъ, ея собственностью. Но эти планы нимало не помѣшали Еленѣ, вскорѣ попавшей опять изъ Берлина къ родителямъ, въ Италію, гдѣ отецъ ея занималъ дипломатическій постъ, влюбиться тамъ въ одного юнаго русскаго моряка. Подъ вліяніемъ новаго увлеченія, у ней достало духу объявить пожилому итальянскому генералу, что онъ всегда былъ ей несносенъ, а теперь сталъ ненавистенъ. Мать была внѣ себя отъ этого отказа, но Елена предоставила бабушкѣ укротить ее; итальянскій генералъ поспѣшилъ удалиться, и все это чудовищное сватовство окончилось ничѣмъ.

Елена провела нѣсколько лѣтъ бо̀льшею частью въ Ниццѣ, среди цвѣтовъ и морскихъ прогулокъ, въ чаду увеселительныхъ кавалькадъ и ежедневныхъ развлеченій. Единственнымъ ея стремленіемъ было прослыть искуснѣйшей и отважнѣйшей наѣздницей, прелестнѣйшей танцовщицей, царицей проказъ и всякаго веселья. Бабушка ужас-

нулась послѣдствій такой жизни и рѣшилась спасти любимую внучку, т. е. опять увезти ее съ собою въ Берлинъ. Дѣвушка съ радостью согласилась на новое переселеніе; она жаждала все новыхъ и новыхъ впечатлѣній; ей хотѣлось попасть въ новое общество, увидать нѣмецкій театръ, а тутъ, подлѣ родителей, ничто не привязывало ее къ семьѣ и домашнему крову.

И вотъ, зимой 1861 года, бабушка съ внучкой опять поселились въ Берлинѣ. Публичныя лекціи, мастерскія художниковъ, балы, концерты и театръ поглотили все вниманіе юной наѣздницы. Янко былъ опять съ нею и терпѣливо выслушивалъ ея сужденія обо всемъ, что̀ она видѣла и слышала; на немъ лежала обязанность непремѣнно раздѣлять ея порывы и вспышки, подъ страхомъ подвергнуться ея неудовольствію и гнѣву.

Весь берлинскій свѣтъ и артистическій міръ хорошо зналъ въ то время гостепріимный домъ стараго президента Бонсери и радушной маленькой президентши, отличавшейся своею необыкновенною любезностью. Въ январѣ 1862 года у нихъ былъ блестящій балъ. Съ особеннымъ вниманіемъ занялась своимъ туалетомъ Елена. Ей предстояло встрѣтиться на балу съ артистами и артистками берлинской сцены, передъ которыми она не хотѣла посрамить своего вкуса. Въ ярко-освѣщенной большой залѣ она встрѣтилась съ даровитой исполнительницей женскихъ шекспировскихъ ролей, Августой Формесъ. Между нею, г-жой фонъ Бюловъ (нынѣ г-жой Рихардъ Вагнеръ) и Еленой завязался разговоръ à trois, какъ вдругъ Формесъ съ своей обычной живостью встала, взяла за рукавъ одного проходившаго мимо ихъ офицера и громко сказала ему: «идите сюда, баронъ, здѣсь рѣдкое существо, своего рода феноменъ!» И тотчасъ же представила офицера Еленѣ:

— Ротмистръ баронъ Корфъ, зять Мейербера. Вы, конечно уже видѣли прежде эту золотистую ундину, — прибавила она, обращаясь къ барону.

И любезный баронъ тотчасъ пригласилъ свою новую знакомку на вальсъ.

По поводу брака его съ старшей дочерью Мейербера, въ Берлинѣ было много толковъ о необычныхъ похожденіяхъ барона; его оригинальность нравилась Еленѣ, съ раннихъ лѣтъ пресыщенной всякаго рода удовольствіями и искавшей эксцентрическихъ встрѣчъ и похожденій. Она сразу отнеслась къ нему, какъ къ старому знакомому. Удивленный ея свободнымъ обращеніемъ, онъ пристально посмотрѣлъ на нее и вдругъ спросилъ: «Вы знаете Лассаля?»

Елена, живя въ Италіи, ни разу не слышала этого имени. Она отвѣчала, что не знаетъ его, но баронъ стоялъ на своемъ.

— А все-таки вы его знаете!—сказалъ онъ.—Такъ можетъ говорить только дѣвушка, знающая Лассаля и раздѣляющая его мнѣнія.

— Я говорю вамъ, что не знаю его. Кто это Лассаль?

— Стыдно, стыдно! — серьёзно сказалъ баронъ. — Не отрицайтесь же его! Предоставьте это малодушному, окружающему насъ обществу. Подадимъ другъ другу руку и скажемъ съ гордостью: мы знаемъ и любимъ его.

— Какой вздоръ! — съ досадой отвѣчала Елена. — Оставьте меня въ покоѣ съ вашимъ скучнымъ незнакомцемъ. Я не знаю его — даю вамъ слово, что не знаю. Вы вѣрите теперь?

— Я долженъ вѣрить — сказалъ баронъ: — но въ такомъ случаѣ не могу не пожалѣть васъ и его за каждый часъ, который вы проводите, не зная другъ друга, потому что вы другъ для друга созданы.

Любопытство, кокетство Елены были до крайности возбуждены этимъ разговоромъ. Они еще усилились недѣли двѣ спустя, на вечерѣ у банкира Жака. За ужиномъ хозяева посадили ее подлѣ человѣка, слывшаго однимъ изъ остроумнѣйшихъ людей въ Берлинѣ, рядомъ съ Карломъ Оль-

денбергомъ. Онъ принадлежалъ къ числу лучшихъ друзей Лассаля и, какъ Корфъ, сказалъ ей за ужиномъ: «Вы рѣдкостное, удивительное существо, — первая дѣвушка, которую я могъ бы представить себѣ женой Лассаля». Елена осыпала своего собесѣдника разспросами, и онъ говорилъ ей о талантѣ и обширныхъ знаніяхъ Лассаля, объ его необыкновенномъ дарѣ увлекать за собою общество, о томъ, что знакомые и друзья предпочитаютъ его вечера всякому другому удовольствію, несмотря на то, что на нихъ присутствуетъ графиня...

— А кто эта графиня?

— Старый другъ Лассаля, шестидесяти лѣтъ, нарумяненная до невозможности, съ піявкообразными поддѣльными бровями, желтой какъ пергаментъ и жилистой шеей, цѣлый день не выпускающая длинной гаванской сигары изъ своихъ поддѣльныхъ зубовъ; но въ умственномъ отношеніи необыкновенная женщина, знающая не хуже любого ученаго политическую экономію и римское право — словомъ, старый мужчина въ женскомъ образѣ.

У Елены составилось поэтому не совсѣмъ привлекательное представленіе о Лассалѣ. Ей говорили только объ его умѣ и знаніяхъ; а тутъ еще эта вѣчно курящая старая графиня, съ которой, по ея мнѣнію, могъ уживаться только уродливый, горбатый и грязный «жидокъ».

На другой день послѣ разговора съ Ольденбергомъ, она спросила бабушку о Лассалѣ. Но бабушка отозвалась, что онъ «ужасный демагогъ», былъ замѣшанъ въ кражѣ какой-то шкатулки и вообще не изъ тѣхъ людей, съ которыми могутъ быть знакомы порядочные люди.

Несчастному Янко пришлось, по волѣ его повелительницы, разузнать побольше о Лассалѣ. И онъ прежде былъ того мнѣнія, что это не нужно для нея, что она, конечно, никогда не встрѣтится съ «такимъ человѣкомъ», однако исполнилъ ея желаніе.

Еленѣ случилось однажды заѣхать по утру къ Гирзе-

менцелямъ. Она застала хозяйку въ очень нарядномъ костюмѣ.

— Вы собираетесь ѣхать? — былъ вопросъ Елены.

— Нѣтъ, мы только-что вернулись домой съ большого и очаровательнаго завтрака у Лассаля.

— Лассаля? Вы знаете Лассаля?

— Еще бы! Лассаль одинъ изъ лучшихъ друзей моего мужа.

— Какая вы счастливая — вы знаете Лассаля! Нельзя ли мнѣ видѣть его у васъ?

— Я съ удовольствіемъ познакомлю васъ. Но это не совсѣмъ легко. Онъ не приходитъ тогда, когда его зовутъ, а только тогда, когда ему вздумается и позволяетъ время. Но по вторникамъ онъ бываетъ у насъ довольно часто. Я дивлюсь, что вы до сихъ поръ не встрѣтили его у насъ во вторникъ.

Случилось такъ, что именно въ ближайшій вторникъ послѣ этого разговора и прозошла та первая встрѣча Лассаля съ Еленой, подробностями которой мы начали нашъ разсказъ.

III.

На другой день, когда пришелъ Янко, Елена начала свой разсказъ о вечерѣ Гирземенцелей словами:

— Ну, Янко, вчера я нашла человѣка, за которымъ пойду, куда онъ захочетъ. Если онъ пожелаетъ имѣть меня женою, я не пойду ни за тебя, ни за кого другого.

Слезы показались на черныхъ глазахъ «мавританскаго пажа».

— Конечно, лишь бы ты была счастлива, — отвѣчалъ онъ съ обычной покорностью ея волѣ.

Но вновь увидѣться съ Лассалемъ стало очень трудно. Какъ ни старался онъ завязать сношенія съ Еленой, всѣ его усилія были тщетны. Поведеніе Елены и у Гирземен-

целей возбудило сильныя подозрѣнія ея родныхъ, которые уже не выпускали ея изъ дому безъ надежной охраны. Напрасно она сердилась, выходила изъ себя. Ей не довѣряли, и только «мавританскій пажъ» помогъ ей отправить тайно письмо къ артисткѣ Формесъ, въ которомъ она негодовала на тираннію домашнихъ, высказывала артисткѣ свое высокое уваженіе и посылала поклонъ «Гераклиту [1]). Чтò вышло изъ этого письма — неизвѣстно; но Еленѣ всетаки не удалось увидѣться съ Лассалемъ. Только разъ, въ одномъ обществѣ, чуть ли не въ домѣ профессора Гнейста, при ней зашла рѣчь о Лассалѣ, и славившаяся своею красотой жена профессора Дидерици громко сказала: — «Лассаль самый красивый изъ всѣхъ мужчинъ, какихъ я когда-нибудь встрѣчала». Входившій въ эту минуту, знаменитый, но уже престарѣлый Бекъ, прибавилъ: — «Самый ли онъ красивый — объ этомъ не берусь судить; но онъ умнѣйшій и ученѣйшій изъ людей, которыхъ я когда-нибудь знавалъ»!

Лѣто прошло, не принеся съ собою новой пищи для эксцентричности и кокетства Елены. Но осенью переселился въ Берлинъ адвокатъ Гольтгофъ съ своею женой, давнишній другъ отца Елены. И онъ, и жена его были уже люди пожилые и пользовались неограниченнымъ довѣріемъ бабушки, которая охотно отпускала съ ними всюду свою любимую внучку. Гольтгофъ звалъ Елену «дочкой», она называла его «папà Гольтгофъ», и онъ былъ у нихъ вполнѣ домашнимъ человѣкомъ.

Въ началѣ зимы, Бюловъ давалъ свой первый концертъ. Елена была въ этомъ концертѣ съ супругами Гольтгофъ. До начала, усадивъ своихъ дамъ, Гольтгофъ сталъ здороваться съ своими знакомыми; Елена замѣтила, что между прочимъ, онъ горячо пожалъ руку Лассалю. Когда

---

1) Заглавіе одного изъ сочиненій Лассаля.

онъ вернулся на свое мѣсто, она уже поджидала его съ нетерпѣніемъ и спросила:

— Вы, стало-быть, знаете Лассаля?

— Да, мы съ нимъ пріятели, а у меня къ тому же съ нимъ дѣла. Развѣ и вы знаете его, дочка?

— Нѣтъ! Я спросила о немъ потому, что вы никогда не упоминали о вашемъ знакомствѣ.

Въ антрактѣ, Гольтгофъ опять поспѣшилъ къ Лассалю. Тотъ спросилъ его о чемъ-то и при этомъ улыбнулся, взглянувъ на Елену.

— Что̀ произошло у васъ съ Лассалемъ, Елена? — спросилъ «папа̀ Гольтгофъ», возвратившись къ своимъ дамамъ.— Скрываться безполезно: я вижу ясно, что тутъ есть какая-то тайна. Лассаль обратился ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ, что̀ и вы: «Такъ вы знаете дѣвицу Дённигесъ»? И когда я отвѣтилъ, что̀ знаю и спросилъ, почему это его интересуетъ, онъ взглянулъ на васъ и отвѣчалъ, улыбаясь: — «Нѣтъ, я спросилъ потому, что вы никогда не упоминали о ней».— Что̀ же такое было между вами? Будьте откровенны.

— Ничего, въ самомъ дѣлѣ ничего! Однажды мы встрѣтились въ обществѣ, а съ тѣхъ поръ...

— Вы желали бы видѣться еще? Это не особенно трудно. Вѣдь оба вы довольно часто бываете у насъ.

Въ это время началась вторая часть концерта, и разговоръ прекратился; но Елена нашла нужнымъ сказать потомъ своему покровителю, какъ враждебно относятся къ Лассалю ея родные. «Папа́ Гольтгофъ» смотрѣлъ на такое знакомство съ меньшею строгостью.

— Ну, не сейчасъ же онъ проглотитъ васъ; вѣдь онъ не звѣрь! Все это не такъ страшно и легко можетъ быть улажено.

Елена торжествовала. Ея отношенія къ Янко, принявшія въ теченіе лѣта и осени довольно горячій характеръ, вдругъ отошли на второй планъ. Ему пришлось теперь выслушивать ея признанія, относившіяся къ другому, бо-

лѣе интересовавшему ее «предмету». Бывшая невѣста итальянскаго генерала терзала преданнаго юношу безъ милосердія и пощады. Ея необузданностью, ея дикими порывами любовались, и она уже давно считала себя въ правѣ давать имъ полную свободу.

Вскорѣ состоялся первый «Juristenball» сезона. Было рѣшено, что Елена поѣдетъ на этотъ балъ съ супругами Гольтгофъ. На слѣдующее утро «папà Гольтгофъ» навѣстилъ бабушку и внучку и, пользуясь благопріятной минутой, сказалъ Еленѣ:

— Одинъ человѣкъ проситъ у васъ позволенія также пріѣхать на этотъ балъ. Хотите?

— Конечно. Балъ — дѣло публичное, и я не могу ничего ни разрѣшать, ни запрещать по этому поводу. Но я буду очень рада, если «онъ» пріѣдетъ.

Когда вошла бабушка, Гольтгофъ показалъ Еленѣ три билета для входа на балъ: одинъ предназначался для него съ женою, другой для нея и третій — для «одного человѣка». Бабушка ничего не подозрѣвала и даже не замѣтила особенныхъ заботъ, съ которыми Елена отнеслась на этотъ разъ къ своему туалету.

Лассаль былъ уже въ залѣ, когда Гольтгофы вошли съ Еленой. Онъ разговаривалъ съ Вальдекомъ, но вскорѣ подошелъ къ нимъ, предложилъ Еленѣ руку и пошелъ съ нею, точно они видѣлись и говорили только вчера, а не полгода назадъ.

— Въ этой залѣ, гдѣ всѣ уставили на насъ глаза и дивятся, зачѣмъ тутъ Фердинандъ Лассаль, — здѣсь не мѣсто серьёзно говорить о томъ, о чемъ мы должны переговорить между собой, — сказалъ онъ. — Но дитя приказало, и я пріѣхалъ. Видишь ли, дурочка, — продолжалъ онъ, смѣясь: — мы не можемъ обойтись другъ безъ друга. Чувствуешь ли ты это теперь? Мнѣ нужно узнать отъ тебя сегодня только двѣ вещи: чтò сдѣлала бы ты, еслибъ была

моей женой, а они приговорили бы меня къ смерти, и ты увидѣла бы меня входящимъ на эшафотъ?

Какъ ни оригиналенъ былъ такой вопросъ на балу, Елена быстро отвѣчала:

— Я дождалась бы той минуты, когда они отрубятъ твою гордую голову, чтобы глаза моего орла могли до послѣдней минуты видѣть то, что̀ онъ любитъ, и потомъ приняла бы яду, — вѣрнѣйшаго яду, сообща избраннаго нами самими.

Отвѣтъ понравился Лассалю.

— Ядъ уже готовъ, — сказалъ онъ, смѣясь. — Но будь покойна — дѣло не пойдетъ такъ далеко. Моя звѣзда свѣтла и счастливо восходитъ; она еще далеко не въ зенитѣ, не тамъ, откуда начинается закатъ.

Вскорѣ подошелъ Янко съ приглашеніемъ на давно обѣщанную мазурку. «Вы позволите?» — сказалъ онъ Лассалю, принимая отъ него свою даму, и потомъ, сдѣлавъ съ нею нѣсколько шаговъ, спросилъ ее дрожащимъ голосомъ: — «Такъ это онъ?»

Лассаль и Янко видѣлись тутъ впервыо и впервые измѣрили другъ друга глазами. Окончивъ танецъ, Янко проводилъ свою даму туда, гдѣ сидѣла г-жа Гольтгофъ; но тамъ уже стоялъ Лассаль, и онъ поспѣшно отошелъ.

— И такъ, — сказалъ вполголоса Лассаль, обратившись къ Еленѣ: — мнѣ предстоитъ устранить съ пути этого мавританскаго князя, одного изъ драконовъ, охраняющаго мое сокровище?

— Онъ не считается, это мой пажъ и ничего больше, — спокойно отвѣчала Елена, отрицаясь своихъ отношеній къ Янко, съ которымъ была на ты, котораго воспитывала себѣ въ мужья, и стараясь казаться равнодушной.

— Съ такими-то глазами? — серьёзно возразилъ Лассаль. — И неужели думаетъ плутовка, что я не знаю въ точности всего, что онъ творилъ въ долгій промежутокъ нашего «междуцарствія?» Я знаю все, все! Но мнѣ это без-

различно. Я все-таки достигну своей цѣли, если ты мнѣ немного поможешь. Ты поможешь?

Елена кивнула головой въ знакъ согласія.

— Въ такомъ случаѣ, — продолжалъ онъ, — мнѣ нужно прежде всего узнать что-нибудь вѣрнѣе о твоихъ родителяхъ. Чѣмъ можно приручить мамашу? Ухаживать ли за нею, или лучше — бесѣдовать съ ней о модномъ проповѣдникѣ? Или еще лучше играть съ нею въ вистъ и держать ей мотокъ, когда она разматываетъ шерсть?

— Нѣтъ, — сказала Елена со смѣхомъ. — Ужь лучше приволокнитесь за нею — къ этому она всего больше привыкла. Затѣмъ вы можете говорить съ ней обо всемъ — о наукѣ, литературѣ, искусствѣ.

— А отецъ?

Елена почти не знала своего отца и могла сказать о немъ очень мало. Но Лассаль и безъ того былъ увѣренъ, что съ отцомъ онъ, такъ или иначе, непремѣнно поладитъ.

— Съ мужчинами, — сказалъ онъ, — всегда можно сговориться, особенно съ порядочными, учеными мужчинами. Но нѣтъ на свѣтѣ ничего безнадежнѣе, ничего неодолимѣе безразсудной женщины.

На этотъ разъ бесѣда опять была прервана приглашеніемъ на танецъ. Лассаль сердился на эти перерывы.

— То была по-истинѣ несчастная мысль пріѣхать сюда,— сказалъ онъ съ досадой. — Балъ — ужаснѣйшее мѣсто для серьёзныхъ разговоровъ. Я останусь—прибавилъ онъ, встрѣтивъ умоляющій взглядъ Елены, — но съ тѣмъ условіемъ, что вы танцовать больше не будете!

Елена не рѣшилась сказать ни «да», ни «нѣтъ». Она боялась раздражить его, боялась и стать предметомъ общаго вниманія, если будетъ отказываться отъ танцевъ, чтобы оставаться все время съ Лассалемъ.

— Вѣдь это неловко, — проговорила она — что́ скажутъ обо мнѣ, если я весь вечеръ проболтаю съ вами?

— Что́ скажутъ? — спросилъ онъ съ удивленіемъ. —

Вы безпокоитесь объ этомъ? Но я забылъ, что передо мной еще «дитя!» Оно говоритъ иногда такъ толково и умно, что я совсѣмъ забываю о его младенчествѣ. Но это не годится, плутовка. Кто хочетъ идти одной дорогой съ Фердинандомъ Лассалемъ, тотъ не долженъ «нести осла».

— Нести осла? Чтó это такое?

— Это эпизодъ изъ моей жизни, или скорѣе причина моей необычайной энергіи, моей несокрушимой воли. Хочешь выслушать эту исторію?

— Разумѣется! и сію минуту, скорѣе!

— Ты замѣтила, какъ они всѣ смотрятъ на меня на этомъ балу—началъ Лассаль, отошедши съ Еленой немного въ сторону. Каждый смотритъ на меня съ своей особой точки зрѣнія, и только немногіе находятъ, что мое присутствіе тутъ понятно или по крайней мѣрѣ безразлично. Одинъ находитъ это въ высшей степени страннымъ со стороны человѣка, желающаго представлять народъ, другой думаетъ: вотъ какъ онъ проводитъ свои ночи, вотъ его прославленныя кабинетныя занятія. Словомъ, всѣ считаютъ непозволительнымъ съ моей стороны то, чтó кажется очень естественнымъ со стороны всякаго другаго, даже со стороны стараго Вальдека. Но это не удивляетъ меня, это всегда было такъ. Когда я былъ еще мальчикомъ и игралъ съ другими мальчуганами, — разумѣется, всегда въ качествѣ ихъ предводителя — мнѣ приписывали всякую бѣду. Разобьетъ ли кто окно, помнутъ ли гдѣ-нибудь садъ — Фердинандъ Лассаль непремѣнно виновенъ. Это часто удивляло меня; я не могъ понять, отчего меня всегда и во всемъ обвиняли.

— О, я отлично понимаю — отчего: la supériorité est une infirmité publique!

— Потомъ пришло время, когда отецъ задумалъ сдѣлать меня купцомъ. Я не хотѣлъ этого и послѣ долгой борьбы, о которой я разскажу тебѣ когда-нибудь, принялся учиться. Людскимъ пересудамъ не было счету. Одни дер-

жали сторону отца, другіе были за меня, внося раздоръ въ нашу семью, вызывая ссоры между отцомъ, матерью и мною. Именно въ это время попало мнѣ въ руки старое собраніе басенъ, и я прочелъ въ немъ коротенькій разсказъ о томъ, какъ старый дѣдушка съ своимъ маленькимъ внукомъ велъ на рынокъ осла. На встрѣчу имъ шелъ человѣкъ и сказалъ: «какіе вы глупые люди! у васъ оселъ, а вы оба пѣшкомъ идете подлѣ!» Старикъ тотчасъ взялъ своего внука и посадилъ его на осла. На встрѣчу шелъ другой прохожій и закричалъ мальчику: «стыдись, братъ, у тебя молодыя ноги, а ты оставляешь старика бѣжать рядомъ!» Мальчикъ соскочилъ, и на осла сѣлъ уже дѣдъ. Но и онъ сидѣлъ не долго. На встрѣчу имъ шелъ мужикъ и сказалъ: «хорошъ дѣдъ! По такой жарѣ заставляетъ мальчугана бѣжать за осломъ!» Старикъ сажаетъ мальчика съ собой и радуется, что они наконецъ сидятъ оба. Но подъ самымъ городомъ встрѣчается имъ господинъ съ физіономіей умника и въ золотыхъ очкахъ, который говоритъ: «фу, какіе изверги, въ такую жару ѣдутъ двое на бѣдномъ животномъ!» Смущенные жестокимъ упрекомъ, и дѣдъ и внукъ сошли на землю, потолковали минутку и, чтобы поправить дѣло, сами подняли осла и потащили его вмѣстѣ на рынокъ. Вотъ это-то и есть исторія объ ослѣ, котораго ты хочешь нести, а я нести не хочу. Когда я прочелъ въ дѣтствѣ этотъ разсказъ, онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе; я долго думалъ о глубокой и плодотворной правдѣ, составляющей его содержаніе и торжественно далъ себѣ клятву никогда не «носить осла», чтó бы ни дала мнѣ жизнь, въ какія бы положенія она меня ни поставила.

Лассаль вообще любилъ дѣлить людей по этому признаку, на носящихъ и неносящихъ осла. Къ числу послѣднихъ онъ относилъ обыкновенно князя Бисмарка. Этотъ не понесетъ осла, говорилъ онъ.

Послѣ бала, Лассаль сказалъ Еленѣ на прощанье:

— Я счастливъ уже тѣмъ, что опять встрѣтился съ тобой. Это было труднѣе, чѣмъ вытащить Брунгильду изъ огня. Теперь все пойдетъ хорошо, предоставь мнѣ уладить все остальное!

Нѣсколько дней спустя, «папа Гольтгофъ» посѣтилъ Елену. Бабушка спала, и онъ, пользуясь этимъ, спросилъ свою «дочку», согласилась ли бы она выдти за человѣка не-дворянскаго рода и къ тому же еврея.

— Да, еслибъ этотъ человѣкъ назывался Лассалемъ, — отвѣчала она. — Скажите: вы дѣлаете мнѣ этотъ вопросъ по формальному порученію Лассаля?

Гольтгофъ смутился и, съ привычными ему колебаніями и желаніемъ удовлетворить всѣхъ и каждаго, какъ бы ни были противоположны ихъ понятія и требованія, отвѣчалъ:

— Да, то-есть онъ не поручалъ мнѣ этого прямо, а только просилъ разузнать...

— Благодарю васъ, — съ досадой сказала Елена, вставая съ мѣста:—въ такомъ случаѣ мнѣ уже не нужно пускаться въ дальнѣйшія объясненія. Я и не желаю ничего больше слышать объ этомъ.

Косвенная попытка Лассаля мало тронула ее. Ей видимо хотѣлось полной, безусловной побѣды.

Бабушка проснулась; Еленѣ нужно было куда-то ѣхать и Гольтгофъ пошелъ въ комнату старухи.

Прошли еще двѣ недѣли, не ознаменовавшіяся ничѣмъ особеннымъ, кромѣ замѣтнаго старанія Гольтгофа не допускать, чтобы Лассаль и Елена встрѣтились у него въ домѣ. Разъ утромъ, когда Елена сидѣла за письменнымъ столомъ, погруженная въ свою переписку, въ ея комнату вошла бабушка съ распечатаннымъ письмомъ въ рукахъ.

— Я писала твоему отцу о твоемъ бракѣ съ Лассалемъ, — сказала бабушка, — и получила отъ него отвѣтъ. Онъ рѣшительно отказываетъ въ своемъ согласіи.

Изумленная Елена вышла изъ себя и, дрожащимъ отъ досады голосомъ, закричала бабушкѣ:

— Развѣ Лассаль или я поручали тебѣ совѣтоваться объ этомъ съ отцомъ?

— Нѣтъ, но мнѣ говорилъ Гольтгофъ...

— Ну, если ты и Гольтгофъ заварили кашу, такъ сами и расхлебывайте ее. Ни мнѣ, ни Лассалю нѣтъ дѣла до всего этого.

И она захлопнула свой бюваръ, встала и вышла изъ комнаты, оставивъ смущенную бабушку на произволъ судьбы. Старуха такъ боялась своей избалованной и капризной внучки, что съ тѣхъ поръ ни разу не намекнула ей объ этомъ дѣлѣ ни единымъ словомъ.

Въ слѣдовавшіе за тѣмъ мѣсяцы Лассаль одинъ только разъ видѣлся съ Еленой, при помощи Гольтгофа, на праздникѣ въ память Уланда, въ театрѣ «Викторія». Онъ былъ въ одной ложѣ съ Гольтгофомъ, Еленой и ея бабушкой. Но въ такой обстановкѣ разговоръ естественно вертѣлся около общихъ мѣстъ.

«Папá Гольтгофъ» не переставалъ однако же говорить Еленѣ о Лассалѣ. Онъ и жена его разсказывали ей подробности о планахъ и рисункахъ для дома, который онъ собирался строить для себя въ Берлинѣ. Однажды Гольтгофъ просилъ Елену дать ему свою фотографическую карточку. «Одинъ человѣкъ,—сказалъ онъ,—хочетъ убрать свою столовую въ помпейскомъ стилѣ, украсить ее фресками и вѣрными копіями».

Эта фресковая живопись должна была изображать или троянскую войну, или сказаніе Эдды; но во всякомъ случаѣ героиня, будетъ ли это Елена или Брунгильда, должна имѣть черты Елены Дённигесъ.

— Такъ любитъ Фердинандъ свою Елену,—прибавилъ Гольтгофъ.

Они все-таки не видались, но въ мартѣ, въ рожденье Елены, она получила большую корзину фіалокъ и бѣлыхъ розъ съ безъименнымъ стихотвореніемъ, писаннымъ на бумагѣ съ вензелемъ Ф. Л. Когда жена Гольтгофа пріѣхала

поздравить Елену, послѣдняя разсказала ей свой новый секретъ и узнала отъ нея, что въ Берлинъ пріѣхала сестра Лассаля, г-жа Фридландъ, которая нетерпѣливо желаетъ познакомиться съ нею. Жена Гольтгофа приглашала ее поіѣхать для этого на другой день, и Елена поспѣшила согласиться. Она нашла у Гольтгофа маленькую, кроткую и очень подвижную даму, уже вышедшую изъ первой молодости, которая встрѣтила ее съ открытыми объятіями и и чрезвычайной радостью. «Такою именно представляла я себѣ жену Фердинанда, — говорила она вскорѣ послѣ первыхъ привѣтствій. — Вы прекрасно подходите другъ къ другу. Я уже теперь люблю васъ почти такъ же сильно, какъ мой братъ». Завязалась оживленная бесѣда, среди которой сестра Лассаля предложила Елена пойти въ кабинетъ Гольтгофа и привести его оттуда въ гостиную. Елена всегда пользовалась привиллегіей вызывать его, постучавшись къ нему три раза, даже во время его занятій и пріемовъ.

Елена порхнула по комнатамъ къ кабинету и постучалась. Мысль, что Лассаль, быть можетъ, въ кабинетѣ, промелькнула въ ея возбужденномъ воображеніи, и на стукъ ея дѣйствительно послышалось: «войдите», произнесенное не голосомъ Гольтгофа. Дверь отворилась; двѣ руки быстро подняли ее, понесли и опустили на кресло. Гольтгофъ взволновался при видѣ этой картины. Онъ кинулся охранять свою «дочку».

— Не запугивайте моего ребенка, Лассаль, и прежде всего поклянитесь мнѣ оба, что вы никогда не проговоритесь объ этомъ свиданіи у меня. Бабушка и все семейство Елены никогда не простили бы мнѣ этого свиданія.

Полу-шутя, полу-серьёзно онъ взялъ въ руки крестообразную рукоятку кинжала, требуя клятвы. Елена произнесла ее.

— Я—еврей, сказалъ Лассаль: — я не вѣрую въ этотъ знакъ и потому не могу передъ нимъ клясться. Но я кля-

нусь передъ тѣмъ, что мнѣ милѣе и священнѣе всего на свѣтѣ,—клянусь передъ этой маленькой, дѣтской рукой,— прибавилъ онъ, взявъ руку Елены. — Довольно ли такой клятвы?

Гольтгофъ призналъ себя удовлетвореннымъ, и такъ какъ Елена и не подумала звать ихъ въ гостиную, хотя и стучалась въ кабинетъ съ этой именно цѣлью, то они проболтали около часу, пока забытыя ею дамы не пришли сами съ чашками кофе. Въ этотъ день было рѣшено, что лѣтомъ Лассаль пріѣдетъ къ родителямъ Елены въ Женеву, хитростью «случайно» познакомится съ ними и, пользуясь своимъ даромъ привлекать людей и имѣть на нихъ вліяніе, расположитъ ихъ въ свою пользу.

Черезъ нѣсколько дней бабушка Елены серьезно заболѣла, и съ тѣхъ поръ уже не могла поправиться. Онѣ ѣздили для нея на воды. Потомъ пріѣхала въ Берлинъ мать Елены, чтобы навѣстить больную и присутствовать при родахъ своей сестры, баронессы К. П. Баронесса умерла отъ родовъ; бабушка прохворала все лѣто и также умерла въ началѣ зимы 1863 года.

За нѣсколько дней до смерти, предвидя ея приближеніе, старуха велѣла позвать Янко и говорила съ нимъ часа два, поручая ему свою внучку. Она говорила, что хотя и считаетъ его почти мальчикомъ — ему было тогда девятнадцать лѣтъ,—но въ то же время видитъ въ немъ единственнаго человѣка, на честность и любовь котораго она можетъ положиться. Она взяла съ него обѣщаніе: никогда не покидать Елену и всегда заботиться объ ея счастьѣ.

По смерти бабушки, Елена возвратилась съ матерью въ родительскій домъ. Ея отецъ былъ въ это время баварскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи и жилъ постоянно въ Женевѣ.

IV.

Зима и въ Женевѣ, какъ въ Берлинѣ и Ниццѣ, прошла для Елены незамѣтно, въ разнаго рода увеселеніяхъ, въ поѣздкахъ по Швейцаріи и южной Франціи. Въ мартѣ 1864 года въ Женеву пріѣзжалъ Янко и нѣсколько недѣль гостилъ въ домѣ Дённигеса. «Мавританскій принцъ», какъ звали его въ этой семьѣ, придалъ своимъ появленіемъ еще болѣе оживленія и разнообразія ея беззаботной и веселой жизни. Всѣ признавали за нимъ несомнѣнные «общественные таланты»: онъ считался и хорошимъ музыкантомъ и отличнымъ танцоромъ.

Но въ маѣ Елена заболѣла лихорадкой, послѣ которой обнаружились признаки общаго упадка силъ и разслабленія нервной системы. Врачи посовѣтовали ей провести нѣкоторое время въ горахъ, въ болѣе прохладномъ климатѣ. Вскорѣ представился и удобный случай послѣдовать этому совѣту. Хорошо знакомое Дённигесамъ англійское семейство миссиссъ Арсонъ, состоявшее изъ матери и дѣтей, прибыло въ это время изъ Ниццы въ Швейцарію, чтобы съ тою же самою цѣлью поселиться въ окрестностяхъ Берна, вмѣстѣ съ семьей тогдашняго американскаго консула въ Женевѣ, Лесли. Съ ними была отпущена въ окрестности Берна и больная Елена, получившая въ это время отъ своего берлинскаго друга Гольтгофа письмо, въ которомъ онъ говорилъ между прочимъ: «Л. (Лассаль) очень страдаетъ горломъ и вѣроятно долженъ будетъ выдержать курсъ леченія сывороткой на Риги».

Елена вскорѣ совсѣмъ оправилась въ бернскихъ горахъ, и когда миссиссъ Арсонъ — вѣроятно по ея желанію и просьбѣ—предложила своимъ спутницамъ предпринять восхожденіе на Риги, эта мысль была съ восторгомъ принята всѣми. Черезъ нѣсколько дней нервныя дамы были уже

въ Люцернѣ, чтобы оттуда предпринять задуманную вечернюю прогулку.

При иныхъ условіяхъ поѣхалъ въ Швейцарію Лассаль. Не болѣзнь горла, по крайней мѣрѣ не одна эта болѣзнь, какъ писалъ Гольтгофъ Еленѣ, заставляла его искать леченія и отдыха. Въ одномъ стихотворномъ посланіи къ берлинскому профессору Притцелю и въ своихъ письмахъ онъ горько жаловался на страшное утомленіе отъ безпрерывныхъ работъ. Онъ чувствовалъ, что прежнія силы измѣняютъ ему, а съ ними и прежняя увѣренность въ успѣхъ. «Какъ ни крѣпокъ мой организмъ,—я смертельно утомленъ, писалъ онъ въ это время: — мое возбужденіе такъ сильно, что я совсѣмъ не сплю по ночамъ. Провалявшись до пяти часовъ утра на кровати, я встаю съ головной болью и совершенно истощенный. Безумное напряженіе, съ которымъ я въ четыре мѣсяца писалъ памфлетъ противъ Шульце и Бастіа, имѣя при этомъ еще и другія работы, и глубокое, мучительное разочарованіе, сердечное огорченіе, причиняемое мнѣ равнодушіемъ и апатіей рабочаго класса — всего этого было слишкомъ много даже и для меня! Я предаюсь «ремеслу глупца» (métier de dupe); и это тѣмъ больше огорчаетъ и раздражаетъ меня, что нельзя высказывать мое огорченіе и раздраженіе, что надо вгонять его внутрь, часто даже утверждать совсѣмъ противоположное».

Въ маѣ онъ выѣхалъ изъ Берлина и, будучи предсѣдателемъ основаннаго имъ общаго нѣмецкаго союза рабочихъ, по пути собиралъ сходки и произнесъ рѣчи въ Лейпцигѣ, Дюссельдорфѣ, Золингенѣ и Барменѣ, въ Кёльнѣ, Дунсбургѣ, Вермельскирхенѣ и Ронсдорфѣ. До Карлсруэ онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ графиней Гацфельдъ и нѣсколькими друзьями. Въ Карлсруэ они разстались: графиня поѣхала на-воды въ Вильдбадъ, а онъ — на Риги, и поселился въ томъ мѣстѣ этой горы, которое хорошо извѣстно путешественникамъ подъ именемъ Риги-Кальтбадъ. Со времени первыхъ встрѣчъ его съ Еленой, утекло много воды. Его

первоначальное намѣреніе пріѣхать въ Швейцарію, чтобы познакомиться съ ея родителями и расположить ихъ въ свою пользу, относилось еще къ прошлому лѣту. Въ теченіи цѣлаго года Лассаль имѣлъ еще другія сердечныя отношенія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ, повидимому, забылъ свои встрѣчи и бесѣды съ дѣвушкой, будто бы предназначенной для него самою судьбой. Но новая, совсѣмъ неожиданная встрѣча съ нею вновь оживила въ немъ угасшее чувство.

Когда Елена и многочисленные ея спутники поднимались верхомъ на Риги, пошелъ сильный дождь, отъ котораго они должны были укрыться подъ навѣсомъ, въ нѣскольких шагахъ отъ Риги-Кальтбада. Дамы сильно промокли и находились въ довольно печальномъ настроеніи. Веселая прогулка обратилась въ досадное приключеніе. Елена рузумѣется вспомнила сообщеніе Гольтгофа.

— Есть на Риги лечебное заведеніе? — спросила она своего проводника, восьми-лѣтняго мальчика, совавшаго ея лошади клокъ сѣна.

— Какъ-же! Даже два заведенія! Одно въ Клестерли, другое — здѣсь, въ Кальтбадѣ.

Елена нагнулась къ мальчику и опять спросила:

— Не знаешь ли, мальчикъ, — не здѣсь ли живетъ нѣкто докторъ Лассаль?

— Да, живетъ! — былъ отвѣтъ мальчика.

— Такъ бѣги и приведи его сюда.

И Елена разсказала своимъ спутникамъ, совсѣмъ не знавшимъ по-нѣмецки, о чемъ былъ у ней разговоръ съ проводникомъ и какое порученіе онъ взялся исполнить.

Лассаль сидѣлъ за работой — что-то усердно писалъ — когда вошелъ мальчикъ и объявилъ, что какая-то «великолѣпная» дама желаетъ его видѣть. Онъ быстро всталъ и поспѣшилъ за мальчикомъ.

— Боги Греціи! Это она! — закричалъ онъ, приближаясь къ путешественникамъ.

Елена представила его своему обществу, какъ одного изъ своихъ берлинскихъ друзей. Лассаль привѣтствовалъ путешественниковъ по-французски и съ-разу произвелъ на нихъ пріятное впечатлѣніе. Спутники и спутницы Елены горѣли нетерпѣніемъ увидѣть восходъ солнца съ вершины Риги, и Лассаль, напрасно убѣждавшій ихъ сойти съ коней и провести вечеръ въ Кальтбадѣ, вызвался сопровождать ихъ.

— Знаете ли, догадываетесь ли, чѣмъ я былъ занятъ, когда этотъ мальчикъ прибѣжалъ мнѣ сказать, что какая-то великолѣпная дама желаетъ меня видѣть? — спросилъ онъ Елену. — Я писалъ старому Бёку и Гольтгофу, прося у нихъ рекомендательныхъ писемъ къ вашему отцу. Довольно мы играли; пора привести наше дѣло къ окончательной и счастливой развязкѣ.

Дождь пересталъ, и путники стали подниматься. Лассаль все время бесѣдовалъ съ Еленой, требовалъ отъ нея окончательнаго отвѣта и согласія придпринять съ нимъ поѣздку черезъ Гемми до Шамона.

— Отчего не выйдти за меня тотчасъ же? — горячо говорилъ Лассаль Еленѣ. — Отчего не поѣхать завтра изъ Люцерна не въ Бернъ, а во Францію, гдѣ я могу устроить дѣло такъ, что насъ обвѣнчаютъ безъ всякихъ формальностей? Когда мы уѣдемъ тайкомъ, твои родители принуждены будутъ дать свое согласіе. Противъ совершившагося факта спорить очень трудно.

Но Елена не соглашалась поступить такъ рѣшительно. Лассаль смѣялся на ея возраженія, но соглашался испытать мирный путь переговоровъ. За ужиномъ, на вершинѣ горы, онъ былъ въ ударѣ, много и увлекательно говорилъ со спутниками и спутницами Елены, прерывая эту общую бесѣду отдѣльнымъ, нѣмецкимъ разговоромъ съ нею.

Чтò собственно имѣютъ противъ меня твои родители? — спросилъ онъ между прочимъ.

— Право, не знаю; я никогда не говорила съ ними о васъ.

— Но тогда, когда Гольтгофъ спрашивалъ твою бабушку, что писалъ тогда отецъ противъ меня?

Елена разсказала, какъ былъ прерванъ ею разговоръ съ бабушкой, а съ тѣхъ поръ имя его ни разу не было произнесено въ ея семействѣ.

— Какой ребенокъ! — вскричалъ онъ. — Да это почти невозможно, неслыхано! Если-бъ мы теперь знали, какія причины заставляютъ ихъ быть противъ меня, то могли бы бороться противъ этихъ причинъ, а противъ неизвѣстнаго бороться невозможно.

— Я думаю, — нерѣшительно сказала Елена, — имъ неприятна ваша политическая дѣятельность, и потомъ «графиня».

— Моя политическая дѣятельность тутъ не причемъ, — отвѣчалъ Лассаль. — Не можетъ быть, чтобъ люди по политическимъ причинамъ дѣлали свою дочь несчастной. И не всегда же мое политическое положеніе будетъ такимъ, какъ теперь. Самый честолюбивый отецъ могъ бы быть удовлетворенъ тѣмъ положеніемъ, какое я желаю въ концѣ-концовъ доставить его дочери.

Общій разговоръ между тѣмъ продолжался; но Лассаль опять прервалъ его обращеннымъ къ Еленѣ вопросомъ:

— А что разсказывалъ мнѣ Гольтгофъ про юнаго мавра? Вы, кажется, чуть не помолвлены? Бабушка будто бы уладила это передъ смертью?

— Помолвлены? Нѣтъ, еще не совсѣмъ, но...

— Помолвлены вы или нѣтъ — мнѣ совершенно все равно — громко сказалъ онъ. Всего комичнѣе тутъ то, что Брунгильда могла воображать, или хотя бы помыслить одну минуту, будто Зигфридъ такъ легко уступитъ ее другому Я ни мало не безпокоюсь объ этой помолвкѣ. Я разорву ее! Неприкосновененъ только брачный союзъ — да и то еще вопросъ! Пока я живу, пока въ моихъ жилахъ движется

капля горячей крови, я не отдамъ тебя никому другому. Въ крайнемъ случаѣ, я дождался бы послѣдняго часа и тогда пришелъ бы и взялъ бы отъ самаго алтаря свою невѣсту. Говорю это рѣшительно и торжественно: не пытайся принадлежать другому — я не допущу этого; я потребую тебя, какъ мою собственность. Я уже сказалъ тебѣ однажды и повторяю теперь: мы — наша судьба. Мы можемъ бороться противъ нея, а она все-таки приводитъ насъ другъ къ другу. Сегодняшняя встрѣча служитъ тому новымъ доказательствомъ!

Елена вовсе не была убѣждена въ этомъ. Она находила Лассаля «интереснымъ», позволяла ему говорить ей ты еще въ Берлинѣ, въ разговорахъ съ нимъ вела себя, какъ его невѣста, и въ то же время воображала, что это ни къ чему ее не обязываетъ. Его увѣренность въ томъ, что сама судьба посылаетъ ихъ другъ другу, только пугала ее. На мужчинъ она привыкла смотрѣть, какъ на свою забаву и добычу. Лассаль былъ первый человѣкъ, который не подчинялся ей и предписывалъ ей свою волю. Она не любила его, она забавлялась и играла, а онъ съ-разу предъявлялъ ей самыя серьёзныя требованія, хотѣлъ всего или ничего. Это дѣлало на нее непріятное впечатлѣніе. Она не терпѣла препятствій, борьбы, домашняго разлада, и всю ночь искала удобнаго и пріятнаго выхода изъ завязанной ею интриги. Когда въ гостинницѣ раздался рожокъ, призывавшій путешественницъ смотрѣть восходъ солнца, она еще не спала и поспѣшно выбѣжала вмѣстѣ съ другими, чтобы ничего не увидѣть: гора была окутана туманомъ, и того зрѣлища, для котораго стекались на Риги многочисленные гости, совсѣмъ не оказалось. Лассаль нашелъ Елену «божественною» въ ея небрежномъ утреннемъ нарядѣ и былъ въ отчаяніи, что не могъ показать ей восходъ солнца во всемъ его великолѣпіи. Потомъ, за утреннимъ кофе, онъ уже просилъ у ней бесѣды съ глазу на глазъ, послѣ завтрака, чтобы привести, наконецъ, въ порядокъ ихъ серьёзныя дѣла.

Бесѣда эта происходила въ библіотекѣ.

— Боже! какой у васъ болѣзненный видъ, — сказалъ Лассаль, встрѣчая входившую Елену. — Этому надо положить конецъ. Вы кашляете, но у васъ болитъ не грудь, не правда ли? Вы очень нѣжны, и этотъ скверный климатъ вамъ не годенъ. Все это мы перемѣнимъ. Когда болѣетъ мое бѣдное дитя, я отложу въ сторону политику и дѣла, мы поѣдемъ въ Египетъ или въ Индію, гдѣ я предамся книгамъ и наукѣ и буду ходить за моимъ ребенкомъ, пока онъ опять не станетъ здоровой Брунгильдой.

— Но мы еще не женаты, — замѣтила Елена. — Да и врачи не находятъ у меня ничего, кромѣ нервнаго разстройства, и говорятъ, что холодъ мнѣ полезнѣе жары.

— Они ослы, — прервалъ ее Лассаль. — Мы уѣдемъ на зиму въ Египетъ, а что касается женитьбы, мы должны теперь же порѣшить наше дѣло. — Дитя, скажи мнѣ только: «Да, я желаю», и я сдѣлаю все остальное самъ.

Они сидѣли на низенькомъ диванѣ. Взявъ ее за руки, онъ долго смотрѣлъ ей въ глаза.

— Я не могу отказать вамъ ни въ чемъ, когда я съ вами, — проговорила она нерѣшительно. — Требуйте отъ меня чего хотите, только не воли, не энергіи. Я женщина, самая женственная женщина въ мірѣ, невмѣняемая, капризная — et fille.

— Нѣтъ, я не стану мучить больное дидя,—сказалъ онъ. Я успокоюсь, и ты можешь обдумать свое рѣшеніе, когда мы не будемъ вмѣстѣ. Только, ради всѣхъ боговъ, рѣшайся какъ можно скорѣе. Я не могу и не хочу переносить долѣе эту томительную неизвѣстность.

Елена обѣщала, что если онъ разстанется съ ними въ Кальтбадѣ, на обратномъ ихъ пути съ вершины Риги, то она рѣшитъ все дорогой и дастъ ему рѣшительный отвѣтъ. Въ эту минуту ее занимала больше всего графиня, и она спросила, какъ посмотритъ графиня на его бракъ.

— Ты говоришь это потому, что не знаешь ея,—возра-

зилъ Лассаль. — Добрая графиня не знаетъ иного счастія, кромѣ моего. Но еслибъ, что совсѣмъ немыслимо, она отнеслась къ намъ непріязненно, то я, какъ бы дорого это мнѣ ни стоило, забылъ бы всѣ принесенныя и принятыя жертвы, чтобы заботиться только о насъ и нашемъ счастьи. Но если ты отвѣтишь мнѣ: да, а ты, я думаю, не можешь дать другаго отвѣта—то нужно ли мнѣ принять христіанство? спросилъ онъ.—Ты, вѣдь, знаешь, что я еврей? Потребуешь ли ты перемѣны религіи?

— Ни за что въ мірѣ!—былъ отвѣтъ Елены.—По мнѣ, будь хоть магометаниномъ, а еще лучше — язычникомъ: друзья называютъ меня «гречанкой», потому что я охотнѣе вѣрю многимъ богамъ.

Лассаль разсмѣялся,

— Если-бъ ты потребовала, я тотчасъ принялъ бы христіанство, но для меня гораздо лучше, что ты не ставишь такого требованія. Перемѣна религіи испортила бы мнѣ много крови, уронила бы меня въ мнѣніи нѣкоторыхъ друзей, а это, говорю откровенно, было бы мнѣ въ высшей степени непріятно. Но съ тѣхъ поръ, какъ я такъ неожиданно встрѣтилъ тебя вчера и продумалъ объ этомъ, только съ тѣхъ поръ мнѣ стало ясно, какъ дорога моему сердцу эта плутовка, какъ охотно я пожертвую всѣмъ — слышишь ли: всѣмъ—только не ею! Теперь ты знаешь это и можешь посмѣяться надъ гордымъ человѣкомъ, такъ покорно склоняющимъ колѣно передъ своею маленькой жестокосердой царевной. Мнѣ хотѣлось бы, однако, знать, держишься ли ты и въ любви твоего оригинальнаго многобожія?

— До сихъ поръ—да. Я никогда не довольствовалась однимъ человѣкомъ. Мнѣ всегда приходилось слишкомъ много прибавлять къ одному; съ первыхъ моихъ отношеній къ русскому моряку, я всегда охотно составляла бы одного изъ двоихъ или троихъ, и такъ какъ этого сдѣлать нельзя, то мнѣ бо́льшею частью приходилось дѣлить мою любовь.

— Такъ, такъ! Но теперь, я надѣюсь, довольно будетъ и одного,—весело возразилъ Лассаль.—Я вѣдь знаю: о легкомысліи и «греческихъ мнѣніяхъ» моей плутовки ходило много ужасающихъ разсказовъ, но все это ничего, я тоже велъ не особенно святую жизнь, и не требую отъ моей жены бо́льшаго, чѣмъ сколько приношу ей самъ. Прошу только, чтобы отнынѣ это было иначе.

Елена хотѣла разсказать свое прошлое, свои грѣхи противъ всего того, что она бойко называла «священною нѣмецкою моралью», но онъ рѣзко прервалъ ее. Не надо, не надо! Ради Бога, не разсказывай! Къ чему эти помпейскія раскопки? Предоставимъ ихъ тѣмъ, кто больше интересуется прошлымъ, чѣмъ настоящимъ и будущимъ. Съ прошедшимъ мы покончили, оно лежитъ за нами, а впредь будемъ принадлежать другъ другу и жить другъ для друга. Этого довольно!

Вскорѣ вошла миссисъ Арсонъ, напоминая, что пора ѣхать. Въ Кальтбадѣ они разстались. Прощаясь, Лассаль взялъ обѣ руки Елены и, страстно цѣлуя ихъ, сказалъ:

— Теперь прощай, прощай на самое короткое время, мое боготворимое счастье! Будь разумна и тверда. Ты добра, какъ дитя, но и безсильна, какъ дитя. О, еслибъ я могъ перелить хоть частицу моей колоссальной воли, моей титанической энергіи въ эти голубыя жилы! Сожми мои руки—вотъ такъ!—можетъ быть, операція удастся при помощи магнетизма. Я хочу, и ты должна хотѣть! И, какъ мы говорили, твоя задача будетъ легка: скажи мнѣ только разумное, самостоятельное да,—et je me charge du reste!

На этомъ они разстались. Елена просила своихъ спутниковъ и спутницъ оставить ее дорогой одну, и, вспомнивъ на минуту о Янко, съ которымъ она зашла уже слишкомъ далеко, рѣшилась дать Лассалю утвердительный отвѣтъ. Внизу, у подошвы Риги, она уже нашла тамъ двухъ мальчугановъ, изъ которыхъ одинъ вручилъ ей записку, а другой—депешу. Обѣ были отъ Лассаля, обѣ выражали его

нетерпѣніе и умоляли ее беречь свое здоровье. Въ Бернѣ Елену также ожидала депеша Лассаля, подписанная: Зигфридъ, а въ Ваберпѣ, около Берна, гдѣ они жили, еще двѣ депеши—съ тою же подписью.

V.

Первою мыслію Елены по возвращеніи было написать Янко. Въ этомъ письмѣ она разсказала ему все, заявляла свое сожалѣніе, и даже, предвидя препятствія со стороны родителей, разсчитывала на его помощь! Совсѣмъ иначе звучало письмо къ Лассалю. Елена говорила въ немъ, что чувствуетъ въ себѣ теперь присутствіе воли, что хочетъ быть и будетъ его женой, что какъ ни тяжело ей убить счастіе Янко, она рѣшилась на это теперь, какъ рѣшилась бѣжать съ нимъ, «своимъ царственнымъ орломъ», «своимъ господиномъ», «своимъ другомъ-сатаной», если окажется невозможнымъ склонить родителей на этотъ желанный союзъ.

Черезъ день послѣ своей неожиданной встрѣчи, 27-го іюля, Лассаль писалъ о ней графинѣ Гацфельдъ. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ и разсказывалъ это въ своемъ письмѣ графинѣ, что Елена, узнавъ изъ письма Гольтгофа объ его пребываніи на Риги-Кальтбадѣ, устроила поѣздку туда съ своими пріятельницами, чтобъ отыскать его тамъ. На эту любезность надо отвѣчать любезностью, прибавлялъ онъ, и я обѣщалъ Еленѣ пріѣхать въ Женеву между 15-мъ и 25-мъ августа. Онъ просилъ графиню держать его секретъ въ глубокой тайнѣ и приглашалъ ее пріѣхать туда же, чтобы видѣться съ нимъ и познакомиться съ его невѣстой. А, между тѣмъ, онъ намѣренъ бросить страшно скучный Кальтбадъ и поѣхать въ Бернъ. На другой день, 28-го, онъ опять писалъ графинѣ: «Вы очень ошибочно судите обо мнѣ, полагая, что я не могу довольствоваться нѣкоторое время наукой, дружбой и красивой природой, что мнѣ необ-

ходима политика. Я ничего не желаю такъ сильно, какъ вполнѣ развязаться съ политикой, чтобъ уйти въ науку, дружбу и природу. Я исполненъ политикой и сытъ ею по горло. Правда, я воспылалъ бы къ ней бо̀льшею страстью, чѣмъ когда-нибудь прежде, еслибъ наступили серьёзныя событія, еслибъ я получилъ власть или имѣлъ въ виду средство пріобрѣсти ее—такое средство, которое мнѣ пригодно, потому что безъ власти ничего не сдѣлаешь. А для ребяческой игры я слишкомъ старъ и слишкомъ великъ. Оттого я въ высшей степени неохотно принялъ предсѣдательство въ общемъ германскомъ союзѣ рабочихъ. Я уступилъ только вашимъ настояніямъ. И теперь это положеніе гнететъ меня.

«Боюсь, сильно боюсь, что событія будутъ развиваться медленно, очень медленно, а моя страстная душа не терпитъ этихъ дѣтскихъ болѣзней, этихъ хроническихъ процессовъ. Я понимаю политику какъ дѣятельность настоящей минуты. Все другое можно дѣлать, оставаясь и въ научной области. Попытаюсь оказать въ Гамбургѣ нѣкоторое вліяніе на событія. Но насколько это будетъ успѣшно—я не могу обѣщать и самъ не ожидаю многаго.

«О, какъ хотѣлось бы мнѣ устраниться!

«Сейчасъ получилъ письмо отъ Елены, письмо въ высшей степени серьёзное. Дѣло принимаетъ рѣшительный оборотъ. Отступленіе уже невозможно для меня, да я, по правдѣ, и не вижу, зачѣмъ было бы мнѣ отступать! Елена—красивая дѣвушка, и по своимъ личнымъ свойствамъ единственная дѣвушка, подходящая къ моимъ требованіямъ; вы сами нашли бы ее единственной подходящей для меня женой.

«Итакъ, впередъ черезъ Рубиконъ. Онъ ведетъ къ счастію! И васъ, добрая графиня, столько же, сколько меня».

На другой день, благодаря краткости швейцарскихъ разстояній, Лассаль, получившій наканунѣ отвѣтъ Елены, былъ уже въ Бернѣ, и за вечернимъ чаемъ бесѣдовалъ въ

Ваберн съ окружавшимъ ее обществомъ, засыпавъ ее предварительно любовными депешами и страстными письмами. Въ своихъ письмахъ изъ Кальтбада въ Ваберн, онъ писалъ, между прочимъ, Еленѣ: «Честолюбива ли ты? Что̀ сказало бы мое дитя, еслибъ я могъ когда-нибудь устроить ей тріумфальный въѣздъ въ Берлинъ, везомой шестью бѣлыми конями, какъ первой женщины Германіи, высоко стоящей надъ всѣми другими?»... «Собственно говоря, въ высшей степени глупо терзать себя злосчастной политикой, благомъ и невзгодами другихъ людей! Все это было хорошо, пока я былъ одинъ, и не имѣлъ лучшаго дѣла—а теперь! Не лучше ли мнѣ отказаться отъ всего, уѣхать съ тобою далеко, далеко, туда, куда пожелаетъ мое дитя, моя царица, и отдаться нашему счастію, нашимъ занятіямъ и немногимъ друзьямъ!»

Лассаль, очевидно, былъ въ лихорадкѣ. Въ Ваберн онъ самъ разсказывалъ Еленѣ, что сидѣлъ въ это время въ телеграфномъ бюро Кальтбада, и, занимаясь тамъ своими дѣловыми письмами и бумагами, укрощалъ порывы своего нетерпѣнія депешей на ея имя. Однообразное постукиванье телеграфнаго аппарата дѣйствовало на него успокоительно; ему казалось, что онъ такимъ образомъ приходитъ въ прямое соприкосновеніе съ нею.

Лассаль пріѣхалъ въ Ваберн, охваченный безпредѣльною, безумною страстью почти сорокалѣтняго холостяка къ двадцатилѣтней дѣвушкѣ. Подлѣ Елены онъ забывалъ все, свои политическія и соціальныя заботы; она играла съ нимъ, какъ съ «большою собакой»,—такъ называлъ онъ себя—и строгимъ кличемъ унимала его бурные порывы. Все это было для него ново; онъ какъ ребенокъ предавался неизвѣданнымъ ощущеніямъ взаимной любви и счастія.

Но онъ былъ нѣмецъ по воспитанію и еврей по крови, и никогда не забывалъ положительныхъ требованій жизни даже и въ чаду своихъ восторговъ. Бесѣдуя съ Лассалемъ, Елена говорила ему, что «все благоразумное» дѣйствуетъ

на нее какъ ядъ, и тѣмъ не менѣе онъ принесъ показать ей массу бумагъ.

— Тебѣ необходимо знать хорошенько,—сказалъ онъ,— какую жизнь я тебѣ предлагаю, и довольно ли тебѣ того, что̀ я могу дать тебѣ.

Онъ объяснилъ, какъ велики его средства; откуда онъ ихъ получаетъ и почему считаетъ ихъ достаточными для супружества. Лассаль имѣлъ въ то время около семи тысячъ талеровъ годоваго дохода. Объясняя ихъ происхожденіе, онъ объяснилъ и свои отношенія къ графинѣ Гацфельдъ, которымъ молва приписывала двусмысленный, даже предосудительный характеръ.

— Ты слышала о моихъ отношеніяхъ къ графинѣ. Я хотѣлъ бы знать, насколько ты вѣришь тому, что̀ могли говорить тебѣ объ этомъ?

— Я смотрю на эти отношенія очень просто. Она была красива, ты былъ очень молодъ, влюбился въ нее, и вы сблизились. Теперь она стара, а ты еще молодъ, и вы стали теперь друзьями.

— Слава Богу!—воскликнулъ Лассаль.—Какъ я радъ, что встрѣчаю разсудительное существо—безъ причудъ, безъ предразсудковъ—натуральнѣйшую изъ натуръ! Мои отношенія къ графинѣ были приблизительно такія, какъ ты говоришь, но не совсѣмъ такія. Я прикованъ къ ней священными узами, которыхъ никогда не разорву иначе, какъ по самымъ важнымъ причинамъ, да и то едва ли—я связанъ съ нею благодарностью. Я былъ еще мальчикомъ, когда эта женщина, находясь въ самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, почтила меня своимъ довѣріемъ, положивъ всю свою судьбу въ эту дѣтскую руку. Я доказалъ ей, что то была рука взрослаго человѣка, но на это нужно было время; графиня не могла знать заранѣе, чѣмъ кончится ея дѣло, и все-таки довѣряла мнѣ, и я всю жизнь обязанъ ей за это благодарностью!

— Я преклоняюсь передъ такими отношеніями,—сказала Елена.

Лассаль благодарно поцѣловалъ ее и продолжалъ:

— Ты знаешь, въ общихъ чертахъ, исторію о шкатулкѣ, ты читала мою тогдашнюю защитительную рѣчь. Я былъ еще очень юнъ, но никогда не раскаявался потомъ въ моемъ тогдашнемъ образѣ дѣйствій, и, быть можетъ, поступилъ бы и теперь точно такъ же, какъ тогда. Но это дѣло и мои отношенія къ графинѣ, мое полное погруженіе въ ея интересы, веденіе ея страшно запутанныхъ процессовъ сбили меня съ предположеннаго поприща и отчасти даже поссорили меня съ семьей. И для меня, и для нея, или, лучше, для той партіи, въ интересѣ которой я дѣйствовалъ, надо было установить вознагражденіе за всѣ мои матеріальныя жертвы, чтобы мы оба были свободны, чтобы графиня не была слишкомъ одолжена мною. И вотъ, мы заключили договоръ, по которому я, если выиграю ея дѣло противъ ея мужа, графа Гацфельда, буду получать изъ спасеннаго гацфельдовскаго состоянія пожизненный доходъ въ вознагражденіе за потраченныя мною деньги, за понесенный трудъ и потерянное время. Ты поймешь и, конечно, одобришь этотъ поступокъ. Въ этомъ отношеніи я совершенно свободенъ относительно графини, и она давно уже свободна по отношенію ко мнѣ. Наши сердечные интересы уже давно расходятся въ противоположныя стороны.

— Слава богу!—вскричала въ свою очередь Елена, цѣлуя его.—И я тоже буду очень любить твою графиню, и теперь же напишу ей, какъ дочь къ матери; я сдѣлаю все, чтобы быть ей пріятной. Но я думаю, ей все-таки не нужно быть всегда у насъ и съ нами?

Лассаль былъ несказанно обрадованъ этимъ вопросомъ. Онъ весело бѣгалъ по комнатѣ, много разъ поцѣловалъ Елену и множество разъ повторилъ ей послѣднія слова.

— Нѣтъ, нѣтъ!—говорилъ онъ весело.—Этого совсѣмъ не нужно! Она и не должна этого требовать! Вѣдь, было бы

ужасно такое супружество втроемъ. Когда она въ Италіи, мы уѣдемъ въ Египетъ; когда она въ Швейцаріи, мы уѣдемъ въ Парижъ или въ Германію, и наоборотъ. Мы будемъ ее посѣщать разъ въ годъ. Скажи же: довольно ли тебѣ того, что̀ я могу предложить тебѣ?—возвратился Лассаль къ своему первоначальному вопросу.

— Вполнѣ,—отвѣчала Елена.

— Клянусь, твой выборъ не дуренъ,—сказалъ Лассаль, довольный и потирая свои руки. Жена Фердинанда Лассаля должна быть первою изъ всѣхъ. Поговоримъ объ этомъ обстоятельно. Имѣешь ли ты понятіе о моихъ планахъ и цѣляхъ? Нѣтъ? Взгляни на меня,—прибавилъ онъ, выпрямляясь:—похожъ ли я на человѣка, способнаго довольствоваться второю ролью въ государствѣ? Неужели я стану отдавать сонъ моихъ ночей, мозгъ моихъ костей и силу моихъ легкихъ, чтобы вынимать для другихъ каштаны изъ огня? Похожъ ли я на политическаго мученика? Нѣтъ! Я готовъ дѣйствовать и бороться, но я хочу также насладиться добытымъ призомъ и возложить на тебя—скажу пока—побѣдный вѣнецъ. Поди сюда, и стань подлѣ меня передъ зеркаломъ. Посмотри: не гордая ли, не царственная ли чета передъ тобою?

Отуманенный въ эту минуту самоувѣренностью и страстью, Лассаль не зналъ мѣры своимъ надеждамъ на будущее.

— «Фердинандъ», избранникъ народа—вотъ какъ должны они назвать меня, если удастся наше дѣло и мы торжественно въѣдемъ въ Берлинъ. Успѣхъ потребуетъ упорной борьбы — и время еще не подоспѣло — быть можетъ, придется еще долго, долго ждать въ безполезномъ мученичествѣ, въ страдательномъ ораторствѣ или, еще лучше, въ полномъ бездѣйствіи,— не знаю! Vedremo! Передъ нами еще много времени, чтобы пораздумать объ этомъ; но теперь ты пріобщилась моему духу, отнынѣ ты моя!

Елена плохо понимала политическіе и общественные вопросы. Она легко и буквально повѣрила всему, что̀ онъ

говорилъ ей съ такимъ увлеченіемъ и безграничной самоувѣренностью.

День прошелъ въ шуткахъ, прогулкахъ, чтеніи стихотвореній: Лассаль отлично читалъ ихъ. Поздно вечеромъ, когда Елена, войдя въ свою комнату, подошла къ открытому окну, чтобы полюбоваться лунною ночью и вдохнуть чуднаго горнаго воздуха, въ окно простерлись снаружи двѣ руки, быстро обнявшія ея станъ. Она легко протестовала; но онъ успокоилъ ее.

— Не тревожься, мое сердце! Я буду вести себя примѣрно и останусь подлѣ тебя, пока ты такъ устанешь, что скажешь мнѣ: «кушъ!» Тогда я уйду. А теперь ночь такъ прекрасна, сердце такъ полно, ты такъ близко... Сонъ невозможенъ; будемъ болтать, молиться лунѣ, или изъ вѣчнаго сочетанія двухъ словъ: Фердинандъ и Елена — сложимъ вновь пѣснь пѣсней любви...

Но разговоръ не удержался на этой высотѣ. Елена упомянула случайно о Цительманѣ, въ домѣ котораго при ней была однажды рѣчь о Лассалѣ. Цительманъ былъ тогда правой рукой князя Бисмарка.

— Чтò тамъ говорили? — горячо спросилъ Лассаль.

— Говорили не много,—отвѣчала Елена. Жена Цительмана проговорилась, что Лассаль былъ у Бисмарка, что Бисмаркъ очарованъ имъ; но въ эту минуту мужъ сердито посмотрѣлъ на нее, и она замолчала. Правда ли это? Есть у тебя тайныя дѣла съ Бисмаркомъ? — Лассаль помолчалъ, улыбнулся и, взявъ ее за руку, сказалъ вполголоса: «Ахъ, дитя! Слыханное ли дѣло! Этими маленькими пальцами— ты, вѣдь, знаешь, что глупо имѣть такіе маленькіе пальцы— этими лапками Эльфа дерзко хватается она за мои драгоцѣннѣйшія тайны, которыя я, какъ сокровища, храню въ моемъ сердцѣ, роется въ нихъ, обращается съ этими сокровищами, какъ съ своей безспорной собственностью, высыпаетъ иныя, точно соръ, и требуетъ драгоцѣннѣйшихъ изъ нихъ для себя, какъ бездѣлку, какъ украшеніе для волосъ!

ужасно такое супружество втроемъ. Когда она въ Италіи, мы уѣдемъ въ Египетъ; когда она въ Швейцаріи, мы уѣдемъ въ Парижъ или въ Германію, и наоборотъ. Мы будемъ ее посѣщать разъ въ годъ. Скажи же: довольно ли тебѣ того, что̀ я могу предложить тебѣ?—возвратился Лассаль къ своему первоначальному вопросу.

— Вполнѣ,—отвѣчала Елена.

— Клянусь, твой выборъ не дуренъ,—сказалъ Лассаль, довольный и потирая свои руки. Жена Фердинанда Лассаля должна быть первою изъ всѣхъ. Поговоримъ объ этомъ обстоятельно. Имѣешь ли ты понятіе о моихъ планахъ и цѣляхъ? Нѣтъ? Взгляни на меня,—прибавилъ онъ, выпрямляясь:—похожъ ли я на человѣка, способнаго довольствоваться второю ролью въ государствѣ? Неужели я стану отдавать сонъ моихъ ночей, мозгъ моихъ костей и силу моихъ легкихъ, чтобы вынимать для другихъ каштаны изъ огня? Похожъ ли я на политическаго мученика? Нѣтъ! Я готовъ дѣйствовать и бороться, но я хочу также насладиться добытымъ призомъ и возложить на тебя—скажу пока—побѣдный вѣнецъ. Поди сюда, и стань подлѣ меня передъ зеркаломъ. Посмотри: не гордая ли, не царственная ли чета передъ тобою?

Отуманенный въ эту минуту самоувѣренностью и страстью, Лассаль не зналъ мѣры своимъ надеждамъ на будущее.

— «Фердинандъ», избранникъ народа—вотъ какъ должны они назвать меня, если удастся наше дѣло и мы торжественно въѣдемъ въ Берлинъ. Успѣхъ потребуетъ упорной борьбы — и время еще не подоспѣло — быть можетъ, придется еще долго, долго ждать въ безполезномъ мученичествѣ, въ страдательномъ ораторствѣ или, еще лучше, въ полномъ бездѣйствіи,— не знаю! Vedremo! Передъ нами еще много времени, чтобы пораздумать объ этомъ; но теперь ты пріобщилась моему духу, отнынѣ ты моя!

Елена плохо понимала политическіе и общественные вопросы. Она легко и буквально повѣрила всему, что̀ онъ

— Дитя! Дитя! Ты хочешь узнать все въ эту чудную лунную ночь! Дѣла вѣковъ, результаты глубокихъ изслѣдованій—ты все выспрашиваешь у меня, забавляясь, и я, несчастный, долженъ бросить тебѣ все это на колѣни, какъ игрушку. Говорить о борьбѣ, взывать къ оружію, еще далеко не то же, что хладнокровно побивать ближняго окровавленной рукой. Да и знаешь ли ты, плутовка, о какомъ оружіи я говорю? Золотое оружіе духа: даръ слова, человѣколюбіе, благосостояніе и очеловѣченіе бѣдныхъ, обдѣленныхъ и трудящихся, и особенно воля,—вотъ это благородное и истинно золотое оружіе въ моихъ глазахъ выше и вѣрнѣе, чѣмъ наносящее раны ржавое оружіе среднихъ вѣковъ. Я допускаю кровь и мечъ только въ крайней необходимости, если враги сами того потребуютъ. Но они должны, я думаю, бояться насъ и безъ кровопролитія. Однако свѣтаетъ, а мы собираемся завтра на Ниссенъ. Желаю тебѣ сладко спать и видѣть меня во снѣ.

Онъ продолжительно обнялъ ее и тихо проговорилъ:

— Какое счастье, какое блаженство ожидаетъ насъ, когда ты будешь вполнѣ моею. Чудную женщину сдѣлаю я изъ этого ребенка!

И Лассаль, и Елена, писали графинѣ изъ Ваберна. Елена называла ее второй матерью, просила ея помощи и совѣтовъ, благодарила ее за дружбу къ Лассалю и заочно цѣловала ея руки. Лассаль, между прочимъ, писалъ графинѣ 30-го іюля:

«Вообще я долженъ вамъ сказать, что Елена питаетъ сильную симпатію къ вамъ—одно изъ самыхъ существенныхъ условій моего счастія съ нею. Въ этомъ отношеніи, она совсѣмъ не похожа на другихъ женщинъ. Въ ней нѣтъ и признака ревности и зависти. Пока я не сказалъ ей, что вы больны сами и нуждаетесь въ леченіи, она находила ужаснымъ и непонятнымъ, что вы не сопровождали меня на Риги-Кальтбадъ, чтобъ остаться тамъ со мною...» «Елена вообще натура въ смыслѣ Гёте, вопреки свѣтскому тонкому

Но я люблю ее—эту наивную дерзость. Да, я былъ у Бисмарка. «Желѣзный» великанъ хотѣлъ плѣнить меня. Желѣзо — цѣнный металлъ: оно такъ крѣпко, жестко, такъ сильно рубитъ и колетъ. Чего, чего не сдѣлало желѣзо на свѣтѣ! Почти все достигнуто, закрѣплено при помощи желѣза — почти все — почти! Но есть еще другой металлъ, болѣе гибкій и мягкій, назначенный не для геройскихъ и боевыхъ дѣлъ, и все-таки болѣе могучій, чѣмъ всемогущее желѣзо. Этотъ металлъ—золото. Что̀ разрушено желѣзомъ, то вновь создается золотомъ. Дождь, плѣнившій сердце Данаи, былъ золотой дождь. Да, да, золотистая плутовка: еще вопросъ, который изъ двухъ металловъ сильнѣе, вліятельнѣе! Наверху, въ своихъ «желѣзныхъ» кружка̀хъ, они, разумѣется, говорятъ, что «золото — жидовское», но все дѣло во вліяніи, единственно въ немъ. Наконецъ, желѣзо ржавѣетъ отъ времени, а ржавое желѣзо поступаетъ въ кладовую. Сдадимъ же его въ кладовую столѣтій, исторіи! О Бисмаркѣ скажу, что то, чего онъ хотѣлъ отъ меня, не состоялось и не могло состояться. Мы оба слишкомъ лукавы, оба замѣтили наше лукавство, и въ концѣ-концовъ могли-бы только разсмѣяться, глядя другъ на друга. Но мы слишкомъ хорошо воспитаны для этого, и дѣло ограничилось одними посѣщеніями и остроумными бесѣдами.

— А понравился тебѣ Бисмаркъ? Онъ очень уменъ?

— Уменъ! Что̀ значитъ вообще: уменъ! Если мы съ тобой умны, то Бисмаркъ не уменъ! Онъ рѣзокъ, онъ тяжелъ,— онъ именно «желѣзный». Утонченное желѣзо дѣлается сталью, и тогда можно дѣлать изъ него колющее, красивое оружіе, но все-таки оружіе! Я предпочитаю золото — золото, что̀ у тебя на головѣ, что̀ дано мнѣ въ таинственномъ дарѣ—быть ловцомъ людей, дѣлать ихъ своими! Ты еще увидишь, мое сердце, чего можетъ достигнуть наше золото!

— Но вѣдь и ты много говоришь объ оружіи, о крови и борьбѣ; наконецъ, и перевороты не дѣлаются безъ оружія и желѣза.

— Дитя! Дитя! Ты хочешь узнать все въ эту чудную лунную ночь! Дѣла вѣковъ, результаты глубокихъ изслѣдованій—ты все выспрашиваешь у меня, забавляясь, и я, несчастный, долженъ бросить тебѣ все это на колѣни, какъ игрушку. Говорить о борьбѣ, взывать къ оружію, еще далеко не то же, что хладнокровно побивать ближняго окровавленной рукой. Да и знаешь ли ты, плутовка, о какомъ оружіи я говорю? Золотое оружіе духа: даръ слова, человѣколюбіе, благосостояніе и очеловѣченіе бѣдныхъ, обдѣленныхъ и трудящихся, и особенно воля,—вотъ это благородное и истинно золотое оружіе въ моихъ глазахъ выше и вѣрнѣе, чѣмъ наносящее раны ржавое оружіе среднихъ вѣковъ. Я допускаю кровь и мечъ только въ крайней необходимости, если враги сами того потребуютъ. Но они должны, я думаю, бояться насъ и безъ кровопролитія. Однако свѣтаетъ, а мы собираемся завтра на Ниссенъ. Желаю тебѣ сладко спать и видѣть меня во снѣ.

Онъ продолжительно обнялъ ее и тихо проговорилъ:

— Какое счастье, какое блаженство ожидаетъ насъ, когда ты будешь вполнѣ моею. Чудную женщину сдѣлаю я изъ этого ребенка!

И Лассаль, и Елена, писали графинѣ изъ Ваберна. Елена называла ее второй матерью, просила ея помощи и совѣтовъ, благодарила ее за дружбу къ Лассалю и заочно цѣловала ея руки. Лассаль, между прочимъ, писалъ графинѣ 30-го іюля:

«Вообще я долженъ вамъ сказать, что Елена питаетъ сильную симпатію къ вамъ—одно изъ самыхъ существенныхъ условій моего счастія съ нею. Въ этомъ отношеніи, она совсѣмъ не похожа на другихъ женщинъ. Въ ней нѣтъ и признака ревности и зависти. Пока я не сказалъ ей, что вы больны сами и нуждаетесь въ леченіи, она находила ужаснымъ и непонятнымъ, что вы не сопровождали меня на Риги-Кальтбадъ, чтобъ остаться тамъ со мною...» «Елена вообще натура въ смыслѣ Гёте, вопреки свѣтскому тонкому

внѣшнему образованію, которое ею усвоено, но которое никогда не могло получить господства надъ ея внутреннимъ міромъ. Единственный, но огромный ея недостатокъ — отсутствіе воли. Въ ней нѣтъ и слѣда воли. Само по себѣ это, разумѣется, большой порокъ. Но еслибъ мы женились, то отсутствіе воли, быть можетъ, перестало бы оставаться порокомъ. У меня достаточно воли для двоихъ; — Елена была бы въ моихъ рукахъ какъ флейта въ рукахъ артиста. Но самый бракъ будетъ сильно затрудненъ этимъ безсиліемъ воли. Теперь она, конечно, рѣшилась быть моей женой. Но долго ли продержится эта рѣшимость у лишеннаго воли существа, когда начнутся препятствія и столкновенія? Все это я еще обдумаю серьезно, прежде чѣмъ открою формальныя дѣйствія».

Въ другомъ письмѣ къ графинѣ изъ Берна, 2-го августа, Лассаль говоритъ: «Вы совѣтуете мнѣ подумать о томъ, что еще недавно я былъ смертельно влюбленъ въ другую. Но я отвѣчу на это, что, во-первыхъ, понятіе: «быть смертельно влюбленнымъ» — для меня вообще не существуетъ; а во-вторыхъ, что и теперь еще въ чувственномъ отношеніи М. для меня привлекательнѣе Елены, и это можетъ служить вамъ лучшимъ доказательствомъ, что я повинуюсь не одному только чувственному влеченію. Напротивъ: личность Елены такъ безусловно подходитъ къ моимъ требованіямъ, что я не могъ и думать найти когда-нибудь такую женщину. Какое въ самомъ дѣлѣ счастіе, будучи уже 39½ лѣтъ отъ роду встрѣтить такую красивую, любезно-мыслящую и подходящую дѣвушку, которая такъ сильно меня любитъ и, что̀ безусловно необходимо мнѣ, совершенно тонетъ въ моей волѣ!»

Графинѣ не нравился этотъ союзъ; она относилась недовѣрчиво къ поспѣшности Лассаля, писала ему, что онъ испортитъ все дѣло своимъ нетерпѣніемъ, что въ сношеніяхъ съ женщинами онъ обыкновенно теряетъ голову и вѣрный взглядъ на вещи. Но онъ видимо не довѣрялъ графинѣ, и

твердо стоялъ на своемъ намѣреніи теперь-же жениться на Еленѣ.

Между влюбленными было условлено, что 3-го августа Елена поѣдетъ къ родителямъ въ Женеву съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, а онъ послѣдуетъ за нею четырьмя часами позже. Дома Елена должна была сказать только, что она встрѣтила Лассаля на Риги, что онъ въ скоромъ времени пріѣдетъ въ Женеву и посѣтитъ ея родителей, потому что давно желаетъ познакомиться съ ними. Приглашая графиню пріѣхать на берега Женевскаго озера, Лассаль писалъ ей въ тотъ-же день, 3-го августа, что въ случаѣ отказа родителей, Елена должна оставить родительскій домъ и отдаться подъ ея защиту и покровительство.

VI.

Въ назначенный день, къ двумъ часамъ, Елена возвратилась къ родителямъ въ Женеву, а въ четвертомъ часу уже отправила къ Лассалю въ ближайшій пансіонъ Леовэ (Пакки), съ своей горничной Терезой, слѣдующее письмо:

«Мое сердце, мой красивый, царственный орелъ, еще не прошло и часа, что я въ родительскомъ домѣ, а я уже имѣю сообщить тебѣ нѣчто новое, но только печальное. Пріѣхавъ сюда, я узнала, что младшая моя сестра Маргарита помолвлена съ графомъ Кейзерлингомъ, и застала всю семью внѣ себя отъ счастія и радости. Ахъ, Фердинандъ, мнѣ больно подумать, что не такъ отразится на нихъ м о е счастье, и однако мнѣ это безразлично: и въ радости, и въ горѣ, я твоя вѣрная, тебѣ одному преданная жена.

«Я воспользовалась радостнымъ настроеніемъ семьи и сказала матери, что ты посѣтишь насъ сегодня; но бѣдная женщина представляетъ себѣ моего прекраснаго Фердинанда какимъ-то хищникомъ, и я встрѣтила съ ея стороны рѣшительный отпоръ, и притомъ по глупымъ причинамъ, кото-

рыя слишкомъ мелочны для того, чтобы затронуть тебя. И вотъ я сочла себя вынужденною прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ.—«Слушай, мама,—сказала я:—сегодня я не въ первый разъ говорю: я хочу, и повѣрь, что я исполню мою волю, что это такъ же вѣрно, какъ мое присутствіе передъ тобой въ эту минуту». Тутъ я коротко разсказала нашу встрѣчу.

«Пока я говорила, мать нѣжно слушала и даже ни разу не прервала меня, хотя на глазахъ ея выступили слезы. Я заключила нѣсколькими поцѣлуями и увѣреніями въ любви къ ней, и еще разъ повторила: «Только въ немъ мое счастье, въ немъ моя судьба!»

«Она тихо плакала и вышла изъ комнаты, и я, дитя, стала твоей дѣйствительной Брунгильдой. Я не плакала, не дрожала, я смотрѣла на твое изображеніе и тихо молила тебя: приди, мой высокій, гордый, царственный орелъ, придай мнѣ силы и твердости твоимъ чуднымъ орлинымъ взглядомъ. Такъ молила я, и вѣра въ тебя помогла мнѣ: благодарю тебя, мой сильный Зигфридъ.

«Вскорѣ вошла мать и сказала, что должна передать все отцу, что въ противномъ случаѣ произойдетъ страшный скандалъ. Я отвѣчала на это, что прошу ее не говорить отцу, что исполненіе этой просьбы — единственное, чего я требую въ награду за мое довѣрчивое признаніе, что ты не желаешь, чтобы отецъ познакомился съ тобою, имѣя предвзятыя мысли за или противъ; словомъ, я просила принять тебя просто, какъ всякаго другаго, и потомъ уже судить о тебѣ. Но мать была неумолима и объявила: «Отецъ никогда и ни за что не приметъ его, я должна пойти и сказать ему все». Я спросила, что же имѣетъ онъ противъ Лассаля, что можетъ онъ сказать противъ него, car enfin его политическое положеніе—вполнѣ достаточная причина, чтобы принять его, когда онъ придетъ». «Не политическое, а общественное положеніе, исторіи со шкатулкой и отношенія къ графинѣ Гацфельдъ и многое другое, не позволяютъ отцу

вести съ нимъ знакомство»,— возразила мать.— Я сказала на это, что не требую отъ нихъ ничего другаго, кромѣ согласія принять и узнать его. «Но ты не можешь требовать отъ отца, отвѣчала она, чтобы онъ, выдавая дочь за графа Кейзерлинга, принялъ въ свою семью человѣка, о которомъ всѣ отзываются такимъ образомъ». Я: «Не принимайте его въ члены семьи, дайте только ваше согласіе выпустить меня изъ семьи; если вы того требуете, я даю вамъ обѣщаніе никогда не переступать вашего порога, какъ ни больно это мнѣ, какъ ни надрывается при этомъ мое сердце!»

«Мать ничего не отвѣчала на это, плакала еще больше, и, успокоившись нѣсколько, сказала мнѣ нѣсколько строгихъ словъ, упрекая меня въ томъ, что я слишкомъ много позволяла себѣ подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія и т. д.

«Но видя, что я стою на своемъ, она вышла изъ моей комнаты съ твердымъ намѣреніемъ разсказать все отцу. Онъ теперь на озерѣ съ моимъ родственникомъ, д-ромъ Арндтомъ, и одному Богу извѣстно, что случится, когда онъ вернется домой. Во всякомъ случаѣ, я буду тверда, какъ скала...

«Первый здѣшній адвокатъ—Амберни. Ты желалъ знать его имя.

«Теперь половина седьмаго, и ты, мое сердце и божество, конечно, уже здѣсь? О! эта мысль придаетъ мнѣ твердость и силу—мнѣ нужно чувствовать близость и всемогущество моего господина и повелителя, чтобы не уступать, чтобы не быть и въ отношеніи къ другимъ тѣмъ же, чѣмъ я остаюсь передъ тобою—ребенкомъ. Но я чувствую тебя и твою любовь, я ничего не боюсь и останусь навсегда твоей женой, твоимъ ребенкомъ, молящейся на тебя вещью! О, еслибъ графиня была здѣсь!

«Скажи мнѣ хоть въ короткой запискѣ, что ты меня любишь! Вѣдь я такъ сильно люблю тебя, Фердинандъ!

«Совершилось—они высказались:—отецъ объявилъ мнѣ,

что не считаетъ меня больше своей дочерью! И что́ произойдетъ теперь — извѣстно одному Богу.

«Я могу...»

На этомъ словѣ обрывается письмо Елены, очевидно написанное въ сильномъ волненіи. Письмо было дописано уже послѣ разговора съ отцомъ, который, узнавъ о случившемся, пришелъ къ дочери съ грубыми разспросами объ «этомъ плутѣ Лассалѣ», съ которымъ она осмѣлилась завязать какія-то шашни. Онъ грозилъ Еленѣ проклятіемъ, кричалъ, что не потерпитъ постыднаго брака дочери съ отверженникомъ общества и, строго воспретивъ ей выходить изъ дому, взбѣшенный вышелъ изъ комнаты.

На-скоро набросавъ письмо, Елена отправила его съ горничной Терезой. Грозный тонъ и проклятія отца напугали ее. Она не ожидала такого сильнаго отпора, и не знала, что начать. Ей было досадно, зачѣмъ она отвергала прежде предложенія Лассаля увезти ее изъ Берна. Въ это время позвонили къ обѣду. Было около семи часовъ. Елена взяла шляпку и плащъ, немного денегъ и бывшій у нея маленькій кинжалъ, и поспѣшно вышла на улицу, незамѣченною никѣмъ изъ домашнихъ. Она направилась къ ближайшему пансіону Леове, куда, по ея соображеніямъ, уже прибылъ Лассаль и доставлено ея письмо. Теперь она соглашалась бѣжать съ нимъ. Ей уже грезилось, что черезъ часъ они будутъ на пути во Францію...

У подъѣзда пансіона стоялъ извозчикъ, а подлѣ него Лассаль, только что вышедшій изъ экипажа, и Тереза съ письмомъ въ рукахъ. Такая неожиданность сильно напугала ее. Значитъ, онъ еще ничего не знаетъ, надо все объяснять вновь, и бѣгство будетъ замедлено, а, можетъ быть, и парализовано мѣрами отца. Лассаль выѣхалъ изъ Берна двумя часами позже, чѣмъ предполагалъ и только теперь подъѣхалъ къ гостинницѣ. Увидѣвъ Елену, онъ поблѣднѣлъ и, не здороваясь, спросилъ: «Ради Бога, что случилось?» Елена, между тѣмъ, шепнула Терезѣ, чтобъ она шла до-

мой и готовилась къ отъѣзду. Потомъ, обратившись къ Лассалю, она показала ему письмо и проговорила: «прочти!»

— Дитя, что съ тобой? сказалъ Лассаль, замѣтивъ сильное волненіе Елены. — Пойдемъ, здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ; войди сюда.

И, войдя въ домъ, онъ отворилъ дверь въ чью-ту комнату подвальнаго этажа. Онъ велъ Елену подъ руку къ стулу, но она упала къ ногамъ его, прежде чѣмъ дошла до стула, и проговорила:—«Прочти, и дѣлай со мной, что хочешь. Я теперь твоя жена, твоя вещь.

— Успокойся, мое сердечко, отдохни, говорилъ онъ, поднявъ ее и перенося на кровать,—а я пока прочту письмо.

Письмо раздражило его. Когда онъ кончилъ читать, лицо его приняло суровое выраженіе; онъ увидѣлъ, что Елена тотчасъ по пріѣздѣ нарушила данное ему обѣщаніе не говорить дома ни слова объ ихъ отношеніяхъ, пока онъ не познакомится съ ея отцомъ.

— Ты поступила не такъ какъ я приказалъ тебѣ! проговорилъ онъ сердито.—Непослушаніе моей воли—вотъ первое, что ты мнѣ предлагаешь,—и этимъ ты испортила все

Лассаль замѣчалъ въ этой дѣвушкѣ полное отсутствіе воли, но онъ совсѣмъ не замѣчалъ отсутствія такта и ума. Теперь онъ видѣлъ ясно, какъ безразсудно она опрокинула всѣ его соображенія и разсчеты на соглашеніе съ отцомъ. Онъ вышелъ изъ себя, и напрасно она умоляла его рѣшиться теперь же на то, что самъ онъ предлагалъ ей раньше, то есть бѣжать во Францію и обвѣнчаться тамъ. Онъ отвѣчалъ, что не позволитъ поступать съ собою, какъ съ мальчишкой, что приметъ ее къ себѣ не иначе какъ съ согласія родителей, которыхъ онъ къ тому принудитъ, что онъ телеграфируетъ сегодня же своей матери, сестрѣ, графинѣ, которыя пріѣдутъ въ Женеву и у которыхъ она можетъ оставаться до свадьбы. Онъ ходилъ въ волненіи по комнатѣ, обдумывая свои дальнѣйшія дѣйствія, когда прибѣжала Тереза съ тревожными воплями.

— Бога ради, уѣзжайте скорѣй, барышня, торопливо говорила она.—Васъ ищутъ, отецъ въ ярости, онъ послалъ за полиціей. Я привела карету: поѣздъ отходитъ черезъ четверть часа, вы еще поспѣете.

Но Лассаль оставался непреклоненъ. Онъ сказалъ Терезѣ, что она впослѣдствіи уѣдетъ съ ними, а теперь должна оставаться дома и извѣщать ихъ обо всемъ, и воспользовался приведенною каретой, чтобъ отвезти Елену къ ея пріятельницѣ, г-жа Роньонъ, жившей въ одной улицѣ съ семействомъ Деннигесъ, въ очень близкомъ отъ него разстояніи. Г-жа Роньонъ приняла ихъ радушно, предоставила Еленѣ часть своей виллы и обѣщала не пускать къ ней никого, кромѣ Терезы. Пока шелъ разговоръ объ этомъ, она стояла у окна.

— Ta mère et Marguerite, сказала она вдругъ, къ великому смущенію Елены.

— Само небо посылаетъ ихъ, воскликнулъ Лассаль. — Я желаю видѣться и говорить съ ними.

Хозяйка пригласила ихъ въ свою гостиную.

— Я не могу терпѣть присутствія этого человѣка! — вскричала мать, увидѣвъ Елену и Лассаля. — Прогоните его!

— Скажите, ради Бога, что вы имѣете противъ меня? спросилъ Лассаль.

— Въ этомъ я не обязана вамъ отчетомъ, закричала она, повернувшись къ нему спиной.— Но мой мужъ съумѣетъ выслать васъ отсюда. Васъ выгонятъ, какъ негодяя. Прочь съ моихъ глазъ, прочь!

— Уйдемъ, сказала Елена Лассалю, положивъ на него руку.—Я не потерплю, чтобы съ тобой такъ говорили. Никто не долженъ смѣть обращаться съ тобою такъ въ моемъ присутствіи.

— Говорите и дѣлайте, что вамъ угодно, милостивая государыня,—вы всетаки не лишите меня самообладанія, спокойно сказалъ Лассаль.—Всегда, при всѣхъ обстоятель-

ствахъ, я буду видѣть въ васъ мать Елены, и воздержусь отъ всякаго рѣзкаго слова.

Спокойный тонъ Лассаля еще больше раздражилъ мать. И когда онъ прибавилъ, что сейчасъ же пойдетъ къ ея мужу и спокойно обсудитъ съ нимъ все дѣло, какъ съ человѣкомъ благоразумнымъ и разсудительнымъ, она грубо отвѣтила:

— Мой мужъ не приметъ васъ, онъ велитъ лакеямъ выбросить васъ за дверь?

— Онъ этого не сдѣлаетъ, спокойно возразилъ Лассаль.— Я не изъ тѣхъ людей, которыхъ выбрасываютъ за дверь; но такъ какъ я не желаю подвергать отца Елены такой попыткѣ замарать насъ всѣхъ, то не пойду къ нему, а напишу ему.

— Онъ возвратитъ вамъ ваши письма нераспечетанными! былъ отвѣтъ матери.

— Тогда, милостивая государыня, истощится и мое терпѣніе. Тогда мы будемъ въ правѣ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, мы будемъ къ тому вынуждены.

— Да, вы уже поступили такъ! вскричала мать съ злобной усмѣшкой.— Вы заставили мою дочь сдѣлать неслыханный шагъ: она покинула родительскій домъ и не хочетъ возвратиться. Вы чудовище, вы украли мою дочь!

— Онъ этого не дѣлалъ! вступилась Елена.— Я ушла отъ угрозъ и проклятій отца!

— Вы думаете, милостивая государыня, что я укралъ вашу дочь? спросилъ Лассаль спокойно и съ улыбкой. — Вы сейчасъ увидите, какъ вы неправы. Елена, ты готова на все для меня, на всякую жертву? Ты согласна по моему знаку идти со мной или сдѣлать то, о чемъ я попрошу тебя?

— Конечно, отвѣчала Елена съ нѣкоторымъ страхомъ.— Я сдѣлаю все, чего ты желаешь; я готова сію же минуту уйти съ тобой. Требуй отъ меня, чего хочешь,—только бы мнѣ не идти отсюда съ своими.

— А я именно этого и требую,—требую какъ величайшей жертвы, какую ты можешь принести мнѣ. Ты сдѣлаешь это? ты согласна?

— Если ты въ самомъ дѣлѣ того требуешь, если ты можешь этого требовать—да! Но я страшно боюсь, я дрожу при одной мысли, что буду съ ними.

— Ты сдѣлаешь это для меня, сказалъ онъ твердо.— Итакъ, милостивая государыня, я возвращаю вамъ вашу дочь. Послушайте: я, который могъ сдѣлать съ вашей дочерью все, что хочу, я возвратилъ вамъ ее—хотя и на короткое время. Она идетъ съ вами только потому, что я этого хочу: не забывайте этого никогда и—прощайте!

Потомъ онъ обнялъ Елену.

— Прощай не надолго, сказалъ онъ, прижимая ее къ сердцу.— Я никогда не забуду того, что ты для меня дѣлаешь, возвращаясь въ ненавистный родительскій домъ. Я вѣчно останусь у тебя въ долгу за это. Ничего больше я не требую отъ твоей твердости и воли. Я знаю, что и этого безконечно много; все остальное—теперь уже мое дѣло. Не позволяй дурно обращаться съ собой, но затѣмъ исполняй то, чего отъ тебя потребуютъ; я буду знать все, что они дѣлаютъ съ тобой, и при малѣйшей обидѣ тотчасъ приду къ тебѣ на помощь. Помни это и не считай себя несчастливой: ты не долго останешься у нихъ. Поддайся на короткое время ихъ волѣ; моя воля сильнѣе, и мы побѣдимъ. Прощай!

Онъ поцѣловалъ ее, пожалъ ей руку и вышелъ. Вслѣдъ за нимъ вышла и мать Елены, оставивъ ее у г-жи Роньонъ съ Маргаритой. Обѣ сестры плакали, когда показался отецъ. Онъ былъ въ изступленіи. Безъ шляпы, съ длиннымъ охотничьимъ ножомъ въ рукѣ, онъ ругалъ непечатными словами Лассаля, свою дочь и г-жу Роньонъ, которая, по праву хозяйки, не хотѣла впустить его въ этомъ видѣ. Елена дрожала отъ страха.

— Ради бога, успокойтесь всѣ, сказала она. — Вѣдь, я готова сдѣлать все, что ты хочешь, папа!

— Да, и сдѣлаешь...— заревѣлъ онъ, подкрѣпляя свою фразу ругательнымъ словцомъ.—И сдѣлаешь—не потому, что такъ хочется тебѣ и твоему вылощенному любовнику, этому подлому жиду, а потому, что я этого требую. Я научу тебя уважать мою волю!

При этомъ онъ схватилъ ее за волосы и поволокъ по улицѣ до самаго дома, который уже охраняла призванная имъ полиція. Онъ привелъ Елену въ ея комнату, самъ заколотилъ у ней окна, самъ заперъ ея дверь на ключъ и крикнулъ ей изъ другой комнаты: «такъ ты и будешь сидѣть, пока не одумаешься!»

VII.

Такимъ образомъ, послѣ безтактной ошибки, сдѣланной Еленой, новая, исполненная, повидимому, житейскаго такта, но еще болѣе крупная ошибка Лассаля, не лишенная, впрочемъ, театральнаго героизма, тѣмъ не менѣе, имѣла длинный рядъ самыхъ серьезныхъ и печальныхъ послѣдствій. На первый взглядъ казалось бы очень понятнымъ и даже трогательнымъ, что дочь, возвратившись къ семьѣ, довѣрчиво открыла своей матери тайну, хотя и обѣщала хранить ее про себя. Въ семьѣ радость; всѣ довольны и счастливы помолвкой младшей дочери, а радость заразительна и довѣрчива. Казалось бы, какъ было молодой дѣвушкѣ не открыться довольной и любящей матери! Но не таковы были уже давно отношенія Елены къ матери и отцу. Эти люди, отъ вреднаго вліянія которыхъ спасла ее еще покойная бабушка, эта мать, которая сватала ее—еще двѣнадцатилѣтняго ребенка, этотъ отецъ, съ которымъ она была почти незнакома, были для Елены люди чуждые, о которыхъ она и

думала и говорила въ этомъ смыслѣ. Нѣжность къ матери, будто бы вызвавшая дочь на откровенность, была дѣланная, фальшивая, порожденная не избыткомъ чувства, а нетерпѣливымъ желаніемъ проболтаться о предстоящемъ собственномъ супружествѣ, когда младшая сестра помолвлена и объявлена невѣстой. Положеніе старшей сестры всегда неловко, когда младшая выходитъ замужъ раньше, но оно должно быть еще болѣе неловко въ семьѣ, исполненной свѣтскихъ и модныхъ предразсудковъ. Елена отнеслась не довольно серьезно къ своему положенію и къ своимъ сердечнымъ отношеніямъ; она проболталась при первомъ случаѣ, который показался ей удобнымъ. Но эту ошибку еще можно было поправить. Она могла писать Лассалю и получать отъ него письма, могла при случаѣ бѣжать и обвѣнчаться съ нимъ. Теперь, послѣ ошибки Лассаля, это было уже гораздо труднѣе. Возвращая матери дочь, Лассаль, конечно, былъ въ сто разъ больше джентльменомъ въ отношеніи къ матери, чѣмъ пропитанный дворянскимъ гоноромъ Дённигесъ въ отношеніи къ нему. Но Дённигесъ былъ баварскимъ дипломатическимъ агентомъ въ Швейцаріи, а это давало ему нѣкоторый кредитъ и въ обществѣ, и въ оффиціальныхъ сферахъ. Возвратить ему дочь послѣ того, какъ она бѣжала изъ дому, значило великодушно и благородно предать ее въ руки того домашняго правосудія, которое способно тащить дѣвушку за волосы по улицѣ, устроивать для нея домашнее тюремное заключеніе и всячески насиловать ея волю. Самъ Лассаль вскорѣ понялъ важность своей ошибки и не жалѣлъ для себя самыхъ рѣзкихъ эпитетовъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ. Но было уже поздно.

Въ тотъ же день, послѣ сцены съ матерью Елены, Лассаля посѣтили графъ Кейзерлингъ и д-ръ Арндтъ, предлагая ему оставить Елену въ покоѣ и уѣхать изъ Женевы, во избѣжаніе непріятностей, какія можетъ причинить ему Дённигесъ, какъ повѣренный въ дѣлахъ. Лассаль отвѣчалъ на это отказомъ и требовалъ, напротивъ, чтобы Дённигесъ

его принялъ. Съ этой цѣлью онъ написалъ ему два письма, которыя тотъ оставилъ безъ отвѣта.

Ночь прошла для него безъ сна. Горько упрекалъ онъ себя за возвращеніе Елены семейству, и рѣшился во что бы то ни стало сломить сопротивленіе послѣдняго. Съ этой ночи начинается его неутомимая, ежеминутная работа для достиженія предположенной цѣли. Онъ поднимаетъ на ноги своихъ друзей, вызываетъ изъ Цюриха своего друга, полковника Рюстова, извѣщая его, что дѣло идетъ о жизни и смерти, пишетъ графинѣ, что онъ, который пятнадцать лѣтъ не зналъ слезъ, плачетъ теперь и терзается своимъ поступкомъ, «преступленіемъ своей глупости», что долженъ вырвать Елену или хитростью, или силой, и проситъ ее пріѣхать скорѣе. «Если я не доведу дѣла до конца — а я сильно сомнѣваюсь въ этомъ — то буду навсегда надломленъ и покончу со всѣмъ,—писалъ онъ, между прочимъ, графинѣ. Сознаніе моей глупости сломитъ меня, быть можетъ, еще больше, чѣмъ утрата дѣвушки. Если я не поправлю этой глупости побѣдой, то буду всегда питать къ себѣ полнѣйшее презрѣніе».

Рюстовъ пріѣхалъ въ Женеву 6-го августа. Графиня тоже отвѣчала успокоительной депешей, обѣщая пріѣхать изъ Вильдбада 10-го или 11-го; но уже 4-го опять посѣтили Лассаля графъ Кейзерлингъ и д-ръ Арндтъ. На этотъ разъ они объяснили, что посланы Еленой, и предъявили слѣдующія строки, писанныя ея рукой: «То, что̀ скажетъ вамъ мой родственникъ, вполнѣ согласно съ истиной.—Д и т я». А «родственникъ» утверждалъ, что Елена совсѣмъ отказывается отъ Лассаля, что она заявила отцу полное сожалѣніе о случившемся и уже выѣхала изъ Женевы. Лассаль отвергнулъ эту записку, какъ вынужденную насиліемъ. Дѣйствительно, Елена оставалась запертою въ своей комнатѣ. Домашніе употребляли всѣ средства, чтобы сломить ея сопротивленіе. Къ ней входили сестры, плакали и умоляли ее уступить. Любимый братъ, заставъ ее въ слезахъ, плакалъ вмѣстѣ съ

нею; онъ соглашался, что она права, желая своего счастья; но, прибавлялъ онъ, вѣдь и «они» правы. Отцу придется оставить службу; онъ и другой братъ не могутъ сдѣлаться одинъ — офицеромъ, другой дипломатомъ, и Елена губитъ семью, настаивая на бракѣ съ Лассалемъ. Къ просьбамъ сестеръ и братьевъ присоединились просьбы матери и даже грубаго отца. Елена, неспособная къ борьбѣ, томимая одиночествомъ и скукой, вскорѣ потерялась и смирилась. Разумѣется, семья была въ восторгѣ; обрадованные родители назвали друзей и музыку, потребовали шампанскаго и пили за здоровье раскаявшейся дочери. Еще недавно ругавшійся отецъ называлъ ее теперь лучшей дочерью въ мірѣ, своей любимой дочерью, идеаломъ дочерей. 6-го, подъ предлогомъ болѣзни, усмиренная, но еще не совсѣмъ благонадежная, Елена была отправлена въ Бэ. Въ этотъ день, передъ отъѣздомъ, она писала въ Ваберну своей пріятельницѣ, миссиссъ Арсонъ, что считаетъ себя несчастной и разбитой, но вполнѣ покорилась судьбѣ. Когда она ѣхала въ каретѣ съ какою-то дамой на желѣзную дорогу, Лассаль шелъ съ Рюстовомъ по улицѣ, и они встрѣтились случайно. Елена дружески поклонилась имъ изъ кареты; никто не зналъ тогда, что ее увозятъ изъ Женевы. Отсылая дочь, Дённигесъ сильно хлопоталъ о томъ, чтобы швейцарское правительство выслало Лассаля, выдавалъ его за шпіона и агента Бисмарка, но безуспѣшно.

Терзаемый своими неудачами, негодуя на поведеніе отца Елены, Лассаль былъ неутомимъ въ своихъ усиліяхъ сломить его отеческое самодурство и дать ему почувствовать свое значеніе и силу. 7-го, 10-го и 12-го августа онъ писалъ Еленѣ длинныя письма, въ которыхъ объяснялъ ей подробно, по пунктамъ, ея права, формально признанныя закономъ, умолялъ ее не поддаваться лживымъ наговорамъ родныхъ, доказывалъ, что она—совершеннолѣтняя по закону, просилъ у нея еще одного, послѣдняго свиданія, если она уже рѣшилась пожертвовать имъ для отца. Въ письмѣ 10-го

августа онъ извѣщалъ Елену, что ѣдетъ въ Карлсруэ, чтобы хлопотать объ ихъ дѣлѣ, оставляя своимъ уполномоченнымъ въ Женевѣ полковника Рюстова, которому проситъ довѣрять такъ же, какъ довѣряетъ она ему самому, и совѣтуетъ ей письменно заявить адвокату Амберни о притѣсненіяхъ отца. «Только ночью со среды на четвергъ (послѣ сцены между нимъ и матерью Елены), только съ этой ночи понялъ я, точно по вдохновенію свыше, степень моей любви къ тебѣ,— писалъ онъ Еленѣ 10-го августа. Только страданіе разорвало ту кору относительнаго спокойствія, какою обыкновенно покрываетъ меня счастье, и любовь моя вышла на свѣтъ во всемъ своемъ колоссальномъ и страшномъ образѣ! Я буду благословлять грубость твоихъ родителей, когда завладѣю тобою. Только безмѣрныя муки, снѣдающія меня теперь, выяснили мнѣ, какъ велико для меня твое дѣйствительное значеніе! Елена! Еслибъ ты могла измѣнить мнѣ, отказаться отъ меня, несмотря на данныя тобой клятвы, ты стала бы недостойна моихъ теперешнихъ страданій. Успокой же меня хотя одною строкой. Мысль, что ты отъ меня отрекаешься, повергаетъ меня въ состояніе, близкое къ безумію. И Лесли говоритъ, что въ такомъ случаѣ все на свѣтѣ — ложь, и нѣтъ возможности чему-нибудь вѣрить! Елена! неистово и въ мукахъ отчаянія любимое существо! увѣрь меня одной строкой, что ты останешься твердой и вѣрной». 12-го, опять извѣщая Елену о своемъ отъѣздѣ въ Карлсруэ, онъ говоритъ, что только тогда повѣритъ ея измѣнѣ, когда она скажетъ ему это сама, при личномъ свиданіи, что письменныя ея заявленія могутъ быть вынуждаемы отцомъ, и кончаетъ письмо словами: «Ты можешь торжествовать! Моя любовь къ тебѣ превосходитъ все, что̀ когда-либо пѣли о любви поэзія и легенда! Будь тверда, et je me charge du reste!»

Но письма Лассаля не доходили до Елены. Она была окружена такимъ внимательнымъ надзоромъ, что никакія сношенія съ ней не были возможны помимо строгаго отца.

Да и никто не зналъ, куда увезена Елена,—никто не догадывался, что она въ Бэ.

На другой день послѣ письма, заключительныя строки котораго приведены выше, Лассаль уѣхалъ въ Германію, чтобы оттуда дѣйствовать противъ Дённигеса. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, онъ телеграфировалъ графинѣ, что проситъ ее остановиться на пути въ Швейцарію и ожидать его въ Карлсруэ. Въ Женевѣ онъ оставилъ Рюстову полную довѣренность дѣйствовать отъ его имени. Графиня уже нѣсколько дней ожидала его въ Карлсруэ, когда онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ. 15-го онъ извѣщалъ Рюстова, что графиня поѣдетъ къ миссиссъ Арсонъ въ Вабернъ, чтобы прочесть письма Елены къ ней и ѣхать съ нею въ Женеву, тамъ переговорить съ матерью и найти средство передать его письмо Еленѣ. «Отчаяніемъ въ сердцѣ» кончаетъ онъ это письмо къ своему уполномоченному. Отчаяніе Лассаля было такъ велико, что онъ, какъ ребенокъ, рыдалъ въ Карлсруэ, бесѣдуя съ графиней о своей неудачѣ. Всѣ средства были пущены имъ въ ходъ съ необычайной энергіей, лишь бы выдти изъ этого нестерпимаго положенія. Думая, что родители Елены, какъ католики, считаютъ его принадлежность къ еврейскому исповѣданію главнымъ препятствіемъ къ браку ихъ дочери, онъ даже рѣшился принять католицизмъ, и просилъ графиню поѣхать къ майнцскому епископу Кеттелеру, одобрительно отзывавшемуся объ его политической дѣятельности, чтобы заявить объ его желаніи перемѣнить вѣру и найти въ немъ поддержку при баварскомъ дворѣ. Самъ Лассаль долженъ былъ, между тѣмъ, ѣхать въ Мюнхенъ и дѣйствовать тамъ на министра иностранныхъ дѣлъ, какъ главнаго начальника Дённигеса. 16-го августа, графиня уже была въ Майнцѣ и подробно писала Лассалю о своемъ свиданіи съ епископомъ Кеттелеромъ. Епископъ благосклонно отозвался о Лассалѣ и его стремленіяхъ, сожалѣя, что подъ ними нѣтъ прочнаго фундамента религіи, онъ заявилъ готовность сдѣлать все возможное,

чтобы сохранить общему дѣлу необходимаго человѣка, съ такимъ успѣхомъ разоблачавшаго заблужденія и неправду людей, одобрилъ намѣреніе Лассаля хлопотать въ Мюнхенѣ, осуждалъ поступки отца, старался успокоить взволнованную и плакавшую графиню, но нашелъ невозможнымъ вмѣшаться въ дѣло безъ предварительной просьбы о томъ самой дѣвушки, если она католичка и желаетъ прибѣгнуть къ покровительству церкви. «Прощайте, мое дорогое, мое доброе дитя,—заключала свое письмо графиня. Я чувствую себя мертвою и внутренно, и наружно. Я все еще вижу передъ собой ваше блѣдное страдальческое лицо, какъ я видѣла его въ окно вагона передъ моимъ отъѣздомъ въ Карлсруэ».

Но эти хлопоты оказались совершенно напрасными. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Мюнхенъ, Лассаль узналъ, что Дённигесъ и его дѣти не католики, а протестанты. Въ Мюнхенѣ онъ обратился прямо къ министру иностранныхъ дѣлъ, барону Шренку, былъ очень хорошо принятъ имъ и имѣлъ съ нимъ нѣсколько свиданій. Лассаль въ то же время велъ безпрерывную телеграфную и почтовую переписку съ графиней, Рюстовомъ и другими своими друзьями. 19-го августа графиня уже была въ Бернѣ, видѣлась въ Ваберпѣ съ миссисъ Арсонъ, и нѣсколько дней спустя пріѣхала въ Женеву. Все что она узнала тутъ отъ Рюстова и что Рюстовъ телеграфировалъ и писалъ Лассалю въ Мюнхенъ, было крайне печально для него. И Рюстовъ, и графиня, повидимому, скоро поняли, что Елена не изъ тѣхъ натуръ, за которыя стоитъ преломлять копья съ врагами. Въ рукахъ Рюстова уже были несомнѣнныя доказательства тому, что Елена прямо отрекалась отъ Лассаля, отчасти подъ вліяніемъ угрозъ и просьбъ отца, но все-таки отрекалась.

Вотъ что происходило въ Бэ, пока Лассаль находился въ Карлсруэ и Мюнхенѣ, а графиня ѣздила въ Майнцъ и Бернъ. Елена сидѣла однажды въ своей комнатѣ, разсѣянно читая любимый романъ Бальзака: «Pére Goriot», когда къ

ней вошелъ Янко Раковица, только-что пріѣхавшій по вызову отца. Онъ былъ влюбленъ въ нее по прежнему и бросился цѣловать ея руки, ноги и волосы, умоляя о пощадѣ и взаимности, обѣщая быть ея защитникомъ передъ семьей. Елена смягчилась и хотя жаловалась на сдѣланное ей насиліе, но подала ему нѣкоторыя надежды.

Пріѣздъ Янко и согласіе Елены сдѣлаться его женой видимо ободрили родителей. Они уже не считали болѣе нужнымъ скрываться въ Бэ и возвратились въ Женеву съ своей дочерью въ качествѣ невѣсты Янко фонъ-Раковица. Чтобы покончить исторію съ Лассалемъ, отецъ Елены самъ заявилъ желаніе видѣться съ его повѣреннымъ и съ этой цѣлью назначилъ ему свиданіе, присходившее 18-го августа, о которомъ Рюстовъ въ тотъ же день писалъ Лассалю въ Мюнхенъ.

«Старикъ Дённигесъ сказалъ мнѣ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не дастъ своего согласія на бракъ дочери съ тобою. При другихъ обстоятельствахъ, онъ, быть можетъ, ограничился бы только отказомъ въ своемъ согласіи, предоставляя Еленѣ поступать какъ она хочетъ. Но Елена уже четыре или пять мѣсяцевъ помолвлена съ г. фонъ-Раковица. Онъ, Дённигесъ, былъ противъ этого брака, Но сама Елена непремѣнно хотѣла его. Теперь онъ призвалъ этого молодаго человѣка, помолвка совершена торжественно и онъ считаетъ долгомъ чести поддержать это нравственное обязательство, если Раковица не откажется отъ него самъ, чего онъ не сдѣлалъ.

«Я возразилъ ему, что такова его точка зрѣнія, что я долженъ изложить ему твою. Елена дала тебѣ слово и ты далъ ей свое. Ты связанъ своимъ словомъ, независимо отъ принятаго ими обязательства. Ты поставленъ въ необходимость дѣйствовать пока въ томъ предположеніи, что Елена несвободна въ своихъ рѣшеніяхъ, что она уступаетъ нравственному и физическому гнету. Ты нравственно обязанъ, пока существуетъ такое предположеніе, рѣшиться

на самыя крайнія мѣры и ни въ какомъ случаѣ не можешь такъ легко отказаться отъ дѣвушки, которая ради тебя ушла изъ дому къ тебѣ.

«Дённигесъ торжественно протестовалъ противъ этого: никакого насилія нѣтъ; Елена свободна; во всемъ, что говорили о дурномъ обращеніи съ нею, нѣтъ и слова правды. Онъ имѣлъ съ нею спокойное объясненіе, которое кончилось тѣмъ, что она бросилась ему на шею и выказала величайшее раскаяніе. Но онъ все-таки сказалъ Еленѣ, что нельзя разорвать сношенія съ тобой безъ всякихъ объясненій, что она должна расхлебать то, что заварила сама,— должна написать тебѣ.

«Я спросилъ, настолько ли свободна Елена, чтобы я могъ передать ей письмо отъ тебя и можетъ ли она свободно прочесть его. Онъ отвѣчалъ утвердительно. Позвали Елену. Прежде всего она вручила мнѣ несчастное письмо къ тебѣ, которое отецъ запечаталъ тутъ же, при мнѣ, не читая его. Съ твоего позволенія, я распечаталъ это письмо, чтобы узнать, прежде чѣмъ буду тебѣ телеграфировать, могу ли я дать тебѣ хоть искру надежды.

«Съ своей стороны я передалъ Еленѣ важнѣйшее изъ твоихъ писемъ къ ней, и она вышла, чтобы внимательно прочесть его. Мы остались пока одни съ отцомъ. Черезъ полчаса она возвратилась. Я всматривался, не замѣчу ли въ ней какого нибудь волненія, какого нибудь намека въ ея взглядѣ. Я не замѣтилъ — ничего. Она сказала мнѣ съ тою только gène, въ которой выразилось самое меньшее, что она должна была ощутить при данныхъ обстоятельствахъ и подъ моимъ упорнымъ и вопросительнымъ взглядомъ: «Скажите г-ну Лассалю, что я прочла его письмо; но все происходитъ совершенно такъ, какъ сказано въ письмѣ къ нему, которое я передала вамъ». Я сказалъ ей, что готовъ исполнить всякое ея порученіе и она вышла съ легкимъ поклономъ.

«Не сердись на меня,— я просто не знаю, что и поду-

мать о ней. Пока я могу только стоять, разинувъ ротъ, передъ такими фактами.

«Дорогой мой, бѣдный малый, твои акціи стоятъ постыдно низко. Тебѣ ничего болѣе не остается, какъ имѣть еще разъ свиданіе съ Еленой — и тогда безпощадно поступить съ твоей «вещью», какъ съ вещью. Она произвела на меня сегодня такое впечатлѣніе, что я не посовѣстился бы при случаѣ поступить съ нею точно такъ же за твой счетъ».

Рюстовъ сообщалъ въ томъ же письмѣ, что по слухамъ Дённигесъ спѣшитъ выдать дочь за Янко къ 20-му сентября, и съ этою цѣлью Янко покупаетъ себѣ въ Гейдельбергѣ докторскій дипломъ, такъ какъ отецъ его не соглашается на женитьбу сына безъ такого удостовѣренія его успѣховъ въ наукахъ.

Письмо къ Лассалю, которое Елена вручила Рюстову, похоже больше на оффиціальную бумагу, чѣмъ на частное объясненіе. Оно вполнѣ отрицательнаго свойства и несомнѣнно продиктовано ей отцомъ, прежде чѣмъ она прочла переданное ей Рюстовымъ письмо Лассаля. Елена писала:

«М. Г. Г-ну Лассалю. Примирившись отъ всего сердца съ моимъ нареченнымъ женихомъ, Янко фонъ-Раковица, глубоко раскаявшись въ моихъ поступкахъ и вновь снискавъ его любовь и прощеніе, написавъ объ этомъ и вашему адвокату въ Берлинѣ, г. Гольтгофу, прежде чѣмъ я получила его письмо, въ которомъ онъ предостерегаетъ меня противъ васъ, объявляю вамъ добровольно и съ полнымъ убѣжденіемъ, что во всѣхъ отношеніяхъ расхожусь съ вами и буду вѣчно любить моего нареченнаго жениха и всегда останусь ему вѣрной. Елена фонъ-Деннигесъ».

Если Елена любила Лассаля, если она не знала о немъ ничего, кромѣ слуха объ отъѣздѣ его изъ Женевы, то теперь ея любопытство могло быть удовлетворено вполнѣ. Письмо Лассаля, переданное ей Рюстовымъ, звучало по прежнему страстью, объясняло ея и его положеніе, указывало

ей, какъ поступить на будущее время. Но она даже и не прочла его. Она говоритъ въ своихъ запискахъ, что взявъ изъ рукъ Рюстова письмо Лассаля, вышла съ нимъ и не читая отдала его Янко, стоявшему за дверью той комнаты, гдѣ сидѣли Рюстовъ и отецъ. А Лассаль въ это время напрасно бомбардировалъ своего друга депешами о содержаніи ея отвѣта, спрашивая: «Какъ идутъ дѣла? Дурно? Посредственно? Безнадежно? Отвѣчай хоть намекомъ. Я лежу на раскаленномъ желѣзѣ!» Но Рюстовъ не могъ сообщить ему ничего утѣшительнаго, и вотъ что̀ между прочимъ писалъ ему Лассаль 19-го августа:

......«О, какъ ты меня мучишь!

«Если эта женщина, за которую я такъ безмѣрно страдаю, отречется отъ меня, то будетъ опозорено все, что носитъ имя человѣка! Возможно ли такъ разрывать сердце, твердое какъ скала, сердце, которое такъ любитъ, такъ неизмѣнно выдерживаетъ всѣ превратности, какъ мое! . . .

. . . .

«Сегодня я опять цѣлый часъ совѣщался съ министромъ. Онъ былъ дѣйствительно возмущенъ насиліемъ, сдѣланнымъ Еленѣ и мнѣ, сказалъ, что не можетъ понять противодѣйствія Дённигеса, что самъ онъ въ подобномъ случаѣ не ставилъ бы мнѣ препятствій, несмотря на мое политическое направленіе и пр., и мы пришли къ слѣдующему рѣшенію:

«Онъ даетъ здѣшнему адвокату Гэнле, принимающему большое участіе во мнѣ, оффиціальное порученіе ѣхать со мной въ Женеву и уладить съ Дённигесомъ мое дѣло à l'amiable. Порученіе будетъ дано Гэнле въ формѣ письма министра къ Дённигесу, письмо, въ которомъ министръ заявитъ, что просилъ Гэнле поѣхать въ Женеву и уладить съ нимъ дѣло à l'amiable, что̀ очень желательно во многихъ отношеніяхъ и т. д. Еслибъ полюбовное согласіе не удалось, министръ предлагаетъ Дённигесу дать мнѣ очную ставку съ Еленой передъ нотаріусомъ, чтобъ она въ при-

сутствіи нотаріуса свободно заявила свою волю о томъ: желаетъ ли она быть моей женой, или нѣтъ; министръ объясняетъ далѣе, что въ случаѣ ея отрицательнаго отвѣта, такимъ образомъ будетъ по крайней мѣрѣ устранена всякая тѣнь подозрѣнія въ насиліи, неприличномъ для посланника, а я получу возможность успокоиться относительно полной свободы ея воли и не буду болѣе считать ее жертвой грубой силы.

«Ты поймешь, что если въ Еленѣ есть хоть искра правдивости, воли и вѣрности, то этимъ путемъ можно все поправить... Мнѣ придется погибать теперь не отъ грубаго насилія, которое я уже сломилъ, если Елена скажетъ мнѣ передъ нотаріусомъ «нѣтъ» вмѣсто «да» и не пойдетъ со мною, а отъ безмѣрной измѣны, отъ неслыханной шаткости и легкомыслія женщины, которую я люблю выше всякой дозволенной мѣры. Было бы въ самомъ дѣлѣ чудовищно, еслибъ я для того только склонилъ министра прислать сюда коммиссара и призвать ее при мнѣ къ нотаріусу, чтобъ она поставила меня своимъ «нѣтъ» въ страшно смѣшное положеніе. И однако, если она непремѣнно желаетъ вонзить мнѣ кинжалъ въ сердце, — je n'ai rien à dire! По крайней мѣрѣ я погибну не отъ высокомѣрія грубаго человѣка. Но я ни въ какихъ обстоятельствахъ не могу считать ее такъ окончательно, такъ безгранично испорченной».

Лассаль настаивалъ въ томъ же письмѣ, чтобъ Елена была какъ нибудь предупреждена о будущемъ оффиціальномъ свиданіи ихъ у нотаріуса, и былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ, что просилъ Рюстова заранѣе приготовить все къ ихъ внезапному отъѣзду, даже паспортъ на имя Елены Дённигесъ, 21$^{1}/_{2}$ или 22 лѣтъ отъ роду. Собираясь выѣхать изъ Мюнхена, онъ поручалъ Рюстову разомъ телеграфировать отвѣтъ Елены въ Мюнхенъ, Линдау, Ольтенъ и Бернъ, — города, черезъ которые ему предстояло проѣхать. Въ ту же ночь Лассаль писалъ графинѣ, что «все, все, все зависитъ отъ исхода одного этого часа (у нотаріуса), который

рѣшитъ для него вопросъ о жизни и смерти». «Если Елена скажетъ «нѣтъ», писалъ Лассаль, то это будетъ ужасающимъ памятникомъ того, что мужчина никогда не долженъ приковывать себя къ женщинѣ...» «Я погибну тогда отъ страшнѣйшаго предательства, отъ презрѣннѣйшей измѣны, какія когда либо наблюдало всевидящее солнце»... «Будьте здоровы» — кончилъ онъ свое письмо. «На свѣтѣ нѣтъ справедливости, если я не добьюсь этой дѣвушки. Никогда человѣкъ такъ не терзался, не томился, не сгоралъ изъ-за женщины. Уже одна физическая работа — я исписалъ сегодня до 60 страницъ почтовой бумаги, исписалъ въ смертельной тревогѣ—уже одна эта работа до крайности изнурительна, не говоря о страшной пыткѣ, которую я выношу».

20-го августа, когда графиня Гацфельдъ пріѣхала въ Женеву, семейство Дённигесъ было уже тамъ, письмо Елены къ Лассалю было уже вручено Рюстову, но все еще не совсѣмъ успокоенный Дённигесъ самъ передалъ дочери письмо графини, предварительно взявъ съ нея слово отвѣчать графинѣ не иначе, какъ черезъ его посредство. Графиня, хорошо зная, что ея записка должна пройти черезъ руки отца, сухо извѣщала Елену о своемъ пріѣздѣ въ Женеву, въ интересахъ Лассаля, и приглашала ее къ себѣ для окончательныхъ переговоровъ по дѣлу, одинаково важному и для нея, и для Лассаля. Елена говоритъ, что увидѣла въ этой сухой запискѣ оскорбительный отвѣтъ на свое горячее письмо къ графинѣ изъ Ваберна отъ 1-го августа; но любезный отвѣтъ графини на тогдашнее ея письмо нашелся въ бумагахъ Лассаля и появился въ печати; онъ могъ не дойти до Елены, сношенія которой съ Лассалемъ были прерваны 4-го. Вмѣсто всякаго отвѣта, она вручила посланному графини клочокъ бумаги, на которомъ написано: «Lettre reçue. Helène de Dönniges».

— Ты правъ, — сказала она при этомъ отцу. — Графиня Гацфельдъ, должно быть, ужасная женщина!

— Но ужасна была совсѣмъ не графиня, а эта новая и глупая ошибка Елены. Она не только не воспользовалась возможностью завязать черезъ графиню сношеніе съ Лассалемъ, но даже внутренно возмущалась противъ него за то, что онъ называлъ графиню своей второй матерью и поручалъ ей свои сердечныя дѣла. Отецъ былъ очень доволенъ этимъ впечатлѣніемъ — и продиктовалъ Еленѣ нѣсколько строкъ къ графинѣ, въ которыхъ она объявила, что отношенія съ Лассалемъ совершенно покончены, и отклоняла всякое посредничество въ этомъ дѣлѣ.

Лассаль, между тѣмъ, рвался уѣхать изъ Мюнхена въ Женеву, не слушая ни Рюстова, ни графини, которые, въ своихъ отвѣтахъ на безчисленныя его депеши, старались задержать его пока въ Мюнхенѣ. Слѣдующая депеша, подписанная ими обоими, въ которой, какъ и во всѣхъ телеграммахъ Лассаля и его друзей, Елена переименована въ Генри, Лассаль — въ Юліана, вполнѣ характеризуетъ ихъ положеніе въ этомъ дѣлѣ и полученныя ими свѣдѣнія:

«Женева, 22 августа 1864. Фердинанду Лассалю. Мюнхенъ, гостинница Оберполлингера. Заблуждаетесь на счетъ обстоятельствъ. Генри хуже и безстыднѣе, чѣмъ можно вообразить. По собственной волѣ дерзко отказался дать Софіи (графинѣ) какой нибудь отвѣтъ; вообще о насиліи теперь нѣтъ и рѣчи. Приглашеніе къ нотаріусу съ цѣлью устранить предполагаемый гнетъ можетъ только повести къ рѣшительному «нѣтъ» со стороны Генри. Отецъ еще чванится своимъ служебнымъ положеніемъ, давая Генри предлогъ пожертвовать собою этому положенію; надо устранить этотъ предлогъ. Напугать отца — теперь главное дѣло. Всего важнѣе, чтобы начальникъ отца написалъ ему письмо такого содержанія: полученный начальникомъ доносъ на отца роняетъ его въ служебномъ отношеніи, письменныя доказательства на лицо, правота Юліана очевидна, поведеніе Генри невѣроятно; къ сожалѣнію, уже произошло многое, едва ли совмѣстимое съ публичною должностью, зани-

маемой отцомъ; отецъ долженъ покончить дѣло къ полному удовольствію Юліана и тѣмъ избѣжать скандала, падающаго на него самого и на Генри. Предстоящій пріѣздъ Гэнле въ высшей степени полезенъ и необходимъ. Подписано: Софія Вильгельмъ».

Но Лассаль уже спѣшилъ въ Женеву съ Гэнле, пораженный тѣмъ отвѣтомъ Елены, который прислалъ ему Рюстовъ. Получивъ этотъ отвѣтъ, онъ подробно писалъ Рюстову, 21-го августа, передъ отъѣздомъ изъ Мюнхена, и въ этомъ письмѣ упоминалъ о какомъ-то замыслѣ, оставшемся тайной для публики. «Я одобряю все, что̀ только вѣрно ведетъ къ цѣли,— писалъ онъ.— Одобряю похищеніе хитростью и силой. Всякое средство, если только оно вѣрное, для меня не только пригодно, но и совершенно безразлично. Полагайся, поэтому, только на крупныя средства. Но они, разумѣется, должны быть вполнѣ вѣрны, не должны только портить то, чего я добился здѣсь, въ Мюнхенѣ». Утопающій хватается за соломенку, и Лассаль въ этомъ же письмѣ еще утѣшаетъ себя надеждой, что отвѣтъ Елены еще не доказываетъ ея измѣны, что онъ наполовину объясняется ея безнадежнымъ положеніемъ.

VIII.

Но вотъ онъ самъ въ Женевѣ, и притомъ съ повѣреннымъ баварскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Между ними условлено, что Гэнле сначала попытается мирно уладить дѣло, а Лассаль попроситъ съ этою цѣлью свиданія и разговора съ Дённигесомъ. Только въ томъ случаѣ, если эта попытка будетъ безуспѣшна, рѣшено было воспользоваться письмомъ министра и потребовать отъ Дённигеса, чтобы дочь его заявила у нотаріуса, желаетъ ли она выдти за Лассаля, или нѣтъ. 25-го августа, Гэнле передалъ Дённигесу письмо Лассаля, который просилъ свиданія съ нимъ,

соглашаясь на присутствіе его жены при этомъ свиданіи, но отклоняя заранѣе всякихъ другихъ свидѣтелей. На этотъ разъ — это была уже третья просьба Лассаля о томъ — просимое свиданіе состоялось. Оно не имѣло успѣха. Несмотря на предупрежденіе Лассаля въ началѣ разговора, что почти безотвѣтственное положеніе отца Елены требуетъ отъ него крайней умѣренности выраженій, Дённигесъ беззастѣнчиво отвергалъ приписываемое ему насильственное вліяніе на выборъ Елены, отрицалъ всякій гнетъ съ своей стороны, призывалъ въ комнату свою прислугу, въ качествѣ свидѣтелей, называлъ Лассаля лжецомъ и даже письменно заявилъ объ этомъ Гэнле, прибавляя, что онъ будто бы уличилъ Лассаля во лжи, что Лассаль требовалъ удаленія Янко и безпрепятственныхъ свиданій съ Еленой, какъ единственнаго средства сдѣлать ея рѣшеніе вполнѣ свободнымъ. Вслѣдствіе этого письма, обвинявшаго Лассаля во лжи и искажавшаго ихъ разговоръ, у адвоката Амберни на другой же день были составлены два акта, удостовѣрявшіе дурное обращеніе отца съ дочерью и даже тѣлесное истязаніе. Одинъ изъ нихъ подписанъ свидѣтелемъ, полковникомъ Беккеромъ, другой—Лассалемъ. Въ этомъ послѣднемъ актѣ Лассаль, сдѣлавъ оговорку относительно возможныхъ послѣдствій обращеннаго къ нему Дённигесомъ обвиненія во лжи, формально ставилъ требованіе, чтобы г. Дённигесъ или позволилъ ему свободно видаться съ дочерью у себя въ домѣ, въ теченіи двухъ недѣль, или далъ дочери возможность заявить свою волю передъ нотаріусомъ послѣ предварительнаго двухчасоваго разговора съ нимъ, Лассалемъ, въ сосѣдней комнатѣ нотаріуса, наединѣ или въ присутствіи посвященнаго въ дѣло полковника Рюстова. Послѣднее тѣмъ болѣе необходимо,— прибавляетъ Лассаль,— что «вчерашнія словесныя заявленія г. фонъ-Дённигеса еще усилили противъ прежняго мое убѣжденіе въ томъ состояніи неволи, въ какомъ находится дочь его подъ вліяніемъ совершеннаго надъ нею физическаго и еще продол-

жающагося нравственнаго насилія, и г. Дённигесъ, на весьма опредѣленно поставленный мною вопросъ: утверждаетъ ли онъ, что Елена по собственной волѣ и помимо его запрещенія беретъ назадъ данное мнѣ слово,— принужденъ былъ отозваться, что не можетъ дать подобнаго увѣренія». «Нотаріальное заявленіе Елены,— прибавлялъ Лассаль въ своемъ актѣ,— должно состояться въ присутствіи одного изъ членовъ или друзей семьи, выбраннаго самими родителями Елены, но въ отсутствіе послѣднихъ, такъ какъ все случившееся прежде достаточно доказываетъ, что ихъ присутствіе совершенно упраздняетъ свободную волю дочери».

Но Дённигесъ и Елена съумѣли парализовать и это требованіе Лассаля. Въ тотъ же самый день, 26-го августа, когда Гэнле передалъ Дённигесу желаніе министра и требованіе Лассаля, отецъ заявилъ согласіе исполнить и то, и другое, если сама Елена не воспротивится этому. А Елена была уже подготовлена къ отрицательному отвѣту, и вотъ отчетъ Гэнле и Рюстова объ ихъ свиданіи съ нею:

«Она показалась намъ душевно вполнѣ свободной и нисколько не смущенной, и скорѣе обнаружила холодную насмѣшку и условную веселость, чѣмъ хотя бы какой нибудь слѣдъ происходившей прежде или еще продолжающейся душевной борьбы. Полковникъ Рюстовъ спокойно и рѣшительно объяснилъ ей, почему Лассаль настаиваетъ на двухчасовомъ (по бо̀льшей мѣрѣ) разговорѣ съ нею наединѣ или при свидѣтелѣ, присутствіе котораго требуется приличіемъ, но который не стѣснялъ бы ихъ свободы. Она отклонила это требованіе, возразивъ на нѣкоторыя отдѣльныя представленія:

«— Къ чему это? Я знаю, чего онъ хочетъ. Мнѣ надоѣла вся эта исторія.

«Когда напомнили о данныхъ ею клятвахъ, она возразила съ насмѣшкой:

«— Клятва?! Я не даю клятвъ!

«На замѣчаніе, что эти отвѣты рѣзко противорѣчатъ

совершенно исключительнымъ ея поступкамъ, напримѣръ тому, что происходило въ пансіонѣ Леовѐ, она отвѣчала съ легкостью:

«— Да, это правда; но это случилось лишь въ первую минуту.

«Рюстовъ, наконецъ, поставилъ ей на видъ, что, судя по одному изъ ея заявленій, она какъ будто боится возврата къ прежнему настроенію послѣ личной бесѣды съ Лассалемъ. Но она отрицала это опасеніе и отозвалась, что личная бесѣда «совершенно безполезна». И когда Гэнле замѣтилъ, что нѣтъ надобности длить бесѣду два часа, что Лассаль самъ прерветъ ее гораздо раньше, если Елена отвѣтитъ и ему точно также,— она сказала, смѣясь:

«— Лассаль любитъ говорить много и долго, ему и двухъ часовъ, пожалуй, будетъ мало!

«На слова полковника Рюстова, что по ея собственному сознанію, она глубоко неправа передъ Лассалемъ, что она поэтому обязана дать ему удовлетвореніе, Елена возразила съ улыбкой:

«— Удовлетвореніе его тщеславію?

— Нѣтъ, я говорю объ его нравственномъ чувствѣ,— поправилъ ее Рюстовъ.

«Гэнле убѣждалъ Елену, что она должна согласиться на личную бесѣду съ Лассалемъ, даже желать этой бесѣды, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она поступила съ нимъ несправедливо — и это она тотчасъ признала; во-вторыхъ, эта бесѣда можетъ уменьшить, для нея самой и для ея семьи, тѣ непріятныя послѣдствія, которыми угрожаетъ имъ настойчивость Лассаля. Елена отвѣчала, что не отвергаетъ вѣрности этого соображенія, что желаетъ еще подумать, и обѣщала письменно сообщить Гэнле свое рѣшеніе. Подписано: В. Рюстовъ. Д-ръ Гэнле».

Извѣстіе объ этомъ разговорѣ Гэнле и Рюстова съ Еленой привело Лассаля въ состояніе, близкое къ безумію. Прежнюю страсть къ Еленѣ смѣнило теперь негодованіе

на эту недостойную дѣвушку и ея семью. Когда прошелъ первый порывъ огорченія и гнѣва, онъ поспѣшилъ телеграфировать друзьямъ, хлопотавшимъ въ его пользу, чтобъ они прекратили всѣ свои старанія. Одна изъ его депешъ была адресована Рихарду Вагнеру, въ Штаренбергъ, близь Мюнхена: «Я отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ вслѣдствіе безусловной безнравственности лица. Благодарю за добрыя намѣренія. Не предпринимайте ничего больше. Лассаль». Съ своей стороны Гэнле, считая данное ему порученіе исполненнымъ, тотчасъ уѣхалъ изъ Женевы, увѣдомивъ Дённигеса письмомъ, что было бы излишне ожидать еще и письменнаго сообщенія его дочери. О Еленѣ говорили въ это время, что она очарована своимъ Янко и блаженствуетъ въ его объятіяхъ на лугу отцовскаго сада.

Глубоко разочарованный и оскорбленный, съ разбитыми безвозвратно надеждами, Лассаль не могъ не обрушить всей тяжести своего негодованія на людей, которые разбили эти надежды и поставили его въ это ужасное положеніе. Въ тотъ же день, когда происходилъ разговоръ Рюстова и Гэнле съ Еленой, онъ послалъ секундантовъ и прямой вызовъ отцу ея и косвенный вызовъ Янко. Отцу онъ писалъ, что отказывается имѣть дѣло съ такой «безстыдной дѣвой», какъ его дочь, что не хочетъ безчестить себя подобнымъ бракомъ и требуетъ удовлетворенія за всѣ насенныя ему оскорбленія. Въ письмѣ къ Янко, Лассаль предоставлялъ своему сопернику безпрепятственно продолжать ту особенную роль, какая была отведена ему въ этомъ дѣлѣ. На другой день, написавъ свое завѣщаніе, онъ ждалъ отвѣта на отправленныя наканунѣ письма. Утромъ пришли къ нему графъ Кейзерлингъ и д-ръ Арндтъ, но не съ отвѣтомъ Дённигеса, а съ вызовомъ Янко. Рюстовъ совѣтовалъ Лассалю не принимать этого вызова, пока не покончено дѣло съ отцомъ, который и тутъ пользовался Янко, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Но Лассаль рѣшительно отказался медлить и выжидать и требовалъ немедленнаго свиданія своихъ се-

кундантовъ, Рюстова и венгерскаго генерала Бетлена, съ секундантами Янко. Эти послѣдніе не замедлили сообщить, что Дённигесъ поспѣшно уѣхалъ въ Бернъ, предоставивъ своему будущему зятю защищать честь семьи. Попытки секундантовъ уладить дѣло миромъ, состоявшіяся 27-го августа, не имѣли, да и не могли имѣть успѣха. Дуэль была назначена на 28-е, въ 7½ часовъ утра, близь Корружа, предмѣстья Женевы. Наканунѣ, Рюстовъ убѣждалъ Лассаля заняться стрѣльбой и указывалъ ему мѣсто, гдѣ это возможно. «Пустяки!»—отвѣчалъ на это ему Лассаль, а Янко, между тѣмъ, прилежно упражнялся и сдѣлалъ въ этотъ день полтораста пробныхъ выстрѣловъ въ одномъ стрѣлковомъ заведеніи.

Въ назначенный день, Рюстовъ разбудилъ своего тихо спавшаго друга въ пять часовъ утра. Лассаль вручилъ ему свое завѣщаніе, для передачи графинѣ Гацфельдъ, въ случаѣ несчастнаго исхода дуэли. Къ концу седьмого часа, они уже были въ Корружѣ. Дорòгой, Лассаль нѣсколько разъ повторилъ Рюстову свою просьбу, чтобы дуэль происходила на французской землѣ: послѣ дуэли онъ хотѣлъ остаться въ Женевѣ и покончить съ «старымъ трусомъ». Онъ былъ увѣренъ въ счастливомъ для него исходѣ поединка и не обнаружилъ ни малѣйшаго волненія.

«Противники прибыли въ 7½ часовъ,— разсказываетъ Рюстовъ въ своей запискѣ объ этой дуэли. Съ ними былъ д-ръ Зейлеръ, знавшій удобное мѣсто для поединка. Они поѣхали впередъ, мы послѣдовали за ними.

«На меня палъ жребій зарядить пистолеты для перваго выстрѣла и командовать.

«Пока я заряжалъ, стороны были поставлены на условленное и отмѣренное разстояніе. Мнѣ совѣтовали командовать громко и внятно, но эти совѣты были излишни. На каждый выстрѣлъ дано было двадцать секундъ, причемъ заряжавшій секундантъ долженъ былъ скомандовать сна-

чала разъ, черезъ десять секундъ два, черезъ двадцать — три.

«Я скомандовалъ разъ. Пять секундъ спустя уже раздался первый выстрѣлъ, и притомъ со стороны г. Раковица. Меньше чѣмъ черезъ секунду раздался выстрѣлъ Лассаля.

«Онъ далъ промахъ, онъ самъ же былъ смертельно раненъ. Удивительно, что онъ еще могъ выстрѣлить.

«Сдѣлавъ выстрѣлъ, онъ непроизвольно подался на два шага назадъ. Только теперь услышалъ я — мнѣ надо было смотрѣть на часы — кто-то спросилъ: «Вы ранены?» — «Да», отвѣчалъ Лассаль.

«Мы тотчасъ отвели его и положили на одѣяло, и тутъ же была наложена первая перевязка.

«Пока противная сторона уѣзжала, я и д-ръ Зейлеръ повели Лассаля къ экипажу и помогли ему сѣсть. Мы оба ѣхали съ нимъ и по возможности его поддерживали.

«Я велѣлъ извозчику ѣхать немощеной дорогой. Намъ пришлось проѣхать по камню всего двѣсти шаговъ.

«Лассаль былъ очень тихъ дорогой; только при проѣздѣ по каменной мостовой, онъ жаловался на сильную боль отъ раны и спрашивалъ, скоро ли мы будемъ дома.

«Что рана его опасна—это я зналъ по опыту. Но только около полудня, когда я пошелъ, по его настоянію, къ нотаріусу, я узналъ отъ сопровождавшаго меня д-ра Зейлера, что рана смертельна. Когда пришелъ нотаріусъ, я не пустилъ его къ раненому, находя, что онъ не въ состояніи принять кого-нибудь.

«На другой день мнѣ пришлось однако же отправиться, по просьбѣ Лассаля, къ адвокату Амберни, съ которымъ онъ хотѣлъ посовѣтоваться о переданномъ мнѣ завѣщаніи. Амберни нашелъ, что завѣщаніе въ порядкѣ, и Лассаль тутъ же еще разъ запечаталъ его и написалъ на немъ новый адресъ».

Лассаль былъ раненъ въ нижнюю часть живота, куда пуля попала съ лѣвой стороны и вылетѣла съ правой. Ра-

ненный до своей смерти говорилъ очень мало. Разъ онъ вскочилъ отъ боли и яростно потребовалъ воды. Чтобы смягчить его страданія, ему давали такъ много опія, что онъ не могъ придти въ себя. Женевскіе врачи признали его состояніе безнадежнымъ, и призванные по телеграфу изъ Гейдельберга и Цюриха, Хеліусъ и Бильротъ подтвердили это мнѣніе.

На третій день послѣ дуэли, 31-го августа, въ семь часовъ утра, его уже не стало. Ему еще не исполнилось и сорока лѣтъ.

Въ Женевѣ тотчасъ составился международный комитетъ, чтобы торжественно похоронить Лассаля. Погребеніе происходило 2-го сентября, въ женевскомъ Temple unique; болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ собралось на эту печальную церемонію. По желанію графини Гацфельдъ, трупъ Лассаля былъ набальзамированъ и отвезенъ въ Германію, гдѣ она хотѣла выставлять его вездѣ, гдѣ Лассаль имѣлъ наиболѣе приверженцевъ. Но пруское правительство и друзья Лассаля совѣтовали везти трупъ прямо въ Бреславль. Тамъ, въ семейномъ склепѣ еврейскаго кладбища, 14-го сентября, былъ погребенъ Лассаль, одинъ изъ немногихъ евреевъ, отказавшихся отъ своей религіи и національной исключительности и усвоившихъ себѣ, вмѣстѣ съ духомъ времени, общеевропейскія стремленія и задачи. Въ концѣ декабря на этой могилѣ поставили простой памятникъ съ надписью: «Здѣсь покоится то, чтò было смертнаго въ мыслителѣ и борцѣ Лассалѣ».

А Елена? О томъ, чтò было съ нею въ эти послѣдніе дни, мы знаемъ только изъ однихъ ея записокъ. Въ своихъ «Отношеніяхъ къ Фердинанду Лассалю», она хочетъ увѣрить читателя, что надежда принадлежать ему никогда ее не покидала, что еслибъ она хоть минуту осталась съ Гэнле одна, безъ непріятнаго ей Рюстова и безъ отца, который стоялъ прямо противъ нея и не спускалъ съ нея испытующаго взгляда,— дѣло приняло бы совсѣмъ иной оборотъ.

Рѣзко отвѣчая Рюстову, котораго отецъ выдавалъ ей за человѣка безпристрастнаго, понимающаго невозможность брака между нею и Лассалемъ, она будто бы дала понять свое тяжелое положеніе Гэнле, и вполнѣ расположила его въ свою пользу. Но онъ, какъ мы уже знаемъ, такъ мало ожидалъ отъ нея, что махнулъ рукой и уѣхалъ въ Мюнхенъ, не считая нужнымъ дожидаться ея письменнаго отвѣта.

Вечеромъ, въ домѣ Дённигеса поднялась тревога. Получивъ вызовъ Лассаля, отецъ заперся въ своихъ комнатахъ съ близкими людьми, между прочимъ и съ Янко, который на минуту зашелъ въ комнату Елены, чтобы сказать ей:

— Не бойся: все уладится. Отецъ ѣдетъ сегодня въ Бернъ.

Прошли ночь и слѣдующій день. Вечеромъ Янко опять зашелъ къ Еленѣ, чтобы проститься съ нею.

— Ты уѣзжаешь?

— Можетъ быть...

— Что это значитъ? Пожалуйста, не мучь меня неизвѣстностью: я страшно нервна, я такъ истомлена, что не въ силахъ больше выносить загадокъ.

И Янко передалъ ей, что отецъ показалъ ему вызовъ, жалобно объясняя свое положеніе: ни лѣта, ни семья не позволяютъ ему драться, а между тѣмъ, какъ оставить такое пятно на чести семейства? Мать высказалась въ томъ же смыслѣ, но гораздо яснѣе. Ему, Янко, приходится стрѣляться за отца. Конечно, онъ никогда не бралъ оружія въ руки, а Лассаль отличный стрѣлокъ; но онъ упражнялся сегодня часа два сряду. Елена признается, что была довольна вѣстью о дуэли. Гибель Янко казалась ей несомнѣнной; Лассаль убьетъ его непремѣнно и тогда въ домѣ поднимется гвалтъ, подъ шумъ котораго она опять уйдетъ къ Лассалю! Въ ночь передъ дуэлью, пока Янко писалъ письма роднымъ, она занялась приготовленіями къ задуманному бѣгству, жгла сохранившіяся письма, положила въ дорожный мѣшокъ немного бѣлья и украшеній и утромъ надѣла

два платья одно на другое, чтобы быть совершенно готовой и снаряженной на нѣсколько дней. Приготовившись бѣжать, она простилась съ Янко «не безъ нѣкотораго сострадания», прибавляетъ она въ своей исповѣди.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, Елена нетерпѣливо ждала развязки. «Если карета, въ которой привезутъ несчастнаго Янко, подъѣдетъ очень тихо—соображала она—то значитъ Янко тяжело раненъ; если же карета остановится, не подъѣзжая къ дому и изъ нея выйдетъ кто нибудь другой, чтобы «подготовить» семью къ печальному событію, то значитъ онъ убитъ. Въ обоихъ случаяхъ, я должна воспользоваться первой минутой замѣшательства!»

Такъ прошли часы. Елена нагнулась надъ каминомъ, чтобы сжечь послѣднюю пачку писемъ, когда къ дому быстро подъѣхала карета. Мысль, что въ ней могъ сидѣть уцѣлѣвшій Янко, даже не пришла въ голову Еленѣ. Къ отцу ея такъ часто ѣздили поутру! Но вдругъ кто-то рванулъ дверь ея комнаты и вошелъ Янко. «Дуэль, стало быть, не состоялась—и все остается по старому», быстро соображала она въ эту минуту. Янко подошелъ, взялъ ее за руки и, цѣлуя ихъ, сказалъ:

— Рада ли ты, что я живъ?

— Да, конечно...

— А что ты сдѣлаешь, если я скажу тебѣ, что Лассаль раненъ?

Она захохотала.

— Я бы этому не повѣрила!

— И однако это такъ, я ранилъ его, вовсе не желая, и, надѣюсь, ранилъ легко.

— Ты? Ты его ранилъ?—Ну, разумѣется, рана должна быть очень легкая, сказала Елена съ усмѣшкой. — Поди, оставь меня одну,— прибавила она съ неудовольствіемъ.

На третій день послѣ дуэли, Янко вошелъ къ ней утромъ, блѣдный и пригласилъ ее въ садъ.

— Я имѣю сказать тебѣ нѣчто прискорбное — только не здѣсь.

Въ саду онъ молча подвелъ ее къ скамейкѣ.

— Что такое? спросила она.

— Лассаль умеръ!

Она оттолкнула Янко, проговоривъ:

— Уйди! Уйди! Теперь я и тебя ненавижу!

Но эта «ненависть» прошла очень скоро.

Полгода спустя, Елена уже была женою этого самаго Янко, отъ руки котораго палъ ея «царственный орелъ» и которому она, въ тотъ критическій день, такъ сильно желала тяжелой или смертельной раны.

Вскорѣ умеръ и Янко.—Что сталось съ ней потомъ, мы не знаемъ, да и едвали это можетъ интересовать кого-нибудь. Сама по себѣ, какъ лицо, какъ характеръ, Елена представляетъ явленіе ничтожное и жалкое. Отъ природы одаренная только красотой, нравственно испорченная воспитаніемъ, безъ воли и самой скромной доли чувства собственнаго достоинства, она замѣчательна развѣ только, какъ рѣдкій примѣръ дѣвушки, имѣвшей безсердечіе отдаться убійцѣ того, кого она будто бы страстно любила и найти себѣ успокоеніе и пристань въ его супружескихъ объятіяхъ. Она интересна только по отношенію къ Лассалю, а этотъ интересъ вполнѣ исчерпывается его трагической смертью. Ничтожество не помѣшало, оно непремѣнно помогло ей пережить и Лассаля, и Янко, и многихъ участниковъ разсказанной нами драмы, и рисоваться теперь передъ свѣтомъ жертвой возвышенной и глубокой любви и чужаго непониманія и насилія. Эта легкая, холодная натура никогда и никого не любила.

Лассаль былъ для нея интересной новинкой, кратковременнымъ героемъ ея романическихъ похожденій, ея личной забавы и кокетства. Она не понимала, она не могла понять его. Это былъ человѣкъ другаго міра, совершенно ей чуждаго, къ которому она не примыкала ни одною сто-

роной своей природы и своего прошлаго. Лассаль поплатился жизнію за свое увлеченіе такою жалкой натурой, за страстную любовь безъ малѣйшихъ признаковъ уваженія къ предмету своей страсти, за глубоко ошибочное отношеніе къ женщинѣ, какъ къ вещи. Эти безличныя существа въ женскомъ образѣ, безъ воли, безъ нравственной подкладки, съ низменнымъ умственнымъ уровнемъ, всегда обоюду-остры. Онѣ легко подчиняются вліянію и волѣ сильнаго характера; но онѣ такъ же легко подпадаютъ всякимъ другимъ сильнымъ вліяніямъ, хотя бы эти вліянія были чисто-внѣшняго свойства. Коренная ошибка въ жизни каждаго изъ насъ всегда разрѣшается крупными послѣдствіями, и чѣмъ цѣльнѣе и характернѣе человѣкъ, тѣмъ быстрѣе и печальнѣе разрѣшается романъ его жизни. Блестящій, даровитый, настойчивый и страшнно-самонадѣянный Лассаль не зналъ уступокъ обстоятельствамъ: онъ хотѣлъ взять съ бою то, что не давалось въ руки обыкновенными путями, и, какъ цѣльный человѣкъ, честно, но безплодно палъ въ этомъ бою.

СУДЬБЫ ПРУССКОЙ МОНАРХІИ

ОТЪ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО ДО ІЕНСКАГО ПОГРОМА.

Geschichte des preussischen Staatswesens vom Tode Friedrichs des Grossen dis zu den Freiheitskriegen. Von Martin Philippson. Erster Band. Leipzig. 1880.

Въ исторіи крупныхъ современныхъ европейскихъ государствъ, Пруссія представляетъ явленіе во многихъ отношеніяхъ рѣдкое и поучительное. Государство сравнительно новѣйшей формаціи, поднявшееся не дальше какъ въ половинѣ прошлаго вѣка изъ небольшого сравнительно курфюршества на степень сильнаго королевства, благодаря нѣсколькимъ талантливымъ и умнымъ людямъ, стоявшимъ во главѣ ея, этимъ своего рода «собирателямъ» нѣмецкой земли, особенно Фридриху Великому,—оно вдругъ рухнуло черезъ двадцать лѣтъ по смерти Фридриха передъ напоромъ свѣжихъ силъ Франціи, освѣженной и обновленной революціонною грозой. Обстоятельства помогли Пруссіи потомъ выпутаться изъ тяжкой бѣды; въ самой глубинѣ своего паденія, она почерпнула потомъ средства къ своему обновленію: искреннія реформы Штейна и Гарденберга, добросовѣстно осуществленныя, вывели ее на новую дорогу къ благоустроенной конституціонной жизни, даже къ побѣдѣ

надъ Франціей, деморализованной въ то время цезаризмомъ Наполеона III,—и къ объединенію Германіи. Неудивительно, что эти крупныя реформы, отчасти доставившія Пруссіи тѣ блага гражданской свободы, которыя уже сдѣлали Францію передовою страной въ Европѣ,—стали любимымъ предметомъ историческаго изслѣдованія. Имъ, этимъ спасительнымъ реформамъ, посвящены нѣмецкими и англійскими историками обширныя монографіи, составленныя по источникамъ и живымъ слѣдамъ сравнительно недавней общественной дѣятельности прусскихъ реформаторовъ; но почва, изъ которой выросли эти преобразованія, тѣ разнообразныя условія внутренней жизни, которыя привели государство къ гибели и преобразовательному обновленію, не возбуждая ничьихъ симпатій, оставались мало изслѣдованными и недостаточно выясненными. Въ сторонѣ остался въ особенности недолгій періодъ времени, предшествовавшій іенскому погрому, а именно, правленіе Фридриха-Вильгельма II, наслѣдовавшаго Фридриху Великому, и первое десятилѣтіе правленія его преемника. Внутреннія дѣла государства, на которыхъ прежде всего зиждется его международное значеніе, не представляли ничего выдающагося, ничего привлекательнаго, и историкъ охотно проходилъ ихъ молчаніемъ, какъ дѣла темныхъ, къ счастію—безвозвратно-минувшихъ дней.

А между тѣмъ время, протекшее отъ смерти Фридриха Великаго до преобразованій Штейна, по меньшей мѣрѣ также поучительно и любопытно, какъ и самое время этихъ преобразованій. Къ нему относятся первыя стремленія—поставить границы абсолютизму въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сложился съ конца семнадцатаго вѣка, по уничтоженіи сословнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ,—стремленія, которыя сначала сказываются въ чиновнической же сферѣ, и вскорѣ распространяются въ другихъ общественныхъ кружкáхъ. Въ этомъ смыслѣ исторія конституціонной жизни въ Пруссіи начинается со смерти послѣдняго,

дѣйствительно сильнаго талантомъ, представителя просвѣщеннаго абсолютизма, Фридриха Великаго, и съ воцаренія Фридриха-Вильгельма II. Королевская власть старается противостоять этимъ стремленіямъ; но слабость ея представителя, лишеннаго характерныхъ особенностей и талантовъ своего предшественника, даетъ имъ развиться и окрѣпнуть. Непосредственное вмѣшательство королевской власти во всѣ отрасли чрезвычайно усложнившейся государственной жизни оказывается все болѣе и болѣе невозможнымъ, и назрѣваетъ потребность оградить страну отъ произвола смѣняющихся министровъ и деспотизма королевскихъ любимцевъ. Сильное впечатлѣніе, произведенное кровавымъ французскимъ переворотомъ, сначала вызываетъ реакцію и задерживаетъ конституціонныя вѣянія; но и оно, въ концѣ-концовъ, приводитъ къ ощущенію и сознанію живой потребности въ большей свободѣ въ политическомъ управленіи гражданъ. Параллельно съ этими противоположными теченіями шла любопытная борьба умиравшаго «просвѣтительнаго» періода и направленія, какъ называется въ прусской исторіи правленіе Фридриха Великаго, съ нарождавшимся романтизмомъ и съ окаменѣлымъ, но мало убѣжденнымъ лютеранскимъ правовѣріемъ. Борьба эта, такъ сильно оживившая философскія и историческія науки, вызвала потомъ богатую литературу, первые начатки которой относятся къ періоду между смертью Фридриха Великаго и іенскимъ погромомъ.

Именно, этому періоду посвященъ первый томъ только-что вышедшаго сочиненія Мартина Филипсона, которое въ цѣломъ своемъ составѣ должно обнять время отъ смерти Фридриха Великаго до знаменитыхъ войнъ за освобожденіе Пруссіи и Германіи отъ французскаго владычества. Авторъ пользовался для своего труда источниками изъ первыхъ рукъ — тѣмъ богатымъ матеріаломъ, какой могли доставить ему берлинскіе архивы. По собственнымъ его словамъ, онъ ничего не смягчаетъ, ничего не утаиваетъ въ сво-

емъ изложеніи. Онъ не почитатель того патріотизма, который любитъ тѣшить себя одностороннимъ изображеніемъ историческихъ событій своего отечества, и счелъ гораздо болѣе патріотичнымъ представить правдивую картину минувшихъ дней родной страны, чѣмъ искажать истину и прикрашивать дѣйствительность или поддѣлывать поученія исторіи. «Именно политическая, религіозная и экономическая путаница и борьба въ правленіе Фридриха-Вильгельма II,— говоритъ онъ, — могла бы дать намъ поучительныя указанія для выясненія и рѣшенія многихъ серьезныхъ и страстно обсуждаемыхъ вопросовъ современности». Безъ правдиваго анализа прошлаго нѣтъ возможности выяснить больныя и здоровыя стороны настоящаго.

I.

17-го августа 1786 года сошелъ въ могилу талантливѣйшій изъ Гогенцоллерновъ, послѣ долгой и суровой диктатуры, безпощадно требовавшей отъ страны постояннаго напряженія нравственныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ. «Просвѣтительное» правленіе Фридриха-Великаго утомило современниковъ, и смерть его, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, возбудила преувеличенныя надежды на менѣе блестящую и громкую, но болѣе счастливую будущность при его ничѣмъ не выдававшемся преемникѣ, Фридрихѣ-Вильгельмѣ II. Своей любимой задачѣ — учрежденію на сѣверѣ Германіи сильнаго государства, независимаго отъ германской имперіи, во главѣ которой стояла тогда католическая Австрія, государства просвѣщеннаго и вѣротерпимаго,—Фридрихъ II отдавалъ беззавѣтно и свое собственное время, свои силы и средства тогдашней Пруссіи. На исполненіе этой задачи были направлены вся его энергія, всѣ его дарованія. Все для государства: послѣднія силы и средства, жизнь и здоровье, дни и ночи безустанной думы

и работы. То была господствующая идея времени, необычайнымъ и болѣе раннимъ воплощеніемъ которой былъ у насъ Петръ Великій. И онъ, какъ нашъ Петръ Великій, нашелъ уже готовыми исторически сложившіяся формы общественной жизни: привилегированное дворянство и закрѣпощенный народъ; и онъ, по нравамъ и понятіямъ времени, неумолимо прилаживалъ эти готовыя формы къ потребностямъ государства. Политическіе и общественные перевороты, пережитые Европой въ новѣйшее время, еще не назрѣли тогда и были еще впереди. Созданіе, округленіе и обособленіе государства, какъ самостоятельной и просвѣтительной силы — вотъ что̀ стояло тогда на первомъ планѣ въ дѣятельности Фридриха Великаго, какъ пятьдесятъ лѣтъ раньше — въ дѣятельности Петра, съ тою большою разницей, что Фридриху были доступнѣе съ ранней юности самые источники тогдашняго европейскаго просвѣщенія. Сначала мягкій, доступный всему прекрасному и доброму, способный къ искренней дружбѣ и привязанности, онъ очерствѣлъ впослѣдствіи, подъ вліяніемъ страшныхъ испытаній и опасностей Семилѣтней войны, когда приходилось ежедневно ставить на карту и самое государство, когда критическія обстоятельства могли разомъ сокрушить всѣ его планы. Все больше и больше привыкалъ онъ, послѣ этого тяжелаго кризиса, уходить въ себя, съ холодной ироніей смотрѣть на людей, какъ на орудія своей воли, какъ на нули, имѣющіе значеніе только при единицѣ, которую составлялъ въ настоящемъ случаѣ его собственный умъ, талантъ. Но и при этомъ настроеніи, всѣ силы его природы, всѣ колеса той сложной машины, которая приводилась въ движеніе его твердой рукой, были направлены у него къ цѣлямъ не личнымъ, а государственнымъ. Для государства онъ не щадилъ ни себя, ни своихъ друзей, ни своихъ ближайшихъ, хотя и царственныхъ родственниковъ. Во имя государства, онъ предъявлялъ всѣмъ сословіямъ величайшія притязанія и требованія, давая имъ въ замѣнъ лишь

отвлеченное сознаніе принадлежности къ великому цѣлому и возможность (о правѣ тогда не могло быть и рѣчи) свободно вѣровать и мыслить. Созданная имъ администрація была вѣрнымъ отраженіемъ его государственныхъ стремленій. Нигдѣ государство не имѣло въ то время такого исключительно мірского характера, какъ въ Пруссіи. Будучи самъ философомъ и скептикомъ, онъ изгналъ изъ государственной жизни всякія вѣроисповѣдныя соображенія. Нетерпимость и мракобѣсіе всегда находили въ немъ злѣйшаго «вольтеріанца» и безпощаднаго врага. Поклонникъ французской литературы и отрицатель своей, нѣмецкой, онъ имѣлъ однако же гораздо бо̀льшее вліяніе на пробужденіе нѣмецкаго національнаго чувства, на оживленіе нѣмецкой литературы, чѣмъ многіе такъ называемые покровители литературы, — столь велико благотворное значеніе передоваго человѣка во главѣ государства, а онъ былъ въ свое время истинно передовымъ человѣкомъ Германіи. Побѣды, одержанныя имъ въ Семилѣтнюю войну, именно потому дали чрезвычайный толчокъ нѣмецкой литературѣ, что это были побѣды просвѣщенія, умственнаго освобожденія, въ виду господствовавшаго тогда въ Австріи религіознаго гнета и умственнаго застоя. Сражаясь во главѣ Пруссіи, онъ побивалъ закоренѣлый и безъисходный консерватизмъ. Фридрихъ Великій опирался на самыя смѣлыя стремленія своего времени и былъ для своихъ современниковъ умственнымъ руководителемъ и борцомъ, оставляя управляемому имъ диктаторски народу возможность чувствовать себя до нѣкоторой степени свободнымъ народомъ. «Князья, правители, короли, — писалъ онъ въ 1781 году въ своемъ «Опытѣ о формахъ правленія и обязанностяхъ государей», — облечены высшею властью не для того, чтобы безнаказанно предаваться роскоши и всякаго рода излишествамъ; они не для того поставлены выше своихъ согражданъ, чтобы всенародно выказывать свою спѣсь и унижать бѣдныхъ и несчастныхъ; они не для того стоятъ во главѣ государства,

чтобы держать при себѣ толпу праздныхъ людей, которыхъ бездѣятельность и негодность порождаютъ всякаго рода развратъ. Правитель обязанъ поступать такъ, какъ будто ему предстоитъ во всякую данную минуту дать согражданамъ отчетъ въ своемъ управленіи государствомъ». Расточительность и роскошь были противны Фридриху II, какъ и Петру Великому; онъ тратилъ ежегодно не больше 220,000 талеровъ, что̀, при вдвое большей цѣнѣ денегъ противъ нынѣшняго, почти равняется содержанію, получаемому президентами сѣверо-американской и французской республикъ. Каждый часъ его, строго распредѣленнаго дня, имѣлъ свое неизмѣнное назначеніе. Каждый пруссакъ могъ обращаться къ нему лично, ни одна обращенная къ нему просьба не оставалась безъ отвѣта ни въ дорогѣ, ни въ Берлинѣ или Потсдамѣ. Онъ не считалъ этого милостью съ своей стороны, а правомъ своихъ согражданъ. «Обращайтесь только ко мнѣ»,— сказалъ онъ депутаціи силезскаго купечества: «я вашъ первый министръ». Какъ Петръ Великій запрещалъ русскимъ называться полуименами, такъ Фридрихъ запретилъ пруссакамъ становиться передъ нимъ на колѣни. Онъ спалъ пять много шесть часовъ въ сутки; все остальное его время отдавалось труду.

А работы было много у человѣка, который все хотѣлъ дѣлать по-своему и самъ. Въ этомъ отношеніи, вѣрный своему исторически сложившемуся положенію, онъ былъ, какъ и Петръ Великій, въ полномъ смыслѣ слова диктаторомъ и абсолютнымъ государемъ. Обычное медленное теченіе дѣлъ было ему нестерпимо. Въ то время руководящія власти Пруссіи — министерство для внѣшней политики, генеральная дирекція для внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и министерство юстиціи — были устроены на коллегіальномъ основаніи. Къ каждому изъ этихъ вѣдомствъ принадлежали нѣсколько министровъ, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ однимъ опредѣленнымъ департаментомъ, но такъ, что важнѣйшія дѣла обсуждались и рѣшались коллегіально.

Также были устроены и областныя учрежденія. Фридрихъ Великій сохранилъ эти тяжеловѣсныя формы, но при этомъ рѣшалъ важнѣйшія дѣла самъ, безъ участія и даже безъ вѣдома министровъ. Онъ никогда не присутствовалъ въ засѣданіяхъ генеральной дирекціи или государственнаго совѣта, состоявшаго изъ всѣхъ министровъ, и дѣятельно управлялъ страной изъ своего кабинета, а кабинетными его совѣтниками были люди иногда мало образованные, — его «писцы», какъ онъ обыкновенно называлъ ихъ. Министры рѣдко видали короля, который могъ всегда заочно потребовать у нихъ нужныя бумаги и справки, и только разъ въ годъ обыкновенно производилъ имъ смотръ въ Потсдамѣ. Неутомимаго трудолюбія и рѣдкой проницательности Фридриха, въ соединеніи съ его талантомъ, хватало на такую Сизифову работу; но что̀ могло статься съ такой системой при королѣ болѣе ограниченномъ и менѣе дѣятельномъ, менѣе проникнутомъ широкимъ сознаніемъ своего долга?

Такова была система, сильно устарѣвшаго теперь, пресловутаго просвѣщеннаго абсолютизма. Фридрихъ Великій впалъ въ ошибку тѣхъ дѣятельныхъ и щедро-одаренныхъ натуръ, которыя придаютъ очень мало цѣны нравственнымъ побужденіямъ и содѣйствію общественныхъ силъ, и ожидаютъ всего отъ машинообразной исполнительности. Такъ смотрѣлъ онъ на гражданское управленіе и на армію. Никогда не имѣя военнаго министра, онъ самъ входилъ диктаторски во всѣ подробности военнаго управленія. Дворянство оставалось при немъ привилегированнымъ и рабовладѣльческимъ сословіемъ; положеніе народа не измѣнилось при немъ къ лучшему, какъ и у насъ при Петрѣ Великомъ. Но онъ, какъ и Петръ, наложилъ тяжелую руку и на дворянство для чисто-государственныхъ цѣлей. Онъ заставлялъ его служить, и въ этомъ отношеніи былъ послѣдователенъ до жестокости. Его финансовыя мѣры, вытекавшія изъ распространенной тогда меркантильной системы, были безпощадны, — опять въ интересѣ государства, ради

котораго онъ налагалъ на всѣ сословія непосильныя жертвы. Современники и сограждане Фридриха могли свободно мыслить и свободно высказывать свои теоретическія убѣжденія, но они не имѣли права жечь кофе у себя дома. Признавъ недостаточно прибыльнымъ туземное управленіе косвенными налогами, онъ передалъ управленіе ими французскимъ чиновникамъ, такъ - называемой Regie. Налоги на хлѣбъ были, правда, отмѣнены, но другія необходимыя жизненныя потребности подвергались все бо̀льшему и бо̀льшему обложенію. Табакъ и кофе были монополіей государства. Соль, также монополія, продавалась почти вчетверо дороже той цѣны, во что̀ обходилось ея добываніе, и каждый притомъ долженъ былъ покупать опредѣленное количество соли, за чѣмъ наблюдали особые инспекторы. Не менѣе непонятна была тогда и такъ-называемая кофейная Regie, т. е. соединенное съ отвѣтственностью и отчетностью взиманіе налога на кофе. Фридрихъ былъ противъ повсемѣстнаго распространенія кофе; самъ онъ очень любилъ этотъ напитокъ, но считалъ его разслабляющимъ, слѣдовательно — убыточнымъ для государства, и опасался, что на кофе будетъ уходить много денегъ изъ страны. Налогъ на кофе былъ доведенъ имъ до 250 процентовъ цѣны этого продукта; во избѣжаніе контрабанды, запрещено было жечь кофе гдѣ бы то ни было, кромѣ королевскихъ мѣстъ его продажи. Не политическія, а такъ-называемыя «кофейныя» ищейки (Kaffeeriecher, собственно: нюхатели кофе) шныряли при Фридрихѣ всюду, чтобы по запаху открывать слѣды противозаконнаго жаренія кофе. Разумѣется, такъ какъ табакъ и кофе были необходимы населенію, то контрабанда приняла огромные размѣры, несмотря на принятыя противъ нея строжайшія мѣры. Эта Regie, съ ея кофейнымъ шпіонствомъ, съ ея печальными нравственными послѣдствіями, съ иноземными (французскими) чиновниками, которыхъ самъ Фридрихъ называлъ иногда «шайкой мошенниковъ», сильно возстановили противъ него народъ. Ненависть къ этимъ чи-

новникамъ была такъ велика, что постоялые дворы и гостинницы не давали имъ пріюта во время ихъ служебныхъ объѣздовъ. Но Фридрихъ стоялъ на своемъ, не находя возможнымъ иначе оградить интересы государства. Финансовое хозяйство городовъ было также подчинено при немъ контролю его чиновниковъ, и остатки городскихъ суммъ ежегодно должны были поступать въ казну!

Государству нужны были деньги,—и Фридрихъ бралъ ихъ гдѣ могъ; для государства было необходимо просвѣщеніе,—и онъ не только предоставлялъ полную свободу тогдашнимъ направленіямъ мысли, но и стоялъ самъ впереди современныхъ ему прусскихъ просвѣтителей, будучи рѣшительнымъ, даже одностороннимъ сторонникомъ французской философіи восемнадцатаго вѣка. Его не пугали самые смѣлые выводы этой философіи, получившей подъ конецъ чисто-матеріалистическій характеръ. Пруссаку временъ Фридриха Великаго были доступны всѣ современныя литературы, всѣ современныя идеи. Король даже не скрывалъ своего пренебреженія къ произведеніямъ нѣмецкой лиры и нѣмецкаго пера, которыя казались ему отсталыми, робкими, тяжелыми. Онъ былъ ослѣпленъ блескомъ французскаго языка и французскихъ талантовъ, и доходилъ въ этомъ ослѣпленіи до крайней несправедливости. Но онъ несомнѣнно тянулъ за собою народъ къ свѣту и знанію. При немъ развилось въ Пруссіи то «просвѣтительное направленіе», извѣстное подъ именемъ «Aufklärung», родоначальникомъ котораго былъ Вольфъ, авторъ популярной философской системы, подвергшейся гоненію за свое вольномысліе при предшественникѣ Фридриха. Философскія воззрѣнія Вольфа быстро распространились въ Германіи въ половинѣ прошлаго вѣка; каѳедры философіи въ нѣмецкихъ университетахъ были заняты преимущественно его послѣдователями, отрицательное отношеніе его къ системѣ считалось признакомъ слабоумія. Самъ Фридрихъ находилъ и Вольфа тяжеловѣснымъ мыслителемъ, далеко уступающимъ французамъ въ твор-

ческомъ талантѣ и блескѣ изложенія; но онъ прекратилъ гоненіе на знаменитаго тогда ученаго и возвратилъ ему отнятую у него каѳедру. Въ Берлинѣ и другихъ мѣстахъ Сѣверной Германіи просвѣтительное направленіе быстро распространилось при Фридрихѣ Великомъ между людьми высшаго круга, учеными, молодыми духовными лицами. Просвѣтители сначала стремились, подъ вліяніемъ философіи Вольфа, согласовать откровеніе съ разумомъ; но литературныя вліянія, шедшія изъ Англіи и Франціи, не замедлили придать этому направленію болѣе рѣшительный оттѣнокъ. Съ одной стороны, умозрительный деизмъ, съ другой — чистый натурализмъ дѣлили между собой симпатіи тогдашняго общества и самого Фридриха Великаго. Философія Вольфа теряла подъ собою почву подъ этими сильными вліяніями времени. Придворные, офицерство, чиновники Фридриха и дамское общество читали съ увлеченіемъ Гельвеція и Ла-Метра. То были модныя воззрѣнія того времени. Поверхностное отношеніе общества къ важнѣйшимъ вопросамъ науки и жизни вызвало въ эпоху Семилѣтней войны реакцію въ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ. «Просвѣтители» поставили себѣ задачей противодѣйствовать модѣ въ той области, гдѣ мода казалась имъ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстной, и явились попытки согласовать устарѣвшую философію Вольфа съ ученіемъ Локка, требованія критическаго разума съ идеализмомъ. Въ этомъ направленіи дѣйствовали, въ послѣдней трети прошлаго вѣка, Мендельсонъ, Гарве, Николаи; къ нему примыкали, но только отчасти, Лессингъ и Кантъ, которые потомъ оставили этихъ представителей далеко за собою. Во всякомъ случаѣ, «просвѣтительное направленіе — какъ опредѣлялъ его Кантъ — было выходомъ человѣка изъ несовершеннолѣтія». Обскуранты и мистики ненавидѣли это направленіе, хотя оно и было поворотомъ къ болѣе спокойнымъ воззрѣніямъ, чѣмъ тѣ, какія господствовали при Фридрихѣ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Къ нему принадлежали теперь и

лучшіе богословы Пруссіи. Оно давало религіи просвѣтительную, а просвѣщенію—религіозную окраску. Модныя насмѣшки надъ религіозными вопросами смѣнились интересомъ къ ихъ исторіи и философской разработкѣ; но лютеранское правовѣріе и буквоѣдство, разумѣется, утратили всякую почву подъ ногами. Эта популярная философія семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка имѣла, несмотря на свою неопредѣленность и шаткость, огромное вліяніе на дальнѣйшее умственное развитіе Германіи. Именно по своей доступности большинству, она глубоко проникла въ массы, просвѣщеніе массъ и была главнѣйшей ея задачей. Положительные результаты этой школы были неважны, но тѣмъ крупнѣе было ея отрицательное значеніе—противодѣйствіе изувѣрству и фанатизму, ханжеству, исключительности и религіозной враждѣ. Съ церковной каѳедры, въ книгахъ и журналахъ, свободно проповѣдывались при Фридрихѣ Великомъ общечеловѣческія идеи, объ открытомъ заявленіи которыхъ не вездѣ можетъ быть рѣчь даже и въ наше время. Сочиненія ученыхъ и мыслителей, конечно, могли имѣть лишь сравнительно тѣсный кругъ читателей; но такъ какъ всѣ богословскія каѳедры въ Сѣверной Германіи, всѣ важнѣйшія мѣста церковнаго управленія были заняты раціоналистами, то вскорѣ просвѣтительное направленіе стало господствующимъ въ духовенствѣ, и съ безчисленныхъ сельскихъ каѳедръ раздались проповѣди практическаго разума человѣколюбія, вмѣсто догматическихъ тонкостей и вѣроисповѣдной нетерпимости. Спокойная, безпритязательная гуманность и свобода мысли стали общимъ достояніемъ средняго класса и нѣкоторой части крестьянства.

Пока просвѣтительное направленіе было ново и свѣжо, оно сглаживало непримиримыя противоположности различныхъ воззрѣній, совмѣщая вѣрность стародавнимъ преданіямъ съ положительнымъ знаніемъ. Но эти два теченія только временно встрѣтились въ немъ и не замедлили потомъ разойтись въ разныя стороны. Уже Лессингъ досадо-

валъ на то, что гуманные просвѣтители его времени только усыпляютъ разумъ своими восхваленіями и воскуриваемымъ ему ѳиміамомъ; что въ чаду этихъ похвалъ и куреній они навязываютъ ему все, что̀ угодно. «Желая сдѣлать насъ разумными христіанами,— насъ дѣлаютъ неразумными философами», писалъ онъ въ 1774 году своему брату; «издѣліемъ кропателей и полу-философовъ представляется мнѣ та религіозная система, которою хотятъ теперь замѣнить старую, и съ гораздо бо̀льшимъ вліяніемъ на разумъ и философію, чѣмъ сколько его присвоивала себѣ старая система». Съ своей стороны, люди противоположныхъ мнѣній, мистики и обскуранты, задавались другимъ вопросомъ. Они спрашивали: дѣйствительно ли духовныя лица просвѣтительнаго направленія могли называться протестантскими богословами, а не служителями деизма? Такимъ образомъ, съ двухъ противоположныхъ сторонъ поднялась оппозиція противъ просвѣтительнаго направленія. Съ нимъ разошлись Лессингъ и Реймарусъ, Кантъ и Фихте, и пошли каждый своею дорогой; противъ него возстали сантиментальные мечтатели и мистики — въ родѣ Лафатера, Юнгъ-Штиллинга, Гаманна и Сведенборга — люди чувства, которымъ было душно отъ раціонализма и его условной морали. Къ этимъ послѣднимъ противникамъ просвѣтительнаго направленія примкнули, конечно, и реакціонеры, и піетисты, охотно противодѣйствовавшіе ему изъ личныхъ видовъ.

Недовольныхъ правленіемъ Фридриха Великаго было не мало подъ конецъ царствованія. Страна ожидала отъ наслѣдовавшаго ему племянника, Фридриха-Вильгельма II, облегченія тяжелыхъ налоговъ, а піетисты — противодѣйствія тому направленію, которое при Фридрихѣ Великомъ охватило умы и пустило глубокіе корни. Весь режимъ Фридриха держался, какъ мы видѣли, его личностью; суровый и требовательный въ отношеніи къ своимъ ближайшимъ и отдаленнымъ родственникамъ, онъ не питалъ особой нѣжности и особеннаго довѣрія къ своему племяннику и наслѣд-

нику. Послѣднiй, правда, въ угоду своему дядѣ, заводилъ одно время переписку съ Вольтеромъ; но Фридриху едва ли могло быть неизвѣстно, что будущiй его преемникъ не раздѣлялъ его убѣжденiй и взглядовъ. Еще при жизни его, Фридрихъ-Вильгельмъ, послѣ множества любовныхъ похожденiй и разгульной жизни, завязалъ сношенiе съ мистическимъ массонскимъ орденомъ розенкрейцеровъ и былъ принятъ въ этотъ орденъ подъ именемъ Ормеза Великаго (Ormesus Magnus). Фридрихъ Великiй зналъ его за человѣка слабохарактернаго, не способнаго къ серьёзнымъ занятiямъ и въ высшей степени чувственнаго. Его долги и расточительность были хорошо знакомы бережливому дядѣ. Въ концѣ 1774 года наслѣдный принцъ задолжалъ 300,000 талеровъ въ Берлинѣ и столько же за-границей; бюджетъ его кухни насчитывалъ 100,000 талеровъ дефициту. Кредитъ его былъ совершенно истощенъ, и онъ не затруднился обратиться къ дворамъ англiйскому, австрiйскому и русскому съ тайными просьбами о ссудѣ. Дворы англiйскiй и французскiй отвѣчали на эти просьбы отказомъ; русскiй дворъ отклонилъ ихъ по совѣту самого Фридриха, и принца выручилъ тогда амстердамскiй торговый домъ ванъ-Смета. Но дядя рѣшительно отказался покрыть его непомѣрные расходы. Всѣ силы принца уходили на чувственныя удовольствiя. Фридрихъ Великiй не разъ и притомъ открыто высказывался противъ своего наслѣдника. И однакоже онъ умеръ, какъ и Петръ Великiй, не оставивъ по себѣ преемника, способнаго продолжать его дѣло. Недовольный дядей и его направленiемъ, пресытившись удовольствiями, роскошью и приключенiями, Фридрихъ-Вильгельмъ уже при жизни дяди бросился въ объятiя реакцiонеровъ, клерикаловъ и мистиковъ, поддавшись влiянiю двухъ членовъ мистическаго ордена розенкрейцеровъ — Бишофсвердера и Вёльнера, изъ которыхъ послѣднiй сталъ тайнымъ, но главнымъ его руководителемъ.

Имя ордена розенкрейцеровъ встрѣчается впервые въ

сочиненіи 1614 года, изданномъ извѣстнымъ протестантскимъ богословомъ І. В. Андреа: «Fama fraternitatis почетнаго ордена розенкрейцеровъ». Сочиненіе это — не что иное, какъ сатирическая мистификація, написанная съ цѣлью осмѣять распространенныя въ то время бредни и плутни алхимиковъ и астрологовъ. Но суевѣрные люди приняли сатиру за чистую монету, и вскорѣ въ Германіи и въ Англіи появилось не мало мнимыхъ розенкрейцеровъ,— частью мечтателей, желавшихъ придать дальнѣйшее развитіе теософическимъ идеямъ сочиненія, частью проходимцевъ, умѣвшихъ выманивать деньги этимъ оригинальнымъ путемъ. «Fama fraternitatis» съ самаго начала породила цѣлую литературу толкованій и дополненій. Въ Голландіи тогда же составилось общество розенкрейцеровъ, существовавшее, впрочемъ недолго, но обогатившее ловкихъ людей посредствомъ алхимическихъ плутней. Съ тѣхъ поръ, до самой половины восемнадцатаго вѣка, шарлатаны ссылаясь на орденъ розенкрейцеровъ, въ дѣйствительности никогда не существовавшій, если не считать упомянутаго выше и недолговѣчнаго голландскаго общества.

Вдругъ, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, въ южной Германіи появилось такое общество, съ Шлейсомъ фонъ-Лёвенфельдъ и Доппельмейеромъ во главѣ. Опираясь на прежнюю розенкрейцеровскую литературу, они стали утверждать, что обладаютъ древнѣйшею, сокровенною теософіей и алхимическими тайнами. Отъ членовъ общества требовалось безусловное послушаніе неизвѣстнымъ, таинственнымъ его руководителямъ. Этотъ орденъ розенкрейцеровъ съ самаго начала выступилъ съ такою увѣренностью въ себѣ и съ такими притязаніями, которыя поражали легковѣрныхъ и доставили ему многочисленныхъ приверженцевъ, отыскивая ихъ преимущественно въ высшихъ слояхъ общества. Орденъ увѣрялъ, что существовалъ уже за четыре тысячи лѣтъ до Р. Х., обѣщалъ глубочайшее познаніе божества и природы, господство надъ послѣднею

и надъ всѣми духовными силами, хвалился своимъ могуществомъ, сулилъ своимъ сторонникамъ величайшія мірскія выгоды, грозилъ врагамъ большими напастями и продавалъ свои степени только за большія деньги. Розенкрейцеры присвоивали себѣ однимъ истинное познаніе природы, умѣнье обращать въ золото всякій металлъ, приготовлять универсальныя цѣлебныя средства. Все это безстыдное лганье сопровождалось призваніемъ имени Божія, подкрѣплялось увѣреніемъ въ Божьей помощи и Божьемъ отмщеніи врагамъ. Розенкрейцерство имѣло совершенно клерикальную подкладку. Оно ставило себѣ цѣлью «объединеніе всѣхъ людей въ вѣрѣ», и нѣкоторыя его заявленія указываютъ на связь его съ католичествомъ. Въ одномъ «пастырскомъ посланіи» этого ордена къ истиннымъ и настоящимъ масонамъ старой системы, напечатанномъ въ 1785 году безъ указанія города, орденъ этотъ названъ настоящимъ орденомъ Іисуса, а его руководители — «духовными отцами».

Самыми дѣятельными агентами розенкрейцеровъ были въ Берлинѣ Бишофсвердеръ и Вёльнеръ, послѣдній — нѣкогда одинъ изъ дѣятелей просвѣтительнаго направленія, лично озлобленный на Фридриха Великаго. Теологъ по университетскому образованію, пасторъ-раціоналистъ и воспитатель сына генерала Иценплица, онъ втерся въ довѣріе къ генеральшѣ, которая даже пожелала выдать за него свою богатую дочь, когда мужъ ея погибъ въ битвѣ при Кунерсдорфѣ. Но простой сельскій священникъ не могъ вступить въ бракъ съ дочерью стараго дворянскаго рода. Вёльнеръ сложилъ съ себя званіе пастора, передавъ его сначала своему отцу, а по смерти его — своему брату. Вдова генерала Иценплица купила ему, взамѣнъ пасторства, мѣсто каноника въ Гальберштадтѣ и отдала ему и своему сыну въ общую аренду свои имѣнія. Занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и желая отличиться передъ Фридрихомъ Великимъ, онъ написалъ и посвятилъ ему сочиненіе объ упразд-

ненія и раздѣлѣ общинныхъ земель, и въ предисловіи къ этому сочиненію осыпалъ короля восхваленіями и лестью. Но бракъ съ дочерью генерала Иценплица, состоявшійся противъ воли ея знатнаго родства, разстроилъ его планы и надежды занять видное мѣсто въ администраціи. Фридрихъ велѣлъ продержать его нѣсколько времени подъ арестомъ, объявилъ его жену несовершеннолѣтней и назначилъ ей опекуна. Тщетно старался полковникъ Форкадъ, родственникъ Вёльнера, доставить ему дворянское званіе. Король отказалъ на-отрѣзъ, и притомъ по причинѣ, доказывающей рѣдкую его проницательность. «Вёльнеръ — плутъ и попъ-интриганъ», отозвался онъ о Вёльнерѣ. Съ тѣхъ поръ Вёльнеръ, нѣкогда восхвалявшій въ своихъ проповѣдяхъ раціонализмъ въ религіи и мудрое правленіе Фридриха, глубоко затаилъ въ душѣ ненависть къ нему и ко всей его дѣятельности.

Но онъ умѣлъ скрыть эту ненависть до благопріятнаго времени. Поселившись въ Берлинѣ, онъ завязалъ тѣсныя отношенія съ дѣятелями просвѣтительнаго направленія и ихъ óрганомъ — «Всеобщей Нѣмецкой Библіотекой» Николаи, черезъ нихъ и своихъ родственниковъ попалъ на службу къ брату короля, вольтеріанцу принцу Генриху, и въ то же время примкнулъ къ масонамъ «строгаго толка» съ ихъ реакціонными стремленіями. Въ его прошломъ не было ничего такого, чтó обнаруживало бы его склонность къ мистицизму и мечтательности. Какъ теологъ, онъ принадлежалъ къ раціоналистическому направленію; онъ былъ всегда рѣшительнымъ сторонникомъ прогрессистовъ, пріятелемъ Николаи, сотрудникомъ его журнала. И вдругъ этотъ Вёльнеръ основываетъ въ Берлинѣ ложу розенкрейцеровъ, подъ названіемъ: «Friedrich zum goldenen Löwen», и становится ея ораторомъ, мастеромъ — и, наконецъ, окружнымъ директоромъ, подъ именами Хризофирона и Геликона: первое было его явнымъ именемъ въ орденѣ, второе — тайнымъ, извѣстнымъ однимъ только главнымъ ру-

ководителямъ. Въ бумагахъ ордена, относящихся къ этому времени, между членами его упоминаются: герцогъ Фр. (Фридрихъ Брауншвейгскій), пр. Карлъ Г. (Гессенскій), грц. Карлъ Зюдерм. (Зюдерманландскій), прусскій наслѣдный принцъ F. W. (Фридрихъ-Вильгельмъ) — «нашъ возлюбленный», и говорится объ усиліяхъ послѣдняго подавить свои чувственныя влеченія и тѣмъ стать вполнѣ достойнымъ членомъ ордена. Будущій прусскій король, наслѣдникъ Фридриха Великаго, былъ уже окутанъ сѣтями Вёльнера и его сочленовъ по ордену. Они поступили сначала очень ловко: овладѣвъ душой будущаго короля, который могъ быть потомъ въ высшей степени полезенъ ихъ цѣлямъ, они не сразу приняли его въ свою среду. Они заставили его еще цѣлый годъ просить о формальномъ принятіи его въ члены ордена, требуя отъ него нравственнаго исправленія. Пріемъ состоялся лишь за пять лѣтъ до смерти Фридриха Великаго, въ 1781 году. По выраженію одного изъ руководителей ордена, Ганнона, наслѣдный принцъ былъ принятъ въ члены ордена тѣмъ охотнѣе, что «старая змѣя бѣснуется въ наши дни больше чѣмъ когда-нибудь прежде, чтобы положить конецъ царству Божію страшными ужасами невѣрія лже-мудрецовъ и слабыхъ душъ, ослѣпленныхъ злокачественной магіей и иными заблужденіями». Наслѣдный принцъ былъ принятъ въ орденъ подъ именемъ Ormesus. Рѣшительное вліяніе на это событіе имѣла болѣзнь принца. Искренній мистикъ и обскурантъ Бишофсвердеръ писалъ объ этомъ въ 1781 году одному изъ руководителей ордена: «... Нашъ возлюбленный F. W. уже нѣсколько недѣль страдаетъ четырехъ-дневной лихорадкой; R. Macroc. и Θ univ., которыя я далъ ему въ надеждѣ на содѣйствіе силы божественнаго благословенія, оказываютъ столь прекрасное дѣйствіе, что мы, по всѣмъ признакамъ, вскорѣ можемъ порадоваться полному его выздоровленію. Я хожу за больнымъ и имѣю счастье быть свидѣтелемъ езграничной его надежды на божественное милосердіе и

полнѣйшей преданности всесвятой волѣ. Ахъ, возлюбленный отецъ, помогите намъ молитвой, дабы Іегова довершилъ надъ нимъ дѣло своего милосердія! Ваше участіе будетъ пріятно этому добродѣтельному принцу, ибо онъ искренно и высоко чтитъ васъ».

Наслѣдный принцъ, разумѣется, очень быстро поднялся по орденскимъ ступенямъ, причемъ руководители всегда съ особенною настойчивостью указывали ему на изувѣра Бишофсвердера и на лукаваго Вёльнера, какъ на надежнѣйшихъ своихъ представителей. И когда искренніе друзья принца добились того, что онъ удалилъ женщину, съ которой жилъ двадцать лѣтъ, отъ которой имѣлъ дѣтей и которая стала ему необходима, какъ податливая свидѣтельница всѣхъ его похожденій и удовольствій, — Вёльнеръ вступился передъ орденомъ за Ормеза, доказывалъ, что было бы жестоко разлучить его съ матерью его дѣтей, и принцъ возобновилъ свои прежнія отношенія съ любовницей. Дрезденскій братъ розенкрейцеровъ, Ганнонъ, издатель дико-мистическихъ «масонскихъ рѣчей гольд-и розенкрейцеровъ старой системы (Амстердамъ, 1779)», въ своей перепискѣ съ принцемъ о церемоніяхъ, обычаяхъ и цѣлебныхъ средствахъ ордена, предостерегалъ его не столько противъ безнравственныхъ поступковъ, сколько противъ «иллюминатовъ», т. е. свободно мыслящихъ въ церковномъ отношеніи, противъ ихъ силы и опасныхъ происковъ. Иллюминаты, внушалъ онъ, подкапываются подъ всякую власть и всякое начальство, хотя въ ихъ планы и входитъ усыпленіе лестью тѣхъ государей, которые впослѣдствіи могутъ стать имъ поперегъ дороги. Въ особенности же долженъ остерегаться наслѣдный принцъ нѣкоторыхъ,— къ сожалѣнію, обозначенныхъ только цифрами — предводителей просвѣтительнаго направленія, которые старались сблизиться съ нимъ, но которые, какъ и слѣдовало, были имъ отдалены. Въ награду за свои будущія королевскія заслуги пе-

7*

редъ орденомъ, наслѣдный принцъ заранѣе получилъ отъ него титулъ Ормеза Великаго (Ormesus Magnus).

Душою ордена въ Берлинѣ оставался Вёльнеръ. Орденъ сталъ въ его рукахъ орудіемъ его честолюбивыхъ видовъ, его личныхъ цѣлей. Настойчивыя рекомендаціи руководителей ордена и Бишофсвердера, званіе окружного директора ордена въ Берлинѣ и ловкое, вкрадчивое приноравливаніе себя къ природѣ наслѣднаго принца — сдѣлали Вёльнера довѣреннѣйшимъ совѣтникомъ послѣдняго. Этотъ умный и энергическій человѣкъ сталъ для принца оракуломъ въ дѣлахъ внутренняго управленія. Съ половины 1784 года, когда здоровье Фридриха Великаго было уже сильно разстроено, Вёльнеръ докладывалъ наслѣдному принцу, словесно и письменно, по разнообразнымъ вопросамъ и дѣламъ, и эти доклады составили потомъ программу правленія короля Фридриха-Вильгельма II. Въ нихъ, какъ и въ тѣхъ докладахъ, которые онъ дѣлалъ впослѣдствіи уже королю Фридриху-Вильгельму II, попадались кое-какія вѣрныя мысли и остроумныя замѣчанія; но эти вѣрныя мысли и остроумныя замѣчанія были отравлены тѣмъ личнымъ интригантскимъ духомъ, который онъ вносилъ во всѣ свои дѣйствія. Его доклады наслѣдному принцу дышали ненавистью ко всѣмъ совѣтникамъ Фридриха Великаго и къ самому Фридриху. Съ озлобленіемъ возставалъ онъ въ нихъ противъ такъ-называемаго невѣрія, противъ «ложной» терпимости и безнравственности, распространившейся въ Пруссіи по винѣ короля, и противъ вольнодумнаго духовенства. Послѣ самого Фридриха, всего ядовитѣе нападалъ онъ на Цедлица, поставленнаго Фридрихомъ во главѣ духовныхъ дѣлъ и церковнаго управленія. «Таковы прелестные плоды просвѣтительнаго направленія!» писалъ онъ принцу въ докладѣ о религіозныхъ дѣлахъ. «О, государь всемилостивѣйшій, ради Бога, ради вашего добраго народа, сжальтесь надъ нами и возвратите моему бѣдному отечеству религію Христа!» — такъ патетически умѣлъ го-

ворить «плутъ» Вёльнеръ о вещахъ въ сущности ему совершенно безразличныхъ и чуждыхъ! Вёльнеръ предлагалъ и средства къ «возстановленію христіанства» въ прусскомъ государствѣ. Такими средствами онъ называлъ: примѣръ короля; указъ о празднованіи воскреснаго дня; назначеніе «честнаго» министра духовныхъ дѣлъ, такъ какъ любимецъ Фридриха Великаго, Цедлицъ, открыто заявилъ себя «врагомъ Христа» и «натуралистомъ»; составленіе инструкціи для министра духовныхъ дѣлъ, въ которой было бы выражено неудовольствіе короля на преобладающіе въ его владѣніяхъ натурализмъ, деизмъ, социніанизмъ, индифферентизмъ, и внушеніе, запрещающее на будущее время поучать подобнымъ заблужденіямъ; онъ предлагалъ также учредить наблюденіе за всѣми кандидатами и проповѣдниками, дѣйствительно ли они поучаютъ христіанской (т. е. лютеранской) вѣрѣ во всей ея чистотѣ, безъ примѣси лжеученій; наконецъ, законъ о цензурѣ. Ловко придавъ «христіанское» значеніе своимъ проектамъ, онъ не замедлилъ обнаружить въ томъ же докладѣ и свои личные виды на должность министра духовныхъ дѣлъ.

Замѣчательно, что интригуя въ религіозномъ отношеніи, Вёльнеръ въ то же время давалъ будущему королю прогрессивные политическіе и соціальные совѣты. Горячо распространялся онъ въ своихъ докладахъ о необходимости улучшить положеніе низшихъ, угнетенныхъ классовъ, крестьянъ и евреевъ. Обширныя дворянскія помѣстья мѣшаютъ размноженію населенія, объяснялъ онъ наслѣдному принцу. Крѣпостное право должно быть отмѣнено со всѣми его послѣдствіями. Необходимо облегчить ношу мужика, который платитъ государству въ семь разъ больше налоговъ, чѣмъ дворянинъ, и обложить дворянство. Государство можетъ вообще допустить облегченіе налоговъ, пріумноживъ государственныя имущества и регаліи, лучше управляясь съ ними и присоединивъ къ нимъ духовныя имущества съ назначеніемъ пенсій нынѣшнимъ ихъ бенефиціатамъ. Эти

дѣльныя мысли были высказаны Вёльнеромъ еще въ 1765 году, въ его сочиненіи на премію петербургскаго вольнаго экономическаго общества. Онъ предлагалъ также улучшить положеніе евреевъ въ Пруссіи, сдѣлать ихъ такимъ образомъ полезными государству гражданами и привлечь къ военной службѣ. Но эта лучшая часть программы была оставлена и имъ самимъ, и королемъ безъ исполненія. Для его личныхъ цѣлей было всего важнѣе управленіе министерствомъ духовныхъ дѣлъ, и эту часть программы онъ провелъ настойчиво и послѣдовательно, благодаря своему вліянію на Фридриха-Вильгельма II. На остальномъ, единственно важномъ для страны, онъ потомъ совсѣмъ не настаивалъ.

Если правленіе Фридриха Великаго можно характеризовать тремя словами: все для государства, — то девизомъ его преемника и любимца его, Вёльнера было: все для короля. Если Фридрихъ Великій, въ государственныхъ видахъ, допускалъ полную свободу мнѣній и ввелъ тяжелые налоги, то преемникъ его, въ своихъ собственныхъ видахъ, наложилъ печать молчанія на первую и нѣсколько облегчилъ вторые. Страна, долго управляемая диктаторски при великомъ предшественникѣ Фридриха-Вильгельма II, долго напрягавшая всѣ свои силы для созданія самостоятельнаго государства на сѣверѣ Германіи, попала теперь въ руки человѣка, незнавшаго что̀ дѣлать съ этимъ новосозданнымъ государствомъ, смотрѣвшаго на нее какъ на свое помѣстье и продолжавшаго истощать ее уже въ своихъ личныхъ видахъ, въ интересахъ своей власти. Насколько диктатура Фридриха шевелила страну, будила ея мысль и силы, настолько система его преемника, не коснувшаяся ни одного изъ закоренѣлыхъ золъ крѣпостнаго общественнаго строя, съ каждымъ днемъ погружала ее въ апатію и обрекала опасному застою. Какъ будто немного поменьше налоговъ, но гораздо меньше освѣжающей и обновляющей свободы— вотъ характеръ того правленія, которое въ короткое время

привело героическую и неодолимую Пруссію Семилѣтней войны къ полному упадку національныхъ силъ и къ іенской катастрофѣ.

Новый король былъ любезенъ и мягокъ въ обращеніи, не любилъ французскихъ идей, французской литературы и фрацузскихъ чиновниковъ, и на первыхъ же порахъ популярно заявилъ себя покровителемъ посредственностей нѣмецкой литературы, съ которою онъ, впрочемъ, былъ также мало знакомъ, какъ и его покойный дядя. Даже добрыя международныя отношенія съ Франціей, которыми такъ дорожилъ Фридрихъ Великій, теперь серьёзно поколебались. Съ самаго начала новаго царствованія, французская партія при берлинскомъ дворѣ совсѣмъ упала духомъ. Близорукіе люди все это приняли за нѣчто благотворное, національное, много обѣщающее въ будущемъ, особенно въ виду предпринятой съ первыхъ же дней отмѣны ненавистной всѣмъ Regie. Въ самомъ началѣ новаго царствованія, была назначена королемъ коммиссія для пересмотра акцизнаго законодательства, и ей было предписано собираться ежедневно для наивозможно скорѣйшаго разрѣшенія своей задачи. Пользуясь прежде, согласно контракту, заключенному при покойномъ королѣ, совершенно независимымъ положеніемъ, французское акцизное управленіе должно было явиться передъ коммиссіей въ качествѣ подсудимаго. Ему было строго запрещено теперь производить ненавистные народу обыски для отысканія контрабанды, т. е. нарушеній акцизнаго устава. Неудовольствіе французскихъ чиновниковъ на коммиссію и тѣ затрудненія, которыя они противопоставляли ея усиліямъ выяснить дѣло, заставили правительство принять противъ нихъ рѣшительныя, отчасти произвольныя мѣры. 834 чиновника Regie были разомъ совсѣмъ уволены, а содержаніе остальныхъ уменьшено. Но всѣ попытки уличить начальника Regie, де-Лоне, въ злоупотребленіяхъ были безуспѣшны. Всѣ счеты его управленія оказались правильно веденными и провѣренными счет-

ною палатой. Несмотря на обязательство Фридриха Великаго уволить де-Лоне не иначе, какъ съ 6,000 талеровъ пенсіи, которая должна распространяться и на его дѣтей, онъ былъ уволенъ съ пенсіей въ 2,000 талеровъ, которые, по прусскимъ законамъ, онъ долженъ былъ расходовать непремѣнно въ Пруссіи. Когда онъ сослался на обязательство Фридриха, у него потребовали это обязательство для «свѣдѣнія», и потомъ не возвратили его! Это былъ просто обманъ, но обманъ очень характерный, показывающій, какъ сильно были озлоблены тогда противъ системы взиманія акцизныхъ сборовъ черезъ французскихъ чиновниковъ. Акцизный вопросъ еще не былъ разрѣшенъ окончательно, когда король, подъ вліяніемъ Вёльнера, велѣлъ приступить и къ разработкѣ таможеннаго вопроса. Но всѣ эти работы, о ходѣ которыхъ постоянно давались отчеты королю, не привели къ существеннымъ результатамъ. Фридрихъ Вильгельмъ II не имѣлъ самъ никакихъ опредѣленныхъ воззрѣній въ финансовыхъ вопросахъ; онъ не задавался никакимъ цѣльнымъ принципомъ. Онъ стоялъ твердо лишь за отмѣну табачной и кофейной монополіи, потому что публично обѣщалъ ея отмѣну и не хотѣлъ отказать себѣ въ удобномъ случаѣ открыто противодѣйствовать тому, что̀ сдѣлано его предшественникомъ. При всякомъ серьёзномъ препятстіи и затрудненіи, король отказывался отъ самыхъ лучшихъ, предлагаемыхъ ему мѣръ, чтобы по возможности менѣе отступать отъ стародавнихъ порядковъ. Результатъ всѣхъ возбужденныхъ королемъ финансовыхъ совѣщаній былъ въ сущности мизерный: упраздненная табачная и кофейная монополія была замѣнена такими акцизными сборами, отъ которыхъ сильно поднялись цѣны на предметы первой необходимости — на пиво, сахаръ, даже на хлѣбъ! Предположенныя первоначально многочисленныя реформы: отмѣна тягостнаго народу пересыпнаго сбора при ввозѣ хлѣбнаго зерна и муки въ города, пониженіе акциза на пиво, который коммиссія признала «непомѣрно высокимъ»,

и многія другія совсѣмъ не были исполнены. Полное отсутствіе общихъ идей и руководящихъ началъ привело къ тому, что вмѣсто обѣщанныхъ рѣшительныхъ финансовыхъ преобразованій, страна получила рядъ полу-мѣръ, только пріумножившихъ путы, изъ которыхъ безуспѣшно порывались вырваться народныя силы.

Образованная часть общества вскорѣ почувствовала горькое разочарованіе. Благопріятное впечатлѣніе, произведенное отмѣной Regie и двухъ монополій, миновало: общество было поражено и самымъ способомъ отмѣны, и пріостановкой дальнѣйшихъ преобразованій. Оказалось, что и пресловутая отмѣна табачной монополіи,— обнародованный правительствомъ законъ, объявлявшій, что «отнынѣ всякій воленъ безпрепятственно заниматься табаководствомъ» и «производство табаку отнынѣ признается свободнымъ промысломъ», — что и эта прославленная правительствомъ и узаконенная мѣра получила характеръ уже не прежней государственной, а частной монополіи. Довольно было магдебургскимъ табачнымъ фабрикантамъ протестовать противъ предоставленнаго «необученнымъ людямъ» права заниматься табачной промышленностью, чтобы состоялся указъ, разрѣшавшій это занятіе только тѣмъ, кто докажетъ властямъ свое знакомство съ табачнымъ производствомъ, свою денежную состоятельность, и получитъ такимъ образомъ разрѣшеніе начальства заниматься тѣмъ самымъ промысломъ, который незадолго передъ тѣмъ былъ признанъ по закону совершенно свободнымъ!

Подобная система управленія, ничего не дававшая, кромѣ стѣснительныхъ ограниченій и неизвѣстности, естественно вызвала ропотъ и критику. Въ Берлинѣ появился, безъ указанія мѣста печатанія, безъименный памфлетъ, направленный противъ отмѣны государственной монополіи и восхвалявшій систему Фридриха Великаго. Авторъ стоялъ на устарѣвшей, ложной точкѣ зрѣнія; но онъ сильно осуждалъ высокое обложеніе предметовъ первой необходимости,

ною палатой. Несмотря на обязательство Фридриха Великаго уволить де-Лоне не иначе, какъ съ 6,000 талеровъ пенсіи, которая должна распространяться и на его дѣтей, онъ былъ уволенъ съ пенсіей въ 2,000 талеровъ, которые, по прусскимъ законамъ, онъ долженъ былъ расходовать непремѣнно въ Пруссіи. Когда онъ сослался на обязательство Фридриха, у него потребовали это обязательство для «свѣдѣнія», и потомъ не возвратили его! Это былъ просто обманъ, но обманъ очень характерный, показывающій, какъ сильно были озлоблены тогда противъ системы взиманія акцизныхъ сборовъ черезъ французскихъ чиновниковъ. Акцизный вопросъ еще не былъ разрѣшенъ окончательно, когда король, подъ вліяніемъ Вёльнера, велѣлъ приступить и къ разработкѣ таможеннаго вопроса. Но всѣ эти работы, о ходѣ которыхъ постоянно давались отчеты королю, не привели къ существеннымъ результатамъ. Фридрихъ Вильгельмъ II не имѣлъ самъ никакихъ опредѣленныхъ воззрѣній въ финансовыхъ вопросахъ; онъ не задавался никакимъ цѣльнымъ принципомъ. Онъ стоялъ твердо лишь за отмѣну табачной и кофейной монополіи, потому что публично обѣщалъ ея отмѣну и не хотѣлъ отказать себѣ въ удобномъ случаѣ открыто противодѣйствовать тому, что̀ сдѣлано его предшественникомъ. При всякомъ серьёзномъ препятствіи и затрудненіи, король отказывался отъ самыхъ лучшихъ, предлагаемыхъ ему мѣръ, чтобы по возможности менѣе отступать отъ стародавнихъ порядковъ. Результатъ всѣхъ возбужденныхъ королемъ финансовыхъ совѣщаній былъ въ сущности мизерный: упраздненная табачная и кофейная монополія была замѣнена такими акцизными сборами, отъ которыхъ сильно поднялись цѣны на предметы первой необходимости — на пиво, сахаръ, даже на хлѣбъ! Предположенныя первоначально многочисленныя реформы: отмѣна тягостнаго народу пересыпнаго сбора при ввозѣ хлѣбнаго зерна и муки въ города, пониженіе акциза на пиво, который коммиссія признала «непомѣрно высокимъ»,

и многія другія совсѣмъ не были исполнены. Полное отсутстіе общихъ идей и руководящихъ началъ привело къ тому, что вмѣсто обѣщанныхъ рѣшительныхъ финансовыхъ преобразованій, страна получила рядъ полу-мѣръ, только пріумножившихъ путы, изъ которыхъ безуспѣшно порывались вырваться народныя силы.

Образованная часть общества вскорѣ почувствовала горькое разочарованіе. Благопріятное впечатлѣніе, произведенное отмѣной Regie и двухъ монополій, миновало: общество было поражено и самымъ способомъ отмѣны, и пріостановкой дальнѣйшихъ преобразованій. Оказалось, что и пресловутая отмѣна табачной монополіи,— обнародованный правительствомъ законъ, объявлявшій, что «отнынѣ всякій воленъ безпрепятственно заниматься табаководствомъ» и «производство табаку отнынѣ признается свободнымъ промысломъ», — что и эта прославленная правительствомъ и узаконенная мѣра получила характеръ уже не прежней государственной, а частной монополіи. Довольно было магдебургскимъ табачнымъ фабрикантамъ протестовать противъ предоставленнаго «необученнымъ людямъ» права заниматься табачной промышленностью, чтобы состоялся указъ, разрѣшавшій это занятіе только тѣмъ, кто докажетъ властямъ свое знакомство съ табачнымъ производствомъ, свою денежную состоятельность, и получитъ такимъ образомъ разрѣшеніе начальства заниматься тѣмъ самымъ промысломъ, который незадолго передъ тѣмъ былъ признанъ по закону совершенно свободнымъ!

Подобная система управленія, ничего не дававшая, кромѣ стѣснительныхъ ограниченій и неизвѣстности, естественно вызвала ропотъ и критику. Въ Берлинѣ появился, безъ указанія мѣста печатанія, безъименный памфлетъ, направленный противъ отмѣны государственной монополіи и восхвалявшій систему Фридриха Великаго. Авторъ стоялъ на устарѣвшей, ложной точкѣ зрѣнія; но онъ сильно осуждалъ высокое обложеніе предметовъ первой необходимости,

и этого было достаточно, чтобы привлечь къ его памфлету общее сочувствіе. «Какъ сильно надо было исказить истину»,— говорилъ онъ между прочимъ, «чтобы склонить благодушнаго монарха къ подписанію такого закона». Патетическій и рѣзкій тонъ этой брошюры до крайности раздражилъ высшіе административные круги. Вёльнеръ, повидимому, почувствовалъ себя лично затронутымъ. По крайней мѣрѣ его манера писать сказалась въ кабинетномъ указѣ короля на имя генералъ-фискала Аньера, вскорѣ напечатанномъ въ берлинскихъ газетахъ,— указѣ, который предписывалъ не только конфисковать дерзкую брошюру, но и отыскать ея автора, причемъ послѣдній названъ «жалкимъ писакой», «распространяющимъ ядъ и безуміе въ личныхъ своихъ видахъ». За открытіе автора была даже назначена премія въ сто талеровъ. Но премія оказалась излишней. Авторъ самъ публично объявилъ свое имя. То былъ тайный совѣтникъ финансоваго вѣдомства фонъ-Боркъ, человѣкъ, когда-то близко стоявшій къ королю, тогда еще наслѣдному принцу. Въ своемъ заявленіи онъ настаивалъ на чистотѣ своихъ намѣреній и на вѣрности приведенныхъ имъ свѣдѣній. Король не нашелъ возможнымъ преслѣдовать этого, лично ему извѣстнаго человѣка. Дѣло кончилось тѣмъ, что генералъ-фискалъ предложилъ ему вопросъ о томъ, изъ какого источника почерпнуты имъ данныя, на которыхъ основана его брошюра, и когда фонъ-Боркъ доказалъ ихъ подлинность и законность ихъ происхожденія, слѣдствіе по этому дѣлу было прекращено. Правительство ограничилось печатнымъ отвѣтомъ на брошюру фонъ-Борка и ея опроверженіемъ, которое, впрочемъ, мало подѣйствовало на публику. Правительству не помогъ и восторженный адресъ, поднесенный королю тѣми берлинскими торговцами, которымъ была особенно выгодна отмѣна государственной монополіи на табакъ и кофе, и которые приписывали ему въ этомъ адресѣ оживленіе погибавшей торговли, называя его возлюбленнымъ, лучшимъ отцомъ отечества...

II.

Въ первые мѣсяцы новаго царствованія, когда обсуждались финансовыя преобразованія, вскорѣ разрѣшившіяся жалкими полу-мѣрами, общество еще продолжало ожидать отъ новаго правительства серьёзнаго вниманія и участія къ интересамъ національной литературы, науки и искусства. Самъ король, наградивъ нѣкоторыя литературныя посредственности, какъ-бы давалъ понять, что онъ не наслѣдовалъ отъ своего дяди пристрастія къ французской литературѣ и пренебреженія къ нѣмецкой. Но и тутъ оказалось въ результатѣ, что пристрастіе и пренебреженіе Фридриха Великаго было гораздо благотворнѣе для умственнаго развитія Германіи, чѣмъ то неумѣлое, барское покровительство, которое сулилъ его преемникъ нѣмецкой литературѣ и наукѣ.

Свободно мыслящій сторонникъ и министръ Фридриха Великаго, завѣдывавшій духовными дѣлами, фонъ-Цедлицъ, сначала держалъ себя въ сторонѣ, со дня на день ожидая своего увольненія въ виду извѣстнаго ему образа мыслей короля и его любимца Вёльнера. Король, дѣйствительно, высказывалъ открыто свое лютеранское правовѣріе; но многимъ казалось, что онъ считаетъ это дѣломъ личнаго убѣжденія, и Цедлицъ, не получая отставки, задумалъ воспользоваться благопріятной минутой, чтобы двинуть впередъ великое дѣло народнаго образованія. Школьное дѣло въ тогдашней Пруссіи находилось въ жалкомъ положеніи. Сельскія начальныя школы часто были въ рукахъ инвалидовъ, не знавшихъ иного способа преподаванія, кромѣ опредѣленнаго количества ударовъ за каждое слово, пропущенное ученикомъ въ урокѣ катехизиса. Многіе сельскіе учителя, не имѣя возможности существовать на получаемое ими копѣечное жалованье, были въ то же время портными, сапожниками и пр. Въ этихъ школахъ крестьянъ обучали

вѣка на извѣстную спеціальность, къ которой онъ впослѣдствіи можетъ не имѣть ни охоты, ни способности. Но и при этихъ очевидныхъ недостаткахъ проекта несомнѣнно, что примѣненіе его было бы въ то время большимъ шагомъ впередъ. За исключеніемъ немногихъ, пользовавшихся громкою извѣстностью, учебныхъ заведеній, всѣ школы Пруссіи находились въ полномъ упадкѣ, какъ по уровню своихъ преподавателей, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Кромѣ Берлина и немногихъ крупныхъ городовъ, ни одинъ ректоръ ученой школы не получалъ болѣе 500 талеровъ жалованья, ни одинъ преподаватель — болѣе 300 талеровъ или какого-нибудь громкаго титула, тогда какъ сносные писаря носили званіе военныхъ совѣтниковъ, даже тайныхъ совѣтниковъ военнаго вѣдомства съ 1,800 талеровъ содержанія! Городскіе учителя получали 181, 160, 108½, 80 и даже 21 талеръ! Цедлицъ просилъ у короля всего 32,000 талеровъ ежегодно на верховную училищную коллегію, на семинарію и на увеличеніе учительскихъ окладовъ. Король письменно вполнѣ одобрилъ его проектъ, и хотя замѣтилъ при этомъ, что можетъ дать ему на первый годъ только 13,000 талеровъ изъ 32,000, однако совѣтовалъ приступить немедленно къ дѣлу, и особенно поторопиться учрежденіемъ верховнаго училищнаго совѣта. «Я непремѣнно позабочусь о томъ, чтобы въ будущемъ 1788 году вы получили всѣ 32,000», писалъ онъ собственноручно своему министру. Ни Цедлицъ въ то время, ни его современники, конечно, не могли ожидать, что весь этотъ проектъ былъ уже похороненъ во мнѣніи самого короля, и что Вёльнеръ, Бишофсвердеръ и т. п. люди уже обрекли дѣло народнаго образованія въ Пруссіи на полный застой и запустѣніе еще на цѣлое тридцатилѣтіе. Самъ Цедлицъ былъ, напротивъ, такъ увѣренъ въ успѣхѣ своего плана, что передалъ извлеченіе изъ него своему другу Гедике для напечатанія въ его «Берлинскомъ Ежемѣсячномъ Журналѣ». Это смѣлое и непривычное прусскому чиновнику обращеніе къ гласности

вѣроятно, не мало повредило Цедлицу въ глазахъ Фридриха-Вильгельма II.

Не меньше школъ нуждались въ помощи и прусскіе университеты. Всѣ они, за исключеніемъ университета въ Галле, находились въ болѣе или менѣе печальномъ положеніи — и научно, и матеріально. Фридрихъ Великій также мало заботился о нихъ, какъ и о другихъ школахъ, и въ этомъ отношеніи онъ много уступалъ Петру Великому. При немъ въ университетахъ не было сдѣлано никакихъ преобразованій, и деньги на ихъ содержаніе отпускались очень скупо, въ самыхъ скудныхъ размѣрахъ. Если несмотря на то, въ Галлѣ и Кёнигсбергѣ между профессорами были ученыя свѣтила, то этимъ Пруссія была обязана, во-первыхъ, духу времени, а во-торыхъ — тому общему толчку, который былъ данъ Фридрихомъ Великимъ всему живому и прогрессивному въ странѣ. Всѣхъ университетовъ было тогда въ Пруссіи четыре (въ Галлѣ, Дуисбургѣ, Франкфуртѣ-на-Одерѣ и Кёнигсбергѣ). Какъ и другія учебныя заведенія, они были подчинены министру духовныхъ дѣлъ, и непосредственно управлялись ректоромъ, совѣтомъ и факультетами. При замѣщеніи вакантныхъ или вновь учреждаемыхъ каѳедръ, министръ обыкновенно поступалъ довольно произвольно, не обращая вниманія на желаніе факультетовъ. Очень дурно было и то, что каждый профессоръ долженъ былъ читать всѣ или большинство предметовъ своего факультета.

Заявляя желаніе покровительствовать отечественной наукѣ и отечественному искусству, новый король назначилъ десять тысячъ талеровъ изъ прежнихъ іезуитскихъ имѣній на подкрѣпленіе фондовъ, принадлежавшихъ университетамъ, и семь тысячъ изъ нихъ достались университету въ Галле, тысяча талеровъ — университету во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, и двѣ тысячи — Кенигсбергскому университету. Король былъ гораздо щедрѣе на удовольствія, на театръ, скульптуру и живопись, чѣмъ на народное образованіе. Со-

всѣмъ другія средства къ пріобрѣтенію искусственной популярности и внѣшняго значенія казались тогдашнему правителю Пруссіи гораздо болѣе дѣйствительными. Въ самомъ началѣ своего правленія, король Фридрихъ-Вильгельмъ II проявилъ великую щедрость на награды, которая значительно понизила ихъ цѣну въ общемъ мнѣніи. Въ арміи и гвардіи множество офицеровъ разомъ получили слѣдующій чинъ. Камергерскіе ключи, дворянское и графское званіе раздавались щедрою рукой направо и налѣво. Очень посчастливилось въ этомъ отношеніи людямъ, которыхъ не любилъ или даже удалилъ Фридрихъ Великій. Они были особенно пріятны новому королю.

Вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ осчастливить множество людей, безъ всякаго труда и отношенія къ интересамъ государства, король вскорѣ обнаружилъ и другое, еще болѣе неблагопріятное для управляемой имъ страны — стремленіе окружить себя любимцами обоего пола и дѣлать все по ихъ внушенію. Его прежняя любовница, г-жа Рицъ, была осыпана брильянтами. Номинальный супругъ ея назначенъ тайнымъ камергеромъ и дерзко хозяйничалъ въ придворномъ вѣдомствѣ, разгоняя просителей даже и физическою силой. Самъ король былъ нетерпѣливъ и часто въ раздраженіи оскорблялъ своихъ слугъ, которыхъ потомъ награждалъ за вынесенныя ими оскорбленія. Рицъ отлично пользовался этой королевской слабостью для своихъ цѣлей. Вызывая короля на оскорбленія, онъ потомъ выпрашивалъ у него все, чего хотѣлъ. Еще будучи принцемъ, король усердно, но безуспѣшно ухаживалъ за красавицей Юліей фонъ-Фоссъ, которую теперь стали преслѣдовать совѣтами уступить привязанности короля, такъ какъ она могла доставить имъ доброе вліяніе на ходъ дѣлъ. Ей говорили, что она одна способна сдерживать его дурные истинкты и освободить его изъ-подъ вліянія піетистовъ и интригановъ, окружавшихъ его въ союзѣ съ г-жой Рицъ. Въ этомъ смыслѣ говорили ей и собственная родня, и сама королева,

которая уже давно была покинута своимъ супругомъ. Кончилось тѣмъ, что Юлія фонъ-Фоссъ сдалась на эти совѣты, и въ маѣ 1787 года придворный проповѣдникъ Цёльнеръ благословилъ этотъ странный союзъ, дѣлавшій короля двоеженцемъ. Украшенная титуломъ графини Ингенгеймъ, несчастная не нашла однакоже ни нравственнаго удовлетворенія, ни покоя въ своемъ новомъ положеніи. Король и послѣ этого брака продолжалъ прежнія отношенія съ г-жой Рицъ, которая, опасаясь вліянія своей соперницы, интриговала противъ нея за-одно съ своими сторонниками, въ томъ числѣ Вёльнеромъ и другими розенкрейцерами. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ брака, красавица скончалась отъ скоротечной чахотки, оставивъ королю сына. Въ обществѣ увѣряли тогда, что она отравлена г-жею Рицъ, но родные умершей отрицали это, да и вскрытіе трупа обнаружило полное разрушеніе легкихъ. Смерть графини Ингенгеймъ повлекла за собою полное торжество супруговъ Рицъ, розенкрейцеровъ вообще и Вёльнера въ особенности. Король, съ своей стороны, скоро утѣшился, влюбившись въ молодую фрейлину своей жены, графиню Софію Денгофъ. Податливый Цёльнеръ обвѣнчалъ его и съ нею; но два года спустя, она была удалена по настояніямъ Рицъ и ея клики, хотя и родила королю сына и дочь.

Братья короля по ордену все больше и больше овладѣвали душою короля. Въ библіотекѣ вновь построеннаго имъ мраморнаго дворца, въ Потсдамѣ, онъ поставилъ, рядомъ съ нѣкоторыми нѣмецкими поэтами, нѣсколько мистическихъ книгъ, вродѣ «Theosophia revelata» Бемера, «Physica mistica et physica sacratissima», Югеля, «Сіяющій въ свѣтѣ истины розенкрейцеръ» и т. п. Бишофсвердеръ и Вёльнеръ уже были его довѣреннѣйшими совѣтниками. Оба они хорошо знали, что король всего болѣе опасается имѣть видъ человѣка, руководимаго другими, и оба держались сначала за кулисами, не выставляя себя передъ другими. Но они стали ему необходимы, какъ духовные его руково-

дители, а болѣе умный и ловкій изъ нихъ, Вёльнеръ, пріобрѣлъ и большое вліяніе на государственныя дѣла. Почувствовавъ свою силу, онъ сталъ и менѣе сдержанъ, чѣмъ Бишофсвердеръ. Въ самый годъ своего вступленія на престолъ король уже возвелъ его въ дворянское званіе; къ нему поступали на просмотръ всѣ доклады по разнымъ частямъ управленія, онъ проектировалъ рѣшенія короля по этимъ докладамъ. Особеннымъ довѣріемъ Фридриха-Вильгельма пользовался онъ въ финансовыхъ дѣлахъ, и министры, зная это, рабски угождали королевскому любимцу. Каждый день, въ семь часовъ утра, король отсылалъ ему всѣ поступавшія письма и прошенія, а въ четыре часа дня онъ уже представлялъ свой докладъ о нихъ. Словесныя просьбы и жалобы, которыя охотно выслушивалъ Фридрихъ Великій, теперь уже не допускались, а письменныя, поступая къ Вёльнеру, всегда могли быть парализуемы подъ благовидными предлогами. Въ Берлинѣ Вёльнера называли «царькомъ». Ни онъ, ни союзникъ его Бишофсвердеръ, безъ котораго король не могъ провести и нѣсколькихъ часовъ, и который привлекалъ короля чудесною стороной розенкрейцерства, не были разборчивы на средства усилить свое вліяніе. Въ квартирѣ Вёльнера была устроена настоящая сцена для духовъ, на которую вызывалась, напримѣръ, тѣнь Цезаря. Роли духовъ исполнялъ саксонецъ Штейнертъ, давній пріятель Бишофсвердера, обладавшій знаніемъ физіономики и даромъ чревовѣщанія, и которому онъ выпросилъ у короля 500 талеровъ годоваго жалованья подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ хорошо приготовляетъ тайные элексиры. Посредствомъ этихъ зрѣлищъ, розенкрейцеры вывѣдывали мысли и желанія короля, и находили способы достигать своихъ цѣлей. Предсказанія и совѣты изъ устъ таинственныхъ тѣней могли дѣйствовать сильнѣе, чѣмъ совѣты смертныхъ. Братъ Рица, Рицъ младшій, былъ опредѣленъ кабинетнымъ секретаремъ къ королю и давалъ окончательную редакцію исходившимъ изъ каби-

нета повелѣніямъ, согласно внушеніямъ Вёльнера и Бишофсвердера. Всѣ они жили въ тѣсной дружбѣ съ г-жой Рицъ. Къ ихъ кликѣ принадлежалъ и баронъ Фридрихъ фонъ-Арнимъ, нѣкогда уплатившій по векселю наслѣднаго принца, теперь короля, 30,000 талеровъ, возведенный послѣднимъ въ графское достоинство и въ званіе оберъ-егермейстера, и поставленный во главѣ лѣснаго вѣдомства, съ министерскимъ титуломъ. Кто не принадлежалъ къ этой придворной и мистической кликѣ, тому не давали ходу. Порядочные люди сторонились отъ нея съ опасеніемъ и серьезнымъ недовольствомъ. Ни на чемъ не основанныя надежды первыхъ мѣсяцевъ новаго царствованія «возлюбленнаго» короля, смѣнились полнымъ разочарованіемъ. Розенкрейцеры совсѣмъ разобщили короля съ народомъ; всѣмъ стало ясно, какимъ пустымъ интересамъ посвящаетъ король все свое время, что возвѣщенныя сначала реформы оказались призраками. Коротенькая брошюра Борка, о которой мы упомянули выше, читалась нарасхватъ; за нее охотно платили по два талера; она была тайно перепечатана и издана еще и на французскомъ языкѣ.

Еще сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное въ 1789 году изданіемъ «Histoire secrète de la Cour de Berlin». Кто издалъ эту книгу, неизвѣстно. Но кто бы ни былъ ея издателемъ—самъ ли Мирабо, проживіній нѣсколько времени въ Берлинѣ, или его противникъ, желавшій вовлечь его въ процессъ и тѣмъ отстранить его кандидатуру въ члены Etats Généraux, такъ какъ въ брошюрѣ была помѣщена переписка, веденная имъ въ качествѣ тайнаго повѣреннаго Франціи, во второй половинѣ 1786 года, въ бытность его въ Берлинѣ, — многое было очень вѣрно изложено въ этой книгѣ; иное было и невѣрно, по незнакомству иностранца съ нѣмецкими дѣлами, и притомъ иностранца раздраженнаго, который потерпѣлъ неудачу въ своихъ тайныхъ переговорахъ и былъ свидѣтелемъ и участникомъ паденія французской партіи при берлинскомъ дворѣ. Оскор-

бленный разоблаченіями автора «Histoire secrète», Фридрихъ-Вильгельмъ II отказался однако же предъявить жалобу на него въ Парижѣ, и оттого парижскій парламентъ, приговорившій книгу къ сожженію, не коснулся безъименнаго автора, хотя онъ и былъ всѣмъ извѣстенъ. Книга читалась съ жадностью, была переведена на нѣмецкій языкъ; были изданы даже извлеченія изъ нея. Появились, впрочемъ, и опроверженія, противъ нея направленныя. Одно изъ нихъ было написано баденскимъ историкомъ Поссельтомъ, другое — барономъ Фридрихомъ фонъ-деръ-Тренкъ, которому король возвратилъ имѣнія, конфискованныя его предшественникомъ. Но эти опроверженія были неудачны и отличались больше бранью на Мирабо, чѣмъ убѣдительными доказательствами или основательнымъ знаніемъ обсуждаемыхъ дѣлъ и обстоятельствъ.

А вліяніе Вёльнера продолжало рости и усиливаться. Вельнеръ сначала желалъ сдѣлаться министромъ финансовъ, и уже 7-го октября 1786 года писалъ королю: «Я издавна и сильно желалъ быть министромъ духовныхъ дѣлъ; осмѣливаюсь просить ваше величество довѣрить мнѣ пока вакантное мѣсто министра финансовъ. Я могъ бы, несмотря на это, попрежнему исполнять всѣ immediat-commissiones вашего величества». Но это желаніе его не было исполнено, вѣроятно, благодаря вліянію Юліи фонъ-Фоссъ. Годъ спустя, Вёльнеръ еще жаловался на это королю: «Тоже было и въ то время, когда я желалъ быть министромъ финансовъ... ваше величество считали меня тогда годнымъ». Но на дѣлѣ онъ былъ все-таки первымъ министромъ, хотя оффиціально и назывался только тайнымъ оберъ-финансъ-совѣтникомъ и оберъ-интендантомъ придворныхъ построекъ. Уже въ концѣ 1786 года онъ вручилъ королю записку о преобразованіи департаментовъ генеральной директоріи, какъ называлось коллегіальное управленіе важнѣйшими общими дѣлами государства, предположенія которой были вскорѣ примѣнены королемъ почти букваль-

но. Чудеса розенкрейцеровъ играли при этомъ выдающуюся роль. Такъ, напримѣръ, 28-го сентября 1789 года, черезъ десять недѣль по взятіи Бастиліи парижскимъ народомъ, онъ доставилъ королю съ таинственной торжественностью благодарственное посланіе безвѣстнаго настоятеля ордена. Въ посланіи значилось, что оно писано будто бы еще въ апрѣлѣ 1789 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до взятія Бастиліи, которое въ немъ предсказывалось. Вёльнеръ писалъ при этомъ: «Въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о Франціи, меня въ особенности поразило то, что посланіе писано 21-го апрѣля, а Revolution произошла только 14-го іюля. Ваше величество усмотрите изъ этого, насколько я былъ правъ, постоянно увѣряя, что святой орденъ не покинулъ насъ, и можете быть твердо увѣрены, что эта сильная защита никогда не можетъ оставить и не оставитъ васъ ни въ войнѣ, ни въ мирѣ. Хвала Господу, ибо Онъ знаетъ своихъ!» Въ другихъ своихъ письмахъ къ королю, онъ изумляется своему «глупому», безпредѣльному патріотизму и не менѣе «глупому» безкорыстію. И король довѣрялъ ему вполнѣ, даже поручилъ ему завѣдываніе такъ-называемой королевской диспозиціонной кассой.

Фридрихъ Великій принялъ за правило не допускать ни одного изъ своихъ министровъ до полнаго знакомства съ истиннымъ положеніемъ всего государственнаго хозяйства. Онъ не хотѣлъ, чтобы высшіе чиновники имѣли возможность контролировать его дѣйствія въ цѣломъ, не хотѣлъ, чтобы бюрократія заслоняла собою короля, который, по его мнѣнію, долженъ былъ давать тонъ государству. Правило очень опасное. Искусственный мракъ, покрывшій, такимъ образомъ, прусскіе финансы, препятствовалъ министрамъ толково составлять бюджетъ и предлагать коренныя реформы. Механическая точность и единообразіе стали идеаломъ этой финансовой системы. Поэтому Фридрихъ всегда завѣдывалъ самъ королевскою диспозиціонною кассой, въ которую поступали остатки годичныхъ государственныхъ

доходовъ, нѣкоторые налоги и регаліи. Ни одному министру не было извѣстно, сколько денегъ въ этой кассѣ. Въ послѣдній годъ своего правленія, Фридрихъ довелъ приходъ этой кассы до восьми слишкомъ милліоновъ талеровъ, которыми располагалъ на государственныя нужды по своему усмотрѣнію. Выставляя себя сторонникомъ коллегіальнаго порядка, Фридрихъ-Вильгельмъ II могъ бы, оставаясь послѣдовательнымъ, возстановить финансовыя учрежденія своего одноименнаго предка, Фридриха-Вильгельма I, т. е. упразднить диспозиціонную кассу и передать ея суммы и приходъ двумъ главнымъ государственнымъ кассамъ: генеральной кассѣ государственныхъ имуществъ и генеральной кассѣ военнаго вѣдомства, подчинивъ все это верховному наблюденію генеральной директоріи. Но онъ не пожелалъ пожертвовать государству такою долей личной власти, въ виду сильно увеличившихся личныхъ его расходовъ и расходовъ королевскаго двора. Вёльнеръ былъ очень удобенъ въ этомъ отношеніи. Завѣдывая вмѣстѣ съ королемъ диспозиціонной кассой, онъ стоялъ выше министра финансовъ и, дорожа своимъ положеніемъ, не могъ удерживать короля отъ чрезмѣрныхъ личныхъ расходовъ. Въ первый же отчетный годъ своего правленія онъ израсходовалъ на себя лично втрое больше, чѣмъ Фридрихъ Великій,— почти двѣнадцатую часть всѣхъ государственныхъ доходовъ. И когда были проектированы необходимыя странѣ шоссейныя дороги, на которыя понадобились деньги изъ диспозиціонной кассы, Вёльнеръ сразу показалъ, какъ ревностно онъ оберегаетъ эту кассу для личныхъ цѣлей короля, а не для потребностей государства. Питая ненависть къ составителямъ проекта шоссейныхъ дорогъ, министрамъ Гейницу и Шуленбургу-Блумбергу, также имѣвшими нѣкоторое вліяніе на короля, Вёльнеръ повелъ противъ нихъ искусную интригу, которая свела въ могилу одного изъ нихъ, Шуленбурга. Его записки къ королю содержатъ внушенія объ опаснѣйшихъ намѣреніяхъ этихъ людей, будто бы желаю-

щихъ изъять диспозиціонную кассу изъ-подъ королевскаго завѣдыванія и связать королю руки на будущее время. Разумѣется, проектъ шоссейныхъ дорогъ остался безъ исполненія; за то личные расходы короля продолжали возрастать безпрепятственно. Вёльнеръ постоянно поддерживалъ его въ томъ убѣжденіи, что суммы диспозиціонной кассы составляютъ его частную собственность, съ которой онъ можетъ поступать по своему усмотрѣнію, помимо всякихъ государственныхъ соображеній и нуждъ, что всякое употребленіе ихъ на нужды страны есть не болѣе, какъ актъ неизреченной королевской милости.

И такая-то система, такіе-то люди призваны были противодѣйствовать, во имя христіанской церкви и морали, тому просвѣтительному направленію, которое господствовало при Фридрихѣ Великомъ и которое противники его считали отрицаніемъ всякой положительной вѣры, нравственности, власти и семейства. Безсовѣстнымъ интриганамъ и обманщикамъ было предоставлено умственное и религіозное руководительство страной. Отсюда, конечно, не могло выдти ничего похожаго на здоровый плодъ, ничего кромѣ гніенія, постепенно распространяющагося изъ политическаго центра страны на всѣ четыре стороны. Цедлицъ еще оставался, правда, министромъ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, но интриганы уже сторожили свою добычу. Въ то самое время, когда король высказывалъ свое одобреніе составленному имъ проекту новыхъ учебныхъ заведеній, было уже рѣшено погубить этотъ проектъ. Дѣло народнаго образованія стало дѣломъ личныхъ интригъ, вопросомъ о преобладаніи Вёльнера на короля. Чтобы свергнуть Цедлица,—Вёльнеръ и Бишофсвердеръ, именемъ ордена розенкрейцеровъ, постоянно твердили королю объ упадкѣ вѣры въ государствѣ, о вредномъ, будто бы анти-религіозномъ направленіи Цедлица, о необходимости «заботиться не о мірскихъ только выгодахъ подданныхъ, но и о вѣчномъ спасеніи милліоновъ безсмертныхъ душъ». Въ половинѣ 1788

года, ихъ усилія и интриги увѣнчались успѣхомъ. Вёльнеръ былъ назначенъ министромъ юстиціи и, «по особому довѣрію короля», начальникомъ духовнаго управленія по всѣмъ учебнымъ и богоугоднымъ заведеніямъ лютеранской церкви. Министромъ юстиціи дѣлался такимъ образомъ человѣкъ, никогда не учившійся юридическимъ или камеральнымъ наукамъ, а министромъ просвѣщенія человѣкъ, даже неумѣвшій правильно писать, какъ доказываютъ его собственныя письма! А Цедлицъ все-таки не былъ окончательно уволенъ. Король видимо игралъ съ нимъ двойную игру и вознаградилъ его другимъ, менѣе руководящимъ назначеніемъ и орденомъ Чернаго орла. Дѣла реформатскаго исповѣданія, несмотря на всѣ домогательства Вёльнера, остались въ завѣдываніи прежняго министра Дернберга. Тѣмъ не менѣе, Вёльнеръ сталъ теперь самымъ сильнымъ человѣкомъ въ государствѣ. Обязанный своимъ возвышеніемъ интригѣ и реакціоннымъ наклонностямъ короля, онъ поставилъ себѣ задачей искоренить всякіе слѣды прежняго просвѣтительнаго направленія, не стѣсняясь требованіями духа времени, здраваго смысла и совѣсти. Не французская революція была первымъ поводомъ къ реакціи въ Пруссіи: она только поощрила короля и его интригующихъ и честолюбивыхъ совѣтниковъ къ такимъ безнравственнымъ мѣрамъ, которыя убили всякую общественную самодѣятельность, принизили, обезсилили и развратили духъ народа.

Первымъ дѣломъ новаго министра было существенное измѣненіе въ системѣ учительскихъ испытаній. Цедлицомъ была составлена для этихъ испытаній верховная учебная коллегія, въ которую входили и спеціалисты и духовныя лица. Лютеранскія консисторіи, присвоивавшія себѣ исключительно право производить учительскія испытанія, роптали на такое вмѣшательство мірскаго элемента въ ихъ духовное дѣло, и Вёльнеръ тотчасъ возвратилъ имъ исключительное завѣдываніе учительскими испытаніями. Верховная учебная коллегія была затѣмъ превращена въ учрежденіе чисто

церковное, лютеранское, съ устраненіемъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣдныхъ элементовъ.

Но самымъ характернымъ дѣломъ Вёльнера былъ «указъ о религіи въ прусскомъ государствѣ», появившійся черезъ нѣсколько дней по вступленіи его въ должность министра. Указъ этотъ, какъ объясняла его вступительная часть, имѣлъ цѣлью — охраненіе въ государствѣ лютеранской вѣры во всей ея чистотѣ и неприкосновенности. Онъ предоставлялъ каждому свободу религіозныхъ вѣрованій «про себя», безъ права распространять ихъ и совращать другихъ. Меннонитамъ, гернгутерамъ, евреямъ предоставлялось имѣть свои молитвенныя собранія; но вѣдомству духовныхъ дѣлъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать на будущее время, чтобъ не выступали съ своими проповѣдями люди, опасные для общественнаго спокойствія, лютеранскаго и реформатскаго правовѣрія. Указъ запрещалъ всякія вольныя толкованія въ дѣлахъ церкви и вѣры; социніане, деисты, натуралисты «и другія секты» названы были дерзкими и безстыдными. Указъ прямо заявлялъ, что необходимо положить конецъ зловредному просвѣтительному направленію, «дабы не лишать бѣдный народъ спокойствія въ жизни и утѣшенія на смертномъ одрѣ». Онъ угрожалъ пасторамъ кассаціей и болѣе строгими карами за всякое отступленіе отъ библіи и такъ-называемыхъ символическихъ книгъ, излагавшихъ ученіе каждаго исповѣданія, лютеранскаго и реформатскаго, не только при исполненіи проповѣдническихъ, учительскихъ и другихъ обязанностей, но и въ другихъ случаяхъ. На пасторскія мѣста вообще и на профессорскія (богословскія) должности въ университетахъ и учительскія въ школахъ предписывалось назначать только людей, искренно убѣжденныхъ въ истинѣ лютеранскаго правовѣрія. Сыновья проповѣдниковъ и городскихъ учителей освобождались этимъ указомъ отъ военной службы.

Указъ запрещалъ, такимъ образомъ, самостоятельныя философскія и религіозныя изслѣдованія, даже свободныя

частныя бесѣды о подобныхъ предметахъ. Оставалось только учредить инквизиціонный судъ, чтобы отыскивать и преслѣдовать еретическія сочиненія и мысли. Въ отечествѣ Фридриха Великаго и Канта подобное вмѣшательство государственной власти въ дѣла совѣсти было, по меньшей мѣрѣ, безразсудно. Указъ признавалъ ересью всякое отступленіе не только отъ библіи, но и отъ символическихъ книгъ Меланхтона и Лютера, обязательную силу которыхъ отрицали почти всѣ ученые протестантскіе богословы, не исключая людей умѣренныхъ и искренно вѣрующихъ. Все тогдашнее лютеранское и реформатское духовенство было противъ этого требованія указа. На богословскихъ факультетахъ Германіи уже полвѣка совсѣмъ не читали о символическихъ книгахъ, открытыхъ теперь Вёльнеромъ. Ихъ воскрешеніе окончательно губило основную мысль предшественниковъ Фридриха-Вильгельма II—прекратить рознь между лютеранами и реформатами. У тѣхъ и другихъ были свои символическія книги, которыхъ они должны были строго придерживаться на будущее время, оставаясь неизмѣнно вѣрными своей давней розни.

Инквизиторская дѣятельность духовнаго вѣдомства должна была особенно распространяться на вновь назначаемыхъ духовныхъ лицъ, отъ которыхъ оно отнынѣ должно было не только требовать формальнаго обязательства о публичной проповѣди лютеранскаго правовѣрія, но и знать ихъ тайный, задушевный образъ мыслей. Притворство и обманъ были неизбѣжны при такой системѣ. Притомъ духовное лицо отнынѣ должно было являться не наставникомъ, утѣшителемъ и совѣтникомъ народа, а ревностнымъ зилотомъ и строгимъ догматикомъ, даже вопреки своему внутреннему убѣжденію. Той же узко-конфессіональной, инквизиторской системѣ подпало и учебное дѣло въ государствѣ. Для учителей стали обязательными тѣ же требованія и правила, что̀ и для духовныхъ лицъ.

Изложенный нами указъ произвелъ повсемѣстно самое

тяжелое впечатлѣніе. Противъ него было и общество, и лютеранское, и реформатское духовенство. Ни то, ни другое не склонило безмолвно выи передъ актомъ интриги, въ рукахъ которой была въ то время вся матеріальная сила страны. Пять изъ шести духовныхъ совѣтниковъ верховной консисторіи подали королю заявленіе, въ которомъ изложили недоумѣнія, вызываемыя указомъ о религіи. То же самое сдѣлалъ и реформатскій совѣтникъ верховной консисторіи, Закъ, лично извѣстный королю своими проповѣдями, сынъ его бывшаго законоучителя: онъ отказался исполнять указъ и просилъ увольненія. Въ своихъ письменныхъ сношеніяхъ съ королемъ Вёльнеръ обзывалъ этихъ людей, бо́льшею частью извѣстныхъ своими учеными трудами, «антихристовыми просвѣтителями», «злыми людьми», которыхъ надо проучить за неповиновеніе королевской власти. Онъ предлагалъ также устроить цензуру такъ, чтобы на будущее время держать въ уздѣ «жалкихъ писакъ противъ религіи». Дѣло консисторіальныхъ совѣтниковъ, и безъ того безнадежное при данныхъ условіяхъ, приняло еще болѣе неблагопріятный оборотъ, когда общее неудовольствіе на указъ о религіи выразилось въ нѣсколькихъ рѣзкихъ брошюрахъ, противъ него направленныхъ. Законъ рѣдко вызывалъ на свѣтъ такую обширную литературу, какою можетъ похвалиться указъ о религіи. Въ спискѣ сочиненій о немъ, составленномъ въ 1793 году профессоромъ Генке для «Всеобщей нѣмецкой библіотеки» и въ который вошли только важнѣйшія сочиненія,— послѣднихъ не менѣе 59-ти. Указъ о религіи поразилъ всѣхъ. Въ послѣднее время, по крайней мѣрѣ въ протестантскихъ земляхъ, вмѣшательство мірской власти въ религіозныя дѣла стало рѣдкостью, терпимость ко всякимъ религіознымъ мнѣніямъ вошла въ нравы и стала господствующею чертою времени; въ теченіи почти полувѣка, при Фридрихѣ Великомъ, просвѣтительному направленію принадлежало полное преобладаніе, и вдругъ, послѣ всего этого, указъ, возвѣщающій — нетерпимость, и

притомъ въ оскорбительномъ тонѣ и крупныхъ выраженіяхъ, какія не принято употреблять въ законодательныхъ актахъ. Противъ книгъ, вызванныхъ общимъ изумленіемъ и неудовольствіемъ, король направилъ цензуру; а консисторіальнымъ совѣтникамъ, представлявшимъ собою высшій ученый авторитетъ лютеранства, было объявлено, что правительство не намѣрено уступить ни одной буквы изъ своего указа о религіи, что еслибъ они прежде исполняли надлежащимъ образомъ свои обязанности, то «безбожіе» не распространилось бы въ такой сильной степени. Словомъ, ихъ заявленіе было оставлено безъ всякихъ послѣдствій. Вёльнеръ пошелъ въ своихъ распоряженіяхъ еще дальше указа о религіи: онъ предоставилъ исключительно церковнымъ властямъ назначеніе на учительскія должности по учебному вѣдомству...

Оппозиція, между тѣмъ, росла и по возможности заявляла о своемъ существованіи. Нѣкто д-ръ Вюрцеръ, изъ Гамбурга, проживавшій въ то время въ Берлинѣ, напечаталъ въ Лейпцигѣ, безъ имени автора, свои «Замѣтки о религіозномъ указѣ» — наборъ общихъ мѣстъ о свободѣ совѣсти и ханжествѣ. Самъ авторъ былъ такъ увѣренъ въ высокой важности своего сочиненія, что тайно послалъ по экземпляру королю и Вёльнеру, съ надписью: «отъ проживающаго въ Берлинѣ иностранца». Вёльнеръ былъ въ восторгѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что брошюра, не довольно почтительно относившаяся и къ самому королю, писана однимъ изъ его берлинскихъ враговъ, или свободномыслящимъ Штейнбартомъ во Франкфуртѣ-на-Одерѣ. Онъ тотчасъ же донесъ королю: «Случай представился: просвѣтители сами даются въ руки, и притомъ въ такой степени, что вся публика должна принять сторону вашего величества, если будетъ признано нужнымъ показать примѣръ строгости. Со вчерашняго дня открыто продается толкованіе указа о религіи, полученное изъ Лейпцига и посвященное мнѣ неизвѣстнымъ авторомъ. Этотъ пасквиль превышаетъ все самое

ужасное, что только просвѣтители писали до сихъ поръ о христіанской религіи. По слухамъ, онъ написанъ членомъ верховной консисторіи Штейнбартомъ. Какъ скоро я узнаю объ этомъ навѣрное, я буду имѣть честь донести вашему величеству. Люциферъ по истинѣ бѣснуется». Онъ же составлялъ и проектъ указа на имя великаго канцлера Крамера, которому король предписывалъ «немедленно арестовать при помощи полиціи и не выпускать изъ рукъ непризваннаго критика, который, какъ самъ онъ заявляетъ, иностранецъ въ Пруссіи». Быть можетъ, прибавлялъ король, за нимъ скрываются ваши члены верховной консисторіи, и фискалъ долженъ изслѣдовать это обстоятельство. Я хочу, чтобъ въ моей землѣ былъ порядокъ».

Черезъ почту нетрудно было узнать имя автора. Онъ былъ арестованъ и слѣдствіе поручено уголовному совѣтнику Амелунгу: оно показало, что Вюрцеръ былъ одинъ авторомъ преслѣдуемой брошюры. Камеральный судъ, куда поступило его дѣло, выказалъ замѣчательную по тогдашнему независимость. Въ своемъ приговорѣ онъ заявилъ, что ученое изслѣдованіе и обсужденіе законовъ приноситъ пользу человѣческому обществу и дозволено въ прусскомъ государствѣ; что авторъ погрѣшилъ безъ злого умысла, но заслуживаетъ наказаніе за рѣзкость выраженій, и приговорилъ его къ тюремному заключенію на шесть недѣль, причемъ, ему должно быть зачтено предварительное содержаніе подъ арестомъ. Такъ какъ арестъ Вюрцера, со дня его заключенія подъ стражу до утвержденія судебнаго приговора королемъ, тянулся почти шесть недѣль, то приговоръ камеральнаго суда былъ прикрытымъ оправданіемъ подсудимаго. Онъ показываетъ, какъ сильно былъ уже тогда поколебленъ абсолютизмъ въ Пруссіи, какъ уступали и тогда духу времени прусскія власти. Періодъ наивнаго просвѣщеннаго абсолютизма кончился; образованные слои общества уже начали борьбу за личную и общественную свободу.

Сообщая королю приговоръ камеральнаго суда, великій

канцлеръ умолчалъ о томъ, что продолжительность предварительнаго ареста Вюрцера равняется продолжительности того заключенія, къ которому онъ приговоренъ судомъ, и вскользь, какъ-бы между прочимъ, давалъ знаменитому указу о религіи болѣе мягкое толкованіе, чѣмъ Вёльнеръ. Король не замѣтилъ этого и согласился съ мнѣніемъ канцлера, но это было плохимъ случайнымъ утѣшеніемъ для людей порядочныхъ и просвѣщенныхъ. Вёльнеръ былъ силенъ по прежнему и вскорѣ провелъ новый законъ о цензурѣ, которую считалъ недостаточной въ прежнемъ ея видѣ.

По виду, этотъ новый законъ, подписанный 19-го декабря 1788 года, не былъ хуже другихъ подобныхъ законовъ о предварительной цензурѣ. И въ немъ признавались великія и разнообразныя преимущества умѣренной и добропорядочной свободы печати, для распространенія наукъ и всякихъ общеполезныхъ знаній, и готовность покровительствовать ей въ государствѣ. И онъ запрещалъ печатать книги безъ цензуры и продавать запрещенныя иностранныя книги. Но общество имѣло снованіе отнестись къ нему съ крайнимъ недовѣріемъ, естественно принимая его за дополненіе къ закону о религіи, и хорошо зная, что прежніе законы о предварительной цензурѣ устарѣли и мало примѣнялись на практикѣ. При Фридрихѣ Великомъ никто не представлялъ своихъ сочиненій въ цензуру, и сами цензоры удивлялись, когда какой-нибудь законникъ-авторъ приносилъ имъ свою рукопись на разсмотрѣніе. Фридрихъ не одинъ разъ осаживалъ усердныхъ цензоровъ и рвеніе генералъ-фискала. А теперь представленіе рукописей къ цензору становилось опять для всѣхъ обязательнымъ.

Ударъ слѣдовалъ за ударомъ. До сихъ поръ во всѣхъ прусскихъ коллегіяхъ было принято за правило постановлять рѣшеніе по большинству голосовъ; предсѣдатель коллегіи, хотя бы то былъ министръ, завѣдывалъ дѣлами и, при равенствѣ голосовъ за и противъ, своимъ голосомъ давалъ рѣшительный перевѣсъ тому или другому мнѣнію.

Озлобленный на членовъ верховной консисторіи, протестовавшихъ противъ указа о религіи, Вёльнеръ не остановился передъ насильственнымъ измѣненіемъ этого порядка. Вопреки, закону, онъ внушилъ королю слѣдующій кабинетный указъ: «Такъ какъ вы должны отвѣчать мнѣ за все, что дѣлаютъ верховная учебная коллегія и верховная консисторія, и я требую всего отъ васъ однихъ, то вы хотя и можете допускать голосованіе въ обѣихъ коллегіяхъ, но рѣшать должно всегда ваше мнѣніе. Вы не должны никогда оправдываться передо мною мнѣніемъ коллегіи». Такимъ образомъ, оба учрежденія разомъ были низведены на степень совѣщательныхъ, а вслѣдъ затѣмъ былъ уволенъ отъ должности свободно-мыслящій лютеранскій богословъ, членъ верховнаго училищнаго совѣта, профессоръ и совѣтникъ консисторіи Штейнбартъ.

Вельнеръ зорко слѣдилъ за проповѣдями; онѣ произносились публично, и шпіоны усердно доносили ему о томъ, согласны ли они съ указомъ о религіи. Труднѣе было услѣдить за преподаваніемъ въ школахъ и за такъ-называемой конфирмаціей. И онъ задумалъ ввести обязательный учебникъ для обученія лютеранъ и реформатовъ закону Божію. Онъ началъ съ болѣе многочисленныхъ — съ лютеранъ. Ему попалось въ руки сочиненіе члена верховной консисторіи Дитерихса, написанное имъ давнымъ-давно, когда онъ еще придерживался лютеранскаго правовѣрія, но писанное только для его паствы: «Первыя основанія христіанскаго ученія». Вёльнеръ пожелалъ сдѣлать это сочиненіе обязательнымъ учебникомъ. Но Дитерихсъ, искренній и скромный человѣкъ, считавшій свои сочиненія слабыми, не былъ польщенъ этимъ выборомъ. Онъ объявилъ Вёльнеру, что «Первыя основанія» уже не удовлетворяютъ его самого, что это сочиненіе никогда не назначалось для такой цѣли, что онъ, въ крайнемъ случаѣ, публично отъ него откажется. Упрямый Вельнеръ стоялъ, однако, на своемъ, и потребовалъ отъ богословскихъ факультетовъ въ Галле и Кенигсбергѣ,

чтобы они въ теченіе недѣли заявили свое мнѣніе о полномъ правовѣріи сочиненія Дитерихса. Не получивъ отъ нихъ благопріятнаго отвѣта, онъ обратился къ извѣстному своимъ воинствующимъ правовѣріемъ виттенбергскому богословскому факультету, и притомъ въ самой лестной для него формѣ. На этотъ разъ онъ не ошибся. Въ то время, какъ изъ Галле ему отозвались, что «Первыя основанія» хотя и правовѣрны, но написаны тяжелымъ, непонятнымъ языкомъ, по фальшивой методѣ, что въ нихъ есть ошибки и притомъ нравственная сторона ученія принесена въ жертву догматической, — виттенбергцы признали книгу прекрасною и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ ученіи о причащеніи, недостаточно правовѣрною. Согласно этому послѣднему замѣчанію, книга была кое-какъ передѣлана, но сохранила всѣ недостатки, указанные богословскимъ факультетомъ въ Галле. Ее напечатали вновь, по возможности истребивъ старое изданіе; король подписалъ сочиненный Вёльнеромъ указъ о введеніи ея въ качествѣ обязательнаго учебника.

Верховная консисторія опять заявила королю свой протестъ; духовныя и свѣтскія власти формально возстали противъ негодной, по общему мнѣнію, книги. Подобнаго протеста подчиненныхъ противъ распоряженій министра еще не бывало въ Пруссіи. Пора полной, безмолвной покорности миновала навсегда. Гальберштадскій соборный капитулъ отказался принять книгу, отозвавшись, что онъ уже имѣетъ для своихъ школъ хорошій учебникъ, и просилъ, чтобы его «оберъ-инспекторовъ избавили отъ подобныхъ требованій». Еще желчнѣе былъ отзывъ гальберштадскихъ сословій, которыя въ своей ѣдкой критикѣ на навязываемый имъ учебникъ не пощадили ни министра, ни самого короля. Вёльнеръ не ожидалъ такого протеста; опасаясь, что дальнѣйшія заявленія въ томъ же смыслѣ могутъ подѣйствовать на короля, онъ отчасти уступилъ, т. е. остался при своемъ намѣреніи ввести общеобязательный для всей

монархіи учебникъ, но рѣшился замѣнить одну книгу другою, тоже устарѣвшею книгой: «Христіанское ученіе, связно изложенное», путанною и непонятною дѣтямъ.

Реформатамъ больше посчастливилось: имъ удалось составить для своихъ школъ новый учебникъ, который хотя и не отвѣчалъ видамъ Вёльнера, но былъ утвержденъ имъ во избѣжаніе новыхъ столкновеній и скандаловъ. Но лютеране не уступили. «Христіанское ученіе, связно изложенное», требовало передѣлокъ, и верховная консисторія не торопилась съ ними, ссылаясь на то, что существующіе учебники тоже хороши и не возбуждаютъ никакихъ нареканій. Но и Вёльнеръ былъ упрямъ, поручилъ пересмотръ книги троимъ своимъ сторонникамъ, и она была утверждена королемъ. Тѣмъ не менѣе, ее называли крайне плохою, разсчитанною на безсмысленную выучку наизусть и полною, неумѣстнаго въ учебникѣ, полемическаго задора.

III.

Внутреннія дѣла государства имѣютъ гораздо бо́льшее вліяніе на его международное значеніе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Пока государственные люди Пруссіи, вопреки вопіющимъ нуждамъ страны, духу времени и общественному мнѣнію, занимались стѣсненіемъ свободы совѣсти, печати, преподаванія, — международная роль, приданная Пруссіи Фридрихомъ Великимъ, съуживалась все болѣе и болѣе. Реакціонныя стремленія внутри неизбѣжно сопровождаются такими же стремленіями и въ дѣлахъ внѣшней политики, какъ бы ни было сильно желаніе правителей государства, угнетая живыя силы собственной страны, казаться либеральными за-границей. Подобно Вёльнеру въ дѣлахъ внутреннихъ, руководителемъ внѣшней политики Фридриха-Вильгельма II сталъ розенкрейцеръ и обскурантъ Бишофсвердеръ, ревностный сторонникъ союза съ католи-

ческой и абсолютистской Австріей. Его вліяніе тотчасъ сказалось въ совершенномъ измѣненіи прусской политики. Уже лѣтомъ 1790 года онъ ожидалъ контръ-революціи во Франціи и подготовлялъ союзъ Австріи и Пруссіи съ королевскою партіей за Рейномъ. Вопреки преданіямъ политики Фридриха Великаго, Бишофсвердеръ чуть не униженно заискивалъ у Австріи. Онъ самъ тайно ѣздилъ въ Вѣну, чтобы склонить императора Леопольда II къ тѣсному союзу съ Пруссіей, частью для обузданія Россіи, частью для возстановленія королевской власти во Франціи. Въ маѣ 1791 года было отправлено изъ Берлина въ Вѣну оффиціальное предложеніе союза между двумя коронами. Несмотря на то, что это предложеніе принято было въ Вѣнѣ не совсѣмъ дружелюбно, Бишофсвердеръ вторично посѣтилъ австрійскую столицу, гдѣ на этотъ разъ достигъ своей цѣли, благодаря мольбамъ Маріи-Антуанетты о помощи. Состоявшійся, въ іюлѣ 1791 года, союзъ былъ тѣмъ не менѣе выгоденъ для одной только Австріи. Пруссія отказывалась отъ всякихъ новыхъ пріобрѣтеній въ Польшѣ, ручалась своей союзницѣ за сохраненіе спокойствія въ ея недовольныхъ провинціяхъ и предоставляла себя въ ея распоряженіе для улаженія французскихъ дѣлъ, которыя вовсе до нея не касались. Вскорѣ король и императоръ съѣхались въ Пильницѣ, и Пруссія была совсѣмъ вовлечена въ сферу австрійской политики. Вражда ко всему, что̀ только напоминало злополучное просвѣтительное направленіе, была такъ велика у людей, правившихъ въ то время Пруссіей, что они переносили ее даже за предѣлы своего государства. Осенью 1789 года король поручилъ своему тогдашнему, потомъ замѣненному Бишофсвердеромъ, министру иностранныхъ дѣлъ заявить саксонскому двору, что Лейпцигъ сталъ средоточіемъ союза иллюминатовъ, представители которыхъ имѣютъ тамъ свои собранія. Саксонскій дворъ сердечно благодарилъ короля за такое вниманіе и обѣщалъ принять надлежащія мѣры, но указаніе прусскаго правительства не подтверди-

лось. Опасенія Фридриха-Вильгельма II были, слѣдовательно, напрасны и могли быть съ умысломъ внушены ему Бишофсвердеромъ и Вёльнеромъ.

Гнилая внѣшняя политика была только отраженіемъ того гніенія, которое быстро охватывало внутреннюю жизнь государства. Духъ Вёльнера просачивался всюду, разлагая здоровыя силы и соки своимъ тлетворнымъ прикосновеніемъ. Государственные доходы уменьшались годъ отъ году, благодаря дурному экономическому строю и законодательству, расходы годъ отъ году увеличивались, и всякія чрезвычайныя надобности приходилось покрывать чрезвычайными средствами. И при такихъ-то неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, король не только не сокращалъ своихъ личныхъ расходовъ, но еще увеличивалъ ихъ въ бо̀льшемъ размѣрѣ и довелъ ихъ цифру до восьмой части всего государственнаго прихода. Страна, между тѣмъ, бѣднѣла. Число нищихъ и бѣдныхъ видимо росло. Мы видѣли, въ какомъ положеніи находилось народное образованіе, въ какія условія была поставлена умственная жизнь страны. Если прибавить къ этому рабское положеніе народа относительно помѣщиковъ, а помѣщиковъ и горожанъ относительно королевской власти, то картина выйдетъ, поистинѣ, поразительная, и очень наглядно объяснитъ намъ, почему, немного лѣтъ спустя, Франціи было такъ легко нанести Пруссіи громовой ударъ. Обновленная переворотомъ, удвоившимъ ея нравственныя силы и матеріальныя средства, Франція имѣла дѣло съ параличнымъ государствомъ, больше похожимъ на необъятную тюрьму, чѣмъ на добровольное общежитіе людей свободныхъ, бодрыхъ и довольныхъ. Мы ужасаемся теперь, и ужасаемся не по-напрасну, читая разсказы и акты объ ужасахъ французской революціи. Но что̀ же было сдѣлано толковаго и существеннаго до этого переворота, чтобы предотвратить его и дать правильный исходъ народнымъ силамъ, стремленіямъ и нуждамъ? Ужасно положеніе страны, совершающей ежедневно сотни казней во

имя свободы и равенства; но развѣ менѣе ужасно положеніе государства, поражаемаго на смерть въ одномъ сраженіи и обращаемаго въ рабство, хотя бы только временное, чужимъ правительствомъ и народомъ? Близорукимъ людямъ обыкновенно кажется, что не серьёзное устраненіе коренныхъ, глубочайшихъ причинъ къ насильственнымъ переворотамъ, а усиленіе гнета спасаетъ народы отъ революціи. Пруссія избѣгла переворота, не не избѣгла завоеванія, которое было для нея совершенно равносильно перевороту. Такъ или иначе, народы, какъ и отдѣльные люди, хотятъ и стремятся жить, а не коснѣть во мракѣ и неволѣ. И если не внутреннія событія, то внѣшнія столкновенія приводятъ ихъ неизмѣнно все къ той же цѣли — къ нормальнымъ и свободнымъ условіямъ жизни.

Идеи восемнадцатаго вѣка, разлившіяся по всей Европѣ, нанесли окончательный ударъ феодальному строю европейской жизни. Франція, сбросившая съ себя прежде другихъ феодальныя цѣпи, уже въ силу одного этого освобожденія являлась властительницей умовъ, законодательницей и повелительницей Европы. И въ это-то время, вопреки одному изъ самыхъ грозныхъ уроковъ исторіи, въ Пруссіи дѣлалось все для закрѣпленія отжившаго, удручавшаго народныя силы феодальнаго порядка. Простой народъ былъ его жертвой въ полномъ смыслѣ слова, хотя духъ времени уже давно увлекалъ его совсѣмъ въ другую сторону. До извѣстной степени упрощенное желѣзной волей Фридриха Великаго, прусское феодальное дворянство снова подняло свою привилегированную голову при слабомъ его преемникѣ, давшемъ всей внѣшней и внутренней политикѣ государства совершенно реакціонный характеръ. Фридрихъ-Вильгельмъ II считалъ его надежнѣйшимъ оплотомъ противъ напора революціонныхъ идей въ дѣлахъ свѣтскихъ и духовныхъ. Онъ, конечно, никакъ не думалъ и не ожидалъ, что именно этотъ путь и ведетъ его страну прямо къ перевороту или завоеванію. Его предшественники не даромъ

вели ожесточенную борьбу съ дворянствомъ и привилегированными городами. Еще Фридрихъ-Вильгельмъ I считалъ нужнымъ противопоставить прусскимъ «юнкерамъ»: la souverainetè, какъ «un rocher de bronze». Теперь, напротивъ, имъ были возвращены многія прежнія привилегіи, имъ было предоставлено право исключительнаго представительства провинціальныхъ интересовъ. Для нихъ, въ исключительномъ ихъ интересѣ, были созданы кредитныя учрежденія, совсѣмъ недоступныя другимъ сословіямъ. Одно только землевладѣльческое дворянство и могло процвѣтать въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія въ Пруссіи. Благодаря дворянскимъ кредитнымъ учрежденіямъ и вызванному ими пониженію ссуднаго процента, благодаря тому порядку въ хозяйствѣ, который былъ при этомъ необходимъ для заемщика, благодаря суммамъ, которыя отпускалъ король на поправленіе разстроенныхъ имѣній, и сельско-хозяйственнымъ свѣдѣніямъ, проникавшимъ въ Пруссію изъ Англіи и Франціи, а въ особенности быстро возраставшимъ цѣнамъ на хлѣбъ, цѣнность дворянскихъ имѣній по меньшей мѣрѣ удвоилась, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднялась и еще выше. Поземельный налогъ взимался только съ первоначальной цѣны имѣнія, независимо отъ произведенныхъ въ немъ улучшеній и возвысившейся цѣны его. Крестьянинъ, напротивъ, погибалъ подъ тяжестью налоговъ, барщинныхъ работъ и воинской повинности; отъ цѣнъ, обогащавшихъ дворянина, чахла городская промышленность. За то «юнкеръ» могъ купаться въ шампанскомъ и предаваться оргіямъ. И онъ пользовался своими доходами, по бóльшей части, не для улучшенія своихъ понятій, не для промышленныхъ предпріятій, не для образованія своихъ дѣтей и не для помощи крестьянству — онъ пользовался ими именно для оргій. Онъ утратилъ даже и привязанность къ наслѣдію отцовъ: дворянство пользовалось возвышеніемъ цѣнъ на земли для безсовѣстнаго барышничества. Оно считало государство своею добычей. Пра-

вительство поддерживало его въ этомъ убѣжденіи, постоянно заботясь только о высшихъ классахъ и ничего не дѣлая для народа, наиболѣе нуждавшагося въ его помощи. «Трудно предположить, какъ могло бы выработаться изъ внутренняго развитія государства дѣйствительное средство противъ такого коренного неравенства, противъ этого рака, разъѣдавшаго народную жизнь, — говоритъ авторъ новой «Исторіи прусскаго государственнаго устройства»... «Много ли могъ сдѣлать цѣлый просвѣтительный вѣкъ съ его гуманитарными ученіями противъ четырехвѣкового рабства сельскихъ населеній? Развѣ это рабство не было вновь подтверждено новыми законами? Развѣ сельскимъ кредитомъ не была подкрѣплена вновь односторонняя власть дворянства? Нужно было огромное потрясеніе извнѣ, нужна была катастрофа, причиненная Наполеономъ, чтобы такое положеніе дѣлъ кореннымъ образомъ измѣнилось къ лучшему!»

РОДЪ МИРАВО.

ОЧЕРКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ВОСЕМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Les Mirabeau. Nouvelles études sur la société française au XVIII siècle, par Louis de Loménie, de l'Academie Française. 2 vol. Paris. 1879.

Посмертное изданіе труда Ломени̂, посвященнаго роду и семейству знаменитаго оратора временъ большой французской революціи, хотя и не представляетъ въ цѣломъ такого общаго интереса, какъ прежній трудъ того же автора о Бомаршѐ,— притомъ этотъ трудъ еще не оконченъ,— но тѣмъ не менѣе и въ этомъ трудѣ читатель можетъ найти не мало интереснаго для себя. Отдѣлавъ окончательно два тома, посвященныхъ предкамъ, ближайшему родству и отцу французскаго трибуна 1789 года, также пользовавшемуся большою извѣстностью въ обществѣ и литературныхъ кружкахъ XVIII вѣка, ученый и даровитый авторъ преждевременно сошелъ въ могилу, и публика отчаялась увидѣть когда-нибудь въ печати интереснѣйшую часть его новаго труда — біографію самого оратора и трибуна, ради которой собственно и былъ имъ предпринятъ весь трудъ. Дѣйствительно, вышедшіе два тома двадцатилѣтнихъ изслѣдованій Ломени̂ доводятъ исторію фамиліи Мирабо̂ только до главнаго ея героя и составляютъ лишь половину предположен-

наго авторомъ труда. По важности событій, участникомъ которыхъ былъ Мирабо̀, его біографія требовала особенно подробнаго изложенія. Но и эта заключительная часть работы вчернѣ почти закончена авторомъ и, по словамъ издателей двухъ первыхъ томовъ, не замедлитъ появиться въ печати. Впрочемъ, и въ этихъ двухъ томахъ мы встрѣчаемся съ тѣми весьма любопытными философскими, экономическими и административными вопросами, которые занимаютъ насъ еще и теперь, встрѣчаемся съ выдающимися характерами тогдашней культурной среды, которая порождаетъ, наконецъ, исполненный противорѣчій образъ талантливѣйшаго оратора и трибуна новѣйшихъ временъ.

I.

Зáмокъ Мирабо̀ въ Провансѣ, опустошенный во время террора и вновь возстановленный теперь внукомъ трибуна.— Сходство между характеромъ мѣстности, среди которой лежитъ помѣстье Мирабо̀, и членами фамиліи Мирабо̀.— Родословная трибуна; французкое или итальянское происхожденіе.

Путникъ, слѣдующій изъ Пертюи въ Маноскъ, тотчасъ замѣчаетъ, что онъ уже въ высокомъ Провансѣ. Окружающая его почва становится все болѣе и болѣе каменистой, мѣстность принимаетъ горный характеръ. По лѣвую сторону, за первою грядой очень высокихъ холмовъ, онъ видитъ передъ собою черныя вершины Либерона, а прямо противъ, на горизонтѣ, цѣпь Альповъ, составляющую какъ-бы третій этажъ горъ. Верстахъ въ одиннадцати отъ Пертюи, съ самаго высокаго пункта дороги, вдругъ открывается вдали, на утесѣ между двухъ ущелій, большое прямоугольное зданіе съ четырьмя высокими зубчатыми башнями, какъ будто поставленное для того, чтобы заграждать дорогу. Это зáмокъ Мирабо̀. Первый взглядъ на него производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что съ господ-

ствующей надъ нимъ высоты, откуда онъ впервые становится виднымъ, за его башнями и красножелтыми стѣнами блеститъ на солнце лазуревая полоса воды. Это Дюранса, протекающая за утесомъ, на которомъ построенъ зàмокъ. Внизу и по склону этого утеса тѣснятся строенія, издали представляющіяся вамъ нагроможденными одно на другое, точно стадо овецъ около колоссальнаго пастуха, нѣкогда обязаннаго защищать ихъ отъ волковъ, но въ то же время облеченнаго и правомъ стричь ихъ, сколько угодно. Все селеніе, насчитывающее около восьмисотъ душъ, построено вокругъ зàмка, въ такомъ отвѣсномъ положеніи, что по немногимъ его улицамъ приходится подниматься точно по лѣстницѣ. У подошвы утеса толстая стѣна, бòльшею частью еще уцѣлѣвшая, окружаетъ одновременно и селеніе и зàмокъ. Съ восточной стороны, въ селеніе можно проникнуть только черезъ старыя готическія ворота, дающія проходъ одному только экипажу.

Теперь зàмокъ возстановленъ; но лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ онъ представлялъ лишь груду развалинъ. Опустошенный во время террора и на-половину разрушенный не самими жителями селенія, а фанатиками сосѣднихъ общинъ, лишенный своихъ башенъ, сваленныхъ на стѣны, лишенный крыши, дверей и оконъ, обратившись въ притонъ совъ и хищныхъ птицъ, старый зàмокъ представлялъ собою нѣчто вродѣ трупа, точно ему суждено было погибнуть вмѣстѣ съ знаменитѣйшимъ членомъ той страстной фамиліи, которая владѣла имъ въ теченіи двухъ столѣтій. Такъ какъ братъ, зять и племянникъ знаменитаго Мирабò эмигрировали изъ Франціи, то большая часть ихъ помѣстья была конфискована и продана революціоннымъ способомъ. Частица помѣстья, оставшаяся еще свободною послѣ террора, досталась третьей сестрѣ трибуна и была отчуждена ею, такъ что фамиліи Мирабò уже не принадлежало ни одного вершка земли ея предковъ. Развалившійся зàмокъ также былъ, наконецъ, проданъ за безцѣнокъ одному крестьянину, ко-

торый, уважая его прошлое, отказывался перепродать его съ барышомъ кому бы то ни было, кто имѣлъ въ виду купить лишь уцѣлѣвшіе камни, увезти ихъ и такимъ образомъ окончательно уничтожить зданіе.

Зàмокъ еще принадлежалъ этому крестьянину въ іюнѣ 1815 г., когда въ селеніе Мирабò пріѣхалъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ, черты котораго сильно напоминали лицо знаменитаго трибуна. Пріѣзжій, Люкасъ де-Монтиньи, родившійся въ 1782 году, до девяти-лѣтняго возраста былъ заботливо воспитанъ самимъ Мирабò, который завѣщалъ ему 24,000 ливровъ, поручивъ его попеченіямъ своего друга Ла-Марка. По смерти Мирабò, семейство и друзья Ла-Марка приняли близкое участіе въ судьбѣ мальчика и помогли ему стать на ноги. При первой имперіи онъ состоялъ на службѣ въ сенской префектурѣ; назначенный во время Ста-Дней генеральнымъ секретаремъ префектуры въ департаментѣ Устьевъ-Роны, онъ долженъ былъ отказаться отъ этой должности послѣ битвы при Ватерлоо, и, прежде чѣмъ вернуться въ Парижъ, пожелалъ видѣть остатки зàмка, о которомъ ему такъ много говорили въ дѣтствѣ. Они произвели на него сильное впечатлѣніе, и онъ уговорилъ крестьянина продать ихъ, обѣщая не трогать ни одного камня. Крестьянинъ, найдя наконецъ такого покупщика, какого онъ желалъ, охотно уступилъ ему развалины зàмка за пятьсотъ франковъ, которые, вѣроятно, были заплачены за нихъ имъ самимъ. Обрадованный покупщикъ тогда же написалъ племянницѣ Мирабò, жившей въ окрестностяхъ Марсели: «Посѣщая и срисовывая со всѣхъ сторонъ остовъ этого зàмка, видъ и память котораго заставляли сильно биться мое сердце, я узналъ, что эти почтенныя развалины принадлежатъ простому земледѣльцу, купившему ихъ за безцѣнокъ, вмѣстѣ съ утесомъ, на которомъ онѣ стоятъ, и имѣвшему трогательную деликатность отказываться отъ значительнаго барыша единственно потому, что лицо предлагавшее этотъ барышъ, купило бы

зàмокъ, чтобы довершить его разрушеніе. Опасаясь, что другія предложенія могутъ соблазнить великодушнаго крестьянина, или что его истинно-рѣдкія чувства могутъ не перейти къ его наслѣдникамъ, я задумалъ помѣшать полному разрушенію зданія, по крайней мѣрѣ при моей жизни, и за несчастныя пятьсотъ франковъ купилъ въ одно и то же время и это удовольствіе, и пріятную возможность возвратить послѣдніе остатки отцовскаго зàмка наслѣдникамъ имени Мирабò, если они пожелаютъ опять владѣть имъ».

Люкасъ де-Монтиньи поспѣшилъ предохранить пріобрѣтенныя имъ историческія развалины отъ дождей и вѣтровъ. Онъ возстановилъ крышу, поднялъ башни, тяжесть которыхъ давила стѣны; но не далѣе какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, зàмокъ еще не имѣлъ ни дверей, ни оконъ. Въ это время поселился въ немъ сынъ новаго владѣльца, Габріэль Люкасъ де-Монтиньи и принялся за полное его возстановленіе. Мало-по-малу, онъ пріобрѣлъ также и значительную часть земель, нѣкогда принадлежавшихъ зàмку, и прежнее помѣстье Мирабò вновь получило теперь тотъ блестящій, обрывистый и нѣсколько дикій видъ, который такъ отвѣчалъ общему характеру владѣвшей имъ фамиліи.

Если вдаваться въ любимыя теперь сближенія физическихъ явленій съ нравственными, то не трудно найти большое сходство между этой мѣстностью, вздутой, изрытой вулканическимъ огнемъ, палимой солнцемъ, обдаваемой мистралемъ, а въ зимнее время сѣвернымъ вѣтромъ, и энергическими, порывистыми, неровными, странными и безпорядочными характерами людей, принадлежавшихъ къ фамиліи Мирабò. Описывая мѣстность, гдѣ жили его предки, маркизъ Мирабò, отецъ трибуна выражается такъ: «Палящее небо, климатъ чрезмѣрный... видъ дикій, мѣста прогулокъ — высохшія скалы, хищныя птицы, пожирающія рѣки, потоки или ничтожные, или заливающіе... люди сложившіеся, сильные, выносливые, искренніе и безпокойные».

Многіе изъ этихъ признаковъ какъ нельзя лучше обрисовываютъ самаго маркиза Мирабò. Но подобныя сближенія требуютъ чрезвычайной осторожности. Извѣстно, какія ѣдкія замѣчанія навлекъ себѣ ими Монтескьё, выдавая за непреложную истину, что единоличная власть болѣе свойственна странамъ плодороднымъ, а власть, распредѣленная между многими, странамъ безплоднымъ. Не менѣе рискованна была другая аксіома того же писателя, по которой свобода легче водворяется въ странѣ гористой, чѣмъ ровной, и которая вызвала замѣчаніе, кажется, Вольтера: «Да, какъ въ Швейцаріи, и если рѣчь идетъ не о странѣ равнинъ, какова, напримѣръ, Голландія». Подобныя сближенія особенно шатки, когда они касаются не цѣлаго народа, а отдѣльныхъ лицъ или семействъ. Предки знаменитаго трибуна купили зàмокъ Мирабò не раньше 1570 года; зàмокъ принадлежалъ прежде другой фамиліи — Баррасовъ — отличавшейся совсѣмъ другимъ характеромъ, и которой хитрость и коварство съ давнихъ временъ вошли въ пословицу. Да и въ родѣ Мирабò два самыхъ бурныхъ характера — трибунъ и братъ его, виконтъ — не только не родились въ той гористой и жгучей мѣстности Прованса, не только мало жили тамъ, но и явились на свѣтъ, провели свое дѣтство и часть своей юности въ краѣ ровномъ, безцвѣтномъ и туманномъ, богатомъ жирными пастбищами, гдѣ климатъ умѣренный, скорѣе влажный, чѣмъ жгучій,— въ старомъ Гатинê, близь Немура, въ нынѣшнемъ департаментѣ Сены-и-Марны. Въ виду такихъ противорѣчій, можно только допустить, что укрѣпленный зàмокъ величественнаго и даже нѣсколько свирѣпаго вида долженъ былъ развивать въ его владѣльцахъ скорѣе высокомѣріе, чѣмъ скромность, и что тѣ Мирабò прошлаго вѣка, которые родились въ департаментѣ Сены-и-Марны и получили воспитаніе въ домѣ болѣе буржуазномъ, будучи болѣе страстны, смѣлы и, можетъ быть, болѣе тщеславны, далеко не были такъ высокомѣрны, какъ ихъ предки.

По общепринятому мнѣнію, Мирабо̀ происходитъ отъ фамиліи знатныхъ Гибеллиновъ, изгнанной изъ Флоренціи въ половинѣ тринадцатаго вѣка и занявшей съ тѣхъ поръ почетное мѣсто въ рядахъ провансальскаго высшаго дворянства. Довольно было революціонной славы, пріобрѣтенной краснорѣчивымъ ораторомъ учредительнаго собранія, чтобы его притязаніе на древнее и аристократическое происхожденіе было принято всѣми. Всѣмъ нравилась мысль о кровной связи блестящаго агитатора 1789 года съ поэтическими бойцами средневѣковыхъ партій. Но эта мысль не подтверждается историческими свидѣтельствами. Они показываютъ, напротивъ, что если, какъ утверждали самъ Мирабо̀, его отецъ и ихъ генеалогисты, ихъ предокъ Пьетро Рикети дѣйствительно былъ изгнанъ изъ Флоренціи и поселился въ Провансѣ, то онъ и его потомство оставались совершенно неизвѣстными до половины XVI вѣка, въ теченіи двухъ съ половиной столѣтій, и послѣднему пришлось въ это время доказывать свое дворянское происхожденіе, чтобы не платить одного налога, взимавшагося только съ разночинцевъ. Въ это время они уже занимались торговлей въ Марсели, и одинъ изъ нихъ, Жанъ Рикети былъ выбранъ въ первые консулы этого города. Въ 1564 году онъ женился на дѣвушкѣ, принадлежавшей къ древней аристократической фамиліи Прованса,—фамиліи Гланделѐ—и этотъ-то бракъ привелъ его къ покупкѣ за̀мка и помѣстья Мирабо̀, имя котораго и было перенесено имъ на свое семейство. Съ начала XIV-го вѣка, это помѣстье принадлежало древнему дворянскому роду Баррасовъ, о которомъ, кромѣ помянутой выше поговорки, сложилась на мѣстѣ еще и другая: «Li Barras viei cuomo li roucas» (Баррасы стары, какъ скалы).

Очень возможно, что фамилія Рикети приписывала себѣ итальянское происхожденіе, въ отличіе отъ многочисленныхъ Рикетовъ Прованса и Франціи. Мысль присвоивать себѣ, для собственнаго возвеличенія, итальянскихъ предковъ была тогда въ ходу между провансальцами, особенно

между марсельцами, которые занимались торговыми дѣлами, сохраняя дворянскія притязанія, потому что генуэзское, флорентинское или неапольское происхожденіе считалось чѣмъ-то вродѣ нравственнаго ручательства за благородство крови. Во всякомъ случаѣ, пресловутая знатность фамиліи Рикети не восходитъ далѣе второй половины XVI-го вѣка. Произведенное тогда слѣдствіе окончилось тѣмъ, что фамилія Рикети была признана дворянскою; Жанъ Рикети оставилъ ей большое состояніе, родство съ очень древней фамиліей и звучное имя Мирабо̀, съ выгодой замѣнившее ихъ прежнее имя Рикети. Его потомки продолжали подвигаться впередъ къ рядамъ высшаго дворянства, постарались разработать свою родословную, отправляясь отъ итальянскихъ предковъ, и пустили ее въ ходъ.

Мы избавляемъ читателей отъ подробностей этого восхожденія фамиліи Мирабо̀ на высшія ступени, хотя эти подробности сильно занимали и самого Мирабо̀, и его отца, извѣстнаго «Друга людей». Мы приведемъ только нѣкоторыя, особенно характерныя черты нравовъ прежняго времени. Подготовивъ пріемъ одного изъ членовъ своей фамиліи въ аристократическій мальтійскій орденъ, Тома̀ Рикети Мирабо̀, уже въ семнадцатомъ столѣтіи, задумалъ придать полный блескъ своему аристократическому происхожденію. Съ этою цѣлью онъ обратился къ неоффиціальному тогдашнему генеалогисту д'Озье. Послѣдній, сынъ провансальца, относился отрицательно къ притязаніямъ Рикети. Тома̀ Рикети прибѣгнулъ къ одному изъ тѣхъ оффиціозныхъ генеалогистовъ, которые за деньги снабжали желающихъ именитыми родословными. Этотъ древній промыселъ, надъ которымъ издѣвался еще Ювеналъ въ одной изъ своихъ сатиръ, былъ тогда въ полномъ ходу во Франціи и сохранился даже послѣ революціи; но прежде услуги его оплачивались дорого, а въ наше демократическое время онѣ стали дешевы и общедоступны. Во Франціи и теперь всякій можетъ, заплативъ десять, по большей мѣрѣ двадцать фран-

ковъ за страницу, пріобрѣсти роскошно изданную родословную, свидѣтельствующую самымъ несомнѣннымъ образомъ объ его происхожденіи отъ самаго Готфрида Бульонскаго. Тотъ генеалогистъ XVII-го вѣка, о которомъ мы говоримъ и котораго д'Озье называлъ «безстыднымъ обманщикомъ», составилъ для фамиліи Рикети-Мирабо̀ громкую родословную, красиво изданную in-4° въ 1661 году съ многочисленными гравированными гербами, подъ шарлатанскимъ заглавіемъ: «Французская Тоскана», указывавшимъ на готовность автора удовлетворить всѣхъ, кто претендуетъ на знатное тосканское происхожденіе. Въ этой родословной, предки Рикети или Арикети оказываются уже не Гибеллинами, изгнанными изъ Флоренціи торжествующей партіей Гвельфовъ, а Гвельфами, которыхъ преслѣдуютъ и изгоняютъ Гибеллины. Авторъ съ рѣдкою развязностью подделываетъ печатные итальянскіе тексты, на которые ему приходится ссылаться, Отважно замѣнивъ именемъ Рикети имя дѣвицы Арригуччіо, на которой женился одинъ изъ Медичисовъ, онъ породнилъ такимъ образомъ своихъ кліентовъ съ Медичисами. Извѣстное хвастливое замѣчаніе, приписываемое маркизу Мирабо̀, отцу трибуна, его сыномъ: «Въ нашемъ родѣ былъ одинъ только случай неравнаго брака — родство съ Медичисами», основано просто на матеріальномъ подлогѣ, исполненномъ поставщикомъ родословныхъ. Самое происхожденіе фамиліи Рикети изъ Флоренціи не подтверждается никакими положительными свидѣтельствами, и всѣ старанія Ломени̇ отыскать послѣднія были безуспѣшны.

Въ 1660 году, Людовикъ XIV, въ бытность свою въ Марсели, остановился въ домѣ Тома̀ Рикети, который во время смутъ Фронды отличился въ партіи роялистовъ и, къ тому же, былъ владѣльцемъ лучшаго дома въ городѣ. Къ этому времени относится возведеніе его помѣстья въ маркизатъ, а его самого въ званіе маркиза. Съ тѣхъ поръ фамилія будущаго трибуна вошла окончательно въ ряды высшаго дво-

рянства. Но и это еще не удовлетворяло его, и онъ постоянно преувеличивалъ знатность и древность своего рода. Называя подобныя притязанія «игрой человѣческаго тщеславія», Мирабо въ то же время до того платилъ дань дворянскому строю жизни въ XVIII-мъ вѣкѣ, что даже превзошелъ ими своихъ предковъ. Для насъ этотъ родословный вопросъ представляетъ нѣкоторую важность въ томъ только смыслѣ, что въ связи съ нимъ находится вопросъ объ итальянскомъ или французскомъ происхожденіи замѣчательнаго человѣка, имя котораго навсегда связано съ однимъ изъ величайшихъ событій французской исторіи. Но самые старательные поиски не дали въ этомъ отношеніи никакого положительнаго результата. Взвѣшивая данныя въ пользу того или другого происхожденія Мирабо, приходишь къ заключенію, что французское его происхожденіе также вѣроятно, какъ и итальянское. Происхожденіе это, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ не аристократическое. Главнымъ аргументомъ въ пользу итальянскаго происхожденія служитъ обыкновенно страстный темпераментъ этой фамиліи, который еще отецъ Мирабо называлъ «бурнымъ». То была фамилія въ самомъ дѣлѣ исключительная, въ членахъ которой умъ соединялся съ сильными страстями и эксцентрическими характерами. Но подобное явленіе могло быть туземнымъ и на провансальской почвѣ. Между типами итальянскимъ и провансальскимъ нѣтъ большой разницы, и если послѣдній постоянно подкрѣплялся въ одномъ направленіи браками, то онъ могъ, наконецъ, породить Мирабо, одного изъ оригинальнѣйшихъ людей въ добрѣ и злѣ, какіе только когда-нибудь существовали. Его отецъ, маркизъ Мирабо, любилъ подвергать анализу измѣненія, вносимыя женщинами въ темпераментъ фамилій. Для него, кровь его собственныхъ предковъ, кровь Рикети, была главнымъ источникомъ фамильныхъ свойствъ всѣхъ Мирабо. Въ одномъ письмѣ онъ писалъ своему брату, что такія-то и такія-то женщины, вошедшія въ ихъ фамилію, придали имъ особенный харак-

теръ, гордый, страстный, но всегда благородный, чистый и чуждый мелкаго торгашества, который выше фамильнаго темперамента этихъ женщинъ и слѣды котораго онъ находитъ у своихъ отдаленныхъ предковъ. Но и ему приходится иногда высказывать, что мать его, изъ рода Кастеллановъ, могла болѣе или менѣе смягчить въ немъ и особенно въ его меньшомъ братѣ бурную страстность рода Рикети вліяніемъ своего повелительнаго и въ то же время сдержаннаго, методическаго характера. Когда ему приходится объяснять характеръ своихъ собственныхъ дѣтей, онъ не перестаетъ твердить объ «ударѣ молоткомъ», даже объ «ударѣ топоромъ», полученномъ ими отъ матери, рожденной Вассанъ, и съ которой онъ находился въ самыхъ непріятныхъ, потомъ даже и враждебныхъ отношеніяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, знаменитаго Мирабо̀ нельзя понять, не зная его матери, а именно она оставалась неизвѣстна біографамъ трибуна. Только путемъ сравненія природныхъ свойствъ его отца и матери можетъ быть выяснено странное нравственное явленіе, представляемое въ данномъ случаѣ сыномъ, совершенно независимо отъ его итальянскаго или французскаго происхожденія.

II.

Дѣдъ оратора — Жанъ-Антуанъ Мирабо̀; его грозный, повелительный, но правдивый характеръ; беззавѣтная смѣлость и боевая жизнь.— Его жена, благородная и симпатичная, несчастная въ теченіи всей своей жизни.— Семейныя несчастія въ домѣ Жана-Антуана.

Родъ Мирабо̀ сталъ историческимъ только въ XVIII-мъ вѣкѣ, и только о тѣхъ членахъ его, которые жили въ этомъ вѣкѣ, дошли до насъ достовѣрныя свѣдѣнія, частью отъ нихъ самихъ, въ ихъ перепискѣ и бумагахъ, частью отъ людей, близко знавшихъ того или другаго изъ нихъ. Дѣдъ трибуна Мирабо̀, маркизъ Жанъ-Антуанъ, рожденный въ 1666 году, и вся дѣятельность котораго относится преиму-

рянства. Но и это еще не удовлетворяло его, и онъ постоянно преувеличивалъ знатность и древность своего рода. Называя подобныя притязанія «игрой человѣческаго тщеславія», Мирабо въ то же время до того платилъ дань дворянскому строю жизни въ XVIII-мъ вѣкѣ, что даже превзошелъ ими своихъ предковъ. Для насъ этотъ родословный вопросъ представляетъ нѣкоторую важность въ томъ только смыслѣ, что въ связи съ нимъ находится вопросъ объ итальянскомъ или французскомъ происхожденіи замѣчательнаго человѣка, имя котораго навсегда связано съ однимъ изъ величайшихъ событій французской исторіи. Но самые старательные поиски не дали въ этомъ отношеніи никакого положительнаго результата. Взвѣшивая данныя въ пользу того или другого происхожденія Мирабо, приходишь къ заключенію, что французское его происхожденіе также вѣроятно, какъ и итальянское. Происхожденіе это, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ не аристократическое. Главнымъ аргументомъ въ пользу итальянскаго происхожденія служитъ обыкновенно страстный темпераментъ этой фамиліи, который еще отецъ Мирабо называлъ «бурнымъ». То была фамилія въ самомъ дѣлѣ исключительная, въ членахъ которой умъ соединялся съ сильными страстями и эксцентрическими характерами. Но подобное явленіе могло быть туземнымъ и на провансальской почвѣ. Между типами итальянскимъ и провансальскимъ нѣтъ большой разницы, и если послѣдній постоянно подкрѣплялся въ одномъ направленіи браками, то онъ могъ, наконецъ, породить Мирабо, одного изъ оригинальнѣйшихъ людей въ добрѣ и злѣ, какіе только когда-нибудь существовали. Его отецъ, маркизъ Мирабо, любилъ подвергать анализу измѣненія, вносимыя женщинами въ темпераментъ фамилій. Для него, кровь его собственныхъ предковъ, кровь Рикети, была главнымъ источникомъ фамильныхъ свойствъ всѣхъ Мирабо. Въ одномъ письмѣ онъ писалъ своему брату, что такія-то и такія-то женщины, вошедшія въ ихъ фамилію, придали имъ особенный харак-

теръ, гордый, страстный, но всегда благородный, чистый и чуждый мелкаго торгашества, который выше фамильнаго темперамента этихъ женщинъ и слѣды котораго онъ находитъ у своихъ отдаленныхъ предковъ. Но и ему приходится иногда высказывать, что мать его, изъ рода Кастеллановъ, могла болѣе или менѣе смягчить въ немъ и особенно въ его меньшомъ братѣ бурную страстность рода Рикети влiянiемъ своего повелительнаго и въ то же время сдержаннаго, методическаго характера. Когда ему приходится объяснять характеръ своихъ собственныхъ дѣтей, онъ не перестаетъ твердить объ «ударѣ молоткомъ», даже объ «ударѣ топоромъ», полученномъ ими отъ матери, рожденной Вассанъ, и съ которой онъ находился въ самыхъ непрiятныхъ, потомъ даже и враждебныхъ отношенiяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, знаменитаго Мирабо̀ нельзя понять, не зная его матери, а именно она оставалась неизвѣстна бiографамъ трибуна. Только путемъ сравненiя природныхъ свойствъ его отца и матери можетъ быть выяснено странное нравственное явленiе, представляемое въ данномъ случаѣ сыномъ, совершенно независимо отъ его итальянскаго или французскаго происхожденiя.

II.

Дѣдъ оратора — Жанъ-Антуанъ Мирабо̀; его грозный, повелительный, но правдивый характеръ; беззавѣтная смѣлость и боевая жизнь.— Его жена, благородная и симпатичная, несчастная въ теченiи всей своей жизни.— Семейныя несчастiя въ домѣ Жана-Антуана.

Родъ Мирабо̀ сталъ историческимъ только въ XVIII-мъ вѣкѣ, и только о тѣхъ членахъ его, которые жили въ этомъ вѣкѣ, дошли до насъ достовѣрныя свѣдѣнiя, частью отъ нихъ самихъ, въ ихъ перепискѣ и бумагахъ, частью отъ людей, близко знавшихъ того или другаго изъ нихъ. Дѣдъ трибуна Мирабо̀, маркизъ Жанъ-Антуанъ, рожденный въ 1666 году, и вся дѣятельность котораго относится преиму-

щественно къ XVII-му вѣку, извѣстенъ намъ только благодаря такъ-называемымъ «Мемуарамъ Мирабо̀», которые, какъ теперь оказывается, писаны совсѣмъ не самимъ трибуномъ, а отцомъ его, маркизомъ Мирабо̀, «другомъ людей». Составивъ эти записки, маркизъ по секрету далъ прочесть ихъ своему сыну, будущему оратору, для его назиданія, а сынъ тайно списалъ ихъ, присвоилъ ихъ себѣ и при этомъ сдѣлалъ въ нихъ частью стилистическія, частью возвеличивающія фамилію измѣненія и пропуски. Ломени приводитъ нѣсколько отрывковъ изъ неизданнаго текста, писаннаго отцомъ, и изъ напечатанныхъ «Мемуаровъ Мирабо̀», присвоенныхъ его сыномъ, — и наглядно показываетъ, насколько послѣдніе представляютъ копію съ перваго. Оба они между прочимъ восхваляютъ въ лицѣ Жана-Антуана Мирабо̀, одинъ — своего отца, другой — своего дѣда. Онъ, правда, ничѣмъ не отличался ни на какомъ поприщѣ; но слава, говорятъ они, не всегда сопровождаетъ умственное и нравственное превосходство. «Трудно — говорятъ они оба о юности Жана-Антуана Мирабо̀ — трудно быть болѣе одареннымъ природой, чѣмъ этотъ красивый молодой человѣкъ. Онъ былъ высокъ и строенъ. Ловкій во всѣхъ своихъ упражненіяхъ, онъ имѣлъ даръ одѣваться какъ никто. На его благородномъ, воинственномъ и привлекательномъ лицѣ выражался весь огонь, пожиравшій его душу». Въ за̀мкѣ Мирабо̀ еще сохранился подлинный портретъ Жана-Антуана, и лицо его въ самомъ дѣлѣ привлекательно на этомъ портретѣ; но, хотя и очень оживленное, оно скорѣе миловидно, чѣмъ воинственно, и не выражаетъ еще того грознаго характера, который впослѣдствіи былъ приданъ ему боевою жизнію и запечатлѣлся въ памяти его дѣтей. Его большіе голубые глаза, которые, по словамъ его старшаго сына и біографа, были мягки только тогда, когда онъ того желалъ, на портретѣ очень кротки. Почти женственная красота юнаго мушкетера должна была много измѣниться подъ вліяніемъ военной службы. «Онъ былъ изъ тѣхъ людей»

говоритъ его біографъ, «у которыхъ на войнѣ сказывается стремленіе и аппетитъ къ невозможному», и выставляетъ его бойцомъ, соединяющимъ крайнюю смѣлость, почти дерзость, съ неутомимой настойчивостью въ сокрушеніи препятствій и самообладаніемъ въ минуту опасности,— однимъ изъ тѣхъ строгихъ и вмѣстѣ заботливыхъ начальниковъ, которыхъ солдаты боятся и любятъ. Но особенно выдающеюся и отличительной чертой въ характерѣ Жана-Антуана, объясняющей, почему, несмотря на его участіе во всѣхъ войнахъ Людовика XIV съ 1684 года, онъ оставался полковникомъ и произведенъ въ бригадиры только при выходѣ въ отставку,— такою чертой была «рѣзкая его странность», какъ выражается его сынъ и біографъ. Онъ подчинялся начальству только въ той мѣрѣ, въ какой уважалъ начальствующихъ лицъ, презиралъ всякую власть, кромѣ военной, никогда не отказывалъ себѣ въ удовольствіи побушевать, поступить по-своему или посмѣяться надъ другими, когда чувствовалъ себя недовольнымъ или обиженнымъ, каковы бы ни были послѣдствія его выходки. Біографъ приводитъ много анекдотовъ, показывающихъ, что отецъ его дѣйствительно былъ — что называется — «горячей головой». Онъ разсказываетъ, напримѣръ, исторію одного изъ коммисаровъ-инспекторовъ, учрежденныхъ министромъ Лувуа; не заставъ капитана Мирабò въ его ротѣ во время осмотра послѣдней, коммисаръ-инспекторъ хотѣлъ записать его отсутствующимъ, потому что онъ явился поздно; капитанъ протестовалъ, и когда его протесты не подѣйствовали, онъ прибилъ коммиссара хлыстомъ, приговаривая: «Если я отсутствующій, то запишите, что и это происходило въ мое отсутствіе». Уже полковникомъ, возвращаясь раненый съ битвы, въ которой полкъ его былъ уничтоженъ непріятелемъ, Жанъ-Антуанъ встрѣчаетъ брата неспособнаго военнаго министра, Шамильера. Этотъ братъ, быстро достигшій генеральскаго чина, подходитъ къ полковнику Мирабò съ похвалами его храбрости, и обѣщаетъ

тверждается нѣсколькими ея портретами. Одинъ изображаетъ ее лѣтъ двадцати-пяти отъ роду, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея замужества, высокою, стройною женщиной съ правильными чертами лица, прекрасными золотистыми волосами и большими голубыми глазами съ сѣроватымъ отливомъ. На другомъ портретѣ она уже женщина шестидесяти лѣтъ и все еще очень красива. Ея голубые глаза немного потемнѣли и смотрятъ мягче; чудесные, густые волосы побѣлѣли, выраженіе лица болѣе задумчиво, но въ то же время твердо и спокойно. Вышедши за человѣка, который былъ старше ея двадцатью годами, израненаго и раздражительнаго, эта женщина рано научилась сдерживать свои порывы и владѣть собой, стараясь по возможности удалять отъ мужа всякія поводы къ неудовольствію или волненію. «Она продлила его жизнь», говоритъ старшій сынъ ихъ; но незамѣтно, чтобы сожительство съ мужемъ повелительнаго характера сдѣлало ее уступчивой и гибкой; оно, напротивъ, развило въ ней внушительную и сдержанную строгость, о которой не разъ упоминаютъ ея дѣти, восторгаясь «прекрасной душой» своей матери. Второй сынъ ея, будущій балльи іоаннитскаго ордена и дядя оратора, писалъ о ней въ 1760 году, когда ей было уже шестьдесять-пять лѣтъ: «Эта почтенная мать, полная силъ, души и ума, воспитанная доблестными людьми высшаго круга, выражается съ энергіей, передъ которой трепещутъ полумужчины нашего времени: рожденная любить то, что̀ ей слѣдуетъ любить, она всегда возвращается къ внушеніямъ своего сердца: такова, какъ мнѣ кажется, основа ея характера».

Оба сына, старшій и второй, много говорятъ о силѣ ея воли. Въ то время владѣльцамъ дворянскихъ имѣній принадлежало право полицейскаго надзора и суда въ ихъ владѣніяхъ. Принявъ въ свое завѣдываніе имѣнія умершаго мужа, она энергически принялась искоренять полицейскія и судебныя злоупотребленія, которыя скрывала отъ него,

чтобы не волновать больнаго. Она, впрочемъ, управляла родовыми помѣстьями мужа не одна; несмотря на завѣщаніе мужа, она завѣдывала ими вмѣстѣ съ старшимъ своимъ сыномъ, по праву первородства единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ этихъ имѣній, и никогда не разставалась съ нимъ. При всемъ уваженіи сыновей къ матери, эта женщина не была счастлива и во вторую половину своей долгой жизни. Старшій сынъ ея, отецъ трибуна, женился неудачно на дѣвушкѣ, которая вела безпорядочную жизнь и потомъ разошлась съ нимъ, отравляя его существованіе скандальными и разорительными процессами. Третій сынъ ея женился еще хуже — на женщинѣ, уже принадлежавшей многимъ, и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Негодуя на жену старшаго сына, считая ее источникомъ всѣхъ бѣдъ его и семьи, она невольно отличала между своими внуками тѣхъ, кто физически походилъ на отца, а будущій трибунъ, независимо отъ случайнаго безобразія, причиненнаго ему оспой, былъ, по ея мнѣнію, весь въ мать, и она относилась къ нему строже, чѣмъ къ младшему своему внуку, будущему виконту, который считался въ домѣ единственнымъ мальчикомъ, напоминающимъ фамилію Мирабо̀. Ему отказала она и тѣ сорокъ тысячъ ливровъ, которыя составляли все ея личное состояніе. Незамѣтно подготовляя такимъ образомъ трудное будущее своему старшему сыну, котораго она такъ любила, она должна была, при всемъ своемъ ревностномъ благочестіи, смотрѣть сквозь пальцы на многое, что въ тайнѣ жестоко ее оскорбляло. Когда жена ея старшаго сына, мать оратора, уѣхала отъ мужа къ своимъ, — въ домѣ ея поселилась, въ качествѣ друга овдовѣвшаго сына, молодая, красивая и умная женщина, г-жа де-Пайи, окружавшая ее, правда заботами и вниманіемъ, иногда внушавшая ей самое искреннее сочувствіе, но въ сущности непріятная ей по своимъ двусмысленнымъ отношеніямъ къ маркизу. Все это вполнѣ объясняетъ то чрезвычайно странное моральное явленіе, кото-

рымъ закончилась жизнь этой почтенной женщины: за три года до своей смерти, уже восьмидесяти лѣтъ отъ роду, она сошла съ ума.

Изданныя двѣнадцать лѣтъ тому назадъ «Воспоминанія» барона Глейхена[1]) бывшаго въ XVIII вѣкѣ датскимъ посланникомъ въ Парижѣ и другомъ Шуазеля, посвящены отчасти разсказу объ этомъ любопытномъ явленіи послѣднихъ лѣтъ вдовы Жана-Антуана Мирабо̀. Авторъ «Воспоминаній» признается самъ, что говоритъ о хорошо знакомой ему фамиліи Мирабо̀ съ цѣлью разсказать необыкновенный случай безумія, предшествовавшій ея смерти. «Я зналъ ее тупо набожною», говоритъ онъ; «но при этомъ она сохранила до восьмидесяти-двухлѣтняго возраста удивительную проницательность, мѣткость и силу ума. Мнѣ казалось, что болѣзнь ея вызвала борьбу между ея темпераментомъ и правилами, между ея философіей и самой слѣпой вѣрой. Въ припадкахъ бѣшенства, она срывала съ себя всякое платье; ее принуждены были укладывать на солому и приставлять къ ней стараго, семидесятилѣтняго слугу, который одинъ могъ сладить съ нею, потому что она въ него влюбилась. Она была худая, какъ скелетъ, едва дышала, когда сошла съ ума. Но съ тѣхъ поръ физическое здоровье ея такъ изумительно поправилось, что она замѣтно пополнѣла, стала свѣжа, какъ молодая дѣвушка; къ ней вернулись признаки ея пола и молодости. Но всего поразительнѣе то, что ея безуміе касалось именно двухъ противоположныхъ сторонъ ея нравственнаго характера. Эта добродѣтельная, щепетильная женщина, которую оскорбляла даже тѣнь двусмысленнаго выраженія, извергала слова, способныя возмутить гренадера, и которыя, казалось, даже не могли быть ей извѣстны. Вторымъ проявленіемъ ея бѣшенства было страшнѣйшее богохульство, и когда кто-нибудь приходилъ навѣстить ее, она требовала,

---

[1]) Souvenirs du baron de Gleichen P. 1868.

чтобы пришедшій отрекся отъ Бога, угрожая въ противномъ случаѣ задушить посѣтителя».

Какъ бы ни была преувеличина и мѣстами невѣрна эта картина, записанная, вѣроятно, съ чужихъ словъ, потому что сыновья не допускали постороннихъ къ больной, состояніе послѣдней было во всякомъ случаѣ ужасно. «Я зналъ много мужскихъ головъ», — пишетъ второй ея сынъ старшему,—«но только немногіе изъ нихъ могли бы поравняться съ ея головою. И вотъ во что она обратилась! Да будетъ воля твоя! Но какое приниженіе для человѣческой гордости!» Ея болѣзнь заключалась въ діаметральной противоположности ея жизни и обращенія съ прежними ея вкусами, нравами, привычками, манерами и способами выражаться. Особенно противны стали ей женщины: ихъ присутствія она не могла выносить. Видно было, что эта гордая и цѣломудренная женщина много вытерпѣла отъ другихъ женщинъ, особенно отъ своихъ невѣстокъ. Несчастная имѣла и свѣтлыя промежутки, когда она сознавала свое безуміе. И въ этомъ-то печальномъ состояніи она прожила цѣлыхъ три года, съ 1766 до 1769 г. Сообщая о смерти матери своему отсутствующему брату, старшій сынъ покойной, «другъ людей», говоритъ, что и самъ сошелъ бы съ ума подъ вліяніемъ ея продолжительной болѣзни, еслибъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ критическихъ обстоятельствахъ, его не спасала, «любезная сердцу наука». Мы увидимъ впослѣдствіи, съ какимъ искреннимъ и неутомимымъ жаромъ маркизъ Мирабо̀, отецъ трибуна, утѣшался и забывалъ горе, причиняемое ему другими и имъ самимъ кому-нибудь другому, распространяясь въ несчетномъ числѣ томовъ о счастіи, обѣщаемомъ роду человѣческому чудными свойствами его экономическихъ теорій. Своей матери онъ однако же не забылъ никогда, и въ завѣщаніи, писанномъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ ея смерти, такъ настоятельно требовалъ перенесенія ея останковъ изъ склеповъ св. Сюльпиція для погребенія подлѣ него,

что для этого пришлось перемѣстить множество могилъ. Нынѣ и мать, и сынъ покоятся рядомъ, въ бенедиктинской церкви, въ Аржантейлѣ.

III.

Типическая черта всѣхъ Мирабо.— Третій сынъ Жана-Антуана, Людовикъ-Александръ.— Его блескъ, умъ и необузданный характеръ.— Скандальный бракъ.— Успѣхи въ Германіи.— Второй бракъ.

Оригинальность была общею чертой всѣхъ Мирабо XVIII-го вѣка. Третій сынъ Жана-Антуана, Людовикъ-Александръ, умершій въ молодыхъ годахъ, всего тридцати-шести лѣтъ отъ роду, не уступалъ въ этомъ отношеніи своимъ двумъ старшимъ братьямъ и своимъ племянникамъ. Какъ и всѣ его братья, онъ еще въ дѣтствѣ былъ принятъ въ мальтійскій орденъ. Отецъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность открыть эту дорогу своимъ дѣтямъ и, по словамъ его старшаго сына, истратилъ не менѣе 36,000 ливровъ на подобные пріемы и на поѣздки дѣтей на Мальту. Людовикъ-Александръ, подобно братьямъ, вѣроятно воспитывался вначала въ іезуитской школѣ Экса или Марсели; но уже тринадцати лѣтъ отъ роду, въ самый годъ смерти своего отца, былъ прикомандированъ къ одному пѣхотному полку въ чинѣ подпоручика. Юный офицеръ, о которомъ извѣстный Вовенаргъ, капитанъ того же полка, писалъ его старшему брату, что у него слишкомъ сильныя страсти и слишкомъ настойчивая воля, участвовалъ почти во всѣхъ боевыхъ дѣлахъ, предшествовавшихъ ахенскому миру. Но двадцати-четырехъ лѣтъ отъ роду, будучи уже капитаномъ полка, онъ имѣлъ несчастіе встрѣтиться въ Брюсселѣ съ одною изъ многочисленныхъ любовницъ Морица Саксонскаго, актрисой Наваррь, которая такъ вскружила ему голову, что онъ на ней женился. Это тяжелое событіе въ его жизни доставило ему нѣкоторую извѣстность; оно

представлялось скандаломъ даже въ XVIII вѣкѣ, — такъ постыдна была репутація новобрачной. Къ том уже вскорѣ оказалось, что, имѣя въ виду выдти за юнаго Мирабо̀ она покидала нѣсколькихъ обожателей, съ которыми жила одновременно, въ томъ числѣ Мармонтеля, который подробно разсказываетъ объ этомъ въ своихъ «Запискахъ», писанныхъ «въ назиданіе» собственнымъ дѣтямъ. Подробно разсказавъ дѣтямъ свое первое свиданіе съ актрисой Наварръ, передавъ имъ то, что̀ она сказала ему «въ немногія спокойныя минуты», добродѣтельный отецъ заключаетъ главу слѣдующими строками: «Здѣсь, любезныя дѣти, я набрасываю покровъ на мои прискорбныя безумія. Хотя то время уже далеко и я былъ еще молодъ, но мнѣ все-таки не хочется являться передъ вами въ состояніи опьяненія и бреда». Нѣсколько страницъ далѣе, онъ однако же является передъ ними именно въ такомъ состояніи. Онъ заставляетъ молодого капитана играть сантиментальную и смѣшную роль, доставившую ему честь быть выставленнымъ во многихъ водевиляхъ и въ нѣсколькихъ романахъ.

Мармонтель говоритъ о себѣ, что, обожая г-жу Наваррь, онъ, несмотря на ея желаніе сдѣлаться его женой, никогда не соглашался забыть самого себя настолько, чтобы принять ея предложеніе. По его словамъ, горе, причиненное ему успѣхомъ Мирабо̀, быстро разсѣялось, когда онъ узналъ, что сынъ маркиза Жана-Антуана не остановился даже передъ такимъ крайнимъ средствомъ, которое даже лимузенскій крестьянинъ счелъ бы для себя позорнымъ. Мармонтель осуждаетъ маркиза Мирабо̀, старшаго брата Людовика-Александра, за то, что онъ «привелъ въ движеніе небо и землю». съ цѣлью воспрепятствовать этому браку, глубоко огорчавшему мать молодаго человѣка. Но неизвѣстно, какія именно средства были употреблены для этой цѣли маркизомъ Мирабо̀. Изъ писемъ его видно только одно, что онъ вооружился всѣми возможными рекомендаціями къ министрамъ. Имѣя дѣло съ такимъ же упрямымъ, настойчивымъ и го-

рячимъ потомкомъ Рикети, какъ и онъ самъ, онъ не достигъ своей цѣли; Людовикъ-Александръ обвѣнчался съ актрисой Наварръ, и одинъ только Мармонтель приписываетъ старшему брату попытку арестовать одного изъ обоихъ супруговъ, слѣдствіемъ чего была смерть новой графини Мирабо̀ отъ испуга. Другіе источники не говорятъ объ этой попыткѣ; изъ нихъ мы узнаемъ только, что новая графиня умерла въ 1749 году, въ Авиньонѣ, гдѣ, быть можетъ, совершенъ и самый обрядъ вѣнчанія.

Отказавшись отъ званія мальтійскаго рыцаря и принявъ титулъ графа, чтобы жениться по страсти, отвергнутый матерью и братьями, молодой вдовецъ не зналъ бы что дѣлать, еслибъ въ это время не случился въ Авиньонѣ, проѣздомъ, маркграфъ байретскій, зять Фридриха-Великаго, съ извѣстной своей женой, принцессой байретской, сестрой прусскаго короля. Они ѣхали въ Италію, полюбили его и были очень рады, когда онъ вызвался сопутствовать имъ. Во время этого путешествія, папа возвратилъ ему право мальтійскаго рыцаря, а маркграфъ назначилъ ему пенсію въ двѣнадцать тысячъ флориновъ. Два года спустя, онъ былъ уже оберъ-камергеромъ и тайнымъ совѣтникомъ маркграфа. Послѣдній, находя его способнымъ къ дѣламъ, даже послалъ его въ Парижъ съ очень важнымъ порученіемъ. Дѣло было такъ. Въ самую критическую минуту жизни Фридриха-Великаго, въ іюлѣ 1757 года, принцесса байретская совѣтовала ему прибѣгнуть къ посредничеству графа Мирабо̀, какъ къ послѣднему средству выдти изъ труднаго положенія. Противъ Фридриха дѣйствовали тогда Франція, Австрія, Россія и Швеція; слабо поддерживаемый Англіей, уже потерявъ часть своего королевства, тѣснимый со всѣхъ сторонъ и готовый скорѣй кончить жизнь самоубійствомъ, чѣмъ сдаться непріятелю, онъ принялъ предложеніе своей сестры, и графъ Мирабо̀ поѣхалъ въ Парижъ для секретныхъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ. Вотъ что̀ пишетъ Фридрихъ II своей сестрѣ по этому поводу:

«Такъ какъ вы желаете, любезная сестра, заняться великимъ дѣломъ мира, то я умоляю васъ послать этого г-на де-Мирабо во Францію. Я охотно возьму на себя расходы; онъ можетъ предложить до пятисотъ тысячъ талеровъ «фавориткѣ» за примиреніе, и могъ бы даже значительно превысить эту цифру, еслибъ французы въ то же время обязались доставить намъ какія-нибудь выгоды.

«Вы легко поймете, какая осторожность нужна мнѣ въ этомъ дѣлѣ, и какъ мало я долженъ быть въ немъ на виду. Малѣйшій слухъ о немъ, проникши въ Англію, могъ бы испортить все дѣло. Я думаю, что вашъ эмиссаръ могъ бы обратиться также и къ своему родственнику, который сдѣлался министромъ[1]), и котораго вліяніе усиливается съ каждымъ днемъ. Полагаюсь во всемъ на васъ».

Но эта попытка не имѣла успѣха. Французское правительство считало положеніе Фридриха безъисходнымъ, а свое положеніе слишкомъ выгоднымъ, чтобы отстать отъ своихъ союзниковъ и вступить съ нимъ въ переговоры. Но оно, быть можетъ, не осталось безъ вліянія на миролюбивое настроеніе, обнаруженное кардиналомъ Берни въ слѣдующемъ году, и бывшее причиной его паденія. Убѣдившись окончательно въ неудачѣ графа Мирабо, Фридрихъ писалъ своей сестрѣ въ октябрѣ того же года: «Если французы такъ высокомѣрны, то я предаю ихъ извращенному ихъ смыслу, и иду теперь походомъ, чтобъ измѣнить рѣшеніе судебъ». И нѣсколько дней спустя, онъ дѣйствительно измѣнилъ его при Росбахѣ.

Между тѣмъ сношенія Людовика-Александра съ двумя старшими братьями возобновились. Они были пріятно удивлены его успѣхами въ Германіи, и прозвали его «Германикомъ», признали за нимъ и блескъ, и умъ, и порядочность. Но мать примирилась съ нимъ только тогда, когда

---

[1]) Кардиналъ Берни, съ которымъ фамилія Мирабо считала себя въ родствѣ.

онъ загладилъ свой первый бракъ новымъ, достойнымъ, по ея мнѣнію, имени Мирабо̀, женившись въ Байретѣ на графинѣ Кунсбергъ, щедро одаренный маркграфомъ. И въ этомъ бракѣ онъ также прожилъ не долго. Представивъ жену своей матери, посѣтивъ затѣмъ за̀мокъ Мирабо̀, онъ узналъ, по возвращеніи въ Байретъ, что, въ его отсутствіе, довѣріе къ нему маркграфа было серьезно поколеблено. Вскорѣ старшій братъ, маркизъ Мирабо̀, уже писалъ второму, находившемуся на Мальтѣ: «Пишу тебѣ, любезный братъ, по очень печальному поводу: изъ прилагаемаго письма ты узнаешь, что мы лишились нашего бѣднаго брата. Разстояніе между мною и тобой слишкомъ велико для того, чтобы я могъ осторожно подготовлять тебя къ этой вѣсти; къ тому же, какъ замѣтилъ кто-то вчера, предосторожности, принимаемыя въ подобныхъ случаяхъ, очень похожи на выставку инструментовъ передъ операціей. Бѣдняга умеръ отъ желчной горячки, продолжавшейся всего семь дней. Какая-то изъ грязныхъ непріятностей, которыми его окружали, привела его въ бѣшенство, послѣ котораго онъ заболѣлъ и уже не могъ оправиться. Необузданность его характера была, такимъ образомъ, причиной его гибели. Я предсказывалъ ему это».

Графъ Людовикъ-Александръ Мирабо̀ умеръ бездѣтнымъ; но онъ оставилъ молодую вдову, которая произвела на всю семью Мирабо̀ самое лучшее впечатлѣніе, и старшій братъ покойнаго пригласилъ ее жить вмѣстѣ съ нимъ и съ ихъ матерью во Францію. Вдова согласилась на это тѣмъ охотнѣе, что получила отъ маркграфа байретскаго при выходѣ замужъ сто-шестьдесятъ тысячъ франковъ изъ денежной претензіи маркграфа къ французскому правительству, обѣщавшему выдать ему субсидію. Она надѣялась, что получитъ эту сумму при помощи старшаго брата ея покойнаго мужа. Упоминая въ своихъ письмахъ объ этой женщинѣ, старшій Мирабо̀ постоянно осыпаетъ ее похвалами, подъ именемъ «маленькой графини». «Эта женщина — ан-

гелъ», говоритъ онъ часто. И такъ какъ начало ея сожительства съ его матерью совпало съ отъѣздомъ собственной его жены, то онъ пишетъ своему второму брату: «Ты найдешь у насъ все по старому: только мѣсто чорта занялъ теперь ангелъ».

IV.

Второй сынъ Жана-Антуана, морской офицеръ и мальтійскій рыцарь, впослѣдствіи кавалеръ, генералъ надъ мальтійскими галерами и командоръ.— Его борьба съ морской бюрократіей и стремленіе сдѣлаться морскимъ министромъ.— Феодальныя убѣжденія этого аристократа и легитимиста въ душѣ.—Горячая вражда къ Англіи, какъ главное его политическое убѣжденіе.

«Я люблю и чту моего дядю. У него душа и доблести героя». Такъ отзывается знаменитый Мирабо̀ о второмъ братѣ своего отца, второмъ сынѣ Жана-Антуана, мальтійскомъ рыцарѣ, впослѣдствіи кавалерѣ большаго мальтійскаго креста и балльи мальтійскаго ордена, отзывается въ своихъ «Письмахъ изъ Венсенской башни», въ которыхъ узникъ часто говоритъ въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ не только о своемъ отцѣ, виновникѣ его заключенія, но и о всѣхъ членахъ своего семейства. Въ нравственномъ отношеніи, будущій балльи былъ дѣйствительно лучшимъ характеромъ бурной и часто необузданной фамиліи Мирабо̀. Ему была свойственна одна только, и то очень почтенная крайность: страстное отношеніе ко всему тому, что̀ онъ считалъ правдой и справедливостью, и оно, при тогдашнемъ порядкѣ вещей, не могло не помѣшать его административной карьерѣ. Послѣ двадцати-шести-лѣтней, очень полезной морской службы, послѣ успѣшнаго управленія одною изъ французскихъ колоній, онъ желалъ попасть и чуть не попалъ въ морскіе министры въ самое бѣдственное время французскаго флота. Онъ издавна подготовлялся къ этому поприщу, зналъ морское дѣло въ теоріи и на

практикѣ, порывался преобразовать французское морское управленіе и флотъ; но, высказываясь объ этомъ на чистоту, онъ никакъ не могъ достигнуть министерскаго поста. «Наши морскіе офицеры — писалъ онъ въ 1754 году — люди храбрые и довольно хорошіе моряки въ той части этого искусства, которая имъ доступна; но ни одинъ изъ нихъ не знаетъ ни интересовъ государства, на которые можетъ вліять флотъ, ни торговли, ни колоній, ни морскихъ заведеній другихъ народовъ. Ограниченные надменными мелочами своего ремесла, и почти столь же невѣжественные, какъ и дворъ, они неспособны придумать ничего великаго». Въ этомъ смыслѣ было написано имъ множество замѣтокъ и цѣлыхъ статей, которыя не были никогда напечатаны, но были имъ переданы роднымъ, часто смѣнявшимся тогда, морскимъ министрамъ, или людямъ вліятельнымъ, желавшимъ знать его мнѣніе. Въ версальскихъ канцеляріяхъ и въ портахъ онъ рано былъ признанъ за моряка очень способнаго, но враждебнаго рутинѣ и потому неудобнаго въ администраціи. На совѣты старшаго брата—относиться къ дѣлу спокойнѣе и выражаться менѣе рѣзко о существующемъ морскомъ управленіи, онъ отвѣчалъ въ 1758 году: «Мы перестали понимать собственный языкъ, и это довольно похоже на вавилонское столпотвореніе, хотя и въ другомъ родѣ. У насъ сговорились называть «горячей головой» всякаго прямаго и твердаго человѣка, дерзающаго осуждать злоупотребленія; глупца и лѣнтяя величаютъ умнымъ человѣкомъ за то, что онъ не имѣетъ ни мнѣнія, ни знаній. Мошенникъ превратится у насъ въ ловкаго человѣка, честный человѣкъ въ глупца; гражданинъ въ пустую мечту. Откуда же это смѣшеніе понятій и словъ въ нашемъ языкѣ? Не оттого ли произошло оно, что такъ какъ всѣ нравственно испорчены, а между тѣмъ всѣ любятъ быть польщенными, то стали давать порокамъ честныя имена, а добродѣтелямъ — презрѣнныя, въ виду того, что всѣ боятся и бѣгутъ ихъ. Если это такъ, то мы только те-

ряемъ время и напрасно будемъ вздыхать, пока вся машина, испорченная во всѣхъ своихъ частяхъ, не разлетится на куски и не станетъ тѣмъ, что греки называли хаосомъ».

При порядкѣ вещей, построенномъ на фаворизмѣ и произволѣ, такіе люди рѣдко добиваются обширнаго круга дѣятельности. Имъ обыкновенно не даютъ хода. Вопреки тому, что̀ при этомъ требуется, второй сынъ Жана-Антуана Мирабо̀, получившій имена своего отца, былъ очень вѣжливъ и любезенъ съ низшими, рѣзокъ и требователенъ съ высшими. Въ своей перепискѣ съ старшимъ братомъ, онъ припоминаетъ урокъ, данный ему еще въ юности отцомъ. Во время одной прогулки въ Мирабо̀, когда отецъ шелъ позади его, имъ поклонился проходившій мимо крестьянскій мальчикъ. Мирабо̀-сынъ не замѣтилъ его, и только потому не отвѣчалъ на поклонъ; но отецъ внушительно толкнулъ его ногой, и строго напомнилъ, что порядочные люди обязаны отвѣчать, когда имъ кланяются.

Въ первой молодости, этотъ второй сынъ «серебрянаго ошейника» нѣсколько лѣтъ сряду велъ разгульную жизнь, много пилъ, но потомъ вдругъ остановился. Шестнадцати лѣтъ онъ уже былъ морякомъ на галерахъ мальтійскаго ордена, восемнадцати перешелъ въ королевскую морскую службу, ѣздилъ въ Америку на военномъ кораблѣ, выдержавшемъ во время плаванія бой съ англійскими судами, участвовалъ потомъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ, а въ 1744 году въ морскомъ сраженіи при Тулонѣ между соединенными флотами Франціи и Испаніи и англійской эскадрой. Два года спустя, будучи уже флотскимъ офицеромъ, онъ отличился въ одной изъ самыхъ несчастныхъ морскихъ экспедицій французскаго флота. Десять линейныхъ кораблей, пять фрегатовъ съ транспортными судами, на которыхъ было посажено отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ войска, были отправлены правительствомъ изъ Бреста на помощь Канадѣ, съ порученіемъ отнять у англичанъ занятый ими Люисбургъ. Эти суда, дурно построенныя, дурно

снаряженныя, съ попорченнымъ провіантомъ, подъ начальствомъ придворнаго, неумѣлаго моряка, герцога Анвильскаго, были разбиты бурями и опустошены болѣзнями. Сынъ начальника эскадры умеръ отъ болѣзни и горя. Напрасно пыталась эскадра атаковать нѣкоторые англійскіе форты; въ ея жалкомъ положеніи, ей надо было спѣшить обратно во Францію: на судахъ ея уцѣлѣло лишь столько людей, сколько ихъ было необходимо для возможности обратнаго плаванія. Корабль «Марсъ», на которомъ служилъ Мирабо̀, долженъ былъ отстать отъ другихъ судовъ, имѣя четыре течи, а на него въ это время напалъ англійскій корабль. Послѣ двухчасового боя «Марсъ» былъ вынужденъ сдаться, и Мирабо̀, опасно раненый ядромъ, былъ отвезенъ въ Англію, гдѣ пролежалъ три мѣсяца въ постели.

Эта злополучная экспедиція еще усилила инстинктивное отвращеніе молодого моряка къ тому, что̀ онъ называлъ строкой, перомъ (la plume), т. е. къ канцелярскому порядку управленія морскимъ дѣломъ. Управленіе это было, дѣйствительно, самое жалкое. Въ разныхъ своихъ запискахъ, направленныхъ противъ морской бюрократіи, запискахъ очень смѣлыхъ, заграждавшихъ ему дорогу къ серьезному повышенію, онъ часто ссылается на экспедицію герцога Анвильскаго, какъ на блистательное доказательство неспособности, бездѣятельности и злоупотребленій этой бюрократіи.

Оправившись отъ опасной раны, онъ былъ отпущенъ изъ Англіи съ обязательствомъ не служить болѣе въ тогдашнюю войну, обязательствомъ тѣмъ легче выполнимымъ, что ему пришлось еще два года не ходить, а волочить за собой ногу. Только два года спустя, въ 1749 году, онъ могъ возвратиться во флотъ, былъ произведенъ въ капитаны фрегата, потомъ въ капитаны корабля и назначенъ губернаторомъ Гваделупы. Съ тѣхъ поръ, матеріалы для его біографіи и для характеристики его времени дѣлаются обильными и еще болѣе интересными. До четырехъ тысячъ

писемъ, которыми обмѣнялись братья Мирабо между собою съ 1753 до 1789 года, были въ распоряженіи ученаго біографа, съ трудомъ котораго мы знакомимъ теперь нашихъ читателей.

Во всю свою жизнь оба брата были связаны между собою неизмѣнной и самою тѣсной дружбой, хотя и расходились и въ мнѣніяхъ, и во вкусахъ. Дружба эта объясняется чувствомъ, совсѣмъ незнакомымъ современному человѣку и во всякомъ случаѣ очень любопытномъ,—чувствомъ младшаго брата къ старшему, какъ представителю фамиліи. Второй сынъ Жана-Антуана, о которомъ мы говоримъ, не только охотно подчинился праву первородства, господствовавшему въ тогдашнемъ дворянствѣ, но даже отдался ему съ какимъ-то разсудочнымъ фанатизмомъ, который дѣлалъ этого человѣка типомъ самопожертвованія и преданности, очень рѣдкимъ даже и въ то время. Не таковъ былъ, напримѣръ, ихъ младшій братъ, Людовикъ-Александръ, о которомъ мы уже говорили. Онъ никогда не признавалъ нравственнаго главенства своего старшаго брата, съ неудовольствіемъ относился къ его праву на всѣ почти имѣнія отца, и вытребовалъ у него, угрожая процессомъ, тотъ капиталъ, который старшій въ родѣ обязанъ былъ выплатить своимъ младшимъ братьямъ. Но второй сынъ Жана-Антуана составлялъ въ этомъ случаѣ исключеніе. Будучи только двумя годами моложе старшаго брата, онъ считалъ себя нравственно обязаннымъ ничего не предпринимать безъ его согласія и одобренія. Онъ предоставлялъ старшему брату даже рѣшеніе вопроса о своемъ бракѣ, какъ о дѣлѣ фамильномъ, которое, поэтому, подлежитъ вѣдѣнію главы семейства. Также самоотверженно поступалъ онъ и въ своихъ денежныхъ дѣлахъ съ старшимъ братомъ, маркизомъ, «другомъ людей» и отцомъ будущаго трибуна. Онъ никогда ничего не требуетъ отъ старшаго брата, даже не освѣдомляется о томъ, какой капиталъ выплаченъ имъ ихъ младшему брату Людовику-Александру. Уже на сороковомъ

году жизни онъ пишетъ маркизу Мирабо: «Я съ дѣтства привыкъ къ пріятной мысли, что ты долженъ владѣть всѣмъ, что не безусловно необходимо для моего существованія, потому что ты глава фамиліи, потому что ты отвѣчаешь за все, потому наконецъ, что на мнѣ лежитъ обязанность способствовать ея благосостоянію, а не присвоивать себѣ ея имущество». Мысль потребовать своей законной доли изъ фамильнаго достоянія казалась ему преступной. Очень бережливый, онъ живетъ незначительнымъ жалованьемъ морского офицера и тѣми двумя тысячами ливровъ, которыя братъ выплачиваетъ ему ежегодно. Послѣдній, съ своей стороны, дѣлаетъ всевозможное для своего преданнаго брата. Въ то время, какъ будущій балльи мальтійскаго ордена (впослѣдствіи онъ такъ и былъ извѣстенъ въ семьѣ подъ именемъ балльи, le bailli) служилъ во флотѣ и въ колоніяхъ, маркизъ Мирабо подготовлялъ ему хорошія связи въ Парижѣ. «Дѣлай свое дѣло», пишетъ онъ брату, въ то время губернатору Гваделупы, «я тутъ похлопочу за тебя, и унижаться, конечно, не буду».

Отношеніе нѣкоторой подчиненности втораго брата къ старшему нисколько не измѣняется и тогда, какъ ихъ матеріальное положеніе совершенно измѣнилось въ обратномъ смыслѣ. До пятидесяти-лѣтняго возраста, балльи — не больше какъ младшій братъ главы семейства, располагающій двумя тысячами ливровъ годоваго дохода, не совсѣмъ правильно выплачиваемыхъ ему этимъ главою; послѣдній, котораго онъ считаетъ гораздо болѣе богатымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, любитъ его, покровительствуетъ ему, радушно принимаетъ его въ своемъ домѣ, доставляетъ ему полезныя связи и помогаетъ ему подняться по службѣ. Но этотъ старшій братъ, большой фантазёръ и преобразователь человѣчества, систематически разоряется, дѣлаетъ рядъ ошибокъ, о которыхъ мы упомянемъ, когда будемъ говорить о немъ; онъ воюетъ на смерть съ своей женой въ то самое время, когда она, долгое время причиняя ему

большіе расходы, наконецъ получаетъ отцовское состояніе, на доходы котораго онъ самъ постоянно разсчитывалъ для поправленія своихъ дѣлъ; выдержавъ противъ нея нѣсколько разорительныхъ процессовъ, давъ своимъ дочерямъ приданное, превышавшее его средства, щедро воспитавъ своихъ сыновей и надѣливъ старшаго изъ нихъ, при его женитьбѣ, пенсіей, которая также была ему не по силамъ, онъ оказывается обремененнымъ массой долговъ, проценты которыхъ съѣдаютъ всѣ его личные доходы, видитъ, что у него буквально не остается и куска хлѣба, а на рукахъ двое сыновей, которыхъ онъ не безъ причины называетъ «хищниками, способными проглотить море со всѣми его рыбами». Но и это бѣдственное положеніе нисколько не измѣняетъ отношеній между братьями. Младшій, дѣла котораго пошли между тѣмъ блистательно въ матеріальномъ отношеніи, спѣшитъ выручить старшаго изъ бѣды, сохраняя къ нему прежнее уваженіе и прежнюю дружбу. Въ числѣ разныхъ своихъ предпріятій, маркизъ Мирабо настоялъ на одномъ, которое удалось вполнѣ: онъ побудилъ меньшаго брата принять страшно дорогую должность генерала мальтійскихъ галеръ. Напрасно будущій балльи возражалъ ему, что въ этой должности придется не только поглотить 50,000 ливровъ, составлявшихъ его законную долю отцовскаго наслѣдства, которой онъ не желаетъ брать изъ фамильнаго имущества, но и гораздо бóльшую сумму, которой онъ не хочетъ занимать, — напрасно убѣждаетъ брата, что надежда получить впослѣдствіи богатую коммандорскую должность очень сомнительна,—старшій братъ беретъ на себя всѣ эти расходы, занимаетъ еще, пріумножая свои огромные долги, и снабжаетъ младшаго всѣми необходимыми суммами. Послѣ трехлѣтнихъ тревожныхъ ожиданій, балльи получаетъ наконецъ богатое провансальское коммандорство, приносящее ему 40,000 ливровъ годоваго дохода, который впослѣдствіи увеличился до 50,000 присоединеніемъ къ этой должности другого коммандорства. Онъ

уплачиваетъ суммы, занятыя для него старшимъ братомъ, возвращаетъ фамиліи свою долю отцовскаго наслѣдства, назначаетъ брату 15,000 ливровъ ежегодной пенсіи изъ своихъ доходовъ, уплачиваетъ ему 12,500 ливровъ за нѣсколько мѣсяцевъ прожитыхъ въ его домѣ, даритъ значительныя суммы его сыновьямъ и дочерямъ, словомъ—становится провидѣніемъ фамиліи, но по прежнему соображаетъ свои дѣйствія съ волей старшаго брата, оставляя за собою прежнюю свободу мнѣній. Во всей сорокалѣтней перепискѣ между братьями, былъ только одинъ моментъ, когда младшій рѣзко отнесся къ старшему; но онъ находился тогда подъ вліяніемъ своего краснорѣчиваго и искуснаго племянника, будущаго трибуна, который, затѣвая процессъ противъ жены, чтобы принудить ее жить съ нимъ, съумѣлъ склонить дядю въ свою пользу и затронуть его самолюбіе. Отецъ трибуна, болѣе благоразумный въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ дядя, предвидѣлъ, что поведеніе сына помѣшаетъ ему выиграть этотъ процессъ. Напротивъ, престарѣлый балльи, возбуждаемый племянникомъ, напрасно расходуетъ на его процессъ 20,000 ливровъ и отъ времени до времени досадуетъ на старшаго брата. Но едва написавъ нѣсколько рѣзкую фразу, онъ уже чувствуетъ угрызеніе совѣсти: «Ты знаешь меня, любезный братъ», пишетъ онъ, «когда мнѣ случается огорчать тебя, что дѣлаютъ мое перо, моя разгоряченная голова, но никогда не огорчаетъ тебя мое сердце». И будущій трибунъ принужденъ сознаться, что всѣ его усилія возстановить дядю противъ отца въ сущности безуспѣшны; съ наивнымъ эгоизмомъ пишетъ онъ одному пріятелю, англичанину, о своемъ дядѣ: «у этого честнаго человѣка одинъ порокъ — его непобѣдимая слабость къ старшему брату».

Переписка двухъ братьевъ Мирабо̀, отца и дяди трибуна, любопытна еще и въ другомъ отношеніи. Въ числѣ четырехъ тысячъ написанныхъ ими писемъ не наберется и десяти, въ которыхъ бы они говорили только о своихъ

личныхъ дѣлахъ. Заботы о послѣднихъ всегда перемѣшаны въ этихъ письмахъ съ общими вопросами, занимавшими въ то время умы. Оба корреспондента постоянно прерываютъ бесѣду о личныхъ дѣлахъ, чтобы говорить о религіи, политикѣ, администраціи, финансахъ, исторіи, о добрѣ и злѣ, о прогрессѣ, свободѣ, аристократіи, демократіи, о состояніи общества и грозящихъ ему опасностяхъ, о преобразованіяхъ, которыя были бы для него спасительны, о томъ, можно ли вообще спасти его, и объ ожидающей его будущности. Каждое изъ этихъ разсужденій, иногда очень горячихъ и красиво изложенныхъ, наполняетъ восемь, даже десять страницъ in folio. Теперь рѣдко кто тратитъ на частное письмо столько мыслей, таланта и чернилъ. Теперь въ Европѣ все это больше печатается, чѣмъ излагается въ частной перепискѣ. Въ особенности плодовито перо старшаго брата, маркиза Мирабо̀, «друга людей». Онъ не только расточаетъ свои мысли передъ братомъ и передъ множествомъ корреспондентовъ въ разныхъ странахъ, но и издаетъ томъ за томомъ. Письма меньшаго брата гораздо скромнѣе, не имѣютъ того докторальнаго и педантскаго характера, какимъ отличаются письма маркиза.

Губерноторъ Гваделупы съ-разу заявилъ себя противникомъ вопіющихъ злоупотребленій, творимыхъ и бѣлыми, и развращенными ими цвѣтнокожими. Онъ горячо излагаетъ въ письмахъ къ брату свои надежды и свое отчаяніе въ виду безъисходной испорченности населенія, для котораго честное слово не существуетъ, которое изолгалось до мозга костей, и до того прониклось рабовладѣльческимъ произволомъ и рабствомъ, что убить невольника не значило совершить преступленіе. Честный губернаторъ горячо предался своему дѣлу. «Я дѣлаюсь ханжой, любезный братъ»,— писалъ онъ оттуда, — и это покажется тебѣ забавнымъ, — и не надо понимать мои слова буквально. У меня не прибавилось ни вкуса, ни таланта къ мистицизму, но я, въ самомъ дѣлѣ, никогда не молился съ такимъ жаромъ, какъ теперь.

Я молюсь изъ страха передъ тѣмъ вредомъ, какой можетъ быть принесенъ мною, и молю Бога помочь мнѣ дѣлать добро». «Представь себѣ, любезный братъ, что здѣсь установился обычай не наказывать за убіеніе негра. И съ самаго начала не проходило дня, чтобы люди, бѣжавшіе съ эшафота въ Европѣ, или ихъ дѣти, не убивали негра, ревнуя къ нему какую-нибудь развратную негритянку. Скажу больше: презрѣнный мулатъ, дитя отвратительнѣйшаго разврата, чудище, всегда соединяющее въ себѣ самыя гнусныя свойства бѣлыхъ и цвѣтнокожихъ, убиваетъ негра, а отецъ его выдаетъ себя за убійцу, чтобы избавить сына отъ всякой отвѣтственности! Вотъ и изволь проповѣдывать снисхожденіе въ странѣ, гдѣ всѣ изумлены тѣмъ, что я не позволяю убивать человѣка также безцеремонно, какъ въ другихъ странахъ убиваютъ собаку».—«Не знаю»,—пишетъ онъ въ третьемъ письмѣ,—«пріобрѣлъ ли я здѣсь репутацію справедливаго человѣка, и почему; но представь себѣ, что я разбираю здѣсь больше процессовъ, чѣмъ иное сенешальство. Я знаю, что меня немного любятъ, достаточно уважаютъ и еще больше боятся». — «Я здѣсь настоящій Мишель Моренъ, не только комендантъ, но и полу-епископъ, полу-интендантъ, полу-президентъ, и даже цѣлый».— «Никогда траппистъ не велъ жизни болѣе тяжелой, чѣмъ моя. Съ утра и до утра или судить, или писать, или подписывать, наконецъ, работать — вотъ моя жизнь».

Единственнымъ развлеченіемъ для губернатора было чтеніе. Онъ постоянно проситъ брата присылать ему книги, книги всякаго рода, сочиненія по военному дѣлу, по дипломатіи, по судебной части, географіи, финансамъ и торговлѣ. Не переставая обогащаться новыми знаніями, онъ составляетъ записки по всѣмъ вопросамъ, касающимся колоній, собираетъ и сравниваетъ постановленія, на основаніи которыхъ онѣ управляются. «Будь увѣренъ, любезный братъ»,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,—«что если мнѣ позволятъ зрѣніе и здоровье, я въ шесть лѣтъ лучше под-

готовлюсь къ управленію политической стороной флота, чѣмъ кто-нибудь изъ управлявшихъ ею прежде. Если захотятъ широко воспользоваться моими услугами, я готовъ отдать жизнь государству, но я, конечно, не стану послѣ тридцати-лѣтней службы, заниматься пустяками или тѣшить себя вздорными пергаментами, оставляющими вамъ узкую необходимость ухаживать за канцеляристами или терпѣть отъ нихъ непріятности».

Получая сравнительно небольшое жалованье въ странѣ, гдѣ жизнь была очень дорога и отъ губернатора требовалось нѣкоторое представительство, онъ часто говоритъ въ своихъ письмахъ о презрѣніи къ роскоши и богатству. «Я уже давно постигъ, что худшій изъ властителей есть золото, худшій изъ всѣхъ видовъ рабства — зависимость отъ богатства и роскоши. Я сказалъ это однажды г-ну де-Мариво̀, переводившему для меня слова одного древняго писателя, который замѣтилъ, что бѣдность смѣшна. Когда человѣкъ бѣденъ потому, что не хочетъ оскорбить своей чести, когда онъ умѣетъ презирать деньги и стоять выше тѣхъ, единственная заслуга которыхъ заключается въ ихъ богатствѣ, — тогда его уважаютъ, и бѣдность его совсѣмъ не смѣшна». Не менѣе замѣчательно мнѣніе этого аристократа XVIII-го столѣтія, человѣка, не особенно восторгавшагося философами своего времени, о рабствѣ и неграхъ. «Я имѣю здѣсь возможность»,—пишетъ онъ въ 1755 году,—«хорошо познакомиться съ невольничествомъ во всемъ его объемѣ, потому что здѣшнее рабство сильнѣе всѣхъ видовъ неволи, какіе когда-либо существовали, не юридически, а фактически. Къ римскимъ законамъ о рабствѣ цвѣтъ кожи прибавляетъ еще и физическое, неизгладимое отличіе свободнаго человѣка отъ невольника. Негръ — даже и тогда, когда онъ свободенъ — остается, по меньшей мѣрѣ, настолько же рабомъ, какъ и грекъ у турокъ, съ тѣмъ отягчающимъ обстоятельствомъ, что ничто и никогда не можетъ выбѣлить его, тогда какъ грекъ можетъ сдѣлаться

туркомъ, принявъ магометанство. Нельзя однако же не признаться, что негръ — человѣкъ, и мыслитель, хладнокровно оцѣнивающій человѣчество, быть можетъ, отдалъ бы здѣсь предпочтеніе негру передъ бѣлымъ человѣкомъ. Мнѣ извѣстны разные упреки, дѣлаемые этимъ цвѣтнокожимъ; но, вникнувъ въ дѣло, я, общій здѣшній духовникъ, вижу одну только преступность бѣлыхъ. Когда одинъ человѣкъ заставляетъ другаго работать изо всѣхъ силъ, отказывая ему при этомъ въ самой дрянной пищѣ, и этотъ несчастный совершаетъ преступленіе — на кого падаетъ вина? А это — вѣчная исторія въ здѣшней странѣ!.. Нашъ островъ почти также великъ, какъ Провансъ, и гораздо болѣе плодороденъ, не говоря уже о томъ, что его произведенія драгоцѣннѣе. Тридцать-пять тысячъ бѣлыхъ, предназначенныхъ для обработки земли, не дѣлаютъ и того, что̀ въ другихъ мѣстахъ могутъ сработать двѣ тысячи человѣкъ. Уже по одному этому рабство представляется мнѣ зломъ, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія породившей его алчности, потому что нѣтъ надобности доказывать, какъ оно безчеловѣчно». — «Въ этой странѣ (пишетъ онъ въ другомъ письмѣ) существуетъ, отсюда обыкновенно выносятъ съ собою предубѣжденіе противъ негровъ, которое несправедливо. Я считаю этотъ народъ совершенно такимъ же, какъ и мы, за исключеніемъ цвѣта кожи. Я сомнѣваюсь даже, чтобы рабство не сдѣлало насъ хуже его. Между этими людьми встрѣчаются героическіе характеры».

Понятно, что подобный губернаторъ могъ быть любимъ неграми; но рабовладѣльцы, нашедшіе въ немъ строгаго судью своихъ жестокостей, и плуты, наѣзжавшіе изъ Европы, чтобы нажиться во что бы то ни стало, подняли противъ него вопль, доходившій и до версальскихъ канцелярій. Братъ губернатора имѣлъ по этому поводу очень характерный разговоръ съ однимъ изъ главныхъ чиновниковъ морского вѣдомства, человѣкомъ, хорошо расположеннымъ

къ нимъ обоимъ. Вотъ этотъ разговоръ, представляющій одинъ только мѣстный интересъ:

«При всемъ своемъ умѣ и еще бо̀льшей добродѣтели и честности, — сказалъ этотъ чиновникъ, — кавалеръ Мирабо̀ рискуетъ сдѣлать ихъ безполезными для собственной карьеры и для государства. Онъ держитъ себя съ холодностью, которая смущаетъ и пугаетъ, а иногда вдругъ дѣлается рѣзокъ: это избытокъ затаеннаго огня. Онъ слишкомъ ретивъ, онъ присылаетъ намъ обширныя записки о злоупотребленіяхъ въ краѣ. Во-первыхъ, это слишкомъ рано; во-вторыхъ, есть вещи, которыя мы видимъ, не имѣя силы исправить ихъ; есть и другія, которыхъ мы просто не хотимъ исправить; мы живемъ не въ эпоху обновленія. Кавалеръ Мирабо̀ недостаточно ограничиваетъ себя тою частью управленія, которая на него возложена: онъ обнимаетъ слишкомъ много предметовъ, — онъ слишкомъ рѣшителенъ; надо подавать свое мнѣніе съ мягкою скромностью, съ замѣтнымъ подчиненіемъ своего взгляда просвѣщенному взгляду министра, хотя бы мы и совсѣмъ не считали его просвѣщеннымъ».

Легко представить себѣ, что̀ отвѣчалъ на это сообщеніе такой человѣкъ, какъ гваделупскій губернаторъ. «Угроза относительно моей карьеры», — пишетъ онъ брату, — «для меня послѣднее дѣло. Я обязанъ передъ Богомъ и передъ моимъ именемъ быть какъ можно больше честнымъ человѣкомъ. Я обязанъ трудиться для государства въ потѣ лица, обязанъ жертвовать ему кровью и жизнью, лишь бы только при этомъ не затрогивали моей чести. Мнѣ тридцать-семь лѣтъ, изъ которыхъ я прослужилъ двадцать-пять; я участвовалъ, по меньшей мѣрѣ, въ двадцати кампаніяхъ, и думаю, что уплатилъ мой долгъ государству, насколько это было мнѣ доступно. Поздравь меня, любезный братъ, съ тѣмъ, что масса негодяевъ, съ которой я имѣю здѣсь дѣло, не осмѣливается обвинять меня ни въ чемъ въ другомъ, кромѣ холодности: для нихъ я не стану себя пере-

дѣлывать. Что касается упрека въ излишней рѣшительности и рѣзкости, то и онъ меня не пугаетъ. Новый министръ (Машо), говорятъ, тоже рѣшителенъ и рѣзокъ; такіе люди намъ именно и нужны. Для государстаа рѣшительные люди то же, что кривой ножъ для зараженной части тѣла; люди такого характера любятъ правду, спокойно высказываютъ и выслушиваютъ ее. Всѣ здѣшніе честные люди скажутъ тебѣ, что я дѣлаю добро, и что строгость моя распространяется лишь на то, что несправедливо. Какая бѣда въ томъ, что двадцать разбойниковъ, которые убивали, крали, грабили корабли и прежде свободно прогуливались по острову, теперь не смѣютъ здѣсь показаться? Спроси въ торговыхъ пунктахъ, и тебѣ скажутъ, что положеніе здѣшнихъ дѣлъ улучшается, насколько это возможно въ короткое время. Будь увѣренъ, что человѣкъ, занимающій видное мѣсто въ такой странѣ, какъ Гваделупа, неизбѣжно причиняетъ много зла, если не умѣетъ бороться съ снисходительностью и яростно прикрываетъ это кажущеюся строгостью: двору я не мямлю правды, я указываю ему даже собственныя его ошибки. Я не дорожу карьерой, я не ищу ласки, но дорожу возможностью высказывать истину, исполнять свой долгъ, разоблачать несправедливость и бороться съ порокомъ, занимая служебное положеніе. Остальное въ рукахъ Божіихъ. Я знаю, что на меня начинаютъ нападать; здѣсь распространяютъ ложные слухи. Никто не можетъ сказать, что я воръ, потому что я не принимаю въ подарокъ даже и плодовъ. Никто не можетъ сказать, что меня водятъ за носъ любовницы: мой домъ точно церковь; ко мнѣ входятъ только люди, ищущіе суда, и офицеры; я никогда не даю аудіенцій женщинамъ иначе, какъ въ такомъ мѣстѣ, на которомъ меня съ улицы могутъ видѣть, но не слышать, прохожіе. Но распустили слухъ, будто я хочу ввести новый налогъ. Дворъ, передающій и въ то же время удерживающій за собою власть; дворъ, занятый ближайшими дѣлами, не знающій

даже, что ему отвѣчать по дѣламъ отдаленныхъ странъ,— этотъ дворъ вѣчно бываетъ одураченъ плутами. Впрочемъ, я тогда только выйду изъ себя, когда подвергнусь прямому нападенію. По полученіи перваго письма, выказывающаго недовѣріе, я рѣшительно потребую, чтобы мнѣ или выдали моего обвинителя, или прислали преемника... Что же касается аксіомы Годена (того чиновника, съ которымъ говорилъ братъ губернатора, маркизъ Мирабо̀) о необходимости строго ограничиваться собственной сферой дѣятельности, я могу сказать тебѣ, что писалъ съ полной довѣрчивостью Годену, но былъ сдержаннѣе относительно министра и главнаго чиновника въ моемъ департаментѣ; при всемъ томъ осмѣливаюсь утверждать, на основаніи двадцати-пяти-лѣтняго опыта, пріобрѣтеннаго въ плаваніяхъ по всѣмъ морямъ, что только глупецъ ограничивается своей нынѣшней сферой; только глупецъ, занимая извѣстную должность, не старается заслужить высшаго по̀ста, подготовляясь къ болѣе обширной дѣятельности. Эта аксіома имѣла, къ сожалѣнію, слишкомъ много сторонниковъ въ нашемъ морскомъ вѣдомствѣ, гдѣ пользовавшіеся довѣріемъ канцеляристы нуждались въ томъ, чтобъ офицеры были ни къ чему неспособными автоматами и рабски исполняли предписанія, внушенныя тѣмъ или другимъ личнымъ интересомъ, не обсуждая ихъ достоинства».

Мирабо̀ пробылъ на Гваделупѣ только два года. Состояніе его здоровья, сильно разстроенное мѣстною болѣзнью желудка, заставило его вернуться во Францію въ 1755 году. Онъ намѣревался однако же отправиться обратно въ Америку по выздоровленіи, чтобы занять мѣсто генералъ-губернатора французскихъ острововъ Вѣтра; но стеченіе обстоятельствъ, желаніе брата и виды на вліяніе при дворѣ помѣшали ему остаться при своемъ намѣреніи. Онъ все мечталъ служить государству въ крупныхъ размѣрахъ. Увидѣвъ, по возвращеніи съ Гваделупы, что братъ его близокъ съ нѣкоторыми вліятельными людьми, особенно съ

аббатомъ Берни, который пользовался большимъ довѣріемъ короля и г-жи Помпадуръ, кавалеръ Мирабò, преисполненный плановъ о возрожденіи французскаго флота, сталъ домогаться министерскаго пòста. Въ виду его прекрасныхъ намѣреній, его честолюбіе было отчасти законно; но онъ не обладалъ тѣми мелкими талантами, которые необходимы честолюбивымъ людямъ для успѣха. Нужно искусство льстить даже тѣмъ, кого презираешь, если только кто можетъ быть намъ полезенъ; нужно терпѣливо переносить пренебреженіе важнаго глупца, въ ожиданіи возможности заплатить ему сторицей; необходимы умѣнье высказывать противоположное тому, что думаешь, гибкость спины, полное равнодушіе къ долгому ожиданію въ переднихъ, а ничего этого не было у кавалера Мирабò. Вотъ что онъ писалъ въ это время своему брату изъ Компьеня, гдѣ находился дворъ:

«Признаюсь, любезный братъ, положеніе человѣка, покровительствуемаго министромъ, превышаетъ мои силы. Я нахожусь теперь въ подобномъ отношеніи къ двоимъ, почти къ троимъ министрамъ; ты полагаешь, что отъ меня зависитъ пріобрѣсти покровительство пяти. Повторяю на бумагѣ то, что уже говорилъ тебѣ тысячу разъ: вѣтры, бури, пушечные залпы, голодъ, жажда, моровая язва представляются мнѣ явленіями, къ которымъ приговорены дѣти Адама въ наказаніе за грѣхъ общаго своего отца, и я никогда не находилъ эти явленія настолько жестокими, чтобы бросить все и уйти отъ нихъ; но переднія могутъ свести меня съ ума. Хорошо еще еслибъ тамъ можно было договориться до дѣла; но представь себѣ, что, дежуря съ утра до вечера и постоянно находясь подъ рукою, я еще не имѣлъ возможности добиться разговора о проектѣ, который мнѣ возвратили, и который очень близко касается ихъ интересовъ, потому что для меня успѣхъ его можетъ быть важенъ лишь настолько же, насколько и для всякаго другаго гражданина. Любезный братъ, дворъ есть скоп-

леніе чернѣйшихъ чернилъ, которыя въ Версалѣ, зимою, кажутся менѣе черными, потому что разбавляются тогда множествомъ людей, ежедневно туда пріѣзжающихъ; но здѣсь, гдѣ эти чернила съ осадкѣ, они ужасны».

Въ теченіи двухъ лѣтъ (1757 и 1758) придумывались и разстроивались разныя министерскія комбинаціи, въ которыя входилъ и бывшій губернаторъ Гваделупы. Но всѣ онѣ остались безъ послѣдствій. Да и сомнительно, чтобы человѣкъ съ его характеромъ, еслибъ и попалъ въ морскіе министры, могъ долго удержаться на такомъ мѣстѣ, на которомъ въ теченіи восьми лѣтъ—смѣнились пятеро министровъ, въ томъ числѣ одинъ только морякъ; но еслибъ онъ удержался, то былъ бы министромъ-реформаторомъ. Цѣль его заключалась именно въ коренномъ преобразованіи морской бюрократіи. «Все, что у насъ какъ будто дѣлается для флота, гнило въ самомъ корнѣ. При Генрихѣ IV, когда Сюлли хотѣлъ возстановить артиллерію, онъ началъ съ того, что удалилъ четыреста человѣкъ, мѣшавшихся въ это дѣло, и измѣнилъ весь планъ управленія. Безъ этой операціи всѣ сокровища міра были бы напрасно потрачены на эту машину». Намѣренія Мирабо были извѣстны, и не могли пользоваться сочувствіемъ канцелярій. Его карьера не удавалась еще и потому, что онъ не церемонился съ г-жою Помпадуръ. Она считала его за горячую голову, и однажды высказала это. «Холодныя головы уже надѣлали столько глупостей и погубили столько государствъ, — отвѣчалъ ей кандидатъ въ морскіе министры, — что было бы не безразсудно попробовать горячія головы. По крайней мѣрѣ можно быть увѣреннымъ, что онѣ уже не сдѣлаютъ хуже». Онъ былъ человѣкъ вполнѣ свѣтскій, былъ красивъ и уменъ; г-жа Помпадуръ относилась къ нему благосклонно. Ея горничная Госсѐ, въ своемъ правдивомъ и любопытномъ дневникѣ, разсказываетъ, что въ декабрѣ 1760 года, когда маркизъ Мирабо, авторъ «друга людей», былъ арестованъ и посаженъ въ

Венсенскую башню за свою «Теорію налога», г-жа Помпадуръ сказала при ней извѣстному физіократу, доктору Кенэ, его пріятелю: «Вы должны быть огорчены немилостью, постигшей вашего друга Мирабо; я тоже огорчена ею, потому что люблю его брата». Но приведенный нами рѣзкій отвѣтъ этого брата все-таки былъ ей непріятенъ. Нашлись и интриганы, искусно мѣшавшіе ему достигнуть министерскаго поста. Въ виду этихъ неудачъ, онъ воспользовался предложеніемъ тогдашняго военнаго министра, маршала Бель-Иля, и принялъ отъ него важное, въ виду войны съ Англіей, порученіе — осмотрѣть и преобразовать береговую стражу Пикардіи, Нормандіи и Бретани.

Въ бытность Мирабо, по этому поводу, въ Бретани, англійскій флотъ сдѣлалъ высадку въ Канкалѣ и сталъ угрожать Сенъ-Мало. Узнавъ, что противъ нихъ идетъ съ войскомъ герцогъ Эгвильонскій, высадившіеся англичане сѣли обратно на суда, а черезъ мѣсяцъ появились подъ Шербургомъ и овладѣли имъ. Они разрушили укрѣпленія, сожгли купеческія суда, находившіяся въ портѣ, опустошили окрестныя селенія и возвратились къ побережью Бретани. Мирабо, ожидавшій ихъ въ Брестѣ, вдругъ узнаетъ, что они направляются опять на Сенъ-Мало, и слѣдитъ съ негодованіемъ за ихъ движеніями. «Ѣду завтра въ Сенъ-Мало, любезный братъ» — пишетъ онъ въ сентябрѣ 1758 года — «англичанамъ угодно было вторично посѣтить насъ тамъ. Долго ли мы еще будемъ пить эту чашу униженія и можемъ ли надѣяться, что придетъ конецъ оскорбленіямъ и безчестью?» Чаша представлялась этому горячему патріоту тѣмъ болѣе горькою, что пришла вѣсть о взятіи англичанами Люисбурга и Королевскаго острова, ключа къ Канадѣ. «Нашъ флотъ погибъ», пишетъ онъ къ брату· «У насъ скоро не будетъ кораблей: они гніютъ въ портахъ безъ призора; у насъ взято теперь двѣнадцать судовъ; мы уже потеряли такимъ образомъ двадцать линейныхъ кораблей и множество фрегатовъ. Забавно то, что

меня начинаютъ спрашивать: «Зачѣмъ вы здѣсь»? Я отвѣчаю, что здѣсь хорошо,—мнѣ смѣются въ глаза, и только». Онъ какъ будто упалъ духомъ; но ему все еще хотѣлось бы, чтобъ Фрація сдѣлала рѣшительный шагъ къ своему обновленію, который и былъ сдѣланъ ею вскорѣ, но уже не спокойнымъ, не легальнымъ, а революціоннымъ образомъ:

«Дай Богъ»—пишетъ Мирабо̀,—чтобъ я могъ говорить людямъ, думающимъ также, какъ и я. Все еще можетъ быть поправлено; я сознаю, какъ велика наша потеря, но мнѣ извѣстны наши средства, и я опасаюсь только Версаля. Хорошій планъ управленія расшевелилъ бы притупленныя сердца... Съ чувствомъ, которое я могъ бы назвать нѣжностью, видѣлъ я, какъ щетинилась наша молодежь при этомъ страшномъ извѣстіи, съ какою радостью она пошла бы проливать свою кровь, чтобы отмстить за то, что она называетъ оскорбленіемъ и вѣчнымъ позоромъ нашей страны! Намъ открываются два пути. Одинъ, болѣе пріятный (миръ) возвратитъ всѣхъ въ Парижъ и неоставитъ намъ иныхъ признаковъ жизни, кромѣ внутренняго броженія длинныхъ камзоловъ (тогдашніе парламенты); другой путь жестокъ, тяжелъ и труденъ, но онъ возвратилъ бы намъ подобающій блескъ. Я ничего не имѣю сказать въ пользу перваго, и нѣтъ той силы подъ луною, которая заставила бы меня скрѣпить его моей подписью. Я предпочелъ бы, чтобъ мнѣ отрубили руку и даже голову. Тяжелая жизнь, которую я велъ, жизнь, въ теченіи которой я со всѣхъ сторонъ видѣлъ восходъ солнца, не обучаетъ униженіямъ, и не особенно драгоцѣнна! Что касается до другаго пути, то возвратимся къ нему сначала. Не знать, на что способенъ нашъ народъ, когда онъ увидитъ, что король имѣетъ сердце отца, когда онъ почувствуетъ затронутою честь своего короля! Ты скажешь, что все это прекрасно, да нужны деньги; но въ нихъ-то именно не

было бы недостатка, еслибъ только показались нѣсколько головъ, заслуживающихъ довѣрія!»

Братъ маркиза Мирабо, очевидно, платилъ дань тому духу минувшихъ временъ, который вознесъ недосягаемо высоко королевскую власть во Франціи. Ему еще не приходило на мысль, что въ его время дѣйствовать сверху, въ порядкѣ давно установившагося преданія, было уже поздно. То же направленіе сказывается очень сильно и въ его мнѣніяхъ объ Англіи. Подъ вліяніемъ французскихъ неудачъ, онъ составляетъ для кардинала Берни двѣ записки о нападеніи на Галифаксъ и Нью-Йоркъ и одновременной попыткѣ произвести высадку на берега Англіи, или по крайней мѣрѣ встревожить англичанъ демонстраціями, чтобы занять этимъ большую часть ихъ флота. Въ своихъ письмахъ, онъ самъ говоритъ о себѣ, что «привыкъ считать англичанъ врагами человѣчества и въ особенности Франціи». Казалось бы, тогдашнее аристократическое устройство Англіи должно отвѣчать феодальнымъ понятіямъ будущаго мальтійскаго генерала; но, по его мнѣнію, Англія — страна еще не довольно аристократическая, и въ этомъ отношеніи онъ, какъ и большинство французскаго дворянства, кореннымъ образомъ разошелся съ тѣмъ самымъ народомъ, отъ имени котораго онъ говорилъ. Въ его глазахъ, англійскій патриціатъ слишкомъ зависитъ отъ черни, въ Англіи не придаютъ должной цѣны военнымъ доблестямъ и слишкомъ уважаютъ деньги. Всѣ эти соображенія, вмѣстѣ взятыя, побудили его предсказывать, еще въ 1754 году, что Сѣверная Америка вскорѣ свергнетъ съ себя англійское владычество.

Во всѣхъ своихъ запискахъ и письмахъ о политикѣ своего времени, братъ маркиза Мирабо постоянно отправляется отъ мысли о естественной враждѣ между Франціей и Англіей. Въ одной изъ своихъ записокъ, онъ доказываетъ, что единственная опасность угрожаетъ Франціи именно съ этой стороны. «Политика убѣждаетъ насъ, что отнынѣ мы не

можемъ имѣть никакихъ другихъ враговъ, кромѣ англичанъ; они одни могутъ предпринять что-нибудь противъ нашихъ морскихъ границъ; мы ограждены теперь со стороны Испаніи; король сардинскій безсиленъ противъ насъ, если англичане не снабдятъ его деньгами на наемъ войска, или имперцы (австрійцы) не пришлютъ ему войскъ, которыя не могутъ придти изъ такихъ отдаленныхъ мѣстъ безъ англійскихъ денегъ. Швейцарцы сами желаютъ только мира. Германская олигархія не можетъ подняться противъ насъ безъ помощи англичанъ, и всѣ сильные государи сѣвера такъ отдаленны, что мы не можемъ опасаться ихъ нападеній... Голландія низошла на степень торговой провинціи англичанъ... При такихъ условіяхъ, мы можемъ опасаться только англичанъ, ихъ честолюбія и денегъ».

Извѣстно, что таково было мнѣніе и дѣятелей французской революціи, и Наполеона I. Теперь обстоятельства измѣнились, и шестьдесятъ лѣтъ непрерывавшагося мира съ единственной націей, которая до тѣхъ поръ одна могла угрожать французскимъ берегамъ и портамъ, заставили Францію отказаться отъ оборонительной организаціи тѣхъ временъ, когда война съ Англіей казалась чуть не принадлежностью нормальнаго состоянія Франціи. Взявшись осмотрѣть и преобразовать эту организацію на всемъ французскомъ побережьѣ океана, отъ Дюнкерка до Рошфора, Мирабò былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ устроителей этой организаціи. Тутъ онъ увидѣлъ во всей наготѣ дряхлость французской административной машины. Отзываясь съ похвалой объ англійскомъ флотѣ, онъ пишетъ своему брату: «Насъ заставляютъ пребывать въ дѣтствѣ. Съ нами дѣлаютъ то же самое, что дѣлаютъ китайцы съ ногами своихъ женщинъ. Насъ сдавливаютъ такъ сильно, по правиламъ благопріятной для плутовъ рутины, что мы не можемъ рости. Мы принуждены вести войну, какъ велась она въ старину, а способы вести ее сильно измѣнились. Попробуй воору-

жить армію пиками, а кавалерію копьями, и ты увидишь, что изъ этого выйдетъ».

Этотъ аристократъ и легитимистъ въ душѣ критикуетъ существующій порядокъ не хуже демократа и республиканца. Таково уже было положеніе дѣлъ въ тогдашней Франціи, наканунѣ переворота. Вѣрный защитникъ династіи принужденъ говорить, что онъ «всего больше опасается Версаля»; въ другой разъ онъ пишетъ, что братъ его былъ бы глубоко тронутъ, еслибъ онъ увидѣлъ своими глазами, какъ заглушаются черными подозрѣніями порывы самаго прекраснаго рвенія, еслибъ онъ наблюдалъ «чудную молодежь Франціи, которую сдѣлали ненужною и которая грызетъ наложенныя на нее удила!» Въ виду всего, что творилось въ то время, у него вырывается изъ души еще и другое, болѣе мрачное и грозное замѣчаніе: «бѣдствія государства неисцѣлимы для того, кто не съумѣетъ предписать общаго леченія; къ чему послужила бы перевязка раны на ногѣ, когда гангрена въ крови?»

Неожиданная для него исторія съ братомъ, о которой мы упомянули выше и будемъ говорить подробно въ слѣдующей статьѣ, заставила его поспѣшить въ Парижъ. Маркизъ Мирабò, отецъ трибуна, писалъ ему 16 декабря 1760 года: «Любезный братъ, мнѣ предстоитъ быть арестованнымъ; арестъ состоится по повелѣнію короля, и намъ, слѣдовательно, нечего дѣлать...» Онъ поспѣшилъ на помощь брату. Потомъ, потерявъ желаніе играть роль при дворѣ по смерти маршала Бель-Иля, единственнаго человѣка, который его поддерживалъ, онъ рѣшился дать рыцарскій обѣтъ и принять начальство надъ мальтійскими галерами.

Теперь трудно вѣрится, что не дальше какъ сто лѣтъ тому назадъ могло существовать такое странное учрежденіе, какъ мальтійскій орденъ съ пресловутымъ генераломъ мальтійскихъ галеръ и другими подобными сановниками. Но все это дѣйствительно продолжало существовать во второй половинѣ прошлаго столѣтія, и вотъ въ какомъ состоя-

ніи. Уже съ XIV-го вѣка въ упомянутомъ орденѣ св. Іоанна Іерусалимскаго сказались признаки большой распущенности нравовъ. Папа Климентъ VI издалъ нѣсколько постановленій, долженствовавшихъ направить рыцарей ордена на путь нравственности и воздержанія. Эти постановленія запрещали рыцарямъ носить платье изъ дорогаго сукна, имѣть обильный столъ и пить высокія вина. Теперь эти постановленія были давнымъ-давно забыты. Теперь, отъ рыцаря, давшаго три обѣта: цѣломудрія, послушанія и бѣдности, требовались громадные расходы, если онъ желалъ имѣть честь начальствовать въ теченіи двухъ лѣтъ надъ галерами ордена. Въ запискахъ Мирабо нашлось росписаніе платьевъ, винъ и ликеровъ, дессерта, мебели и т. д., которые долженъ былъ имѣть генералъ мальтійскихъ галеръ, чтобы прилично исполнять свои обязанности. На всѣ же предметы ему приходилось употребить изъ своего кармана, при самомъ вступленіи въ должность, отъ 130 до 140 тысячъ ливровъ. Не имѣя такой суммы, Мирабо затруднялся принять званіе генерала мальтійскихъ галеръ, хотя впереди ожидало его богатое коммандорство, такъ-называемое «коммандорство благодати». Но старшій братъ, маркизъ, не хотѣлъ и слышать объ его отказѣ. Онъ взялся достать ему всѣ необходимыя суммы, хотя и самъ былъ по горло въ долгахъ. Богатое коммандорство въ перспективѣ подавало надежду на возможность возвратить все истраченное и даже поправить свои дѣла. Уступая волѣ старшаго въ родѣ, второй братъ переселяется на Мальту, и мы знакомимся изъ его писемъ съ упадкомъ оригинальнаго учрежденія, порожденнаго религіознымъ, аристократическимъ и воинскимъ направленіемъ среднихъ вѣковъ, утратившаго теперь свои жизненные соки и обратившагося въ спекуляцію, въ погоню за коммандорствами, которой съ жаромъ предавались въ Европѣ младшіе сыновья дворянскихъ фамилій.

По словамъ новаго генерала мальтійскихъ галеръ, под-

властное ордену населеніе Мальты, многочисленное и скученное на скалѣ, не доставляющей ему и пятой доли необходимаго пропитанія, все больше и больше бѣдствовало. Постоянныя войны между христіанскими государями разоряютъ мальтійскую торговлю; суда не ходятъ болѣе къ острову; при этомъ христіанскіе государи не позволяютъ ордену предаваться его «ремеслу», т. е. преслѣдовать турокъ, тревожить ихъ судоходство и вытѣснять ихъ съ торговыхъ рынковъ Востока. «По природѣ вещей»,— говоритъ Мирабо̀,—«война противъ турокъ была нашей стихіей; она одна могла прокармливать нашъ народъ и поддерживать въ насъ ту воинскую отвагу, которая порождала великихъ людей и великія дѣла. Орденъ портится въ бездѣйствіи. Глава этой аристократической республики, мало-по-малу, забираетъ всю власть въ свои руки. По уставу, гроссмейстеръ съ четырьмя совѣтниками, проживающими на Мальтѣ, представляетъ собою исполнительную власть, но обязанъ управлять согласно съ уставами ордена, а власть законодательная, т. е. право измѣнять уставы, принадлежитъ лишь генеральнымъ капитуламъ, т. е. уполномоченнымъ всѣхъ рыцарей разныхъ національностей. По уставу, генеральные капитулы должны собираться черезъ каждыя пять лѣтъ, а если нужно, то и черезъ три года. Но гроссмейстеры уже давно признали болѣе удобнымъ не собирать ихъ вовсе. Раздача орденскихъ владѣній вполнѣ зависѣла отъ произвола. Самыя богатыя коммандорства, такъ-называемыя «коммандорства благодати», раздавались по усмотрѣнію гроссмейстера или по рекомендаціи министровъ разныхъ европейскихъ дворовъ, у которыхъ онъ заискивалъ. Нѣкоторые сановники ордена имѣли въ своихъ рукахъ по четыре коммандорства, приносившихъ имъ сто тысячъ ливровъ дохода, тогда какъ болѣе достойные рыцари въ бѣдности выжидали назначенія на какое-нибудь скромное коммандорство, такъ-называемое «коммандорство по старшинству», или довольствовались ничтожной пенсіей изъ боль-

шихъ доходовъ, присужденныхъ менѣе заслуженному собрату. Въ тѣхъ случаяхъ, когда полученіе коммандорства бывало слѣдствіемъ предварительнаго исполненія какой-нибудь должности, послѣдняя почти всегда требовала большихъ затратъ, и потому могла быть доступна только богатымъ. Такова была должность генерала мальтійскихъ галеръ, таковы же были и многія другія должности въ орденѣ, напримѣръ, должность начальника разныхъ гостинницъ, т. е. дворцовъ, гдѣ пріѣзжіе рыцари разныхъ національностей получали даровой столъ. Орденъ отпускалъ на это очень мало денегъ, но каждый изъ семи сановниковъ, завѣдывавшихъ гостинницами, приплачивалъ свои деньги, и тотъ изъ нихъ, кто давалъ рыцарямъ лучшіе обѣды и лучшее вино, скорѣе получалъ коммандорство. Словомъ, религіозная и рыцарская община стала походить на торговый домъ, участники котораго стремились получать выгоды, соразмѣрныя съ своими денежными затратами. Отсюда — соперничество въ расходахъ между сановниками ордена, пріучавшее молодежь, которая жила на ихъ счетъ, уважать ихъ только за роскошь.

«Я вижу съ прискорбіемъ», наивно пишетъ Мирабо своему брату 1-го ноября 1761 года, «что порча проникла сюда и распространяется больше, чѣмъ бы слѣдовало»... «Принимая должность генерала, я постараюсь сдѣлать роскошь смѣшною, и надѣюсь достигнуть цѣли; но для этого, расходуясь только на то, что отъ меня непремѣнно требуется, я не долженъ имѣть видъ человѣка, приберегающаго деньги, потому что въ такомъ случаѣ простота была бы приписана моей скупости или жадности... Я заведу у себя такую же мебель, какую имѣютъ другіе генералы, т. е. крытую малиновымъ бархатомъ въ золотой оправѣ, для главнаго салона, и атласомъ для другихъ комнатъ; но въ моей спальнѣ будутъ поставлены соломенныя стулья и простая кровать. Показывая это всѣмъ, я буду говорить о роскошной мебели: «Вотъ глупость и суета», а о моей спальнѣ:

«Вотъ комната монашествующаго солдата». Что касается до роскошнаго платья, я надѣну его разъ или два, и шутя скажу всѣмъ рыцарямъ, что прошу ихъ замѣтить его и позволить мнѣ потомъ носить военное платье, къ которому я всего больше привыкъ и которое больше идетъ къ моей природной фигурѣ; а праздничнымъ моимъ платьемъ будетъ всегда мундиръ генерала галеръ. Я буду исполнять всѣ требованія этикета и останусь простъ, давая понять, что могъ бы поступать и иначе. Всѣ мои слуги будутъ на площади, чтобы ихъ видѣли вмѣстѣ съ слугами другихъ сановниковъ; но я при всякомъ удобномъ случаѣ постараюсь, чтобы они не сопровождали меня».

Наконецъ, генералъ мальтійскихъ галеръ, которому удалось ввести кое-какія улучшенія въ завѣдываемой имъ части, а еще больше удалось израсходовать 140,000 ливровъ, занятыхъ для него старшимъ братомъ, наконецъ, получаетъ командорство, но, увы! очень скромное, приносящее всего 11,700 ливровъ чистаго дохода, изъ которыхъ надо немедленно выплатить гроссмейстеру такъ-называемый аннатъ. Оставалась надежда на возможность получить впослѣдствіи лучшее мѣсто, и она сбылась скорѣе, чѣмъ ожидали самъ командоръ и его братъ. Онъ не успѣлъ еще уѣхать съ Мальты, когда смерть одного изъ командоровъ доставила ему богатѣйшее изъ принадлежавшихъ покойному мѣстъ — командорство св. Евлаліи, въ Провансѣ. Оно было сдано въ аренду за 39,000 ливровъ въ годъ, но новый командоръ узналъ, что не трудно поднять эту сумму до 45,000. А къ нему вскорѣ должно было присоединиться еще и «командорство по старшинству». Новый командоръ, возвратившійся во Францію въ 1767 году, уплатилъ весь долгъ старшему брату, много помогалъ ему и его дѣтямъ, и умеръ въ 1794 году, переживъ и брата, и племянниковъ, и революцію. Четыре года спустя скончался, какъ извѣстно, и самый орденъ.

Но какъ ни характерна жизнь этого человѣка, обнимав-

шая все восемнадцатое столѣтіе, она значительно уступаетъ въ общемъ интересѣ жизни и дѣятельности его старшаго брата, маркиза Мирабо, о которомъ мы будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ. Отецъ трибуна самъ былъ въ свое время очень виднымъ писателемъ, близко затрогивавшимъ общественные интересы Франціи и Европы, имѣвшимъ несомнѣнное, хотя и не продолжительное и не глубокое, вліяніе на умы.

V.

Два параллельныхъ историческихъ процесса.— Молодость маркиза Мирабо.— Его политическое завѣщаніе.— Его «Польза провинціальныхъ собраній» и «Другъ людей».

Одною изъ самыхъ характерныхъ особенностей восемнадцатаго вѣка было одновременное, и при томъ крайне наглядное и осязательное, разложеніе феодальныхъ понятій, феодальнаго строя жизни и нарожденіе новыхъ идей, новыхъ и смѣлыхъ попытокъ перестроить общественную жизнь на раціональныхъ основаніяхъ. Эти два процесса — разложенія и нарожденія — отразились, какъ въ зеркалѣ, въ сохранившихся безчисленныхъ литературныхъ и другихъ письменныхъ памятникахъ того времени. Ихъ можно наблюдать не только на долгомъ протяженіи почти цѣлаго столѣтія, но, такъ сказать, и въ каждую данную минуту этого столѣтія, не только въ цѣломъ обществѣ, но и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, почему либо выдѣлившемся въ то время изъ такъ называемой толпы. Кромѣ передовыхъ людей вѣка, французскихъ философовъ-энциклопедистовъ, которые не останавливались передъ самыми крайними выводами изъ отрицательнаго отношенія къ существующему порядку во всѣхъ его проявленіяхъ, глубокое недовольство этимъ порядкомъ сказывалось и во французской аристократіи, и въ среднемъ сословіи, и въ духовен-

ствѣ, и въ крестьянствѣ. Многіе, правда, еще отчаявались примирить старое съ нарождавшимися новыми требованіями; людямъ того времени общественный переворотъ еще не могъ казаться такъ несомнѣнно близкимъ, какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Многіе, особенно въ рядахъ аристократіи, еще стояли одною ногой въ прошломъ, не помышляя о возможности полнаго разрыва съ нимъ, даже не желая такого разрыва. Но уже по одному тому, какъ ставили они общественные вопросы, какъ сильно они сознавали необходимость обновленія, какъ энергически стремились къ цѣли, можно было заключить, что въ лучшихъ и дѣятельныхъ умахъ разрывъ уже совершился безповоротно. Такихъ симптомовъ было не мало, и однимъ изъ самыхъ поучительныхъ представляетъ жизнь маркиза Мирабо̀, старшаго брата тому мальтійскому коммандору, о которомъ мы говорили въ предъидущей статьѣ, и отца знаменитаго оратора и трибуна.

20-го декабря 1774 года, среди восторженныхъ надеждъ, возбужденныхъ вступленіемъ на престолъ Людовика XVI, когда Тюрго̀ былъ уже министромъ, довольно многочисленное общество собралось въ залѣ одного дома въ улицѣ Вожираръ. Въ глубинѣ зала, на большомъ цоколѣ, стоялъ мраморный бюстъ, къ которому было обращено съ грустью и почтеніемъ все собравшееся общество, и хозяинъ дома произнесъ къ нему, между прочимъ, слѣдующее:

«Господа, мы понесли горькую потерю, мы лишились нашего учителя. Истинный благодѣтель человѣчества уже связанъ съ землею только воспоминаніемъ и неизгладимыми послѣдствіями своихъ благодѣяній. Мы лишились нашего отца, которому были обязаны всѣмъ: и нашими принципами, и физическимъ закономъ нашего долга, и тѣмъ усердіемъ, которое положило начало этимъ собраніямъ, составляющимъ разсадникъ нашего ученія, и тѣмъ навѣки неугасимымъ свѣтомъ, который пролитъ имъ на физическую солидарность человѣческихъ интересовъ, на гражданское братство, какъ прочную и почти необходимую основу брат-

ства чувствъ и душъ, внушаемаго намъ религіей подъ именіемъ милосердія... Говорятъ, Сократъ совлекъ нравственность съ небесъ; нашъ учитель возростилъ ее на землѣ. Небесная нравственность насыщаетъ только избранныя души; мораль «чистаго дохода» [1]), во-первыхъ, даетъ пропитаніе человѣческимъ дѣтямъ, не допускаетъ похищать его у нихъ силой или обманомъ, указываетъ его распредѣленіе, его производство и, ограждая насъ отъ стѣснительныхъ требованій природы, трудомъ пріучаетъ насъ къ повиновенію, а своими благими послѣдствіями къ любви и признательности... Вскорѣ всѣ люди будутъ знать свои права и обязанности, необходимость извѣстныхъ отношеній между людьми, свободу, какъ основаніе этихъ отношеній, и собственность какъ результатъ ихъ, тожество всѣхъ человѣческихъ интересовъ, и единство того центральнаго пункта, въ которомъ они всѣ сливаются... О, мой учитель! Какъ много я заимствовалъ у тебя, какъ бѣденъ я и нищъ, а ты оставляешь меня въ нѣкоторомъ родѣ главой или по крайней мѣрѣ старшимъ изъ твоихъ безутѣшныхъ дѣтей... Повторимъ, господа, въ эту минуту горя и нѣжности, данную нами внутренно клятву посвятить наши силы обученію ближнихъ и развитію той науки, которая, рано или поздно, должна сдѣлать общество мирно благоденствующимъ, а людей—благоразумными и добродѣтельными».

Хозяинъ закончилъ обращеніемъ къ бюсту и воззваніемъ къ общему братству.

Эта странная и слабая рѣчь, обращенная къ бюсту недавно умершаго Кенэ, основателя физіократической школы и врача г-жи Помпадуръ, была произнесена не энциклопедистомъ, не философомъ, не вольтеріанцемъ, а аристократомъ по рожденію и образу мыслей, монархистомъ и отъявленнымъ противникомъ переворотовъ. Она была произне-

---

[1]) Извѣстное техническое выраженіе въ экономическомъ ученіи Кенэ и физіократовъ.

ствѣ, и въ крестьянствѣ. Многіе, правда, еще отчаявались примирить старое съ нарождавшимися новыми требованіями; людямъ того времени общественный переворотъ еще не могъ казаться такъ несомнѣнно близкимъ, какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Многіе, особенно въ рядахъ аристократіи, еще стояли одною ногой въ прошломъ, не помышляя о возможности полнаго разрыва съ нимъ, даже не желая такого разрыва. Но уже по одному тому, какъ ставили они общественные вопросы, какъ сильно они сознавали необходимость обновленія, какъ энергически стремились къ цѣли, можно было заключить, что въ лучшихъ и дѣятельныхъ умахъ разрывъ уже совершился безповоротно. Такихъ симптомовъ было не мало, и однимъ изъ самыхъ поучительныхъ представляетъ жизнь маркиза-Мирабо̀, старшаго брата тому мальтійскому коммандору, о которомъ мы говорили въ предъидущей статьѣ, и отца знаменитаго оратора и трибуна.

20-го декабря 1774 года, среди восторженныхъ надеждъ, возбужденныхъ вступленіемъ на престолъ Людовика XVI, когда Тюрго̀ былъ уже министромъ, довольно многочисленное общество собралось въ залѣ одного дома въ улицѣ Вожираръ. Въ глубинѣ зала, на большомъ цоколѣ, стоялъ мраморный бюстъ, къ которому было обращено съ грустью и почтеніемъ все собравшееся общество, и хозяинъ дома произнесъ къ нему, между прочимъ, слѣдующее:

«Господа, мы понесли горькую потерю, мы лишились нашего учителя. Истинный благодѣтель человѣчества уже связанъ съ землею только воспоминаніемъ и неизгладимыми послѣдствіями своихъ благодѣяній. Мы лишились нашего отца, которому были обязаны всѣмъ: и нашими принципами, и физическимъ закономъ нашего долга, и тѣмъ усердіемъ, которое положило начало этимъ собраніямъ, составляющимъ разсадникъ нашего ученія, и тѣмъ навѣки неугасимымъ свѣтомъ, который пролитъ имъ на физическую солидарность человѣческихъ интересовъ, на гражданское братство, какъ прочную и почти необходимую основу брат-

ства чувствъ и душъ, внушаемаго намъ религіей подъ именіемъ милосердія... Говорятъ, Сократъ совлекъ нравственность съ небесъ; нашъ учитель возростилъ ее на землѣ. Небесная нравственность насыщаетъ только избранныя души; мораль «чистаго дохода» [1]), во-первыхъ, даетъ пропитаніе человѣческимъ дѣтямъ, не допускаетъ похищать его у нихъ силой или обманомъ, указываетъ его распредѣленіе, его производство и, ограждая насъ отъ стѣснительныхъ требованій природы, трудомъ пріучаетъ насъ къ повиновенію, а своими благими послѣдствіями къ любви и признательности... Вскорѣ всѣ люди будутъ знать свои права и обязанности, необходимость извѣстныхъ отношеній между людьми, свободу, какъ основаніе этихъ отношеній, и собственность какъ результатъ ихъ, тожество всѣхъ человѣческихъ интересовъ, и единство того центральнаго пункта, въ которомъ они всѣ сливаются... О, мой учитель! Какъ много я заимствовалъ у тебя, какъ бѣденъ я и нищъ, а ты оставляешь меня въ нѣкоторомъ родѣ главой или по крайней мѣрѣ старшимъ изъ твоихъ безутѣшныхъ дѣтей... Повторимъ, господа, въ эту минуту горя и нѣжности, данную нами внутренно клятву посвятить наши силы обученію ближнихъ и развитію той науки, которая, рано или поздно, должна сдѣлать общество мирно благоденствующимъ, а людей—благоразумными и добродѣтельными».

Хозяинъ закончилъ обращеніемъ къ бюсту и воззваніемъ къ общему братству.

Эта странная и слабая рѣчь, обращенная къ бюсту недавно умершаго Кенэ, основателя физіократической школы и врача г-жи Помпадуръ, была произнесена не энциклопедистомъ, не философомъ, не вольтеріанцемъ, а аристократомъ по рожденію и образу мыслей, монархистомъ и отъявленнымъ противникомъ переворотовъ. Она была произне-

---

[1]) Извѣстное техническое выраженіе въ экономическомъ ученіи Кенэ и физіократовъ.

всю жизнь практической, житейской ловкости и находчивости, и онъ имѣлъ полное основаніе сказать впослѣдствіи о своемъ юномъ сынѣ, ораторѣ Мирабо̀: «Онъ столько же вкрадчивъ, сколько я былъ недотрогой». И ему, какъ впослѣдствіи его сыну, приходилось жить не по средствамъ, дѣлать долги, затѣвать дуэли; но онъ былъ разборчивѣе въ выборѣ кредиторовъ и, занимая, заботился о томъ, когда и чѣмъ онъ можетъ уплатить свой долгъ. Не мало чести дѣлаетъ ему также сохранившаяся переписка юности съ извѣстнымъ капитаномъ Вовенаргомъ, однимъ изъ тонкихъ моралистовъ XVIII-го вѣка, искренно его полюбившимъ [1]). Въ ней сказывается неизмѣнная черта природы маркиза Мирабо̀: въ Вовенаргѣ, какъ и въ другихъ своихъ друзьяхъ и родныхъ, онъ видимо любилъ тѣ свойства, которыхъ ему недоставало. Оба провансальцы, ровесники и дальніе родственники, эти два человѣка имѣли однакоже совершенно противоположные характеры. «Любезный Мирабо̀», пишетъ однажды Вовенаргъ своему пріятелю: «вы пылки, желчны, болѣе волнисты, болѣе великолѣпны, болѣе неровны, чѣмъ самое море, и прежде всего жаждете удовольствій, знанія и почестей. Я же слабъ, тревоженъ, свирѣпъ, безучастенъ къ тому, что всѣми признается за благо, упрямъ, страненъ и все, что хотите». Портретъ двадцати-двухлѣтняго маркиза, будущаго «друга людей», очень вѣрно набросанъ Вовенаргомъ, который тутъ же очертилъ себя только на половину. Небогатый, некрасивый и къ тому же еще слабый здоровьемъ, онъ чувствовалъ въ себѣ однакоже большія умственныя и нравственныя силы, мечталъ о славѣ и вовсе не былъ ни свирѣпъ, ни особенно страненъ, ни безучастенъ къ тому, что всѣми признается за благо, но былъ раздражителенъ, постоянно встрѣчая на жизненномъ своемъ пути препятствія, которыя казались ему неодолимыми. «Нѣтъ

[1]) Авторомъ замѣчательнаго труда: «Introduction à la connaissance de l'esprit humain».

никакого соотвѣтствія, никакой соразмѣрности между моими силами и желаніями»—писалъ онъ своему пріятелю—«между моимъ умомъ и сердцемъ, между моимъ сердцемъ и моимъ положеніемъ, и я столько-же повиненъ въ этомъ, сколько больной, неспособный пользоваться предлагаемыми ему благами, не имѣющій возможности измѣнить состояніе своихъ органовъ и чувствъ, или найти подходящіе ему предметы». И онъ сгоралъ въ грустномъ и томительномъ бездѣйствіи, пренебрегая обыденными развлеченіями гарнизонной жизни, бѣдный, гордый, честолюбивый, сомнѣваясь въ самомъ себѣ и падая духомъ. Самоувѣренный маркизъ, порывистый и неровный, подмѣтилъ въ этомъ мнимо-апатичномъ человѣкѣ задатки большаго таланта, и вызывалъ его на литературную дѣятельность. «Вы настоящій англичанинъ, любезный Вовенаргъ», писалъ ему Мирабо: «вы мыслите твердо, вѣрно и глубоко. Но къ чему служитъ вамъ эта способность, какъ скоро вы обрекаете себя бездѣйствію? Не работая, вы зарываете въ землю лучшія въ мірѣ дарованія! Я не расточаю вамъ похвалъ, а говорю правду... У меня больше огня, воображенія, здоровья; но у васъ больше ума и послѣдовательности въ мысляхъ». Вовенаргъ отвѣчаетъ, что чувствуетъ себя мало знающимъ, мало подготовленнымъ. «Вы не взвѣшиваете вашихъ похвалъ», говоритъ онъ Мирабô: «вы не знаете, какъ велика ихъ сила, вы губите меня. Пощадите, молю васъ объ этомъ колѣнопреклоненно!» Но Мирабô продолжаетъ настаивать, и Вовенаргъ пишетъ ему наконецъ: «Я со страстью предался чтенію, пріѣхавъ въ Реймсъ, и черезъ пять-шесть дней у меня до того разболѣлись глаза, что пришлось возвратиться къ праздности; не могу ни читать, ни писать. Я хочу послѣдовать вашимъ совѣтамъ и наполнить пустоту моей жизни умственной работой; съ этой цѣлью, я пригласилъ двухъ чтецовъ, которые должны читать мнѣ: одинъ—поутру, другой—вечеромъ. Они искажаютъ читаемое, но это все-таки лучше, чѣмъ ничего».

Изъ этой переписки двухъ пріятелей мы узнаёмъ совершенно новое обстоятельство: если Вовенаргъ не совсѣмъ погибъ для литературы (онъ умеръ въ молодости, тридцати-двухъ лѣтъ), если онъ оставилъ въ ней знаменательный слѣдъ своего глубокаго, пламеннаго и увлекательнаго таланта, то литература, быть можетъ, обязана этимъ настояніямъ маркиза Мирабо̀. Та же переписка знакомитъ насъ съ невозможными, по нашимъ понятіямъ, соображеніями, руководившими молодаго маркиза въ вопросѣ о предстоявшемъ ему, рано или поздно, бракѣ. Аристократическое происхожденіе жены, безъ солиднаго состоянія, всегда было мало привлекательно въ глазахъ людей, дорожившихъ знатностью своею или своихъ предковъ. Маркизъ Мирабо̀, повидимому, смотрѣлъ на бракъ именно, какъ на средство пріумножить достояніе своего аристократическаго рода. Онъ не высказываетъ этого прямо, но факты его жизни, относящіеся къ его брачнымъ планамъ, не имѣютъ инаго смысла. Въ письмахъ его къ Вовенаргу рано сказывается и будущій физіократъ, и будущій супругъ по фамильному разсчету. Онъ пишетъ Вовенаргу изъ замка Мирабо̀, что всюду вокругъ предлагаетъ вопросы, «которые», говоритъ онъ, «могли бы служить мнѣ для близкаго ознакомленія съ земледѣліемъ, которое я теперь изучаю. А гдѣ, спросите вы меня, почерпнули вы эту новую страсть къ земледѣлію? Я же чувствую, что философъ долженъ кончать этимъ». Чтобы кончить, какъ прилично философу, маркизъ Мирабо̀ помышляетъ и о женитьбѣ, и даже извѣщаетъ пріятеля о предстоящемъ своемъ бракѣ съ одною изъ четырехъ сестеръ, болѣе извѣстной, чѣмъ почтенной, г-жи Майи. Была ли эта невѣста его одною изъ тѣхъ трехъ сестеръ, которыя послѣдовательно замѣняли, одна за другою, свою старшую сестру въ гаремѣ Людовика XV,—неизвѣстно. Но уже двѣ недѣли спустя, онъ извѣщаетъ своего пріятеля, что предположенный бракъ разстроился, указываетъ всѣ его вѣроятныя неудобства и радуется тому, что остался свободнымъ. Этотъ

разрывъ, говоритъ онъ радостно, «привлечетъ мнѣ много всякаго рода новыхъ предложеній». Предложенія, дѣйствительно, были ему сдѣланы съ разныхъ сторонъ; но выборъ его палъ, и притомъ, по собственнымъ его словамъ, «случайно», на Марію-Женевьеву де-Вассанъ, семнадцатилѣтнюю дочь крупнаго землевладѣльца, которую онъ лично не зналъ, потому-что она жила до тѣхъ поръ въ Лимузенѣ. Какъ заключались тогда дворянскіе браки, объ этомъ даетъ наглядное понятіе первый бракъ этой дѣвушки. Въ 1737 году, когда ей было всего двѣнадцать лѣтъ, она уже была невѣстой одного молодаго человѣка. У ея родителей была тяжба съ фамиліей Совбёфъ; чтобы прекратить эту тяжбу, обѣ стороны условились поженить сына Совбёфовъ на старшей дочери де-Вассана, сестрѣ Маріи-Женевьевы; но эта старшая дочь умерла до брака, и Марія-Женевьева, тогда еще дѣвочка, должна была замѣнить ее въ качествѣ будущей супруги юнаго Совбёфа. На этотъ разъ онъ не дожилъ до полнаго своего супружества; но Марія Женевьева, тѣмъ не менѣе, была юридически, а не фактически, его женой, когда онъ умеръ, и за нее-то посватался маркизъ Мирабò, знавшій отца ея въ Парижѣ. Двадцати-восьми лѣтъ отъ роду, съ состояніемъ въ 16,000 ливровъ дохода, маркизъ вступалъ въ супружескій и имущественный союзъ съ незнакомой дѣвушкой, мать которой была ему также совсѣмъ незнакома, и объ отцѣ которой онъ отзывался самъ, что не считаетъ его способнымъ ни къ чему порядочному. Какъ старшій въ родѣ, онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность заботиться прежде всего о приумноженіи его богатства и значенія. Дѣятельное воображеніе маркиза, направленное въ эту сторону, уже рисовало ему въ будущемъ блистательную картину присоединенія вассановскихъ имѣній въ Лимузенѣ, Перигорѣ и Пуату, къ провансальскимъ землямъ фамиліи Мирабò, и осуществленія давнишней мечты его «сдѣлать свой провансальскій дворянскій родъ однимъ изъ сильнѣйшихъ дворянскихъ родовъ Франціи».

Но подобныя мечты исполняются рѣдко, да онѣ и не особенно заслуживаютъ успѣха. Въ самомъ скоромъ времени на дѣлѣ оказалось, какъ много неудобствъ и невозможностей представляетъ подобный брачный союзъ. Впослѣдствіи, въ 1780 г., когда супруги окончательно перессорились и разоряли другъ друга процессами, братъ маркиза, мальтійскій командоръ, писалъ ему: «Черезъ три дня послѣ перваго свиданія съ твоей женой, я понялъ, что она непригодна для какого-нибудь виднаго положенія. Я никогда не разсказывалъ тебѣ о томъ, что происходило въ то время, и не сказалъ бы теперь, еслибъ еще оставалось какое-нибудь средство къ примиренію съ подобной самкой. Но уже на первыхъ порахъ твоего супружества — герцогъ Нивернуа можетъ подтвердить это — я, видя, что ты оставляешь военную службу и намѣреваешься пристроиться къ какому-нибудь посольству, просилъ за тебя и этого герцога, и герцога Дюра̀, и еще нѣкоторыхъ друзей; я даже говорилъ объ этомъ съ старымъ Поншартреномъ и его женой. Всѣ они отвѣчали въ одинъ голосъ: «Но, говорятъ, жена вашего брата — одно изъ смѣшнѣйшихъ созданій въ мірѣ. Вы понимаете, что нельзя же дать дипломатическій постъ человѣку, у котораго такая жена, если онъ не оставитъ ее во Франціи, отправляясь самъ заграницу». Въ то время ты слышалъ кое-что объ этомъ; но разумѣется, ты понималъ невозможность оставить эту женщину съ нашей матерью, и еще менѣе съ ея родителями, которыхъ вліяніе окончательно сгубило бы ее. Безусловное и общее молчаніе о ней показало мнѣ, что она непріятна не мнѣ одному. Но ты знаешь, что воспитанный человѣкъ никогда не говоритъ съ мужемъ объ его женѣ. Ты долженъ, сверхъ того, сознаться, что и самъ не давалъ къ тому никакой возможности».

И дѣйствительно, до открытаго разрыва съ женой некрасивой, капризной и развратной, маркизъ упорно отстаивалъ свои химерическіе виды на пользу подобнаго союза. Не менѣе

утопически велъ онъ и свое имущественное хозяйство, расходуя на него большія суммы, несоразмѣрныя съ получаемымъ доходомъ, и рискованно пріобрѣтая новыя имѣнія, въ ожиданіи будущихъ благъ, которыя никогда не наступали. Пришлось дѣлать долги, пришлось и занимать для исправной ихъ уплаты, пускаться въ предпріятія, много сулившія, но приносившія очень мало или только убытокъ. Между тѣмъ, нѣкоторая часть имѣній, принадлежавшихъ родителямъ его жены, поступила къ нему лишь черезъ тринадцать лѣтъ послѣ женитьбы, по смерти его тестя, въ 1756 году; остальная часть, самая значительная, досталась ему только черезъ двадцать-семь лѣтъ послѣ брака, когда умерла и мать его жены. А въ это время, къ великому соблазну дѣтей, жена маркиза была уже въ открытой войнѣ съ мужемъ, которому тогда же приходилось разоряться на обезпеченіе уже взрослыхъ дѣтей, въ томъ числѣ на знаменитаго впослѣдствіи оратора, и на процессы съ женою, расточительность которой ввела и ее въ неоплатные долги.

Но всѣ эти несчастныя обстоятельства, способныя надломить силы человѣка, менѣе падкаго на блестящіе аристократическіе и фамильные планы, не помѣшали маркизу написать безчисленное множество сочиненій, большинство которыхъ даже не было имъ издано. То, что онъ издалъ въ разное время, составитъ, впрочемъ, не менѣе четырехъ томовъ, довольно цѣнныхъ въ литературной и политической исторіи восемнадцатаго вѣка. Сначала феодалъ и филантропъ, потомъ либералъ съ сильнымъ аристократическимъ оттѣнкомъ, противникъ административной централизаціи, наконецъ физіократъ, то-есть полу-монархистъ, полу-демократъ, отвергающій равенство, полу-соціалистъ по своей враждѣ къ денежнымъ и промышленнымъ спекуляціямъ, и крайній консерваторъ по отношенію къ земельной собственности, онъ отражаетъ въ себѣ самыя разнообразныя теченія общественной мысли въ ту великую эпоху.

Сочиненія маркиза Мирабо̀, освѣщенныя его неизданной перепиской, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что авторъ «Друга людей», сдѣлавшись ревностнымъ ученикомъ и послѣдователемъ Кенэ, игралъ значительную роль въ политическихъ и экономическихъ вопросахъ и спорахъ, предшествовавшихъ французской революціи, что между своими современниками, большею частью или ослѣпленными до оптимизма, или беззаботно легкомысленными, онъ принадлежалъ къ числу немногихъ, предвидѣвшихъ неизбѣжность крупнаго общественнаго кризиса. «Игра въ жмурки, продленная черезъ мѣру», писалъ онъ, «непремѣнно окончится тѣмъ, что всѣ попадаютъ съ ногъ». Такъ или иначе, его мысли, заблужденія и утопіи не имѣли другой цѣли, кромѣ прекращенія безумной и безконечной правительственной и общественной игры въ жмурки; онѣ были попытками выяснить положеніе дѣлъ, найти прямую дорогу впередъ, показать опредѣленную цѣль, къ которой должны идти государство и общество, съ точки зрѣнія просвѣщеннаго аристократа, сознающаго близость катастрофы.

Викторъ Гюго̀ называетъ маркиза Мирабо̀ «очень рѣдкимъ мыслителемъ, который былъ въ одно и то же время позади и впереди своего времени». Токвиль характеризуетъ его приблизительно также. Въ глазахъ его маркизъ Мирабо̀ «представляетъ собою вторженіе демократическихъ идей въ феодальный умъ». И въ самомъ дѣлѣ, первая утопія маркиза Мирабо̀ имѣетъ исключительно аристократическую, можно сказать — феодальную окраску. Сочиненіе, излагавшее эту утопію, не было напечатано и не назначалось для печати; авторъ писалъ его въ назиданіе своему потомству, въ 1747 году, и назвалъ своимъ «Политическимъ завѣщаніемъ». Онъ предлагаетъ въ немъ планъ возвеличенія своей фамиліи, совѣтуя потомкамъ продолжать дѣло, которое будетъ начато имъ самимъ. По его мнѣнію, аристократическая фамилія непремѣнно должна имѣть собственный планъ относительно своего усиленія въ государствѣ.

Будущность Франціи еще представляется ему въ то время совсѣмъ иною, чѣмъ впослѣдствіи, когда онъ примыкаетъ къ физіократической школѣ. Воспитанный отцомъ въ ненависти къ возрастающимъ посягательствамъ королевской власти на дворянскую, онъ питаетъ надежду на возможность возврата къ аристократическому строю государственной жизни, къ усовершенствованному феодализму. «Именно изъ слабыхъ царствованій императоровъ Сигизмунда и Карла IV,— говоритъ онъ,— вышли преимущества, обезпечившія положеніе столькихъ сильныхъ домовъ въ Германіи; мы увидимъ то же самое во Франціи; самъ король (Людовикъ XV), какъ будто торопится придти къ такой развязкѣ. Но подданные, принимая тѣнь за самое тѣло, гонятся за должностями и набираютъ ихъ побольше съ единственной цѣлью воспользоваться ихъ денежными выгодами, нимало не заботясь о существенномъ, т. е. о вліяніи и власти. Предоставимъ другимъ поступать, какъ имъ угодно, и будемъ говорить о себѣ». Воображеніе увлекаетъ его такъ далеко, что онъ даже признаетъ возможнымъ раздробленіе французской монархіи. «Этого не надо ни опасаться, ни надѣяться», говоритъ онъ, «но это надо предвидѣть, чтобы постоянно стараться поставить себя въ независимое положеніе отъ цѣлаго, нынѣ составляющаго государственное тѣло». И онъ набрасываетъ въ своемъ сочиненіи политическую программу для знатной фамиліи, желающей поставить себя въ положеніе не только независимое отъ двора, но и довольно прочное для того, чтобы, въ крайнемъ случаѣ, пережить самую монархію. Впослѣдствіи жизнь и практика не могли не отрезвить политическаго завѣщателя отъ этихъ аристократическихъ грезъ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени. Правда, маркизъ Мирабò едва ли переставалъ когда-нибудь вѣрить въ благотворное призваніе аристократа-землевладѣльца въ его владѣніяхъ. Онъ горячо осуждалъ тѣхъ помѣщиковъ, которые не живутъ въ своихъ имѣніяхъ, хотя самъ онъ почти никогда не жилъ въ сво-

ихъ. Отсутствіе, конечно, не мѣшало ему дѣятельно вступаться въ ихъ чисто-мѣстныя дѣла; но вмѣшательство его издалека всегда оказывалось болѣе горячимъ и дѣятельнымъ, чѣмъ удачнымъ, болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ для собственнаго его авторитета. Его не слушались; ему часто приходилось терпѣть неудачу даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дѣйствовалъ, повидимому, съ самыми безкорыстными намѣреніями. Помѣщику уже не довѣряли въ то время; помѣщика и не любили, и не боялись. Такъ называемые «интенданты», королевскіе чиновники, съ которыми маркизъ завѣщаетъ своему потомству вести систематическую борьбу, по самой силѣ вещей, по самому своему положенію, нерѣдко должны были ограждать и защищать населеніе отъ помѣщичьей власти. Маркиза въ то время еще не смущала вопіющая привилегія дворянства, противъ которой возставали Боденъ въ шестнадцатомъ, Вобанъ и Фенелонъ въ семнадцатомъ вѣкѣ — привилегія свободы отъ налоговъ, лежавшихъ тяжелымъ бременемъ на народѣ. Увлеченный своей любимой аристократической идеей, онъ предназначаетъ свое завѣщаніе главнымъ образомъ своему сыну, который въ то время еще не родился, и говоритъ ему въ концѣ: «Обдумай все это; мое завѣщаніе написано въ пять дней, но я обдумывалъ его много лѣтъ». А именно этому-то сыну и суждено было впослѣдствіи ударить въ набатъ противъ всякихъ привилегій.

Являясь въ своемъ политическомъ завѣщаніи чѣмъ-то вродѣ выходца съ того свѣта, маркизъ былъ однакоже слишкомъ живой и подвижный человѣкъ, чтобы упорно стоять на допотопной и невозможной точкѣ зрѣнія. Три года спустя, онъ выступаетъ уже съ новымъ, на этотъ разъ гораздо болѣе современнымъ сочиненіемъ о «Пользѣ провинціальныхъ представительныхъ собраній», которое извѣстный нашъ современникъ, экономистъ де-Лавернь, называетъ самымъ дѣльнымъ изъ экономическихъ и политическихъ произведеній маркиза. Оно было и первымъ напечатаннымъ

его сочиненіемъ. Собственно говоря, оно тоже посвящено учрежденію старому и дряхлѣвшему въ своемъ устарѣломъ видѣ, но въ то же время очень живучему и пережившему всевозможныя правительства во Франціи. Очень ослабленныя абсолютизмомъ, провинціальныя собранія еще держались и могли впослѣдствіи стать одною изъ лучшихъ гарантій для народа, желающаго участвовать въ управленіи своими дѣлами. Выступая въ 1750 году защитникомъ того, что мы называемъ теперь мѣстнымъ самоуправленіемъ, представителемъ котораго въ то время были во Франціи только провинціальныя собранія, отецъ знаменитаго Мирабо опережалъ на четверть вѣка планы Тюрго и попытки Неккера, и почти на сорокъ лѣтъ то движеніе умовъ, которое заставило королевскую власть издать въ 1787 году эдиктъ, учреждавшій повсемѣстно, но слишкомъ уже поздно, мѣстное самоуправленіе, преобразившееся потомъ въ нынѣшніе генеральные совѣты Франціи.

Въ то время, когда вышло сочиненіе маркиза Мирабо о пользѣ провинціальныхъ собраній, три четверти французскихъ провинцій совсѣмъ не имѣли такихъ учрежденій, хотя и носили на тогдашнемъ административномъ языкѣ названіе «pays d'élection». То, что нѣкогда дѣлали въ нихъ выборные, теперь перешло въ руки чиновниковъ, и отъ прежнихъ учрежденій давно уже осталось одно только имя. «Pays d'états» назывались, напротивъ, тѣ немногочисленныя провинціи, гдѣ еще сохранились періодическія мѣстныя собранія, которыя утверждали и распредѣляли налоги и раздѣляли съ интендантомъ мѣстную административную власть. Въ такомъ положеніи находились, между прочимъ, Лангедокъ, Бретань, Бургундія и Провансъ. Когда маркизъ Мирабо выступилъ на защиту этой системы управленія, она подверглась сильнымъ нападкамъ со стороны приверженцевъ монархической и административной централизаціи. Мирабо доказывалъ, что способъ управленія посредствомъ провинціальныхъ собраній гораздо менѣе притѣснителенъ

для народа, чѣмъ порядокъ управленія въ такъ-называемыхъ «pays d'élection», гдѣ все зависитъ отъ произвола интенданта и его чиновниковъ. Налоги распредѣляются тамъ равномѣрнѣе, жалобы на неправильность обложенія выслушиваются внимательнѣе, самый процессъ взиманія болѣе мягокъ и правиленъ. Съ цифрами въ рукахъ, авторъ обличалъ лживость распространеннаго мнѣнія, будто провинціи, въ которыхъ сохранились мѣстныя собранія, меньше платятъ королю, т. е. въ казну, чѣмъ другія; ссылаясь на чисто гражданскій характеръ системы мѣстнаго самоуправленія и на постоянный контроль со стороны интенданта, онъ отвергалъ и ходячее мнѣніе, будто эти провинціи склонны къ неповиновенію королевской власти. Авторъ совѣтовалъ возстановить провинціальныя собранія вездѣ, гдѣ онѣ уже не существуютъ, излагалъ различныя формы провинціальныхъ собраній въ четырехъ главнѣйшихъ провинціяхъ этого рода, названныхъ нами выше, и отдавалъ предпочтеніе той изъ нихъ, которая дѣйствительно всѣхъ больше удовлетворяла современнымъ требованіямъ — лангедокской. Мѣстное провинціальное собраніе, или чины (les états, сословія), какъ почему-то называютъ эти учрежденія у насъ, засѣдало ежегодно, созываемое королевскимъ повелѣніемъ, не долѣе сорока дней, подъ предсѣдательствомъ нарбонскаго архіепископа. Три государственныя сословія имѣли въ немъ своихъ представителей: духовенство въ лицѣ трехъ архіепископовъ и двадцати епископовъ, дворянство въ лицѣ одного графа, одного виконта и двадцати одного барона, и среднее сословіе, представителями котораго были мэры, консулы и депутаты епархіальныхъ городовъ и одного изъ главныхъ городовъ каждаго уѣзда. Замѣчательно, что два вопроса, такъ сильно волновавшихъ Францію въ 1789 году,— вопросъ о двойномъ представительствѣ средняго сословія и рѣшеніи дѣлъ по числу голосовъ, а не по сословіямъ, издавна были рѣшены въ Лангедокѣ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ рѣшила ихъ революція. Въ лангедокскомъ провинціаль-

номъ собраніи число депутатовъ средняго сословія равнялось соединенному числу депутатовъ другихъ сословій, всѣ они совѣщались въ одной общей залѣ, и рѣшенія постановлялись большинствомъ голосовъ. Замѣчательно также, что маркизъ, еще не измѣнившій тогда окончательно своимъ прежнимъ феодальнымъ убѣжденіямъ, прямо высказывается за лангедокскую систему. Онъ одобряетъ не только двойное число депутатовъ отъ средняго сословія, считая его «правомѣрнымъ, потому что среднее сословіе несетъ главную тяжесть налоговъ», но и рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ, что, по его мнѣнію, гораздо лучше совѣщанія по сословіямъ, сохранившагося въ Бретани и Бургундіи, такъ какъ послѣдній способъ совѣщанія упраздняетъ для депутатовъ средняго сословія законныя послѣдствія ихъ права на двойное представительство. А между тѣмъ, именно по этому вопросу впослѣдствіи поставилъ на карту свою корону несчастный Людовикъ XVI, 13-го іюня 1789 года, хотя въ немъ была непосредственно заинтересована только аристократія, да и то не вся: значительное меньшинство ея, вмѣстѣ съ большинствомъ духовенства, отказалось тогда отъ своего притязанія. Именно въ этомъ вопросѣ наслѣдникъ трехъ королей, наиболѣе ограничившихъ права аристократіи во Франціи, напрасно принесъ себя въ жертву для нея, когда она, благодаря его предшественникамъ, да и самой себѣ, обратилась въ корпорацію безполезныхъ и потому ненавистныхъ народу привилегированныхъ тунеядцевъ.

Совѣтуя ввести лангедокскій порядокъ по всей Франціи, маркизъ Мирабо предсказывалъ, что народъ будетъ рукоплескать такой мѣрѣ, когда всѣ увидятъ, что дѣло идетъ серьезно о введеніи мѣстнаго самоуправленія и равномѣрномъ распредѣленіи повинностей, и заключалъ слѣдующей страницей о положеніи французскаго крестьянства:

«Ни король и ни тѣ, которые его окружаютъ, не могутъ хорошо знать нищету сельскаго населенія. Про одну очень

просвѣщенную королеву разсказываютъ, что когда ей сообщили, что бѣдные люди умираютъ съ голоду, она замѣтила: «Можно жить и хлѣбомъ, и сыромъ». Мнѣ никогда не случалось слышать, чтобы крестьянинъ сказалъ что-нибудь столь же наивное о горожанинѣ. Королева, безъ сомнѣнія, воображала, что жить хлѣбомъ да сыромъ значитъ дойти до послѣдней степени нищеты, и короли, я увѣренъ, и теперь еще не знаютъ, что крестьяне сочли бы себя въ высшей степени счастливыми, еслибъ всѣ они имѣли зимою и лѣтомъ столько черстваго хлѣба, сколько имъ нужно для себя и для своихъ дѣтей. А это знаютъ депутаты, члены провинціальныхъ собраній, съѣзжающіеся изъ всѣхъ угловъ провинціи... Напротивъ, все нѣмо въ такъ-называемыхъ «pays d'élection»... Люди живутъ тамъ, какъ стадо безъ пастуховъ, расхищаемое волкомъ. Король, этотъ общій пастырь, слишкомъ далеко, а заѣзжая стража, которой поручено охранять народъ, и есть именно тотъ волкъ, который его расхищаетъ».

Таково содержаніе перваго напечатаннаго сочиненія маркиза Мирабò, которое обратило общее вниманіе на вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи. Первое изданіе этого труда, вышедшее безъ имени автора, приписывали сначала Монтескьё. Вліятельный въ то время аббатъ Берни показывалъ автору письмо библіотекаря императрицы Маріи-Терезіи, который именемъ императрицы просилъ его сообщить имя автора. Дофинъ также поручилъ кавалеру Дю-Мюи узнать это имя. Но Мирабò непремѣнно хотѣлъ остаться неизвѣстнымъ, пока не передѣлаетъ и не дополнитъ своего сочиненія. Неизвѣстно, въ которомъ году вышло это дополненное второе изданіе «Пользы провинціальныхъ собраній»; вскорѣ блестящій успѣхъ «Друга людей» побудилъ автора соединить въ одномъ изданіи оба сочиненія, и прибавить къ первому вступленіе и новый отпоръ противникамъ системы мѣстныхъ представительныхъ собраній. Изданіе это вышло въ 1758 году. Но прибавленія автора къ его первоначаль-

ному труду о пользѣ провинціальныхъ собраній не были удачны. Онъ очевидно имѣлъ въ виду, прежде всего, интересы аристократіи и, оставался еще подъ вліяніемъ феодальныхъ предразсудковъ, стараясь оправдать преимущества, которыми пользовались привилегированныя сословія по части налоговъ. Эта крупная ошибка, отъ которой авторъ не замедлилъ отречься, когда сдѣлался послѣдователемъ Кенэ, не упраздняетъ однако его существенной заслуги: въ XVIII вѣкѣ онъ первый возсталъ противъ крайностей административной централизаціи, и этотъ протестъ не переставалъ раздаваться въ обществѣ до самой революціи, не перестаетъ раздаваться и нынѣ.

«Я былъ столько же экономистомъ, сколько и мой котъ, когда сила темперамента, какъ выразился высокочтимый Кенэ, заставила меня написать «Друга людей», говорилъ маркизъ Мирабо̀, въ 1778 году, въ письмѣ къ своему пріятелю, итальянскому экономисту Лонго. Этими строками опровергается общепринятое у историковъ политической экономіи мнѣніе, будто «Другъ людей» написанъ подъ вліяніемъ Кенэ. Мнѣніе это легко объясняется тѣмъ, что послѣ большаго успѣха первыхъ изданій этого сочиненія, авторъ, ставъ послѣдователемъ неизвѣстнаго ему прежде главы физіократовъ, прибавилъ къ третьему изданію «Друга людей», вышедшему въ 1769 году, нѣсколько статей, и въ томъ числѣ толкованіе знаменитой «экономической таблицы» Кенэ. Но первое изданіе вышло въ свѣтъ за четыре года передъ тѣмъ, гораздо раньше чѣмъ авторъ познакомился съ Кенэ и его системой, подъ заглавіемъ «Другъ людей, или трактатъ о народонаселеніи», съ прибавленіемъ внизу: «Авиньонъ, 1756 годъ». Дѣйствительно-ли оно было напечатано въ Авиньонѣ, или этотъ городъ показанъ съ умысломъ, какъ это часто дѣлалось тогда въ книгахъ, которыя не хотѣли представлять въ цензуру,— мы не знаемъ, такъ какъ второе и третье изданія вышли совсѣмъ безъ обозначенія города и типографіи, съ прибавленіемъ лишь словъ: новое

изданіе, то сочиненіе маркиза Мирабô являлось передъ публикой со всѣми признаками изданія запрещеннаго. Гриммъ, въ своей «Литературной перепискѣ», прямо говоритъ, что оно было запрещено; но въ перепискѣ Мирабô не сохранилось никакихъ слѣдовъ запрещенія. Во всякомъ случаѣ, оно читалось на-расхватъ и произвело несомнѣнно сильное впечатлѣніе въ обществѣ. «Смѣлость этого сочиненія доставила ему большой успѣхъ», говоритъ Гриммъ. «Власть имѣла неловкость запретить его, что еще прибавило ему славы. Чтобъ оцѣнить этотъ трактатъ вообще и въ двухъ словахъ, довольно сказать, что авторъ написалъ бы крупное и прекрасное произведеніе, еслибъ обладалъ благородствомъ и возвышенностью языка... Языкъ г. Мирабô не лишенъ огня и стремительности, но онъ простоватъ, низменъ, тривіаленъ и постоянно грѣшитъ противъ благородства, такъ хорошо знакомаго древнимъ и связывающаго читателя съ авторомъ узами дружбы и участія. Вотъ почему я думаю, что слава «Друга людей» будетъ только кратковременна; тѣ же причины, которыя обезпечиваютъ безсмертіе Тациту и Монтескьё, неминуемо должны разрушить славу г. Мирабô. Другой недостатокъ автора, находящійся въ связи съ моими упреками его стилю, заключается въ его излишней болтливости; болтливость — самое вѣрное средство портить лучшія вещи, и г. Мирабô портитъ ихъ на каждомъ шагу... Хотя общія начала его прекрасны, очень вѣрны и могутъ быть названы единственными, какихъ можетъ придерживаться благоразумное правительство, онъ часто пользуется ими для защиты парадоксовъ... Затѣмъ, нельзя не сказать, что въ этомъ трактатѣ встрѣчаются вещи очень хорошія, что онъ дѣлаетъ много чести сердцу и уму автора. То, что онъ видитъ во всю величину, почти всегда прекрасно; но онъ потомъ портитъ это прекрасное мелочными и иногда фальшивыми подробностями»... «Въ книгѣ г. Мирабô есть какой-то жаръ, какая-то чувстви-

тельность и елейность, что-то мистическое, всегда сильно привлекающее толпу».

Эта оцѣнка «Друга людей» въ сущности вѣрна, но съ одной оговоркой: языкъ Мирабо скорѣе можно назвать неправильнымъ и фамильярнымъ, чѣмъ тривіальнымъ и низменнымъ. Пересыпанное насмѣшливыми выходками и сантиментальными изліяніями, именно такое изложеніе много способствовало въ первое время необыкновенной популярности автора. Оно дѣлало книгу доступною многочисленному слою людей не-литературныхъ, получившихъ скудное научное образованіе. Въ одномъ письмѣ своемъ къ Лонго, маркизъ Мирабо сообщаетъ, что «Другъ людей» доставилъ книгопродавцамъ, по собственному ихъ признанію, 86,000 ливровъ дохода. «Другъ людей» былъ популярною книгой, въ полномъ смыслѣ этого слова, хотя и говорилъ о народонаселеніи, земледѣліи и администраціи. Уже въ старости, въ 1786 году, авторъ писалъ Лонго о томъ же большомъ успѣхѣ своей авторской жизни: «Въ «Другѣ людей» есть много наивныхъ частностей, которыя удались — никто не знаетъ почему; а я хорошо это знаю: простота и естественность всегда имѣютъ свою цѣну, всегда очень рѣдки. Меня называли старшимъ сыномъ Монтэня. Публика не любитъ авторскаго «я», потому что оно всегда говоритъ о себѣ свысока, а нужно, чтобъ оно было просто и чувствительно».

Успѣху «Друга людей», конечно, способствовалъ и духъ того времени, когда онъ появился въ печати. Два главныхъ направленія, стремившихся къ пересозданію существующаго порядка, которымъ всѣ поголовно были недовольны,— направленія либеральное и то, которое хотѣло водворить полное равенство между людьми, уже жили въ обществѣ и имѣли многочисленныхъ представителей въ литературѣ. Въ то время, какъ Монтескьё, Вольтеръ и ихъ послѣдователи боролись противъ административныхъ, судебныхъ и церковныхъ злоупотребленій, Руссо, Мабли, Рэналь и другіе негодовали противъ старой общественной іерархіи, доказы-

вая естественное равенство людей. Аббатъ Рэналь, такъ скоро испугавшійся потомъ революціи и проклинавшій ее въ 1791 году, съ увлеченіемъ спрашивалъ теперь: «Когда же, наконецъ, придетъ ангелъ-истребитель, который долженъ снести все, что возвышается, и уравнять все?» Такъ или иначе, всѣ были воодушевлены любовью къ человѣчеству, сознаніемъ его неотъемлемыхъ естественныхъ правъ, но никто еще не посвящалъ себя спеціально изученію средствъ къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія народовъ. Наука, которую мы называемъ теперь политической экономіей, еще не нарождалась. Въ экономическихъ вопросахъ и дѣлахъ люди еще поступали эмпирически, каждый разъ подъ вліяніемъ данныхъ обстоятельствъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ общихъ началъ, которыми можно было бы руководствоваться въ частныхъ случаяхъ. Исключительную земледѣльческую систему Сюлли смѣнила не менѣе исключительная меркантильная система Кольбѐра, давшая, правда, сильный толчокъ французской мануфактурной промышленности, но основанная на ложной идеѣ, будто народъ непремѣнно бѣднѣетъ, покупая издѣлія другихъ народовъ,—идеѣ, породившей запретительную систему, со всѣми ея искусственными и опасными послѣдствіями. Извѣстно, какъ много способствовали христіанство и церковь смягченію вопроса о пауперизмѣ своимъ вліяніемъ на богатыхъ и бѣдныхъ, устрашая первыхъ и сдерживая последнихъ надеждами на воздаяніе въ будущей жизни. Но въ XVIII вѣкѣ уже ни одинъ проповѣдникъ не рѣшился бы сказать въ своей проповѣди то, что говорилъ сто лѣтъ раньше знаменитый іезуитъ, котораго самъ Вольтеръ называлъ «краснорѣчивымъ разумомъ» — Бурдалю. Въ своей проповѣди о «богатствахъ», Бурдалю доказывалъ, опираясь на текстъ св. Іеронима: «Omnis dives aut iniquus est aut haeres iniqui», что въ корнѣ всѣхъ богатствъ лежитъ несправедливость. «Съ трудомъ отыщите вы хотя одно богатство, на глубинѣ котораго не было бы вещей, приводящихъ

въ содроганіе», говорилъ этотъ проповѣдникъ семнадцатаго вѣка. Онъ утверждалъ, «что человѣкъ, слывущій теперь за справедливаго и прямаго, за правомѣрнаго обладателя всего, завѣщаннаго ему предками, въ такой же степени отвѣтственъ передъ Богомъ за ихъ несправедливости и преступленія, въ какой, по мірскому толкованію, онъ выгодно надѣленъ ихъ доходами и сокровищами». Бурдалю едва дѣлаетъ исключеніе для богатствъ, пріобрѣтенныхъ честно и медленно, непрерывнымъ трудомъ многихъ поколѣній. Но такіе случаи, по его мнѣнію, стали очень рѣдки. Указавъ нѣкоторыя изъ средствъ къ обогащенію, наиболѣе употребительныхъ въ его время, проповѣдникъ заявлялъ, что недобросовѣстность — чтобы не сказать обманъ — неминуемо лежитъ въ основаніи всякаго быстро пріобрѣтеннаго состоянія, и, предвидя ожидающее его возраженіе, заранѣе отвѣчалъ такъ: «Но такимъ образомъ, скажете вы, придется предать проклятію многихъ честныхъ людей? А я скажу: во-первыхъ, нужно сначала узнать, кто эти честные люди, и въ какомъ смыслѣ называютъ ихъ честными людьми; во-вторыхъ, я не призванъ проклинать никого; обязанность моего званія — объяснять вамъ божественное слово. Если тѣ, которыхъ вы называете честными людьми, находятъ въ этомъ свое проклятіе, то это ихъ дѣло. Во всякомъ случаѣ, вотъ неоспоримая истина: «Qui festinat ditari, non erit innocens»,— кто торопится обогатиться, тотъ не чистъ—даже и въ мірскихъ глазахъ; какъ же могъ бы онъ оставаться чистымъ въ глазахъ божіихъ? А между тѣмъ, дорогіе слушатели, таково упорство вѣка. Чтобъ обогатиться въ короткое время, люди отказываются отъ чистоты, отрекаются отъ честности, даже совлекаютъ съ себя человѣческій образъ, пожираютъ бѣдняка, разоряютъ вдову и сироту, и, послѣ всего этого, путемъ грубаго притворства, становятся, или, лучше, дѣлаютъ себя ханжами: какъ будто обрядность и набожность, сопровождающія несправедливость, но не исправляющія неправды, покрываютъ и освящаютъ все!» Обра-

щаясь затѣмъ къ бѣднымъ, проповѣдникъ совѣтовалъ имъ почерпнуть урокъ терпѣнія въ примѣрѣ порочнаго богача. «А вы, бѣдные,— говорилъ онъ,— научитесь находить утѣшеніе въ вашей бѣдности, научитесь уважать ее, потому что она предохраняетъ васъ отъ опасностей и несчастія богатыхъ, какъ ни неотразима она, обратите ее въ бѣдность добровольную, принимая ее съ покорностью и перенося съ терпѣніемъ». Но это свойство христіанской проповѣди поддерживать, такъ-сказать, равновѣсіе между богатствомъ и бѣдностью, естественно ослабѣвало, по мѣрѣ того, какъ ослабѣвала самая вѣра, и необходимость матеріальнаго благосостоянія стала перевѣшивать соображенія, помогавшія обходиться безъ него. Въ XVIII вѣкѣ экономисты уже рѣшительно преобладаютъ во Франціи надъ проповѣдниками. Монтескьё, очень осторожный въ вопросахъ политики и администраціи, высказываетъ въ «Духѣ законовъ» нѣсколько смѣлыхъ экономическихъ мыслей, которыя и до сихъ поръ нигдѣ не осуществились на практикѣ. «Милостыня, поданная голому человѣку на улицѣ,— говоритъ онъ,— не исчерпываетъ обязанностей государства, которое обязано доставлять всѣмъ гражданамъ обезпеченное существованіе: пищу, приличную одежду и образъ жизни, не вредный для здоровья». Вслѣдъ за появленіемъ «Духа законовъ» въ печати, Парижъ былъ наводненъ сочиненіями о земледѣліи, торговлѣ, мануфактурахъ, администраціи, налогахъ. Среди этихъ, болѣе или менѣе, техническихъ сочиненій, мало привлекательныхъ для большинства публики, «Другъ человѣка» обращалъ на себя особенное вниманіе и своимъ заглавіемъ, и своимъ изложеніемъ, представляя странную, но довольно оригинальную смѣсь серьезныхъ замѣтокъ, болѣе или менѣе остроумныхъ парадоксовъ, новыхъ взглядовъ, сантиментальныхъ выходокъ, злыхъ насмѣшекъ и непривычныхъ фамильярностей. Все это не могло не произвести впечатлѣнія въ такое время, когда даже самые легкомысленные люди стали интересоваться общественными

вопросами, когда въ сущности очень серьезныя, но изящныя и проникнутыя тонкой ироніей бесѣды аббата Галіани о хлѣбной торговлѣ украшали столы въ гостиныхъ женщинъ полу-свѣта.

Авторъ «Друга людей» еще не имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣльной доктрины, окончательно сложившагося ученія. Содержаніе его сочиненія довольно безпорядочно и безсвязно; онъ самъ нашелъ нужнымъ придать ему заключительное слово, въ которомъ изложилъ сущность своихъ мнѣній и на основаніи котораго мы познакомимъ съ ними нашихъ читателей.

Маркизъ Мирабо̂ отправляется отъ того положенія, что источникомъ богатства служитъ народонаселеніе. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ Кенэ, онъ отказался отъ этого положенія, признаваясь, что «онъ поставилъ плугъ впереди быковъ», и что, напротивъ, богатство пріумножаетъ населеніе; но вслѣдъ за этимъ тезисомъ, онъ выставляетъ другой, на этотъ разъ совершенно основательный, что населеніе растетъ по мѣрѣ возрастанія средствъ къ пропитанію. А средства къ пропитанію почерпаются, по его мнѣнію, единственно изъ земледѣлія, которое можетъ, будто бы, обходиться безъ всякихъ другихъ отраслей промышленности, тогда какъ ни одна изъ нихъ не можетъ обойтись безъ него; поэтому земледѣліе — важнѣйшій источникъ общества, заслуживающій наибольшей заботливости и наибольшаго покровительства со стороны законодателя. Признавая Францію, по естественнымъ ея условіямъ, способною стать богатѣйшей земледѣльческой страной въ Европѣ, авторъ утверждаетъ, что настоящее состояніе ея самое жалкое, что населеніе ея постоянно уменьшается, что французское земледѣліе пребываетъ въ дѣтствѣ, и обсуждаетъ причины, задерживающія его ростъ. Онъ видитъ ихъ въ безпрерывно возрастающемъ развитіи фиктивнаго, мнимаго богатства, представляемаго металлами, въ чрезвычайномъ неравенствѣ состояній; «большія состоянія въ государствѣ, — говоритъ онъ, — то же, что

щука въ прудѣ. Крупные землевладѣльцы живутъ въ Парижѣ, не занимаясь обработкой своихъ земель, которыя истощаются хищными и небрежными руками управляющихъ. Избирая какое-нибудь помѣстье своимъ мѣстопребываніемъ, они расходуются тамъ единственно на предметы роскоши и комфорта, въ ущербъ производительнымъ расходамъ. Возрастающія нужды государственной казны, сопровождаемыя возвышеніемъ дурно распредѣляемыхъ налоговъ, существующія преграды къ легкому сбыту произведеній земледѣльца, недостатокъ сухопутныхъ и водныхъ путей сообщенія — все это ослабляетъ и парализуетъ земледѣліе. Необходимо, чтобы правительство, любя знатныхъ, поддерживая среднихъ, уважало и малыхъ...» «Пока вы не будете уважать низшіе слои человѣчества,—говорилъ онъ,— до тѣхъ поръ невозможно сохранять между ними степень благосостоянія, необходимаго для соревнованія и прогресса. Жалуются, что никто не хочетъ оставаться въ своемъ положеніи, что неумѣстное и всегда безмѣрное честолюбіе истощаетъ низшіе классы и обременяетъ высшіе. Но это происходитъ отъ того, что никому не желательно жить въ униженіи; униженіе переносятъ только по необходимости, а то, что дѣлается подъ вліяніемъ принудительной силы, всегда дѣлается дурно. Уважайте же малыхъ».

Обращаясь къ вліянію нравовъ и обычаевъ на процвѣтаніе земледѣлія, авторъ обозрѣваетъ существующіе общественные слои, возстаетъ противъ страсти къ деньгамъ, охватившей всѣ классы, оспориваетъ доводы въ пользу роскоши, которую считаетъ бичомъ полезнаго и прочнаго труда и даже бичомъ всего прекраснаго, которое она замѣняетъ въ искусствѣ изысканностью и погремушками. Авторъ «Друга людей» еще остается въ этомъ сочиненіи рѣшительнымъ сторонникомъ твердыхъ общественныхъ классификацій; онъ еще указываетъ духовенству, дворянству, судебному персоналу и буржуазіи тѣ доблести, которыя, по его мнѣнію, особенно необходимы каждому изъ этихъ

классовъ; онъ возстаетъ противъ щедрой раздачи дворянскаго званія и неравныхъ браковъ, и въ комическихъ сценахъ издѣвается надъ происходящими отъ нихъ послѣдствіями. Онъ желаетъ терпимости въ дѣлахъ вѣры, но не хочетъ, чтобъ она доходила до равнодушія государства въ религіозныхъ вопросахъ, которые онъ считаетъ основаніемъ морали и всемогущимъ двигателемъ человѣчества. Авторъ высказывается также противъ крайностей философскаго направленія и, совѣтую правительству сдерживать свое наблюденіе за нимъ въ предѣлахъ благоразумія, находитъ необходимымъ надзоръ за книжною торговлей (надзоръ этотъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, вскорѣ приводитъ и его самого въ тюрьму).

Говоря о финансахъ и торговлѣ, авторъ сильно осуждаетъ публичные займы и помѣщеніе капиталовъ въ государственную ренту, и прямо называетъ «рантье — празднымъ человѣкомъ и жуиромъ, виновникомъ большинства общественныхъ невзгодъ». По его мнѣнію, пониженіе средней цифры роста всегда будетъ зависѣть отъ усиленія производства и государственнаго благосостоянія; онъ совѣтуетъ правительству постоянно стремиться къ сокращенію и погашенію ренты. Внутренняя и внѣшняя торговля должны быть совершенно свободны. Современные намъ сторонники свободной торговли не имѣютъ болѣе горячаго союзника, чѣмъ авторъ «Друга людей». Ему одинаково ненавистны пушечная и тарифная война. «Проектъ братства между торговыми народами» — говоритъ онъ — «не только не представляетъ ничего фантастическаго, но и оказывается единственнымъ средствомъ обуздать алчность и обезпечить человѣчеству плоды его труда и знаній». Авторъ рисуетъ затѣмъ любопытную картину французской колоніальной системы и бѣдствій, порожденныхъ рабствомъ цвѣтнокожихъ и, возвращаясь къ своей идеѣ братства, объявляетъ, что «отнынѣ Европа не будетъ спокойна, если не напра-

витъ своихъ усилій къ водворенію братства въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ».

Маркизъ Мирабо̀ сводитъ свои мнѣнія о задачахъ внутренней политики Франціи къ слѣдующимъ пяти пунктамъ: 1) любите и уважайте земледѣліе; 2) удаляйте отъ центра къ конечностямъ все, что вы притягиваете теперь отъ конечностей къ центру; 3) презирайте роскошь и неумѣренные расходы; 4) уважайте добродѣтель и таланты, но не платите имъ; 5) понижайте цифру роста, погашайте ренту. Онъ заключаетъ свое сочиненіе двумя воззваніями, обращенными къ друзьямъ человѣчества и къ Людовику XV, которому предлагаетъ стать типомъ настоящаго короля, короля-пастыря, и учредить министерство земледѣлія, раздѣленное на четыре департамента, соотвѣтственно старому дѣленію природы на четыре стихіи: на департаменты земли, воды, воздуха и огня.

Чтобы познакомить читателя съ способомъ изложенія автора, мы приведемъ изъ «Друга людей» слѣдующій небольшой отрывокъ, отчасти объясняющій, почему и довольно пространный трактатъ о народонаселеніи имѣлъ огромный успѣхъ въ такое время, когда умы, пресыщенные чисто дворской и дворянской культурой, съ жаромъ обращались къ природѣ и естественному, даже дикому состоянію человѣка, какъ болѣе завидному, чистому и привлекательному:

«Государство есть дерево», говоритъ маркизъ Мирабо̀: «корни его — земледѣліе, стволъ — населеніе, вѣтви — промышленность, листья — торговля и искусство. Изъ корней почерпаетъ дерево свои питательные соки; корни пускаютъ изъ себя множество развѣтвленій, вбирающихъ вещества земли; эти вещества превращаются въ соки, стволъ напитывается ими и даетъ множество вѣтвей, которыхъ здоровье зависитъ отъ силы ствола и которыя, казалось бы, могутъ обходиться безъ корней, столь отдаленныхъ и сокрытыхъ, что они остаются почти неизвѣстными. Питательный сокъ заключаетъ свое дѣйствіе созданіемъ листьевъ,

самой блестящей и самой пріятной части дерева. Эта часть наименѣе прочна и наиболѣе открыта ударамъ бури; достаточно сильнаго зноя, чтобы заглушить и разрушить ее. Если корни сохраняютъ свою крѣпость, сокъ быстро исправляетъ поврежденіе; новые листья выступаютъ со всѣхъ сторонъ и замѣняютъ собою высохшіе отъ зноя; но если какое-нибудь непріязненное насѣкомое подточитъ корни въ нѣдрахъ земли, то напрасно будете вы ожидать, что солнце и роса оживятъ высохшій стволъ; надо спѣшить на помощь корнямъ, дать имъ просторъ и возможность оправиться: иначе погибнетъ самое дерево».

Юмористическая часть «Друга людей» не утратила своей цѣны и въ наше время. Картинка, изображающая приключенія судьи, женившагося на дочери придворнаго, или жизнь денежнаго туза, породнившагося съ судьей, исторія молодаго человѣка, который, едва выйдя изъ школы, покупаетъ должность passe-partout и, ставъ префектомъ, учится административному искусству по разнымъ провинціямъ въ ущербъ населенію, а потомъ, когда начинаетъ чему-нибудь научаться, благодаря своимъ промахамъ и ошибкамъ, возвращается въ государственный совѣтъ; эпизодъ стараго сельскаго дворянина, который творитъ судъ за обѣдомъ, прерывая пререканія тяжущихся словами: «Еще вина господину!» — затѣмъ сравненіе пьянства крестьянъ съ пьянствомъ парижскихъ рабочихъ, разсказъ о томъ, какъ французы колонизировали Канаду, вбивая въ землю сваи, которыя они называютъ укрѣпленіями, и чертя на нихъ углемъ слова: «Именемъ короля»,— всѣ эти эпизоды, разсыпанные въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, много способствовали его успѣху, несмотря на всѣ его слабыя стороны, на спутанность мыслей и неровность изложенія.

Современниковъ «Друга людей» привлекали къ этому сочиненію и встрѣчаемые въ немъ многочисленные контрасты, отвѣчавшіе настроенію тогдашняго большинства, которое уже было недовольно королевскою властью, но еще не

разрывало съ нею связи окончательно. Въ своемъ сочиненіи авторъ является передъ читателями то горячимъ роялистомъ, то человѣкомъ, который не намѣренъ щадить и самого короля. Въ одномъ мѣстѣ онъ обращается къ королю съ такими словами: «Неужели вашему величеству никогда не приходило на мысль, что повелительный и презрительный видъ, который придаютъ вашимъ статуямъ, есть видъ или ребяческій, или очень прискорбный?» Требуя перенесенія подушнаго (поголовнаго) налога съ людей на лошадей, онъ заявляетъ желаніе, чтобы послѣ этой мѣры была отлита медаль въ честь короля съ слѣдующею надписью: «Людовикъ нашелъ въ своемъ королевствѣ подушный налогъ на людяхъ; онъ освободилъ своихъ братьевъ и обложилъ головы лошадей». Достаточно религіозный для того, чтобы защищать монаховъ въ такое время, когда на нихъ сильно нападали, авторъ относится очень строго или иронически къ современнымъ ему высшимъ духовнымъ лицамъ. За шесть лѣтъ до появленія въ печати «Эмиля» Руссо, онъ проповѣдуетъ матерямъ, что онѣ должны кормить сами своихъ дѣтей. «Еслибъ это отъ меня зависѣло,— говоритъ онъ, — я умножилъ бы матримоніальныя права всякой матери, которая кормила своихъ дѣтей сама». Большой ригористъ въ вопросахъ морали, онъ такъ дорожитъ умноженіемъ населенія, что не только требуетъ, чтобы всякая дѣвушка, сдѣлавшаяся матерью, имѣла подъ рукою многочисленныя заведенія, обязанныя принять и воспитать ея ребенка, но и желаетъ, чтобъ «она получала при выходѣ изъ такого заведенія, если она нуждается, денежную награду за даръ, принесенный ею государству». Проповѣдуя братство, онъ ограничиваетъ его, однако, «правомъ старшаго въ родѣ для дворянъ», что въ свою очередь не мѣшаетъ ему «съ глубокимъ уваженіемъ давать дорогу водоносу, потому что бѣднякъ несетъ тяжесть, и имѣть сношенія съ нищимъ, котораго вонючій запахъ и рубище упрекаютъ насъ за непризнанное братство». Прибавьте къ этому

строгія внушенія обществу, въ которомъ, по словамъ автора, каждый говоритъ: «Послѣ меня пусть будетъ хоть потопъ!» и къ которому онъ обращается такъ: «Очень слѣпы тѣ, кто не видитъ предстоящей опасности, потому что она близка».

Въ виду всего этого понятно, почему безъименный авторъ «Друга людей» вскорѣ сдѣлался извѣстенъ всѣмъ, прославился во Франціи и Европѣ, почему названіе его сочиненія стало его собственнымъ именемъ, почему, наконецъ, парижскіе торговцы прибавляли это имя къ своимъ вывѣскамъ, и первый французскій переводъ англійской поэмы Томпсона: «Времена года», напечатанный въ 1760 году, появился съ восторженнымъ посвященіемъ другу людей.

VI.

Знакомство съ Кенэ. — Маркизъ Мирабо — физіократъ. — Его «Теорія налога». — Арестъ и ссылка. — Его прозелитизмъ и физіократическіе вторники. — «Эфемериды». — Экономическія мельницы и хлѣбопекарни.

Среди этихъ-то первыхъ удовольствій литературной славы произошло событіе, которое маркизъ Мирабо называетъ важнѣйшимъ событіемъ своей умственной жизни. Старый докторъ Кенэ, врачъ г-жи Помпадуръ, оберегавшій съ крайнимъ вниманіемъ и усердіемъ здоровье своей красивой, но мало почтенной паціентки, въ то же время издавна обдумывалъ новую систему общественнаго устройства. Въ 1756 году онъ высказалъ въ «Энциклопедіи», подъ словомъ «Фермеры», нѣсколько новыхъ мыслей о земледѣліи, которыя черезъ годъ были имъ подробнѣе развиты тамъ же, подъ словомъ «Хлѣбныя зерна» (Grains). Эти двѣ статьи, появившіяся въ печати одновременно съ «Другомъ людей», и которыми, очевидно, не могъ пользоваться авторъ послѣдняго сочиненія, были замѣчены, но еще не доставили Кенэ ни послѣдователей, ни школы. Читая «Друга людей», онъ былъ пораженъ сходствомъ мыслей автора съ своими, хотя

и расходился съ нимъ во многомъ, и написалъ на своемъ экземплярѣ слѣдующія характерныя строки, сразу обличающія врача и человѣка системы: «Дитя питалось плохимъ молокомъ; сила темперамента возвращаетъ ему силы, но авторъ ничего не понимаетъ въ общихъ началахъ». Кенэ пожелалъ видѣться съ прославленнымъ писателемъ, чтобъ обратить его въ свой толкъ. «Онъ просилъ меня» — писалъ маркизъ Мирабо своему пріятелю Лонго — «увѣдомить его, когда я пріѣду въ Версаль, такъ какъ ему нельзя отойти отъ г-жи Помпадуръ ни днемъ, ни ночью; потомъ, когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, г-жа Помпадуръ, въ бытность свою въ Парижѣ, подвозила его къ моей двери часа на два, и только». Первое свиданіе между Кенэ и маркизомъ, происходившее въ версальской квартирѣ перваго, надъ комнатами г-жи Помпадуръ, было очень бурно. Кенэ объявилъ своему гостю, что, принявъ населеніе за источникъ богатства, «Другъ людей» запрегъ быковъ позади плуга, и что писатели, которымъ слѣдовалъ авторъ, особенно Кантильонъ, писавшій о торговлѣ, сущіе глупцы. Маркизъ подумалъ сначала, что его собесѣдникъ помѣшался; но пораженный его возраженіями посѣтилъ его еще вечеромъ и возобновилъ утренній споръ. «Тогда-то, говоритъ онъ, разрубили черепъ Голіаѳу» (читатель догадывается, кто былъ въ настоящемъ случаѣ Голіаѳомъ и кто Давидомъ). Послѣ этой второй бесѣды, Кенэ пріобрѣлъ перваго и самаго фанатическаго изъ своихъ учениковъ. Этотъ гордый и насмѣшливый аристократъ отнынѣ боготворилъ своего учителя до самой его смерти и посвятилъ всѣ свои силы распространенію его ученія и основанію его школы. Когда школа была основана, когда она уже имѣла свои сходки, происходившія обыкновенно у маркиза, свои газеты и свой журналъ, день обращенія друга людей въ физіократа сталъ великимъ днемъ въ лѣтописяхъ «науки», какъ называли свое ученіе физіократы, и молодой Дюпонъ (Немурскій), редакторъ «Эфемеридъ гражданина», въ торжественныхъ выраженіяхъ

передалъ потомству свѣдѣніе объ этомъ первомъ свиданіи между другомъ людей и великимъ Кенэ.

Однимъ изъ оригинальнѣйшихъ явленій XVIII вѣка было именно возникновеніе новой науки, имѣвшей свою долю вліянія на крушеніе стараго порядка, въ помѣщеніи любовницы Людовика XV. Въ этомъ помѣщеніи размышлялъ ея талантливый врачъ о причинахъ богатства и бѣдности народовъ и объ условіяхъ, способствующихъ благосостоянію и счастію человѣчества. Интересныя записки Дю-Госсѐ, горничной г-жи Помпадуръ, сохранили намъ вѣрный образъ Кенэ, который безъ нея былъ бы затемненъ для насъ грудой тяжелыхъ сочиненій, оставленныхъ его учениками. Проживъ много лѣтъ подъ одною кровлей съ знаменитымъ докторомъ, г-жа Дю-Госсѐ рисуетъ намъ этого человѣка тѣмъ съ бо́льшею искренностью, что не можетъ дать себѣ отчета въ его умственной работѣ. «Я слышала,— пишетъ она, — что г. Кенэ очень ученъ въ нѣкоторыхъ предметахъ, относящихся къ финансамъ, что онъ большой экономистъ; но я не знаю хорошенько, что это такое». Она поэтому описываетъ человѣка, а не главу школы, описываетъ его съ натуры, малорослаго, съ фигурой обезьяны, въ которой ученики его находили сходство съ Сократомъ, грубоватаго, но любезнаго, веселаго, насмѣшливаго, щедраго на остроумныя выходки и забавныя бесѣды. Подъ этою оболочкой общительнаго человѣка и веселаго собесѣдника, пользующагося довѣріемъ всемогущей любовницы короля, къ которой онъ и самъ, повидимому, былъ искренно привязанъ, скрывался до щепетильности честный характеръ, отъ природы нетерпящій интригъ и фальши, которыхъ полна придворная среда. Кенэ приходилъ въ ужасъ при видѣ управляющаго почтовою частью, когда тотъ приносилъ королю извлеченіе изъ писемъ, отправленныхъ частными лицами по почтѣ. Съ пѣной у рта говорилъ онъ: «Мнѣ было бы такъ же непріятно пообѣдать съ этимъ человѣкомъ, какъ и съ палачомъ». Онъ отвѣчаетъ тѣмъ, кто

много говоритъ о могуществѣ штыковъ: «А кто же, въ концѣ-концовъ, управляетъ штыками, какъ не общее мнѣніе?» Однажды, когда г-жа Помпадуръ дивилась его смущенію передъ королемъ, онъ отвѣчалъ ей: «Когда я въ одной комнатѣ съ королемъ, внутренній голосъ говоритъ мнѣ: вотъ человѣкъ, который можетъ отрубить тебѣ голову, и эта мысль меня смущаетъ».—Но справедливость и доброта короля должны бы успокоивать васъ,—замѣтила Помпадуръ. — «Да, онѣ могутъ успокоительно дѣйствовать на разсудокъ; но чувство не размышляетъ», возразилъ Кенэ. Г-жа Дю-Госсè передаетъ также очень любопытный разговоръ, происходившій у Кенэ, между нимъ и первыми его учениками. «Франція въ отчаянномъ состояніи», сказалъ маркизъ Мирабò: «въ ней нѣтъ ни энергическихъ чувствъ, ни денегъ, которыя могли бы замѣнить ихъ». — «Она можетъ быть обновлена только завоеваніемъ, какъ Китай, или какимъ-нибудь крупнымъ внутреннимъ потрясеніемъ», замѣтилъ другой физіократъ, Мерсье де-ла-Ривьеръ: «но горе тѣмъ, которые попадутъ въ эту передрягу: французскій народъ церемониться не будетъ». Эти слова напугали меня, прибавляетъ г-жа Дю-Госсè: я поспѣшила выдти, и тотчасъ записала ихъ.

Еще неизвѣстный публикѣ въ качествѣ великаго реформатора, Кенэ уже слылъ при версальскомъ дворѣ за эксцентрическую голову, за недовольнаго, за врага злоупотребленій, сильно озабоченнаго улучшеніемъ общественныхъ условій посредствомъ земледѣлія. Положеніе врача и довѣреннаго человѣка при г-жѣ Помпадуръ считалось очень вліятельнымъ, и многіе заискивали въ докторѣ, а онъ любилъ поучать всѣхъ своей теоріи. Чтобы пріобрѣсти его покровительство, иные соглашались съ нимъ притворно. Въ своихъ запискахъ Мармонтель кается въ этомъ грѣхѣ. «Кенэ хотѣлъ составить школу», говоритъ онъ: «онъ давалъ себѣ трудъ толковать мнѣ свое новое ученіе, чтобы сдѣлать меня своимъ ученикомъ и послѣдователемъ. Я же

имѣлъ въ виду сдѣлать его посредникомъ между мною и г-жою Помпадуръ, я усиливался понять его истины, которыя онъ выдавалъ за очевидныя, но находилъ въ нихъ только туманъ. Я однакоже всегда оставлялъ ему надежду на то, что онъ просвѣтитъ меня рано или поздно, и внушитъ мнѣ свои мнѣнія». А между тѣмъ, онъ воспользовался вліяніемъ Кенэ, чтобы получить хорошее мѣсто черезъ г-жу Помпадуръ.

Маркизъ Мирабо̀ не принадлежалъ къ этой категоріи лично заинтересованныхъ слушателей вліятельнаго доктора. Онъ предался ученію Кенэ, не только съ полною искренностью, но и съ фанатизмомъ. И Кенэ и Мирабо̀ были отъ природы утописты, оба искренно вѣрили въ возможность тогда же дать обществу такое устройство, которое обезпечивало бы каждому «право на счастіе», оба, еще ранѣе своего знакомства, признали земледѣліе основой всякихъ общественныхъ преобразованій. Но систематическій умъ давалъ Кенэ большой перевѣсъ надъ плодовитымъ, но безсвязнымъ, менѣе сосредоточеннымъ умомъ его аристократическаго послѣдователя. Въ одномъ письмѣ къ Руссо, маркизъ сознается, уже послѣ успѣха «Друга людей», что «умъ его плаваетъ въ океанѣ неизвѣстности и сомнѣній». Понятно, съ какимъ увлеченіемъ долженъ былъ броситься такой человѣкъ въ объятія Кенэ, предлагавшаго ему цѣлую систему, которая выводила нравственный и общественный порядокъ изъ физическаго, доказывала полное совпаденіе справедливаго съ полезнымъ, твердо ставила естественное право человѣка на три рода собственности — личную, недвижимую и поземельную, стремилась устроить общество въ видахъ безпрерывнаго возвышенія чистаго дохода отъ земледѣлія, свободой промышленности и торговли примиряла преобладаніе землевладѣльцевъ съ выгодами другихъ классовъ и вѣнчала все это легальнымъ деспотизмомъ. Уже въ 1760 году маркизъ Мирабо̀ издалъ, въ видѣ дополненія къ «Другу людей», книгу о разныхъ вопросахъ,

относящихся къ земледѣлію, въ которой онъ впервые объявлялъ во всеуслышаніе, что былъ просвѣщенъ «геніальнымъ человѣкомъ», котораго онъ еще не называлъ по имени, но о которомъ отзывался такъ, что возбуждалъ въ сильной степени любопытство читателей. Въ этой книгѣ онъ рѣзко нападалъ на защитниковъ натуральныхъ повинностей, лежащихъ на крестьянствѣ и отъ которыхъ оно не могло откупиться даже деньгами. Съ легкой руки маркиза, въ литературѣ появилось не мало брошюръ въ томъ же родѣ, подъ ударами которыхъ дорожная натуральная повинность пала въ первый разъ, въ 1776 году, при Тюргò, отчасти принадлежавшемъ также къ физіократической школѣ. Къ ученію Кенэ примкнули, между тѣмъ, совѣтникъ парижскаго парламента Мерсье де-ла-Ривьеръ и финансистъ Гурнэ; но самымъ дѣятельнымъ работникомъ школы оставался неизмѣнно маркизъ Мирабò, писавшій своему брату въ іюлѣ 1760 года: «Несчастливъ тотъ, любезный братъ, кто съ дѣтства дышалъ воздухомъ вѣка, погруженнаго только въ личные интересы, и долженъ чувствовать себя чѣмъ-то въ родѣ нравственнаго Донъ-Кихота, будучи собственно гражданиномъ! Горестно видѣть всѣ умы улетучившимися, всѣ души разславленными, всѣ сердца холодными и себялюбивыми! Признаюсь: еслибъ не примѣръ настойчиваго и упорнаго доктора (Кенэ), котораго трудовое и апостолическое въ своемъ родѣ усердіе не слабѣетъ ни на минуту, я былъ бы способенъ бросить все; но этотъ человѣкъ, видящій лучше и ближе другихъ всѣ нравственныя невозможности, тѣмъ не менѣе работаетъ неустанно, хотя и не увидитъ великихъ плодовъ своей работы, и мнѣ было бы стыдно быть менѣе настойчивымъ, чѣмъ онъ!» Кенэ, дѣйствительно, не замедлилъ направить вниманіе маркиза на самый жгучій вопросъ того времени, на вопросъ о налогѣ. Задуманное ими предпріятіе представляло нѣкоторыя опасности; но маркизъ Мирабò не колебался, и оно было причиной самаго громкаго событія его жизни и еще бòльшаго усиленія

его популярности. Въ концѣ 1760 года, въ самомъ разгарѣ злополучной Семилѣтней войны, онъ напечаталъ свою «Теорію налога».

«Государь, подъ вашею властью двадцать милліоновъ людей и подданныхъ. У всѣхъ этихъ людей есть какія нибудь деньги; они всѣ, болѣе или менѣе, способны нести ту службу, какой вы отъ нихъ требуете, а между тѣмъ вы уже не можете получать ни услугъ безъ денегъ, ни денегъ для того, чтобъ оплачивать услуги. Это значитъ попросту, что вашъ народъ удаляется отъ васъ, самъ того не сознавая, такъ какъ онъ пока еще связанъ съ вашею особой, мысленно отдѣляемой отъ агентовъ вашей власти; но онъ не смѣетъ этого высказать, потому что мы живемъ въ изнѣженное и трусливое время. Ваше могущество есть не что иное, какъ сліяніе воли сильнаго и дѣятельнаго народа съ вашею волей, откуда слѣдуетъ, что разъединеніе ихъ подрѣзываетъ нервъ вашего могущества. Таково зло. А вотъ и причины, его порождающія».

Такъ начинается сочиненіе маркиза о налогѣ, появившееся на свѣтъ въ такое время, когда недовольство стало всеобщимъ, когда средства страны казались истощенными, и никто не зналъ, какъ продолжать морскую и сухопутную войну безъ генераловъ, съ арміей, деморализованной многочисленными пораженіями, и съ жалкими остатками флота, истребленнаго непріятелемъ. Въ такое-то время появилась книга, поражавшая смѣлостью критическаго отношенія автора къ людямъ и дѣламъ. Авторъ защищалъ слѣдующія положенія: Налогъ есть дань, приносимая подданными королю, а не добыча, исторгаемая королемъ у подданныхъ; король не имѣетъ права облагать своихъ подданныхъ безъ ихъ содѣйствія и согласія, самымъ естественнымъ, справедливымъ и выгоднымъ налогомъ былъ бы налогъ на чистый доходъ съ земли, то-есть на поземельную ренту, за вычетомъ всѣхъ расходовъ производства (основное положеніе физіократовъ); распредѣленіе и взиманіе налоговъ дол-

жно быть предоставлено мѣстнымъ провинціальнымъ собраніямъ; внутренняя и внѣшняя торговли должны быть освобождены отъ всякихъ сборовъ; необходима безотлагательная отмѣна откупной системы, при помощи которой взималась тогда половина существующихъ налоговъ. Авторъ затрогивалъ, такимъ образомъ, и правительство, и откупщиковъ. Послѣдніе, разумѣется, не замедлили потребовать примѣрной кары для автора, который высказывалъ прямо, что «откупщики всегда скупали народъ у королей, и въ концѣ концовъ губили и народъ, и короля, да и самихъ себя». Придворный банкиръ Монмартель объявилъ правительству, что если авторъ не будетъ примѣрно наказанъ, то кредитъ его, банкира, будетъ убитъ. Правительство было въ то время неоплатнымъ должникомъ откупщиковъ и находилось въ полномъ ихъ распоряженіи. Черезъ шесть дней по выходѣ «Теоріи налоговъ», авторъ былъ арестованъ и посаженъ въ Венсенскій зàмокъ.

Впечатлѣніе, произведенное въ обществѣ книгой маркиза Мирабò и арестомъ ея автора, какъ и сильныя и слабыя стороны книги, удачно переданы въ слѣдующемъ письмѣ г-жи д'Эпинэ къ Вольтеру:

«Слышали ли вы о книгѣ г. Мирабò, подъ заглавіемъ: «Теорія налога»? Это цѣлая буря. Все въ ней перемѣшано, темно, и вдругъ ослѣпительные проблески свѣта, которые сбиваютъ васъ съ ногъ; невѣрные разсчеты, вѣрныя мысли, мѣстами краснорѣчіе, мѣстами чепуха; смѣлость, доходящая до дерзости (другіе сказали бы до нахальства и, можетъ быть, сказали бы правду); впрочемъ, поразительная и вѣрная картина нашихъ несчастій, легкое указаніе на цѣлительныя средства, но довольно сомнительныя. Все это привело его въ Венсенскій зàмокъ, гдѣ онъ сидитъ со вчерашняго дня... Никто никогда не былъ такъ арестованъ, какъ г. Мирабò. Ему сказали: «Намъ приказано не слишкомъ торопить васъ. Вы можете быть арестованы и завтра, если вамъ некогда сегодня». — «Нѣтъ, господа», — отвѣчалъ мар-

кизъ: — «нельзя достаточно торопиться, исполняя приказъ короля; я ожидалъ ареста». И онъ отправляется съ чемоданомъ, набитымъ книгами и бумагами... Книга слишкомъ объемиста, чтобы можно было послать ее по почтѣ; въ противномъ случаѣ, вы уже имѣли бы ее, любезный философъ».

Вольтеръ не любилъ маркиза Мирабô, который платилъ ему тою же монетой, и ихъ взаимная антипатія легко объясняется несходствомъ ихъ характеровъ и склада ума. Но Вольтеръ умѣлъ подчинять свои личныя чувства требованіямъ общественнаго мнѣнія. Узнавъ отъ г-жи д'Эпинэ, какъ сильно интересовалась публика участью автора «Теоріи налога», онъ тотчасъ написалъ д'Аржантелю, прося его перемѣнить число въ посвященіи «Танкреда» г-жѣ Помпадуръ, такъ какъ въ этомъ посвященіи, въ угоду фавориткѣ, онъ слегка подсмѣивался надъ экономистами и другими писателями, представлявшими положеніе дѣлъ въ мрачномъ видѣ. «Если это посвященіе не будетъ помѣчено другимъ числомъ», — писалъ онъ 28-го декабря, — «оно покажется оскорбленіемъ, нанесеннымъ бѣдному другу людей и его несчастію... Я прослыву за низкаго льстеца, раздѣляющаго вкусы дворецкихъ, когда его товарищъ лакей сидитъ въ ergastulo за то, что имъ противорѣчилъ».

Маркизъ Мирабô переносилъ заключеніе, какъ настоящій философъ. Онъ писалъ одной своей знакомой, что взялъ съ собою въ тюрьму «Мысли» Марка-Аврелія, книгу премудрости Соломона и очень рѣдкій и забавный сборникъ провансальскихъ пословицъ, и что слуга его былъ очень удивленъ, услыхавъ его хохотъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ дверь его камеры была заперта за нимъ тюремщикомъ. Но Кенэ былъ въ отчаяніи,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ г-жа Дю-Госсè. — «Мирабô сидитъ въ Венсеннѣ за свое сочиненіе о налогѣ», — сказалъ ей Кенэ. «На него донесли откупщики и потребовали, чтобъ онъ былъ арестованъ. Жена его должна броситься сегодня же къ ногамъ г-жи Помпадуръ». — «Черезъ нѣсколько ми-

жно быть предоставлено мѣстнымъ провинціальнымъ собраніямъ; внутренняя и внѣшняя торговли должны быть освобождены отъ всякихъ сборовъ; необходима безотлагательная отмѣна откупной системы, при помощи которой взималась тогда половина существующихъ налоговъ. Авторъ затрогивалъ, такимъ образомъ, и правительство, и откупщиковъ. Послѣдніе, разумѣется, не замедлили потребовать примѣрной кары для автора, который высказывалъ прямо, что «откупщики всегда скупали народъ у королей, и въ концѣ концовъ губили и народъ, и короля, да и самихъ себя». Придворный банкиръ Монмартель объявилъ правительству, что если авторъ не будетъ примѣрно наказанъ, то кредитъ его, банкира, будетъ убитъ. Правительство было въ то время неоплатнымъ должникомъ откупщиковъ и находилось въ полномъ ихъ распоряженіи. Черезъ шесть дней по выходѣ «Теоріи налоговъ», авторъ былъ арестованъ и посаженъ въ Венсенскій за̀мокъ.

Впечатлѣніе, произведенное въ обществѣ книгой маркиза Мирабо̀ и арестомъ ея автора, какъ и сильныя и слабыя стороны книги, удачно переданы въ слѣдующемъ письмѣ г-жи д'Эпинэ къ Вольтеру:

«Слышали ли вы о книгѣ г. Мирабо̀, подъ заглавіемъ: «Теорія налога»? Это цѣлая буря. Все въ ней перемѣшано, темно, и вдругъ ослѣпительные проблески свѣта, которые сбиваютъ васъ съ ногъ; невѣрные разсчеты, вѣрныя мысли, мѣстами краснорѣчіе, мѣстами чепуха; смѣлость, доходящая до дерзости (другіе сказали бы до нахальства и, можетъ быть, сказали бы правду); впрочемъ, поразительная и вѣрная картина нашихъ несчастій, легкое указаніе на цѣлительныя средства, но довольно сомнительныя. Все это привело его въ Венсенскій за̀мокъ, гдѣ онъ сидитъ со вчерашняго дня... Никто никогда не былъ такъ арестованъ, какъ г. Мирабо̀. Ему сказали: «Намъ приказано не слишкомъ торопить васъ. Вы можете быть арестованы и завтра, если вамъ некогда сегодня». — «Нѣтъ, господа», — отвѣчалъ мар-

нутъ (продолжаетъ г-жа Дю-Госсè), я пришла въ уборную г-жи Помпадуръ, куда пришелъ и докторъ. Г-жа Помпадуръ сказала ему: «Вы должны быть огорчены несчастіемъ вашего друга Мирабò, и я огорчена имъ, потому что любила его брата». — «Я совсѣмъ не предполагаю въ немъ дурныхъ намѣреній», отвѣчалъ Кенэ; «онъ любитъ короля и народъ». — Да, его «Другъ людей» дѣлаетъ ему много чести, — замѣтила г-жа Помпадуръ. Въ это время вошелъ начальникъ полиціи и г-жа Помпадуръ спросила его: «Вы читали книгу г. Мирабò? — Да, но не я донесъ на него. — «Что вы думаете объ этой книгѣ? — Я думаю, что онъ могъ бы сказать очень многое въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ. Между прочимъ въ началѣ книги есть двѣ фразы: «Государь, подъ вашею властью двадцать милліоновъ людей, вы уже не можете получать ни услугъ безъ денегъ, ни денегъ на то, чтобъ оплачивать услуги». — «Какъ, докторъ, это сказано въ книгѣ?» — Сказано, но это первыя строки. Я согласенъ, что онѣ неблагоразумны; но когда прочтешь все сочиненіе, то убѣждаешься, что авторъ жалуется на ослабленіе патріотизма въ сердцахъ, и желалъ бы оживить его. — Вошелъ король, и мы вышли... Когда я вернулась потомъ въ уборную, г-жа Помпадуръ мнѣ сказала: «Король очень раздраженъ противъ Мирабò, но я старалась смягчить его. Начальникъ полиціи — тоже. Это должно удвоить опасенія Кенэ».

Соединенныя усилія Кенэ и многочисленныхъ друзей маркиза Мирабò уладили однако же, его дѣло. Король согласился на его освобожденіе послѣ восьмидневнаго ареста, и, давъ ему двадцать-четыре часа на устройство дѣлъ въ Парижѣ, сослалъ его на житье въ Биньонъ, одно изъ его имѣній, близъ Немура, впредь до новаго распоряженія.

Ссылка въ Биньонъ нимало не ослабила сношеній маркиза съ парижскими друзьями и знакомыми. Онъ получалъ и писалъ тамъ цѣлыя груды писемъ. «Если это продлится, — писалъ онъ своему брату, — то откупщики поч-

товаго дохода будутъ платить правительству за то, чтобъ оно держало меня въ ссылкѣ, потому что письма приходятъ тюками, а они очень дороги». Послѣдняя почта стоила ему 27 ливровъ. И самъ онъ въ свою очередь, съ утра до вечера писалъ посланія своимъ друзьямъ и многочисленнымъ поклонникамъ «Теоріи налога». Онъ сообщалъ брату, что послѣдняя почта увезла до сорока однихъ его писемъ. Въ Биньонѣ же мы впервые встрѣчаемся съ личностью, игравшей крупную роль въ жизни маркиза — г-жей Пайи, замужней женщиной, согласившеюся раздѣлить ссылку съ маркизомъ и его женой. Но ссылка была непродолжительна. За маркиза усиленно хлопоталъ при дворѣ его братъ, будущій мальтійскій коммандоръ, ссылаясь на болѣзнь матери; искусная де-Пайи, познакомившись съ Кенэ, вмѣстѣ съ нимъ и другими такъ удачно дѣйствовала прямо на г-жу Помпадуръ, что уже 21-го февраля 1761 года братъ маркиза могъ послать ему слѣдующую записку министра Сенъ-Флорентена: «Съ большимъ удовольствіемъ сообщаю вамъ, м. г., что король соизволилъ на пріѣздъ вашъ въ Парижъ и на пребываніе здѣсь, пока болѣзнь вашей матушки будетъ требовать вашего присутствія и вашихъ заботъ». Какъ ни условно было это разрѣшеніе, маркизъ не безъ основанія считалъ его окончательнымъ, обусловленнымъ только по недавности ссылки, и предался въ Парижѣ распространенію физіократическихъ мнѣній.

Ссылка Мирабо не осталась безъ вліянія на дальнѣйшія судьбы этой школы. Въ одномъ своемъ письмѣ, будущій трибунъ Мирабо, посаженный своимъ отцомъ, маркизомъ, въ Венсенскій замокъ, осмѣивая и клеймя послѣдняго, говоритъ, что физіократы чтятъ заключеніе и ссылку автора «Теоріи налога», какъ восточные фанатики — бѣгство Магомета изъ Мекки въ Медину. Шутка довольно мѣткая: восемь лѣтъ спустя, въ «Эфемеридахъ» 1769 года, органѣ физіократовъ, было напечатано, что послѣ несчастія, разразившагося надъ авторомъ «Теоріи налога», наступили

два съ половиною года молчанія для гражданъ-мыслителей, изучавшихъ политическую экономію. Съ ревностью новообращеннаго, Дюпонъ Немурскій объяснялъ въ этомъ журналѣ, какъ много потеряло человѣчество въ эти роковые два съ половиною года отъ такого молчанія. Дѣйствительно, Кенэ и Мирабо̀, видя со стороны правительства намѣреніе задержать общее стремленіе литературы къ административнымъ и финансовымъ вопросамъ, временно отказались распространять свое ученіе путемъ печати; но не отказались отъ словесной пропаганды. Врачъ г-жи Помпадуръ былъ неутомимъ въ своемъ рвеніи проповѣдника. Дюпонъ Немурскій, Ле-Тронъ, аббатъ Бодо̀ и другіе пристали въ это время къ школѣ. Въ 1765 году Бодо̀ получилъ разрѣшеніе издавать журналъ «Эфемериды гражданина», или «Хроника умственной жизни націи», а съ 1767 года это безвѣстное изданіе, гдѣ, по выраженію маркиза, «папствовалъ аббатъ Бодо̀», стало органомъ физіократической школы, сохранивъ свое первое названіе, но измѣнивъ второе на «Систематическую библіотеку нравственныхъ и политическихъ наукъ». Журналъ выходилъ 20-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 200 — 230 страницъ, въ 12-ю долю листа. Въ отсутствіе Бодо̀, журналомъ завѣдывалъ Дюпонъ, подъ руководствомъ Кенэ и Мирабо̀. «Дюпонъ — сынъ одного парижскаго часовщика, человѣкъ съ душой и умомъ», писалъ о немъ маркизъ своему пріятелю Лонго, выказывая аристократическую антипатію къ тогдашней философіи и Вольтеру: «онъ предварительно вкусилъ философіи и былъ пенсіонеромъ Вольтера, но это не согласовалось съ преданностью мнѣ; хотя онъ и заносчивъ до того, что однажды возсталъ противъ самаго досточтимаго (маркизъ разумѣетъ Кенэ), я добился отъ него исполненія двухъ условій, безъ котораго я не сталъ бы ни читать, ни поддерживать его: Во-первыхъ, что «Эфемериды», не будучи его собственностью, должны придерживаться общепринятаго правописанія; во-вторыхъ, что ни въ журналѣ, ни въ сочиненіяхъ нашей

школы, не будетъ и слѣдовъ помянутаго дрянного и ненавистнаго философствованія — условіе, которымъ я сдерживалъ всѣхъ мелкихъ писателей и слабые умы, и которое должно быть принято всякимъ, кто помышляетъ произвести крупный переворотъ въ умахъ». Издаваемыя въ этомъ смыслѣ маркизомъ Мирабо̀ и Кенэ, «Эфемериды» существовали до мая 1772 года. Прекращеніе ихъ приписывали гоненію со стороны канцлера Мопу; но маркизъ, въ своей перепискѣ, объясняетъ это событіе неаккуратностью Дюпона: «Книгопродавцы сердились, подписчики отпадали», говоритъ онъ въ одномъ письмѣ; «журналъ дѣлалъ долги, когда мы воспользовались разразившимся надъ журналистами градомъ, чтобы закрыть журналъ на четвертой книжкѣ 1772 года съ приличной обстановкой преслѣдованія».

Этотъ первый пятилѣтній періодъ «Эфемеридъ», за которымъ вскорѣ послѣдовалъ второй, былъ самою лучшей порой органа физіократовъ. Дѣятельными сотрудниками его были не только Кенэ, маркизъ Мирабо̀, Мерсье де-ла-Ривьеръ, Бодо̀, Тронъ, Рубо, писавшіе въ немъ подъ всѣми буквами азбуки, но и Тюрго, помѣстившій въ немъ впервые свой «Трактатъ объ образованіи и распредѣленіи богатствъ», составленный по основнымъ положеніямъ физіократической школы. Множество новыхъ, менѣе извѣстныхъ именъ примкнули въ это время къ «Эфемеридамъ», и даже баденскій маркграфъ Карлъ-Фридрихъ, обращенный въ физіократію маркизомъ Мирабо̀, напечаталъ въ этомъ журналѣ безъ подписи, въ 1772 году, краткое изложеніе основныхъ началъ школы, извлеченное изъ экономическихъ бесѣдъ маркиза.

Дюпонъ Немурскій раздѣляетъ тогдашнихъ экономистовъ на два оттѣнка, которые составляли, по его словамъ, двѣ родственныя, братскія школы. Къ одной изъ нихъ, школѣ Кенэ, принадлежали названные выше писатели и Кондорсѐ, судя по его критическимъ замѣткамъ на знаменитый пам-

флетъ Вольтера противъ физіократіи: «Человѣкъ о сорока ефимкахъ». Другую составляли Гурнэ и его послѣдователи. Они стремились прежде всего къ свободѣ промышленности и торговли, къ отмѣнѣ стѣснительной регламентаціи, введенной Кольберомъ, привилегій, монополій и всякаго рода преградъ труду и торговымъ оборотамъ. Знаменитое изреченіе: laissez faire, laissez passer, часто приписываемое Кенэ, принадлежитъ не ему, а Гурнэ, хотя и физіократы придерживались этого правила.

Усердно печатаясь въ «Эфемеридахъ», маркизъ Мирабо учредилъ съ 1767 года свои знаменитые вторники, съ цѣлью поддерживать школу и привлекать въ нее новыхъ приверженцевъ между французами и иностранными путешественниками. «Мы даемъ два обѣда въ недѣлю», писалъ онъ своему брату. «По вторникамъ обѣдаютъ «экономисты» — нѣчто вродѣ секты, пользующейся большою извѣстностью, гдѣ я одинъ изъ предводителей. Въ этотъ день съѣзжается много достойныхъ людей и юныхъ аристократовъ, которыхъ поучать легче, чѣмъ тѣхъ, кто уже принадлежитъ къ какой-нибудь другой школѣ; между ними есть также люди нашихъ лѣтъ, напр., маркизъ Брольи, есть и иностранцы. Словомъ, все это въ концѣ-концовъ полезно для человѣчества и приноситъ мнѣ больше чести, чѣмъ расходовъ, потому что мы безъ того кормимъ нашихъ людей и обѣдъ всегда въ запасѣ. По пятницамъ обѣдаютъ наши личные друзья: г-жа Рошфоръ, гг. де-Нивернуа, Бранка, Фламарансъ и другіе».

Вторники маркиза продолжались нѣсколько лѣтъ сряду; онъ отказался отъ нихъ только подъ старость, когда потерялъ кредитъ и разорился. Обѣдъ былъ только предлогомъ къ сходкамъ и, если вѣрить одному неизвѣстному, но любопытному памфлету, напечатанному трибуномъ Мирабо противъ отца въ Голландіи, оставлялъ желать очень многаго. Эти сходки,—говоритъ Мирабо-сынъ,—очень «экономичны» по части денежныхъ расходовъ (маркизъ Мирабо одаренъ

способностью безпокоиться лишь очень мизерно); за-то, наука расточается тамъ до пресыщенія и дурноты». Послѣ обѣда, дѣйствительно, читались статьи, назначенныя для «Эфемеридъ» и обсуждались текущіе экономическіе или политическіе вопросы.

Литературные кружки Европы много занимались въ то время рѣзкимъ разладомъ между Руссô и англійскимъ мыслителемъ Юмомъ, подъ покровительствомъ котораго Руссô поселился въ Англіи. Введенный въ ошибку болѣзненнымъ воображеніемъ, постоянно растравляемымъ его неблагородной подругой, Руссô обвинялъ своего англійскаго друга въ коварномъ посягательствѣ на его покой и честь, подкрѣпляя свои мрачныя догадки самыми странными соображеніями. Негодующій Юмъ составилъ описаніе своихъ сношеній съ Руссô, и приложилъ къ нему происходившую между ними переписку. Это его описаніе, изданное въ 1766 году въ Лондонѣ, на французскомъ языкѣ, стало предметомъ общихъ разговоровъ и надѣлало много шуму въ виду извѣстности обоихъ поссорившихся писателей. Порицаемый большинствомъ и даже своими лучшими друзьями, Руссô съ раздраженіемъ отвергалъ всѣ ихъ замѣчанія и совѣты, и въ это-то время человѣкъ, котораго онъ никогда не видѣлъ, написалъ ему многорѣчивое письмо въ тринадцать страницъ, письмо грубовато-добродушное, въ которомъ относился къ нему какъ къ очень интересному, но безразсудному больному, и предлагалъ ему пріѣхать и поселиться въ одномъ изъ своихъ помѣстьевъ, описывая ихъ подробно и нѣсколько хвастливо. Это былъ маркизъ Мирабô. Руссô отвѣчалъ, что давно желалъ познакомиться съ такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, что особенно цѣнитъ его первый шагъ къ этому знакомству въ такое время, когда онъ оставленъ всѣми, благодарилъ за приглашеніе, но затруднялся воспользоваться имъ: онъ подлежалъ аресту за своего «Эмиля», и не считалъ себя безопаснымъ на французской землѣ. Маркизъ Мирабô настаивалъ, предлагая скрыть его подъ

чужимъ именемъ въ одной изъ своихъ дачъ Флёри (sous Meudon), и вотъ Руссò уѣзжаетъ изъ Англіи съ своей любовницей. Довѣренный слуга маркиза, Гарсонъ, встрѣчаетъ его въ Сенъ-Дени и устраиваетъ на названной дачѣ, гдѣ маркизъ часто навѣщаетъ его съ г-жею де-Пайи, которую Руссò постоянно называетъ своею «прекрасной и доброй соотечественницей», потому что она родилась въ Швейцаріи. И только подъ конецъ, когда Руссò мѣняетъ Флёри на болѣе безопасное убѣжище, предложенное ему княземъ Конти, новый другъ его открываетъ свои физіократическія батареи. Но дѣло обращенія Руссò въ физіократа сразу оказалось безнадежнымъ. Когда маркизъ далъ ему прочесть одну книгу своей школы, Руссò наивно отвѣчалъ ему, что пробовалъ читать эту книгу, но не могъ одолѣть ея. «Я однако возвращусь къ ней», прибавлялъ онъ: «за мою добрую волю ручаюсь, но не ручаюсь за успѣхъ». Когда маркизъ послалъ ему книгу Мерсье-де-ла-Ривьера: «Естественный и существенный порядокъ политическихъ обществъ», которую физіократы считали лучшимъ политическимъ сочиненіемъ своей школы, Руссò прочелъ нѣсколько главъ и вышелъ изъ терпѣнія. «Умоляю васъ», писалъ онъ маркизу, «не говорите мнѣ больше о вашемъ легальномъ деспотизмѣ; я не могу ни полюбить, ни понять его, и не вижу тутъ ничего, кромѣ двухъ противорѣчивыхъ словъ, которыя, взятыя вмѣстѣ, не имѣютъ въ моихъ глазахъ никакого значенія». Руссò оспариваетъ затѣмъ мнѣнія де-ла-Ривьера и въ заключеніе взываетъ къ великодушію маркиза: «Знаменитый другъ людей и мой, у вашихъ ногъ молю васъ сжалиться надъ моимъ положеніемъ и моими несчастіями, и оставить въ покоѣ мою умирающую голову. Любите меня по прежнему, но не присылайте мнѣ больше книгъ; въ мои лѣта люди уже не могутъ искренно перемѣнять свое направленіе». Но маркизъ непремѣнно хочетъ обратить эту мятежную душу на путь истины, и пишетъ ему длинное посланіе, въ которомъ доказываетъ, что открытіе Кенэ объ-

емлетъ все на свѣтѣ, ко всему примѣняется, все выясняетъ, что легальный деспотизмъ есть ни что иное, какъ деспотизмъ непреложной истины: дважды два четыре, примѣненной къ управленію государствами. Руссо̀, однакоже, не убѣждается его доводами. Возобновлявшіяся въ теченіи многихъ мѣсяцевъ попытки маркиза кончились тѣмъ, что, предлагая потомъ Руссо̀ возвратиться къ нему во Флёри, онъ уже обѣщаетъ своему корреспонденту не тревожить его больше бесѣдами и письмами о физіократіи.

Не таковы были отношенія маркиза Мирабо̀ къ Вольтеру, о которыхъ мы уже имѣли случай упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ. Это были тоже люди совершенно различныхъ способностей, противоположныхъ воззрѣній и темпераментовъ, вполнѣ антипатичныхъ другъ другу. Вольтеръ часто издѣвался надъ маркизомъ въ перепискѣ съ друзьями и знакомыми. Мирабо̀, съ своей стороны, не терпѣлъ его литературнаго и политическаго вліянія на умы. «Этотъ скверный Вольтеръ (писалъ онъ въ 1787 году), обезумѣвшій отъ живости своего ума, мелочности своей души, низости сердца и узкости пониманія... придалъ сволочи безстыдство и заразилъ человѣчество проказой». Въ другомъ письмѣ, писанномъ десятью годами раньше, въ отвѣтъ итальянскому экономисту Лонго, который вѣроятно восхищался, какъ и многіе современники Вольтера, его «Дѣвственницей», Мирабо̀ говоритъ: «Я не спрашиваю васъ о томъ, что вы находите хорошаго въ «Дѣвственницѣ», я не хочу обсуждать это произведеніе, потому что физически бросилъ его въ огонь отъ досады и негодованія; представляя нѣсколько пріятныхъ стиховъ начинающаго поэта, оно не только кощунствуетъ (это я оставлю въ сторонѣ), но и содержитъ такія вонючія грубости, такіе отвратительные образы, шутки такого дурнаго, кабацкаго тона, что является въ глазахъ здраваго смысла, рукоплещущаго перу Раблэ, чудовищнымъ бредомъ, бредомъ пьянаго заплечныхъ дѣлъ мастера».

дальше уже не можетъ заходить антипатія двухъ темпераментовъ и направленій.

Въ 1768 году хлѣбъ вздорожалъ во Франціи вслѣдствіе плохой жатвы предшествовавшаго года, и народъ сильно бѣдствовалъ. Въ «Эфемеридахъ» появилась въ то время статья аббата Бодо: «Совѣтъ честнымъ людямъ, желающимъ дѣлать добро». Продолжая отстаивать свободу хлѣбной торговли, авторъ предлагалъ новую систему молоть и печь хлѣбъ, дававшую возможность дешевле продавать народу хлѣбъ лучшаго качества, совѣтовалъ земледѣльцамъ заводить экономическія мельницы и хлѣбопекарни, и продавать народу хлѣбъ по той цѣнѣ, въ какую онъ будетъ обходиться имъ самимъ. Слѣдуя этой системѣ, маркизъ Мирабо превращается въ хлѣбника и устраиваетъ хлѣбопекарню близь Парижа, на своей дачѣ Флёри. Народъ покупаетъ у него хлѣбъ нарасхватъ; знатныя дамы изъ любопытства присылаютъ за нимъ изъ Парижа. «У меня здѣсь хлѣбопекарня, которая печетъ ежедневно до 900 фунтовъ хлѣба для моего бѣднаго народа», писалъ онъ брату въ 1768 году, «и еслибъ печь могла приготовлять вдвое большее количество хлѣба, то и оно раскупалось бы народомъ». Воображеніе маркиза сильно разыгралось по этому поводу. Онъ задумывалъ устроить экономическія мельницы и хлѣбопеченіе во всѣхъ своихъ помѣстьяхъ. «Я пошлю къ черту мои помѣщичьи права, — писалъ онъ, — и народъ, вмѣсто того, чтобы обязательно молоть хлѣбъ на господской мельницѣ, охотно будетъ покупать на ней муку и даже хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, что избавитъ его отъ труда дурно и съ убыткомъ мѣсить у себя дома». Маркизъ надѣется, что его примѣру послѣдуютъ другіе и что «такимъ образомъ придутъ къ уничтоженію вопіющей монополіи, поддерживаемой уставами столичной продовольственной полиціи, которые служатъ образцомъ для всѣхъ другихъ городовъ Франціи». Нѣкоторые аристократы, между прочимъ князь Роганъ-Рошфоръ, послѣдовали примѣру маркиза и завели у

себя хлѣбопекарни; но потому ли, что правительство помѣшало дальнѣйшему распространенію этой конкурренціи, или потому, что урожай поправилъ обстоятельства, въ послѣдующей перепискѣ маркиза уже не упоминается болѣе объ учрежденіи новыхъ экономическихъ мельницъ или печей. По всей вѣроятности хлѣбопеченіе, устроенное имъ во Флёри, продержалось не долго; но система экономическихъ мельницъ, предложенная «Эфемеридами», была принята мельниками и примѣняется еще и нынѣ, давая больше муки, чѣмъ прежній способъ, при одномъ и томъ же количествѣ хлѣбнаго зерна.

Замѣчательно отношеніе тогдашнихъ потентатовъ къ физіократической школѣ и ея попыткамъ улучшить экономическія условія народной жизни посредствомъ земледѣлія. Тосканскій великій герцогъ Леопольдъ, впослѣдствіи императоръ австрійскій, присылалъ своихъ министровъ совѣтоваться съ маркизомъ Мирабо̀. Маркрафъ Баденскій самъ пріѣзжалъ въ Парижъ для изученія физіократіи подъ руководствомъ маркиза, и былъ сотрудникомъ «Эфемеридъ». Шведскій король Густавъ III, познакомившійся съ Мирабо̀ въ бытность свою во Франціи, прислалъ ему большой командорскій крестъ ордена Вазы, только-что имъ учрежденнаго, при слѣдующемъ письмѣ изъ Стокгольма отъ 18-го августа 1772 года:

«Г. маркизъ Мирабо̀, титулъ, уже давно дарованный вамъ всѣмъ человѣчествомъ, гораздо выше всего того, что могутъ сдѣлать короли для вашей славы. Я не могу однакоже не заплатить по крайней мѣрѣ мою долю дани, должной вамъ всѣми народами. Полагаю, къ тому же, что учрежденіе, созданное въ честь земледѣлія, было бы неполно безъ имени того, кто научилъ государей понимать всю важность этой дѣятельности. Отнынѣ я больше чѣмъ когда-нибудь считаю себя вправѣ просить васъ о продолженіи тѣхъ полезныхъ уроковъ, которымъ вы посвятили ваши труды и рѣдкія познанія, и съ своей стороны, больше чѣмъ когда-

Дальше уже не можетъ заходить антипатія двухъ темпераментовъ и направленій.

Въ 1768 году хлѣбъ вздорожалъ во Франціи вслѣдствіе плохой жатвы предшествовавшаго года, и народъ сильно бѣдствовалъ. Въ «Эфемеридахъ» появилась въ то время статья аббата Бодо̀: «Совѣтъ честнымъ людямъ, желающимъ дѣлать добро». Продолжая отстаивать свободу хлѣбной торговли, авторъ предлагалъ новую систему молоть и печь хлѣбъ, дававшую возможность дешевле продавать народу хлѣбъ лучшаго качества, совѣтовалъ земледѣльцамъ заводить экономическія мельницы и хлѣбопекарни, и продавать народу хлѣбъ по той цѣнѣ, въ какую онъ будетъ обходиться имъ самимъ. Слѣдуя этой системѣ, маркизъ Мирабо̀ превращается въ хлѣбника и устраиваетъ хлѣбопекарню близь Парижа, на своей дачѣ Флёри. Народъ покупаетъ у него хлѣбъ нарасхватъ; знатныя дамы изъ любопытства присылаютъ за нимъ изъ Парижа. «У меня здѣсь хлѣбопекарня, которая печетъ ежедневно до 900 фунтовъ хлѣба для моего бѣднаго народа», писалъ онъ брату въ 1768 году, «и еслибъ печь могла приготовлять вдвое большее количество хлѣба, то и оно раскупалось бы народомъ». Воображеніе маркиза сильно разыгралось по этому поводу. Онъ задумывалъ устроить экономическія мельницы и хлѣбопеченіе во всѣхъ своихъ помѣстьяхъ. «Я пошлю къ черту мои помѣщичьи права, — писалъ онъ, — и народъ, вмѣсто того, чтобы обязательно молоть хлѣбъ на господской мельницѣ, охотно будетъ покупать на ней муку и даже хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, что избавитъ его отъ труда дурно и съ убыткомъ мѣсить у себя дома». Маркизъ надѣется, что его примѣру послѣдуютъ другіе и что «такимъ образомъ придутъ къ уничтоженію вопіющей монополіи, поддерживаемой уставами столичной продовольственной полиціи, которые служатъ образцомъ для всѣхъ другихъ городовъ Франціи». Нѣкоторые аристократы, между прочимъ князь Роганъ-Рошфоръ, послѣдовали примѣру маркиза и завели у

себя хлѣбопекарни; но потому ли, что правительство помѣшало дальнѣйшему распространенію этой конкурренціи, или потому, что урожай поправилъ обстоятельства, въ послѣдующей перепискѣ маркиза уже не упоминается болѣе объ учрежденіи новыхъ экономическихъ мельницъ или печей. По всей вѣроятности хлѣбопеченіе, устроенное имъ во Флёри, продержалось не долго; но система экономическихъ мельницъ, предложенная «Эфемеридами», была принята мельниками и примѣняется еще и нынѣ, давая больше муки, чѣмъ прежній способъ, при одномъ и томъ же количествѣ хлѣбнаго зерна.

Замѣчательно отношеніе тогдашнихъ потентатовъ къ физіократической школѣ и ея попыткамъ улучшить экономическія условія народной жизни посредствомъ земледѣлія. Тосканскій великій герцогъ Леопольдъ, впослѣдствіи императоръ австрійскій, присылалъ своихъ министровъ совѣтоваться съ маркизомъ Мирабо̀. Маркрафъ Баденскій самъ пріѣзжалъ въ Парижъ для изученія физіократіи подъ руководствомъ маркиза, и былъ сотрудникомъ «Эфемеридъ». Шведскій король Густавъ III, познакомившійся съ Мирабо̀ въ бытность свою во Франціи, прислалъ ему большой командорскій крестъ ордена Вазы, только-что имъ учрежденнаго, при слѣдующемъ письмѣ изъ Стокгольма отъ 18-го августа 1772 года:

«Г. маркизъ Мирабо̀, титулъ, уже давно дарованный вамъ всѣмъ человѣчествомъ, гораздо выше всего того, что могутъ сдѣлать короли для вашей славы. Я не могу однакоже не заплатить по крайней мѣрѣ мою долю дани, должной вамъ всѣми народами. Полагаю, къ тому же, что учрежденіе, созданное въ честь земледѣлія, было бы неполно безъ имени того, кто научилъ государей понимать всю важность этой дѣятельности. Отнынѣ я больше чѣмъ когда-нибудь считаю себя вправѣ просить васъ о продолженіи тѣхъ полезныхъ уроковъ, которымъ вы посвятили ваши труды и рѣдкія познанія, и съ своей стороны, больше чѣмъ когда-

нибудь, считаю для себя обязательнымъ пользоваться ими. Молю Бога, г. маркизъ, чтобъ Онъ хранилъ васъ подъ святымъ и достойнымъ своимъ покровительствомъ. Г у с т а в ъ».

Письмо это было написано королемъ наканунѣ извѣстнаго, задуманнаго имъ, государственнаго переворота.

Физiократическая школа достигла въ это время высшей точки своего значенія, и вскорѣ одинъ изъ способнѣйшихъ ея послѣдователей, Тюргò, при громкомъ сочувствіи общественнаго мнѣнія, занялъ мѣсто въ совѣтахъ погибавшаго тогда правительства. Немногіе аристократы сочувствовали возвышенію этого новаго человѣка. Въ французской аристократіи восемнадцатаго вѣка рѣзко выдаются два теченія, лучшими представителями которыхъ могутъ служить маркизъ Мирабò и его братъ, мальтійскій коммандоръ. Старшій братъ, маркизъ, принадлежалъ къ тому малочисленному слою аристократіи, котораго первоначальный типъ все болѣе и болѣе стирался и затемнялся подъ вліяніемъ сильныхъ умственныхъ вѣяній времени, тогда какъ второй братъ, мальтійскій коммандоръ, неизмѣнно остается старосвѣтскимъ патриціемъ, считающимъ феодальные порядки идеаломъ справедливости и человѣколюбія. Этотъ послѣдній готовъ согласиться кое въ чемъ съ своимъ старшимъ братомъ, но не уступаетъ ему ни на іоту въ томъ, что остается его кореннымъ убѣжденіемъ, а въ силу этого убѣжденія, общество не можетъ жить безъ аристократіи, и если духъ непокорности и равенства не перестаетъ распространяться во Франціи, то ей предстоитъ погибнуть въ кризисахъ деспотизма и республиканства. Въ своей объемистой перепискѣ, оба брата сначала, въ молодости, были вполнѣ согласны между собой, оба признавали, что французскую монархію погубилъ переходъ отъ аристократіи къ абсолютизму. По мнѣнію втораго брата, которому не противорѣчилъ и старшій, паденіе монархіи начинается съ Людовика XI, котораго онъ ненавидитъ. «У этого плута,— писалъ онъ,— всегда былъ лисій хвостъ». Будущій комман-

доръ проклинаетъ позднѣйшихъ королей и министровъ, въ томъ числѣ и Людовика XIV, дѣлая исключеніе только для Генриха IV и Сюлли. Ришелье представлялся ему чудовищемъ, водворявшимъ во Франціи чистѣйшій деспотизмъ, «самую безобразную,— прибавлялъ онъ,— и непрочную изъ всѣхъ формъ правленія». Старшій братъ высказывается сначала въ томъ же духѣ. Для обоихъ идеаломъ государя служитъ Карлъ Великій, «потому что, завоевавъ всю Европу, онъ съумѣлъ первый ограничить свою власть» (феодализмомъ). Оба брата скорбѣли о возрастающемъ самоуниженіи аристократіи, погруженной въ дворскія интриги ради своей алчности и своего тщеславія, о преобладаніи денежныхъ людей и аферистовъ, о безъисходной борьбѣ старыхъ парламентовъ съ королевскою властью, о томъ, что все это должно привести къ паденію монархіи, при неспособности страны положить основаніе республикѣ. Оба сходились и въ своихъ мнѣніяхъ о политическихъ учрежденіяхъ Англіи. При всемъ своемъ аристократизмѣ, а можетъ быть и вслѣдствіе его односторонности и узкости, да и по общему складу французскаго ума, они очень не любили Англію и ея учрежденія. Второй братъ самъ жилъ въ Англіи въ качествѣ плѣнника, но эта страна не произвела на него такого впечатлѣнія, какъ на Вольтера, который писалъ о ней: «Англичане — единственный народъ на землѣ, съумѣвшій поставить предѣлъ королевской власти и, послѣдовательнымъ рядомъ усилій, учредить, наконецъ, то благоразумное правленіе, при которомъ у короля, всемогущаго, чтобы дѣлать добро, связаны руки для зла, гдѣ аристократы-землевладѣльцы велики безъ нахальства и вассаловъ, гдѣ народъ безъ замѣшательства участвуетъ въ дѣлахъ управленія». Правда, тотъ же Вольтеръ, въ своей перепискѣ, часто высказывалъ мысль, что «предпочитаетъ жить подъ лапой одного льва изъ хорошаго дома, чѣмъ подвергаться укушеніямъ тысячи крысъ, своихъ собратовъ»; но такія противорѣчія встрѣчались у него нерѣдко, какъ у всякаго чело-

вѣка, не имѣющаго выработанной политической программы. По мнѣнію обоихъ Мирабо̀, настоящее англійское дворянство погибло при Карлѣ I, и «эта республика сохранила только названіе королевства, королевскій и дворянскіе титулы; но, въ сущности, Англія — республика, имѣющая дожа, дворянство смѣшанной крови и городское». Братья начинаютъ расходиться въ мнѣніяхъ съ того только времени, когда старшій изъ нихъ сталъ ревностнымъ поклонникомъ и ученикомъ Кенэ. Въ глазахъ втораго брата, мальтійскаго коммандора, военныя заслуги остаются, по старому, единственными, способными внушать высокое уваженіе. Онъ не цѣнитъ ни литературныхъ заслугъ и славы, ни богатства, пріобрѣтеннаго промышленнымъ трудомъ или торговою предпріимчивостью. Старшій братъ смотритъ на вещи иначе; но и его физіократизмъ прикрываетъ аристократическія заднія мысли. «Реформаторъ долженъ имѣть въ виду новый общественный порядокъ», писалъ онъ своему брату въ 1777 году, «но онъ не долженъ показывать его, какъ дѣлаютъ легкомысленные люди; а я думаю, что новый порядокъ долженъ состоять именно въ томъ, что землевладѣльцы будутъ первыми людьми въ государствѣ и естественными совѣтниками короля по земельнымъ и финансовымъ вопросамъ, черезъ посредство своихъ депутатовъ». Искренно предаваясь своей утопіи, маркизъ отъ времени до времени испытываетъ однакоже томительныя сомнѣнія въ успѣхѣ физіократическихъ плановъ, въ виду общей испорченности нравовъ; но надежда на успѣхъ быстро вытѣсняетъ эти сомнѣнія.

Со вступленіемъ Тюрго̀ въ министерство, эта надежда не могла не оживиться. Извѣстно, что личный другъ Тюрго̀, аббатъ Вери, близко стоявшій въ то же время и къ Морепа̀, убѣдилъ этого стараго, робкаго и легкомысленнаго старика обратиться къ содѣйствію человѣка, уже очень извѣстнаго въ то время смѣлостью своихъ экономическихъ воззрѣній и замѣчательнымъ умомъ. Общественное мнѣніе, рѣши-

тельно осуждавшее старую правительственную систему и министровъ Людовика XV, и возлагавшее большія надежды на молодаго короля, рукоплескало назначенію Тюргò министромъ, какъ признаку измѣненія системы. Но Тюргò, отмѣнивъ натуральныя повинности, продержался въ правительствѣ менѣе двухъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ напрасно выказалъ необычайное трудолюбіе и лихорадочную дѣятельность въ неустанной борьбѣ противъ привилегій, злоупотребленій и несообразностей существующаго порядка. Все, что стояло за эти привилегіи, злоупотребленія и несообразности, соединенными силами сломило его вліяніе при дворѣ. Маркизъ Мирабò заранѣе писалъ о немъ брату: «Тюргò — человѣкъ неукротимаго мужества, но онъ совершенно одинокъ... Ясно различая союзъ всѣхъ плутовъ, придворныхъ, городскихъ и провинціальныхъ, я думаю, что онъ продержится недолго, но выйдетъ изъ правительства, покрытый славой». Маркизъ, впрочемъ, былъ и самъ не совсѣмъ доволенъ Тюргò, который, будучи физіократомъ по убѣжденіямъ, не хотѣлъ оставаться фанатикомъ-сектантомъ, имѣлъ сношенія съ ненавистными маркизу «философами» и энциклопедистами, и вообще шире понималъ свои государственныя задачи. Еще до своего вступленія въ министерство, Тюргò говорилъ: «Меня будутъ называть энциклопедистомъ и экономистомъ; но я не энциклопедистъ, потому что вѣрую въ Бога; я и не экономистъ, потому что не желаю короля во главѣ Франціи». Маркизъ не могъ однакоже не пожалѣть о паденіи Тюргò, ближайшимъ послѣдствіемъ котораго было гоненіе на физіократовъ. Дюпонъ Немурскій былъ сосланъ въ свое имѣніе; «Новыя Эфемериды», возобновившіяся подъ редакціей Бодò, чтобы поддерживать управленіе Тюргò, были запрещены, и главный редакторъ ихъ сосланъ въ Овернь. Та же участь постигла аббата Рубо, издававшаго въ томъ же духѣ «Газету земледѣлія и торговли»; наконецъ, и маркизу было предложено прекратить свои вторники. И когда братъ его сталъ

нападать на физіократовъ въ своихъ письмахъ, маркизъ оправдывался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Неужели и ты одного мнѣнія съ толпою противъ экономистовъ? Мы нигдѣ не проповѣдывали равенства; мы, напротивъ, доказывали естественную необходимость отличій и соціальную необходимость преимуществъ, которыхъ не надо смѣшивать съ привилегіями, но мы не высказывались прямо и противъ послѣднихъ, за исключеніемъ изъятій въ дѣлѣ налоговъ. Это философы перемѣшали все и стремятся водворить юридическое и фактическое равенство путемъ доктрины и интриги». Маркизъ и теперь не отчаявается за физіократію. «Мнѣ смѣшны лягушки, хвастающія, что онѣ остановятъ солнце, — писалъ онъ. — Пройдетъ десять лѣтъ, и объ экономистахъ не будетъ и помину, утверждаютъ члены парижскаго парламента. Я всегда отвѣчалъ тѣмъ, кто говорилъ со мной объ этомъ: не мѣшайтесь въ это дѣло, — эти люди не вѣдаютъ, что творятъ».

VII.

Семейныя дѣла маркиза Мирабо. — Его отношенія къ женѣ и дѣтямъ. — Аристократическія мечты и демократическая дѣйствительность. — Чѣмъ онъ кончилъ.

Такова была общественная дѣятельность маркиза Мирабо до переворота 1789 года. Она, конечно, не могла остаться безъ вліянія на его сына, будущаго оратора и трибуна революціи. Но едва ли не большее вліяніе имѣли на него домашнія дѣла маркиза. Мы видѣли, какъ странно женился маркизъ, имѣя въ виду пріумножить владѣнія и вѣсъ своей фамиліи. Этотъ бракъ былъ однимъ изъ самыхъ несчастныхъ, и вскорѣ поставилъ дѣтей маркиза въ самое ложное отношеніе къ отцу и матери, сторону которыхъ они попеременно держали, испытывая на себѣ всѣ послѣдствія семейнаго раздора и супружеской войны. Братъ мар-

киза, мальтійскій коммандоръ, постоянно высказывалъ, что этотъ несчастный бракъ и ужасающій характеръ маркизы были причиною бѣдствій старшаго брата и дурныхъ свойствъ его дѣтей. «Отъ сотворенія міра, — писалъ онъ старшему брату, — не бывало ни такой жены, какую послалъ тебѣ Господь, — ни такихъ дѣтей, какъ твои». Девятнадцать лѣтъ сожительства выдержалъ маркизъ съ женщиной, о которой онъ пишетъ брату въ 1783 году: «Да, я много терпѣлъ; двадцатилѣтнее сожительство съ безуміемъ, прицѣпленнымъ ко мнѣ честью, долгомъ, узами самолюбія и тщеславія, съ безуміемъ, обставленнымъ невообразимыми подробностями, давитъ и томитъ душу». Но маркизъ говоритъ это уже тогда, когда жена уѣхала отъ него и затѣяла съ нимъ разорительный процессъ, когда у нихъ уже было одиннадцать дѣтей. Во время самаго сожительства онъ относился къ ней снисходительно, отстаивалъ ее отъ нападковъ брата, скрывалъ ея недостатки и пороки. Онъ все надѣялся уладить свои отношенія съ нею и свои фамильныя, помѣстныя дѣла. Но братъ его отлично понималъ маркизу и питалъ къ ней неодолимое отвращеніе. Когда она поручала мужу передавать ему похвалы и поклоны, онъ отвѣчалъ старшему брату: «Пожалуйста, не говори ничего твоей женѣ о нашихъ сношеніяхъ съ министрами. Я не предполагаю въ ней злыхъ намѣреній, но ея вѣчная болтовня, ея безразсудство и страсть восхвалять меня, отъ чего я уже тысячу разъ просилъ меня избавить, пугаютъ меня больше, чѣмъ злонамѣренность другихъ». Онъ не разъ упрекалъ брата въ слабости характера, которая мѣшаетъ ему сдерживать суетливость и своенравныя выходки жены. Во время ссылки маркиза въ Биньонъ, когда онъ ужасался своего супружескаго tête-à-tête съ женою и желалъ, во что бы то ни стало, иначе устроить свою жизнь, братъ писалъ ему: «Я знаю, что ты имѣешь собственныя причины не любить того мѣста, гдѣ теперь находишься, но это должно заставить тебя призадуматься надъ недостаточностью разсчетовъ

При всемъ томъ, мать маркизы вскорѣ пріѣхала въ Парижъ для новыхъ переговоровъ съ зятемъ, и убѣдила его обязаться письменно выплачивать женѣ до десяти тысячъ франковъ вмѣсто условленныхъ первоначально — шести.

Казалось бы, супруги могли мирно разойтись теперь по исполненіи всѣхъ требованій, поставленныхъ для этого маркизой. Но она страстно любитъ игру; она заранѣе проигрываетъ свою увеличенную пенсію и остается безъ денегъ. Ея кредиторы обращаются съ своими требованіями къ мужу, и онъ вычитаетъ ихъ претензіи изъ выдаваемой женѣ пенсіи. Маркиза протестуетъ и жалуется; до мужа доходитъ въ Парижѣ свѣдѣніе объ ея ссорѣ съ матерью и связи съ однимъ лейбъ-гвардейцемъ. И вотъ, онъ рѣшается прибѣгнуть къ тому опасному средству, которымъ онъ впослѣдствіи такъ часто злоупотреблялъ въ ущербъ собственной репутаціи и собственному спокойствію: онъ выпрашиваетъ у министра Бертена тайное повелѣніе объ арестованіи жены (lettre de cachet) и заключаетъ ее въ одинъ лиможскій монастырь. За одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ, когда управляющій помѣстьемъ Мирабо̀ совѣтовалъ маркизу испросить два такихъ повелѣнія противъ двухъ негодяевъ помѣстья, и правительство отказало въ нихъ, маркизъ писалъ: «Я никогда не возобновлю подобной просьбы, и сожалѣю о томъ, что обратился съ нею къ правительству, хотя моя просьба и осталась безъ послѣдствій. На все есть правильные суды; у нихъ свои недостатки, но мы должны терпѣть эти недостатки, а не пользоваться нашимъ привилегированнымъ положеніемъ, чтобъ извращать дѣло юстиціи. Я не возобновлю подобной просьбы, и совѣтую моимъ наслѣдникамъ никогда не дѣлать этого, какъ бы ни были благовидны ихъ частныя соображенія, потому что такое средство, по своимъ послѣдствіямъ, есть большое злоупотребленіе». Теперь онъ примѣнилъ однако это осужденное имъ средство къ женѣ, и сдѣлалъ крупную несправедливость, ставъ судьею въ собственномъ дѣлѣ и не будучи самъ образцомъ супружеской

вѣрности. Это средство было въ то же время и безразсудно: оно ожесточало женщину, противъ которой было направлено, и могло вызвать ее на скандалъ, котораго самъ маркизъ такъ сильно опасался.

Вслѣдъ за выдачей тайнаго приказа объ арестѣ, въ министерствѣ былъ составленъ проектъ сдѣлки между супругами, по которому маркизѣ предоставлялось поселиться, въ качествѣ свободной пансіонерки, въ любомъ изъ лиможскихъ монастырей, выходить оттуда только для визитовъ въ городѣ, но не выѣзжать въ другіе города и мѣстности Франціи безъ вѣдома и согласія мужа. Мужъ, съ своей стороны, обязывался испросить отмѣну тайнаго приказанія объ арестѣ жены, и исправно выплачивать ей по пятисотъ франковъ ежемѣсячно. Двѣ копіи съ этого акта были вручены супругамъ, а третья осталась у министра, «дабы впредь новыя жалобы не могли служить поводомъ къ правительственному вмѣшательству, пока настоящее условіе будетъ въ точности исполняемо». Но раздраженная жена только и думала, что о мщеніи, и съ этого времени между супругами возгорается свирѣпая война, въ которой дѣтямъ очень трудно оставаться нейтральными. Дождавшись смерти своей матери, которая оставила ей восемь тысячъ ливровъ дохода, маркиза требуетъ, чтобы мужъ и теперь продолжалъ выплачивать ей прежнюю пенсію; маркизъ, напротивъ, считаетъ уже возможнымъ уменьшить ее. Ей совѣтуютъ, да и сама она очень рада начать процессъ о разводѣ. Какъ нарочно, судьба устроила такъ, что деньги на расходы по процессу были ей доставлены самимъ маркизомъ.

Въ ноябрѣ 1769 года онъ выдалъ за маркиза де-Кобри третью и самую красивую изъ своихъ дочерей, о которой онъ сначала отзывался восторженно. Онъ далъ ей въ приданое, какъ и старшей дочери, восемьдесятъ тысячъ ливровъ, но не могъ уговорить ея бабушку, мать своей жены, дать и этой внучкѣ такое же приданое, какое она дала старшей. Юная маркиза почувствовала сильную зависть къ

сестрѣ и негодованіе противъ отца, хотя онъ и сдѣлалъ все возможное, чтобы доставить и ей то же, что получила отъ бабушки ея старшая сестра, а противилась этому именно ея мать. Она-то и дала своей матери на процессъ двадцать тысячъ ливровъ изъ денегъ, полученныхъ въ приданое отъ отца, выговоривъ себѣ у матери выгодное завѣщаніе. Она же увлекла въ тѣсный союзъ съ матерью своего старшаго брата, оратора, который, какъ и самъ маркизъ, впослѣдствіи возненавидѣлъ ее.

Въ декабрѣ 1773 года, маркизъ вдругъ узнаетъ, что жена его, съ которой онъ разошелся одиннадцать лѣтъ тому назадъ, пріѣхала въ Парижъ, несмотря на принятыя имъ запретительныя мѣры, въ сопровожденіи одного лимузенскаго дѣльца и одного аббата, и пріѣхала съ деньгами. Напрасно жаловался онъ министру на нарушеніе извѣстныхъ читателю условій соглашенія между ними; министръ отвѣчалъ, что нельзя помѣшать женѣ вѣдаться съ мужемъ судебнымъ порядкомъ. Предвидя вторженіе жены въ домъ (она предварительно должна была доказать суду на дѣлѣ, что мужъ не желаетъ жить съ нею), маркизъ уѣзжаетъ въ деревню, номинально передавъ свой парижскій домъ въ наемъ своему брату. Маркиза живетъ пока у одной изъ своихъ родственницъ; у ней еще есть въ Парижѣ друзья и сторонники. На этотъ разъ дѣло однако же кончилось новою сдѣлкой, по которой маркиза обязалась возвратиться въ Лимузенъ и жить тамъ, а мужъ — платить ей пенсію въ десять тысячъ франковъ и снабдить хорошею мебелью то имѣніе ея матери, которое приносило ей, сверхъ того, восемь тысячъ ливровъ дохода. Но и это соглашеніе недолго укрощало раздраженную супругу. Она вскорѣ стала жаловаться, что мужъ прислалъ ей плохую и старую мебель, что онъ не исполняетъ подписанныхъ ими условій, что онъ живетъ на ея счетъ, и черезъ годъ начала процессъ о разводѣ, предварительно явившись въ домъ мужа, въ сопровожденіи двухъ нотаріусовъ, удостовѣрившихъ, что мужъ не поже-

лалъ ее видѣть. Судъ уважилъ просьбу маркизы и допустилъ тотъ видъ развода, который извѣстенъ во Франціи подъ именемъ séparation de corps. Тогда маркизъ возобновилъ переговоры о соглашеніи, чтобы не довести до раздѣла имѣній (séparation de biens); но въ это время палъ Тюргò, физіократы утратили свое значеніе, и сторонники маркизы убѣдили ее обратиться къ общественному мнѣнію. Въ сентябрѣ 1776 года появилась оскорбительная для маркиза брошюра, подписанная его женой и ея адвокатомъ. Маркизъ былъ изображенъ въ ней олицетвореніемъ разврата, двоедушія, алчности и тиранства. Нѣсколько удачныхъ выписокъ изъ его писемъ къ женѣ, въ которыхъ сказывалось его непомѣрное тщеславіе, сильно возбудили противъ него публику. Брошюра тѣмъ не менѣе была и очень плохо написана, и чрезвычайно груба. Маркиза жаловалась въ ней публикѣ даже на подозрительное здоровье своего мужа, на зараженную его кровь, «которая, по счастью, не перешла, кажется, къ ихъ дѣтямъ». Но этого мало. Маркиза и дочь ея, г-жа де-Кобрѝ, издали вслѣдъ затѣмъ, въ видѣ «Записки графа Мирабò» (оратора, старшаго сына маркиза), письма, написанныя имъ изъ заключенія, куда онъ былъ посаженъ отцомъ съ помощью lettre de cachet, къ министру Мальзербу, и въ которыхъ раздраженный сынъ рѣзко нападалъ на отца.

Къ общему удивленію, маркизъ ничего не отвѣчалъ на эти оскорбленія. «Отвѣчать? — писалъ онъ своему брату на его совѣты. — Но кому и на чтò? Чтобы навлечь себѣ новыя клеветы? Говорятъ, это показываетъ пренебреженіе къ публикѣ, — какъ будто публика можетъ быть моимъ судьею?» Онъ напечаталъ однако же отчетъ о своемъ управленіи собственными и жениными имѣніями, въ которомъ выставлялъ себя искуснымъ и благоразумнымъ администраторомъ. Но въ этомъ трудно было согласиться съ нимъ, а остальные пункты нападокъ были оставлены имъ безъ отвѣта. Человѣку, даже и безупречному, оскорбительно и

трудно отвѣчать на публичные упреки въ невѣрности не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ, а маркизъ не былъ безупреченъ въ этомъ отношеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ впервые разошелся съ женой, ея мѣсто заняла г-жа де-Пайи, которую онъ очень сильно любилъ и уважалъ, и которую пришлось бы вывести на общій судъ. Этого онъ не могъ желать, это было бы слишкомъ скандально и жестоко.

Г-жа де-Пайи была, дѣйствительно, хозяйкой въ домѣ маркиза. По вторникамъ она участвовала въ собраніяхъ физіократовъ. При этомъ, конечно, соблюдались приличія, но въ домѣ хорошо знали, въ чьихъ рукахъ находятся бразды правленія. Ея отношенія къ дѣтямъ маркиза были очень тяжелы и фальшивы, какъ ни старалась она ладить съ ними. Ея переписка показываетъ, какъ сильно она чувствовала эту непріятную сторону своего положенія. Но маркизъ питалъ безусловное довѣріе къ ея разсудку и справедливости. Умирая семидесяти-четырехъ лѣтъ, послѣ тридцатилѣтней связи съ нею, онъ любилъ ее еще сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде. Дѣти маркиза приписывали ей корыстные виды; но мы знаемъ изъ писемъ отца, что онъ остался ей долженъ сорокъ-двѣ тысячи ливровъ, которыя составляли почти все ея состояніе. Дѣтямъ не могла быть симпатична эта посторонняя женщина, имѣвшая такъ много вліянія на отца и, черезъ него, на ихъ собственное положеніе. Не разъ старались они привлечь на свою сторону дядю, чтобы черезъ него дѣйствовать на отца противъ этой женщины. Маркизъ, между тѣмъ, подробно объяснялъ своему брату въ длинномъ письмѣ, какъ много обязаны ей всѣ его дѣти. При такихъ условіяхъ, дѣти не были искренни ни съ нимъ, ни съ нею. Того, что называется семействомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, тутъ уже не было и не могло быть. Дѣти играли въ семьѣ двуличную роль. Въ 1788 году, когда графу Мирабо̀, будущему трибуну, понадобилось содѣйствіе отца, съ которымъ онъ разсорился, чтобы быть выбраннымъ въ Провансѣ, онъ написалъ изы-

сканно любезное, почтительное и льстивое письмо къ той самой женщинѣ, которую нерѣдко называлъ «куртизанкой», въ своихъ письмахъ къ другимъ. Но отношенія графа Мирабо къ отцу скорѣе принадлежатъ къ его біографіи, чѣмъ къ біографіи маркиза. Мы скажемъ здѣсь только, что будущій трибунъ, потомокъ цѣлаго ряда своеобразныхъ предковъ, дитя разстроенной и безпорядочной семьи, не отличался ни твердостью нравственныхъ правилъ, ни постоянствомъ своихъ привязанностей. Онъ рано женился на наслѣдницѣ богатой семьи; при этомъ отецъ сдѣлалъ его соучастникомъ по управленію своими имѣніями и назначилъ ему хорошее содержаніе, тогда какъ мать отнеслась безучастно, даже враждебно, къ его браку. Но довольно было и одного года, чтобъ онъ надѣлалъ въ своемъ новомъ положеніи большихъ долговъ. Маркизъ и тутъ не погнушался прибѣгнуть къ lettres de cachet. Заключенный отцомъ, при содѣйствіи правительства, за безпорядочную жизнь и огромные долги, графъ Мирабо принимаетъ сторону матери, является врагомъ отца и ея адвокатомъ, издаетъ противъ отца жестокій пасквиль въ Голландіи; потомъ примиряется съ нимъ и становится такимъ ревностнымъ его защитникомъ на судѣ и противникомъ матери. Всѣ дѣти маркиза прошли въ своей жизни черезъ эти два враждебныхъ лагеря, и аристократическіе планы и мечты его рушились къ концу его жизни не только вслѣдствіе наступившей революціонной бури, но и по внутреннимъ причинамъ, глубоко лежавшимъ въ самомъ строѣ его семьи и домашнихъ отношеній, по дрянности его характера, по собственной его нравственной распущенности. Изъ популярнаго и любимаго писателя, онъ превратился подъ конецъ, въ глазахъ публики, въ ненасытнаго любителя тайныхъ королевскихъ повелѣній объ арестованіи людей, ему неудобныхъ. Это дѣлало его ненавистнымъ обществу и даже суду, который издавна не терпѣлъ административнаго вмѣшательства въ дѣла, подлежащія вѣдѣнію юстиціи. Вслѣд-

ствіе новаго прошенія маркизы о раздѣлѣ имѣній, поданнаго въ 1781 году, парижскій парламентъ рѣшилъ дѣло въ ея пользу, хотя защитникомъ мужа на судѣ былъ на этотъ разъ его старшій сынъ, графъ Мирабò, будущій трибунъ, который такъ же рѣшительно и цинически отстаивалъ теперь отца въ присутствіи очень многочисленной публики, какъ защищалъ прежде свою мать. «Въ концѣ-концовъ, судьи убили меня 18-го мая, писалъ маркизъ своему брату, прибавляя, что ему остается только посовѣтовать тѣмъ своимъ дѣтямъ, которые держатъ его сторону, поставить на его могилѣ слѣдующую эпитафію:

«L'ami du genre humain gît dessous cette table.
Il vécut malheureux et mourut misérable».

Эпитафія вполнѣ отвѣчала обстоятельствамъ жизни этого человѣка. Имущественный разводъ съ женой разорялъ его въ конецъ, разрушая до-тла всѣ тѣ дворянскіе планы, ради которыхъ онъ съ молодыхъ лѣтъ связалъ свою судьбу съ судьбою женщины ему чуждой, потомъ враждебной и недостойной во всѣхъ отношеніяхъ. Эпитафія отвѣчаетъ, по нашему мнѣнію, и общественной дѣятельности маркиза. Черезъ все, что онъ писалъ, печаталъ и предпринималъ, проходятъ красною ниткой именно эти планы, сгубившіе его домашнюю жизнь и общественную дѣятельность. Онъ былъ и умнѣе, и образованнѣе большинства французскихъ аристократовъ того времени; онъ понималъ, что устарѣлые административные порядки безплодно истощаютъ и разоряютъ Францію, что они уже не могутъ долго держаться; онъ предвидѣлъ неизбѣжность кризиса. Но у него не достало ни мужества, ни характера покончить съ этими порядками въ теоріи и на практикѣ, онъ пользовался ими въ своихъ личныхъ дѣлахъ, прибѣгалъ подъ сѣнь ихъ противъ неудобныхъ людей своего помѣстья, противъ жены, противъ женатаго сына и замужней дочери; самая его приверженность къ Кенэ и физіократіи въ значительной степени объясняется желаніемъ поддержать, путемъ физіокра-

тическихъ преобразованій, авторитетъ и имущественное положеніе своей фамиліи. Это былъ свѣтскій человѣкъ и аристократъ въ душѣ, не лишенный литературнаго дарованія, пустившій въ оборотъ нѣсколько полезныхъ и смѣлыхъ для его времени идей, изъ которыхъ онъ однако никогда не умѣлъ извлекать конечныхъ выводовъ. Сначала эти идеи доставили ему громкую извѣстность врага злоупотребленій, защитника справедливости и преобразованій. Но онъ такъ и замеръ на нихъ тогда, когда другіе шли дальше, и знаменитое прозваніе «друга человѣка», нѣкогда пользовавшееся общимъ уваженіемъ и почетомъ, подъ конецъ его жизни произносилось уже съ ироніей, презрѣніемъ, даже съ негодованіемъ. Семейные раздоры маркиза, конечно, много способствовали упадку его популярности; но тотъ же упадокъ объясняется и его неумѣньемъ стоять въ уровень съ нарождающимися вѣяніями времени, его враждою къ передовымъ людямъ великой эпохи, его дворянскимъ презрѣніемъ къ «философіи», въ которой собственно и заключалась вся суть, весь смыслъ тогдашняго умственнаго движенія. Какъ только обстоятельства серьезно потѣснили и потерли не въ мѣру прославленнаго сначала реформатора, общество сразу увидѣло, подъ оболочкой «друга людей», закоренѣлаго эгоиста, всегда готоваго прибѣгнуть къ содѣйствію той самой системы централизаціи и административнаго произвола, противъ которой онъ, повидимому, вооружался такъ искренно и самоотверженно. Глубина его паденія не могла не соотвѣтствовать неумѣренной высотѣ, на которую онъ былъ вознесенъ общественнымъ мнѣніемъ по случайному стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ.

Таковъ былъ отецъ знаменитаго оратора 1789 года.

ВОЛЬТЕРЪ, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Voltaire et la société au XVIII-e siècle, par Gustave Desnoiresterres, 7 volumes, Paris, 1871—76. — Strauss, Dr. F.: Voltaire. 6 Vorträge. 3-te Auflage. Leipzig. 1873. — Полныя новѣйшія собранія сочиненій (Oeuvres complètes) Вольтера, Дидо въ 13-ти и Гашетта въ 46-ти томахъ.

На важнѣйшихъ распутьяхъ политической и литературной жизни человѣчества всегда стоятъ имена, съ дѣятельностью которыхъ связаны неразрывно крутой поворотъ и сильный переломъ, и къ которымъ потомство долго не можетъ относиться безпристрастно и объективно. Къ числу такихъ именъ принадлежитъ и громкое имя Вольтера. Знаменитый боецъ за коренныя блага новѣйшей европейской образованности постоянно былъ, и при жизни, и почти столѣтіе послѣ своей смерти, предметомъ страстной любви или ненависти, восторженныхъ похвалъ или слѣпой вражды и огульнаго осужденія. Являясь носителемъ и двигателемъ прогрессивныхъ идей своего времени, положившихъ основаніе современному строю европейскихъ обществъ и свободному движенію политической жизни и научнаго изслѣдованія, онъ оставался въ глазахъ консерваторовъ всякаго оттѣнка какимъ-то демоническимъ порожденіемъ злаго духа, направленнаго къ беззавѣтному разрушенію коренныхъ основъ государства, религіи и морали, одно имя котораго не-

удержимо вызывало проклятія на ихъ уста. Слово «вольтерьянецъ» долгое время несправедливо и невѣрно оставалось, да и теперь еще остается въ ихъ представленіяхъ, равносильнымъ слову «богохульникъ» или «безбожникъ». Поклонники Вольтера и цѣнители его дѣйствительныхъ общественныхъ заслугъ не могли при этомъ оставаться въ долгу у фанатическихъ его хулителей. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ жгучихъ вопросахъ, они относились къ нему съ тѣмъ же слѣпымъ увлеченіемъ, только въ противоположномъ смыслѣ. Темныя пятна его характера и дѣятельности проходились молчаніемъ или обѣлялись во что бы то ни стало.

Это страстное отношеніе къ человѣку, почти сто лѣтъ тому назадъ сошедшему въ могилу, начинаетъ проходить только теперь. Послѣднее десятилѣтіе особенно богато біографическими и историко-литературными изслѣдованіями о Вольтерѣ, которыя даютъ возможность спокойно и правдиво возстановить во всей его реальности привлекательный образъ великаго французскаго писателя, стоявшаго на рубежѣ двухъ міровъ и такъ много способствовавшаго умственному росту человѣчества. Матеріаловъ для такой работы накопилось очень много. Кромѣ самыхъ сочиненій Вольтера и его автобіографіи, современнымъ его біографамъ стали доступны тысячи писемъ этого замѣчательнаго человѣка, мемуары его современниковъ, между которыми онъ занималъ самое выдающееся положеніе, особенно записки трехъ его домашнихъ секретарей (Лоншана, Коллини и Ваньера), такъ что новѣйшіе біографы великаго писателя, Денуаретерръ и Штрауссъ, могли вполнѣ выяснить всѣ стороны его жизни и дѣятельности, и представить намъ уже не полу-миѳическаго Вольтера, какимъ дѣлали его поклонники и хулители, пустившіе въ ходъ небывалыя легенды о предметѣ своей любви или ненависти, но Вольтера дѣйствительнаго, связаннаго кровными узами съ общей жизнію восемнадцатаго вѣка, со всѣми его сильными и

слабыми сторонами, съ его умственными доблестями и нравственными пороками. Слѣпому поклоненію и слѣпой ненависти, огульнымъ похваламъ, какъ и огульному обвиненію уже не остается мѣста въ сужденіяхъ о Вольтерѣ, какъ историческомъ лицѣ, общественномъ дѣятелѣ и частномъ человѣкѣ. Какъ всѣ великіе таланты, онъ былъ дитя своего времени, порожденіе чрезвычайно сложныхъ условій европейской, въ особенности французской жизни XVIII столѣтія, которыя, какъ въ фокусѣ, ярко отразились въ этомъ писателѣ своего вѣка по преимуществу. Долгая жизнь и неувядавшій талантъ сдѣлали его блестящимъ современникомъ нѣсколькихъ поколѣній. По отношенію къ французской поэзіи, Вольтеръ былъ еще отголоскомъ классическаго періода въ ея исторіи; но онъ не остановился на этомъ: онъ пошелъ въ уровень со смѣнившей этотъ періодъ порой популяризаціи идей и знаній и сопровождалъ ее почти до самаго порога великихъ реформъ 1789 года. Его дѣтство и начало юныхъ лѣтъ совпадаютъ съ послѣдними годами Людовика XIV; послѣдніе годы его юности и начало зрѣлыхъ лѣтъ протекли при регентствѣ Филиппа Орлеанскаго; продолжительное царствованіе Людовика XV совпало съ средними годами и закатомъ его жизни, и въ своей глубокой старости онъ еще могъ привѣтствовать надежды, возбужденныя вступленіемъ на престолъ Людовика XVI. Какъ рѣка несетъ съ собою до предѣла своего теченія составныя части горъ и долинъ, омываемыхъ ею на пути, такъ и въ жизнь Вольтера вошли впечатлѣнія, принятыя имъ въ разное время, особенно впечатлѣнія молодости.—Это сравненіе Штраусса очень удачно въ примѣненіи къ такому крупному общественному явленію, какъ жизнь и дѣятельность Вольтера. Эта жизнь и эта дѣятельность также представляютъ четыре различныхъ поры: пору юности, до тридцати-двухъ-лѣтняго возраста, когда складываются его натура, талантъ и самая судьба, и обстоятельства приводятъ его подъ конецъ, въ 1726 году, въ Англію. Трехлѣтнимъ

пребываніемъ въ Англіи начинается второй и самый важный періодъ въ жизни Вольтера, когда умъ его обогащается богатыми вкладами англійской жизни и литературы, которыми онъ потомъ блистательно пользуется въ своемъ отечествѣ, періодъ сближенія съ умной маркизой Шателè и ученаго уединенія въ зàмкѣ Сирэ. Пора эта заключается смертью маркизы въ 1749 году; пятидесяти-пяти-лѣтній Вольтеръ принимаетъ наконецъ возобновлявшееся много разъ приглашеніе Фридриха-Великаго и переселяется въ Пруссію. Этотъ третій періодъ былъ, послѣ блестящаго начала, самою тревожной и непріятной порой въ жизни Вольтера. Отвергнутый Германіей и холодно принятый французскимъ правительствомъ, онъ, послѣ многихъ странствованій, поселяется сначала во французской Швейцаріи, потомъ на самой границѣ Франціи. Съ пріобрѣтеніемъ Фернэ въ 1758 году, гдѣ онъ поселился окончательно два года спустя, начинается послѣдній, двадцатилѣтній періодъ, который по справедливости признается важнѣйшей и прекраснѣйшей порой этой долгой и плодотворной жизни по числу и достоинству сочиненій Вольтера, по обширности его вліянія, по блеску его славы и по его общественному положенію.

I.

Франсуа-Мари Аруэ, впослѣдствіи Вольтеръ, родился 21-го ноября 1694 года, въ Парижѣ. Его отецъ, родомъ изъ Пуату, прежде нотаріусъ въ Шателè, перемѣнилъ потомъ это положеніе на должность казначея счетной палаты, заплативъ за нее десять тысячъ франковъ своему предшественнику. Онъ имѣлъ репутацію честнаго дѣльца, принималъ у себя порядочное общество и, будучи нотаріусомъ, пользовался довѣріемъ знатнѣйшихъ фамилій своего вре-

слабыми сторонами, съ его умственными доблестями и нравственными пороками. Слѣпому поклоненію и слѣпой ненависти, огульнымъ похваламъ, какъ и огульному обвиненію уже не остается мѣста въ сужденіяхъ о Вольтерѣ, какъ историческомъ лицѣ, общественномъ дѣятелѣ и частномъ человѣкѣ. Какъ всѣ великіе таланты, онъ былъ дитя своего времени, порожденіе чрезвычайно сложныхъ условій европейской, въ особенности французской жизни XVIII столѣтія, которыя, какъ въ фокусѣ, ярко отразились въ этомъ писателѣ своего вѣка по преимуществу. Долгая жизнь и неувядавшій талантъ сдѣлали его блестящимъ современникомъ нѣскольких поколѣній. По отношенію къ французской поэзіи, Вольтеръ былъ еще отголоскомъ классическаго періода въ ея исторіи; но онъ не остановился на этомъ: онъ пошелъ въ уровень со смѣнившей этотъ періодъ порой популяризаціи идей и знаній и сопровождалъ ее почти до самаго порога великихъ реформъ 1789 года. Его дѣтство и начало юныхъ лѣтъ совпадаютъ съ послѣдними годами Людовика XIV; послѣдніе годы его юности и начало зрѣлыхъ лѣтъ протекли при регентствѣ Филиппа Орлеанскаго; продолжительное царствованіе Людовика XV совпало съ средними годами и закатомъ его жизни, и въ своей глубокой старости онъ еще могъ привѣтствовать надежды, возбужденныя вступленіемъ на престолъ Людовика XVI. Какъ рѣка несетъ съ собою до предѣла своего теченія составныя части горъ и долинъ, омываемыхъ ею на пути, такъ и въ жизнь Вольтера вошли впечатлѣнія, принятыя имъ въ разное время, особенно впечатлѣнія молодости.—Это сравненіе Штраусса очень удачно въ примѣненіи къ такому крупному общественному явленію, какъ жизнь и дѣятельность Вольтера. Эта жизнь и эта дѣятельность также представляютъ четыре различныхъ поры: пору юности, до тридцати-двухъ-лѣтняго возраста, когда складываются его натура, талантъ и самая судьба, и обстоятельства приводятъ его подъ конецъ, въ 1726 году, въ Англію. Трехлѣтнимъ

пребываніемъ въ Англіи начинается второй и самый важный періодъ въ жизни Вольтера, когда умъ его обогащается богатыми вкладами англійской жизни и литературы, которыми онъ потомъ блистательно пользуется въ своемъ отечествѣ, періодъ сближенія съ умной маркизой Шателè и ученаго уединенія въ за̀мкѣ Сирэ. Пора эта заключается смертью маркизы въ 1749 году; пятидесяти-пяти-лѣтній Вольтеръ принимаетъ наконецъ возобновлявшееся много разъ приглашеніе Фридриха-Великаго и переселяется въ Пруссію. Этотъ третій періодъ былъ, послѣ блестящаго начала, самою тревожной и непріятной порой въ жизни Вольтера. Отвергнутый Германіей и холодно принятый французскимъ правительствомъ, онъ, послѣ многихъ странствованій, поселяется сначала во французской Швейцаріи, потомъ на самой границѣ Франціи. Съ пріобрѣтеніемъ Фернэ въ 1758 году, гдѣ онъ поселился окончательно два года спустя, начинается послѣдній, двадцатилѣтній періодъ, который по справедливости признается важнѣйшей и прекраснѣйшей порой этой долгой и плодотворной жизни по числу и достоинству сочиненій Вольтера, по обширности его вліянія, по блеску его славы и по его общественному положенію.

I.

Франсуа-Мари Аруэ, впослѣдствіи Вольтеръ, родился 21-го ноября 1694 года, въ Парижѣ. Его отецъ, родомъ изъ Пуату, прежде нотаріусъ въ Шателè, перемѣнилъ потомъ это положеніе на должность казначея счетной палаты, заплативъ за нее десять тысячъ франковъ своему предшественнику. Онъ имѣлъ репутацію честнаго дѣльца, принималъ у себя порядочное общество и, будучи нотаріусомъ, пользовался довѣріемъ знатнѣйшихъ фамилій своего вре-

мени. Мать Вольтера, Марія-Маргарита Домаръ, также родомъ изъ Пуату, умная и хорошо воспитанная женщина, была въ близкихъ отношеніяхъ съ поэтомъ Рошбрюномъ и изящнымъ аббатомъ Шатонёфъ, которые остались у нихъ «друзьями дома»; послѣдній былъ крестнымъ отцомъ Франсуа-Мари и имѣлъ большое вліяніе на первоначальное воспитаніе будущаго писателя. Быть можетъ, онъ былъ и дѣйствительнымъ отцомъ его. Правда, это опровергается слѣдующимъ четверостишіемъ уже пятидесятилѣтняго Вольтера, обращеннымъ къ герцогу Ришелье, гдѣ онъ ведетъ свое происхожденіе отъ другаго «друга дома», Рошбрюна:

Je crains bien qu'en cherchant de l'esprit et des traits,
Le bâtard de Rochebrune
Ne fatigue et n'importune
Le successeur d'Armand et les esprits bien faits [1]).

Но въ этомъ четверостишіи Вольтеръ говоритъ иносказательно и, вѣроятно, упоминаетъ имя поэта Рошбрюна въ смыслѣ Аполлона; онъ хочетъ сказать, что если онъ и дитя поэта, автора неважныхъ кантатъ и пѣсенъ, то развѣ только съ лѣвой и незаконной стороны. Неразборчивый на предметы своихъ шутокъ, Вольтеръ дѣлаетъ подобный намекъ и въ письмѣ къ поэту Дюшè, гдѣ онъ проситъ не возносить его до небесъ и говоритъ, между прочимъ, что онъ

. . . bien éloigné, ma foi,
D'avoir une vierge pour mère [2]).

Дѣйствительно, у его матери было пятеро дѣтей: Франсуа-Арманъ, умершій въ дѣтствѣ, суровый янсенистъ Арманъ, наслѣдовавшій отцу въ его должности; дочь Маргарита-Катерина, вышедшая за Миньо; Роберъ, умершій въ дѣтствѣ, какъ и старшій братъ его, и наконецъ, будущій писатель,

---

[1]) Сильно опасаюсь, чтобы въ своихъ поискахъ за умомъ и остротами незаконный сынъ Рошбрюна не утомилъ и не наскучилъ преемнику Армана и умнымъ людямъ.

[2]) Очень далекъ отъ того, чтобы родиться отъ дѣвушки.

родившійся до того хилымъ ребенкомъ, что одно время ожидали съ часа на часъ его смерти. Особенно нуждаясь въ попеченіяхъ матери, этотъ слабый ребенокъ рано лишился ея: она умерла, лѣтъ сорока отъ роду, когда ему было только семь лѣтъ, а онъ уже въ то время отличался замѣчательной бойкостью и пытливостью. Трехъ лѣтъ отъ роду, онъ уже зналъ наизусть далеко не благочестивую поэму Жана-Батиста Руссо: «Моизіаду» со словъ своего крестнаго отца Шатонёфа, и постоянно обращался къ окружающимъ съ вопросами. По смерти жены, отецъ еще три года продержалъ мальчика дома, а потомъ помѣстилъ его въ іезуитское училище Людовика-Великаго. Мальчику было тогда десять лѣтъ. По правиламъ заведенія, за пансіонъ платили четыреста франковъ; но эта плата возвышалась для тѣхъ, кто не желалъ довольствоваться общими условіями жизни воспитанниковъ. Сыновья знатныхъ людей имѣли каждый отдѣльную комнату, въ которой помѣщались съ своимъ особымъ наставникомъ и особымъ слугой. Дѣти достаточныхъ, но менѣе притязательныхъ людей, жили по пяти человѣкъ въ одной комнатѣ, подъ начальствомъ такъ-называемаго префекта. Такъ устроилъ своего сына и Аруэ. Отецъ Тульѐ, переименовавшійся въ аббата Оливѐ (анаграмма имени Тульѐ), впослѣдствіи собратъ Вольтера по академіи, былъ сначала его префектомъ. Слава Вольтера, какъ писателя извѣстнаго направленія, породила множество разсказовъ о пребываніи его въ этой школѣ, объ его выходкахъ, рано обнаружившихъ его свободомысліе и желаніе прославиться. Но эти разсказы, за немногими исключеніями, совершенно легендарнаго свойства и, вѣроятно, сложились уже тогда, когда вполнѣ опредѣлились особенности его ума и направленія. Разсказываютъ напримѣръ, что въ одномъ случаѣ онъ назвалъ небо — дортуаромъ міра; что одинъ изъ наставниковъ его, отецъ Лежэ, раздраженный какимъ-то «неумѣстнымъ» возраженіемъ мальчика, вскочилъ съ своей каѳедры, взялъ его за воротъ и закричалъ:

«Несчастный! ты будешь знаменемъ деизма Франціи!» Его духовникъ, отецъ Паллу, отозвался о немъ, что «этотъ мальчикъ снѣдаемъ жаждой славы». Но достовѣрно то, что въ школѣ завязались у Вольтера на всю жизнь близкія отношенія и къ аристократическимъ товарищамъ, впослѣдствіи занимавшимъ высокое общественное положеніе и крупныя административныя должности, и къ нѣкоторымъ наставникамъ. Воспоминанія школьной жизни всегда были исполнены въ его глазахъ особенной привлекательности и свѣжести, и онъ возвращался къ нимъ постоянно съ наслажденіемъ и благодарностью. Ни образъ мыслей его, враждебный католическому духовенству, ни свѣтскій образъ жизни никогда не могли изгладить въ немъ этихъ дорогихъ воспоминаній дѣтства. Уже пятидесяти лѣтъ отъ роду, онъ писалъ отцу Латуру: «Я воспитывался семь лѣтъ у людей, безмездно и неутомимо трудившихся надъ умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ юношества... Никогда не забуду я отца Порэ, который одинаково дорогъ всѣмъ, кто у него учился. Никто и никогда не дѣлалъ ученья и добра болѣе привлекательными. Часы его уроковъ были для насъ часами блаженства, и я желалъ бы, чтобъ онъ поселился въ Парижѣ, какъ въ Аѳинахъ, и чтобы люди всякаго возраста могли присутствовать на такихъ урокахъ: я часто приходилъ бы слушать ихъ. Я имѣлъ счастіе воспитываться подъ вліяніемъ нѣсколькихъ іезуитовъ вродѣ отца Порэ и знаю, что онъ имѣетъ достойныхъ преемниковъ. Пробывъ семь лѣтъ въ ихъ заведеніи, я только и видѣлъ у нихъ самую трудовую, самую воздержную и правильную жизнь, видѣлъ ихъ часы подѣленными между заботами о насъ и обязанностями ихъ строгой профессіи. Ссылаюсь на тысячи людей, такъ же воспитанныхъ ими, какъ и я, и ни одинъ не скажетъ, что я говорю неправду...»

Но эти похвалы Вольтера относятся только къ наставникамъ его дѣтства, и ни мало не мѣшаютъ свободѣ его

сужденій объ іезуитахъ и духовенствѣ вообще. Въ «Философскомъ Словарѣ» и въ «Кандидѣ» онъ безпощадно преслѣдовалъ іезуитовъ насмѣшками, какъ ни велика была его нѣжность къ отцу Порэ и другимъ наставникамъ школы. Съ ними онъ былъ въ постоянной перепискѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ оказывалъ имъ большое уваженіе и трогательное вниманіе. Одно письмо его къ аббату Оливè оканчивается слѣдующими словами: «Vale, dilige tuum amicum, tuum discipulum» [1]). Когда появилась его «Меропа», онъ писалъ другому наставнику школы, отцу Турнмину: «Дорогой и высокочтимый отецъ, правда ли, что вамъ понравилась моя «Меропа»? Узнали ли вы въ ней нѣкоторыя изъ благородныхъ чувствъ, внушенныхъ вами въ дѣтствѣ? Si placet tuum est: я говорю это всегда, когда заходитъ рѣчь о васъ и объ отцѣ Порэ». Знаменитая «Генріада» была послана Вольтеромъ отцу Порэ при любезнѣйшемъ письмѣ, которое начиналось такъ: «Если, высокоуважаемый отецъ, вы еще помните человѣка, который всю жизнь будетъ вспоминать о васъ съ самою нѣжною признательностью и полнымъ уваженіемъ, примите снисходительно это сочиненіе и отнеситесь ко мнѣ какъ къ сыну, который, послѣ многихъ лѣтъ, представляетъ своему отцу плодъ своихъ трудовъ въ искусствѣ, которому онъ нѣкогда учился у васъ».

Но къ этому простому, понятному и трогательному чувству благодарности и уваженія, примѣшивалось у Вольтера и нѣчто такое, что отзывается сильнымъ преувеличеніемъ и неискренностью, и едва ли можетъ быть объяснено иначе, какъ всѣмъ тогдашнимъ строемъ жизни, съ раннихъ лѣтъ пріучавшимъ человѣка къ безправію и неискренности. Въ томъ же письмѣ къ отцу Порэ, Вольтеръ умоляетъ своего высокочтимаго друга наставить его, такъ ли онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи о религіи, какъ слѣдуетъ говорить о ней, и выказывалъ желаніе заслужить его уваженіе

[1]) Прощай, люби твоего друга, твоего ученика.

не какъ авторъ только, но и какъ «христіанинъ». Девять лѣтъ спустя, уже въ 1738 году, въ письмѣ къ отцу Турмину, онъ заходитъ еще дальше. «Если,— пишетъ онъ,— въ какихъ-нибудь другихъ сочиненіяхъ моей юности (этой поры ошибокъ), которыя не назначались для печати, которыя были искажены, поддѣланы, которыхъ я никогда не одобрялъ,— если въ нихъ встрѣчаются мысли, на которыя можно пожаловаться, то отвѣтъ мой будетъ коротокъ: я готовъ безпощадно стереть все, что можетъ скандализировать, какъ бы ни было оно въ сущности невинно. Мнѣ не трудно исправлять самого себя»... Опасаясь, что приличія не позволятъ почтеннымъ отцамъ продолжать дружескую переписку съ писателемъ, уже такъ сильно повредившимъ себѣ въ мнѣніи католической церкви, онъ успокоивалъ такимъ образомъ ихъ совѣсть и давалъ имъ возможность сослаться на его письма своему начальству. Отецъ Турминъ даже заявлялъ желаніе «обуздать его» своими наставленіями.

Въ школѣ, мальчикъ Аруэ нерѣдко удалялся отъ своихъ товарищей и проводилъ свободные часы въ обществѣ отцовъ Порэ и Турмина, которыхъ осыпалъ своими вопросами. Когда его упрекали за то, что онъ не танцуетъ, не бѣгаетъ, не поётъ или не смѣется съ товарищами, онъ отвѣчалъ, что всякій веселится по-своему. Больше всего интересовался онъ исторіей, и притомъ современной исторіей, и политикой. Отецъ Порэ говорилъ о немъ, что «онъ любитъ взвѣшивать на своихъ маленькихъ вѣсахъ великіе интересы Европы».

Но духъ воспитанія и времени сдѣлалъ его прежде всего стихотворцемъ. Съ трехлѣтняго возраста, какъ мы уже сказали, Шатонёфъ научилъ его говорить басни Лафонтена и пересказывать «Моизіаду». Двѣнадцати лѣтъ, уже въ школѣ, онъ дѣлалъ переводы изъ Анакреона, которые не могли быть отысканы его біографами, и написалъ, въ подражаніе греческой антологіи, сохранившуюся эпиграмму о подвигахъ Леандра. Но главнымъ предметомъ его юношескихъ

мечтаній по классу риторики была трагедія подъ названіемъ: «Амулій и Нумиторъ». Впослѣдствіи, отыскавъ въ своихъ бумагахъ этотъ ученическій опытъ, Вольтеръ хотѣлъ перечитать его, но не могъ одолѣть, и тутъ же бросилъ его въ огонь. Но два отрывка этой трагедіи какъ-то были спасены; пролежавъ подъ спудомъ сто-четырнадцать лѣтъ, они найдены однимъ любителемъ въ бумагахъ Вольтерова друга Тьеріо, и изданы въ 1820 году. Въ школѣ же написано имъ слѣдующее четверостишіе на заданную отцомъ Порэ тэму о смерти Нерона:

De la mort d'une mère exécrable complice,
Si je meurs de ma main, je l'ai bien mérité;
Et n'ayant jamais fait qu'actes de cruauté,
J'ai voulu, me tuant, en faire un de justice [1]).

Къ школьной жизни Вольтера относится и стихотворная просьба къ дофину, написанная имъ для одного стараго солдата. Она имѣла полный успѣхъ, доставивъ солдату нѣсколько луидоровъ и, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, внушила извѣстной Нинонъ-де-Ланкло желаніе видѣть мальчика-автора. «Аббатъ Шатонёфъ повелъ меня къ ней въ самой ранней моей юности—писалъ впослѣдствіи Вольтеръ. Мнѣ было лѣтъ тринадцать [2]). Я написалъ тогда нѣсколько никуда негодныхъ стиховъ, которые казались весьма хорошими для моего возраста. Г-жа Ланкло когда-то знала мою мать, которая была очень дружна съ аббатомъ Шатонёфъ. Такъ или иначе, находили забавнымъ вести меня къ ней. Аббатъ былъ хозяиномъ въ домѣ: имъ закончилась любовная исторія этой странной женщины. Аббатъ — одинъ изъ

[1]) Презрѣнный сообщникъ смерти матери, я вполнѣ заслужилъ смерть отъ собственной руки; не совершивъ никогда ничего кромѣ жестокостей, я хотѣлъ, наложивъ на себя руки, совершить хоть разъ справедливое дѣло.

[2]) Вольтеръ ошибается въ своемъ тогдашнемъ возрастѣ. Ему не могло быть въ то время больше одинадцати лѣтъ, потому что Нинонъ умерла въ 1705 году.

тѣхъ людей, которые не нуждаются въ прелестяхъ молодости для того, чтобы ощущать желанія, и привлекательность бесѣдъ съ госпожею Ланкло̀ замѣняла ему красоту. Она оставила его вздыхать дня два или три; потомъ, когда онъ спросилъ, отчего она такъ долго томитъ его своей суровостью, она отвѣчала, что ожидаетъ дня своего рожденія для такого празднества, а въ этотъ день ей минуло ровно семьдесятъ лѣтъ. Она не продолжала больше этой шутки, и аббатъ Шатонёфъ остался ея ближайшимъ другомъ. Я былъ представленъ ей позднѣе: она была тогда уже восьмидесяти-пяти лѣтъ. Ей было угодно внести мое имя въ свое завѣщаніе и отказать мнѣ 2,000 франковъ на книги. Вскорѣ послѣ моего посѣщенія и своего завѣщанія, она скончалась».

Стихотворство не мѣшало однако же юному Аруэ быть блестящимъ ученикомъ и получать хорошія награды за успѣхи. Въ послѣднемъ году реторики, его имя, нѣсколько разъ произнесенное на актѣ, какъ имя отличившагося, поразило Жана-Батиста Руссо̀, который пожелалъ, чтобъ онъ былъ ему представленъ. Успѣхамъ юноши не мѣшало и вліяніе его крестнаго отца, аббата Шатонёфъ, который еще въ 1706 году, когда мальчику было всего двѣнадцать лѣтъ, ввелъ его въ свѣтское общество (такъ-называемое общество du Temple), гдѣ нелишенные литературнаго образованія аристократы и аббаты-стихотворцы за хорошимъ ужиномъ и веселой попойкой остроумно издѣвались надъ двоедушной нетерпимостью послѣднихъ лѣтъ Людовика XIV, надъ условной моралью и религіозностью. Сначала Аруэ могъ показываться въ этомъ обществѣ только въ свободные дни и въ вакаціонное время, но по выходѣ изъ училища, шестнадцати лѣтъ отъ роду сдѣлался постояннымъ собесѣдникомъ и собутыльникомъ знатныхъ и изящныхъ эпикурейцевъ, передавшихъ ему, вмѣстѣ со своими тонкостями изысканной свѣтскости, то критическое отношеніе ко всему условленному и установленному вѣками, которое было тогда

въ воздухѣ и которое впослѣдствіи нашло себѣ въ немъ привлекательнаго и безпощаднаго представителя.

По выходѣ сына изъ училища, Аруэ-отецъ не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобъ онъ занялся исключительно поэзіей. Напрасно юноша увѣрялъ, что хочетъ быть только литераторомъ: отецъ находилъ такое занятіе безполезнымъ для общества и обѣщающимъ впереди возможность умереть съ голоду. Юношѣ пришлось согласиться на посѣщеніе юридической школы, гдѣ онъ былъ сразу пораженъ тѣмъ особеннымъ, отталкивающимъ и часто непонятнымъ жаргономъ, который должны были усвоивать себѣ тогдашніе юристы. Вольтеръ говорилъ впослѣдствіи, что педантическій, сухой способъ преподаванія права окончательно оттолкнулъ его къ литературѣ. Онъ ходилъ на уроки, но умъ его былъ занятъ совсѣмъ другими мыслями и соображеніями. Сношенія съ аристократами, которые носили его на рукахъ, какъ остроумнаго и блестящаго юношу, подающаго большія надежды, внушали ему высокое мнѣніе о своемъ дарованіи и все больше и больше дѣлали его свѣтскимъ человѣкомъ. Послѣ ночей, роскошно проведенныхъ въ оргіяхъ и циническихъ бесѣдахъ, ему было просто невозможно внимать деревянной латыни преподавателя въ помѣщеніи похожемъ на сарай. Къ этой порѣ жизни Вольтера относится также не мало разсказовъ, въ которыхъ дѣйствительность такъ перемѣшана съ вымысломъ, что раздѣлить ихъ почти невозможно. Живя у отца, онъ постоянно былъ не въ ладахъ съ нимъ, и они рѣдко видѣлись, а при встрѣчѣ всегда относились другъ къ другу непріязненно и рѣзко. Увлеченный свѣтскими удовольствіями и кутежами, молодой Аруэ не обращалъ никакого вниманія на противоположные вкусы отца, котораго, въ свою очередь, озлобляла безполезность его увѣщаній. «У меня нѣкогда былъ отецъ, такой же ворчунъ, какъ и Гришаръ,— писалъ Вольтеръ уже въ старости Ла-Гарпу:— однажды, страшно, и притомъ некстати, разбранивъ своего садовника и почти поколотивъ

его, отецъ сказалъ ему: «Вонъ отсюда, негодяй; поищи-ка такого терпѣливаго хозяина, какъ я». Я повелъ отца смотрѣть пьесу «Ворчунъ», попросилъ актера прибавить эти слова къ своей роли, и мой отецъ немного исправился». Чтобы отвлечь сына отъ ночныхъ похожденій и разсѣянной жизни, отецъ предложилъ ему черезъ третье лицо, что купитъ для него мѣсто, но юноша отвѣчалъ посреднику: «Скажите отцу, что я не хочу такого почетнаго положенія, которое покупается, а съумѣю создать себѣ такое, которое не потребуетъ расходовъ». Уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ съ гордостью писалъ о томъ же д'Аржансону, своему товарищу по училищу іезуитовъ: «Такъ какъ у меня не было помѣстій при моемъ вступленіи въ свѣтъ, то я имѣлъ дерзость думать, что получилъ бы мѣсто, какъ и всякій другой, еслибъ для этого требовались трудъ и добрыя намѣренія. Я съ жаромъ принялся за искусства, всегда влекущія за собою нѣкоторое униженіе, потому что они никогда не дѣлаютъ человѣка совѣтникомъ короля. Съ деньгами можно сдѣлаться рекетмейстеромъ, но съ одними деньгами нельзя написать поэму, а я написалъ поэму». Но прежде чѣмъ была написана эта поэма, молодой Аруэ соперничалъ въ стихотворствѣ съ членами того общества, въ которомъ онъ вращался, и писалъ на стихотворную задачу, предложенную французской академіей на 1712 годъ, по поводу сооруженія хоровъ въ парижской соборной церкви Богоматери, начатаго Людовикомъ XIV въ исполненіе желанія его предшественника. Аруэ не хотѣлъ пропустить этотъ случай отличиться и написалъ оду, которая начиналась такъ:

Du roi des rois la voix puissante
S'est fait entendre dans ces lieux [1]).

Но присужденіе преміи было отложено на два года.

Еще на школьной скамьѣ, молодаго Аруэ преслѣдовала

---

[1]) Могучій голосъ короля королей раздался въ этихъ мѣстахъ...

мысль — написать трагедію, которая могла бы съ-разу доставить ему большую извѣстность. Съ тѣхъ поръ прошло семь лѣтъ, юноша развился, и задумалъ остановиться на Эдипѣ, ни мало не колеблясь явиться соперникомъ отца французской классической трагедіи, Расина, котораго «Эдипъ» далеко не принадлежитъ къ числу лучшихъ его произведеній. Но этотъ замыселъ былъ прерванъ на-время удавшимися стараніями его отца удалить сына изъ Парижа. Молодой Аруэ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Каэнѣ, гдѣ лучшее общество приняло его съ открытыми объятіями, и г-жа д'Оссвилль, сама писавшая стихи, была очарована его неистощимымъ остроуміемъ и легкостью его пера; но вскорѣ ея цѣломудренная и правовѣрная муза пришла въ ужасъ отъ страшной репутаціи поэта, и когда оказалось, что онъ читаетъ въ другихъ кружкахъ вольные стихи противъ религіи и морали, г-жа д'Оссвилль перестала принимать его. Зато поэтъ подружился въ Каэнѣ съ іезуитскимъ профессоромъ реторики, отцомъ Кувриньи, котораго скандальныя похожденія надѣлали впослѣдствіи много шуму и который сильно восхищался этимъ нарождающимся талантомъ. Когда семнадцатилѣтній Аруэ возвратился въ Парижъ, отецъ упросилъ своего стараго знакомаго, маркиза Шатонёфъ, брата тому аббату, который былъ другомъ покойной г-жи Аруэ, посѣдѣвшаго въ дипломатическихъ переговорахъ и только-что назначеннаго посломъ въ Голландію, взять его сына съ собою въ качествѣ пажа или состоящаго при посольствѣ. Но юный поэтъ не нашелъ въ Голландіи того, чего ожидалъ. Правда, голландскіе нравы были для него новинкой; но пажу посла не позволялось имѣть сношенія на сторонѣ. Въ Голландіи жило тогда множество французскихъ политическихъ изгнанниковъ, и въ этомъ отношеніи пребываніе въ Гагѣ представляло много соблазновъ для француза, особенно юнаго и живого. Въ то время проживала въ этомъ городѣ француженка г-жа Дюнойе, скрывшаяся изъ Франціи съ двумя своими дочерьми вслѣдствіе церковныхъ го-

ній, жертвой которыхъ были протестанты въ концѣ царствованія Людовика XIV. Бросивъ мужа, нѣкогда занимавшаго крупныя должности въ провинціи, но не отличавшагося семейными добродѣтелями, она умѣла жить въ чужой странѣ на чужой счетъ, благодаря своей необыкновенной находчивости и неразборчивости на средства къ достиженію предположенныхъ цѣлей. Очень дурная собой и, что большая рѣдкость, открыто сознаваясь въ этомъ, но умная, ловкая, порядочно воспитанная и вмѣстѣ дерзкая, она прожила нѣкоторое время въ Англіи, развязно получая подаяніе откуда только возможно было получить его, и потомъ, истощивъ терпѣніе своихъ покровителей, переселилась въ Гагу. Здѣсь она предприняла періодическое изданіе «Quintescence», наполненное пикантными анекдотами, сплетнями, хроникой парижскаго двора,— изданіе, имѣвшее нѣкоторый успѣхъ въ виду невозможнаго, безумнаго порядка вещей во Франціи, который привелъ потомъ къ кровавой катастрофѣ. Когда молодой Аруэ прибылъ въ Гагу, старшая дочь г-жи Дюнойе была уже выдана за одного стараго офицера, съ которымъ была очень несчастлива, и на рукахъ матери оставалась одна только младшая дочь, Олимпія, привлекательная и безразсудная Pimpette, какъ называлъ ее Вольтеръ, первая любовь нашего поэта. Не особенно красивая, хотя красота ея и восхвалялась въ «Quintescence», она не была лишена привлекательности и, при другомъ воспитаніи, могла бы составить счастіе порядочнаго человѣка. Первый женихъ ея, Кавалье, предводительствовавшій недовольными протестантами въ Севенахъ, послѣ двухлѣтняго знакомства съ семействомъ Дюнойе скрылся въ Англію отъ преслѣдованій матери, имѣвшей отъ него письменное обѣщаніе жениться на ея дочери. Пріѣзжему молодому человѣку легко было попасть въ редакцію «Quintescence» и сблизиться съ очень доступной Олимпіей. Они видѣлись каждый день, и мать Олимпіи вскорѣ замѣтила ихъ отношенія. По ея мнѣнію, Аруэ совсѣмъ не годился ея до-

чери въ мужья; онъ былъ въ ея глазахъ девятнадцатилѣтній мальчикъ, очень умный и злой на языкъ, но неимѣющій общественнаго положенія и способный компрометтировать ея дочь, о которой и безъ того было много разговоровъ. Рѣшившись положить конецъ сношеніямъ юноши съ ея дочерью, она не задумалась обратиться къ послу съ просьбой запретить пажу посѣщеніе ея дома. Однажды, по возвращеніи пажа домой, посолъ потребовалъ его къ себѣ, и объявилъ ему, что онъ долженъ немедленно возвратиться во Францію. Посолъ согласился только отсрочить этотъ отъѣздъ на нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ Олимпія, въ мужскомъ костюмѣ, посѣтила своего возлюбленнаго въ домѣ посольства, откуда ему было запрещено отлучаться. Влюбленными были составлены очень смѣлые планы; они замышляли поднять французскія духовныя власти, чтобы спасти дочь изъ рукъ матери-еретички и возвратить ее правовѣрному отцу. Въ ихъ перепискѣ за эти нѣсколько дней, юный Аруэ грозилъ лишить себя жизни, если Олимпія не согласится бѣжать съ нимъ во Францію. Въ ея письмахъ также сказывается сильное чувство, но она зрѣлѣе и разсудительнѣе поэта; «любезное дитя» — вотъ какъ она называетъ его въ этой перепискѣ, продолжавшейся нѣкоторое время и по возвращеніи поэта во Францію. Но слабое сердце Олимпіи не выдержало разлуки. Въ Гагѣ жилъ въ то время другой юный французъ двумя годами моложе Аруэ, Гюйо де-Мервилль, авторъ «Вынужденнаго согласія», и онъ-то затмилъ въ сердцѣ Олимпіи память о возлюбленномъ, съ которымъ она уже не надѣялась видѣться. Мать вскорѣ выдала Олимпію за графа Винтерфельда, но съ нимъ она была также несчастлива, какъ старшая сестра ея. По смерти матери, въ 1719 году Олимпія, уже не жившая съ своимъ мужемъ, возвратилась во Францію и вела тяжелую жизнь, пока одинъ дядя не оставилъ ей небольшаго наслѣдства. Вольтеръ пытался помочь ей при самомъ возвращеніи ея во Фрамцію, и впослѣдствіи постоянно да-

валъ ей доказательства своей неизмѣнной привязанности. Его сердечныя отношенія къ товарищамъ по училищу, къ лучшимъ учителямъ, наконецъ, къ этой женщинѣ и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ сильно говорятъ въ пользу его сердца.

Маркизъ Шатонёфъ не ограничился отправкой своего пажа въ Парижъ. Онъ предпослалъ ему письмо къ Аруэ-отцу, содержавшее дурные отзывы о сынѣ. Отецъ вышелъ изъ себя, разразился угрозами о лишеніи наслѣдства, о своемъ намѣреніи выпросить у правительства тайный приказъ объ арестованіи и ссылкѣ негоднаго сына. Надо было покориться, и молодой Аруэ, по приказанію отца, поступилъ въ контору прокурора Алэна. Благодаря своимъ необыкновеннымъ способностямъ, онъ почерпнулъ и усвоилъ себѣ въ этой конторѣ практическія свѣдѣнія, которыя такъ пригодились ему потомъ въ его публицистической дѣятельности. Прокурорская контора не помѣшала ему возобновить свои прежнія парижскія отношенія и связи, и найти даже въ ней самой человѣка, который, будучи двумя годами моложе его, вполнѣ раздѣлялъ его вкусъ къ литературѣ и удовольствіямъ столицы, но у котораго не было ни творческаго таланта, ни сильной воли, позволявшей Вольтеру усиленно работать даже и при самой разсѣянной жизни. Этотъ молодой человѣкъ — Тьеріо — былъ его постояннымъ спутникомъ въ театрахъ и кофейныхъ, повѣреннымъ его литературныхъ плановъ и, такъ сказать, его alter ego.

Кромѣ отцовскаго гнѣва, молодаго Аруэ ожидала въ Парижѣ и другая непріятность. Французская академія присудила не ему, а аббату Дюжжари ту премію за стихотворное сочиненіе на заданную ею тэму, о которой мы упомянули выше, и раздраженный поэтъ тогда же показалъ, какъ далеко могутъ простираться его недовольство и тщеславіе. Въ своихъ письмахъ даже и позднѣйшаго времени онъ не скупится на ѣдкіе отзывы и объ увѣнчанномъ посредственномъ поэтѣ, его преклонныхлъ лѣтахъ, и объ его

другѣ, академикѣ Ламоттѣ, виновникѣ присужденія преміи. Въ томъ же 1714 году, когда состоялось это присужденіе, онъ написалъ свою первую и очень остроумную сатиру: «Тина», направленную противъ Ламотта и безмѣрно неприличную по своему тону и содержанію. Сатира надѣлала много шуму; одни негодовали на автора, другіе находили его остроумнымъ и забавнымъ, но всѣ говорили о молодомъ авторѣ, какъ о замѣчательномъ талантѣ и опасномъ противникѣ. Эта сатира и написанная въ томъ же году непристойная сказка: «L'Anti-Giton», въ соединеніи съ образомъ жизни, который представлялся отцу его развратнымъ и совершенно безнадежнымъ, привели къ тому, что полный разрывъ между ними былъ бы неизбѣженъ въ это время, еслибъ не нашелся новый покровитель, избавившій Вольтера и отъ послѣдствій отцовскаго гнѣва, и отъ посѣщенія прокурорской конторы. Комартенъ, маркизъ де-Сентъ-Анжъ, занимавшій важныя должности и пользовавшійся очень хорошей репутаціей, заинтересовался способнымъ юношей и, съ согласія Аруэ-отца, увезъ его къ себѣ въ имѣніе. Человѣкъ дѣйствительно не дурной, но вызывавшій улыбку своею напускною важностью, онъ былъ очень полезенъ Вольтеру еще и тѣмъ, что отлично зналъ правленіе Генриха IV и Людовика XIV, читалъ очень много, былъ лично знакомъ съ лучшими людьми лучшей поры Людовика XIV, и прекрасно разсказывалъ Вольтеру о тогдашнихъ людяхъ и дѣлахъ. Вольтеръ писалъ о немъ князю Вандому:

Caumartin porte en son cerveau
De son temps l'histoire vivante;
Caumartin est toujours nouveau
A mon oreille qu'il en chante;
Car dans sa tête sont écrits
Et tous les faits et tous les dits
Des grands hommes, des beaux ésprits;
Mille charmantes bagatelles,
Des chansons vieilles et nouvelles,

Et les annales immortelles
Des ridicules de Paris [1]).

Комартенъ былъ восторженнымъ поклонникомъ Генриха IV, его чисто-французскихъ качествъ и слабостей и умѣлъ передавать слушателямъ свое уваженіе къ его дѣятельности. Вліяніе его разсказовъ сильно отразилось на двухъ крупныхъ произведеніяхъ Вольтера: на «Генріадѣ» и «Вѣкѣ Людовика XIV-го».

«Великій король» сошелъ въ это время въ могилу, оставивъ малолѣтняго преемника, за котораго правилъ герцогъ Филиппъ Орлеанскій въ званіи регента. Ханжество и лицемѣріе послѣднихъ лѣтъ его царствованія, страшно надоѣвшія разнузданному обществу, разъѣдаемому глубокою язвой нравственнаго растлѣнія и помышлявшему только о минутномъ удовольствіи, были сброшены разомъ; страхъ, наружно сдерживавшій его при жизни стараго деспота, исчезъ при развратномъ регентѣ, котораго отношенія даже и къ собственной дочери, герцогинѣ Беррійской, не избѣжали самыхъ грязныхъ подозрѣній. Время оффиціальнаго лицемѣрія, сдерживавшаго развратное общество, миновало, и развратъ мутнымъ потокомъ неудержимо хлынулъ изъ-подъ тонкой и ломкой оболочки. Бѣжать скуки и искать забвенія въ объятіяхъ чувственности — таковъ былъ лозунгъ людей, окружавшихъ регента и вѣрныхъ духу времени. Юный собесѣдникъ и пріятель аристократическихъ развратниковъ Парижа, Вольтеръ также усвоилъ себѣ этотъ лозунгъ. Наверху открыто величались тѣ фанфароны порока, къ которымъ еще старый король причислилъ однажды будущаго регента. Но этотъ общественный развратъ, всплывшій на поверхность Франціи, былъ оборотною сто-

[1]) Комартенъ носитъ въ мозгу живую исторію своего времени. Комартенъ всегда новъ для моего очарованнаго слуха. Въ головѣ его начертаны всѣ дѣла и словѣ великихъ людей, счастливыхъ умовъ, тысячи прелестныхъ мелочей, старыя и новыя пѣсни, и безсмертныя лѣтописи смѣхотворныхъ людей Парижа.

тоной другаго явленія, симптомомъ общественнаго разложенія, подъ которымъ незамѣтно для большинства его современниковъ, совершался процессъ обновленія страны новыми стремленіями и идеями. Это блестящее общество, безумно предавшееся наслажденію и весело осмѣивавшее все установленное и освященное вѣками, обнажало передъ всѣми язвы существующаго порядка и вызвало то критическое къ нему отношеніе, плодомъ котораго была французская философія восемнадцатаго вѣка со всѣми ея великими, благотворными сторонами и недостатками. Народъ, истомленный и славой, и бѣдствіями продолжительнаго царствованія, открыто заявлялъ свою радость въ виду похороннаго шествія, сопровождавшаго тѣло покойнаго короля по дорогѣ въ Сенъ-Дени. Но у народа были на душѣ иныя заботы, чѣмъ у преданнаго наслажденію общества изнѣженныхъ эпикурейцевъ, толпившихся при дворѣ, алкавшихъ власти и вліянія, и щеголеватыхъ аббатовъ, умѣвшихъ не только осмѣивать религію, но и получать исправно десятки тысячъ дохода съ предоставленныхъ имъ благочиній и церковныхъ имуществъ. Ни эти эпикурейцы, ни эти аббаты, не шли далѣе насмѣшки для насмѣшки, остроумія для остроумія; серьезныя реформы подкосили бы ихъ интересы въ самомъ корнѣ, и общее благо всего менѣе отвѣчало ихъ интересамъ. Большой талантъ Вольтера сказался; его великая заслуга заключалась въ томъ, что онъ не остановился на уровнѣ ходячаго эпикурейства, что, понявъ духъ и насущныя требованія времени, онъ сталъ ихъ òрганомъ и двигателемъ, выразителемъ живой общественной потребности, представителемъ и главою критическаго отношенія къ дѣйствительности. И великосвѣтскіе его пріятели, эпикурейцы, тоже были люди съ литературнымъ образованіемъ, со вкусомъ, они тоже писали стихи; Вольтеръ пользовался ихъ совѣтами, они съ самаго начала много способствовали его извѣстности и славѣ. Занятый уже два года трагедіей «Эдипъ», которую актеры «Французской Комедіи» отказывались поставить на сцену,

потому что въ ней не было любовной интриги, онъ отдалъ эту пьесу на судъ своихъ друзей и покровителей, которые, какъ онъ самъ писалъ впослѣдствіи, высказали ему не мало полезныхъ совѣтовъ на своихъ эпикурейскихъ пирушкахъ. «Сократъ преподавалъ въ постели,— писалъ Вольтеръ одному изъ этихъ друзей,— вы даете ваши наставленія за столомъ; оттого ваши уроки, конечно, веселѣе уроковъ Сократа». Все это общество покровителей, друзей, пріятелей и знакомыхъ поэта было такимъ образомъ заинтересовано само въ успѣхѣ его произведеній. Всѣ они любили разнообразить и украшать свои кутежи живымъ и веселымъ разговоромъ о новостяхъ литературы, остроумными стихами и шутками; литература и остроуміе были необходимою принадлежностью тѣхъ утонченныхъ наслажденій, которыми наполнялась ихъ жизнь. Не смотря на свою молодость, даровитый Аруэ былъ уже въ то время на равной ногѣ съ пожилыми членами и представителями самыхъ знатныхъ фамилій, съ самыми вліятельными аббатами, какъ впослѣдствіи сталъ въ отношенія полнаго равенства съ королями. То было одно изъ знаменій времени, одинъ изъ признаковъ разложенія того самаго общества, которое до тѣхъ поръ и въ общежитіи такъ ревниво охраняло сословныя отличія и привилегіи.

Развратное правленіе регента породило множество сатирическихъ стихотвореній необычайно циничнаго содержанія. Стихотворенія эти были въ модѣ. Подъ именемъ Аруэ ходили по рукамъ два стихотворенія: одно о самомъ регентѣ, другое объ его дочери, герцогинѣ Беррійской. Самъ Вольтеръ всегда отрекался отъ нихъ, но друзья тѣмъ не менѣе приписывали эти стихотворенія ему, и они вошли въ полное собраніе его сочиненій. При другихъ обстоятельствахъ, авторъ пострадалъ бы жестоко за подобную сатиру; но регентъ, равнодушный ко всему, даже къ тѣмъ ужасамъ, которые разсказывались и писались о немъ, преслѣдовалъ авторовъ не-хотя и только по настояніямъ окру-

жающихъ. Поэтъ былъ высланъ изъ Парижа въ Сюлли на Лоарѣ, гдѣ у отца его были знакомые и гдѣ онъ не замедлилъ найти много удовольствій и развлеченій. Онъ самъ говорилъ въ письмахъ, что въ Сюлли очень пріятно, что одно только отравляетъ его веселую жизнь — сознаніе необходимости оставаться тутъ: нѣтъ полнаго удовольствія, нѣтъ полнаго благополучія — мѣтко писалъ онъ — безъ возможности уклониться отъ нихъ и промѣнять ихъ хотя бы на худшее. Тамъ написано имъ стихотвореніе: «Безсонная ночь въ Сюлли», найденное за однимъ ужиномъ двумя дамами на своихъ тарелкахъ, и въ которомъ поэтъ превозносилъ хозяина помѣстья и замка, герцога Сюлли, радушно принимавшаго его и другихъ эпикурейцевъ, которые наѣзжали отовсюду. Молодой Аруэ щедро платилъ за такое гостепріимство остротами, бесѣдой, стихами, что не мѣшало ему ни работать, ни вести дѣятельную переписку съ парижскими друзьями. Но ссылка оставалась все-таки ссылкой, и Вольтеръ, заслуживъ ее стихами, не погнушался и избавиться отъ нея тѣмъ же способомъ. Онъ написалъ красивое посланіе къ регенту, исполненное восхваленія и лести, и еще разъ повторявшее его постоянныя увѣренія, что стихи, за которые онъ сосланъ, писаны не имъ, что они недостойны его пера по своему содержанію. Такова была и впослѣдствіи обычная тактика Вольтера. Всякій разъ, когда ему предстояло отвратить преслѣдованія и оградить свою безопасность, онъ поднималъ крикъ о томъ, что это ложь и клевета, и самымъ рѣшительнымъ образомъ отрекался отъ приписываемаго ему авторства. «Умоляю васъ предупредить меня, какъ только наступитъ малѣйшая опасность (писалъ онъ впослѣдствіи д'Аламберу о «Философскомъ Словарѣ»), чтобы я могъ публично отречься отъ этого сочиненія съ моею обычной застѣнчивостью и невинностью». Онъ постоянно повторяетъ этотъ пріемъ въ своей перепискѣ съ министрами или ихъ приближенными, выказывая глубочайшее презрѣніе къ обвиняемому произведенію и негодуя на

то, что такая ничтожная вещь могла быть ему приписана. Разумѣется, этотъ пріемъ трудно согласовать съ достоинствомъ и прямотою характера; но онъ объясняется, если не оправдывается, крайностью авторскаго положенія, и Вольтеръ часто прибѣгаетъ къ этому средству слабыхъ и угнетенныхъ, не соблазняемыхъ прелестями мученичества. Посланіе его къ регенту имѣло успѣхъ въ томъ отношеніи, что онъ былъ возвращенъ изъ ссылки въ началѣ 1717 года. Регентъ даже пожелалъ, чтобъ поэтъ былъ ему представленъ, и простилъ его, не слишкомъ довѣряя его невиновности. Молодой Аруэ, успокоившись относительно послѣдствій своихъ куплетовъ, посвященныхъ регенту и его дочери, не замедлилъ послать по назначенію новый, не менѣе скандалезный куплетъ, свидѣтельствующій о необыкновенной способности герцога Орлеанскаго забавляться всѣмъ, все позволять и все выслушивать.

Аруэ не жилъ больше у отца. Онъ поселился въ меблированныхъ комнатахъ и продолжалъ вести прежнюю разсѣянную жизнь, размышляя, работая, ужиная у знакомыхъ, отъ времени до времени уѣзжая въ Сентъ-Анжъ и пуская въ ходъ свои стихотворные сарказмы. Полиція слѣдила за нимъ внимательно и сообщала въ своихъ донесеніяхъ, что онъ не можетъ произнесть имя регента хладнокровно и безъ озлобленія. Въ то время ходило по рукамъ сатирическое стихотвореніе Ле-Брёна, мѣтко бичевавшее скандалы и злоупотребленія, которыя повторялись ежедневно, на глазахъ у всѣхъ, въ послѣдніе годы Людовика XIV. Сатирикъ указывалъ на королевскую власть, какъ на причину всѣхъ изображаемыхъ имъ ужасовъ, казнилъ г-жу Ментенонъ и завѣдывавшаго полиціей д'Аржансона, превознося янсениста и противника іезуитовъ, кардинала де-Ноай, испытавшаго всѣ невзгоды усерднаго преслѣдованія.

J'ai vu, c'est tout dire, le jésuite adoré... [1])

[1]) Довольно сказать, что я былъ свидѣтелемъ поклоненія іезуиту.

— говорилъ авторъ, изображая положеніе дѣлъ. Вся сатира, очевидно, была писана сектантомъ. Но въ ней нашли сходство съ манерой молодаго Аруэ: подозрительно настроеннымъ агентамъ, какъ обыкновенно бываетъ при господствѣ административнаго произвола, достаточно было того, что онъ принадлежалъ къ янсенистской семьѣ, что самый возрастъ его совпадалъ, по ихъ соображеніямъ, съ возрастомъ автора. Регентъ, очень недовольный этимъ стихотвореніемъ, гулялъ однажды въ Пале-Ройялѣ и, завидѣвъ Аруэ, подозвалъ его къ себѣ. «Господинъ Аруэ,— сказалъ онъ,— я намѣренъ показать вамъ нѣчто такое, чего вы еще никогда не видали».—«Что?»— спросилъ молодой человѣкъ.—«Бастилію».—«Ваше высочество, я отношусь къ ней такъ, какъ будто я уже видѣлъ ее». На другой день, 16-го мая (1717), прекраснымъ весеннимъ утромъ въ комнату Аруэ явились агенты, которымъ было поручено арестовать его. Въ своемъ стихотвореніи «Бастилія», Вольтеръ въ томъ же году очень живо и картинно описалъ и свой арестъ, и свое водвореніе въ новомъ жилищѣ:

Fallut partir. Je fus bientôt conduit
En coche clos vers le royal reduit
Que près Saint-Paul ont vu bâtir nos pères
Par Charles Cinq. O gens de bien, mes frères,
Que Dieu vous garde d'un pareil logement!
J'arrive enfin dans mon appartement.
Certain croquant avec douce manière
Du nouveau gîte exaltait les beautés,
Perfections, aises, commodités.
«Jamais Phebus, dit-il, dans sa carrière,
De ses rayons n'y porta la lumière:
Voici ces murs de dix pieds d'èpaisseur,
Vous y serez avec plus de fraicheur!
Puis me faisant admirer la cloture,
Triple la porte et triple la serrure,
Grilles, verrous, barreaux de tout coté:
«C'est, me dit-il, pour votre sureté».
Midi sonnant, un chaudeau l'on m'apporte;

La chère n'est délicate ni forte.
De ce beau mets je n'étais point tenté;
Mais on me dit: «C'est pour votre santé,
Mangez en paix, ici rien ne vous presse».
Me voici donc en ce lieu de détresse,
Embastillé, logé fort à l'étroit,
Ne dormant point, buvant chaud, mangeant froid,
Trahi de tous, même de ma maitresse.
O Marc-René, que Caton le censeur
Jadis dans Rome eût pris pour successeur,
O Marc-René, de que la faveur grande
Fait ici-bas tant de gens murmurer,
Vos beaux avis m'ont fait claquemurer:
Que quelque jour le bon Dieu vous le rende [1]).

Вольтеръ объяснялъ свой арестъ единственно тѣмъ, что ему было приписано вольное стихотвореніе Ле-Брёна. Но

[1]) Надо было ѣхать. Я вскорѣ былъ привезенъ, въ закрытой каретѣ, къ королевскому пріюту, построенному при нашихъ отцахъ Карломъ Пятымъ, близь Сенъ-Поля. О, добрые люди, мои братья, избави васъ Боже отъ подобной квартиры! Я вхожу, наконецъ, въ мою комнату. Нѣкоторый проходимецъ сладкорѣчиво восхвалялъ мнѣ прелести новаго жилища, его совершенства и удобства. «Въ своемъ теченіи, говорилъ онъ, Фебъ никогда не заносилъ сюда своихъ свѣтлыхъ лучей: вамъ будетъ прохладнѣе въ этихъ стѣнахъ толщиной въ шесть футовъ». Потомъ, онъ предложилъ мнѣ полюбоваться затворомъ, тройною дверью и тройнымъ замкомъ, всюду вдѣланными рѣшетками и засовами. «Это для вашей безопасности», пояснилъ онъ. Ровно въ полдень, мнѣ приносятъ горячее: оно невкусно и непитательно. Я не соблазнился на эту чудную пищу; но мнѣ сказали: «Это для вашего здоровья, кушайте привольно, тутъ не нужно торопиться». И вотъ я въ этомъ мѣстѣ отчаянія, преданный всѣми, даже моею любовницей (вѣроятно, г-жа Ливри, которую онъ посвящалъ въ тайны сценическаго искусства), замурованный (собственно «обастиленный»), помѣщенный тѣсно; не сплю, пью горячее, ѣмъ холодное. О, Маркъ-Ренѐ (д'Аржансонъ), котораго самъ цензоръ Катонъ взялъ бы себѣ въ преемники въ Римѣ, о, Маркъ-Ренѐ, котораго великая благосклонность заставляетъ многихъ роптать на землѣ, ваши прелестныя указанія привели меня подъ эти затворы. Богъ да воздастъ вамъ когда-нибудь тѣмъ же!

противъ него были предъявлены и другіе обвинительные пункты. Пьеса Ле-Брёна появилась вскорѣ послѣ смерти Людовика XIV и ходила по рукамъ цѣлыхъ два года, а Вольтеръ пустилъ по рукамъ, всего за два мѣсяца до своего ареста, одну изъ самыхъ ѣдкихъ и оскорбительныхъ сатиръ, написанную латинской лапидарной прозой, подъ латинскимъ же заглавіемъ: «Puero regnante» (Въ царствованіе мальчика). Онъ самъ имѣлъ неосторожность, уступая авторскому самолюбію, называть себя ея авторомъ въ разговорахъ съ мнимыми друзьями, приставленными къ нему полиціей. Въ протоколѣ его ареста и въ доносѣ офицера Борегара, съ которымъ онъ велъ откровенныя бесѣды, прямо сказано, что онъ постоянно называлъ себя авторомъ «Puero regnante», произносилъ такія-то и такія-то неприличныя рѣчи о регентѣ и его дочери, озлобленный извѣстной уже намъ высылкой изъ Парижа, и грозилъ не щадить ихъ въ своихъ сатирахъ. Въ пріятельскихъ бесѣдахъ съ Борегаромъ, Вольтеръ даже призналъ себя авторомъ многихъ другихъ сатирическихъ выходокъ и насмѣшекъ. Когда его спросили послѣ ареста, гдѣ его бумаги, онъ отвѣтилъ, что бросилъ въ отхожее мѣсто нѣсколько женскихъ писемъ. Власти приписивали ему все, что ходило по рукамъ въ столицѣ, и хотѣли во что бы то ни стало имѣть при дѣлѣ всѣ его сатирическіе куплеты. Но поиски, произведенные съ этою цѣлью въ помойныхъ ямахъ того дома гдѣ жилъ Вольтеръ, остались безъ успѣха [1]).

Въ Бастиліи, какъ и на свободѣ, Вольтеръ работалъ очень много. Нервный и скорѣе хилый, чѣмъ крѣпкій, Вольтеръ сохранялъ способность къ работѣ даже и тогда, когда считалъ себя очень близкимъ къ смерти. «Я гибокъ какъ угорь и подвиженъ какъ ящерица, и всегда работалъ

[1]) Денуартерръ приводитъ въ примѣчаніяхъ своего перваго тома два курьезныхъ донесенія полицейскихъ агентовъ объ осмотрѣ отхожихъ мѣстъ и помойныхъ ямъ въ томъ домѣ, гдѣ жилъ поэтъ.

какъ бѣлка въ колесѣ», писалъ онъ однажды д'Аржанталю. Въ Бастиліи задумана имъ большая національная эпопея «Генріада», которую онъ началъ, по собственному его свидѣтельству, въ порывахъ энтузіазма, почти безъ размышленія, и безъ большой надежды на возможность ее окончить. Въ тюрьмѣ окончательно отдѣлана имъ трагедія «Эдипъ». Ему, правда, не давали ни чернилъ, ни бумаги; но человѣкъ очень изобрѣтателенъ въ подобныхъ случаяхъ: заключенный писалъ свои стихи, вѣроятно, карандашомъ, между строками одной книги.

Одинадцать мѣсяцевъ просидѣлъ онъ въ Бастиліи, а обязательнымъ дополненіемъ къ заключенію въ государственной тюрьмѣ было обыкновенно изгнаніе. Освобожденный изъ тюрьмы въ апрѣлѣ 1718 года, онъ былъ сосланъ въ Шателэ, гдѣ у отца его были домъ и ферма и гдѣ отецъ предложилъ содержать своего сына и наблюдать за нимъ. Съ самаго начала своей жизни въ этой ссылкѣ, молодой Аруэ принялся хлопотать объ освобожденіи. Прежде всего онъ старался убѣдить регента въ своей признательности не только за освобожденіе изъ Бастиліи, но и за самое свое заключеніе въ эту крѣпость. «Прошу у васъ одной милости, — писалъ онъ министру Морепà: — благоволите увѣрить его королевское высочество, что я столько же признателенъ ему за тюрьму, сколько и за освобожденіе, что я извлекъ много пользы изъ первой и никогда не злоупотреблю послѣднимъ». Но это еще не значитъ, что онъ признаетъ себя повиннымъ въ сочиненіи сатирическихъ куплетовъ. Онъ говоритъ, напротивъ, что неповиненъ во взведенныхъ на него «ужасахъ». «Ручаюсь вамъ головою — пишетъ онъ далѣе, — что во Франціи нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы доказать, что я принималъ хотя малѣйшее участіе въ составленіи пѣсень противъ двора». Говоря о принцѣ Орлеанскомъ, онъ будто бы всегда удивлялся его генію, и говорилъ бы о немъ въ томъ же смыслѣ, еслибъ принцъ былъ только частнымъ человѣкомъ.

Мѣсяцъ спустя, поэту было позволено пріѣхать въ Парижъ, на два часа, чтобы представить свои оправданія. «Я желаю только имѣть честь, — писалъ онъ министру, — переговорить съ вами нѣсколько минутъ и броситься къ ногамъ его королевскаго высочества. Отъ справедливости и доброты столь милосерднаго принца я вправѣ ожидать, что онъ благоволитъ обратить нѣкоторое вниманіе на мои представленія и будетъ тронутъ ужасающей клеветой, убѣдительныя доказательства которой у меня въ карманѣ». Но эти доказательства относились только къ стихотворенію Ле-Брёна, которое было ошибочно приписано ему; онъ никакъ не могъ представить ничего подобнаго относительно «Puero regnante» и сатирическихъ куплетовъ. Онъ былъ убѣжденъ, что власти имѣютъ противъ него только подозрѣнія и не зналъ о шпіонскомъ промыслѣ Борегара. Въ іюлѣ, ему позволили опять пріѣхать въ Парижъ на недѣлю, потомъ на цѣлый мѣсяцъ, а въ октябрѣ онъ получилъ разрѣшеніе пріѣзжать въ Парижъ, когда хочетъ.

Представленіе «Эдипа» было замедлено арестомъ автора, лишеннаго возможности присутствовать на репетиціяхъ, и, конечно, опасеніемъ вызвать рукоплесканія публики пьесой человѣка, арестованнаго по политическимъ причинамъ. Возвращеніе автора изъ ссылки устраняло эти неудобства, и актеры, хотя и недовольные самою пьесой, не могли не уступить желанію литературныхъ слоевъ высшаго общества, въ которыхъ авторъ читалъ свою трагедію, вызвавшую общія похвалы. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, писанномъ десять лѣтъ спустя, Вольтеръ подробно разсказываетъ затрудненія и непріятности, причиненныя ему грубостью, бездѣйствіемъ и невѣжествомъ актеровъ и актрисъ. Ихъ требованія и совѣты оказались совершенно несостоятельными, и только свѣтское общество было полезно автору своими мнѣніями и указаніями. Въ наше время, послѣ крупныхъ успѣховъ, сдѣланнымъ драмой въ теченіи полутораста лѣтъ, «Эдипъ» Вольтера читается мало и не выдержи-

ваетъ строгой критики. Но тогдашніе актеры были недовольны имъ не съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ онъ не удовлетворяетъ насъ теперь: они находили его недостаточно рутинною пьесой. И дѣйствительно, «Эдипъ» былъ по тогдашнему, первымъ шагомъ къ драматической правдѣ и выше всѣхъ пьесъ тогдашняго репертуара послѣ Расина.

Онъ былъ представленъ въ первый разъ 18-го ноября 1718 года, съ огромнымъ успѣхомъ. Особенный восторгъ возбудилъ четвертый актъ, переведенный Вольтеромъ изъ Софокла. Въ пьесѣ чувствовалось какое-то неуловимое новое вѣяніе. Зритель встрѣчалъ на каждомъ шагу стихи, примѣнимые къ настоящимъ условіямъ жизни, и электрически дѣйствовавшіе на публику. Въ театрѣ публика обыкновенно бываетъ столько же виновна передъ произволомъ, какъ и авторъ. Стѣны залы не разъ потрясались рукоплесканіями, когда актеръ произносилъ тѣ или другіе стихи, въ которыхъ авторъ не имѣлъ въ виду никакого намека; публика принимала за намеки даже и то, что, по мнѣнію автора, вполнѣ отвѣчало положенію выставленныхъ имъ характеровъ. Слѣдующіе стихи, напримѣръ, были приняты за намекъ на огульное порицаніе всѣхъ дѣйствій умершаго короля порочными людьми регенства:

Tant qu'il sont sur la terre on respecte leurs lois;
On porte jusqu'aux cieux leur justice suprême;
Adorés de leur peuple, ils sont des dieux eux-mêmes,
Mais aprés leur trépas que sont-ils à vos yeux?
Vous éteignez l'encens que vous brûliez pour eux;
Et comme à l'interêt l'âme humaine est liée,
La vertu qui n'est plus est bientôt oubliée [1]).

---

[1]) Пока они на землѣ, ихъ законы уважаются; ихъ высокая справедливость превозносится до небесъ. Обожаемые своимъ народомъ, они — сами боги. А чѣмъ остаются они въ вашихъ глазахъ послѣ смерти? Вы гасите ѳиміамъ, который возжигали для нихъ, и такъ какъ душа человѣка связана съ личнымъ интересомъ, то добродѣтель сошедшаго въ могилу скоро забывается.

Авторъ всего менѣе могъ имѣть въ виду восхваленіе второй половины царствованія Людвика XIV; но публика, скандализированная настоящимъ, увидѣла въ этихъ стихахъ косвенное осужденіе этого настоящаго. Еще впечатлительнѣе была она къ нѣкоторымъ мѣстамъ, свидѣтельствовавшимъ о свободѣ философской мысли автора, о духѣ критики и недовольства, подъ вліяніемъ котораго авторъ относился свысока къ сильнымъ міра сего. Она восторженно рукоплескала слѣдующему стиху Филоктета о Гераклѣ, невозможному при Людовикѣ XIV.

Qu'eussé-je été sans lui? Rien que le fils d'un roi [1]).

Сильное впечатлѣніе производило также слѣдующее двустишіе, вложенное авторомъ въ уста Іокасты о греческихъ жрецахъ, первый враждебный кличъ Вольтера противъ католическаго духовенства.

Nos prêtres ne ce sont point ce qu'un vain peuple pense;
Notre crédulité fait toute leur science [2]).

Подобныхъ мѣстъ много въ «Эдипѣ». На первомъ представленіи, автору пришло въ голову нести хвостъ главнаго жреца. Имѣлъ ли онъ въ виду ослабить свои смѣлыя выходки, которыхъ онъ опасался, или онъ, если вѣрить его словамъ, былъ равнодушенъ къ успѣху своей пьесы, но эта шалость могла парализовать ея успѣхъ. Жена маршала Виллара, увидѣвъ это изъ своей ложи, была поражена соединеніемъ такого легкомыслія съ талантомъ; она подумала, что тутъ замѣшалась интрига и спросила, кто этотъ молодой человѣкъ, котораго намѣреніе слишкомъ ясно. Каково же было ея удивленіе, когда ей отвѣчали, что это самъ авторъ! Она пожелала познакомиться съ нимъ, приняла его крайне любезно, и между нею и Вольтеромъ завязались съ тѣхъ поръ самыя дружественныя и близкія отношенія.

---

[1]) Чѣмъ былъ бы я безъ него? Только сыномъ короля.

[2]) Наши жрецы не то, что думаетъ о нихъ тщеславный народъ наше легковѣріе составляетъ всю ихъ науку.

«Эдипъ» выдержалъ сорокъ-пять представленій, что было тогда необычайнымъ явленіемъ. Авторъ его сталъ героемъ дня. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, пьеса вызвала сильныя похвалы и не менѣе сильныя порицанія. Брошюры и мнѣнія за и противъ новой трагедіи еще болѣе способствовали славѣ автора. Онъ отвѣчалъ на высказанныя объ его пьесѣ мнѣнія брошюрой, къ которой приложилъ шесть писемъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ оправдывался отъ возведенныхъ на него клеветъ и разсказывалъ свои столкновенія съ актерами; остальныя были посвящены критикѣ трехъ «Эдиповъ»: Софокла, Корнеля и самого Аруэ. Заимствовавъ у Софокла весь четвертый актъ, авторъ тѣмъ не менѣе осмѣивалъ его пріемы. Это было очень смѣло и очень ново; но съ точки зрѣнія современной исторической критики — совсѣмъ невѣрно. Въ то время успѣхъ «Эдипа» былъ великъ, и даже дворъ улыбался поэту. Регентъ принялъ его очень радушно. «Ваше высочество,— сказалъ ему Вольтеръ,— я буду очень радъ, если его величество благоволитъ обезпечить мнѣ столъ; но я умоляю ваше высочество не заботиться больше о моей квартирѣ». Регентъ тогда же назначилъ ему пенсію. Въ одномъ изъ писемъ о своей трагедіи, авторъ говоритъ между прочимъ: «Самымъ вѣрнымъ доказательствомъ моей невиновности служитъ то, что принцъ благоволилъ признать меня невиннымъ и оклеветаннымъ, какъ только время позволило ему открыть клевету. Я не считаю милости, оказанной мнѣ герцогомъ Орлеанскимъ, наградой за мой трудъ, который по бо̀льшей мѣрѣ заслуживалъ только его снисхожденія; онъ хотѣлъ не столько наградить меня, сколько поощрить къ тому, чтобы я старался заслужить его покровительство». Въ спискѣ рентъ, пенсій и доходовъ поэта въ 1749 году значится пенсія въ тысячу двѣсти франковъ изъ шкатулки герцога Орлеанскаго, которая встрѣчается и въ счетахъ Вольтера за 1779 годъ. Кромѣ того, регентъ еще заказалъ золотую медаль, по обѣимъ сторонамъ которой были изображены бюсты ко-

роля и его собственный. Съ своей стороны, Аруэ письменно просилъ у герцога Орлеанскаго позволенія посвятить ему «Эдипа», хотя публика и находила въ лицѣ мужа Іокасты намекъ на ужасающіе нравы регента. Послѣдній, вѣроятно, отклонилъ это посвященіе, потому что авторъ посвятилъ свою трагедію вдовствующей герцогинѣ Орлеанской. Авторъ послалъ ее также англійскому королю, объясняя, что приноситъ эту дань уваженія не королю, а мудрецу и герою. Съ такимъ же привѣтствіемъ былъ имъ посланъ «Эдипъ» герцогу и герцогинѣ Лотарингскимъ, которымъ онъ представлялъ первинку своей юной музы. «Мы обязаны ею богамъ, а вы — мои боги», говорилъ онъ въ своемъ письмѣ.

Посвященіе пьесы вдовствующей герцогинѣ Орлеанской замѣчательно тѣмъ, что авторъ подписался подъ нимъ: «Аруэ де-Вольтеръ». До сихъ поръ онъ называлъ себя просто Аруэ, но отнынѣ онъ принимаетъ имя Вольтеръ. Имя Аруэ не нравилось ему: онъ приписывалъ этому имени свои прежнія невзгоды. «Я перемѣнилъ мое имя Аруэ на имя Вольтеръ,— писалъ онъ Жану-Батисту Руссо,— чтобы меня не смѣшивали съ несчастнымъ поэтомъ Руа». Онъ былъ въ ссорѣ съ этимъ послѣднимъ, имя котораго писали иногда: Arroy. Бальзакъ и Мольеръ тоже перемѣнили на эти болѣе благозвучныя и удобныя имена свои прежнія фамиліи: Ге и Покленъ. Но откуда взялъ Аруэ именно слово Вольтеръ? Нѣкоторые полагали, что такъ называлось небольшое родовое имѣніе г-жи Аруэ, но никому еще не удалось отыскать это имѣніе. По мнѣнію другихъ, это имя не что иное, какъ анаграмма его прежняго имени: Arouet L. J. (le jeune) — Аруэ младшій. Такъ поступилъ и школьный наставникъ юнаго Аруэ въ училищѣ Людовика Великаго, отецъ Тулье (Thoulié), который, отбросивъ излишній «h», составилъ изъ этого имени анаграмму, или свое новое имя Оливé (Olivet).

Приглашенный женою маршала Виллара на первомъ представленіи «Эдипа», Вольтеръ не замедлилъ воспользо-

ваться ея приглашеніемъ и вскорѣ влюбился въ эту женщину, окруженную поклонниками и блескомъ. Но она не отвѣчала его страсти. Она относилась къ нему какъ кокетка, умѣющая раздражать страсть въ человѣкѣ, не давая ей удовлетворенія, и дѣлала это съ такимъ видимымъ добродушіемъ, съ такою граціей и такимъ истиннымъ расположеніемъ къ своему гостю, что послѣдній, несмотря на свою неудачу, продолжалъ вздыхать, досадовать, отчаяваться, не имѣя мужества сбросить съ себя эти цѣпи. А между тѣмъ, для него было ясно, что онъ встрѣтитъ въ Вилларѣ лишь то, что находили тамъ всѣ приглашенные: любезность, вниманіе, утонченное гостепріимство и «легкіе ужины, за которыми хорошо пилось». Въ письмахъ къ своей пріятельницѣ, маркизѣ де-Мимёръ, поэтъ постоянно увѣряетъ ее, что онъ уже спокоенъ, что дружба въ тысячу разъ лучше любви и что онъ навсегда отказывается любить и даже быть любимымъ. И въ самомъ дѣлѣ, страстная любовь была ему совсѣмъ не по натурѣ. Но въ двадцать-пять лѣтъ даже и такой натурѣ трудно отказаться отъ загорѣвшейся страсти, и ему стоило не малыхъ усилій подавить ее. Новая ссылка помогла ему въ этомъ отношеніи. Въ 1719 году появились «Филиппики» Ла-Гранжъ-Шанселя, исполненныя энергіи, огня, негодованія. Правительство тотчасъ приписало ихъ Вольтеру. Дѣйствительный авторъ «Филиппикъ» сказалъ по этому поводу въ одной изъ нихъ:

On punit les vers qu'il peut faire
Plutôt que les vers qu'il a faits [1]).

Напрасно Вольтеръ не только съ негодованіемъ отказывался отъ этихъ стиховъ, но и отвергалъ всякое свое участіе въ литературѣ этого рода; ему не вѣрили, и въ маѣ 1719 года ему велѣно было выѣхать изъ Парижа, повиди-

[1]) Его караютъ скорѣе за стихи, которые онъ можетъ написать, чѣмъ за стихи, имъ написанные.

мому — безъ назначенія опредѣленнаго мѣста жительства. Онъ поселился въ Сюлли и написалъ въ это время «Артемиру». Успѣхъ «Эдипа» заставилъ его отложить на время окончаніе «Генріады» и заняться новою трагедіей. И самъ онъ, и всѣ окружающіе были въ восхищеніи отъ «Артемиры». Знаменитая актриса Лекуврёръ была тоже въ восторгѣ, а про аббата Бюсси, присутствовавшаго на чтеніи трагедіи у этой артистки, говорили, что у него отъ слезъ сдѣлался гриппъ. Но публика отнеслась совсѣмъ иначе къ новому драматическому произведенію Вольтера. Пьеса была представлена въ первый разъ 15-го февраля 1720 года, и была принята такъ неблагосклонно, что авторъ, находясь тутъ же въ ложѣ, вышелъ изъ себя и принялся спорить съ партеромъ. Когда узнали, что съ зрителями споритъ авторъ, крики стихли, публика была увлечена его рѣчью и покрыла ее рукоплесканіями; но пьеса все-таки выдержала не больше восьми представленій. Уже послѣ перваго представленія, авторъ хотѣлъ снять ее со сцены; но мать регента, которой онъ посвятилъ «Эдипа», пожелала ея возобновленія. Наскоро передѣланная авторомъ, она была исполнена еще семь разъ и не появилась въ печати. Вольтеръ оставилъ рукопись у себя и потомъ воспользовался для своей «Маріамны» тѣми немногими стихами «Артемиры», которые, по его мнѣнію, того заслуживали. Но Вольтеръ обязанъ «Артемирѣ» своимъ возвращеніемъ въ Парижъ, гдѣ было необходимо его присутствіе на репетиціяхъ. Регентъ узналъ въ это время, кѣмъ писаны «Филиппики»; онъ зналъ также изъ письма Вольтера, что поэтъ желаетъ прочесть ему отрывки изъ эпической поэмы о томъ изъ его предковъ, на котораго «онъ наиболѣе походитъ». Этой поэмой была «Генріада», или «Лига». Теперь она была уже дописана, хотя и не въ окончательномъ видѣ. Авторъ поручалъ Тьеріо заказать для регента списокъ девяти ея пѣсней (ихъ было только девять въ первыхъ изданіяхъ «Генріады»).

Вскорѣ умеръ отецъ поэта, оставивъ двоихъ сыновей и одну замужнюю дочь. Братья никогда не сходились между собою, а теперь, со смертью отца, къ прежнимъ далекимъ отношеніямъ между ними присоединились еще и несогласія по наслѣдству. Дѣло дошло между ними до открытой войны. Болѣе двухъ лѣтъ по смерти отца, въ 1724 году, Вольтеръ писалъ своимъ друзьямъ, что его дѣло съ братомъ о наслѣдствѣ идетъ очень дурно, что онъ рискуетъ не получить ничего изъ отцовскаго наслѣдства и ему, быть можетъ, придется работать, чтобы жить, вмѣсто того, чтобы попрежнему жить для того, чтобы работать. Отецъ передалъ старшему сыну свою финансовую должность, которая требовала залога въ двѣсти сорокъ тысячъ франковъ, а эта сумма составляла главную часть его состоянія. Старшій братъ не могъ выплатить половины этой суммы младшему, Вольтеру, а этотъ послѣдній, умѣвшій и любившій спекулировать деньгами, не хотѣлъ довольствоваться одними процентами и требовалъ раздѣла. Объ этомъ, правда, нѣтъ прямыхъ свѣдѣній; но самъ Вольтеръ признаетъ въ одномъ письмѣ, что получалъ четыре тысячи двѣсти пятьдесятъ ливровъ ренты съ отцовскаго наслѣдства и, сверхъ того, пенсію, увеличенную регентомъ до двухъ тысячъ франковъ. Съ такими средствами можно было жить, чтобы работать. Но Вольтеръ занимался спекуляціями, которыя были тогда въ нравахъ и не считались предосудительными. Высокопоставленныя лица оказывали ему большія услуги по этой части, особенно по части подрядовъ, для которыхъ онъ подбиралъ себѣ удобныя компаніи. Дѣла съ казною производились тогда безъ всякаго вмѣшательства совѣсти, производились аристократами и богачами. Вольтеръ былъ въ это время въ милости у регента и пользовался его покровительствомъ въ дѣлахъ подобнаго рода. Прежній сатирикъ превратился въ поэта-льстеца. Въ іюлѣ 1721 года онъ написалъ мадригалъ, приложенный къ поясу, который г-жа д'Авернь поднесла регенту, и эта любезность доста-

вила ему расположеніе принца. Но не одна спекуляція заставляла Вольтера заискивать въ регентѣ и его правительствѣ. Тутъ были и болѣе глубокія причины, таившіяся въ его желаніи играть не одну только чисто-литературную роль и въ необыкновенномъ разнообразіи его природныхъ способностей.

Во Франціи происходила въ это время незамѣтная для обыкновеннаго глаза борьба литературнаго таланта съ данными общественными условіями.

Въ своей біографіи Вольтера, Штраусъ проводитъ остроумную параллель между этимъ явленіемъ во Франціи и въ Германіи, гдѣ оно повторилось нѣсколько позднѣе. Главными дѣятелями этой борьбы были во Франціи Вольтеръ и Ж.-Ж. Руссо, въ Германіи — Клопштокъ, Гёте и Шиллеръ. Въ прошломъ столѣтіи поэтъ уже могъ болѣе или менѣе обезпечить свое матеріальное положеніе изданіемъ своихъ сочиненій. Клопштокъ могъ бы обходиться безъ пенсіи, назначенной ему датскимъ королемъ и маркграфомъ Баденскимъ. Гёте не впалъ бы въ нужду и безъ своего министерскаго жалованья въ Веймарѣ, Шиллеръ — безъ пенсіи герцога Карла-Августа. Но ихъ образъ жизни былъ крайне простъ, имъ нужна была величайшая умѣренность въ расходахъ и потребностяхъ, чтобы не выходить изъ своего бюджета. Положеніе Вольтера было иное. Онъ ставилъ талантъ наравнѣ съ аристократическимъ происхожденіемъ, и считалъ себя вправѣ пользоваться всѣми благами жизни, доступными аристократіи, а одинъ только доходъ съ собственныхъ сочиненій никогда не могъ бы доставить ему средства къ роскошному существованію. Кромѣ необходимыхъ пенсій, ему понадобились еще и спекуляціи, для которыхъ были необходимы сильные покровители. Уже это одно придавало его отношеніямъ къ власти совсѣмъ особенный характеръ, дѣлало его человѣкомъ нравственно зависимымъ, сообщникомъ темныхъ предпріятій, бросающихъ тѣнь на сильныхъ людей того времени и на него самого.

Вольтеръ не могъ предстать передъ кардиналомъ Дюбуа или своимъ пріятелемъ, герцогомъ Ришльё съ нравственнымъ достоинствомъ Клопштока передъ графомъ Бернсторфомъ или Гёте и Шиллера передъ герцогомъ веймарскимъ. Чтобы остаться и въ жизни на высотѣ своего авторскаго призванія, Руссо̀ предпочелъ обходиться безъ роскоши и сталъ въ презрительное, гордое отношеніе къ обществу и его наслажденіямъ. Нѣмецкіе поэты занимали такимъ образомъ среднее положеніе между двумя крайностями, изъ которыхъ одной, горделивому и независимому положенію Руссо̀, принадлежатъ теперь всѣ наши симпатіи.

Вольтеръ не былъ геніемъ, создающимъ что-нибудь новое; онъ былъ геніаленъ не въ изобрѣтеніи, а въ усвоеніи идей и духа времени, въ необыкновенномъ умѣньѣ схватывать, популяризировать и распространять этотъ духъ и эти идеи. Онъ обнималъ все, брался за все, и если не двинулъ впередъ науку, то сдѣлалъ ее всѣмъ понятною и доступною. Создавая новое, геніальный человѣкъ больше сосредоточивается, чѣмъ расплывается, а натура и основанное на ней призваніе Вольтера дѣлали его не только поэтомъ, историкомъ и мыслителемъ, но и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ вмѣстѣ. Онъ негодовалъ на исключительно кабинетную дѣятельность, предоставленную литераторамъ во Франціи. Въ Англіи, учрежденіямъ которой онъ удивлялся, положеніе литератора не только не было препятствіемъ, но служило даже рекомендаціей человѣку, вступавшему на политическое поприще. «Во Франціи (писалъ Вольтеръ въ своихъ «Философскихъ Письмахъ»), г. Аддисонъ принадлежалъ бы къ какой-нибудь академіи и могъ бы получить, благодаря покровительству какой-нибудь женщины, тысячу двѣсти франковъ пенсіи, или — что еще вѣроятнѣе — ему надѣлали бы непріятностей подъ тѣмъ предлогомъ, что въ его трагедіи «Катонъ» замѣчены кое-какія выходки противъ привратника сильнаго человѣка, а въ Англіи онъ былъ статсъ-секретаремъ. Г. Ньютонъ управлялъ монет-

нымъ дѣломъ въ королевствѣ; г. Конгревъ занималъ важный постъ; г. Пріоръ былъ уполномоченнымъ; докторъ Свифтъ — деканъ Ирландіи и пользуется тамъ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ примасъ... Во Франціи и не подозрѣвали, что Пріоръ, пріѣзжавшій отъ королевы Анны даровать миръ Людовику XIV, прежде чѣмъ баронъ Болинброкъ пріѣхалъ подписать этотъ миръ, — что этотъ уполномоченный былъ поэтъ». Вольтеръ считалъ себя отнюдь не менѣе тонкимъ, проницательнымъ и вообще способнымъ дипломатомъ, чѣмъ другіе, никогда не бывшіе литераторами, и жаждалъ добиться политической дѣятельности. Отсюда всѣ его усилія пріобрѣсти благосклонность человѣка, который могъ быть ему еще больше полезенъ, чѣмъ регентъ, — благосклонность кардинала Дюбуа, одного изъ развратнѣйшихъ государственныхъ людей въ мірѣ. Вольтеръ пишетъ кардиналу посланіе, въ которомъ его мудрости завидуетъ душа Ришельё и передъ нимъ сокрушаются всѣ планы знаменитаго Альберона:

De ses vastes projets l'orgueilleuse ètendue
Occupait l'univers saisi d'étonnement:
Ton génie et le sien disputaient la victoire;
Mais tu parus, et sa gloire
S'eclipsa dans un moment [1]).

При томъ порядкѣ вещей, какой господствовалъ тогда во Франціи, все зависѣло отъ министра, и Вольтеръ хорошо понималъ, что и тотъ, кто желаетъ публичной дѣятельности, и тотъ, кто добивается только наградъ и отличій, должны обращаться исключительно къ нему, хотя бы министромъ былъ и Дюбуа. Будучи самъ въ нѣкоторомъ родѣ литераторомъ, кардиналъ Дюбуа иногда давалъ ходъ литераторамъ въ дѣлахъ управленія. Поэтъ Детушъ, ав-

---

[1]) Горделивая обширность его замысловъ занимала изумленный міръ; геній твой и его геній оспаривали другъ у друга побѣду; но ты явился, и его слава мгновенно затмилась.

торъ «Мота», былъ представителемъ интересовъ Франціи и политики Дюбуа въ Лондонѣ. И вотъ Вольтеръ, сильно желавшій присоединить къ славѣ поэта вѣсъ должностнаго лица, предоставилъ себя въ распоряженіе кардинала. Тогдашніе люди, за весьма немногими исключеніями, были всѣ неразборчивы на средства къ достиженію своихъ цѣлей. Чтобы принести посильную пользу министру, Вольтеръ сблизился съ евреемъ Соломономъ Леви, умѣвшимъ вторгаться всюду въ качествѣ шпіона, и объяснялъ это кардиналу въ письмѣ:

«Я могу легче всякаго другаго поѣхать въ Германію, подъ предлогомъ свиданія съ Руссо [1]), кокорому я писалъ два мѣсяца тому назадъ, что желалъ бы показать мою поэму [2]) принцу Евгенію и ему. У меня есть даже письма принца Евгенія, и въ одномъ изъ нихъ онъ благосклонно заявляетъ, что будетъ очень радъ меня видѣть. Если эти соображенія могутъ побудить ваше высокопреосвященство употребить меня на какое-нибудь дѣло, то умоляю васъ вѣрить, что вы не будете недовольны мною и что я сохраню вѣчную благодарность за данное мнѣ позволеніе служить вамъ».

Восемнадцатый вѣкъ былъ въ началѣ вѣкомъ непримиримыхъ нравственныхъ и всякихъ другихъ несообразностей и противорѣчій. Около того самаго времени, когда Вольтеръ писалъ эти строки къ кардиналу Дюбуа, онъ лихорадочно предавался цѣлый годъ преслѣдованію того шпіона, котораго доносъ былъ причиной его заключенія въ Бастилію. Мы уже знаемъ, что этого шпіона звали Борегаръ: онъ былъ капитаномъ въ прованскомъ полку. Убѣдившись въ томъ, что доносчикомъ на него былъ Борегаръ, съ которымъ онъ нѣкогда неосторожно сблизился, Вольтеръ не могъ сдержать свое негодованіе, и довольно громко произнесъ

[1]) Жаномъ-Батистомъ, лирикомъ.
[2]) «Генріаду».

при немъ слова: шпіонъ и подлецъ. Они встрѣтились тогда у военнаго министра Ле-Блана, и Вольтеръ не затруднился сказать послѣднему: «Я зналъ, что шпіонамъ платятъ, но я не зналъ, что ихъ еще и награждаютъ приглашеніемъ къ министерскому обѣду». Въ то время министры дружески принимали шпіоновъ. Маршалъ Вилларъ разсказываетъ самъ, что приглашалъ къ обѣду нѣкоего Менжа, «главу своихъ шпіоновъ», разжалованнаго рукою палача, признаннаго мошенникомъ и наполовину уличеннаго въ убійствѣ. Борегаръ, въ бѣшенствѣ на произнесенныя Вольтеромъ слова, отвѣчалъ, что заставитъ его раскаяться въ этой дерзости. Онъ даже сообщилъ свое намѣреніе Ле-Блану, который будто бы сказалъ на это: «Только дѣлай такъ, чтобы никто ничего не замѣтилъ». Остановивъ носилки Вольтера у Севрскаго моста, Борегаръ заставилъ его выдти и страшно избилъ его; слѣды побоевъ остались даже на лицѣ Вольтера. Негодяй свелъ такимъ образомъ все дѣло на физическую силу, которою природа одарила его щедро, отказавъ въ ней слабому организму писателя. Понятно, въ какую ярость, въ какое отчаяніе повергла Вольтера эта гнусная расправа. По его требованію, севрскій судья предписалъ арестовать разбойника; но разбойникъ поспѣшилъ ускакать въ свой полкъ. Вольтеръ истощается въ усиліяхъ настигнуть его самъ или при помощи юстиціи. Онъ начинаетъ противъ Борегара уголовный процессъ и ведетъ его съ величайшею настойчивостью, забывая и работу, и удовольствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ высказываетъ въ своихъ письмахъ и желаніе драться съ обидчикомъ на дуэли. Но лучшіе друзья его не вѣрили его храбрости, а маркизъ д'Аржансонъ сказалъ о немъ, безъ всякаго желанія злословить, какъ величайшую похвалу: «Люди давно уже различаютъ храбрость умственную и тѣлесную. Онѣ рѣдко встрѣчаются въ одномъ человѣкѣ. Примѣромъ можетъ служить Вольтеръ. Въ душѣ онъ храбръ какъ Тюреннъ, какъ Густавъ Адольфъ; но малѣйшая опасность для тѣла страшитъ его, и онъ отъявленный трусъ»...

дуэли, во всякомъ случаѣ, не было, а юстиція въ тогдашней Франціи отличалась необыкновенною медленностью. Вольтеръ напрасно разорялся на процессъ: съ октября 1723 года, въ его письмахъ нѣтъ болѣе помину объ этомъ дѣлѣ, начатомъ полтора года тому назадъ. Неизвѣстно, имѣло ли оно какія-нибудь тяжелыя послѣдствія для нахальнаго шпіона; но для Вольтера оно осталось однимъ изъ самыхъ печальныхъ воспоминаній его жизни.

Во время этого процесса, Вольтеру представился удобный случай уѣхать изъ Парижа. Г-жа Рюпельмондъ, молодая вдова богатаго фламандскаго землевладѣльца, свѣтская дама, интересовавшаяся и философіей, сблизилась съ Вольтеромъ и просила его сопровождать ее въ ея поѣздкѣ въ Голландію. Они выѣхали въ іюлѣ 1722 года, остановились въ Камбрэ, гдѣ тогда собирался конгрессъ, и потомъ въ Брюсселѣ, гдѣ жилъ въ изгнаніи лирикъ Жанъ-Батистъ Руссо. Вольтеръ воспользовался этой поѣздкой, чтобы писать кардиналу Дюбуа о предстоявшемъ конгрессѣ. «Ваше высокопреосвященство,— писалъ онъ кардиналу изъ Камбрэ: — мы прибыли въ вашу метрополію, куда съѣхались, кажется, всѣ послы и повара Европы. Повидимому, всѣ министры Германіи пребываютъ въ Камбрэ только для того, чтобы заставлять пить за здоровье императора. Изъ двухъ испанскихъ пословъ, одинъ выслушиваетъ по двѣ обѣдни въ день, другой управляетъ труппой актеровъ. Англійскіе министры посылаютъ много курьеровъ въ Шампань и мало въ Лондонъ». И самъ Дюбуа говорилъ объ этомъ конгрессѣ, что онъ употребитъ половину времени на опредѣленіе своего церемоніала, другую на полное бездѣйствіе, пока неожиданныя случайности не приведутъ къ его распущенію. Уполномоченные, дѣйствительно, не торопились и охотно замѣняли дѣла безпрестанными празднествами, въ которыхъ нѣкоторое время участвовалъ и Вольтеръ съ своею спутницей. Имъ понадобилось, такимъ образомъ, не меньше шести недѣль для того, чтобъ проѣхать изъ Па-

рижа въ Гагу. Спутницу Вольтера, объ отношеніяхъ которой къ двадцати-восьми-лѣтнему поэту злословили не безъ основанія, тревожили въ то время религіозные вопросы, за разрѣшеніемъ которыхъ она обратилась къ блестящему автору «Эдипа». Для нея написано имъ превосходное стихотвореніе, сначала получившее извѣстность подъ названіемъ «Epître à Julie»:

Tu veux donc, belle Uranie,
Qu'erigé par ton ordre en Lucrèce nouveau,
Devant toi, d'une main hardie.
Aux superstitions j'arrache le bandeau [1]), и пр.

Оно высказываетъ на нѣсколькихъ страницахъ и прекрасными стихами сильнѣйшія возраженія противъ господствовавшихъ вѣрованій, отвѣты и убѣжденныхъ и политическихъ ханжей на эти возраженія, и благоразумный совѣтъ руководствоваться въ жизни правилами добропорядочности. Не менѣе знаменитая «Исповѣдь савойскаго викарія» была только краснорѣчивымъ развитіемъ мысли этого стихотворенія, получившаго потомъ названіе «Epître à Uranie». Когда оно проникло въ публику, Вольтеръ такъ испугался произведеннаго имъ дѣйствія и собиравшейся надъ нимъ грозы, что приписалъ его умершему аббату Шолье.

По словамъ Жана-Батиста Руссó, который былъ авторомъ сатирической «Моизіады» и нѣкогда самъ писалъ эпиграммы очень сомнительной нравственности, это смѣлое и рѣзкое стихотвореніе было причиной разрыва его съ Вольтеромъ. Оно, будто бы, оскорбило его религіозное и нравственное чувство. Вольтеръ, съ своей стороны, приписывалъ тотъ же разрывъ своему откровенному замѣчанію на оду Руссó «Къ потомству». Когда авторъ прочелъ эту оду Вольтеру и его спутницѣ, первый замѣтилъ, что она едва ли

[1]) Итакъ, прелестная Уранія, ты желаешь, чтобы, ставъ по твоему приказу новымъ Лукреціемъ, я смѣлою рукой сорвалъ повязку съ предразсудковъ.

дойдетъ по адресу. Какъ бы то ни было, Вольтеръ давно состоявшій съ Ж.-Б. Руссо въ дружеской перепискѣ, отдававшій ему на судъ свои сочиненія и получавшій отъ него въ отвѣтъ громкія похвалы и пожеланія, разошелся съ нимъ окончательно во время своей поѣздки въ Голландію. Изъ друзей, по крайней мѣрѣ — друзей формальныхъ, они стали отъявленными врагами. Вражда эта играла очень крупную и печальную роль въ жизни Вольтера. Всѣ средства полемики казались имъ позволительными для униженія врага. О характерѣ этой полемики могутъ дать достаточное понятіе частыя напоминанія Вольтера противнику о томъ, что отецъ его шилъ сапоги отцу автора. «Посланія къ Юліи», а эти напоминанія принадлежатъ еще не къ самымъ худшимъ эпизодамъ ихъ полемической вражды. Разумѣется, и самая дружба между ними, предшествовавшая долгой и непримиримой враждѣ, не имѣла высокой цѣны. Она вполнѣ характеризуетъ и тогдашніе нравы вообще, и Вольтера въ особенности. Онъ называлъ себя тогда ученикомъ Руссо, «нѣжно привязаннымъ къ своему учителю». Руссо, съ своей стороны, рукоплескалъ первымъ успѣхамъ Вольтера на литературномъ поприщѣ и безусловно восхвалялъ «Эдипа». Вѣрный тогдашнимъ нравамъ, Вольтеръ былъ друженъ и съ Руссо, и съ его врагами; ему надо было ладить со всѣми; отсюда уступки, скрытыя и мелкія предательства, обычныя у свѣтскихъ людей, поставленныхъ въ необходимость лавировать, плыть между двумя водами, улыбаться, участвовать въ злословіи присутствующаго друга противъ друга отсутствующаго. Въ письмѣ къ Ла-Фэ, непримиримому врагу Ж.-Б. Руссо, Вольтеръ съ пренебреженіемъ отзывался объ этомъ изгнанникѣ, какъ о писателѣ и человѣкѣ. Между тѣмъ, окончивъ свою «Генріаду», онъ послалъ тому же Руссо планъ своего новаго произведенія при самомъ дружескомъ и почтительномъ письмѣ, которое оканчивалось обѣщаніемъ пріѣхать для свиданія съ нимъ въ Голландію. «Если нельзя надѣяться видѣть васъ опять въ Парижѣ,—

писалъ онъ, — то вы можете быть увѣрены, что я поѣду въ Брюссель, отыскивать противоядіе отъ яда Ламоттовъ (Ламоттъ былъ тоже личнымъ врагомъ Руссо̀). Умоляю васъ, м. г., разсчитывать на меня во всю вашу жизнь, какъ на самаго ревностнаго изъ вашихъ почитателей». Теперь прежняя наружная дружба обратилась въ явную вражду, и взаимную любезность смѣнила одна изъ самыхъ неприличныхъ полемикъ, какія только запомнитъ исторія литературы. Оба противника отбросили всякій стыдъ и всякое приличіе. Дювернѐ, въ своей «Жизни Вольтера», вышедшей въ Женевѣ въ 1786 году, слѣдующимъ образомъ разсказываетъ, со словъ Тьеріо̀, фактотума Вольтера, обстоятельства разрыва между Вольтеромъ и Ж.-Б. Руссо̀:

«Въ одной изъ ихъ прогулокъ съ графиней Рюпельмондъ, Руссо̀ прочелъ свою «Оду къ потомству», и потомъ «Судъ Плутона». Это послѣднее сочиненіе было рѣзкою сатирой на парижскій парламентъ, изгнавшій его изъ отечества, на прокурора, который потребовалъ такого приговора. Спрошенный авторомъ объ этой сатирѣ, Вольтеръ отвѣчалъ: «Это, учитель, писано перомъ не лучшаго, не великаго Руссо̀».

«Самолюбіе стараго стихотворца, жаждавшаго похвалы, оскорбилось этою откровенностью. Вольтеръ подкрѣпилъ свое мнѣніе нѣкоторыми доказательствами, которыя были приняты за наставленія. «Воздайте мнѣ тѣмъ же,— сказалъ Вольтеръ: — вотъ небольшая поэма («Посланіе къ Юліи»), которую я отдаю на судъ и исправленіе отцу «Нумы».

«Чтеніе поэмы еще не было окончено, когда Руссо̀ произнесъ недовольнымъ тономъ: «Избавьте себя отъ труда читать дальше, м. г., это ужасное нечестіе». Вольтеръ положилъ свое стихотвореніе обратно въ портфель и сказалъ: «Поѣдемте въ театръ. Мнѣ очень жаль, что авторъ «Моизіады» еще не предупредилъ публику о томъ, что онъ сталъ ханжой».

«Послѣ театра, Вольтеръ заговорилъ съ Ж.-Б. Руссо̀

объ его «Одѣ къ потомству» и насмѣшливо сказалъ на прощанье: «Знаете ли, учитель: я не думаю, чтобъ эта ода когда нибудь дошла по адресу».

Въ Голландіи Вольтеръ впервые увидѣлъ свободный народъ, трудящійся и самъ управляющій своими судьбами. Это новое зрѣлище произвело на него сильное впечатлѣніе; а въ Парижѣ, куда онъ возвратился въ концѣ октября, его ожидало сближеніе съ представителемъ другаго народа, также мало похожаго на французовъ, какъ и голландцы,— съ лордомъ Болинброкомъ. Живя то въ столицѣ, то въ загородныхъ домахъ своихъ великосвѣтскихъ пріятелей, Вольтеръ нашелъ между ними этого интереснаго англичанина, принужденнаго покинуть Англію вслѣдствіе яковитскихъ интригъ. Лордъ Болинброкъ выстроилъ себѣ красивый загородный домъ въ прелестнѣйшей мѣстности Турени, гдѣ покойно жилъ съ г-жею де-Виллеттъ— француженкой, на которой онъ потомъ женился. «Я нашелъ въ этомъ знаменитомъ англичанинѣ всю ученость его отечества и всю любезность нашего», писалъ о немъ Вольтеръ. «Я никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь выражался на нашемъ языкѣ вѣрнѣе и съ большей энергіей. Этотъ человѣкъ, который провелъ всю жизнь въ удовольствіяхъ и дѣлахъ, нашелъ однакоже возможность все узнать и все запомнить». И лордъ, и г-жа де-Виллеттъ отлично приняли поэта. Онъ читалъ имъ «Генріаду» и съ наслажденіемъ выслушивалъ лестныя похвалы этихъ умныхъ людей, которые ставили эту поэму выше всего, что когда-нибудь было писано во Франціи. Одно время Вольтеръ даже хотѣлъ посвятить ее Болинброку, котораго дружба и рекомендаціи были впослѣдствіи такъ полезны ему въ Англіи.

Переходя изъ помѣстья въ помѣстье, вездѣ принятый какъ свой, Вольтеръ продолжалъ работать, отдѣлывать свою поэму и смягчать «тѣ мѣста, которыхъ слишкомъ жесткія истины могли возмутить судей». Сначала онъ опасался пе-

чатать ее во Франціи и хотѣлъ поручить ея изданіе одному книгопродавцу въ Гагѣ. Въ «Голландской Газетѣ» появилось объявленіе этого книгопродавца о подпискѣ на книгу: «Генрихъ IV, или Лига, героическая поэма Вольтера, въ девяти пѣсняхъ, съ историческими и критическими примѣчаніями, объясняющими самое сочиненіе и исторію того времени», съ двѣнадцатью рисунками, изображающими главныхъ вождей и замѣчательнѣйшія событія «Лиги». Голландскій книгопродавецъ открывалъ подписку не только въ Гагѣ, но и въ Парижѣ, въ провинціальныхъ городахъ Франціи и въ главныхъ городахъ Европы. Не чуждый опасеній, Вольтеръ былъ однакоже настолько увѣренъ въ возможности безпрепятственной продажи его книги во Франціи, что приготовилъ слѣдующее непривычное посвященіе поэмы Людовику XV:

«Государь, всякое сочиненіе, въ которомъ говорится о великихъ дѣлахъ Генриха IV, должно быть посвящено вашему величеству. Кровь этого героя течетъ въ вашихъ жилахъ. Вы потому только король, что онъ былъ великій человѣкъ, и Франція, желающая вамъ столько же добродѣтелей и больше счастія, льститъ себя надеждой, что жизнь и престолъ, которыми вы ему обязаны, побудятъ васъ подражать ему.

«Счастливый тѣмъ, что испыталъ несчастіе, онъ сострадалъ невзгодамъ людей и умѣрялъ испытанную имъ самимъ суровость власти. Другіе короли имѣютъ льстецовъ, у него были друзья; его сердце было исполнено нѣжности къ настоящимъ его слугамъ.

«Этотъ король, дѣйствительно любившій своихъ подданныхъ, никогда не считалъ ни ихъ жалобъ за бунты, ни представленій судебной власти за посягательства на верховную власть... Сказать ли, государь? Да, правда вмѣняетъ мнѣ это въ обязанность: удивленіе, испытываемое нами всякій разъ, когда короли искренно любятъ счастіе своихъ народовъ, есть нѣчто постыдное для королей. Да пріучите вы насъ со

временемъ считать эту добродѣтель неотъемлемымъ удѣломъ вашей короны! Только истинная любовь Генриха IV къ Франціи снискала ему наконецъ обожаніе его подданныхъ»...

Свободный по тогдашнему тонъ этого посвященія не только не могъ понравиться властямъ, но, по всей вѣроятности, навлекъ бы автору большія непріятности, еслибъ книга съ этимъ предисловіемъ появилась въ продажѣ. Къ счастію, авторъ узналъ заранѣе, что правительство несогласно на посвященіе поэмы королю, и Вольтеръ поручилъ Тьеріо уничтожить вышеприведенныя строки, чего тотъ не сдѣлалъ, а сохранилъ ихъ у себя, и они дошли до насъ только благодаря этому обстоятельству. Цензура отказалась даже допустить продажу поэмы, напечатанной въ Голландіи, вслѣдствіе чего потеряло свою силу самое условіе, заключенное Вольтеромъ съ голландскимъ книгопродавцемъ. Но Вольтеръ вовсе не желалъ, чтобы его поэма оставалась у него въ портфелѣ. За невозможностью издать ее открыто, онъ рѣшился печатать ее тайно. Имѣя надежныхъ и вліятельныхъ друзей въ Руанѣ, онъ напечаталъ ее въ этомъ городѣ зимой 1723—24 г., откуда она была тайно доставлена въ Парижъ и тайно пущена въ продажу.

Вольтеръ усердно слѣдилъ за ея печатаніемъ и даже за брошюровкой. Два раза въ письмахъ къ Тьеріо онъ просилъ своего повѣреннаго позаботиться о томъ, чтобы его дѣтище было чисто одѣто. Для тайнаго доставленія книги въ Парижъ, Вольтеръ пользовался фургонами своей пріятельницы, г-жи де-Бреньеръ. Инструкціи, данныя Вольтеромъ по этому поводу, напоминаютъ нѣжнаго и разсудительнаго отца, который обо всемъ подумалъ, все предвидѣлъ. Перевозка исполнена благополучно. Въ одномъ письмѣ къ Тьеріо, Вольтеръ говоритъ, что «незаконное его дитя» проникло въ Парижъ какъ-бы чудомъ.

Вотъ какъ объяснялъ потомъ самъ Вольтеръ причины запрещенія «Генріады»: «Въ моей книгѣ я слишкомъ настаивалъ на духѣ мира и терпимости въ дѣлахъ вѣры, я

высказалъ слишкомъ мало желчи на протестантовъ, чтобъ получить позволеніе напечатать въ моемъ отечествѣ поэму во славу величайшаго изъ нашихъ королей». Она не нуждалась даже и въ привлекательности запретнаго плода, чтобы быть прочитанной всѣми и произвести сильное впечатлѣніе. То была первая классическая эпопея во французской литературѣ. Новость и смѣлость этой попытки такъ поразили современниковъ, что они точно также не замѣтили слабыхъ сторонъ искусственной, эпопеи, какъ не замѣчали слабыхъ сторонъ французской классической трагедіи и лирики. Очень вѣрнымъ отраженіемъ общаго мнѣнія о поэмѣ Вольтера былъ слѣдующій отзывъ Мотьё Марэ, солиднаго критика, одинаково далекаго отъ оптимизма и пристрастія въ противоположную сторону. «Поэма Аруэ «Лига»,—говоритъ Марэ въ своихъ запискахъ,—продается тайно. Я прочелъ ее: это чудесное произведеніе, мастерское созданіе ума, прекрасное, какъ поэма Виргилія. Наша литература имѣетъ теперь свою эпическую поэму... Непонятно, гдѣ могъ такъ много научиться Аруэ, который еще такъ молодъ. Онъ писалъ точно по вдохновенію свыше. Какая пропасть — умъ человѣка! Удивительно то, что въ этой поэмѣ все разумно, правильно, исполнено нравственности. Въ ней нѣтъ ни рѣзкости, ни блеска; она вся изящна, правильна и пр.. Сенеки и Луканы нашихъ временъ, учитесь писать и мыслить по этой чудной поэмѣ, составляющей славу нашего народа и вашъ стыдъ». Фридрихъ-Великій, въ то время еще наслѣдный принцъ, написалъ предисловіе къ «Генріадѣ», въ которомъ тоже высказывалъ лишь мнѣніе современниковъ, утверждая, что Вольтеръ превзошелъ Гомера и Виргилія. Кромѣ литературнаго значенія, поэма имѣла еще и значеніе патріотическое, общественное: содержаніе ея было взято изъ недавней исторіи Франціи и прославляло въ своемъ героѣ, водворившемъ миръ послѣ долгихъ религіозныхъ войнъ, ту терпимость, которой измѣнили его преемники. А это былъ вопросъ огромной важности во Франціи, — вопросъ,

широкому разрѣшенію котораго Вольтеръ способствовалъ всю свою жизнь.

Въ наше время, «Генріада» можетъ быть интересна только для историка литературы. Ее уже никто не читаетъ. Она суха, дѣлана, въ ней нѣтъ энтузіазма, нѣтъ того священнаго огня, который дается только дѣйствительнымъ эпическимъ міровоззрѣніемъ. Вѣротерпимость стала теперь общимъ мѣстомъ, а наши требованія отъ эпопеи совсѣмъ не тѣ, какія предъявлялись къ ней въ эпоху французскаго классицизма. Мы можемъ читать Гомера, вѣрующаго въ своихъ боговъ и въ ихъ чудесныя дѣла и обращающагося къ исполненнымъ вѣры слушателямъ. И для него и для нихъ эти боги и чудеса — совершенно реальная дѣйствительность. Но эпику XVIII вѣка, поставившему себѣ чисто-публицистическую задачу, и притомъ скептику, обращающемуся къ скептикамъ, пришлось замѣнить реальные образы боговъ и героевъ искусственными и ходульными аллегоріями. Таковы въ поэмѣ Вольтера Раздоръ съ своими змѣями и факелами, такова Политика Ватикана, дочь Интереса и Властолюбія; таковы Гордость, Измѣна, Неистовство, вызывающее фанатизмъ изъ ада, Демонъ войны и кровавая Смерть. Поэтъ рисуетъ намъ даже аллегорическую картину Амура, «этого опаснаго мальчика». У входа помѣщаются льстивая Надежда и изнѣженное Сладострастіе, распростертое на дерновомъ ложѣ; внутри — мрачная Ревность съ блѣднымъ и прозрачнымъ лицомъ, ступающая нетвердымъ шагомъ за своей руководительницей — Подозрительностью, и т. д. Но современники Вольтера не ощущали однообразія и дѣланности этихъ аллегорическихъ фигуръ, и «Генріада» имѣла огромный успѣхъ, такой успѣхъ, который помѣшалъ правительству преслѣдовать автора и его произведеніе. Имѣть ее и говорить о ней въ обществѣ стало общей неудержимой потребностью. Она появилась на туалетахъ всемогущихъ дамъ свѣта и полу-свѣта, и самое духовенство напрасно обличало автора въ пелагіанской ереси, какъ при-

дворные льстецы напрасно упрекали его въ одинаково-дерзкомъ отношеніи къ трону и вѣрѣ. Въ своей поэмѣ Вольтеръ высоко поставилъ гугенота адмирала Колиньи, а этого было уже довольно, чтобы признать его опаснымъ и мятежнымъ умомъ, потрясающимъ коренныя основы государства. Но поэма все-таки избѣжала преслѣдованій въ виду общаго, единодушнаго одобренія и восторга. Власти нашли неудобнымъ идти такъ далеко противъ силы вещей.

Въ это время поэтъ окончилъ новую трагедію: «Маріамна», сюжетъ которой заимствованъ изъ исторіи Ирода Великаго. Она была исполнена въ мартѣ 1724 года, съ г-жею Лекуврёръ въ главной роли, но не понравилась публикѣ и была почти ошикана. Съ свойственной ему быстротой и мѣткостью соображенія, авторъ сразу замѣтилъ, чѣмъ именно оттолкнула публику новая его пьеса, и такъ удачно передѣлалъ ее, что она была возобновлена въ апрѣлѣ при общихъ рукоплесканіяхъ. Хворая въ то время, Вольтеръ писалъ Тьеріо: «Думаю, что меня убила эта негодная Маріамна и что проказа пала на меня за то, что я слишкомъ жестоко отнесся къ евреямъ».

Имя Вольтера пользовалось теперь громкою извѣстностью во Франціи и за-границей. Казалось бы, онъ могъ ожидать не только безопаснаго, но почетнаго положенія при дворѣ, этомъ источникѣ всякаго матеріальнаго вліянія и значенія. Но въ Вольтерѣ, въ характерѣ его ума и его понятіяхъ было нѣчто такое, съ чѣмъ не могла мириться господствующая система фаворитизма, беззаконія и рутины. Достигнувъ совершеннолѣтія, Людовикъ XV, по смерти регента, избралъ своимъ первымъ министромъ герцога Бурбонскаго. У герцога, какъ у всѣхъ свѣтскихъ людей того времени, была любовница г-жа При, съ которою Вольтеръ познакомился раньше и черезъ которую ему пришлось дѣйствовать теперь, чтобы добиться политической роли. Благодаря ея покровительству, поэтъ присутствовалъ въ ноябрѣ 1725 года при бракосочетаніи молодаго короля съ Маріей Лещинской, при-

чемъ дворъ не одинъ разъ рукоплескалъ его трагедіямъ; онъ былъ представленъ новой королевѣ, награжденъ пенсіей, и познакомился съ ея отцомъ, королемъ польскимъ, съ которымъ впослѣдствіи сблизился. Но и всѣ эти, повидимому столь благопріятныя для него, обстоятельства не привели его къ цѣли...

II.

Проницательныя женщины говорили извѣстному французскому писателю двухъ столѣтій, Фонтенелю, указывая на то мѣсто, гдѣ должно находиться сердце: «У васъ тутъ не сердце, а такой же мозгъ, какъ и въ головѣ». Современницы Вольтера могли съ нѣкоторымъ основаніемъ сказать ему то же самое. Но умъ и натура Вольтера были совсѣмъ особенные, исключительные. Это не былъ глубокій умъ, погруженный въ ту или другую область знанія и открывающій въ этой области новыя истины, новые законы. Это былъ умъ въ высшей степени общительный и общественный, необыкновенно живой, блестящій, привлекательный, плѣнявшій не только своихъ читателей, но, можетъ быть, еще болѣе плѣнительный для слушателей, для тѣхъ, кто имѣлъ съ Вольтеромъ личныя сношенія и бесѣды. Такой чарующій умъ дается природой немногимъ; умъ Вольтера искрится, играетъ, брыжжетъ и пѣнится, какъ шампанское, вино по преимуществу общественное, любимый напитокъ веселыхъ компаній, сообщникъ оживленныхъ, смѣлыхъ бесѣдъ. Необычайная живость и широкая воспріимчивость такого ума естественно дѣлаютъ его многообъемлющимъ, универсальнымъ. Таковъ былъ умъ одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ писателей, въ тяжкой борьбѣ окончившаго жизнь на чужбинѣ. Тайна значенія и вліянія такихъ писателей не исчерпывается оставшимися послѣ нихъ сочиненіями; значительная доля этой тайны заключается въ

личномъ обаяніи такихъ роскошно одаренныхъ натуръ, вся прелесть которыхъ доступна только ихъ современникамъ.

Жизнь людей такого закала никогда не течетъ ровно и мирно въ томъ руслѣ, которое проложено для нея установившимися общественными условіями. Впечатлительныя, нервныя, усиленно дѣятельныя, эти натуры быстро схватываютъ смыслъ данныхъ условій, относятся къ нему критически, съ тѣмъ нервнымъ нетерпѣніемъ крупныхъ талантовъ, которое въ общежитіи нерѣдко называется преступною неосторожностью, и дорого платятся за свое умственное превосходство надъ другими. Рутина не выноситъ ихъ, смутно, инстинктивно предчувствуя свою неминуемую гибель подъ ударами ихъ заразительнаго здраваго смысла и остроумія. Вольтеру теперь тридцать-одинъ годъ; онъ въ цвѣтѣ лѣтъ и таланта, пользуется славой первокласснаго поэта своего времени; дворъ благоволитъ къ нему: онъ уже пенсіонеръ и короля и королевы, ему покровительствуетъ всесильная фаворитка герцога Бурбонскаго. И, несмотря на все это, ему теперь же придется считаться съ данными условіями исторической дѣйствительности, испытать гоненія не отъ одной только власти, но и отъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, которымъ кололо глаза превосходсто этого блестящаго выскочки. Вольтеръ былъ честолюбивъ; онъ всегда хотѣлъ играть и общественную роль, какъ литераторъ, и политическую, какъ органъ правительственной власти въ той или другой спеціальности. Онъ считалъ себя не менѣе умнымъ, не менѣе свѣдущимъ и дѣльнымъ человѣкомъ, чѣмъ иной аббатъ, обязанный своимъ возвышеніемъ какой-нибудь маркизѣ. Но король, назначивъ ему пенсію, всетаки относился къ нему недовѣрчиво и холодно, а высшее общество, въ большинствѣ своихъ представителей, всего менѣе было расположено признать его любимую мысль о превосходствѣ ума и таланта надъ происхожденіемъ. Во время одной оргіи, на которой актеръ Данкуръ былъ особенно остроуменъ, графъ Ливри безъ церемоніи сказалъ

своему собесѣднику: «Предупреждаю тебя, Данкуръ, что если къ концу ужина ты будешь остроумнѣе меня, я дамъ тебѣ сто палокъ». И Данкуръ принужденъ былъ умѣрить свое остроуміе. Но Вольтеръ не покорился бы подобному внушенію. Въ декабрѣ 1725 года онъ и кавалеръ де-Роганъ, членъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Франціи, были въ оперѣ. Вѣроятно, недовольный рѣзкимъ тономъ поэта, кавалеръ де-Роганъ не затруднился насмѣшливо обратиться къ нему съ презрительнымъ вопросомъ: «Mons de Voltaire, mons Arouet, comment vous appelez-vous?» [1]) Вольтеръ, конечно, не остался у него въ долгу. Говорятъ, онъ отвѣчалъ, что не влачитъ за собою громкаго имени, но умѣетъ внушить уваженіе къ тому имени, какое носитъ. На этотъ разъ ихъ столкновеніе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Но дня черезъ два, они встрѣтились опять въ театрѣ, въ присутствіи артистки Лекуврёръ, и кавалеръ де-Роганъ повторилъ свой дерзкій вопросъ. Вольтеръ напомнилъ кавалеру, что уже отвѣтилъ ему въ оперѣ. Поднявъ свою трость, Роганъ сказалъ, что на это не стоитъ отвѣчать иначе какъ палкой; Вольтеръ взялся за шпагу; но артисткѣ сдѣлалось дурно, и ея состояніе прекратило начавшуюся ссору. Черезъ нѣсколько дней поэтъ приглашенъ былъ обѣдать къ герцогу Сюлли, въ домѣ котораго онъ всегда былъ принятъ, какъ членъ семьи. Во время обѣда, слуга приходитъ сказать гостю, что кто-то спрашиваетъ его у подъѣзда; Вольтеръ сходитъ внизъ и идетъ прямо къ извозчичьему экипажу, стоявшему на улицѣ. Два человѣка приглашаютъ его войти въ карету, гдѣ онъ ожидаетъ найти того, кто его спрашивалъ; но едва онъ успѣлъ ступить въ нее, какъ былъ схваченъ и осыпанъ палочными ударами. Не участвуя физически въ этой гнусной расправѣ, храбрый кавалеръ де-Роганъ наблюдалъ изъ другой кареты за ея исполненіемъ. Говорятъ, онъ кричалъ палачамъ: «Не бейте по

---

[1]) «Госп. Вольтеръ, госп. Аруэ — какъ бишь васъ зовутъ?»

головѣ, изъ нея еще можетъ выдти что-нибудь путное». Кавалеръ впослѣдствіи не стыдился разсказывать друзьямъ, что самъ командовалъ экзекуціей.

Освободившись, наконецъ, изъ рукъ негодяевъ, Вольтеръ проситъ герцога Сюлли вступиться за своего гостя, въ лицѣ котораго грубое насиліе нанесено и ему самому; поэтъ предлагаетъ идти къ полицейскому коммиссару и составить протоколъ о разбоѣ; но герцогъ не посовѣстился отказать въ этомъ человѣку, къ которому относился дружески въ теченіи десяти лѣтъ и который въ своей «Генріадѣ» прославилъ имя его предка. Герцогъ не хотѣлъ ссориться съ домомъ Рогановъ, да и подобныя расправы наемными руками были въ нравахъ того изумительнаго времени. Узнавъ о разбойничьемъ поступкѣ кавалера де-Роганъ, князь Конти, тотъ самый, который незадолго передъ тѣмъ, сложилъ хвалебныя стихи въ честь автора «Эдипа», отозвался, что эти палочные удары были хорошо восприняты, но дурно даны. Епископъ Блуа, аббатъ Комартенъ, хорошо и давно знавшій Вольтера, сказалъ съ своей стороны: «Мы были бы очень несчастливы, еслибъ у поэтовъ не было плечъ». Послѣ этой гнусной исторіи, Вольтеръ нарочно показывался какъ можно чаще при дворѣ, въ обществѣ, но никто не жалѣлъ его, и всѣ, кого онъ считалъ своими друзьями, повертывались къ нему спиною.

Вольтеръ спѣшитъ отъ герцога Сюлли въ оперу, гдѣ должна была находиться г-жа де-При, любовница герцога Бурбонскаго, и разсказываетъ ей свое горе; она принимаетъ въ немъ участіе, она обѣщаетъ ему добиться справедливости въ Версали. Но и ея заступничество не принесло пользы поэту, который, чувствуя себя жестоко униженнымъ и опозореннымъ, дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобъ наказать оскорбителя. Онъ лихорадочно учится фехтованію, онъ замышляетъ нѣчто серьезное; полиція слѣдитъ за нимъ, и 28-го марта подписано приказаніе арестовать и заключить его въ Бастилію, которое нашли нужнымъ исполнить только

три недѣли спустя. Встрѣтившись, между тѣмъ, съ кавалеромъ де-Роганъ въ ложѣ артистки Лекуврёръ, Вольтеръ лично вызвалъ его на дуэль, и самъ оскорбитель выбралъ мѣстомъ поединка Сенъ-Мартѐнскія ворота; но онъ же разсказалъ объ этомъ своему семейству, которое обратилось къ министру съ просьбой воспрепятствовать дуэли. Маршалъ Вилларъ, въ своихъ запискахъ, заканчиваетъ слѣдующимъ образомъ свой разсказъ объ этотъ тяжеломъ эпизодѣ въ жизни Вольтера:

«Кавалеръ страдалъ отъ послѣдствій ушиба и не могъ владѣть шпагой. Онъ остановился на мысли избить Вольтера палками среди бѣлаго дня, а Вольтеръ вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ суду, предпочелъ мщеніе оружіемъ. Говорятъ, онъ ревностно, но слишкомъ неосторожно искалъ къ тому случая. Кардиналъ де-Роганъ просилъ герцога Бурбонскаго заключить его въ Бастилію; приказъ объ этомъ состоялся и былъ исполненъ; и несчастный поэтъ, сначала избитый, подвергся еще и заключенію. Публика, склонная осуждать все, признала на этотъ разъ, что въ этомъ дѣлѣ всѣ неправы: Вольтеръ тѣмъ, что оскорбилъ кавалера де-Роганъ; послѣдній тѣмъ, что осмѣлился совершить преступленіе, достойное смертной казни, избивъ гражданина; правительство тѣмъ, что оставило преступленіе безнаказаннымъ и засадило побитаго въ Бастилію, чтобъ успокоить побившаго».

Герцогъ и пэръ Франціи, писавшій эти строки, уже не похожъ на своихъ тогдашнихъ собратовъ по происхожденію. Онъ признаетъ достойнымъ смертной казни разбойническій поступокъ аристократа съ «гражданиномъ», и не затрудняется употребить это послѣднее, столь страшное тогда слово, которое къ концу восемнадцатаго вѣка будетъ по всей Франціи единственнымъ званіемъ освобожденнаго француза.

Вольтеръ былъ арестованъ въ ночь на 16-е апрѣля и отвезенъ въ Бастилію. Такъ какъ цѣлью его заключенія

была безопасность кавалера де-Роганъ, то оно было смягчено позволеніемъ обѣдать у губернатора тюрьмы и принимать нѣкоторыхъ друзей. 2-го мая онъ былъ уже освобожденъ, но подъ условіемъ немедленнаго отъѣзда въ Англію. Полицейскій чиновникъ сопровождалъ освобожденнаго до самаго Калэ, гдѣ Вольтеръ долженъ былъ сѣсть на корабль и отплыть въ его присутствіи.

Понятно, съ какимъ озлобленнымъ чувствомъ покидалъ свое отечество человѣкъ, надъ которымъ безграничный произволъ разразился во всемъ своемъ безобразіи. Ни кавалеръ де-Роганъ и его друзья, ни оберегавшее ихъ произвольными мѣрами правительство, конечно, не предвидѣли и не ожидали, какую услугу оказываютъ они Вольтеру и въ его лицѣ идеямъ свободы, заставляя его прожить три года въ странѣ, гдѣ «умъ свободнѣе и не знаетъ принужденія». Болинброкъ, уже возвратившійся въ Англію, отнесся къ французскому поэту какъ къ старому пріятелю, а онъ былъ въ сношеніяхъ съ самыми выдающимися лицами своего времени. Мыслитель и въ то же время государственный человѣкъ, онъ искалъ въ литературѣ убѣжища отъ политическихъ неудачъ и разочарованій. Въ числѣ его друзей блистали Свифтъ, Попъ и Ге, которыхъ онъ дружески звалъ Джонатаномъ, Александромъ и Джономъ. Черезъ этихъ литературныхъ дѣятелей, французскій изгнанникъ получилъ доступъ въ литературные и оффиціальные кружки Англіи, познакомился и съ торіями, и съ вигами. Онъ сблизился, между прочимъ, съ однимъ богатымъ лондонскимъ негоціантомъ, у котораго было прелестное имѣніе въ Уандсвортѣ. Изъ этого помѣстья писана бо̀льшая часть его писемъ въ бытность его въ Англіи; тамъ онъ углублялся въ себя, забывалъ житейскія непріятности, работалъ; тамъ, подъ вліяніемъ Шекспира, былъ имъ написанъ англійской прозой первый актъ его трагедіи: «Брутъ». Радушный хозяинъ поэта, Фокнеръ (Folkner), человѣкъ очень умный, отлично поставившій свои дѣла, впослѣд-

ствіи былъ представителемъ интересовъ Англіи за-границей, чего еще не бывало во Франціи. Вольтеръ всегда сохранялъ о немъ самое пріятное воспоминаніе, какъ о человѣкѣ, поддержавшемъ его нравственно въ трудную пору безотраднаго изгнанія. Въ то время былъ еще живъ и Ньютонъ; но этотъ геніальный человѣкъ былъ уже такъ старъ, что Вольтеру пришлось обратиться не къ нему самому, а къ его другу и ученику Самуилу Кларку, поразившему изгнанника смѣлостью своихъ взглядовъ. «Я не нашелъ у него той осмотрительной анатоміи человѣческаго сознанія, того посоха слѣпца, съ которымъ шелъ скромный Локкъ, отыскивая дорогу и находя ее,— наконецъ, той учебной робости, которая останавливала Локка на краю пропасти»,— писалъ впослѣдствіи Вольтеръ въ своемъ «Краткомъ отвѣтѣ на длинныя рѣчи нѣмецкаго ученаго»:— «Кларкъ прыгалъ въ пропасть, и я дерзнулъ послѣдовать за нимъ. Однажды, поглощенный великими изслѣдованіями, чарующими своею необъятностью, я сказалъ одному весьма просвѣщенному члену общества: «Г-нъ Кларкъ гораздо болѣе великій мыслитель, чѣмъ г. Ньютонъ».— Можетъ быть, холодно отвѣчалъ мой собесѣдникъ; но это все равно, что сказать, что одинъ изъ нихъ лучше играетъ въ мячъ, чѣмъ другой. «Этотъ отвѣтъ заставилъ меня призадуматься. Съ тѣхъ поръ я отважился проткнуть нѣкоторые мячики метафизики, и изъ нихъ вышелъ только вѣтеръ. Когда я сказалъ г. Вревсенду: Vanitas vanitatum, et metaphysica vanitas [1]), онъ отвѣтилъ мнѣ: «Я очень жалѣю, что вы правы».

Вольтеръ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Англіи, чтобъ изучить нравы и литературу этой оригинальной страны, государственное устройство которой такъ мало походило на французское,— страны, гдѣ король былъ въ зависимости отъ аристократіи и высшей буржуазіи, и давно

[1]) Суета суетъ, и метафизика—суета.

уже существовало парламентское правленіе. Литературныя знаменитости Англіи, за исключеніемъ Джонсона, отнеслись къ нему съ уваженіемъ и участіемъ. Джонсонъ не довѣрялъ Вольтеру, считая его тайнымъ агентомъ французскаго двора. Замѣчательно первое знакомство Вольтера съ крупнымъ комическимъ поэтомъ, Конгревомъ. Послѣдній приписалъ его посѣщеніе не своему литературному таланту, а своему аристократическому происхожденію. «Еслибъ вы были только дворяниномъ, то я не имѣлъ бы чести посѣтить васъ сегодня», отвѣчалъ Вольтеръ писателю, такъ мало дорожившему своимъ литературнымъ званіемъ. Вольтеръ, правда, любилъ и самъ играть роль аристократа и отлично исполнялъ ее, когда находилъ это нужнымъ; но онъ прежде всего считалъ себя литераторомъ, поэтомъ, мыслителемъ, и не промѣнялъ бы этого положенія на одно только аристократическое имя. Будучи свѣтскимъ человѣкомъ и относясь съ большимъ тактомъ къ аристократическимъ притязаніямъ среды, въ которой вращался, Вольтеръ ставилъ однако же себя и свой талантъ на ряду съ самыми громкими именами родовой знати. Какъ прочны были литературныя знакомства его въ Англіи, видно не только изъ его писемъ, относящихся къ этой порѣ его жизни, но и изъ позднѣйшихъ его заявленій. Года четыре спустя, онъ послалъ съ своимъ пріятелемъ и повѣреннымъ Тьеріо, ѣхавшимъ въ Англію, письма ко всѣмъ своимъ тамошнимъ друзьямъ, и писалъ по этому поводу Тьеріо: «Вы знаете, что я питаю къ нимъ (т.-е къ Попу, котораго онъ называетъ сэръ-Гомеръ-Попъ, и Ге, котораго онъ зоветъ сэръ-Овидій-Ге) чувство высокаго уваженія. Я цѣню ихъ произведенія и люблю ихъ какъ людей; я желалъ бы отъ всего сердца жить вмѣстѣ съ ними... Пейте за мое здоровье съ п р о ж о р л и в ы м ъ Попомъ!»

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Англію, Вольтеръ серьёзно занялся также изученіемъ англійскаго языка. Всѣ письма

его во Францію писаны по-англійски и такимъ образомъ спасались отъ полицейскаго надзора. «Любезный Тьеріо»,— говоритъ онъ въ одномъ изъ нихъ: «пишу вамъ по-англійски по той же самой причинѣ, по какой аббатъ Буало писалъ по-латыни, т.-е. для того, чтобъ меня не могли понять слишкомъ любопытные люди». Послѣ короткаго пребыванія въ Англіи, онъ написалъ и издалъ на англійскомъ языкѣ свой «Опытъ объ эпической поэзіи» («Essay on epic poetry». 1726). Въ огромной перепискѣ Вольтера сохранились письма на англійскомъ языкѣ, писанныя даже и по возвращеніи его во Францію. Сохранились и писанные Вольтеромъ англійскіе стихи.

Въ Англіи Вольтеръ далъ окончательную отдѣлку своей поэмѣ: «Генріада», или «Лига», и, между прочимъ, сдѣлалъ въ ней одно очень замѣтное измѣненіе подъ вліяніемъ своего негодованія на образъ дѣйствій герцога Сюлли въ исторіи съ кавалеромъ де-Роганъ. Первоначально строгая фигура Сюлли была поставлена въ поэмѣ рядомъ съ героическимъ типомъ Генриха IV. Передѣлывая теперь свое произведеніе, оскорбленный, преслѣдуемый и наконецъ изгнанный поэтъ замѣнилъ личность Сюлли личностью Дюплесси-Морнэ — черта, отлично характеризующая и тогдашнее время, и самого Вольтера. Въ поднятой имъ борьбѣ таланта съ знатностью онъ считалъ себя въ правѣ точно такъ же быть неразборчивымъ на средства, какъ и знатные его противники. Обезоруженный изгнаніемъ, раздраженный до крайней степени недостойнымъ поведеніемъ своего бывшаго пріятеля, онъ хотѣлъ отплатить ему оскорбленіемъ за оскорбленіе, дать ему почувствовать свою силу, не какъ аристократа, а какъ писателя. Открытая предварительно подписка на это лондонское изданіе «Генріады» шла отлично; въ ней приняли участіе король и королева, которой было посвящено изданіе. Оно разошлось мгновенно. Въ теченіе трехъ недѣль, оно было повторено два раза, т.-е. разошлось три изданія «Генріады». Вольтеръ, тѣмъ

не менѣе, сильно тосковалъ по Франціи, и былъ очень радъ, когда, послѣ трехлѣтняго изгнанія, ему было наконецъ разрѣшено пріѣхать въ отечество, но съ тѣмъ, чтобъ онъ сначала прожилъ нѣкоторое время внѣ столицы. Онъ возвратился во Францію въ мартѣ 1729 года, и поселился въ Сенъ-Жерменѣ (en Laye), усердно добиваясь разрѣшенія жить въ Парижѣ. «Пишу визирю Морепа́» — говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ Тьеріо̀, «чтобъ онъ позволилъ мнѣ влачить мою цѣпь въ Парижѣ». Разрѣшеніе было дано.

Нѣсколько выгодныхъ денежныхъ спекуляцій, которыми Вольтеръ занимался ревностно и постоянно, и одно прелестное стихотвореніе относятся къ первымъ мѣсяцамъ жизни его въ столицѣ послѣ долгаго изгнанія. Мы оставимъ въ сторонѣ первыя и остановимся только на послѣднемъ. Задолго до исторіи съ кавалеромъ де-Роганъ, Вольтеръ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ дѣвицей Ливри, желавшей непремѣнно поступить на сцену. Вольтеръ училъ ее играть и старался пристроить ее къ театру; но всѣ ея дебюты были неудачны, всѣ обнаружили въ ней полное отсутствіе таланта, и кончилось тѣмъ, что дирекція Французской Комедіи отказала ей совсѣмъ. «Я очень огорченъ тѣмъ, что маленькой Ливри отдана полная справедливость», — писалъ объ этомъ Вольтеръ своей пріятельницѣ, г-жѣ де-Берньеръ: «еслибъ во всѣхъ учрежденіяхъ сдѣлано было то же самое, что сдѣлано во Французской Комедіи, то немногіе удержались бы на своихъ мѣстахъ». «Маленькая Ливри» сошлась потомъ, на глазахъ Вольтера, съ другимъ молодымъ человѣкомъ; но Вольтеръ, натурѣ котораго была чужда исключительность страсти, всегда относился болѣе или менѣе добродушно къ подобной измѣнѣ и даже оставался другомъ новой четы, оставлявшей его за штатомъ. Новая связь «маленькой Ливри» была тоже не продолжительна. Красивая дѣвушка вскорѣ плѣнила богатаго и знатнаго господина, маркиза Гувернѐ, который предложилъ ей руку и сердце. Она была уже мар-

кизой, когда Вольтеръ, сохраняя о ней дружеское воспоминаніе, прислалъ изъ Лондона, черезъ одного пріятеля, экземпляръ «Генріады» своему «давнему другу, г-жѣ Ливри». Къ великому изумленію и неудовольствію раздражительнаго поэта, швейцаръ маркизы отвергъ посылку, и поэтъ высказался по этому поводу въ стихотвореніи «Вы и ты», исполненномъ граціи и ироніи.

Philis qu'est devenu ce temps,
Où dans un fiacre promenée,
Sans laquais, sans ajustements,
De tes grâces seules ornée,
Contente d'un mauvais soupé
Que tu changeais en embroisie,
Tu te livrais, dans ta folie,
A l'amant heureux et trompé,
Qui t'avait consacré sa vie?
Le ciél ne te donnait alors,
Pour tout rang et pour tous trésors,
Que les agréments de ton âge,
Un coeur tendre, un esprit volage,
Un sein d'albârte, et de beaux yeux.
Avec tant d'attraits précieux,
Helas! qui n'eût été friponne?
Tu le fus, objet gracieux
Et (qui l' Amour me le pardonne!)
Tu sais que je t'en aimais mieux [1])

Поэтъ описывалъ далѣе роскошь, которою окружена теперь маркиза, и кончалъ остроумною и граціозною мыслью,

[1]) Филиса, что сталось съ тѣмъ временемъ, когда разъѣзжая въ извозчичьей каретѣ, безъ лакеевъ, безъ прикрасъ, блистая только своей граціей, довольная плохимъ ужиномъ, который твое присутствіе превращало въ амброзію, ты безумно отдавалась счастливому и обманутому любовнику, посвятившему тебѣ свою жизнь? Вмѣсто всякаго званія и всякихъ сокровищъ, небо давало тебѣ въ то время однѣ лишь прелести юныхъ лѣтъ, нѣжное сердце, легкій умъ, бѣлоснѣжную грудь и чудные глаза. Кто не сталъ бы плутовкой, обладая такими безцѣнными дарами? Ты и была плутовкой, милое созданье, и (да проститъ меня Амуръ) я еще больше любилъ тебя за это.

что вся эта соблазнительная роскошь не стоитъ и одного поцѣлуя ея юности.

Въ томъ же году Вольтеръ окончилъ своего «Брута», набросаннаго вчернѣ еще въ Англіи подъ вліяніемъ Шекспирова «Юлія Цезаря» и Аддисонова «Катона». Въ декабрѣ онъ пригласилъ актеровъ обѣдать и прочелъ имъ свою новую пьесу; но продставленіе ея на сценѣ замедлилось на долгое время. Поэтъ былъ недоволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ ею на актеровъ, и по обыкновенію пожелалъ передѣлать ее. Передѣлки понадобились и въ другомъ отношеніи: пьеса была политически не цензурна,— она слишкомъ отзывалась трехлѣтнимъ пребываніемъ автора въ Англіи. Первое представленіе «Брута» состоялось только въ декабрѣ слѣдующаго года и увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ; но успѣхъ этотъ не былъ продолжителенъ, несмотря на прекрасный стихъ автора. «Бруту» вредила въ глазахъ публики чрезвычайная слабость любовной интриги. Роль Тулліи совсѣмъ ничтожна въ этой пьесѣ, наполненной подробностями заговора и картинами нравовъ, которые представлялись свирѣпыми французскому зрителю прошлаго вѣка.

Лондонское изданіе «Генріады» было запрещено во Франціи, и экземпляры его, назначенные для французскихъ подписчиковъ, были конфискованы въ Калэ. Въ Парижъ проникло лишь нѣсколько экземпляровъ, которые продавались по невозможной цѣнѣ. Но изобрѣтательные книгопродавцы придумали оригинальный способъ провозитъ эту контрабанду. Они употребляли «Генріаду» вмѣсто оберточной бумаги. Марэ говоритъ въ своихъ запискахъ, что видѣлъ «Жизнь Байля», Де-Мезò, завернутую въ листъ «Генріады», и пуховую шляпу завернутую въ предисловіе къ послѣдней. «Вольтеръ былъ бы очень недоволенъ, еслибъ узналъ, что англичане дѣлаютъ такое употребленіе изъ его поэмы,» прибавляетъ Марэ, не зная въ чемъ собственно дѣло.

Кромѣ «Брута», Вольтеръ писалъ въ это время и «Ис-

торію Карла XII», которую онъ называетъ своимъ «любимымъ трудомъ», возбуждающимъ въ немъ «отеческія чувства». Первый томъ былъ уже отпечатанъ съ дозволенія цензуры, когда правительство нашло нужнымъ конфисковать все изданіе. Авторъ, разказывая подвиги своего героя, не могъ въ одно и то же время восхвалять и польскаго короля Августа, который былъ врагомъ и соперникомъ Станислава Лещинскаго, тестя Людвика XV. Между тѣмъ, книга была задержана правительствомъ именно изъ опасенія сдѣлать непріятность саксонскому курфюрсту. Вольтеру оставалось только прибѣгнуть къ тайному печатанію своего сочиненія въ Руанѣ. Онъ былъ увѣренъ, что правительство не будетъ мѣшать ему, лишь бы только книга вышла безъ разрѣшенія власти. Руанскіе друзья автора добились безмолвнаго согласія перваго президента Нормандіи и самъ авторъ поспѣшилъ поселиться въ Руанѣ, сказавъ своимъ парижскимъ друзьямъ, что уѣзжаетъ въ Англію. Въ Руанѣ онъ выдавалъ себя за англичанина-аристократа, принужденнаго странствовать по политическимъ причинамъ. Кромѣ печатанія «Исторіи Карла XII» и новаго изданія «Генріады», онъ работалъ въ это время надъ двумя трагедіями: «Эрифилой» и «Цезаремъ», которыя были окончены имъ, вмѣстѣ съ послѣднею частью «Исторіи Карла XII», въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, несмотря на крайнѣ слабое здоровье, несмотря на сильное безпокойство за собственную безопасность. Въ Парижѣ скончалась въ это время, въ цвѣтѣ силъ и таланта, первоклассная артистка Андріенна Лекуврёръ, пользовавшаяся общей любовью и уваженіемъ, не только какъ артистка, но и какъ женщина. Квартира покойной находилась въ приходѣ Св. Сульпиція. Съ вѣдома и согласія архіепископа, приходскій священникъ отказался допустить ея тѣло на кладбище, т.-е., другими словами, отказалъ покойной въ христіанскомъ погребеніи. По распоряженію полиціи, тѣло ея было отвезено вечеромъ, въ наемной каретѣ, за городъ и зарыто двумя носильщиками.

Эта строгость духовенства къ трупу, этотъ отказъ похоронить смертные останки отличной женщины и всѣми любимой артистки произвели въ обществѣ самое тяжелое впечатлѣніе. Вольтеръ былъ возмущенъ, какъ и другіе; но онъ яснѣе и глубже сознавалъ все значеніе того печальнаго скандала, предметомъ котораго была покойная артистка. Жестокія мѣры духовенства въ отношеніи къ дорогому всѣмъ трупу внушили ему одно изъ лучшихъ, самыхъ горячихъ его стихотвореній: «На смерть г-жи Лекуврёръ». Съ негодованіемъ говоритъ въ немъ поэтъ объ униженіи, въ какое повергнутъ безчеловѣчными законами и предразсудками этотъ образованный народъ съ его мягкими нравами и благородными стремленіями:

Ah! Verrai-je toujours ma faible nation,
Incertaine en ses voeux, flétrir ce qu'elle admire;
Nos moeurs avec nos lois toujours se contredirent;
Et le Français volage endormi sous l'empire
De la superstition [1])?

Изливъ свое горе и негодованіе, Вольтеръ не хотѣлъ распространять стихотвореніе въ публикѣ, опасаясь новыхъ преслѣдованій сверху. Онъ сообщилъ его только немногимъ друзьямъ, обязавъ ихъ хранить его въ тайнѣ. Но Тьеріо первый сталъ показывать всѣмъ и всюду новые стихи своего пріятеля. Къ счастію, правительство нашло нужнымъ не напомнить публикѣ разсказаннаго нами печальнаго эпизода религіозной нетерпимости, и Вольтеръ, сильно встревоженный въ Руанѣ дошедшими до него слухами о томъ, что его стихотвореніе ходитъ по рукамъ въ Парижѣ, былъ оставленъ въ покоѣ.

Возвратившись осенью въ Парижъ, Вольтеръ уже чи-

---

[1]) Ужели я буду всегда свидѣтелемъ, какъ нашъ слабый, нетвердый въ своихъ стремленіяхъ народъ позоритъ то, чему поклоняется; ужели наши законы всегда будутъ въ разладѣ съ нашими нравами, и легкомысленный французъ всегда будетъ усыпленъ силой суевѣрія?

талъ друзьямъ своего «Юлія Цезаря» и свою «Эрифилу» и, какъ всегда, уступчиво выслушивалъ ихъ сужденія, чтобы передѣлать въ пьесѣ то, что окажется неловкимъ. Но едва только «Эрифила» была исполнена на сценѣ, какъ авторъ поспѣшилъ ее припрятать, хотя публика и рукоплескала его мастерскому стиху и «гражданскимъ» намекамъ. «Я исправилъ въ «Эрифилѣ» всѣ недостатки, которые были замѣчены нами», писалъ онъ одному изъ своихъ пріятелей: «чтобы пересмотрѣть эту работу съ меньшимъ самолюбіемъ, и имѣть время забыть ее, я принялся за другую». Этой другой работой была «Заира», одна изъ самыхъ трогательныхъ драмъ Вольтера, которая и теперь, несмотря на ея устарѣвшія формы и разные недостатки, читается не безъ волненія. Женщины давно упрекали Вольтера въ томъ, что онъ удѣляетъ любви слишкомъ мало мѣста и значенія въ своихъ драматическихъ пьесахъ, и онъ обѣщалъ посвятить ей цѣлую трагедію. Принявшись за работу съ обычнымъ своимъ жаромъ, онъ въ три недѣли написалъ «Заиру», которая привела въ восторгъ не только парижскую публику, но и всю Европу.

Впечатлѣнія, вынесенныя Вольтеромъ изъ Англіи, гдѣ, какъ выражался онъ въ своихъ письмахъ, нѣтъ никакой Бастиліи, готовой ежеминутно наложить цѣпи на человѣческую мысль,— эти впечатлѣнія не ослабѣвали. Бывшій изгнанникъ не могъ успокоиться, пока не изложилъ ихъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ или писемъ, изъ которыхъ одно говорило о квакерахъ, другое о парламентѣ, третье о поэтахъ и мыслителяхъ посѣщенной имъ страны. Любимымъ предметомъ его занятій была теорія Ньютона, заставившая его навсегда забыть Декарта и его вихри. Не довѣряя своимъ познаніямъ, онъ сначала далъ просмотрѣть свою рукопись Мопертюи, первому французскому ученому, дерзнувшему высказаться въ пользу Ньютоновой теоріи. Что касается цензуры, онъ предвидѣлъ неизбѣжныя затрудненія съ ея стороны. «Я принужденъ», писалъ онъ въ 1737 году, «из-

мѣнить все, что сказано у меня о г. Локкѣ, потому что въ концѣ-концовъ хочу жить во Франціи, гдѣ нельзя быть въ такой же степени мыслителемъ, какъ это позволено въ Англіи. Въ Парижѣ надо маскировать то, что я могъ бы очень сильно высказать въ Лондонѣ. Эта злосчастная, но необходимая осмотрительность заставляетъ меня вычеркнуть многія довольно забавныя мѣста о квакерахъ и пресвитеріанахъ. Сердце обливается кровью... Я прочелъ кардиналу Флери два письма о квакерахъ, тщательно опустивъ все, что могло раздражить его ханжествующую и мудрую особу. Онъ нашелъ довольно забавнымъ и то, что уцѣлѣло въ рукописи; но этотъ нищій духомъ не знаетъ, чего онъ лишился».

Послѣдствія не замедлили показать, что Вольтеръ очень ошибался, надѣясь обойти ожидаемыя затрудненія такими предосторожностями, какъ чтеніе нѣкоторыхъ очерковъ кардиналу Флери. Напрасно надѣялся онъ также прикрыть смѣлость основной своей мысли легкостью изложенія. Гораздо раньше, по поводу уже извѣстнаго нашимъ читателямъ посланія къ Юліи, Ланглуа, секретарь канцлера д'Агессо, говорилъ ему о Вольтерѣ: «Ваше сіятельство, Вольтера надо заключить въ такое мѣсто, гдѣ не должно быть ни пера, ни чернилъ, ни бумаги. По свойству своего ума, этотъ человѣкъ способенъ погубить государство». Теперь, давая окончательный видъ своимъ письмамъ объ Англіи, Вольтеръ поднялъ противъ себя чуть не половину Парижа своими сатирическими замѣтками подъ заглавіемъ «Храмъ Вкуса». Эта поэма, писанная на половину прозой, на половину стихами, одно изъ самыхъ остроумныхъ и легкихъ сочиненій Вольтера. Онъ самъ выдавалъ «Храмъ Вкуса» за шуточную общественную бесѣду, въ которую каждый какъ-бы вставлялъ свое слово, свое мнѣніе. Но этотъ пріемъ, эта манера были тогда большою новостью, и имѣли серьезное значеніе и вліяніе. Поэма исполнена остроумія, тонкихъ уколовъ и сужденій. Со всѣхъ сторонъ

послышались крики, что это злая насмѣшка и пасквиль, что авторъ заслуживаетъ висѣлицы или костра. Но мы теперь знаемъ, что въ этой сатирѣ авторъ по справедливости воздавалъ каждому должное, и если его можно упрекнуть въ чемъ-нибудь, то развѣ только въ благосклонности нѣкоторыхъ его приговоровъ. Жестоко досталось въ ней только врагу автора, Жану-Батисту Руссо, который является, поддерживаемый двумя маленькими сатирами, покрытый лаврами и чертополохомъ, и до того неузнаваемый въ своемъ бормотаньѣ, что Критика отказывается узнать его, и ей подсказываютъ: «Это Руссо, голосъ котораго измѣнили Музы въ наказаніе за его злыя дѣла». Онъ получаетъ однако-же доступъ въ «Храмъ Вкуса» за свои первыя стихотворенія. Подозвавъ Вольтера, Критика тихо говоритъ ему: «Ты его знаешь; онъ былъ твоимъ врагомъ, а ты отдаешь ему справедливость»:

Tu vis sa Muse indifferente
Entre l'autel et le fagot,
Manier d'une main savante
De David la harpe imposante,
Et le flageolet de Marot.
Mais n'imite pas la faiblesse
Qu'il eut de rimer trop longtemps:
Les fruits des rives du Permesse
Ne croissent que dans le printemps,
Et la froide et triste vieillesse
N'est faite que pour le bon sens [1]).

Не только люди, затронутые за живое въ «Храмѣ Вкуса», но и аристократы-любители литературы и искусства, люди,

---

[1]) Ты видѣлъ, какъ его равнодушная Муза, переходя отъ алтаря къ связкѣ хвороста, ученою рукой играла на величественной арфѣ Давида и на дудкѣ Маро̀. Но не подражай его слабости — слагать риѳмы до сѣдыхъ волосъ: плоды пермесскихъ береговъ растутъ только весной, и только здравый смыслъ свойственъ холодной и печальной старости.

писавшіе сами и о которыхъ авторъ отозвался съ похвалой, были возмущены тѣмъ, что ихъ имена попали въ сатиру. Гласность считалась тогда исключительно дѣломъ литераторовъ и художниковъ по профессіи. Человѣкъ знатнаго рода могъ, конечно, кропать стихи, даже показывать ихъ знакомымъ, но онъ ронялъ свое званіе и достоинство и совершалъ поступокъ дурнаго тона, давая публикѣ право судить и освистать его. «Храмъ Вкуса» былъ запрещенъ во Франціи, и автору пришлось печатать новое изданіе поэмы въ Лондонѣ и Амстердамѣ.

Понятно, какая участь ожидала, при такихъ условіяхъ, письма объ Англіи и ихъ автора. Вольтеръ, впрочемъ, не торопился ихъ изданіемъ. Его занимали пока новыя сердечныя отношенія къ интересной женщинѣ, съ которой судьба связала его отнынѣ на долгіе годы, и которой принадлежитъ, поэтому, крупное мѣсто въ исторіи его жизни.

Вольтеръ зналъ г-жу Ле-Тоннелье де-Бретейль, когда была еще ребенкомъ. Получивъ блестящее образованіе, дѣвушка съ раннихъ лѣтъ знала языки итальянскій и латинскій; пятнадцати лѣтъ она уже переводила Виргилія. Но это нисколько не помѣшало ей оставаться женщиной, со всѣми сильными и слабыми сторонами даровитой женской натуры. Когда Вольтеръ уѣзжалъ въ Англію, она уже годъ была женою маркиза Дю-Шатлэ-Лемана. Въ 1733 году, къ которому относится ея сближеніе съ Вольтеромъ, она считала уже двадцать-семь лѣтъ отъ роду и восемь лѣтъ супружества. Она знала свѣтъ, знала жизнь, знала себѣ цѣну и, что̀ всего естественнѣе, знала ничтожество или, по крайней мѣрѣ, очень низменную посредственность своего мужа. У ней, конечно, были любовники; но эта страстная натура, жаждавшая сильной и исключительной привязанности, не находила удовлетворенія въ мимолетныхъ свѣтскихъ интригахъ. Довольно сказать, что однимъ изъ ея любовниковъ былъ знаменитый волокита своего времени, гер-

цогъ Ришельё. Эта связь не могла быть продолжительна и кончилась тѣмъ, что маркиза гордо простила ему всѣ его измѣны и честно предложила свою безкорыстную и искреннюю дружбу неукротимому покорителю женскихъ сердецъ. Герцогъ принялъ предложеніе, и они всю жизнь оставались друзьями. Когда маркиза сблизилась съ Вольтеромъ, поэту было тридцать девять лѣтъ. Онъ былъ молодъ и соединялъ съ обаяніемъ замѣчательнаго писателя то блестящее остроуміе, которое гораздо больше плѣняетъ женщинъ, чѣмъ физическія преимущества и соблазны. Ихъ сердечныя отношенія, основанныя на взаимномъ уваженіи и сознаніи своего умственнаго превосходства, съ каждымъ днемъ закрѣплялись больше и больше и вскорѣ изъ скрытыхъ и тайныхъ стали открытыми и явными. Вольтеръ и «божественная Эмилія», маркиза Дю-Шатлэ, стали неразлучны и у себя дома, и въ обществѣ.

Новыя и на этотъ разъ очень серьёзныя сердечныя отношенія не только не охладили, но скорѣе вдохновили Вольтера написать новую трагедію въ родѣ «Заиры», главнымъ мотивомъ которой была опять любовь. Успѣхъ «Заиры» побудилъ автора написать «Аделаиду дю-Гескленъ». «Это сюжетъ чисто французскій и весь придуманный мною», писалъ Вольтеръ объ этой пьесѣ: «я включилъ въ него какъ можно больше любви, ревности, ярости, свѣтскаго приличія, честности и великодушія». Но, вопреки ожиданіямъ автора, маркизы и ихъ друзей, «Аделаида дю-Гескленъ», въ первый разъ исполненная на сцѣнѣ въ январѣ 1734 года, не имѣла успѣха. Онъ самъ писалъ впослѣдствіи, что «пьеса была освистана съ перваго акта; свистки удвоились во второмъ, при выходѣ герцога Немурскаго, раненаго и съ подвязанной рукой; дѣло пошло еще хуже, когда публика услышала въ пятомъ дѣйствіи сигналъ, данный по приказанію герцога Вандомскаго. Когда, въ концѣ пьесы, герцогъ Вандомскій обратился къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ съ вопросомъ: «Доволенъ ли ты, Куси?» шут-

ники изъ публики закричали: «Couci-couci!» [1]) Несмотря на эту неудачу, настойчивый авторъ все-таки достигъ своей цѣли, и много лѣтъ спустя, въ 1752 году, эта пьеса, исправленная и сокращенная авторомъ, снова была исполнена подъ другимъ заглавіемъ, а въ 1765 году — въ своемъ первоначальномъ видѣ, и имѣла огромный успѣхъ.

Письма объ Англіи такъ же занимали дѣятельнаго ихъ автора, какъ и трагическіе сюжеты. По самой силѣ вещей, его похвалы Англіи, ея учрежденіямъ и литературѣ неизбѣжно получали смыслъ критики, даже сатиры надъ французскими учрежденіями, правительствомъ, религіозной и гражданской нетерпимостью. Авторъ и не ожидалъ, что правительство открыто и оффиціально разрѣшитъ печатаніе его писемъ; но, прочитавъ забавный отрывокъ о квакерахъ кардиналу Флери, онъ надѣялся, что власть дастъ свое безмолвное согласіе на изданіе, т.-е. согласится отнестись къ нему сквозь пальцы. Подъ вліяніемъ этой надежды, онъ посылаетъ свою рукопись Тьеріо, находившемуся въ это время въ Англіи, и предлагаетъ ему издать ее въ Лондонѣ въ свою пользу, «Я почту себя хорошо вознагражденнымъ за всѣ мои труды», писалъ онъ при этомъ своему пріятелю, «если это сочиненіе доставитъ мнѣ уваженіе честныхъ людей, а вамъ — ихъ деньги. Нѣтъ ничего пріятнѣе возможности пріобрѣсти почетную извѣстность и въ то же время обогатить друга». И вотъ, эти запретныя письма французскаго писателя объ Англіи появляются впервые въ Лондонѣ, на англійскомъ языкѣ, слѣдовательно, выходятъ прежде въ переводѣ, чѣмъ въ подлинникѣ! При той деспотической системѣ, какая господствовала тогда во Франціи, книгопродавецъ, какъ контрабандистъ, отчаянно рѣшался на всякія средства и мѣры, способныя доставить ему большія выгоды. Парижскій книгопродавецъ Жоръ, несмотря на всѣ преслѣдованія, уже испытанныя его отцомъ и имъ самимъ, рискнулъ

---

[1]) Такъ-себѣ!

напечатать «Письма объ англичанахъ» (или «Философскія письма», какъ называлось еще это сочиненіе Вольтера) тайно, съ согласія Вольтера; онъ обязался, правда, передъ авторомъ не выпускать ихъ въ свѣтъ, пока самъ авторъ не изберетъ для этого благопріятной минуты; но ожидаемые барыши соблазнили торговца. Вскорѣ Жоръ уже сидѣлъ въ Бастиліи, и у самого Вольтера произведенъ тщательный обыскъ. Книга была осуждена и сожжена рукою палача, «какъ сочиненіе соблазнительное, противное религіи, добрымъ нравамъ и уваженію къ власти». Его непочтительные отзывы объ англиканскомъ духовенствѣ переносились на французское; существующій порядокъ невольно представлялся всѣмъ, даже и властямъ, до того стѣснительнымъ и ненормальнымъ, что въ ихъ глазахъ авторъ, отзываясь иронически о чужомъ духовенствѣ, не могъ при этомъ не имѣть въ виду своего отечества. Разумѣется, въ данномъ случаѣ оно такъ и было на самомъ дѣлѣ. «Англиканское духовенство,— говоритъ Вольтеръ въ своихъ «Письмахъ»,— удержало много католическихъ обрядовъ, и въ особенности — обрядъ внимательнѣйшаго собиранія десятины. Оно имѣетъ также благочестивое притязаніе господствовать, и нѣтъ того сельскаго викарія, который не желалъ бы быть папой».—«Въ Англіи совсѣмъ неизвѣстно то неподдающееся никакому опредѣленію существо, ни духовное, ни свѣтское, которое называютъ аббатомъ; въ Англіи всѣ духовныя лица очень сдержанны и почти всѣ педанты. Когда они слышатъ, что во Франціи молодые люди, прославившіеся своимъ развратомъ и попавшіе въ духовное званіе, благодаря женскимъ интригамъ, публично ухаживаютъ за женщинами, забавляются сочиненіемъ нѣжныхъ романсовъ, даютъ каждый день изысканные и долгіе ужины, а потомъ отправляются совершать богослуженіе, и смѣло называютъ себя преемниками апостоловъ,— то благодарятъ Бога, что сами они — протестанты. Но это — гадкіе еретики, достойные сожженія и всѣхъ чертей, какъ выражается почтенный Франсуа Раблэ, и вотъ почему я не

мѣшаюсь въ ихъ дѣла». Авторъ писалъ, между прочимъ, объ Англіи: «Англійскій народъ — единственный народъ, который опредѣлилъ королевскую власть, оказывая ей сопротивленіе, и путемъ настойчивыхъ усилій учредилъ у себя, наконецъ, то правленіе, гдѣ король, имѣя всѣ средства дѣлать добро, лишенъ возможности дѣлать зло, и народъ безъ замѣшательства участвуетъ въ правленіи. Правительство Англіи лишено блестящихъ сторонъ; его цѣль — не безумныя завоеванія, а забота о томъ, чтобъ не допускать до нихъ сосѣдей; этотъ народъ ревниво относится не только къ собственной свободѣ, но и къ свободѣ другихъ. Не дешево стоило, конечно, установленіе свободы въ Англіи; идолъ деспотической власти былъ потопленъ въ потокахъ крови; но сами англичане не находятъ, чтобы ихъ законы были куплены слишкомъ дорогою цѣной. У другихъ народовъ было не меньше смутъ, и пролито не меньше крови, чѣмъ въ Англіи; но кровь, пролитая ими за дѣло своего освобожденія, послужила только къ закрѣпленію ихъ неволи». — «Вы ничего не услышите въ Англіи ни о высшей, средней и низшей юстиціи, ни о гражданинѣ, не имѣющемъ права сдѣлать ни одного выстрѣла на собственномъ полѣ», замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ «Писемъ». Какъ ни невинны эти послѣднія строки, онѣ высказывались противъ одной изъ самыхъ любезныхъ и привычныхъ привилегій высшаго и низшаго дворянства, упраздненія которой требовали потомъ провинціальныя собранія 1788 года. Глава о реализмѣ Локка, предпочтеніе Ньютона Декарту, мысли о торговлѣ, объ англійскихъ аристократахъ, поэтахъ, театрѣ, ученыхъ учрежденіяхъ, даже похвалы прививанію оспы, съ ужасомъ отвергнутому Сорбонной, — все это казалось злою и ѣдкою насмѣшкой надъ внутренними дѣлами Франціи. Въ вышедшихъ тогда же «благонамѣренныхъ» брошюрахъ, направленныхъ противъ «Писемъ» Вольтера, прямо высказывалось, что онъ унижаетъ отечество и свой народъ, что отсутствіе въ немъ патріотизма довело его даже до похвалъ «дикому

Шекспиру» и до умолчанія о достопамятномъ происхожде
ніи французскаго театра.

Строгія мѣры были приготовлены не только противъ «преступной» книги, но и противъ ея автора. Власти распорядились арестовать Вольтера, но явившаяся къ нему полиція не застала его дома. У Вольтера были друзья, сообщавшіе ему заранѣе о принимаемыхъ противъ него мѣрахъ. Предупрежденный во̀-время, онъ поспѣшно выѣхалъ изъ Парижа, оставивъ маркизу дю-Шатле́ въ величайшей тревогѣ и отчаяніи. «Я питаю смертельное отвращеніе къ тюрьмѣ,— писалъ въ это время Вольтеръ своему пріятелю д'Аржанталю: — я боленъ; спертый воздухъ убилъ бы меня окончательно».

Безпокойство и отчаяніе маркизы были, впрочемъ, непродолжительны. Въ Шампани, на границахъ Лотарингіи, у ней было помѣстье, знаменитое Сире́, гдѣ ей посчастливилось тайно дать пріютъ своему любовнику и другу. За̀мокъ Сире́ лежалъ въ горахъ, въ мѣстности довольно пустынной, гдѣ гонимый писатель могъ разсчитывать на нѣкоторую безопасность, пока пройдетъ буря, разразившаяся надъ его головою въ Парижѣ. Этотъ за̀мокъ, столь же прославленный жизнью Вольтера, какъ впослѣдствіи его помѣстье Ферне́, оказался въ довольно плохомъ состояніи, и Вольтеру пришлось долго возиться съ разнаго рода рабочими, прежде чѣмъ онъ сталъ дѣйствительно пріятнымъ и удобнымъ убѣжищемъ отъ политическихъ тревогъ и непогоды. Располагая бо̀льшими средствами, чѣмъ маркиза, Вольтеръ пристроилъ къ за̀мку галерею для физической лабораторіи, въ которой занимались потомъ съ большимъ рвеніемъ и онъ самъ, и маркиза, питавшая особенное уваженіе къ естественнымъ наукамъ.

Вольтеръ провелъ съ маркизой въ Сире́ не менѣе пятнадцати лѣтъ, съ 1734 до 1749 года,—разумѣется, съ болѣе или менѣе крупными перерывами. Черезъ годъ послѣ бѣгства Вольтера, когда буря миновала, любовникамъ удалось, бла-

годаря большимъ связямъ, получить опять возможность жить и въ Парижѣ, и въ Версали, такъ какъ дворъ всегда оставался для нихъ неодолимою приманкой. Въ январѣ 1736 года на парижской сценѣ уже шла съ большимъ успѣхомъ новая трагедія Вольтера: «Альзира». Параллельно съ нею, онъ продолжалъ заниматься въ Сирé изученіемъ Ньютона, и на этомъ полѣ вполнѣ сошелся съ своею подругой, погруженной въ математику и физику подъ руководствомъ знатоковъ этой спеціальности—Мопертюи, Клерô, Бернульи, Кёнига, которые посѣщали Сирé и были приняты тамъ съ открытыми объятіями. Подъ ихъ руководствомъ маркиза перевела и снабдила примѣчаніями «Математическія начала естественной философіи», а Вольтеръ написалъ свои «Начала философіи Ньютона», посвященныя его подругѣ. Для нея же написалъ онъ свой «Трактатъ о метафизикѣ», который не назначался для печати и дошелъ до насъ только благодаря счастливой случайности. Въ Парижѣ, куда постоянно доходили вѣсти о томъ, что дѣлается въ Сирé, удивлялись такимъ непоэтическимъ занятіямъ автора «Заиры»; но тамъ еще не знали, какъ изумительно разносторонenъ литературный талантъ Вольтера и насколько онъ больше публицистъ, чѣмъ поэтъ. Вольтеръ не даромъ писалъ въ это время въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Я люблю ихъ всѣхъ (т.-е. всѣхъ музъ); надо постараться о томъ, чтобъ быть, по возможности, счастливымъ съ такимъ количествомъ дамъ».

Одна изъ этихъ девяти дамъ, внушившая поэту лирическую сатиру: «Свѣтскій человѣкъ», подвергла его новой опасности. Въ этой сатирѣ поэтъ воспѣвалъ образованность, художества и роскошь, осмѣивая дикое, первобытное состояніе человѣчества и описывая, съ своей точки, зрѣнія Адама и Еву. Поэтъ изображалъ нашихъ прародителей людьми съ длинными и грязными ногтями, нечесаными волосами, грубой кожей и т. п. Все это было принято за насмѣшку надъ религіей... «Знаете ли вы,— писалъ Вольтеръ изъ Сирé одному своему пріятелю: — знаете ли вы, что «Свѣтскій че-

ловѣкъ» признанъ сочиненіемъ соблазнительнымъ, что этимъ жалкимъ предлогомъ воспользовались, чтобы еще разъ на меня обрушиться? Каковъ вѣкъ, въ которомъ мы живемъ! И послѣ какого вѣка! Человѣку вмѣняютъ въ преступленіе приписанные имъ Адаму длинные ногти и серьёзно смотрятъ на это, какъ на ересь!» А сатира Вольтера даже не была напечатана,— она только ходила по рукамъ въ рукописи, и то по нескромности другихъ. Поэтъ былъ предупрежденъ, что его ожидаютъ самыя непріятныя мѣры: и онъ, и маркиза признали необходимымъ разстаться на нѣкоторое время. Ихъ побуждали къ тому же и слухи о томъ, будто мужъ маркизы, находившійся въ это время въ арміи, извѣщенъ объ ихъ сожительствѣ и можетъ каждую минуту пріѣхать въ Сирé.

Горячій поклонникъ наукъ и литературы, прусскій наслѣдный принцъ, будущій Фридрихъ Великій, съ юношескимъ жаромъ убѣждалъ Вольтера пріѣхать къ нему, и эти настойчивыя убѣжденія очень льстили тщеславію поэта. Но маркиза не хотѣла и слышать о такой поѣздкѣ. Она какъ-будто предчувствовала, что Фридрихъ будетъ впослѣдствіи ея соперникомъ и тайнымъ врагомъ. «Наслѣдный принцъ — не король, — писала она д'Аржансону: — когда онъ будетъ королемъ, мы поѣдемъ къ нему вмѣстѣ, а до тѣхъ поръ ѣхать туда не безопасно. Отецъ его цѣнитъ въ людяхъ одно только качество — десять футовъ роста; онъ подозрителенъ и жестокъ; онъ не терпитъ и преслѣдуетъ своего сына; онъ держитъ его въ желѣзныхъ рукахъ; подозрѣвая, что Вольтеръ даетъ его сыну опасные совѣты, король способенъ арестовать его и выдать французскому министру». Рѣшено было, что Вольтеръ поѣдетъ въ Голландію: въ Амстердамѣ печатались въ то время полное изданіе его сочиненій и его книга о философіи Ньютона. Вольтеръ пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, къ великому огорченію своей страстной подруги. Уступая увѣреніямъ, что книга его о Ньютонѣ, «этотъ маленькій катехизисъ ньютоновской вѣры», можетъ быть разрѣ-

шена къ изданію во Франціи, онъ остановилъ ея печатаніе въ Амстердамѣ; но на дѣлѣ оказалось, что правительство не терпѣло новыхъ идей даже въ математическихъ и точныхъ наукахъ и не дозволяло оспоривать Декарта. «Должно быть, бѣдному французу непозволительно сказать, что законъ притяженія возможенъ и доказанъ, что земля приплюснута у полюсовъ, что Декартовы вихри — нелѣпы и т. п.», жалуется Вольтеръ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Нашлись однако же книгопродавцы, рискнувшіе издать эту книгу тайно, и книга читалась на-расхватъ. Правительство, отказавшее въ своемъ разрѣшеніи на ея печатаніе, не преслѣдовало ее тогда, когда она была уже въ рукахъ у всѣхъ.

Во французской литературѣ, связанной тогда по рукамъ и ногамъ, сильно интриговалъ аббатъ Дефонтенъ, давнишній знакомый Вольтера, нѣкогда оказавшаго ему существенныя услуги, издатель «Неологическаго Словаря», «Парнасскаго Вѣстника» и «Замѣтокъ о нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ», гдѣ онъ позволялъ себѣ очень неблаговидно затрогивать Вольтера. Литературные приговоры его отличались незнаніемъ того, о чемъ онъ говорилъ, и возмутительной недобросовѣстностью. Раздраженный Вольтеръ счелъ нужнымъ нанести жестокій ударъ этому литературному интригану, и въ ѣдкой сатирѣ, подъ заглавіемъ: «Предохранительное лекарство», изобразилъ его не только человѣкомъ безъ вкуса и знаній, но и большимъ плутомъ. Полемика всегда имѣетъ личный характеръ тамъ, гдѣ печать находится въ тискахъ цензуры. По нѣкоторымъ причинамъ, самому Вольтеру неудобно было подписать этотъ памфлетъ, и авторскую отвѣтственность за него принялъ на себя кавалеръ де-Муи, бѣдный литераторъ, которому Вольтеръ постоянно помогалъ и который передавалъ ему придворныя, литературныя и городскія сплетни. Раздраженіе Вольтера противъ аббата Дефонтена и подобныхъ ему литературныхъ проходимцевъ было такъ велико, что онъ не ограничился однимъ памфлетомъ. Онъ написалъ еще комедію въ стихахъ,

подъ заглавіемъ: «Завистникъ», которую хотѣлъ поставить на сценѣ. Героемъ пьесы былъ Зоилишка, шутъ и негодяй; но актеры не зная, что она писана Вольтеромъ, потому что и подъ нею стояла чужая подпись аббата Ламара, не согласились играть ее.

Враги Вольтера, неимѣвшіе ни его остроумія, ни его движущихъ общество идей, тоже не дремали. Въ Парижѣ вскорѣ вышелъ памфлетъ: «Вольтероманія, или письмо молодаго адвоката, отвѣтъ на пасквиль господина Вольтера». Молодой адвокатъ былъ, разумѣется, такимъ же авторомъ этой брошюры, какъ и кавалеръ де-Муи авторомъ «Предохранительнаго лекарства». Самъ аббатъ Дефонтенъ всюду носился съ брошюрой, признавая себя за ея дѣйствительнаго автора. Вся она наполнена личностями, грязными сплетнями о Вольтерѣ и усиліями обѣлить аббата Дефонтена. Напрасно старалась маркиза скрыть этотъ пасквиль отъ своего раздражительнаго друга: «Вольтероманія» дошла до него другими путями, и онъ, въ свою очередь, также напрасно скрывалъ ее отъ Эмиліи, никакъ не подозрѣвая, что маркиза не только прочла ее, но и написала на нее отвѣтъ, который раздумала печатать.

Вольтеръ былъ не изъ тѣхъ людей, которые готовы махнуть рукой на недостойныя сплетни грязной печати. Всѣ средства были пущены имъ въ ходъ, чтобъ отмстить аббату Дефонтену. Авторомъ «Вольтероманіи» былъ показанъ молодой адвокатъ. Вольтеръ обращается къ одному старому другу своего отца, чтобы склонить предсѣдателя и старшинъ адвокатскаго сословія на протестъ противъ этого позорнаго пасквиля. Онъ надѣется, что такой протестъ повлечетъ за собою сожженіе послѣдняго. Онъ не гнушается даже хлопотать о полномъ запрещеніи Дефонтеновыхъ «Замѣтокъ о нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ», и маркиза находитъ, что этотъ путь гораздо лучше уголовнаго процесса. Вольтеръ узналъ между прочимъ изъ «Вольтероманіи», что нѣкто Сенъ-Гіасентъ издалъ въ Гагѣ направленный противъ него паск-

виль, въ которомъ разсказана въ самомъ грязномъ видѣ извѣстная читателямъ исторія разбойническаго нападенія Борегара. Сенъ-Гіасентъ въ стихахъ и прозѣ выставлялъ Вольтера человѣкомъ, который признаетъ себя достойнымъ побоевъ и благодаритъ за нихъ своего оскорбителя. Ярость Вольтера противъ этого пасквилянта была безгранична. Онъ раздражилъ поэта больше, чѣмъ всѣ другія сплетни «Вольтероманіи», вмѣстѣ взятыя. Вольтеръ хочетъ добиться, во что бы то ни стало, чтобы Сенъ-Гіасентъ открекся отъ напечатанныхъ имъ гнусностей. Сенъ-Гіасентъ когда-то получалъ помощь отъ Вольтера и кралъ у него книги, за что былъ выгнанъ изъ дому прислугой. «Неужели я человѣкъ настолько презрѣнный, писалъ Вольтеръ д'Аржанталю, неужели я нахожусь въ такомъ униженномъ положеніи, что на меня можно смотрѣть, какъ на шута публики, который, будучи опозоренъ или нѣтъ, долженъ забавлять ее и появляться въ театрѣ съ своими ранами? Самая смерть лучше такого постыднаго положенія!» Вольтеръ поднимаетъ на ноги кого только можетъ, чтобы добиться удовлетворенія отъ Сенъ-Гіасента. Послѣдній соглашается наконецъ написать къ третьему лицу письмо, въ которомъ заявляетъ, что не имѣлъ въ виду лично Вольтера въ своемъ пасквилѣ. Но памфлетъ Дефонтена вышелъ во Франціи, и подлежитъ французскому суду. Вольтеръ шлетъ судьѣ Герò свою жалобу и письмо за письмомъ, въ которыхъ говоритъ между прочимъ: «Обращаюсь къ вамъ и какъ къ судьѣ, который можетъ карать по законамъ, и какъ къ покровителю литературы, примирителю гражданъ и отцу города Парижа»... «Вы сами литераторъ»... Вольтеръ требовалъ, чтобы Дефонтенъ подписалъ полное отреченіе отъ личныхъ нападокъ и оскорбленій «Вольтероманіи». Дѣло тянулось долго, но кончилось тѣмъ, что судья, пригрозивъ Дефонтену тюрьмой, заставилъ его подписать слѣдующее заявленіе:

«Объявляю, что я не авторъ печатнаго пасквиля подъ заглавіемъ: «Вольтероманія», и отрекаюсь отъ него во всемъ

его объемѣ, считая клеветами всѣ факты, приписанные въ немъ г-ну Вольтеру. Я счелъ бы себя безчестнымъ, еслибъ принялъ малѣйшее участіе въ этой брошюрѣ, питая къ нему все уваженіе, подобающее его талантамъ и которое такъ справедливо оказываетъ ему публика. Писано въ Парижѣ, 4-го апрѣля 1739 года. Дефонтенъ».

Но это заявленіе, вопреки желанію Вольтера, не было напечатано въ Дефонтеновыхъ «Замѣткахъ о нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ».

Въ Сирѐ, между тѣмъ, ровно текла жизнь любовниковъ, поражавшая пріѣзжихъ своею правильностью. Записки одной небогатой дамы, г-жи Граффиньи, гостившей у нихъ нѣкоторое время, знакомятъ насъ со всѣми подробностями этой жизни. Утромъ, когда бы кто ни всталъ въ зàмкѣ, всѣ оставались въ своихъ комнатахъ часовъ до одинадцати за туалетомъ, чтеніемъ или письмомъ. Между половиной одинадцатаго и половиной двѣнадцатаго слуги звали всѣхъ пить кофе, что происходило обыкновенно въ галереѣ Вольтера. За кофе сидѣли часъ, иногда часъ съ четвертью, рѣдко долѣе. Послѣ завтрака, гости еще полчаса бесѣдовали съ Вольтеромъ и маркизой — о литературѣ, геометріи, процессахъ, смотря по обстоятельствамъ; затѣмъ Вольтеръ вставалъ, дѣлалъ общій поклонъ всѣмъ присутствующимъ и такимъ образомъ выпроваживалъ ихъ безъ дальнѣйшихъ церемоній. Всѣ привыкли къ этому церемоніалу, которому маркиза подчинялась первая, и расходились по своимъ угламъ до ужина, т.-е. до девяти часовъ вечера. Иногда случалось, что часа въ четыре собирались опять для легкой закуски; но это было не всегда, да и не всѣ приглашались къ этому дополнительному угощенію. Единственной серьёзной пищей былъ ужинъ, всегда болѣе изысканный, чѣмъ обильный. За столомъ, Вольтеръ былъ очарователенъ. Но его трудно было оторвать отъ письменнаго стола; онъ приходилъ тогда, когда ужинъ приближался къ концу. Слуга становился за его стуломъ и уже не трогался съ мѣста; другіе слуги подавали

ему блюда, какъ пажи камеръ-юнкерамъ короля. Вольтеръ все время былъ крайне внимателенъ къ «божественной Эмиліи» и съ изысканной любезностью предупреждалъ ея желанія. Хозяинъ зàмка, маркизъ Дю-Шатлэ, не мѣшалъ никому въ то время, когда посѣщалъ свою жену, принадлежавшую другому. Онъ спалъ, когда не ѣлъ, обыкновенно молчалъ и предупредительно уходилъ тотчасъ послѣ ужина. Тогда-то завязывался настоящій разговоръ, оживленный и блестящій, если Вольтеръ не былъ чѣмъ-нибудь озабоченъ и не дулся. Онъ не навязывалъ своего большаго ума, онъ напротивъ, держалъ себя свѣтскимъ человѣкомъ, остроумно бесѣдующимъ обо всемъ, непридающимъ большого значенія своимъ словамъ и нетерпящимъ однообразія и педантизма. Вольтеръ былъ самъ слишкомъ тщеславенъ, чтобы не уважать тщеславія другихъ, и избѣгалъ всего, что могло затронутъ самолюбіе его собесѣдниковъ.

Разумѣется, эта правильная жизнь нарушалась поѣздками въ Парижъ, Голландію, Пруссію и Лотарингію, удовольствіями и спектаклями, безъ которыхъ не могъ обходиться Вольтеръ. Въ Сирѐ были и свои актеры, и своя зала для представленій, въ которой исполнялись и трагедіи, и комедіи, и опера. Обычный порядокъ жизни нарушался и ссорами между любовниками. Г-жа Граффиньи пріѣхала въ Сирѐ, преисполненная любви и удивленія къ его главнымъ обитателямъ. Но ей пришлось вскорѣ убѣдиться, что ихъ жизнь не такъ пріятна, какъ она воображала. Несмотря на серьёзную взаимную привязанность, Вольтеръ и маркиза не всегда были согласны между собою, а нетерпѣніе и раздражительность не позволяли имъ скрывать отъ гостей сценъ, которыя, конечно, не могли быть продолжительны, но иногда доходили до крайнихъ предѣловъ рѣзкости. Они говорили тогда по-англійски, и присутствующіе бòльшею частью не понимали употребляемыхъ ими бранныхъ выраженій; но мимика достаточно знакомила ихъ съ характеромъ ссоры. А ссоры начинасьли

иногда изъ пустяковъ. Избалованный любовникъ часто дулся и ворчалъ, наказывая такимъ образомъ маркизу и публику, т.-е. лишая ихъ своей веселой, остроумной, блестящей бесѣды.

Въ 1740 году, къ счастію Германіи, скончался отецъ Фридриха Великаго, и молодой его наслѣдникъ тотчасъ извѣстилъ французскаго поэта о вступленіи своемъ на королевскій престолъ. «Дорогой другъ»,— писалъ онъ,— «судьба измѣнила мое положеніе. Я присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ короля, при его агоніи и смерти. Принимая королевскую власть, я, конечно, не нуждался въ этомъ урокѣ, чтобы питать отвращеніе къ суетѣ человѣческаго величія.

«Я задумалъ небольшое сочиненіе по метафизикѣ, а вышло сочиненіе политическое. Я думалъ состязаться съ пріятнымъ Вольтеромъ, а мнѣ приходится преломлять копья съ Макіавелли. Да, любезный Вольтеръ, не мы распорядители нашихъ судебъ. Вихрь событій захватываетъ насъ, и мы принуждены ему поддаваться. Прошу васъ видѣть во мнѣ только усерднаго гражданина, нѣсколько скептическаго философа, но вѣрнаго друга. Ради Бога, пишите мнѣ только какъ человѣку и пренебрегайте вмѣстѣ со мною титулами, именами и всякимъ внѣшнимъ блескомъ».

Вольтеръ отвѣчалъ на это письмо: «Ваше величество приказываете мнѣ думать больше о человѣкѣ, чѣмъ о королѣ, когда я пишу вамъ. Такое приказаніе мнѣ очень по сердцу. Я не знаю, какъ говорить съ королемъ, но чувствую себя вполнѣ хорошо съ настоящимъ человѣкомъ, у котораго на умѣ и на сердцѣ благо человѣчества».

Вольтеръ былъ серьёзно увлеченъ надеждами, возбужденными воцареніемъ Фридриха. Оно было отрадно и для его образа мыслей, и для его тщеславія. Онъ называетъ Фридриха «ваша человѣчность», сѣвернымъ Соломономъ, «своимъ любезнымъ монархомъ». По порученію Фридриха, онъ берется наблюдать въ Амстердамѣ за печатаніемъ его сочиненія «Анти-Макіавелли». Спохватившись, что нѣко-

торыя мѣста этой брошюры могли не понравиться другимъ державамъ, Фридрихъ писалъ Вольтеру, что нужно остановить печатаніе. Но издатель-книгопродавецъ, въ ожиданіи большихъ выгодъ, не соглашался на предложенную ему сдѣлку. Вольтеръ напрасно давалъ ему большое вознагражденіе, и придумалъ непозволительную хитрость, чтобъ исполнить желаніе короля. Прибывъ нарочно въ Гагу, онъ потребовалъ корректурные листы для исправленія и надѣлалъ въ нихъ множество такихъ безсмысленныхъ поправокъ, что сочиненіе получило совсѣмъ негодный видъ. Но издатель все-таки достигъ своей цѣли, и Вольтеру пришлось приступить къ новому изданію, въ которомъ онъ уничтожилъ или смягчилъ неловкія мѣста. Фридрихъ, разумѣется, не могъ считать себя менѣе свѣдущимъ въ политикѣ, чѣмъ Вольтеръ, и, охотно давая ему поправлять свои французскіе стихи, не хотѣлъ предоставить въ его распоряженіе свои политическія мысли. Повидимому, Вольтеръ распорядился слишкомъ произвольно съ его сочиненіемъ. Отрекаясь отъ обоихъ изданій, король писалъ Вольтеру: «Извините меня, но я не могъ поступить иначе; въ вашемъ изданіи такъ много непринадлежащаго мнѣ, что оно уже перестало быть моимъ сочиненіемъ».

Это обстоятельство не умалило однако горячаго желанія Фридриха увидѣться съ Вольтеромъ какъ можно скорѣе и расцѣловать его «уста, краснорѣчивыя, и въ серьёзныхъ вопросахъ, и въ шуткѣ». Сначала онъ самъ предполагалъ пріѣхать въ Брюссель. Вольтеръ писалъ ему по этому поводу: «Если правда, что ваша человѣчность проѣдете черезъ Брюссель, то умоляю васъ привезти съ собою англійскихъ капель, потому что мнѣ сдѣлается дурно отъ удовольствія». Фридрихъ отвѣчаетъ ему въ томъ же смыслѣ, но еще сильнѣе. «Это будетъ прелестнѣйшій день въ моей жизни; я тоже думаю, что умру отъ радости. Но утѣшаюсь тѣмъ, что нельзя выбрать болѣе пріятный родъ смерти». Поѣздка Фридриха въ Нидерланды однако же не состоя-

лась. Вольтеру пришлось ѣхать для свиданія съ нимъ въ Клеве. Заочные друзья свидѣлись въ первый разъ 11 сентября, близъ Клеве, въ зàмкѣ Мойландъ. Дворъ Фридриха составляли тогда: Мопертюи, Альгаротти, Кейзерлингъ, жившіе всѣ трое на чердакѣ замка, и тайный совѣтникъ Рамбоне, въ широкихъ и грязныхъ манжетахъ, въ дырявой шляпѣ и старомъ парикѣ, одна сторона котораго уходила въ его карманъ, а другая едва касалась плеча. Стоявшій у воротъ солдатъ составлялъ всю королевскую стражу. «Меня ввели въ кабинетъ его величества, разсказываетъ Вольтеръ въ своихъ запискахъ. Тамъ не было почти ничего, кромѣ четырехъ стѣнъ. Въ углубленіи я увидѣлъ при свѣтѣ восковой свѣчи несчастную кровать шириной въ два съ половиною фута, на которой лежалъ человѣкъ небольшого роста, закутанный въ халатъ изъ толстаго синяго сукна. Это былъ король, который потѣлъ и дрожалъ подъ сквернымъ одѣяломъ въ сильной лихорадкѣ. Я раскланялся и началъ знакомство съ того, что пощупалъ его пульсъ, какъ будто былъ его главнымъ врачомъ. Когда прошелъ припадокъ, онъ одѣлся и сѣлъ къ столу. Альгаротти, Кейзерлингъ, Мопертюи и министръ короля при голландскомъ правительствѣ были приглашены къ ужину, за которымъ шелъ серьёзный разговоръ о безсмертіи души, о свободѣ и о Платоновыхъ андрогинахъ». Эти строки, писанныя Вольтеромъ много лѣтъ послѣ его перваго свиданія съ Фридрихомъ, когда они уже охладѣли другъ къ другу, довольно сухи и прозаичны. Но вскорѣ послѣ свиданія Вольтеръ писалъ своему другу Сидевиллю: «Тамъ-то (т.-е. близъ Клеве) увидѣлъ я одного изъ самыхъ пріятныхъ людей въ мірѣ, человѣка, который былъ бы прелестнѣйшимъ украшеніемъ общества и котораго всѣ желали бы имѣть у себя, еслибъ онъ не былъ королемъ, философа безъ чопорности, мягкаго, любезнаго, пріятнаго, забывающаго свое королевское величіе въ бесѣдѣ со своими друзьями и заставляющаго ихъ забывать это величіе, такъ что мнѣ нужно было напрягать

память, чтобы припомнить, что въ ногахъ моей постели сидитъ король, обладатель стотысячной арміи».

Очарованіе Фридриха еще сильнѣе. Вольтеръ представляется ему высшимъ существомъ, величайшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ, какого когда-либо создавала природа. Фридрихъ былъ очарованъ, потрясенъ, почти ошеломленъ первой бесѣдой съ нимъ. «Я видѣлъ того Вольтера, съ которымъ такъ желалъ познакомиться», писалъ онъ тогда же одному изъ своихъ приближенныхъ; «но я видѣлъ его, когда былъ въ лихорадкѣ, когда умъ отказывался работать и во всемъ тѣлѣ чувствовалась слабость. А съ такими людьми, какъ онъ, нельзя быть больнымъ. Съ ними надо быть совершенно здоровымъ и, если возможно, чувствовать себя лучше обыкновеннаго. Онъ соединяетъ краснорѣчіе Цицерона съ мягкостью Плинія и мудростью Агриппы, обладая всѣми качествами и талантами трехъ величайшихъ людей древности. Умъ его работаетъ безпрерывно; каждая капля чернилъ есть остроумное слово, сходящее съ его пера. Онъ декламировалъ намъ свою чудесную трагедію «Магометъ» и привелъ всѣхъ насъ въ восторгъ; мнѣ оставалось только молчать и любоваться. Какъ счастлива маркиза Дю-Шатлэ, что онъ живетъ съ нею!»

Вольтеръ, разумѣется, приглашенъ Фридрихомъ въ Берлинъ и спѣшитъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы пріобрѣсти политическое значеніе и вѣсъ въ оффиціальныхъ сферахъ Франціи. Онъ посылаетъ кардиналу Флери экземпляръ «Анти-Макіавелли» и въ особомъ письмѣ предлагаетъ ему свои услуги въ качествѣ тайнаго французскаго агента при прусскомъ королѣ. Но эта новая роль приводитъ въ отчаяніе маркизу. Тщеславное стремленіе Вольтера въ Берлинъ представляется ей черной измѣной человѣка, которому она отдалась вполнѣ и которому, незадолго передъ тѣмъ, выхлопотала полное прощеніе двора. Горько жалуется она въ своихъ письмахъ на сухость Вольтера, она все еще любитъ его страстно, порывисто, она

боится за его будущность, которая можетъ сильно пострадать отъ настоящаго его увлеченія. Самъ Вольтеръ, чувствуя себя виновнымъ, остается лишь короткое время въ Берлинѣ и спѣшитъ оправдаться и передъ маркизой, и передъ своими ближайшими друзьями. «Считаю себя обязаннымъ извиниться передъ вами за мою поѣздку въ Берлинъ», писалъ онъ д'Аржанталю: «она была необходима; но возвращеніе было еще нужнѣе. Я отказалъ прусскому королю, желавшему удержать меня еще на два дня. Говорю это не изъ тщеславія; тутъ нечѣмъ хвалиться; но нужно, чтобы мой ангелъ-хранитель зналъ, по крайрей мѣрѣ, что я исполнилъ мой долгъ. Маркиза Дю-Шатлэ никогда не была на столько выше королей, какъ теперь».

Поэтъ въ это время неутомимо работалъ надъ своей новой трагедіей «Магометъ», къ которой онъ относился съ особенной нѣжностью, которую считалъ болѣе достойной вниманія и рукоплесканій образованной публики, чѣмъ всѣ свои прежнія драматическія пьесы. Онъ показалъ свою рукопись кардиналу Флёри, который нашелъ ее вполнѣ приличной и осторожной въ цензурномъ отношеніи. Ея исполненіе на сценѣ, въ августѣ 1742 года, привлекло въ театръ самую избранную публику, которая привѣтствовала ее единодушными рукоплесканіями. Но литературные враги автора подняли крикъ, что «Магометъ» — дерзкая сатира на христіанство, и возбудили противъ него ханжей и духовенство. Второе представленіе трагедіи, имѣвшее опять огромный успѣхъ, еще усилило вопли и протесты людей, выдававшихъ себя за блюстителей интересовъ католичества. По совѣту кардинала Флёри, Вольтеръ нашелъ нужнымъ прекратить представленія «Магомета», но онъ былъ глубоко озлобленъ воплями противъ пьесы, которую защитилъ бы самъ Людовикъ XIV, какъ онъ защитилъ «Тартюфа». «Сдѣлавшись жертвой янсенистовъ», писалъ онъ д'Аржанталю, «я посвящу «Магомета» папѣ и надѣюсь быть епископомъ in partibus infidelium, тѣмъ болѣе, что это моя настоящая

епархія». И мы сейчасъ увидимъ, что онъ не остался при одномъ намѣреніи, а въ самомъ дѣлѣ посвятилъ «Магомета» Бенедикту XIV.

Тѣ же люди, которые вопили противъ «Магомета», долгое время мѣшали Вольтеру попасть въ члены Французской Академіи. Въ 1743 году, по смерти кардинала Флёри, Вольтеръ усиленно хлопоталъ о томъ, чтобы занять его академическое кресло. Какъ ни ѣдки были его насмѣшки надъ подобными учрежденіями, онъ придавалъ большое значеніе академическому креслу въ смыслѣ прочнаго общественнаго положенія. Но онъ имѣлъ репутацію неблагонамѣреннаго, кощунствующаго человѣка, и многіе изъ младшихъ его товарищей по литературѣ попали въ число безсмертныхъ гораздо раньше этого даровитѣйшаго изъ тогдашнихъ писателей. Уже нѣсколько разъ попытки его проникнуть въ академію оказывались безуспѣшными. Но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ отталкиваетъ неудача. Кардиналъ Флёри умеръ въ концѣ февраля, а 20 февраля на сценѣ уже исполнялась новая пьеса Вольтера «Меропа», производившая фуроръ въ публикѣ. Но она не снимала съ автора репутаціи скептика въ дѣлахъ вѣры. И вотъ онъ пишетъ министру письмо, подъ которымъ не отказался бы подписать свое имя самъ «Тартюфъ» и которое мы приведемъ, какъ образчикъ политическихъ пріемовъ того времени:

«Честному человѣку позволительно защищаться, онъ обязанъ защищаться самъ не для пустаго удовольствія принудить другихъ къ молчанію, но для прославленія истины. Я хочу сказать передъ Богомъ, мнѣ внимающимъ, что я благономѣренный гражданинъ и искренній католикъ, и говорю это единственно потому, что всегда былъ такимъ въ моемъ сердцѣ. Мною не написано ни одной страницы, которая не дышала бы человѣколюбіемъ, и написано много такихъ страницъ, которыя подтверждаются священнымъ авторитетомъ религіи. Моя поэма «Генріада», отъ начала

до конца, есть не что иное, какъ похвала добродѣтели, покоряющейся Провидѣнію; я надѣюсь, что въ этомъ отношеніи моя жизнь всегда будетъ походить на мои сочиненія. Я въ особенности никогда не оскверняль этихъ похвалъ добродѣтели надеждой на какую-нибудь награду и не желаю никакой другой награды, кромѣ удовольствія слыть такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ.

«Мои враги упрекаютъ меня за какія-то «Филофскія письма». Я писалъ много писемъ моимъ друзьямъ, но никогда не давалъ имъ такого громкаго заглавія. Большая часть писемъ, напечатанная подъ моимъ именемъ, принадлежитъ не мнѣ, и я имѣю на то доказательства. Я читалъ кардиналу Флёри тѣ письма, которыя были такъ недостойно поддѣланы; онъ прекрасно умѣлъ отличать мое отъ того, что писано не мною. Я пользовался его уваженіемъ, особенно въ послѣдніе годы его жизни. Клеветники ненавидятъ людей, которыхъ они преслѣдуютъ; но честные люди считаютъ себя обязанными уважать тѣхъ, кого они признаютъ невинными».

Это письмо ходило по рукамъ въ Парижѣ и изумило всѣхъ. Всѣ знали, что такое Вольтеръ и насколько онъ искренній католикъ; всѣ знали и его «Философскія письма». Фридрихъ Великій высказался также противъ него и въ стихахъ, и прозѣ. Но Вольтеръ хотѣлъ во что бы то ни стало попасть въ академію, а для этого требовалось правовѣріе. Онъ нашелъ нужнымъ высказаться въ томъ же смыслѣ ожесточенному противнику своей кандидатуры, архіепископу Санскому, но и это было напрасно. На мѣсто кардинала Флёри былъ выбранъ въ академію епископъ Мирпуа. Вольтеръ былъ внѣ себя отъ досады и негодованія. Онъ объявилъ, что навсегда отказывается попасть въ эту «поповствующую» академію, и уѣхалъ сначала въ Голландію, а оттуда въ Пруссію, къ горькому отчаянію маркизы, которая писала въ это время: «Онъ уѣхалъ въ Голландію, откуда вѣроятно поѣдетъ въ Пруссію, чего я особенно бо-

юсь, потому что прусскій король 'очень опасный для меня соперникъ. Горе мое велико, и хотя я чувствую, что онъ неправъ передо мною, потому что на его мѣстѣ я ни за что бы не уѣхала, но чувствую еще сильнѣе мое горе. Я осталась въ Парижѣ въ надеждѣ подвинуть впередъ представленіе «Юлія Цезаря» и тѣмъ ускорить возвращеніе Вольтера; но это едва ли мнѣ удастся, а въ такомъ случаѣ я поѣду въ Брюссель, гдѣ онъ обѣщалъ навѣстить меня». Маркиза проводила въ слезахъ цѣлые дни; Вольтеръ, между тѣмъ, поселился въ Гагѣ, въ отелѣ прусскаго короля, «вашемъ обширномъ и развалившемся дворцѣ», какъ писалъ онъ въ заголовкѣ одного изъ своихъ писемъ къ Фридриху. Онъ уѣхалъ изъ Франціи не съ пустыми руками. Правительство дало ему секретное порученіе развѣдать намѣренія прусскаго короля, и самъ Людовикъ XV одобрилъ эту поѣздку подъ предлогомъ негодованія Вольтера на Академію. Французскому правительству хотѣлось поссорить Фридриха съ союзниками и привлечь его на свою сторону. Но въ то самое время когда поэтъ надѣялся своими тайными дипломатическими услугами завоевать себѣ оффиціальное положеніе во Франціи, прусскій король старался всѣми мѣрами затруднить ему возвращеніе въ отечество. Онъ писалъ въ Парижъ графу Роттембургу: «Посылаю вамъ отрывокъ изъ одного Вольтерова письма, который вы покажете окольными путями епископу Мирпуа, но такъ, чтобъ и вы, и я оставались въ сторонѣ. Мое намѣреніе заключается въ томъ, чтобы поссорить Вольтера во Франціи и чтобъ ему не оставалось ничего болѣе, какъ жить у насъ». Какъ ни секретно велось это дѣло, Вольтеръ однако же узналъ о хитрости Фридриха и, разумѣется, былъ очень раздраженъ его поступкомъ. Но политическіе нравы того времени извиняли даже и такое предательство. Поэтъ тѣмъ не менѣе продолжалъ и свои литературныя бесѣды, и свои переговоры съ «сѣвернымъ Соломономъ». Отстаивая интересы своего отечества, онъ просилъ своего царственнаго друга передать че-

резъ его посредство что-нибудь пріятное французскому двору. Но Фридрихъ былъ очень остороженъ въ дѣлахъ этого рода; онъ отвѣчалъ категорически, что ничѣмъ не связанъ съ Франціей, что когда французское правительство пожелаетъ сдѣлать ему какія-нибудь сообщенія, онъ съумѣетъ дать на нихъ отвѣтъ. Въ виду жалкаго состоянія французской арміи и французскихъ финансовъ, Фридрихъ относился нѣсколько свысока къ международному значенію Франціи. «Я люблю васъ всѣмъ сердцемъ, я васъ уважаю», отвѣчалъ онъ Вольтеру; «чтобъ имѣть васъ при себѣ, я сдѣлаю все, кромѣ глупостей и такихъ вещей, которыя предали бы меня на посмѣяніе Европѣ и въ сущности противорѣчили бы моимъ интересамъ и моей славѣ. Могу поручить вамъ одно: посовѣтуйте имъ вести себя благоразумнѣе, чѣмъ они вели себя до сихъ поръ».

При всемъ томъ король и поэтъ разстались очень нѣжно, расточая другъ другу взаимныя любезности. Въ письмахъ Вольтера къ Фридриху нѣтъ и слѣдовъ неудовольствія на тѣ средства, которыя употреблялъ король, чтобы закрыть ему доступъ во Францію. Но прежнее временное увлеченіе ихъ другъ другомъ видимо угасло. Фридрихъ уже подозрѣвалъ въ Вольтерѣ тайнаго агента, и Вольтеръ зналъ навѣрное, что каждое письмо его къ прусскому королю можетъ быть передано во Франціи.

На обратномъ пути Вольтеръ нашелъ въ Брюсселѣ маркизу Дю-Шатлэ. Увидѣвъ его, обрадованная маркиза охотно простила ему долгое отсутствіе. Онъ съѣздилъ еще въ Парижъ, чтобы дать правительству отчетъ о возложенномъ на него секретномъ порученіи, и въ апрѣлѣ 1744 года любовники, къ несказанному своему удовольствію, опять поселились въ Сирѣ, о которомъ оба они восторженно отзываются теперь въ своихъ письмахъ. Казалось, Вольтеръ желалъ бы навсегда остаться въ этомъ тихомъ и изящномъ убѣжищѣ, но это только казалось. И Вольтеръ и интересная его подруга осенью находились уже въ Парижѣ, гдѣ въ то время

городское управленіе давало празднества по случаю выздоровленія короля. Секретное порученіе, съ которымъ онъ ѣздилъ въ Берлинъ, до нѣкоторой степени примирило дворъ съ кощунствующимъ поэтомъ; онъ былъ лично извѣстенъ фавориткѣ короля и пользовался ея покровительствомъ; другія связи тоже толкали его впередъ къ придворнымъ званіямъ и отличіямъ. Написанная имъ теперь небольшая поэма «О событіяхъ 1744 года», полная ловко разсыпанной лести, не могла не понравиться двору; въ ней были намеки на подвиги короля, говорилось о восторгахъ Парижа, который никогда не видѣлъ «столько фейерверковъ и такъ много плохихъ виршей». Всѣмъ было понятно также и слѣдующее двустишіе этой поэмы!

L'oeil du maître peut tout; c'est lui qui rend la vie
Au mérite expirant sous la dent de l'envie [1]).

Онъ проситъ кого нужно показать эту «шутку» королю, «чтобы король зналъ, что и я зажегъ на окнѣ мои три свѣчки», какъ выразился онъ въ одномъ письмѣ къ д'Аржанталю. Благодаря своей ловкости, придворнымъ связямъ, своимъ и маркизы Дю-Шатлэ, онъ приглашенъ завѣдывать придворными увеселеніями во время помолвки дофина съ испанскою принцессой и пишетъ для придворнаго театра комедію-балетъ: «Принцесса Наварская», положенную на музыку знаменитымъ въ то время Рамò. Дворъ награждаетъ его за это сначала титуломъ, потомъ должностью камеръ-юнкера и званіемъ исторіографа Франціи. Но, охотно принимая эти желанныя награды, Вольтеръ въ то же время мѣтко острилъ надъ тѣми, кто отказывалъ въ нихъ прежде, когда они могли быть даны по болѣе серьезнымъ поводамъ:

Mon Henri quatre et ma Zaire
Et mon américaine Alzire
Ne m'ont valu jamais un seul regard du roi;

---

[1]) Глазъ хозяина всемогущъ; онъ возвращаетъ жизнь заслугѣ, издыхающей подъ зубомъ зависти.

J'eus beaucoup d'ennemis avec très-peu de gloire;
Les honneurs et les biens pleuvent enfin sur moi
Pour une farce de la foire [1]).

Побѣда, одержанная французами при Фонтенуа, привела въ восторгъ парижскую публику, и Вольтеръ, внѣ себя отъ радости, воспѣлъ этотъ день. Несмотря на хвалебный характеръ своей батальной поэмы, за которую, казалось бы, автору нечего было опасаться, онъ въ высшей степени затруднялся распредѣленіемъ похвалъ между главными участниками побѣды. «Голова идетъ у меня кругомъ», говорилъ онъ въ это время Сидевиллю: «я не знаю что дѣлать съ дамами, которыя хотятъ, чтобъ я хвалилъ ихъ кузеновъ и любовниковъ». Недовольныхъ было много. Но авторъ самъ доволенъ и проситъ д'Аржансона сказать королю, «что въ теченіи десяти дней потребовалось пять изданій его славы». Пожалуйста, не забудьте этого маленькаго придворнаго маневра», прибавляетъ онъ. Склоняя въ свою пользу свѣтскую власть, Вольтеръ не забываетъ и духовной. Клерикалы заставили его снять со сцены «Магомета»; они закрыли ему доступъ въ Академію, и онъ рѣшается снискать такую благосклонность папы Бенедикта XIV, передъ которой врагамъ его оставалось бы только преклониться. Дѣло было нелегкое. Вольтеръ уже просилъ д'Аржансона помочь ему въ этомъ дѣлѣ и написать нѣсколько словъ французскому министру въ Римѣ, аббату Конильяку. Д'Аржансонъ, вѣроятно удивленный странностью такой просьбы, сначала не обратилъ на нее особеннаго вниманія. «Вы были слишкомъ осторожны, опасаясь написать нѣсколько строкъ аббату Конильяку», писалъ ему Вольтеръ. «Могу сообщить вамъ, что я въ хорошихъ отношеніяхъ съ папой и что аб-

---

[1]) Мой Генрихъ IV, моя Заира и моя американская Альзира не подарили мнѣ ни единаго взгляда короля. Я пріобрѣлъ ими много враговъ и очень мало славы. Почести и богатства посыпались на меня наконецъ за пустой ярмарочный фарсъ.

батъ Конильякъ сдѣлаетъ ему пріятное, если скажетъ, что я читаю его сочиненія и состою въ числѣ его поклонниковъ и овецъ. Пожалуйста, возьмите на себя эти важные переговоры. Ручаюсь вамъ за то, что буду маленькимъ любимцемъ Рима безъ всякаго содѣйствія со стороны нашихъ кардиналовъ».

Домогаясь содѣйствія министерства, Вольтеръ работалъ и самъ для достиженія своей цѣли. Онъ послалъ папѣ свою гонимую трагедію, съ слѣдующимъ латинскимъ двустишіемъ къ его портрету:

Lambertinus hic est, Romae decus et pater orbis,
Qui mundum scriptis docuit, virtutibus ornat [1]).

Въ своемъ письмѣ, поэтъ просилъ святаго отца прислать ему какіе-нибудь знаки своего высокаго благоволенія. Онъ зналъ нѣкоторую дѣвицу дю-Тиль, когда-то жившую въ домѣ маркизы Дю-Шатлэ, а она въ свою очередь была знакома съ аббатомъ Толиньяномъ и черезъ него повергла почтеніе и трагедію Вольтера къ стопамъ его святѣйшества. Вскорѣ поэтъ уже писалъ д'Аржансону: «Я только-что получилъ портретъ одного изъ самыхъ толстощекихъ папъ, какихъ мы когда-либо имѣли. Онъ смотритъ добрякомъ, приблизительно знающимъ всему этому цѣну. Отъ всей души благодарю васъ за эти двѣ медали съ ликомъ первосвященника... Аббатъ Толиньянъ, кардиналъ Аквавива и аббатъ Конильякъ не спѣлись бы между собою, чтобы добыть мнѣ папское благословеніе, еслибъ вы не написали въ Римъ. Теперь вамъ слѣдовало бы сказать правовѣрному королю, насколько я правовѣрный подданный». Посвящая своего «Магомета» Бенедикту XIV, Вольтеръ предпослалъ этой пьесѣ свое почтительное письмо къ папѣ. Бенедиктъ XIV, какъ истый итальянецъ, не подалъ и вида, что не довѣряетъ искренности своего «возлюбленнаго сына».

---

[1]) Это Ламбертини, краса Рима и отецъ земли, поучающій міръ своими сочиненіями и украшающій его своими добродѣтелями.

Онъ отнесся серьезно къ его любезностямъ и почтенію, и отвѣчалъ ему очень милымъ письмомъ, въ которомъ благодарилъ за «Магомета» и возбуждалъ вопросъ объ одномъ стихѣ Виргилія.

Съ этихъ поръ Вольтеръ могъ спокойно ожидать новой вакансіи во Французской Академіи. Благословеніе папы зажимало ротъ его противникамъ клерикальнаго лагера... Теперь онъ придворный человѣкъ; король былъ очень доволенъ его поэмой о битвѣ при Фонтенуа и даже высказалъ, что это сочиненіе не должно подлежать критикѣ. Поэтъ былъ посвященъ въ секреты фаворитки, г-жи Помпадуръ, часто посѣщалъ ее въ этіольскомъ ея за̀мкѣ, гдѣ она угощала его токайскимъ виномъ, которое, по его словамъ, несравненно выше полученнаго имъ въ подарокъ отъ Фридриха. Въ честь ея написано Вольтеромъ, въ 1745 году, стихотвореніе, гдѣ король сравнивался съ Цезаремъ, а она — съ «божественной Клеопатрой»:

Quand César, ce hèros charmant,
Dont tout Rome fût idolâtre,
Gagnait quelque combat brillant,
On en faisait compliment
A la divine Cléopâtre.
Quand Louis, ce hèros charmant,
Dont tout Paris fait son idole,
Gagne quelque combat brillant,
On en doit faire compliment
A la divine d'Etiole [1]).

Циническая лесть этихъ стиховъ бросается въ глаза, и въ наше время она легла бы чернымъ пятномъ на репутаціи писателя и человѣка. Но цинизмъ былъ отличительной

[1]) Когда Цезарь, этотъ плѣнительный герой, которому поклонялся весь Римъ, выигралъ блестящее сраженіе, съ побѣдой поздравляли божественную Клеопатру.

Когда блестящую побѣду одерживаетъ плѣнительный герой Людовикъ, идолъ всего Парижа, съ нею надо поздравлять божественную г-жу д'Этіоль.

чертой первой половины восемнадцатаго вѣка во Франціи, и писатель могъ съ спокойною совѣстью то восхвалять, то осмѣивать однихъ и тѣхъ же лицъ, одни и тѣ же общественныя явленія. А Вольтеръ былъ къ тому-же памфлетистъ и сатирикъ. Ему принадлежатъ нѣсколько подобныхъ стихотвореній и не мало прозы въ томъ же родѣ. Онъ же писалъ въ это время маркизу д'Аржансону:

«Мнѣ хотѣлось бы не только пользоваться, но и дѣйствительно исполнять обязанности исторіографа Франціи. И вотъ прекрасный къ тому поводъ. Обѣ кампаніи короля достойны быть не только воспѣтыми въ стихахъ, но и описанными въ прозѣ. Моя мысль заключается не въ томъ, чтобы вы испросили для меня позволеніе описать эти кампаніи короля: такое позволеніе могло бы оскорбить его скромность, да оно и безъ того уже вытекаетъ изъ моего званія; но было бы хорошо, еслибъ вы сказали королю, что клеветы, распространяемыя печатью въ Голландіи, должны быть опровергнуты, что я работаю надъ описаніемъ этихъ походовъ, и исполняю такимъ образомъ мой долгъ; что трудъ мой будетъ оконченъ подъ вашимъ надзоромъ и покровительствомъ. Если вы, съ свойственной вамъ убѣдительностью, представите королю все то, о чемъ я имѣю честь говорить теперь, король будетъ мнѣ признателенъ и я буду имѣть такое занятіе, которое мнѣ по-сердцу и которое послужитъ развлеченіемъ и для васъ самихъ. Поручаю все это вашему доброму сердцу».

И онъ принимается серьезно за работу. «Я работаю, какъ и всегда, съ страстнымъ увлеченіемъ», пишетъ онъ, приготовляя въ то же время для версальскаго придворнаго театра новую парадную драму-балетъ: «Храмъ славы». «Послѣ громкой побѣды, по взятіи семи городовъ въ виду непріятельской арміи, послѣ предложеннаго самимъ побѣдителемъ мира», говоритъ Вольтеръ въ предисловіи: «Храмъ славы» есть самое приличное зрѣлище, какое только можно предложить королю и націи, совершившимъ эти великія

дѣла». Въ этой пьесѣ на сцену являлись разные завоеватели и герои, и Белъ, и покоритель Индіи Вакхъ, и Траянъ: двое первыхъ — кровожадные или сладострастные, оскверняющіе свои побѣды жестокостями или пороками. Траянъ, какъ и они, давалъ и выигрывалъ сраженія; но слезы, причиненныя его побѣдами, заглажены его благодѣяніями и добродѣтелями. Траяномъ, разумѣется, былъ въ данномъ случаѣ Людовикъ XV. Пьеса понравилась, и Вольтеръ, покончивъ съ нею, усердно посѣщалъ военное министерство, работая надъ исторіей королевскихъ походовъ. «Я имѣю добродушіе даромъ дѣлать то, чего не дѣлалъ Буало, хотя ему и хорошо платили», писалъ онъ Сидевиллю въ январѣ 1746 года. Онъ въ самомъ дѣлѣ заинтересовался начатой работой и всего менѣе ожидалъ, что она можетъ не понравиться королю. «Скажите же королю», писалъ онъ опять маркизу д'Аржансону, «скажите г-жѣ Помпадуръ, что вы довольны исторіографомъ... О настоящей войнѣ появляется такъ много сочиненій, что моя «исторія» совершенно необходима. Умоляю вась замолвить слово королю объ этомъ трудѣ, въ которомъ заинтересована его слава».

Въ Академіи, между тѣмъ, открылась вакансія со смертью одного изъ «безсмертныхъ». Несмотря на свой зарокъ не домогаться больше чести попасть въ ея члены, Вольтеръ сталъ дѣятельно хлопотать о своемъ избраніи. Теперь онъ могъ явиться претендентомъ на академическое кресло подъ защитой папы, который назвалъ его «Магомета» «прекрасной трагедіей». Но онъ не ограничился и этою опорой. Онъ написалъ отцу Латуру письмо, въ которомъ вновь называлъ себя искреннимъ католикамъ и заявлялъ свою любовь къ іезуитамъ, своимъ бывшимъ наставникамъ. На этотъ разъ и самъ король не противился болѣе его избранію, и, не смотря на всѣ усилія своихъ литературныхъ враговъ, Вольтеръ былъ избранъ 25-го апрѣля 1746 года. Онъ торжествовалъ. Но успѣхъ его еще больше раздражилъ людей литературнаго круга, имѣвшихъ не меньше притязаній, но

гораздо меньше таланта. Едва-ли какой нибудь другой писатель подвергался такимъ безстыднымъ нападкамъ, такимъ неслыханнымъ клеветамъ, какія постоянно обрушивались на Вольтера и при жизни его, и по смерти. Дефонтенъ, Сенъ-Гіасентъ, Фреронъ, Ла-Бомелль, Клеманъ, о которыхъ аббатъ Вуазенонъ говорилъ въ стилѣ библейскаго родословія, что «Зоилъ родилъ Мевія, Мевій родилъ Дефонтена, Дефонтенъ родилъ Фрерона, Фреронъ родилъ Клемана» и т. д.,—вся эта литературная тля открыла противъ него безпощадную и дикую войну, которой мы разсказывать не будемъ, и въ которой обѣ стороны съ яростью прибѣгали то къ перу и ругательствамъ, то къ содѣйствію и покровительству властей. Эта продолжительная и ожесточенная полемика была скорѣе личной борьбой посредственности съ талантомъ, чѣмъ борьбой принциповъ и общественныхъ интересовъ. Въ характерѣ Вольтера, какъ мы видѣли, были темныя стороны, которыми воспользовались его противники, чтобы чернить его и въ прозѣ и въ стихахъ. Онъ былъ страшно тщеславенъ; тщеславіе и жажда житейскихъ благъ доводили его до публичнаго отреченіе отъ дѣйствительныхъ и заявленныхъ имъ вѣрованій и мнѣній. И противники его, которыхъ безпощадно бичевало его остроуміе, иногда мѣтко попадали въ свою цѣль, хотя и не были безупречнѣе и выше его въ гражданскомъ смыслѣ.

9-го мая Вольтеръ произнесъ свою вступительную рѣчь въ торжественномъ собраніи Академіи, въ присутствіи именитѣйшей публики. Рѣчь эта блистала новизною формъ и содержанія. Изложивъ въ бѣгломъ очеркѣ исторію и духъ французскаго языка, онъ перешелъ къ великимъ писателямъ, обогатившимъ его новыми формами и сдѣлавшими его языкомъ универсальнымъ. По этому поводу ораторъ воздавалъ хвалу прусскому королю, который говорилъ и писалъ по-французски, какъ на родномъ языкѣ, его сестрѣ—шведской королевѣ, папѣ Бенедикту XIV и русской императрицѣ. Ораторъ не поскупился также на хвалы со-

временнымъ французскимъ академикамъ и писателямъ, и, разумѣется, не забылъ въ своей рѣчи самого Людовика XV. Рѣчь оканчивалась заявленіемъ желанія видѣть на площадяхъ Франціи статую человѣколюбиваго монарха, изваянную руками французскихъ Праксителей и окруженную символами общественнаго счастія и читать на подножіи этой статуи слѣдующія слова, уже начертанныя въ сердцахъ: «Отцу отечества!»

Академическая рѣчь Вольтера была неудачна, и вызвала сильныя критическія нападки. Ее сравнивали съ пестрымъ платьемъ арлекина, сшитымъ изъ разныхъ кусковъ; говорятъ, шутники приносили ее съ собой въ общество и читали ее вслухъ, начиная то съ конца, то съ середины, находя, что она нисколько не страдаетъ отъ такой перетасовки своего содержанія. Вольтеръ, въ самомъ дѣлѣ, былъ всего менѣе академикъ. Блестящій сатирикъ, публицистъ и поэтъ, онъ прежде всего видѣлъ въ наукѣ ея публицистическую сторону, а публицистъ, какъ и академикъ временъ Людовика XV, занимая общественную должность и кресло цеховаго ученаго, непремѣнно долженъ былъ льстить, кому слѣдовало, въ своемъ личномъ интересѣ.

Среди этихъ придворныхъ и академическихъ успѣховъ, судьба послала автору «Магомета» тяжелый урокъ, вытекавшій прямо изъ его тщеславной погони за выдающимся положеніемъ при дворѣ Людовика XV. Однажды вечеромъ, въ Фонтебло, играя въ карты у королевы, маркиза Дю-Шатлэ проиграла четыреста луидоровъ, — единственныя деньги, которыя были у нея въ это время. Вольтеръ даетъ ей свои двѣсти луидоровъ, но она проигрываетъ на слѣдующій день и эту сумму. Онъ совѣтуетъ маркизѣ прекратить игру; она не соглашается, и любовники посылаютъ слугу за деньгами къ одному знакомому ростовщику. Слуга приноситъ еще двѣсти луидоровъ; сто восемьдесятъ луидоровъ присылаетъ еще г-жа Тиль. «Божественная Эмилія» опять садится за игру, играетъ еще съ бо́льшимъ жаромъ,

чѣмъ прежде, и опять проигрываетъ все. Неудача и тутъ не охлаждаетъ ее, она рѣшается играть въ долгъ, и къ концу вечера проигрываетъ 84 тысячи франковъ. Вольтеръ, которому не удалось остановить ее во-время, очень встревоженъ этимъ проигрышемъ, и въ досадѣ говоритъ своей подругѣ по-англійски, что только ея разсѣянность помѣшала ей замѣтить, что она играла съ шулерами. Гости королевы разслышали и поняли эти слова; маркиза замѣтила даже, что они стали шептаться, и страшно испугалась послѣдствій этой исторіи; она дала понять это Вольтеру, и они поспѣшили уѣхать прежде, чѣмъ разразилась буря.

Французское свѣтское общество уже было поражено въ то время гангреной полной деморализаціи, и предположеніе Вольтера не представляло ничего невѣроятнаго. Подобные случаи бывали въ обществѣ знатнѣйшихъ лицъ тогдашней Франціи. Но дѣло не въ томъ, справедливо или нѣтъ подозрѣніе Вольтера въ данномъ случаѣ. Чѣмъ справедливѣе оно было, тѣмъ опаснѣе могли быть его послѣдствія. По мнѣнію Вольтера и маркизы, ему надо было скорѣе выѣхать изъ Фонтенбло, и онъ выѣхалъ въ ту же ночь съ маркизой такъ поспѣшно, что даже не успѣлъ запастись деньгами. Самымъ безопаснымъ убѣжищемъ представлялось имъ Со, имѣніе герцогини Дю-Мэнъ. Въ дорогѣ они послали къ ней крестьянина съ запиской Вольтера, въ которой онъ просилъ позволенія пріѣхать. Герцогиня радушно приняла бѣглецовъ; но такъ какъ Вольтеру надо было скрываться и сохранять строжайшее инкогнито, то онъ жилъ съ закрытыми ставнями и постоянно работалъ при свѣчахъ. Каждую ночь часу во второмъ, когда герцогиня, простившись со всѣми, уже лежала въ постелѣ, Вольтеръ приходилъ въ ея комнату, прислуга ставила передъ нимъ столикъ и приносила ему ужинъ. Герцогиня, любезная и прелестная къ тѣмъ гостямъ, которые ее развлекали, незамѣтно проводила такимъ образомъ съ Вольтеромъ самыя пріятныя ночи. Умная отъ природы, она отлично разсказывала будущему историку

Людовика XIV тысячи придворныхъ интригъ, которыхъ сама была свидѣтельницей и участницей; Вольтеръ, съ своей стороны, прочитывалъ ей какой-нибудь отрывокъ изъ новыхъ своихъ сочиненій. Потомъ оказалось, что нѣсколько прекрасныхъ его сказокъ и разсказовъ: «Бабукъ», «Мемнонъ», «Скарментадо», Микромега» и «Цадикъ», писаны Вольтеромъ во время тайнаго пребыванія въ Со. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, онъ не рѣшался выдти днемъ изъ своей комнаты. Но въ одинъ прекрасный день, маркиза Дю-Шатлэ, развѣдывавшая между тѣмъ придворную почву, пріѣхала возвратить ему свободу. Она уладила дѣло, она добилась согласія противной стороны оставить выходку Вольтера безъ послѣдствій. Поэту однакоже суждено было успокоиться только на короткое время. Судьба не замедлила подготовить ему новый урокъ въ той же дворской средѣ, за которою онъ такъ гонялся. Случилось, что въ это время при дворѣ играли Вольтерова «Блуднаго сына», и роли были распредѣлены между самою маркизой Помпадуръ, герцогомъ Шартрскимъ и знатнѣйшими лицами двора. Г-жа Помпадуръ предложила королю допускать авторовъ на придворные спектакли всякій разъ, когда идутъ ихъ пьесы, и, получивъ согласіе короля, увѣдомила объ этомъ Вольтера очень любезной запиской. Поэтъ поспѣшилъ отвѣтить на любезность фаворитки мадригаломъ:

Ainsi donc vous reunissez
Tous les arts, tous les goûts, tous les talents de plaire:
Pompadour, vous embellissez
La Cour, le Parnasse et Cythère.
Charme de tous les coeur, trésor d'un seul mortel,
Qu'un sort si beau soit eternel!
Que vos jours précieux soient marqués par des fêtes!
Que la paix dans nos champs revienne avec Louis!
Soyez tous deux sans ennemi,
Et tous deux gardez vos conquêtes [1]).

---

[1]) Итакъ, вы соединяете всѣ искусства, всѣ вкусы, всѣ таланты

Стихи, конечно, понравились фавориткѣ, которая не нашла нужнымъ таить ихъ. Они ходили по рукамъ, и, совершенно неожиданно для автора, возбудили негодованіе цѣлой придворной партіи. Королева, ея дворъ и дочери Людовика XV настаивали, чтобы король удалилъ отъ себя писателя, который прибавилъ къ своимъ прежнимъ проступкамъ эти стихи, роняющіе королевское достоинство и оскорбительные для короля, какъ отца и супруга. Негласнымъ послѣдствіемъ этихъ наговоровъ было возвращеніе Вольтера въ Сирè, откуда онъ и маркиза часто предпринимали продолжительныя поѣздки въ Лотарингію, ко двору польскаго короля Станислава Лещинскаго, отца королевы, супруги Людовика XV. Тамъ познакомилась маркиза Дю-Шатлэ съ молодымъ офицеромъ, маркизомъ Сенъ-Ламберомъ, который вскорѣ занялъ первенствующее мѣсто въ ея жизни и сердцѣ... Вольтеръ, какъ мы видѣли, былъ по природѣ очень странный любовникъ. Онъ былъ приличенъ и уменъ, но никогда не отдавался съ тою страстью, съ какою предалась ему маркиза. Она и прежде постоянно жаловалась на это; дружба Вольтера не удовлетворяла ея страстной натуры и воображенія, разнузданныхъ ужасающими нравами, которыхъ уже не понимало слѣдующее поколѣніе. «Никому не придетъ на мысль», писалъ аббатъ Вуазенонъ, «чтобы человѣкъ въ своихъ любовныхъ письмахъ могъ заниматься какимъ-нибудь другимъ божествомъ, а не тѣмъ, которымъ наполнено его сердце, и чтобъ можно было писать больше эпиграммъ противъ религіи, чѣмъ мадригаловъ въ честь любимой женщины. А это именно случилось съ Вольтеромъ. Маркиза Дю-Шатлэ ничего не скрывала отъ меня; нерѣдко я оставался съ нею наединѣ до пяти часовъ утра, благодаря самой искренней

нравиться. Помпадуръ, вы украшаете дворъ, Парнассъ и Китеру. Очарованіе всѣхъ сердецъ, сокровище единаго смертнаго, пусть столь прекрасный удѣлъ будетъ вѣченъ! Пусть ваши драгоцѣнные дни будутъ отмѣчены празднествами! Пусть возвратится съ Людовикомъ миръ въ наши села! Будьте безъ враговъ оба и храните оба ваши побѣды.

дружбѣ между нами. Она иногда говорила мнѣ, что совсѣмъ разлюбила Вольтера. Я ничего не отвѣчалъ, а раскрывалъ одинъ изъ восьми томовъ (рукописныхъ посланій Вольтера къ маркизѣ, изъ которыхъ она составила восемь изящно переплетенныхъ книгъ) и прочитывалъ нѣкоторыя письма. Я замѣчалъ, что на глазахъ ея выступали слезы, быстро закрывалъ книгу и говорилъ: нѣтъ, вы еще не исцѣлились. Въ послѣднемъ году ея жизни я повторилъ тотъ же опытъ. Она уже критиковала его письма, и я убѣдился, что исцѣленіе состоялось. Она призналась мнѣ, что врачомъ былъ Сенъ-Ламберъ». Маркиза отдалась этому молодому человѣку со всею исключительною страстью сорокалѣтней женщины, требующей, чтобы ея любовникъ былъ занятъ только ею, чтобъ онъ принадлежалъ ей ежечасно, ежеминутно.

Вольтеръ въ это время ставилъ на сцену новую драму «Семирамида» и велъ ожесточенную борьбу съ своимъ соперникомъ по театру, Кребильономъ. Послѣдній въ качествѣ цензора нѣкогда отказывался пропустить «Магомета»; Вольтеръ никогда не могъ простить ему ни этого цензорскаго рвенія, ни того, что онъ тоже пользовался расположеніемъ г-жи Помпадуръ и считался при дворѣ его соперникомъ. Прежде всего онъ находитъ нужнымъ принять мѣры предосторожности противъ Кребильона, какъ цензора «Семирамиды». Надъ цензорами стоялъ въ то время начальникъ полиціи. Вольтеръ пишетъ ему красивое письмо, въ которомъ высказываетъ свои опасенія и ищетъ его высокой благосклонности. Начальникъ полиціи, Берье, отвѣчаетъ ему любезною запискою, и дѣло кончается тѣмъ, что Кребильонъ вычеркиваетъ изъ «Семирамиды» лишь нѣсколько стиховъ; но Вольтеръ отстаиваетъ и ихъ, и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока зачеркнутое мѣсто не возстановлено вполнѣ.

Поэтъ еще ничего не зналъ въ это время объ отношеніяхъ своей подруги къ Сенъ-Ламберу. Возвратившись ко двору Станислава Лещинскаго послѣ представленій «Семи-

рамиды», онъ входитъ къ ней однажды вечеромъ и застаетъ ее съ Сенъ-Ламберомъ въ такомъ положеніи, которое обличало большую близость между ними. Онъ пораженъ, онъ осыпаетъ маркизу упреками и оскорбленіями; но Сенъ-Ламберъ, ни мало не смутившись, тутъ же предлагаетъ себя въ его распоряженіе, т.-е. предлагаетъ ему драться на дуэли. Читатели помнятъ, что Вольтеръ когда-то самъ вызывалъ кавалера Де-Роганъ; но тогда онъ былъ молодъ и подвергся такому оскорбленію, которое способно придать храбрости самому робкому человѣку. Теперь ему было пятьдесятъ-четыре года, и онъ показался бы смѣшнымъ, еслибъ вздумалъ драться за измѣну любовницы. Онъ въ ярости выходитъ изъ комнаты маркизы и велитъ своему секретарю готовиться къ отъѣзду. Секретарь, ничего не подозрѣвая, идетъ къ маркизѣ за дальнѣйшими приказаніями; она совѣтуетъ ему задержать Вольтера подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Но поэтъ, повидимому, рѣшился уѣхать, каковы бы ни были препятствія. Испуганная маркиза входитъ къ нему въ комнату, застаетъ его въ постелѣ, садится у него въ ногахъ, и такъ какъ секретарь былъ тутъ же, начинаетъ разговоръ по-англійски. По выходѣ секретаря, они думаютъ, что остались совершенно одни и продолжаютъ разговоръ уже по-французски, не подозрѣвая, что секретарь подслушиваетъ ихъ за перегородкой. Маркиза совершенно по-женски начинаетъ увѣрять Вольтера, будто ему только померещилось то, что онъ видѣлъ. Поэтъ протестуетъ, и тогда она бойко объясняетъ ему, что у нихъ разные темпераменты, что здоровье его требуетъ спокойствія, что поэтому былобы благоразумно, еслибъ его замѣнялъ кто-нибудь другой.— Пусть будетъ такъ, отвѣчалъ Вольтеръ. Но онъ не хочетъ, чтобъ это происходило на его глазахъ. Человѣкъ своего времени и по натурѣ спокойно относившійся къ женщинамъ, Вольтеръ убѣждается однако странной логикой своей бывшей любовницы. Успокоивъ и поцѣловавъ его, она выходитъ изъ комнаты уговаривать своего новаго любовника.

Но это было гораздо труднѣе. Сенъ-Ламберъ считаетъ себя оскорбленнымъ, и только ссылка маркизы на лѣта Вольтера вырываетъ у него обѣщаніе сдѣлать шагъ къ примиренію. На слѣдующій день Сенъ-Ламберъ идетъ къ поэту, произноситъ нѣсколько извинительныхъ фразъ, говоритъ о своемъ вчерашнемъ волненіи, подъ вліяніемъ котораго онъ былъ нѣсколько рѣзокъ. Вольтеръ не даетъ ему кончить, жметъ ему руки, цѣлуетъ его и говоритъ: «Я все забылъ, дитя мое, не вы, а я былъ неправъ. Вы въ томъ счастливомъ возрастѣ, когда человѣкъ любитъ и нравится; пользуйтесь этими короткими минутами; старый и больной человѣкъ, какъ я, негоденъ для удовольствій».

Любовь всегда была для Вольтера чувствомъ очень близкимъ къ дружбѣ. Онъ не въ первый разъ уступалъ любовницу другому. Здравый смыслъ и отчасти эгоизмъ всегда брали верхъ надъ его сердечными отношеніями. Разорвать съ маркизой значило для него лишиться пятнадцатилѣтней дружбы, основанной на общихъ умственныхъ интересахъ, на искреннемъ и глубокомъ взаимномъ расположеніи. Теряя любовницу, онъ сохранялъ привычнаго и дорогаго друга.

Чтобы покончить съ этимъ характернымъ эпизодомъ въ жизни Вольтера, скажемъ въ нѣсколькихъ словахъ, чѣмъ кончился новый романъ маркизы Дю-Шатлэ. Вскорѣ оказалось, что она беременна. Замѣтивъ это она совѣщается и съ своимъ любовникомъ, и съ своимъ другомъ; рѣшено немедленно вызвать ея законнаго мужа и, пользуясь его присутствіемъ, увѣрить его, что онъ отецъ ребенка. Одураченный мужъ въ восторгѣ. Но у этой женщины, почувствовавшей себя въ интересномъ положеніи на сорокъ-четвертомъ году жизни, странныя предчувствія на душѣ. Она благополучно разрѣшается отъ бремени дочерью, въ Люневиллѣ; но черезъ нѣсколько дней, въ жару родильной лихорадки, выпиваетъ что-то холодное и заболѣваетъ смертельно. Вольтеръ былъ такъ пораженъ этой неожиданной

смертью, что, вышедши изъ комнаты умершей, упалъ безъ чувствъ на мостовую...

Такъ кончился, 10 сентября 1749 года, самый счастливый періодъ въ жизни Вольтера.

III.

Смерть маркизы дю-Шатлэ имѣла большое вліяніе на ея бывшаго любовника и друга. Вольтеръ былъ подавленъ этою неожиданной потерей. Послѣ похоронъ, происходившихъ въ Люневиллѣ, король Станиславъ Лещинскій, у котораго они гостили, приходилъ въ комнату Вольтера по нѣскольку разъ въ день, чтобъ облегчить его горе. Утрата женщины, съ которою онъ такъ сроднился, грубо выбрасывала его изъ привычныхъ условій жизни, въ такіе годы, когда человѣку трудно завязывать новыя семейныя отношенія. Въ новомъ положеніи полнаго домашняго одиночества, ему сначала пришла мысль искать убѣжища въ сенонскомъ аббатствѣ, у давнишняго друга фамиліи дю-Шатлэ, не разъ посѣщавшаго ихъ въ Сирэ, и тамъ зарыться въ книги. Тишина и богатая библіотека аббатства сильно соблазняли Вольтера. Но кромѣ этихъ особенностей монастыря, казавшихся столь привлекательными въ его грустномъ положеніи, тамъ были и монастырскій уставъ, которому пришлось бы болѣе или менѣе подчиняться, и монахи, которыхъ Вольтеръ не любилъ по принципу и по натурѣ. Раздумавъ поселиться тамъ, Вольтеръ сталъ помышлять о поѣздкѣ въ Англію и даже написалъ объ этомъ лорду Болинброку. Но прежде всего надо было ѣхать въ Сирэ съ мужемъ покойной: и приличіе, и необходимость привести въ порядокъ свои и его дѣла, требовали этой поѣздки. «Я не страшусь моего горя, я не бѣгу того, что напоминаетъ ее», писалъ онъ д'Аржанталю. «Я люблю Сирэ, и не могъ бы переносить Люневилля, гдѣ потерялъ ее болѣе ужасающимъ обра-

зомъ, чѣмъ вы предполагаете: но мнѣ дороги и милы тѣ мѣста, каторыя она украшала своимъ присутствіемъ. Я потерялъ не любовницу, я лишился половины самого себя, лишился души, для которой я былъ созданъ, подругу двадцати лѣтъ жизни, родившуюся на моихъ глазахъ. Нѣжнѣйшій отецъ не можетъ больше любить свою единственную дочь. Мнѣ отрадно находить всюду слѣдъ ея»... Но въ Сирэ надо было ликвидировать счеты съ маркизомъ, которому онъ ссудилъ въ разное время до сорока тысячъ франковъ на улучшеніе помѣстья, уложить свою библіотеку и всю движимость, навсегда отправить ее въ Парижъ, и самому переселиться туда окончательно. Занявъ въ Парижѣ тотъ самый домъ, въ которомъ жила маркиза, онъ писалъ д'Аржанталю, что этотъ домъ, «подавляя его горемъ, въ то же время непріятенъ его сердцу». Тяготясь одиночествомъ, онъ взялъ къ себѣ, въ качествѣ хозяйки, свою племянницу, г-жу Дени, и предоставилъ ей всѣ комнаты покойной маркизы.

Живая, подвижная натура Вольтера была однако не изъ тѣхъ, которыя не забываютъ крупнаго горя. Сначала ближайшіе друзья старались развлечь его своими бесѣдами, и одни разговоры ихъ о театрѣ быстро оживляли огорченнаго поэта, возвращая его къ жизни и ея соблазнамъ. Горе не мѣшало ему работать день и ночь и поставить себѣ задачей убить своимъ «Катилиной»—«Катилину» ненавистнаго ему Кребильона. «Я думалъ умереть», пишетъ онъ въ это время д'Аржанталю, «но что же изъ этого? Въ недѣлю, да — въ недѣлю, а не въ девять дней, мой «Катилина» будетъ готовъ, почти въ томъ же видѣ, какъ и посылаемыя мной первыя сцены... «Меропа» едва ли можетъ назваться трагедіей въ сравненіи съ «Катилиной». Повѣрьте мнѣ, повѣрьте,— вотъ настоящая трагедія». Набросавъ эту пьесу, онъ тотчасъ принимается за другую — за «Ореста»; тоже въ пику Кребильону, автору «Электры». «Только-что разрѣшившись «Катилиной», пишетъ онъ, я почувствовалъ новую беременность и тотчасъ произвелъ на свѣтъ «Электру»

(т.-е. «Ореста»). На первомъ представленіи этой послѣдней пьесы, 12-го января 1750 года, Вольтеръ, сидѣвшій въ ложѣ д'Аржанталя, не выдержалъ нѣкоторой холодности публики: несмотря на твердую рѣшимость сидѣть смирно, онъ вдругъ подошелъ къ краю ложи и закричалъ: «Мужайтесь, храбрые аѳиняне, это стихи Софокла!» И онъ, какъ и прежде, спѣшитъ передѣлать свою пьесу ко второму представленію, согласно замѣчаніямъ публики; онъ пишетъ записку за запиской г-жѣ Клеронъ, исполнявшей главную роль, умоляя ее сдѣлать то-то и то-то, и не обижаться его смиренными представленіями. «Г. Вольтеръ, — престранный человѣкъ, сказалъ по этому поводу Фонтенелль: «онъ сочиняетъ свои пьесы во время ихъ представленія». Передѣланный «Орестъ» выдержалъ девять представленій, а главное — онъ вывелъ автора изъ его грустнаго одиночества и увлекъ его опять въ вихрь литературныхъ и общественныхъ интересовъ.

Театръ былъ тогда общею страстью всей Франціи. Не только высшее общество, но и средніе слои парижскаго населенія съ увлеченіемъ предавались этому единственному общественному интересу, не убитому тѣмъ искусственнымъ порядкомъ вещей, который сорокъ лѣтъ спустя провалился съ грохотомъ и трескомъ. Въ Парижѣ составились, преимущественно изъ молодежи среднихъ классовъ, три частныя труппы актеровъ, которыя имѣли такой успѣхъ, что возбудили неудовольствіе привилегированныхъ актеровъ Французской-Комедіи. Послѣдніе просили и даже добились закрытія частныхъ представленій, которыя потомъ возобновились только благодаря заступничеству сильныхъ покровителей. Вольтеръ также устроилъ сцену и спектакли въ своемъ домѣ, куда сходились лучшіе представители тогдашней интеллигенціи. Къ этому времени относится и война его съ давнимъ литературнымъ врагомъ, Фрерономъ, о которой мы скажемъ нѣсколько словъ для характеристики Вольтера. Фреронъ, въ своихъ «Письмахъ о нѣкоторыхъ современныхъ сочиненіяхъ» обличалъ самохвальство и вы-

сокомѣріе автора «Заиры» и «Ореста». Не разборчивый на средства и при случаѣ отлично умѣвшій укладываться въ рамки данной дѣйствительности, Вольтеръ, чувствуя себя лично оскорбленнымъ и зная всемогущество администраціи, жалуется лейтенанту полиціи Берье. «Я былъ у васъ», пишетъ онъ Берье, «чтобъ умолять васъ не допускать униженія литераторовъ во Франціи, особенно тѣхъ, которые имѣютъ честь пользоваться вашею благосклонностью; дѣло доходитъ до того, что гг. Фреронъ и аббатъ де-ла-Портъ позволяютъ себѣ черезъ каждыя двѣ недѣли печатать самыя презрѣнныя личности. Аббатъ Реналь, подвергшійся нападенію, какъ и я, пріѣзжалъ къ вамъ вмѣстѣ со мною, чтобы просить васъ положить конецъ этимъ скандаламъ, приводящимъ въ негодованіе всѣхъ честныхъ людей... Человѣку моихъ лѣтъ, состоящему при королевскомъ дворѣ, горько имѣть дѣло съ подобными господами»... Вольтеръ не затрудняется жаловаться и на то, что листки Фрерона печатаюся безъ законнаго дозволенія, что они подлежали бы прекращенію даже въ томъ случаѣ, еслибъ были настолько же невинны, насколько они преступны. Узнавъ въ это время, что того же Фрерона прочатъ въ корреспонденты Фридриху-Великому, Вольтеръ пишетъ прусскому королю: «Кто будетъ теперь настолько счастливъ, чтобы посылать вамъ новыя книги и новыя глупости моего отечества? Я слышалъ, что вамъ предлагаютъ нѣкоего Фрерона. Умоляю васъ позволить мнѣ представить вашему величеству, что для такихъ сношеній необходимы люди, пользующіеся сочувствіемъ публики. Фреронъ далеко не считается достойнымъ такой чести». И онъ выставляетъ Фрерона самымъ низкимъ плутомъ, разсказываетъ о немъ ужасающія небылицы, говоритъ объ его тюремномъ заключеніи, которое, какъ намъ теперь извѣстно, было вызвано неудовольствіемъ сильныхъ земли на его литературную дѣятельность. Вольтеру удалось однако же помѣшать Фрерону, и въ корреспонденты прусскаго короля былъ приглашенъ драматиче-

скій писатель средней руки, Моранъ, пользовавшійся нѣкоторой извѣстностью въ Парижѣ.

22-го іюня, на домашнемъ театрѣ герцогини дю-Мэнъ, въ ея имѣніи Со, была представлена въ первый разъ новая трагедія Вольтера: «Спасенный Римъ» («Катилина»), въ которой онъ самъ исполнилъ роль Цицерона. Извѣстный артистъ Лекенъ, взявшій на себя въ этой пьесѣ роль Лентула Суры, говоритъ въ своихъ запискахъ, что трудно представить себѣ «что-нибудь болѣе правдивое, болѣе патетическое и восторженное, чѣмъ исполненіе Вольтера». «Это былъ настоящій Цицеронъ, гремящій съ трибуны противъ губителя отечества, законовъ, нравовъ и религіи». Представленіе надѣлало много шума. О немъ кричали и друзья, и непріятели автора. Артисты Французской-Комедіи, смущенные такимъ успѣхомъ внѣ стѣнъ ихъ театра, поспѣшили войти въ сношенія съ Вольтеромъ, чтобы получать отъ него новыя пьесы.

По смерти маркизы дю-Шатлэ, Фридрихъ-Великій не переставалъ напоминать талантливѣйшему изъ современныхъ поэтовъ Франціи данное имъ обѣщаніе — пріѣхать въ Берлинъ. Вольтеръ отвѣчалъ на эти напоминанія, что поѣхалъ бы тотчасъ же, еслибъ слабое здоровье и зима не заставляли его откладывать такое длинное путешествіе; но онъ непремѣнно пріѣдетъ весною къ «великому человѣку восемнадцатаго вѣка». Его затрудняетъ одно: хотя онъ и очень богатъ для литератора, ему однако нужны деньги, чтобъ устроить свои дѣла и ѣхать. Экономный Фридрихъ, котораго, какъ и Вольтера, современники такъ часто упрекали въ скупости, соглашается исполнить финансовыя желанія Вольтера, лишь бы имѣть подлѣ себя блестящаго собесѣдника и пользоваться его уроками во французскомъ языкѣ и стихосложеніи. Всѣ обстоятельства сложились такъ, что Вольтеру хотѣлось уѣхать изъ Парижа. И настоятельныя приглашенія Фридриха, и незавидное положеніе поэта при французскомъ дворѣ, и жажда его играть видную

роль — все тянуло его на сѣверъ, гдѣ онъ надѣялся занять совсѣмъ другое положеніе. По своему характеру, по складу своего ума и своему воспитанію, Вольтеръ не умѣлъ обходиться безъ блестящей придворной обстановки, безъ атмосферы, питающей тщеславіе. Французскій дворъ не благоволилъ къ нему. Король, поклонявшійся такъ-называемому вѣку Людовика XIV, понималъ, что его предшественникъ былъ обязанъ Расину и Буало значительной долей своей славы; онъ охотно призналъ бы и Вольтера украшеніемъ своего царствованія, но опасался и не уважалъ его. «Я отнесся къ нему также хорошо, какъ Людовикъ XIV къ Расину и Буало», сказалъ онъ однажды: «я далъ ему мѣсто камеръ-юнкера и пенсію; не моя вина, что онъ надѣлалъ глупостей, что ему хочется быть камергеромъ, имѣть кресты и ужинать съ королемъ». Одна только фаворитка издавна благоволила къ Вольтеру, но онъ охладилъ и ея расположеніе неловкой шуткой, которая была раздута придворными до размѣровъ непристойной фамильярности. Однажды, за столомъ, г-жа Помпадуръ назвала поданную ей перепелку: «graissouillette», жирнушкой. Это слово, очень употребительное во Франціи теперь, считалось въ то время совершенно неприличнымъ въ устахъ королевы съ лѣвой стороны, и Вольтеръ отважился дать понять это фавориткѣ. Онъ подошелъ къ ней и сказалъ вполголоса, но такъ, что и другіе могли его слышать:

Grassouillette, entre nous, me semble un peu caillette,
Je vous le dis tout bas, belle Pompadourette [1]).

Этого было довольно, чтобы возбудить противъ него придворную среду, подъ вліяніемъ которой быстро измѣнилась къ нему и давнишняя его знакомая, теперь фаворитка. Онъ поспѣшилъ въ Компьень, гдѣ находился дворъ, чтобы просить позволенія уѣхать въ Берлинъ. «Я только для того

[1]) Сказать между нами, «жирнушка» кажется мнѣ немного болтливой: говорю вамъ это на ушко, красавица Помпадуретта.

въ Компьенѣ», писалъ онъ въ это время Фридриху, «чтобъ получить отъ великаго короля Юга позволеніе сѣсть у ногъ великаго короля Сѣвера». Великій король Юга сухо отвѣчалъ поэту, что «онъ можетъ ѣхать, когда ему угодно», и повернулся къ нему спиною. Фаворитка отнеслась къ нему любезнѣе, но съ нѣкоторой принужденностью, и поручила передать ея привѣтствія прусскому королю, который потомъ сухо отвѣчалъ на нихъ Вольтеру: «Я ее не знаю». «Но я тѣмъ не менѣе сообщилъ г-жѣ Помпадуръ, что Марсъ принялъ надлежащимъ образомъ привѣтствія Венеры», пишетъ потомъ Вольтеръ своей племянницѣ, оставшейся въ Парижѣ. Онъ даже увѣрялъ маркизу, что Фридрихъ поручилъ ему благодарить ее:

J'ai l'honneur, de la part d'Achille,
De rendre grâces à Vénus [1]).

Біографы Вольтера охотно объясняютъ весь этотъ наборъ льстивыхъ фразъ духомъ и господствующими нравами того времени. Духъ времени и нравы, конечно, очень много значатъ въ жизни всякаго писателя, но для чести Вольтера и для того крупнаго умственнаго поворота, котораго онъ былъ представителемъ, было бы гораздо лучше, еслибъ онъ держалъ себя съ бо̀льшимъ достоинствомъ и независимостью. Къ сожалѣнію, пребываніе его при дворѣ Фридриха представляетъ рядъ такихъ дѣйствій, о которыхъ тяжело разсказывать его біографамъ.

Вольтеръ отправился въ Берлинъ въ половинѣ іюня 1750 года, и былъ въ Потсдамѣ 10-го іюля. Первыя его письма исполнены похвалъ и удивленія. Ему несказанно нравится соединеніе полутороста тысячъ побѣдоносныхъ солдатъ, оперы, комедіи, философіи, поэзіи, величія и граціи, гренадеръ и музъ, барабановъ и скрипокъ; онъ преклоняется передъ героемъ-философомъ и поэтомъ, онъ въ восторгѣ отъ той свободы, которая тамъ царствуетъ. Онъ

---

[1]) Имѣю честь благодарить Венеру отъ лица Ахилла.

пишетъ, между прочимъ, д'Аржанталямъ, которымъ далъ обѣщаніе передѣлать свой «Спасенный Римъ»: «Мой Фридрихъ-Великій немного вредитъ Авреліи. Онъ беретъ у меня все время и всю душу. Трагедію гораздо удобнѣе писать въ пещерѣ Эврипида, чѣмъ среди удовольствій двора. Обязанности и удовольствія — смертельные враги такой большой работы». Чтобы привязать къ себѣ Вольтера, король назначаетъ его камергеромъ, даетъ ему орденъ, двадцать тысячъ франковъ пенсіи, предлагая, сверхъ того, четыре тысячи франковъ ежегоднаго содержанія племянницѣ поэта, г-жѣ Дени, если она пріѣдетъ въ Берлинъ завѣдывать хозяйствомъ своего дяди. Сообщая объ этомъ племянницѣ, Вольтеръ убѣждаетъ ее пріѣхать, рисуя ей привлекательныя стороны берлинскаго двора. Но эта отчаянная парижанка, въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, относится скептически къ его соблазнамъ. Отъ себя или съ чужаго голоса, она, какъ истая француженка, пишетъ ему, что Берлинъ теперь то же, чѣмъ былъ Парижъ при Гуго Капетѣ. А въ Парижѣ, современномъ Парижѣ, она жила открыто и весело, много принимала, и, повидимому, была неравнодушна къ одному музыканту, человѣку колоссальныхъ размѣровъ, который очень не нравился Вольтеру и появился у ней снова, когда Вольтеръ уѣхалъ въ Берлинъ. Отказъ племянницы едва ли былъ особенно чувствителенъ Вольтеру; гораздо болѣе затронуло его рѣшеніе Людовика XV, который нашелъ невозможнымъ оставить ему званіе исторіографа Франціи, съ поступленіемъ его на службу прусскаго короля. За нимъ были оставлены только старая пенсія въ двѣ тысячи франковъ и званіе камеръ-юнкера. И король, и фаворитка, и придворные, и литературные кружки видѣли въ его переходѣ въ прусскую службу доказательство его неблагодарности и алчности. Въ Берлинѣ, напротивъ, онъ былъ предметомъ общаго вниманія и удивленія. Онъ пишетъ д'Аржанталю, что ему пріятно было покинуть мелкія интриги и крупныя ненависти, клеветы, несправедли-

вости, все то, что преслѣдуетъ литератора въ его отечествѣ,— какъ будто все это не могло повториться и въ другой странѣ.

Тогдашнее ближайшее общество Фридриха-Великаго состояло, главнымъ образомъ, изъ пяти, шести свободныхъ мыслителей, не стѣсненныхъ никакими рамками въ своихъ философскихъ и религіозныхъ мнѣніяхъ. Довольно вспомнить имена Альгаротти, Мопертюи, Ла-Меттри, Пёльница, Шазо̀ и лорда Тюрконнеля, чтобы ясно представить себѣ кружокъ «короля-философа», знаменитаго philosophe de Sans-Souci, какъ назывался Фридрихъ. Все это были большіе оригиналы, люди крайнихъ теоретическихъ мнѣній, скептики и вольнодумцы, сильные тѣмъ, что имъ принадлежало будущее, но не лишенные каждый своихъ слабостей и недостатковъ. Ихъ кружокъ всего менѣе можетъ быть названъ дружескимъ. Эти люди сошлись случайно, по волѣ короля, и до того времени рѣдко знали другъ друга. Единственнымъ и довольно искусственнымъ звеномъ между ними были самъ король и тѣ выгоды, какія соединялись съ принадлежностью къ кружку. Почти всѣ они были иностранцы, бо̀льшею частью французы, всѣ говорили и писали по-французски, и самъ Фридрихъ былъ между ними настоящимъ французомъ по своимъ вкусамъ. Для всей Германіи этотъ вольнодумный кружокъ былъ сначала представителемъ передовой европейской интеллигенціи; его образъ мыслей, то направленіе, которое раздѣлялъ съ нимъ король, давали толчокъ всему управленію Пруссіи. Какъ бы мы ни думали теперь о такъ-называемомъ просвѣщенномъ деспотизмѣ, онъ подготовилъ въ то время въ Германіи то серьёзное умственное и гуманитарное движеніе, представителями котораго явились потомъ Лессингъ и Кантъ, Шиллеръ и Гёте. Несмотря на всю кажущуюся подражательность образа мыслей и образа жизни Фридриха, съ него собственно началась самостоятельная умственная и политическая жизнь новѣйшей Германіи. Прикосновеніе свѣжей и свободной

мысли къ рутинѣ оказало свое обычное дѣйствіе на трудолюбивую и способную націю. Французы, прошедшіе черезъ блестящій вѣкъ Людовика XIV и поднявшіеся до крайняго теоретическаго отрицанія, французы, не исключая и самыхъ даровитыхъ изъ нихъ, были для Фридриха какъ и для нашего Петра, средствомъ, ихъ вліяніе было потомъ самостоятельно переработано національнымъ духомъ Германіи и открыло ей новые горизонты, нисколько не упраздняя ея самобытности. Какъ ни блестѣлъ тотъ французскій лоскъ, который съ юныхъ лѣтъ усвоивалъ себѣ прусскій король, національная черта глубокаго недовѣрія къ иностранцамъ сказывалась въ немъ на каждомъ шагу. Вотъ что писалъ онъ, напримѣръ, о Вольтерѣ своему близкому человѣку Альгаротти, почти за годъ до пріѣзда французскаго поэта въ Берлинъ, въ то самое время, когда онъ же такъ усердно и настойчиво приглашалъ его къ себѣ: «Недавно Вольтеръ поступилъ постыдно. Онъ заслуживаетъ быть заклейменнымъ на Парнассѣ. Какъ жаль, что съ такимъ чуднымъ геніемъ связана такая подлая душа! Этотъ человѣкъ соединяетъ ласки и коварство обезьяны. При свиданіи, я разскажу вамъ въ чемъ дѣло; но я не покажу ему и вида, потому что онъ нуженъ мнѣ для французской рѣчи. Можно научиться хорошему и у злодѣя. Я хочу знать его французскую грамоту, а что мнѣ за дѣло до его морали?» Біографы Вольтера затрудняются объяснить, какой именно его поступокъ имѣлъ въ виду Фридрихъ, когда писалъ эти строки; но они тѣмъ не менѣе показываютъ слишкомъ ясно, какъ мало Фридрихъ уважалъ характеръ того писателя, который десять мѣсяцевъ спустя принялъ его любезное приглашеніе и поселился въ его потсдамскомъ дворцѣ.

Новоприбывшій членъ королевскаго философскаго кружка́ былъ осыпанъ ласками. Весь дворъ отнесся къ нему съ величайшимъ вниманіемъ. Королева-мать и просто королева любезно объявила ему разъ навсегда, что у каждой изъ нихъ постоянно готовъ для него особый приборъ. Вольтеръ

нерѣдко посѣщалъ королеву-мать и читалъ ей свои новыя сочиненія, между прочимъ, нѣкоторыя пѣсни своей «Дѣвственницы», которую онъ называлъ ей сатирой на злоупотребленія римской церкви. Братья Фридриха, подчиненные строжайшей дисциплинѣ и жаждавшіе французскихъ развлеченій, давали свои драматическія представленія, конечно французскія, подъ его руководствомъ. Вольтеръ держалъ себя у нихъ, какъ дома, нисколько не умѣряя порывовъ досады всякій разъ, когда, по его мнѣнію, они играли невѣрно. Такъ были исполнены въ покояхъ принцессы Амаліи «Спасенный Римъ», «Юлій Цезарь» и «Заира». «Мои братья паясничаютъ», писалъ въ это время Фридрихъ своей сестрѣ, маркграфинѣ Байрейтской. Вольтеръ чуть не первое лицо при этомъ отлично дисциплинированномъ дворѣ. Онъ отказывается отъ королевскихъ обѣдовъ. «Тамъ слишкомъ много генераловъ и принцевъ», говоритъ онъ, и оставляетъ за собою только ужины, за которыми общество гораздо малочисленнѣе, и которые гораздо веселѣе и здоровѣе. «Я ужинаю съ Цезаремъ, съ Маркомъ-Авреліемъ, съ Юліаномъ, иногда съ аббатомъ Шолье», пишетъ онъ о Фридрихѣ въ Парижъ маркизу Тибу въ октябрѣ 1750 года. «Здѣсь прелесть уединенія, здѣсь сельская свобода со всѣми мелкими пріятностями жизни, какія только можетъ доставить своимъ скромнымъ гостямъ хозяинъ за́мка (Санъ-Суси), въ то же время и король». И за все это отъ него, Вольтера, требуется очень, очень немногое. «Моя обязанность заключается въ томъ, чтобы ничего не дѣлать», пишетъ онъ въ то же время своей племянницѣ. «Я свободно располагаю моимъ временемъ. Часть въ день я отдаю королю, округляя немного его сочиненія въ прозѣ и стихахъ; я при немъ учитель грамматики, а не камергеръ. Остальная часть дня принадлежитъ мнѣ, и вечеръ оканчивается пріятнымъ ужиномъ». За этими ужинами, особенно славившимися свободою рѣчи, затрогивались самые живые вопросы морали, философіи, исторіи. Тутъ могли высказываться и

высказывались самыя скептическія мнѣнія, доходившія иногда до крайняго цинизма, но поддерживавшія необходимый человѣчеству свѣточъ свободнаго изслѣдованія. Бѣсѣда бывала такъ оживлена и привлекательна, что, по словамъ очевидцевъ, слышать разговоръ между Вольтеромъ и другими членами кружка́ было тысячу разъ пріятнѣе, чѣмъ читать самую интересную книгу. Соотечественники Фридриха, очень рѣдко попадавшіе на интимные вечера, казались людьми крайне тяжеловѣсными въ сравненіи съ нервными, живыми и остроумными французами; Фридрихъ говорилъ, что считаетъ остроумнаго нѣмца существомъ воображаемымъ и миѳическимъ, и любилъ оставаться далеко за полночь съ своимъ кружкомъ блестящихъ иностранцевъ. Отъ этихъ ужиновъ, обыкновенно продолжавшихся до утра, у людей, служившихъ за столомъ, стали опухать ноги.

Фридрихъ писалъ въ это время свои «Бранденбургскія Записки», и задумывалъ свое подражаніе знаменитымъ «Комментаріямъ» Цезаря. Ему хотѣлось оставить по себѣ такое же произведеніе великаго полководца и въ то же время великаго писателя. Вольтеръ былъ необходимъ ему для этой работы, но только для исправленія языка; король немедленно возстановлялъ свою мысль, когда Вольтеръ замѣнялъ ее своею, хотя бы и очень лестною для автора, какъ короля и полководца. «Я не мѣшаюсь здѣсь ни во что, а знаю только свое ремесло — починку прозы и стиховъ хозяина дома», писалъ Вольтеръ своей племянницѣ. «Альгаротти говорилъ мнѣ недавно, что видѣлъ въ Дрезденѣ одного итальянскаго священника, усердно посѣщавшаго дворъ. Въ Дрезденѣ почти всѣ лютеране, кромѣ короля. Когда этого abbate спросили, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: Io sono il catolico di sua maestà [1]) такъ и я — il pedagogo di sua maestà. Льщу себя надеждой, что, оставаясь въ своихъ границахъ, я буда жить спокойно». Разумѣется, это не

[1]) Я католикъ его величества.

могло нравиться тщеславному Вольтеру. Ему не нравилась и разсчетливость короля, входившаго въ мелочи дворцоваго хозяйства. По условію, Вольтеръ, хотя и считалъ себя человѣкомъ богатымъ для литератора, получалъ отъ короля, кромѣ пенсіи и квартиры во дворцахъ, все содержаніе: дрова, двѣ восковыя свѣчи въ день, столько-то фунтовъ сахару въ мѣсяцъ, кофе, чай, шоколадъ и прочее. Онъ не стѣснялся широко пользоваться всѣми этими благами, продолжая въ Берлинѣ, но уже на счетъ короля, ту самую жизнь, какую онъ велъ въ Парижѣ. Ему не нравились сахаръ, чай, кофе и шоколадъ, поставляемые отъ двора, онъ жаловался Фридриху на ихъ дурное качество. Король отвѣтилъ, что очень жалѣетъ объ этомъ, но не можетъ вѣшать своихъ слугъ за дурной кусокъ сахара, и предложилъ своему наставнику покончить дѣло прекращеніемъ этихъ поставокъ. Получивъ такой отвѣтъ, Вольтеръ сталъ продавать тѣ двѣнадцать фунтовъ восковыхъ свѣчей, которыя ему отпускались каждый мѣсяцъ, а для освѣщенія своей комнаты употреблялъ свѣчи изъ комнатъ короля, уходя подъ разными предлогами къ себѣ и унося ихъ съ собою...

Какъ ни странны эти и подобныя проказы со стороны пожилаго человѣка и извѣстнаго писателя, они часто повторяются въ жизни Вольтера, даже и въ глубокой старости, изумляя его друзей и недруговъ. Разсказанное нами похищеніе свѣчей изъ королевскихъ комнатъ, въ сущности только забавное, не могло портить его отношеній къ королю и ко двору. Къ сожалѣнію, Вольтеръ не ограничился этимъ. Падкій на выгодныя спекуляціи, онъ вскорѣ затѣялъ такую аферу, которая окончательно испортила его положеніе и репутацію въ Берлинѣ.

Саксонскій курфюрстъ учредилъ въ своихъ владѣніяхъ банкъ, подъ названіемъ Steuer, выпустившій съ самаго начала такое количество билетовъ, что курсъ ихъ вскорѣ понизился на половину. По вступленіи Фридриха въ саксонскую столицу, въ мирный договоръ между обоими прави-

тельствами была включена специальная статья, по которой всякій пруссакъ, владѣвшій билетами Steuer, имѣлъ право по предъявленіи, получить за нихъ деньги сполна. Эта статья договора не замедлила породить безсовѣстнѣйшую игру билетами Steuer, въ ущербъ саксонской казнѣ. Пруссаки скупали ихъ въ Голландіи по низкой цѣнѣ, и потомъ предъявляли къ обмѣну на деньги по цѣнѣ нарицательной. Игра дошла до того, что, три года спустя, Фридрихъ долженъ былъ уступить жалобамъ дрезденскаго двора и запретить обращеніе билетовъ Steuer въ Пруссіи. Ажіотажъ, вѣроятно, продолжался и послѣ этого запрещенія, но игроки стали осторожнѣе, стараясь не давать саксонскому правительству поводовъ къ новымъ жалобамъ. Пользуясь этой тайной игрой, Вольтеръ прислалъ къ себѣ въ Потсдамѣ еврея Авраама Гирша (или Гиршелля) и поручилъ ему съѣздить въ Дрезденъ, чтобы тамъ купить для него билетовъ Steuer по 65 за 100, увѣряя Гирша, по показанію послѣдняго, что порученіе это извѣстно королю и обѣщая ему свое покровительство и даже награду. Но едва Гиршъ успѣлъ уѣхать въ Дрезденъ, какъ Вольтеръ раздумалъ и протестовалъ вексель въ сорокъ тысячъ франковъ на Парижъ, уже учтенный Гиршемъ въ Лейпцигѣ. Дѣло получило огласку и дошло до короля. Въ первомъ порывѣ негодованія, Фридрихъ приказываетъ своему секретарю Даржè написать Вольтеру, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Пруссіи въ двадцать четыре часа; но секретарь убѣждаетъ его дождаться разъясненія дѣла слѣдствіемъ и судомъ. Вольтеру оставалось только отрицать назначеніе тѣхъ суммъ, которыя были ввѣрены имъ Гиршу. Вопреки очевидности онъ утверждалъ, что отправилъ Гирша въ Саксонію для покупки бриліантовъ, и мѣховъ, какъ будто Дрезденъ былъ удобнымъ пунктомъ для подобной операціи. Слухи объ этомъ скандалѣ не замедлили разпространиться и въ Пруссіи, и во Франціи, разумѣется, съ многочисленными варіантами и преувеличеніями не въ пользу Вольтерà. На одномъ изъ

пріемовъ, Людовикъ XV ѣдко отозвался о «великомъ поэтѣ», какъ о биржевомъ спекулянтѣ; съ своей стороны Фридрихъ отказался видѣться съ нимъ до окончанія его дѣла судебнымъ порядкомъ. «Братъ-Вольтеръ теперь на покаяніи», писалъ Вольтеръ маркграфинѣ Байрейтской: «у него на шеѣ процессъ съ однимъ жидомъ, и ему же, по ветхо-завѣтному закону, придется еще поплатиться за то, что его обокрали». А Фридрихъ съ негодованіемъ писалъ своей сестрѣ: «Вы спрашиваете, что за процессъ у Вольтера съ евреемъ. Это дѣло плута, желающаго надуть мошенника. Непозволительно, чтобы человѣкъ съ умомъ Вольтера такъ недостойно злоупотреблялъ этимъ умомъ. Дѣло разбирается въ судѣ, и черезъ нѣсколько дней мы узнаемъ, которая изъ двухъ сторонъ плутовала больше... Я жду окончанія этого дѣла, чтобы намылить ему голову и посмотрѣть, возможно ли сдѣлать этого человѣка, которому уже пятьдесятъ-шесть лѣтъ, если не болѣе благоразумнымъ, то по крайнѣй мѣрѣ меньше плутомъ». Вольтеръ, лишенный возможности видѣться съ королемъ, пишетъ ему письма, чтобы смягчить его раздраженіе. «Государь!» — говоритъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ: — «Ваше величество правы, въ высшей степени правы; на мнѣ, и при томъ въ мои года, лежитъ почти непоправимая вина. Я никогда не могъ исправиться отъ проклятаго желанія быть впереди во всѣхъ дѣлахъ, и, несмотря на убѣжденіе, что существуютъ тысячи случаевъ, въ которыхъ надо умѣть терять и молчать, несмотря на то, что и самъ я испыталъ подобные случаи, я необузданно пустился доказывать свою правоту въ дѣлѣ съ человѣкомъ, съ которымъ нельзя быть правымъ. Вѣрьте, что я въ отчаяніи, что я никогда не испытывалъ такого страданія. Неизвѣстно зачѣмъ, я лишилъ себя единственной цѣли, для которой пріѣхалъ сюда, утратилъ бесѣды, которыя меня просвѣщали и оживляли, и сталъ непріятенъ единственному человѣку, которому желалъ бы быть пріятенъ». — «Сжаль-

тесъ надъ братомъ-Вольтеромъ», прибавляетъ онъ къ своимъ объясненіямъ въ другомъ письмѣ.

Судъ рѣшилъ дѣло въ пользу Вольтера, потому что еврей Гиршъ былъ уличенъ въ намѣреніи обсчитать и обмануть поэта, но рѣшилъ съ такою оговоркой, которая оставляла пятно на репутаціи послѣдняго. Вольтеру, раздраженному всѣмъ этимъ дѣломъ и нетерпѣливо желавшему покончить его какъ можно скорѣе, пришлось войти въ полюбовное соглашеніе съ Гиршемъ относительно замѣшанныхъ въ дѣлѣ драгоцѣнныхъ вещей и суммъ. На другой день послѣ судебнаго рѣшенія, Вольтеръ пишетъ королю изъ Берлина смиренное письмо, въ которомъ проситъ позволенія повидаться съ нимъ. — «Если вы желаете пріѣхать сюда (въ Потсдамъ), то можете пріѣхать, — отвѣчаетъ ему Фридрихъ. — Такъ какъ процессъ выигранъ вами, то я васъ поздравляю, и очень радъ, что это гадкое дѣло кончено. Надѣюсь, что отнынѣ у васъ уже не будетъ столкновеній ни съ ветхимъ ни съ новымъ завѣтомъ; подобныя сдѣлки позорны, и всѣ таланты самаго блестящаго ума Франціи не покроютъ тѣхъ пятенъ, какія оставятъ по себѣ подобное поведеніе на вашей репутаціи. Имена людей въ родѣ Гирша не должны никогда, ни въ какихъ дѣлахъ, стоять рядомъ съ вашимъ. Пишу это письмо съ простымъ здравымъ смысломъ нѣмца, который говоритъ то, что думаетъ, не прибѣгая къ двусмысленнымъ выраженіямъ и пошлымъ смягченіямъ, искажающимъ правду; ваше дѣло — воспользоваться этими совѣтами».

Поселившись въ Пруссіи въ качествѣ блестящаго французскаго писателя, Вольтеръ относился къ нѣмецкому языку съ тѣмъ пренебреженіемъ, съ какимъ относятся теперь къ русскому многіе иностранцы, живущіе въ Россіи. Французскій біографъ его находитъ даже очень естественнымъ, что Вольтеръ не счелъ нужнымъ заняться языкомъ той страны, въ которой жилъ. Въ его года это было бы, впрочемъ, не особенно легко, но онъ чуждался нѣмецкаго языка и по

другимъ причинамъ. Онъ смотрѣлъ на него свысока, съ тѣмъ аристократическимъ высокомѣріемъ высшей расы относительно низшей, которое должно было глубоко оскорблять мыслящую часть нѣмецкой молодежи, порывавшейся къ свѣту. «Я здѣсь во Франціи», — писалъ Вольтеръ маркизу Тибувиллю, — «здѣсь говорятъ только по-французски. Нѣмецкій языкъ существуетъ для солдатъ и лошадей, онъ нуженъ только для дороги!» Вольтеръ писалъ и д'Аржанталю: «Не подумайте, что я серьёзно изучаю нѣмецкій языкъ; я благоразумно ограничиваюсь тѣмъ, что необходимо для моей прислуги и моихъ лошадей. Я не въ такомъ возрастѣ, чтобы усвоить себѣ всѣ тонкости этого мягкаго и гармоническаго языка; но надо знать его настолько, чтобы васъ понимали почтальоны». Онъ говорилъ о нѣмецкихъ писателяхъ и нѣмецкомъ языкѣ, что желаетъ имъ побольше ума и поменьше согласныхъ. Во время процесса съ евреемъ Гиршемъ, производившагося на нѣмецкомъ языкѣ, ему понадобился переводчикъ. Вольтеръ поручилъ своему секретарю Ришье пріискать человѣка, пригоднаго для этой работы. Ришье былъ прежде преподавателемъ французскаго языка и сблизился съ молодымъ человѣкомъ, нѣмцемъ, очень бѣднымъ, тогда еще безвѣстнымъ, и сильно желавшимъ познакомиться съ славнымъ французскимъ писателемъ. Ришье предложилъ бѣдняку представившуюся работу, и тотъ охотно принялъ его предложеніе. Это былъ Лессингъ. Окончивъ работу, онъ выпросилъ у Ришье для просмотра рукопись Вольтерова «Вѣка Людвика XIV». Не сомнѣваясь, что это останется тайной между ними, Ришье далъ ему на время часть этой рукописи; но тайна вскорѣ открылась. Юный Лессингъ показалъ рукопись одному болтливому пріятелю, и Вольтеръ узналъ отъ кого-то, что она ходитъ по рукамъ въ Берлинѣ. Случилось, что Лессингу нужно было ѣхать въ это время изъ столицы; онъ имѣлъ неосторожность взять рукопись съ собой, полагая, что время еще терпитъ. Страшно раздражительный въ подобныхъ случаяхъ,

Вольтеръ вышелъ изъ себя, наговорилъ своему секретарю жестокихъ оскорбленій, обвиняя его въ похищеніи рукописи съ цѣлью поручить Лессингу перевести и издать ее, тотчасъ же продиктовалъ ему оскорбительнѣйшее письмо къ послѣднему, требовавшее немедленнаго ея возвращенія, и вслѣдъ затѣмъ прогналъ секретаря. Лессингъ, разумѣется, не замедлилъ возвратить рукопись при письмѣ, въ которомъ съ негодованіемъ отклонялъ обвиненіе въ кражѣ, извинялся и объяснялъ дѣло очень просто: когда ему пришлось ѣхать изъ Берлина, онъ еще не дочиталъ всей рукописи Вольтера и рѣшилъ взять ее съ собой еще на нѣкоторое время. Вольтеръ былъ удовлетворенъ вполнѣ; но этотъ случай произвелъ на Лессинга самое тяжелое впечатлѣніе. Отдавая справедливость таланту Вольтера, онъ никогда не любилъ его какъ человѣка.

Послѣ процесса, король продолжалъ пользоваться литературными услугами Вольтера; но отношенія между ними были уже испорчены. Вольтеръ, однако же, упорно держался «Сѣвернаго Соломона» и отклонялъ всѣ убѣжденія своихъ парижскихъ друзей и племянницы, склонявшихъ его возвратиться въ Парижъ. Несмотря на непріятное положеніе, созданное ему недавнимъ процессомъ, Потсдамъ казался ему свободнѣе и привольнѣе Версаля. Нуждаясь въ его помощи для исправленія своихъ сочиненій, король, по прежнему, обмѣнивался съ нимъ записками и любезностями. «Я только-что разрѣшился отъ бремени шестью близнецами, которыхъ надо окрестить именемъ Аполлона въ водахъ Гиппокрены», — писалъ онъ жившему на дачѣ Вольтеру весною 1751 года. «Генріаду» просятъ быть крестной матерью; вы благоволите привезти ее сегодня, въ пять часовъ вечера, въ комнаты отца. Тамъ находится Даржè-Люцина [1]), а воображеніе «Человѣка-машины» [2]) будетъ дер-

---

[1]) Дарже—секретарь короля, Люцина—римская богиня дѣторожденія.

[2]) Ла-Меттри, авторъ сочиненія: «Человѣкъ-машина».

жать новорожденныхъ». Подъ именемъ шести близнецовъ король разумѣлъ шесть пѣсенъ своей поэмы «Военное искусство», только-что имъ оконченной. «Государь»,— писалъ ему Вольтеръ тою же весною,— «у васъ судороги, у меня тоже; вы любите уединенiе, и я люблю его; вы пишете стихи и прозу, и я дѣлаю то же самое; вы принимаете лекарство, и я также: изъ всего этого я заключаю, что я созданъ для того, чтобъ умереть у ногъ вашего величества». Осенью Вольтеръ печатаетъ въ Берлинѣ «Вѣкъ Людовика XIV», а въ Дрезденѣ — новое изданiе своихъ сочиненiй, и ссылается на это въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ къ друзьямъ, приглашающимъ его вернуться во Францiю. Ему болѣе прiятна роль человѣка, близко стоящаго къ Фридриху, чѣмъ писателя, принужденнаго гнуть спину при версальскомъ дворѣ.

Въ кружкѣ Фридриха, Ла-Меттри считался остроумнымъ и веселымъ собесѣдникомъ, но не серьёзнымъ человѣкомъ. Король часто бесѣдовалъ съ нимъ запросто, и однажды — это было осенью того же 1751 года — отозвался ему о Вольтерѣ: «Онъ будетъ мнѣ нуженъ еще не больше года; апельсинъ высасываютъ и потомъ бросаютъ корку». Ла-Меттри передаетъ это Вольтеру, который горько жалуется своей племянницѣ на эти «сладкiя рѣчи». Но въ Потсдамѣ онъ не показываетъ и вида, что знаетъ что-нибудь подобное. Онъ продолжаетъ весело ужинать съ друзьями короля, онъ удвоиваетъ свои любезности и ласки. Но «корка» не даетъ ему покою; напрасно онъ старается увѣрить себя, что король сказалъ эту фразу, не придавая ей серьёзнаго значенiя, что можетъ быть Ла-Меттри сочинилъ этотъ анекдотъ. «Я все думаю объ апельсинной коркѣ», — пишетъ онъ своей племянницѣ почти два мѣсяца спустя.

Какъ изящное литературное произведенiе, «Вѣкъ Людовика XIV», восхитилъ современниковъ Вольтера, не имѣвшихъ противопоставить этому труду ничего подобнаго по ясности и красотѣ изложенiя. Они находили въ немъ много

ума, высокія мысли, необыкновенный языкъ, многосторонность свѣдѣній и очень мало ошибокъ. Знаменитый лордъ Честерфильдъ, въ письмѣ къ своему сыну, называетъ это сочиненіе Вольтера «исторіей ума человѣческаго, написанной геніальнымъ человѣкомъ для умныхъ людей»... «Вольтеръ показалъ ею, какъ должно писать исторію». До 1751 года историческая литература западной Европы дѣйствительно, не представляла ничего настолько общедоступнаго и совершеннаго въ литературномъ отношеніи. Изложеніе Вольтера было популярно, изящно и, главное, одушевлено общими идеями, освѣщало факты съ той стороны, которая казалась автору наиболѣе важною и существенною. Понятно, что успѣхъ «Вѣка Людовика XIV» былъ, по-тогдашнему, огромный. При всемъ томъ, личное положеніе Вольтера при берлинскомъ дворѣ не переставало ухудшаться. Мы видѣли, какъ относился къ нему Фридрихъ; теперь онъ пріобрѣлъ врага въ извѣстномъ членѣ королевскаго кружка̀, математикѣ и президентѣ берлинской академіи, Мопертюи, и эта вражда сдѣлала окончательно невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе его въ Берлинѣ. Осенью 1751 года онъ писалъ своей племянницѣ въ Парижъ: «Я переношу Мопертюи, не успѣвъ смягчить его. Въ какой же странѣ нѣтъ людей необщительныхъ, съ которыми приходится уживаться? Онъ не можетъ простить мнѣ, что король, по моему совѣту, велѣлъ ему принять аббата Реналя въ члены академіи. Какая разница: быть мыслителемъ и говорить о философіи! Посѣявъ смуту въ парижской академіи наукъ и внушивъ всѣмъ ненависть къ себѣ, онъ вздумалъ отправиться управлять берлинскою. Когда онъ пришелъ проститься съ кардиналомъ Флери, кардиналъ напомнилъ ему одинъ стихъ Виргилія, смыслъ котораго приблизительно такой:

Ah! reprimez dans vous cette ardeur de régner [1])!

---

[1]) А! Подавите въ себѣ эту жажду властвовать!

«То же можно было бы сказать и его высокопреосвященству; но кардиналъ Флери властвовалъ мягко и учтиво. Могу увѣрить васъ, что Мопертюи поступаетъ иначе въ своемъ приходѣ, гдѣ, слава Богу, я никогда не бываю»... За однимъ столкновеніемъ послѣдовали другія. И Вольтеръ, и Мопертюи были одинаково высокомѣрны и неуступчивы въ своихъ взаимныхъ счетахъ. Мопертюи былъ деспотъ въ академіи, и тѣмъ давалъ Вольтеру поводъ къ насмѣшкамъ и выходкамъ, которыя все больше и больше приближали ихъ къ разрыву. Безпощадное преслѣдованіе, которому подвергся академикъ Кёнигъ со стороны президента академіи за то, что дерзнулъ въ ученой брошюрѣ почтительно приписать Лейбницу одну мысль Мопертюи, давало Вольтеру опасное оружіе въ руки. Къ серьёзнымъ поводамъ разлада не замедлили присоединиться и сплетни. Въ половинѣ 1752 года Вольтеръ писалъ своей племянницѣ: «Вотъ мое положеніе: Мопертюи осторожно пустилъ въ ходъ слухи, что я нахожу сочиненія короля очень плохими, онъ обвиняетъ меня въ посягательствѣ на очень опасную силу — самолюбіе; онъ увѣряетъ затѣмъ, что, получивъ отъ короля стихи для исправленія, я сказалъ: — Когда же надоѣстъ ему присылать мнѣ для стирки свое грязное бѣлье? Онъ говоритъ все это по секрету десяти, двѣнадцати человѣкамъ, прося ихъ всѣхъ держать это въ тайнѣ. Наконецъ, я начинаю замѣчать, что и король посвященъ въ эту тайну».

Въ 1752-мъ году, сильно хворая, Мопертюи задумалъ написать рядъ легкихъ писемъ о разныхъ предметахъ. Эти письма, которыхъ набралось двадцать-три, изобиловали странными до невозможности парадоксами и фантазіями. Въ одномъ изъ нихъ онъ увѣрялъ, напр., что душа, въ обыкновенномъ своемъ состояніи видящая только настоящее, могла бы въ состояніи болѣе возбужденномъ ясно видѣть и будущее, и прошедшее. Продленіе жизни, говорилъ онъ, возможно подъ условіемъ замедленія нашего тѣлеснаго роста. Онъ предлагалъ вырыть громадную дыру, чтобы проник-

нуть къ центру земли, и заявлялъ желаніе взорвать египетскую пирамиду, чтобы разъ навсегда узнать, что таится въ этихъ колоссальныхъ сооруженіяхъ. Онъ даже проектировалъ особый городъ, въ которомъ всѣ сношенія происходили бы исключительно на латинскомъ языкѣ, и гдѣ европейская молодежь могла бы въ одинъ годъ лучше выучиться этому языку, чѣмъ она выучивается въ пять или шесть лѣтъ въ существующихъ учебныхъ заведеніяхъ. Одно письмо, посвященное врачамъ, высказывало странныя предположенія, давшія обильную пищу остроумію Вольтера. Но всего поразительнѣе было письмо, гдѣ авторъ говорилъ о томъ, какую пользу можно было бы извлечь изъ физическихъ опытовъ, которымъ слѣдовало бы подвергать преступниковъ на пользу науки и человѣчества, и совѣтовалъ искать въ мозгу живаго человѣка (преступника) слѣдовъ дивнаго слiянія души съ тѣломъ, не находя въ подобныхъ изслѣдованіяхъ ничего особенно жестокаго, такъ какъ человѣкъ — ничто въ сравненіи съ человѣчествомъ, а преступникъ — еще меньше чѣмъ ничто. Подобное предложеніе обличало страшную сухость сердца, сказавшуюся и во многихъ дѣйствіяхъ Мопертюи по академіи. Эти дѣйствія были описаны въ это время въ двухъ ѣдкихъ брошюрахъ, изъ которыхъ одна — «Отвѣтъ берлинскаго академика парижскому», вышедшая безъ имени автора, принадлежала Вольтеру; другая — «Воззваніе къ публикѣ» — была написана тѣмъ самымъ Кёнигомъ, котораго Мопертюи выжилъ изъ академіи за дерзновенное покушеніе приписать его мысль Лейбницу. Публика не замедлила узнать автора первой брошюры по его когтямъ; его узналъ и самъ Фридрихъ, упорно отстаивавшій президента своей академіи. Раздраженный брошюрой Вольтера, онъ поспѣшилъ отвѣтить на нее также письмомъ академика къ академику, и напечаталъ свой отвѣтъ безъ имени автора. Когда было окончено печатаніе этого отвѣта, онъ тотчасъ увѣдомилъ Мопертюи, что велѣлъ разослать свою брошюру въ Голландію, во

Францію и по всей Германіи, «чтобы никто не могъ подумать, что добродѣтельные люди, на которыхъ нападаютъ, остаются безъ защитниковъ». Отвѣтъ Фридриха былъ тяжелъ и вообще неудаченъ. Защищая Мопертюи, онъ ставилъ его на ряду съ Гомеромъ, называлъ сторонниковъ Кёнига, къ числу которыхъ принадлежалъ Вольтеръ, глупцами, завистниками, безчестными людьми. Автору «Письма берлинскаго академика къ парижскому», т.-е. Вольтеру, были прямо посвящены, между прочимъ, слѣдующія строки: «Одинъ изъ этихъ негодяевъ, назвавшись берлинскимъ академикомъ, напечаталъ гнусный пасквиль», и т. д.

Брошюра короля окончательно раскрыла глаза Вольтеру на опасное его положеніе. «Я имѣю дѣло съ самолюбіемъ и деспотической властью, двумя очень опасными силами, — писалъ онъ своей племянницѣ незадолго передъ выходомъ этой брошюры, въ октябрѣ 1752-го года. Теперь онъ ясно увидѣлъ, что король рѣшительно принялъ сторону его врага, что нельзя долѣе оставаться въ Пруссіи, и рѣшился нанести президенту берлинской академіи новые, на этотъ разъ уже безпощадные удары градомъ злѣйшихъ сарказмовъ. Такова цѣль его неподражаемой сатиры: «Сочиненіе доктора Акакія», въ которой съ неистощимымъ и злымъ остроуміемъ осмѣяны письма Мопертюи о разныхъ предметахъ, вызывающихъ на размышленіе.

У Франциска I былъ врачъ, по имени Sans-Malice (Незлобивый, Безхитростный), которое онъ самъ перевелъ на греческій языкъ и передѣлалъ въ Акакія. Воспользовавшись этимъ именемъ, Вольтеръ превратилъ доктора Акакія въ папскаго врача. Степенно критикуя «Письма» Мопертюи, докторъ Акакій отказывается приписать ихъ знаменитому президенту берлинской академіи, «великому человѣку», такъ далекому отъ шарлатанства и такъ мало способному впадать въ ошибки, позволительныя только очень юному писателю, съ которымъ онъ, докторъ Акакій, и вступаетъ въ полемическую бесѣду. По его мнѣнію, только юнецъ,

необдумавшій хорошенько вопроса, могъ бы поставить врачамъ безпощадное требованіе «Писемъ», чтобы всѣ они получали вознагражденіе за свои труды и заботы, единственно въ случаѣ выздоровленія больного. Врачъ обѣщаетъ свои заботы, а не исцѣленіе, говоритъ докторъ Акакій? И можно ли посправедливости требовать отъ него большаго? «Что сказалъ бы человѣкъ, который, получая, напр., тысячу двѣсти червонцевъ пенсіи за свои рѣчи о математикѣ и физикѣ, за разсѣченіе пары жабъ и за собственное изображеніе въ мѣховой шапкѣ [1]), — что̀ сказалъ бы этотъ человѣкъ, еслибъ казначей, выдающій пенсіи, обратился къ нему съ такими словами: — Милостивый государь, у васъ приказано вычесть сто червонцевъ за высказанную вами мысль, что существуютъ звѣзды, устроенныя какъ жернова мельницы; еще сто червонцевъ за мысль, что комета похититъ нашу луну и распространитъ свои покушенія на самое солнце; еще сто червонцевъ за ваше измышленіе, что кометы, составленыя цѣликомъ изъ золота и брилльянта, будутъ падать на землю. Съ васъ велѣно взыскать еще триста червонцевъ за ваше увѣреніе, что дѣти образуются въ чревѣ матери силою притяженія, что лѣвый глазъ притягиваетъ правую ногу, и т. п. Невозможно вычесть изъ вашей пенсіи меньше четырехъ-сотъ червонцовъ за вашу надежду познать свойства души посредствомъ опія и разсѣченія головъ, принадлежащихъ великанамъ, и пр. и пр. Ясно, что всѣ эти вычеты совсѣмъ лишили бы бѣднаго философа, получаемой имъ пенсіи. Пріятно ли было бы ему, еслибъ мы, врачи стали смѣяться надъ нимъ по этому поводу и увѣрять, что награды учреждены лишь для тѣхъ, кто пишетъ полезныя вещи, а не для тѣхъ, кто прославился на весь міръ единственно своимъ желаніемъ повѣдать о себѣ міру?»

---

[1]) Мопертюи заказалъ свой портретъ въ этомъ видѣ по возвращеніи изъ совершенной имъ нѣкогда ученой экспедиціи на сѣверъ. Разумѣется, все что говорится въ приводимомъ отрывкѣ, относится къ Мопертюи и содержанію его курьёзныхъ «Писемъ» о разныхъ предметахъ.

Степенный Акакій мало-по-малу забываетъ свое обѣщаніе быть спокойнымъ и не горячиться. Онъ негодуетъ, онъ золъ. «Нашъ юный философъ полагаетъ, что врачи должны быть только эмпириками, и совѣтуетъ имъ изгонять всякую теорію. Что сказали бы вы о человѣкѣ, который бы пожелалъ, чтобъ люди не пользовались болѣе услугами архитекторовъ при постройкѣ домовъ, а пользовались бы только каменьщиками, заставляя ихъ обтесывать камни на удачу? Онъ высказываетъ также мудрый совѣтъ пренебрегать анатоміей. На этотъ разъ хирурги будутъ на нашей сторонѣ. Насъ удивляетъ только, что авторъ, кое-чѣмъ обязанный хирургамъ Монпелье [1]) въ болѣзняхъ, леченіе которыхъ требуетъ большаго знанія внутренняго устройства головы и нѣкоторыхъ другихъ частей анатоміи, такъ мало имъ признателенъ»... «Лучшій врачъ, говоритъ онъ, именно тотъ, который меньше разсуждаетъ. Повидимому, онъ также вѣренъ этому правилу въ философіи, какъ отецъ Каней въ теологіи [2]): при всемъ томъ, несмотря на ненависть его къ разсужденію, сейчасъ видно, что онъ предавался глубокимъ размышленіямъ объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Во-первыхъ, онъ признаетъ со всѣми людьми здравомыслящими, — и мы его поздравляемъ — что наши предки жили отъ восьми до девятисотъ лѣтъ»... «Читатель видитъ изъ моего отчета объ этихъ письмахъ, что еслибъ онѣ и принадлежали президенту, то развѣ — Бэдлама, и неоспоримо писаны молодымъ человѣкомъ, принявшимъ для бо́льшей важности имя мыслителя, чтимаго, какъ извѣстно, во всей Европѣ, и согласившагося быть признаннымъ за великаго человѣка [3])... Взвѣсивъ всѣ

[1]) Дѣйствительный случай въ жизни Мопертюи.

[2]) Не нужно разума; вотъ настоящая религія — таково характерное изреченіе отца Канея.

[3]) Намекъ на вышеупомянутую брошюру короля, въ которой Мопертюи три раза названъ великимъ человѣкомъ.

обстоятельства, мы передаемъ приписываемое президенту сочиненіе на судъ святой инквизиціи, уповая на непогрѣшающую мудрость сего ученаго судилища, къ которому, какъ извѣстно, такъ довѣрчиво относятся врачи».

Принявъ къ свѣдѣнію донесеніе доктора Акакія, великій инквизиторъ по дѣламъ вѣры осуждаетъ и предаетъ проклятію сочиненія неизвѣстнаго юнца, преимущественно «Опытъ космологіи» [1]). Онъ поручаетъ также преподобнымъ наставникамъ по части философіи въ училищѣ Сапіенца разсмотрѣть другія сочиненія и сужденія того же автора по предметамъ физики, математики, динамики и метафизики, въ которыхъ онъ, «по обыкновенію», ничего не смыслитъ самъ, и представить ему докладъ по этимъ предметамъ. Докладъ преподобныхъ наставниковъ и ихъ сужденія о знаменитыхъ двадцати-трехъ «Письмахъ» неподражаемы въ сатирическомъ отношеніи. Они злы, мѣтки, остроумны, мѣстами дерзки, и все это подъ маской смиреннаго донесенія преподобныхъ отцовъ духовному начальству.

Вольтеръ всегда былъ безпощаденъ къ своимъ личнымъ и литературнымъ врагамъ. Ему было мало написать эту жестокую сатиру: онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ она читалась вездѣ и всѣми, чтобъ президентъ берлинской академіи былъ осмѣянъ во всей Европѣ, въ цѣломъ мірѣ. Но какъ получить согласіе короля на изданіе сатиры, направленной противъ человѣка, который пользовался явнымъ его покровительствомъ? Въ своемъ полемическомъ задорѣ, Вольтеръ не остановился передъ обманомъ для достиженія цѣли. Въ «Новой Нѣмецкой Библіотекѣ» появилась въ это время рѣзкая статья противъ вольнодумцевъ и невѣрующихъ. Когда Вольтеръ и д'Аржансъ, за столомъ короля, шептались объ этомъ выстрѣлѣ, пущенномъ въ ихъ лагерь, король, разумѣется, полюбопытствовалъ узнать, о чемъ они шепчутся, и Вольтеръ поспѣшилъ объяснить, что всѣ они, не исклю-

[1]) Извѣстное въ то время сочиненіе Мопертюи.

чая короля, затронуты статьей, «Новой Нѣмецкой Библіотеки». Онъ вызвался написать отвѣтъ автору нападенія, евангелическому пастору Формею, и тутъ же получилъ королевское разрѣшеніе на изданіе своего будущаго отвѣта; но вмѣсто обѣщаннаго отвѣта, напечаталъ въ Потсдамѣ, съ королевскаго разрѣшенія, сатиру доктора Акакія. Легко представить себѣ досаду короля. Онъ тотчасъ же велѣлъ конфисковать всѣ экземпляры сатиры и допросить Вольтера; но послѣдній, заранѣе позаботившись о распространеніи сатиры даже и въ случаѣ конфискаціи, и прикинувшись невиннымъ, увѣрялъ, что и не думалъ печатать ничего подобнаго, что это все новая клевета на него, пущенная въ ходъ его врагами. Негодующій Фридрихъ пишетъ Вольтеру: «Ваше безстыдство изумляетъ меня послѣ того, что вы только-что сдѣлали, и что теперь ясно, какъ божій день. Вмѣсто сознанія своей вины, вы еще упорствуете. Не воображайте, будто вы можете увѣрить, что черное бѣло: часто мы не видимъ, потому что не желаемъ видѣть; но если вы будете упорствовать до конца, я велю огласить дѣло въ печати, и всѣ увидятъ, что если ваши сочиненія дѣлаютъ васъ достойнымъ статуи, то своимъ поведеніемъ вы заслуживаете цѣпей. Издатель допрошенъ и во всемъ сознался».

И, несмотря на подобныя увѣщанія, Вольтеръ все-таки отвѣчалъ на томъ же письмѣ короля, въ видѣ короткой приписки, что онъ ни въ чемъ неповиненъ. «Боже! какое положеніе!» писалъ онъ. «Клянусь вамъ, государь, моею жизнію, отъ которой я отказался бы безъ труда, что все это дѣло — лишь ужасная клевета. Умоляю васъ дать очную ставку моимъ слугамъ. Неужели вы рѣшитесь осудить меня, не выслушавъ моихъ оправданій? Я прошу справедливости и смерти». Между тѣмъ, въ виду полнаго сознанія издателя (Франшвилля), упорствовать долѣе въ отрицаніи разоблаченнаго поступка было уже невозможно. Мѣсто, гдѣ хранились экземпляры ядовитой сатиры, было указано, всѣ

они были принесены въ комнату короля и сожжены въ присутствіи послѣдняго и Вольтера. «Послѣ долгихъ поисковъ и довольно скучныхъ хлопотъ» — писалъ Фридрихъ президенту своей академіи — «я завладѣлъ «Кайакой» (?!), которую сжегъ, и объяснилъ автору, что онъ долженъ или немедленно оставить мой домъ, или отказаться отъ позорнаго ремесла сочинителя пасквилей. Теперь вы можете быть покойнымъ во всѣхъ отношеніяхъ»... Дѣйствительно, за день передъ тѣмъ, 27 ноября 1752 года, Фридрихъ прислалъ Вольтеру, для подписи, слѣдующее заявленіе, писанное собственноручно:

«Обѣщаю его величеству, что пока онъ будетъ милостиво давать мнѣ помѣщеніе въ своемъ дворцѣ, я не буду писать противъ кого бы то ни было, ни противъ французскаго правительства и министровъ, ни противъ другихъ государей или знаменитыхъ литераторовъ, которымъ всегда буду оказывать должное уваженіе. Я не употреблю во зло письма его величества и буду поступать такъ, какъ прилично литератору, имѣющему честь быть камергеромъ его величества и живущему въ обществѣ честныхъ людей».

Подписать подобное обязательство было унизительно для писателя сознающаго свое достоинство и правоту представляемаго имъ дѣла. Вольтеръ и не ограничивался простымъ подписаніемъ своего имени подъ присланнымъ ему королевскимъ проектомъ заявленія, а прибавилъ къ нему отъ себя слѣдующія, равносильныя подписанію, строки:

«Я исполню, государь, всѣ приказанія вашего величества, и сердцу моему не трудно будетъ вамъ повиноваться. Еще разъ умоляю васъ принять во вниманіе, что я никогда не писалъ противъ какого то не было правительства, и еще менѣе противъ правительства моей родины, которое я покинулъ единственно для того, чтобъ умереть у вашихъ ногъ. Я былъ исторіографомъ Франціи, и въ этомъ званіи написалъ исторію Людвика XIV и исторію походовъ Людвика XV, посланныя мною г-ну д'Аржансону. Мой голосъ и мо

перо были посвящены отечеству, какъ посвящены теперь вашимъ приказаніямъ. Благоволите, молю васъ, обсудить причину ссоры съ Мопертюи; умоляю васъ также вѣрить, что я забуду эту ссору, потому что такова ваша воля. Конечно, я подчиняюсь всему, чего вы желаете. Еслибъ ваше величество приказали мнѣ не защищаться и не вступать въ этотъ литературный споръ, я повиновался бы вамъ съ тою же покорностью. Умоляю васъ пощадить старика, удрученнаго болѣзнями и горемъ, и вѣрить, что я умру съ тѣмъ же чувствомъ преданности, съ какимъ прибылъ къ вашему двору».

Повидимому, Фридрихъ былъ доволенъ этими увѣреніями. Двѣ недѣли спустя, онъ успокоивалъ Мопертюи относительно намѣреній его врага: «Не опасайтесь ничего, любезный Мопертюи: дѣло о пасквиляхъ покончено, я такъ прямо говорилъ съ этимъ человѣкомъ (т.-е. Вольтеромъ), я такъ намылилъ ему голову, что онъ уже не возвратится къ прежнему... Я напугалъ его по части кармана, и это произвело на него ожиданное дѣйствіе. Наконецъ, я рѣшительно объявилъ ему, что мой домъ долженъ быть святилищемъ, а не притономъ разбойниковъ или злодѣевъ, изготовляющихъ яды [1])... Помышляйте теперь только о вашихъ легкихъ и не выходите изъ комнаты въ эту холодную погоду».

А между тѣмъ экземпляры «Сочиненія доктора Акакія», напечатанные и припрятанные другимъ издателемъ, направлялись къ саксонской столицѣ, откуда они вскорѣ проникли обратно въ Берлинъ и произвели тамъ необычайное впечатлѣніе. Мопертюи не любили; его деспотическая власть въ академіи, его высокомѣрное обращеніе со всѣми были извѣстны, и никто не жалѣлъ его. Король былъ въ негодованіи. 18-го декабря 1752-го года, Вольтеръ уже писалъ

[1]) Любопытно, что Фридрихъ писалъ въ этомъ письмѣ cellaráts вмѣсто scelerat и poissons вмѣсто poisons.

своей племянницѣ: «Такъ какъ у меня нѣтъ въ этомъ мірѣ полутораста тысячъ усатыхъ солдатъ, то я отнюдь не помышляю о войнѣ. Я помышляю лишь о томъ, чтобы честно дезертировать, позаботиться о моемъ здоровьѣ, снова увидѣться съ вами, забыть весь этотъ трехлѣтній сонъ. Теперь я вижу ясно, что апельсинъ дѣйствительно выжимали; надо подумать о спасеніи корки. Я собираюсь составить, для собственнаго назиданія, маленькій словарь, употребляемый королями. Мой другъ значитъ — мой рабъ. Мой дорогой другъ — я больше чѣмъ равнодушенъ къ вамъ. Подъ словами: я сдѣлаю васъ счастливымъ, понимайте: я буду терпѣть васъ до тѣхъ поръ, пока вы будете мнѣ нужны. Ужинайте со мной сегодня значитъ — сегодня я буду надъ вами издѣваться. Этотъ словарь можетъ быть довольно длиненъ; изъ него выйдетъ цѣлая статья для «Энциклопедіи»... Задача въ томъ, какъ уйти отсюда. Я могу просить объ отпускѣ только по болѣзни. Въ декабрѣ невозможно сказать: я ѣду въ Пломбьеръ. Здѣсь живетъ нѣчто вродѣ духовнаго лица, нѣкій Пераръ, родившійся, какъ и я, во Франціи; онъ просилъ позволенія ѣхать въ Парижъ по своимъ дѣламъ; король велѣлъ ему сказать, что лучше знаетъ его дѣла, чѣмъ онъ самъ, и что ему совсѣмъ не нужно ѣхать».

Раздраженный появленіемъ Вольтерова памфлета въ Берлинѣ, Фридрихъ приказалъ сжечь этотъ памфлетъ на берлинскихъ площадяхъ рукою палача, что и было исполнено въ воскресенье 24-го декабря, часу въ третьемъ или четвертомъ пополудни. Пепелъ сожженной брошюры былъ посланъ королемъ въ подарокъ президенту академіи. Прикинувшись глубоко огорченнымъ, Вольтеръ написалъ королю почтительное, нѣжное, даже отчаянное письмо и, особо завернувъ пожалованные ему крестъ и камергерскій ключъ, отослалъ ихъ вмѣстѣ съ письмомъ и слѣдующими стихами на той бумагѣ, въ которую были завернуты «погремушки», какъ онъ называлъ свои знаки отличія:

Je les reçus avec tendresse,
Je vous les rends avec douleur;
C'est ainsi qu'un amant, dans son extrême ardeur,
Rend le portrait de sa maîtresse [1]).

Король прислалъ назадъ и крестъ, и камергерскій ключъ. Онъ не хочетъ отпустить Вольтера, онъ опять приглашаетъ его въ Потсдамъ. Но Вольтеръ рѣшился уѣхать во что бы то ни стало. Онъ рѣшительно прикидывается больнымъ и настойчиво заявляетъ, что долженъ ѣхать въ Пломбьеръ. Раздосадованный упорствомъ своего камергера, Фридрихъ прислалъ ему наконецъ слѣдующую записку: «Чтобы получить отпускъ, вамъ совсѣмъ не нужно придумывать предлогъ къ тому и ссылаться на необходимость ѣхать въ Пломбьеръ. Вы можете оставить мою службу, когда захотите; но прежде чѣмъ уѣхать, пришлите мнѣ заключенный съ вами контрактъ, ключъ, крестъ и томъ стихотвореній, мною вамъ довѣренныхъ. Я желалъ бы, чтобъ одни мои сочиненія подвергались насмѣшкамъ вашимъ и Кёнига. Я охотно приношу ихъ въ жертву тѣмъ, кто думаетъ возвеличить свою репутацію умаленіемъ репутаціи другихъ; у меня нѣтъ ни безумія, ни тщеславія нѣкоторыхъ авторовъ. Въ моихъ глазахъ интриги литераторовъ позорятъ литературу».

Подобныя любезности не могли быть по-сердцу человѣку, который надѣялся занять совсѣмъ другое положеніе при берлинскомъ дворѣ. Берлинъ, Потсдамъ, дворъ, король, — все стало теперь ненавистно Вольтеру. Новыя ласки и убѣжденія Фридриха уже не дѣйствовали; королю пришлось отпустить Вольтера, и 27-го марта 1753-го года послѣдній прибылъ въ Лейпцигъ, замышляя распространить оттуда по всей Европѣ своего Акакія, дополненнаго столь же остроумнымъ и злымъ «Мирнымъ договоромъ». Въ этомъ

---

[1]) Я принялъ ихъ съ нѣжностью, и возвращаю съ печалью: такъ любовникъ, въ жару увлеченія, возвращаетъ портретъ своей милой.

послѣднемъ очеркѣ «великій» президентъ берлинской академіи смягчается и признаетъ, что можно писать противъ него, оставаясь честнымъ человѣкомъ. Теперь больные имѣютъ право платить своимъ врачамъ, и врачи не обязаны болѣе ограничиваться каждый леченіемъ одной какой-нибудь болѣзни. Президентъ отказывается даже отъ своего предложенія — прорыть дыру къ центру земли: истина все еще находится на днѣ колодца, но трудно прорыть самый колодезъ. Онъ и теперь находитъ, что хорошо прожить отъ восьми до девятисотъ лѣтъ, затыкая свои поры и органы дыханія; но онъ согласенъ ни надъ кѣмъ не производить больше подобныхъ опытовъ, изъ опасенія, что паціентъ вдругъ достигнетъ зрѣлаго возраста, т.-е. смерти. Наконецъ, чтобы явить величайшее доказательство своего искренняго желанія возвратить миръ европейской литературѣ, онъ согласенъ и на то, чтобы главный врагъ его, г. Вольтеръ, былъ включенъ въ настоящій мирный договоръ, не взирая на очень вѣскія причины къ его исключенію. Лишь бы только онъ обѣщалъ не включать президента въ свою прозу и свои стихи, миролюбивый президентъ готовъ не интриговать больше противъ этого врага, и не пользоваться услугами палача для отмщенія за его шутки, не угрожать ему больше кулакомъ, чѣмъ остроуміемъ...

Узнавъ объ этомъ новомъ нападеніи, Мопертюи пишетъ Вольтеру въ Лейпцигъ, что удовлетворительное состояніе здоровья позволяетъ ему находиться всюду, гдѣ находится Вольтеръ, и вполнѣ отмстить ему за оскорбленіе. «Благодарите то уваженіе и ту покорность, которыя до сихъ поръ удерживали мою руку и спасали васъ отъ злополучнѣйшаго изъ приключеній, какимъ вы когда-либо подвергались». Вольтеръ считался трусомъ, и опасеніе дуэли могло бы обуздать его остроуміе въ прежніе годы. Но теперь ему было пятьдесятъ-девять лѣтъ, и успѣхъ вызова былъ мало вѣроятенъ; теперь вызовъ могъ только дать новую пищу его остроумію и сатирической злости. Онъ изобразилъ доб-

раго Акакія устрашеннымъ, умоляющимъ лейпцигскій университетъ о помощи и защитѣ, въ старомодномъ прошеніи, поданномъ въ совѣтъ университета. Совѣтъ, будто бы, постановляетъ задержать угрожающаго президента академіи у городскихъ воротъ, «когда онъ появится, чтобъ исполнить свое покушеніе отцеубійцы противъ добраго доктора, который замѣнилъ ему отца». Самъ докторъ пишетъ президенту нравоучительное письмо съ такою припиской: «P. S. Такъ какъ отъ пятидесяти до шестидесяти человѣкъ имѣли смѣлость вдоволь посмѣяться надъ вами, то они желаютъ знать, когда именно вы предполагаете убить ихъ». Передавъ эту послѣднюю часть сочиненія доктора Акакія книгопродавцу Брейткопфу и посѣтивъ профессоровъ университета, Вольтеръ уѣхалъ изъ Лейпцига.

Фридрихъ, между тѣмъ, внимательно слѣдилъ за нимъ. «Вольтеръ въ Лейпцигѣ», писалъ онъ въ это время (апрѣль 1753) маркграфинѣ байрейтской: «онъ испускаетъ тамъ свои новые яды и сказывается больнымъ, чтобъ исправить страшное сочиненіе, которымъ онъ теперь занятъ. Вы видите, что, отнюдь не желая больше имѣть его у себя, я, напротивъ, хочу совсѣмъ разорвать отношенія съ нимъ. Сказать поправдѣ, любезная сестра, я былъ бы радъ, еслибъ онъ поѣхалъ въ Байрейтъ; съ вашего согласія, я послалъ бы туда кого-нибудь, чтобъ отобрать у него камергерскій ключъ и крестъ, еще остающіеся при немъ, и въ особенности одно изданіе моихъ стихотвореній, отправленное имъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, и которое я не хочу оставлять въ его рукахъ, въ виду его способности дурно имъ воспользоваться». Фридрихъ считалъ поѣздку Вольтера въ Пломбьеръ только предлогомъ къ какому-нибудь безпощадному нападенію на него и на его близкихъ. Онъ былъ страшно озлобленъ, онъ находилъ Вольтера «достойнымъ колесованія».

Изъ Лейпцига Вольтеръ поѣхалъ въ Готу, гдѣ герцогъ и герцогиня тотчасъ же предложили ему переѣхать во дворецъ и гдѣ онъ прожилъ цѣлый мѣсяцъ, окруженный ве-

личайшимъ вниманіемъ и любезностью, и читая при дворѣ свою «Дѣвственницу», которая очаровала всѣхъ. Въ знакъ признательности за изысканное гостепріимство герцогини, Вольтеръ посвятилъ ей свою поэму: «Естественная религія», написанную въ 1752 году, въ Потсдамѣ, и предназначавшуюся для прусскаго короля, и, пожеланію принцессы, взялся написать для нея исторію германской имперіи. Онъ выѣхалъ изъ Готы 25-го мая, направляясь въ Страсбургъ черезъ Франкфуртъ-на-Майнѣ и никакъ не ожидая, что въ этомъ послѣднемъ городѣ ожидаетъ его одно изъ самыхъ тяжелыхъ событій его жизни, о которомъ потомъ онъ никогда не могъ вспомнить безъ отвращенія и гнѣва. Фридрихъ рѣшился исполнить во Франкфуртѣ то, что намѣревался сдѣлать въ Байрейтѣ, еслибъ Вольтеръ туда поѣхалъ: онъ поручилъ своему резиденту и военному совѣтнику Фрейтагу отправиться къ Вольтеру, въ сопровожденіи надворнаго совѣтника Шмидта, потребовать у него камергерскій ключъ, крестъ и ленту ордена pour le Merite, и вскрыть весь его багажъ, чтобъ отобрать собственноручныя письма и сочиненія короля, вмѣстѣ съ книгою стихотвореній его величества. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой книгѣ de poëshies короля, какъ выражался Фрейтагъ, негласно напечатанной въ Потсдамѣ, въ 1751 году, была помѣщена грубая шуточная поэма Фридриха, о которой Вольтеръ писалъ тогда же своей племянницѣ: «Знаете ли вы, что король написалъ поэму во вкусѣ «Дѣвственницы», подъ заглавіемъ: «Палладій». Онъ издѣвается въ ней надъ очень многими»... Въ случаѣ сопротивленія Вольтера, король уполномочивалъ своего резидента арестовать его и, сдѣлавъ у него обыскъ, отпустить его на волю. Получивъ эти инструкціи заблаговременно, Фрейтагъ принялъ всѣ мѣры, чтобы не пропустить интереснаго путешественника. У городскихъ воротъ и въ главныхъ гостиницахъ города поджидали Вольтера шпіоны Фрейтага; тайные агенты слѣдили и за письмами, приходившими на имя бывшаго камергера берлинскаго двора.

Вольтеръ пріѣхалъ во Франкфуртъ 31-го мая и остановился въ заказанныхъ для него комнатахъ гостинницы Золотаго Льва, гдѣ спокойно провелъ ночь, не предвидя никакихъ помѣхъ къ своему дальнѣйшему путешествію. Но 1-го іюня, поутру, къ нему явились Фрейтагъ и Шмидтъ, въ сопровожденіи сенатора Руккера и одного прусскаго вербовщика. Они, какъ доносилъ потомъ Фрейтагъ прусскому правительству, объявили своей жертвѣ волю короля. «Онъ былъ пораженъ, закрылъ глаза и опрокинулся на спинку кресла. Потомъ, пришедши въ себя, онъ открылъ весь свой багажъ и два портфеля, увѣряя въ своей «вѣрности» королю, и опять почувствовалъ себя дурно. Обыскъ продолжался, по словамъ самого Фрейтага, отъ девяти часовъ утра до пяти пополудни, нѣкоторыя бумаги были отобраны, и сбиры удалились, взявъ съ Вольтера честное слово, что онъ ничего не скрылъ отъ нихъ, и что книга стихотвореній короля находится въ томъ его багажѣ, который отправленъ отдѣльно и еще не могъ придти въ Франкфуртъ. «Не желая, чтобы дѣло дошло до городскаго совѣта, потому что Вольтеръ присвоиваетъ себѣ званіе камеръ-юнкера Франціи, а совѣтъ въ подобныхъ случаяхъ неохотно соглашается на арестованіе, я условился съ Вольтеромъ,—доносилъ далѣе Фрейтагъ — что онъ останется плѣнникомъ въ своемъ настоящемъ помѣщеніи до прибытія остальнаго его багажа». Ключъ и орденъ были уже въ рукахъ Фрейтага; взявъ съ Вольтера росписку въ томъ, что было условлено между ними, Фрейтагъ обязалъ и хозяина гостинницы не выпускать ни самого Вольтера, ни его багажа. Для характеристики тогдашнихъ нравовъ и административныхъ пріемовъ, замѣтимъ, что все это происходило въ государствѣ совершенно независимомъ, въ такъ-называемомъ вольномъ городѣ, гдѣ прусскій резидентъ ничѣмъ не отличался отъ представителей другихъ нѣмецкихъ государствъ.

Долгій и возмутительный обыскъ, сопровождавшійся запретомъ выходить изъ гостинницы, до крайности раздражилъ

и безъ того нетерпѣливаго и болѣзненнаго писателя. Не долго думая, онъ хочетъ бѣжать отъ этихъ сбировъ, изъ этого произвольнаго заключенія. Но прежде онъ пишетъ германскому императору, прося его великодушно замолвить слово франкфуртскому бургомистру, который, конечно, исполнитъ его желаніе; онъ заявляетъ императору, что готовъ пріѣхать въ Вѣну и лично прибѣгнуть къ его покровительству; онъ доходитъ даже до страннаго предложенія — онъ проситъ, чтобы императоръ далъ ему титулъ камергера его величества, чтобъ имѣть предлогъ къ прямому вмѣшательству въ его пользу. Пріѣздъ племянницы, напуганной его арестомъ, на время нѣсколько смягчаетъ Вольтера. Она пишетъ подъ диктовку дяди жалобныя письма къ Фридриху, но и это не измѣняетъ его положенія.

Наконецъ, 18-го іюня, пришелъ изъ Лейпцига нетерпѣливо ожидаемый багажъ. Съ этимъ событіемъ неразрывно связана въ умѣ Вольтера возможность выбраться наконецъ на свободу, уѣхать тотчасъ же изъ Франкфурта. Онъ посылаетъ за Фрейтагомъ, приглашая его поскорѣе вскрыть прибывшіе ящики. Но Фрейтагъ ожидаетъ новыхъ инструкцій изъ Берлина и отвѣчаетъ своему арестанту, что до полученія этихъ инструкцій все должно оставаться по старому. Вольтеръ выходитъ изъ себя, выгоняетъ посланнаго Фрейтагомъ агента и возвращается къ мысли о немедленномъ бѣгствѣ. Ему удается выдти изъ гостинницы незамѣченнымъ, вмѣстѣ съ секретаремъ своимъ Коллини, сѣсть въ наемную карету и уѣхать. Но погоня не замедлила нагнать бѣглецовъ. Донося правительству Фридриха объ этомъ побѣгѣ и погонѣ за бѣглецами, Фрейтагъ прибавляетъ въ концѣ своего донесенія: «Еслибъ я сталъ разсказывать всѣ по истинѣ невообразимыя хитрости Вольтера за время его ареста, то мнѣ надо было бы исписать нѣсколько листовъ». Пойманный Вольтеръ былъ отвезенъ, въ сопровожденіи конвоя, въ квартиру Шмидта; его секретарь и племянница тоже были арестованы. У нихъ отобрали все, даже таба-

керку Вольтера. Когда стали описывать отобранное имущество, Вольтеръ быстро скрылся въ незатворенную дверь. Всѣ бросились за нимъ, въ томъ числѣ и жена Шмидта съ своею прислугой. «Неужели я даже не могу отдать долгъ природѣ?» закричалъ Вольтеръ. Его окружили. Коллини, выбѣжавшій въ это время, чтобы заступиться за Вольтера, нашелъ его окруженнымъ, согнувшимся и запустившимъ пальцы въ ротъ, чтобы вызвать рвоту. «Вамъ дурно?» спросилъ онъ старика. Тотъ посмотрѣлъ на него со слезами на глазахъ и тихо сказалъ: «Fingo... Fingo» [1]... Секретарь сдѣлалъ видъ, что Вольтеръ въ самомъ дѣлѣ нездоровъ, и предложилъ ему руку, чтобы возвратиться въ комнату. «Онъ надѣялся», говоритъ Коллини въ своихъ запискахъ, «укротить такимъ манёвромъ ярость этой сволочи и заставить ее относиться къ нему болѣе умѣренно». «Несчастный!» закричалъ Шмидтъ при входѣ Вольтера: «съ вами теперь поступятъ безъ пощады и милосердія!» Вольтеръ опять выбѣгаетъ, его опять преслѣдуютъ и приводятъ въ комнату. Послѣ двухчасовой описи, плѣнниковъ отводятъ въ плохую гостинницу «Козлинаго Рога», гдѣ ожидали ихъ унтеръ-офицеръ и двѣнадцать солдатъ. Вольтеръ былъ посаженъ въ одну комнату съ тремя вооруженными солдатами; къ Коллини, въ другой комнатѣ, была приставлена такая же стража. Дорнъ, одинъ изъ агентовъ Фрейтага, отправляется со стражей въ гостинницу «Золотого Льва», объявляетъ племянницѣ Вольтера о своемъ намѣреніи проводить ее къ дядѣ и ведетъ ее подъ руку къ выходу изъ гостинницы, гдѣ три солдата окружаютъ и при всемъ народѣ отводятъ ее въ гостинницу «Козлинаго Рога». Тамъ ее помѣщаютъ въ комнатѣ съ небольшою кроватью, и приставляютъ къ ней четырехъ солдатъ со штыками. Дорнъ приказываетъ принести себѣ ужинъ и выпиваетъ бутылку за бутылкой въ комнатѣ испуганной женщины. Инструкціи,

---

[1]) Притворяюсь... Притворяюсь...

которыхъ ожидалъ Фрейтагъ изъ Потсдама, были получены лишь на другой день послѣ этихъ насильственныхъ мѣръ и печальныхъ происшествій. Король предписывалъ своему резиденту отпустить Вольтера изъ Франкфурта, взявъ съ него письменное обязательство — возвратить въ опредѣленный, и притомъ короткій срокъ, книгу королевскихъ стихотвореній, а въ противномъ случаѣ, признать себя заранѣе королевскимъ плѣнникомъ, въ какой бы странѣ онъ ни находился въ то время. Но Фрейтагъ разсудилъ, что эти инструкціи писаны раньше, чѣмъ совершена Вольтеромъ попытка къ побѣгу. Эта преступная попытка совсѣмъ измѣняла, по его мнѣнію, прежнее положеніе дѣлъ. Узнавъ о ней, король можетъ перемѣнить милость на гнѣвъ. И Фрейтагъ опять потребовалъ новыхъ инструкцій изъ Берлина. Вольтеръ пишетъ маркграфинѣ Байретской о тѣхъ истязаніяхъ, которымъ подвергаютъ его агенты ея брата; онъ диктуетъ своей племянницѣ, но отъ ея имени, письмо къ королю; онъ самъ посылаетъ своему тюремщику Фрейтагу смиренную записку, въ которой умоляетъ смягчить ихъ положеніе и перевести ихъ въ гостинницу «Золотаго Льва». Но это смиреніе было минутное. Вольтеръ быстро переходилъ отъ него къ вспышкамъ сильнаго раздраженія и досадовалъ на самого себя за свою унизительную любезность къ людямъ, которыхъ презиралъ въ душѣ.

Повелѣніе короля освободить Вольтера пришло не раньше 29-го іюня. Когда Фрейтагъ и Шмидтъ пришли объявить объ этомъ Вольтеру, онъ отказался принять ихъ, и усерднымъ агентамъ короля пришлось просить бургомистра, чтобъ онъ отослалъ бывшему арестанту его шпагу и предложилъ ему прислать къ Шмидту за деньгами, которыя были у него отобраны, съ вычетомъ 190 гульденовъ и 11 крейцеровъ, израсходованныхъ на содержаніе арестантовъ. Но Вольтеръ отказался принять эти деньги. Онъ послалъ за нотаріусомъ и составилъ актъ о насиліяхъ и преслѣдованіяхъ, которыхъ онъ былъ жертвой. Такой же протестъ составилъ также Кол-

лини. Они стали собираться въ дорогу. Такъ какъ отказъ Вольтера принять деньги отъ Фрейтага и Шмидта бросалъ на этихъ людей тѣнь подозрѣнія, то они поручили Дорну передать ему деньги подъ роспиську. Но и это было напрасно. «Минута запальчивости Вольтера чуть еще не задержала насъ во Франкфуртѣ и не повергла въ новыя несчастія», разсказываетъ въ своихъ запискахъ Коллини. «Утромъ, передъ отъѣздомъ, я зарядилъ два пистолета, которые всегда были съ нами въ каретѣ. Въ это время Дорнъ тихонько прошелъ по корридору, и Вольтеръ увидалъ его въ отворенную дверь комнаты, въ положеніи любопытствующаго шпіона. Воспоминаніе о недавнемъ прошломъ воспламенило его: онъ схватилъ одинъ изъ пистолетовъ и бросился на Дорна. Я едва успѣлъ закричать и удержать его. Храбрый Дорнъ, испугавшись, пустился бѣжать и чуть не скатился по лѣстницѣ».

Для характеристики Вольтера и ео тюремщика Фрейтага, необходимо привести и ихъ разсказы о томъ же самомъ происшествіи. 7-го числа утромъ, говоритъ Вольтеръ въ своемъ «Дневникѣ происходившаго во Франкфуртѣ-на-Майнѣ», названный Дорнъ осмѣлился возвратиться къ г-жѣ Дені и г-ну Вольтеру, будто бы для передачи части денегъ, украденныхъ г. Шмидтомъ изъ кармановъ гг. Вольтера и Коллини; потомъ онъ идетъ донести городскому совѣту, что видѣлъ г. Вольтера съ пистолетомъ въ рукахъ, и пользуется этимъ предлогомъ, чтобъ удержать деньги въ свою пользу и въ пользу Шмидта. Тщетно два присяжныхъ нотаріуса, бывшіе при этомъ, показываютъ подъ присягой, что въ пистолетѣ не было ни пороха, ни свинца, ни кремня, что его несли въ починку; тщетно трое свидѣтелей показываютъ то же самое. Г. Вольтеръ принужденъ выѣхать изъ Франкфурта съ своею племянницей и г. Коллини, всѣ трое ограбленные и обремененные расходами, всѣ трое вынужденные занять денегъ, чтобы ѣхать дальше. У г. Вольтера украдены бумаги, кольца, мѣшокъ каролиновъ,

мѣшокъ луидоровъ, даже золотыя ножницы и пряжки башмаковъ». Фрейтагъ, съ своей стороны, доносилъ въ Потсдамъ, что «Вольтеръ, вмѣсто того, чтобы принять деньги отъ Дорна, вышелъ съ пистолетомъ, зарядилъ его и хотѣлъ выстрѣлить, но только секретарь удержалъ его руку, закричавъ: «Боже! что вы дѣлаете!» и вывелъ его въ другую комнату». Намъ остается только положиться на свидѣтельство Коллини.

Пребываніе Вольтера въ Потсдамѣ, заключившееся этимъ печальнымъ эпизодомъ, въ которомъ бывшіе друзья, король и писатель, но особенно король, являются въ очень некрасивомъ видѣ, было сравнительно безплодной порой въ литературной дѣятельности Вольтера. «Вѣкъ Людовика XIV», вышелъ въ Берлинѣ; но матеріалы для этого труда были собраны гораздо раньше, и почти все сочиненіе набросано вчернѣ еще во Франціи. Собственно въ Пруссіи имъ написаны только поэма объ естественной религіи и сатира доктора Акакія, да передѣланы нѣкоторые стихи въ «Спасенномъ Римѣ». Онъ не написалъ ничего новаго для театра, и очень мало для распространенія тѣхъ идей, которыхъ онъ былъ представителемъ въ теченіи почти всего XVIII вѣка. Озлобленный на свои оффиціальныя неудачи во Франціи и Пруссіи, этотъ придворный человѣкъ, этотъ блестящій умъ и душа великосвѣтскихъ салоновъ, вѣчно у кого-нибудь гостившій и кого-нибудь плѣнявшій своею остроумной бесѣдой, своимъ необыкновеннымъ популяризаторскимъ даромъ, теперь, на старости лѣтъ, жаждетъ своего угла, независимаго положенія и, какъ мы увидимъ, покупаетъ имѣніе, въ которомъ живетъ патріархомъ, посѣщаемый почти всѣми представителями умственнаго движенія въ Европѣ, ласкаемый коронованными лицами, не исключая того же Фридриха, и чутко прислушивающійся и приглядывающійся къ крупнымъ явленіямъ современной жизни. Вмѣстѣ съ рѣдкимъ талантомъ, природа надѣлила Вольтера, безпрестанно жалующагося на слабое здоровье и

дѣйствительно хворавшаго, необыкновенною живучестью и свѣжестью. Возвращаясь изъ Пруссіи почти шестидесятилѣтнимъ старикомъ, онъ работаетъ еще двадцать лѣтъ въ томъ раціоналистическомъ направленіи, которое такъ рѣзко отличаетъ вторую половину восемнадцатаго вѣка. Нѣкоторые біографы считаютъ это время даже лучшею порой въ жизни этого блестящаго писателя.

Литературная дѣятельность Вольтера началась съ театра. Онъ написалъ въ разные годы своей долгой жизни множество пьесъ для сцены, изъ которыхъ иныя имѣли большой успѣхъ въ его время. Вся Европа плакала, слушая его «Заиру» и написаннаго почти тридцать лѣтъ спустя «Танкреда». Онъ самъ страстно любилъ театръ, эту публичную арену, которой съ самаго начала былъ обязанъ своею громкой извѣстностью и своимъ высокимъ положеніемъ въ литературѣ. Но пьесы его болѣе важны по тѣмъ новымъ идеямъ, которыя въ нихъ высказывались, чѣмъ по своему драматическому достоинству. И тутъ, какъ въ наукѣ, онъ былъ прежде всего публицистъ и новаторъ. Какъ драматургъ, онъ ниже Корнеля и Расина; но за то онъ выше ихъ въ томъ отношеніи, что перестаетъ ограничиваться одними древними образцами, что хорошо знакомъ съ англійскимъ театромъ, особенно же съ Шекспиромъ. Онъ первый поднялъ голосъ, и въ теоріи, и на дѣлѣ, противъ преувеличеннаго господства великосвѣтскихъ любовныхъ мотивовъ, знаменитой французской galanterie XVIII вѣка, въ современной ему трагедіи. Онъ первый сдѣлалъ попытку упростить французскую драму, внести въ нее гражданскіе мотивы. Любовь была совсѣмъ изгнана изъ нѣкоторыхъ его трагедій: изъ «Ореста», «Меропы», отчасти изъ «Спасеннаго Рима», а въ «Смерти Цезаря» нѣтъ даже никакой женской роли. По его мнѣнію, любовь не можетъ быть только эпизодической принадлежностью трагедіи. Она должна быть или душою пьесы, или совсѣмъ отсутствовать. Она должна быть не эпизодомъ только, а узломъ всей пьесы,

страстью дѣйствительно трагическою, которая ведетъ къ несчастію или преступленію, и можетъ быть побѣждена только сознаніемъ нравственнаго долга. Болѣе чѣмъ столѣтній успѣхъ Шекспирова «Юлія Цезаря» приводилъ его въ восторгъ и изумленіе. Многое казалось ему «неправильнымъ» и «варварскимъ» въ этомъ произведеніи Шекспира; но онъ удивлялся тому, «что эти варварскія неправильности» не были еще многочисленнѣе въ пьесѣ, писанной «въ невѣжественное время, человѣкомъ, который даже не зналъ латинскаго языка и не имѣлъ другаго учителя, кромѣ своего генія». Онъ восхищенъ нѣкоторыми сценами «Юлія Цезаря», и очень сожалѣетъ о томъ, что онѣ не могли бы появиться на французской сценѣ. Отъ французскаго драматурга требовалось, чтобы въ его пьесѣ убійство или кровопролитіе происходили непремѣнно за сценой, чтобъ о нихъ потомъ только разсказывали дѣйствующія лица; а между тѣмъ ему дозволялось изобразить на сценѣ самоубійство. Дѣйствующія лица изъ новѣйшей и современной исторіи безусловно не допускались на французской сценѣ. Всѣ сюжеты должны были принадлежать древнему міру. Вольтеръ дерзнулъ первый, сначала въ «Заирѣ», потомъ въ «Аделаидѣ дю-Гескленъ» и «Танкредѣ», коснуться событій и лицъ французскихъ, но относящихся къ отдаленному прошлому. Онъ первый подалъ мысль выводить на сцену въ трагедіи не однихъ только древнихъ царей и героевъ, но лица, болѣе близкія къ народу, и пытался вывести въ своихъ «Огнепоклонникахъ», которые однако не были поставлены на сцену, садовника, сельскую дѣвушку, двухъ неважныхъ офицеровъ и даже простаго солдата. Сюжеты его пьесъ заимствованы изъ всѣхъ частей свѣта, изъ Китая, Перу, Ангіи, Рима, даже изъ Варварійскихъ владѣній.

Несмотря на эти новаторскія попытки, Вольтеръ не могъ не платить дань обычаю и привычкамъ, усвоеннымъ французскими драматургами и сценой. Знаменитыя три единства: единство дѣйствія, времени и мѣста, отысканныя фран-

цузскими критиками въ поэтикѣ Аристотеля, оставались непреложными и для Вольтера. По его мнѣнію, правдоподобіе требуетъ, чтобы дѣйствіе заканчивалось въ теченіи трехъ часовъ, т.-е. пока длится самое представленіе, и въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Онъ даже смѣется надъ Шекспиромъ, переносящимъ свои дѣйствующія лица изъ одной мѣстности въ другую, изъ хижины во дворецъ, и изображающимъ событія, которыя продолжаются цѣлые годы. Онъ считаетъ драматическіе пріемы грековъ и англичанъ слишкомъ смѣлыми, преувеличенными, безвкусными. Парижскій вкусъ оставался и въ его глазахъ законодателемъ для сценъ всего міра. Преклоняясь передъ современной англійской философіей, онъ считалъ мысль — удѣломъ англичанъ, а искусство нравиться — исключительнымъ даромъ французовъ. Условное «благородство» нравовъ и выраженій на сценѣ было существенно необходимо и въ глазахъ Вольтера. Французская драма была сначала придворнымъ развлеченіемъ; ея дѣйствующія лица должны были говорить изысканно и условно-прилично, согласно этикету, и Вольтеръ не могъ отдѣлаться отъ этого въ сущности фальшиваго требованія французскихъ нравовъ и критики. Но онъ умѣлъ внести во французскую драму совершенно новый тогда публицистическій элементъ, онъ первый ощутилъ потребность сдѣлать ее сѣятельницей идей религіозной терпимости и свободы мысли. Весь Вольтеровъ «Магометъ» проникнутъ этими идеями. «Магометъ», — высказывается онъ въ предисловіи къ этой драмѣ, — Магометъ не кто иной, какъ Тартюфъ съ оружіемъ въ рукахъ, и какъ Мольеровъ «Тартюфъ» принесъ много пользы, такъ, надо надѣяться, будетъ полезенъ и «Магометъ», потому что не скоро еще минетъ время, когда возможны преступленія и въ крупныхъ и мелкихъ размѣрахъ». Объ исторической вѣрности въ изображеніи Магомета тутъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Первая половина восемнадцатаго вѣка еще не знала исторической критики; она не имѣла иной

мѣрки событіямъ и лицамъ прошлаго, кромѣ апріористической, основанной на болѣе или менѣе отвлеченныхъ соображеніяхъ и требованіяхъ, вытекавшихъ изъ положенія дѣлъ въ данную минуту. Бичуя суевѣріе и религіозный фанатизмъ, французскіе писатели восемнадцатаго вѣка имѣли въ виду, прежде всего, отрицательныя и, если можно такъ выразиться, натуралистическія цѣли. Въ исторіи Магомета, напр., ихъ совсѣмъ не занималъ вопросъ о томъ, въ какой степени новыя религіозныя ученія являются плодомъ искренняго, беззавѣтно-восторженнаго настроенія людей; магометанство, какъ ученіе, ложно и нелѣпо, разсуждали они; слѣдовательно, основатель его непремѣнно обманщикъ, шарлатанъ, Тартюфъ. Онъ, какъ другіе основатели новыхъ религій, обманывалъ людей сознательно, съ холоднымъ разсчетомъ, какъ будто можно подобнымъ разсчетомъ оказывать на массы людей то могущественное обаяніе, которое заставило весь мусульманскій міръ поклоняться Магомету, какъ единственному и великому пророку, ѳргану божества на землѣ. Писатели восемнадцатаго вѣка относились такимъ образомъ не къ одному только магометанству. Набрасывая своего «Магомета», Вольтеръ имѣлъ въ виду не столько Турцію, сколько ненавистный мыслящимъ людямъ того времени католицизмъ, и посвященіе «Магомета» папѣ Бенедикту XIV было одною изъ самыхъ ядовитыхъ продѣлокъ автора.

Трагедіи Вольтера, не блистая историческою правдой, почти всегда плѣняли слушателей и зрителей высказанными въ нихъ новыми идеями, удачными намеками и прекраснымъ, гармоническимъ стихомъ, который не утратилъ своей прелести для современныхъ намъ потомковъ ихъ автора. Гораздо менѣе успѣха имѣли и при жизни Вольтера написанныя имъ комедіи. Вольтеръ былъ замѣчательный сатирикъ: его сатирическіе поэмы и памфлеты безподобны, по мѣткости и тонкости неистощимаго его остроумія, по богатству своего содержанія и совершенству формы. Но комедіи не удавались ему, и комическія его пьесы вродѣ

«Нанины», «Шотландки», не имѣли большаго успѣха. За то въ сатирической поэмѣ и памфлетѣ, литературный и публицистпческій талантъ его былъ вполнѣ у себя дома. Его шуточная поэма «Дѣвственница (la Pucelle) была любимымъ чтеніемъ для всей образованной Европы прошлаго столѣтія. Мысль объ этой поэмѣ зародилась въ умѣ Вольтера еще въ молодости. Въ 1730 или 31 году, за столомъ у герцога Ришелье, говорили объ исторіи орлеанской дѣвы и объ эпической поэмѣ Шаплэна, воспѣвшаго эту героическую дѣвушку почти сто лѣтъ тому назадъ, въ 1656 году, съ точки зрѣнія сверхъестественной. Собесѣдники смѣялись надъ Шаплэномъ, выдававшимъ орлеанскую дѣву за святую, и герцогъ Ришелье высказалъ предположеніе, что за такой сюжетъ слѣдовало бы взяться Вольтеру. Вольтеръ отвѣчалъ, что у него вышло бы нѣчто комическое, а не торжественное, потому что въ исторіи этой дѣвы слишкомъ много и тривіальнаго, и возмутительнаго. Общество герцога настаивало, и нѣсколько времени спустя поэтъ могъ уже прочесть тому же обществу первыя четыре пѣсни своей «Дѣвственницы».

Въ поэмѣ Шаплэна Жанна д'Аркъ является боговдохновенной дѣвушкой, призванной спасти Франціи по молитвѣ и благости Богородицы. Ангелы переносятъ ее, прикрытую облакомъ, надъ непріятельскимъ станомъ, къ французскому королю; во время битвы, подлѣ нея стоитъ небесное воинство, а сатана и злые духи сражаются за англичанъ. Эта архаическая точка зрѣнія была смѣшна Вольтеру; но онъ не относился непріязненно и насмѣшливо къ самой героинѣ. Впослѣдствіи онъ посвятилъ ей особую статью въ своемъ «Философскомъ Словарѣ», говорилъ о ней въ своемъ «Опытѣ о нравахъ и духѣ народовъ»; въ его «Генріадѣ» Жанна д'Аркъ представлена въ раю, вмѣстѣ съ Баярдомъ и Дю-Гескленомъ, какъ «храбрая амазонка», «позоръ для англичанъ и опора престола». Онъ хотѣлъ только, чтобъ на Жанну смотрѣли не какъ на боговдохновенную дѣву, но какъ на нищую духомъ, счи-

тавшую себя боговдохновенною, какъ будто въ средніе вѣка только нищіе духомъ могли считать себя вдохновенными свыше; онъ видѣлъ въ ней крестьянку, которую заставили играть великую роль, храбрую дѣвушку, сожженную подлыми и жестокими инквизиторами-фарисеями. Но кто же заставилъ Жанну играть великую роль? По мнѣнію Вольтера, который и тутъ остается совершенно вѣрнымъ своей точкѣ зрѣнія на Магомета, Франція была на краю гибели при воцареніи Карла VII: для спасенія страны и короля, нужно было прибѣгнуть къ какому нибудь особенному средству, еще болѣе странному и сильному, чѣмъ произведенное тогда искаженіе монеты, опереться на чудо. И вотъ, дворянинъ съ границъ Лотарингіи, Бодрикуръ, отыскиваетъ служанку, способную играть роль вдохновенной героини. Считать себя вдохновенной свыше, имѣть, какъ Жанна д'Аркъ, чудесныя видѣнія, было въ глазахъ Вольтера до того неестественно и глупо, что онъ всегда предполагалъ въ подобныхъ случаяхъ обманъ. Жанна д'Аркъ, полагалъ онъ, или сама была обманута другими, или сознательно обманывала всѣхъ. Исторически все это также вѣрно, какъ и двадцати-семи-лѣтній возрастъ, приписываемый Вольтеромъ, на основаніи какой-то англійской хроники, восемнадцати-лѣтней Жаннѣ, или какъ званіе прислужницы постоялаго двора, гдѣ будто бы отыскалъ ее Бодрикуръ. Но онъ уважаетъ ея патріотическое чувство и въ особенности ея смерть отъ руки фарисеевъ и инквизиторовъ. Отрицая въ принципѣ возможность откровенія и чудесъ, отрицая дѣвственность, какъ явленіе противоестественное, онъ думалъ нанести своей сатирической поэмой сильный ударъ всему католическому міровоззрѣнію. Святой Діонисій, покровитель Франціи, избираетъ Жанну и, неоднократно являясь ей, увѣряетъ ее въ своей помощи. Отсюда борьба между нимъ и св. Георгіемъ, покровителемъ Англіи, изображенная въ шуточномъ тонѣ. Кромѣ самой героини, въ поэмѣ проходятъ передъ читателемъ и многочисленныя жен-

скія фигуры, начиная съ прекрасной Агнесы Сорель и кончая монахинями и ихъ настоятельницами, которыхъ дѣвственность или грѣховность зависятъ единственно отъ случая, и которыя не особенно негодуютъ даже на насиліе, лишающее ихъ женской чистоты. Одна только Жанна сохраняетъ свою добродѣтель. Суровая крестьянка умѣетъ при случаѣ отвѣчать звонкой пощечиной нескромному волокитѣ; поглощенная своимъ патріотическимъ призваніемъ, исполненіе котораго зависитъ отъ сохраненія дѣвственности, она умѣетъ беречь свою невинность до поры до времени. Во всей поэмѣ выдержанъ, отъ начала до конца, тотъ характеръ, какой приданъ ей авторомъ въ самомъ началѣ:

Je ne suis pas né pour célébrer les saints:
Ma voix est faible et même un peu profane.
Il faut pourtant vous chanter cette Jeanne,
Qui fit, dit-on, des prodiges divins.
Elle affermit, de ses pucelles mains,
Des fleurs de lis la tige Gâllicane.
Sauva son roi de la rage anglicane
Et le fit ceindre au maître-autel de Reims.
Jeanne montra sous féminin visage,
Sous le corset et sous le cotillon,
D'un vrai Roland le vigoureux courage.
J'aimerais mieux, le soir, pour mon usage,
Une beauté douce comme un mouton;
Mais Jeanne d'Arc eut un coeur de lion.
Vous le verrez, si lisez cet ouvrage.
Vous tremblerez de ses exploits nouveaux;
Et le plus grand de ses rares travaux
Fut de garder un an son pucelage [1]).

---

[1]) Я не рожденъ славить святыхъ: мой голосъ слабъ и даже не много нечестивъ. Надо, однакоже, воспѣть вамъ Жанну, которая, говорятъ, творила чудеса. Своими дѣвственными руками, она укрѣпила галликанскую вѣтку лиліи, спасла короля отъ англиканской ярости и опоясала его у главнаго алтаря въ Реймсѣ. Подъ женскимъ образомъ, подъ корсетомъ и юбкой, Жанна обнаружила крѣпкое мужество истиннаго Роланда. Вечеркомъ, для собственнаго употребленія, я, конечно

Эта поэма до того совпадала съ нравами и вкусами французской и вообще европейской аристократіи прошлаго вѣка, что принцы и принцессы, герцоги и герцогини, вся знать, все великосвѣтское общество стремились имѣть ее въ копіи по мѣрѣ того, какъ авторъ прибавлялъ къ ней новыя пѣсни. Ея правда заключалась не въ вѣрности изображенія временъ Жанны д'Аркъ, а въ живыхъ картинахъ свѣтскихъ нравовъ восемнадцатаго вѣка, перенесенныхъ поэтомъ въ иное время и на иныя лица. Поэма вполнѣ отвѣчала и тому упадку религіознаго чувства, которымъ такъ отличалось то время, той реакціи противъ католическаго спритуализма, которая воодушевляла тогда лучшіе умы, настаивая на томъ, что тѣло совсѣмъ не такъ покорствуетъ духу, что мнимая дѣвственность только маска, личина, прикрывающая величайшіе пороки. Мы, люди другаго поколѣнія и другихъ нравовъ, уже не можемъ восторгаться этой поэмой; намъ нужно стать на историческую точку зрѣнія, чтобы понять ея громадный успѣхъ въ прошломъ вѣкѣ. Но, какъ сатира, порожденная духомъ того времени, какъ блестящее произведеніе крупнаго таланта, какъ отраженіе темныхъ и свѣтлыхъ сторонъ великой эпохи, она сохраняетъ и для насъ свое историческое значеніе. Вольтерова «Дѣвственница» остается и для насъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ восемнадцатаго вѣка.

Поэма, исполненная циническихъ выходокъ и смѣлыхъ намековъ на высокопоставленныхъ современниковъ, не могла не навлечь автору большихъ непріятностей. Когда были написаны первыя ея пѣсни, маркиза Дю-Шатлэ хранила ихъ подъ замкòмъ, опасаясь новыхъ гоненій на Вольтера. Но, по смерти ея, поэма стала сильно расходиться въ многочи-

---

предпочелъ бы красавицу, кроткую какъ овечка; но у Жанны было львиное сердце. Вы убѣдитесь въ томъ, если прочтете эту поэму, и величайшимъ изъ рѣдкихъ ея подвиговъ было то, что она цѣлый годъ сохраняла невинность.

сленныхъ копіяхъ и не замедлила появиться въ печати. Испуганный Вольтеръ прибѣгнулъ къ своему обычному пріему: онъ объявилъ, что поэма искажена его врагами, что именно тѣ мѣста, которыя могли навлечь ему наиболѣе гоненій и непріятностей, никогда не были имъ написаны. Въ поэмѣ, дѣйствительно, оказались чужія вставки; но теперь не подлежитъ сомнѣнію, что самыя циническія мѣста ея принадлежатъ автору «Могомета» и «Доктора Акакія».

IV.

Рѣдкому писателю выпадало на долю такое поклоненіе современниковъ, какое воздавалось Вольтеру,—разумѣется, въ высшихъ слояхъ общества. На пути его отъ Франкфурта въ Страсбургъ его носили на рукахъ всюду, гдѣ онъ ни останавливался. Въ Майнцѣ и Мангеймѣ аристократія и дворъ окружали его величайшимъ вниманіемъ и почетомъ. Въ Страсбургѣ повторилось то же самое. Но изъ Парижа, куда стремился Вольтеръ, приходили неутѣшительныя вѣсти. Потсдамская исторія съ Фридрихомъ еще усилила антипатію короля къ нечестивому писателю, противъ котораго было до крайности раздражено духовенство. Къ удивленію своихъ друзей онъ ни мало не затруднился дать ясное доказательство своей мнимой приверженности къ католицизму, и на пасхѣ 1754 года публично говѣлъ въ Кольмарѣ, гдѣ онъ печаталъ въ это время свой очеркъ исторіи Германской имперіи; но это притворство, непріятно удивившее его друзей, дало его врагамъ поводъ говорить, что онъ издѣвается надъ святыней. Въ Парижѣ ходили тогда по рукамъ списки ненапечатанной еще «Дѣвственницы», которая до крайности раздражила противъ него короля и духовенство. Вольтеръ увидѣлъ теперь, какъ опасно было бы ему оставаться во Франціи, и уѣхалъ въ Женеву. Въ этомъ французскомъ городѣ, но внѣ круга дѣйствія французской власти, онъ могъ

спокойно выбрать для себя мѣсто, гдѣ, по выраженію Коллини, «философъ могъ бы мирно заключить свое поприще». Купивъ сначала дачу Монріонъ, близъ Лозанны, и помѣстье съ виллой Сенъ-Жанъ, близъ Женевы, Вольтеръ пріобрѣлъ еще домъ въ самой Лозаннѣ, и въ первые годы проводилъ зиму въ Монріонѣ, а лѣто въ Сенъ-Жанѣ, гдѣ съ одной стороны открывался чудный видъ на озеро и Альпы, а съ другой разстилались террасы и сады для прогулокъ. Это помѣстье было такъ красиво, что Вольтеръ имѣлъ полное основаніе дать ему новое имя—«Отрада» (les Délices), подъ которымъ оно и прославилось тогда въ Европѣ. Вольтеръ предпринялъ тамъ новыя постройки и украшенія и въ своихъ письмахъ оттуда совѣтовалъ другимъ искать въ садахъ тѣхъ утѣшеній, которыхъ нѣтъ среди людей. Онъ завелъ лошадей, экипажи, хорошія вина и разныя удобства, къ которымъ онъ всегда былъ очень чувствителенъ и которыя могли быть пріятны многочисленнымъ его посѣтителямъ. Вольтеръ не разъ говорилъ, что философъ непремѣнно долженъ имѣть двѣ, три дыры подъ землею, чтобы скрываться въ нихъ отъ преслѣдованія собакъ. Его дача Монріонъ находилась на бернской землѣ; его Délices—на женевской; онъ задумалъ теперь пріобрѣсти еще, неподалеку оттуда, помѣстье во Франціи, чтобы при случаѣ имѣть возможность выбора между тремя территоріями. Въ 1758 году, онъ купилъ у президента де-Бросса зàмокъ и помѣстье Турнè, между Женевскимъ озеромъ и Юрой, но на тяжелыхъ условіяхъ, которыя онъ потомъ напрасно старался смягчить разными придирками и хитростями, и, сверхъ того, помѣстье Фернè, глубже врѣзывавшееся во Францію. Всѣ эти пріобрѣтенія дѣлали его самого владѣтельнымъ князькомъ, переѣзжающимъ изъ одного своего владѣнія въ другое. Впослѣдствіи онъ однакоже продалъ или отдалъ въ аренду и Монріонъ, и «Отраду» и Турнè, оставшись въ послѣдніе годы жизни владѣльцемъ одного только Фернè; онъ очень любилъ, когда его называли фернейскимъ патріархомъ.

Въ этомъ уединеніи, которое, конечно, нарушалось болѣе или менѣе продолжительными посѣщеніями многочисленныхъ поклонниковъ большаго литературнаго таланта, Вольтеръ, несмотря на свои старые годы, работалъ больше чѣмъ когда-нибудь прежде. Послѣднія двадцать лѣтъ его жизни были самыми плодовитыми годами въ его литературной дѣятельности. Свободный отъ тѣхъ путъ, какія налагались на него прежними отношеніями, онъ предается усиленнымъ и самымъ разнообразнымъ умственнымъ занятіямъ. «Я терпѣлъ сорокъ лѣтъ оскорбленія ханжей и плутовъ», писалъ онъ д'Аламберу въ 1761 году. «Я убѣдился, что нельзя ничего добиться умѣренностью, что она оставляетъ человѣка въ дуракахъ. Надо бороться и благородно умереть —

Sur un tas de bigots étendus à nos pieds» [1]).

Отнынѣ жизнь Вольтера, съ ея внѣшней стороны, уже не представляетъ прежняго разнообразія и интереса. Все значеніе ея заключается единственно въ его умственной работѣ и литературной дѣятельности. Этому послѣднему періоду принадлежатъ замѣчательнѣйшіе полемическіе и историческіе очерки по жгучимъ текущимъ вопросамъ, отъ правильной постановки которыхъ зависѣла будущность Франціи и Европы, будущность всего человѣчества. Почти каждый мѣсяцъ и швейцарскія, и голландскія типографіи выпускали въ свѣтъ какую-нибудь его новинку въ этомъ родѣ, подъ разными именами, большею частью подъ именами авторовъ умершихъ или просто вымышленныхъ. Вольтеръ обыкновенно наносилъ свои удары суевѣрію и тираннін, скрывая руку, отъ которой они исходили. Въ письмахъ къ д'Аламберу онъ прямо говорилъ, что, будучи горячимъ сторонникомъ истины, онъ не питаетъ особеннаго желанія быть мученикомъ. «Какъ только представится малѣйшая опасность»,— писалъ онъ по поводу своего «Философскаго Сло-

[1]) На кучѣ ханжей, распростертыхъ у нашихъ ногъ.

варя»,—«извѣстите меня, ради Бога, чтобы я могъ публично отречься отъ этого сочиненія, съ моими обычными стыдливостью и невинностью». Такой способъ борьбы съ средневѣковыми понятіями и учрежденіями казался ему не только самымъ удобнымъ, но и самымъ полезнымъ для цѣлей борьбы. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему письма и свѣдѣнія о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, преимущественно во Франціи; живя въ своемъ уединеніи, онъ вовсе не былъ разобщенъ съ остальнымъ міромъ. Къ нему обращались, ему передавали необходимый матеріалъ по многимъ дѣламъ, возмущавшимъ общественное сознаніе и совѣсть, давно уже выросшія изъ тѣхъ пеленокъ, въ какихъ держалъ ихъ существующій строй государственной жизни и церкви...

Страшное землетрясеніе, разрушившее Лиссабонъ 1-го ноября 1755 года, поразило всю Европу. Гёте, которому было тогда не болѣе шести лѣтъ, разсказывалъ впослѣдствіи, что его дѣтская вѣра была поколеблена этимъ страшнымъ бѣдствіемъ; шестидесятилѣтній Вольтеръ высказалъ свое впечатлѣніе въ философской поэмѣ о лиссабонскомъ крушеніи. Оно, по мнѣнію Вольтера, служило страшно убѣдительнымъ доказательствомъ существованія зла въ природѣ, и горько опровергало ложную мысль Пòпа, что «все хорошо» въ ней. Но какъ объяснить это зло? Есть ли оно небесная кара, какъ толкуютъ патеры? Но въ такомъ случаѣ, почему Лиссабонъ больше заслуживалъ кары, чѣмъ всякій другой городъ въ мірѣ? почему —

Lisbonne est abimé et l'on dance à Paris?

Кто виновникъ зла? Злой ли геній, черный Тифонъ, дикій Ариманъ? Но эти чудовища придуманы во времена варварства и невѣжества. Философы-оптимисты объясняютъ бѣдственныя явленія непреложными законами природы; но какъ доказать, что для блага міра подземный огонь долженъ былъ находиться именно подъ Лиссабономъ? Мы ничего этого не знаемъ, и намъ остается только покориться

судьбѣ и надѣяться. Но и къ надеждѣ примѣшивается сомнѣніе.

Тѣ же мысли изложены въ знаменитомъ романѣ Вольтера: «Кандидъ, или оптимизмъ». Авторъ переноситъ читателя въ разныя страны: въ Вестфалію, Голландію, Португалію, гдѣ читатель опять встрѣчается съ ужасающимъ землетрясеніемъ; въ Америку, Парижъ, Лондонъ, Венецію, Турцію. Главная задача романа поставить вопросъ: можетъ ли этотъ міръ быть лучшимъ изъ міровъ, какъ скоро въ немъ такъ много физическихъ и нравственныхъ золъ — война и землетрясенія, инквизиція и торгъ невольниками? И романъ даетъ на этотъ вопросъ три разныхъ отвѣта. Мартенъ, много испытавшій пессимистъ, убѣдился, что человѣкъ рожденъ жить или въ треволненіяхъ, или въ летаргической скукѣ. Герой романа, Кандидъ, не раздѣляетъ этого мнѣнія, но ничего не утверждаетъ положительно; зато Панглоссъ, доктринеръ и оптимистъ, вполнѣ признавая, что ему пришлось много вытерпѣть въ жизни, упорно стоитъ на своемъ, разъ высказанномъ мнѣніи, что все идетъ какъ нельзя лучше, хотя онъ этому и не вѣритъ. Въ заключеніе, герой романа, послѣ многихъ житейскихъ превратностей, испытавъ и богатство и бѣдность, останавливается на скромномъ счастіи — владѣть и заниматься небольшимъ садомъ, какъ воздѣлывалъ свои сады фернейскій патріархъ. «Будемъ трудиться безъ разсужденій — таково единственное средство сдѣлать жизнь сносной»,— говоритъ мудрый пессимистъ «Кандида». Въ романѣ не мало комическихъ сценъ, много остроумія; если нашъ міръ — лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ,— спрашиваетъ Кандидъ — то каковы же должны быть другіе? Очень забавенъ ужинъ въ Венеціи въ обществѣ шести свергнутыхъ величествъ, съѣхавшихся туда на карнавалъ. «Кандидъ» теперь не удовлетворяетъ насъ въ цѣломъ, какъ художественное произведеніе; дѣйствующія лица этого романа, какъ и многихъ беллетристическихъ произведеній Вольтера, больше похожи

на марьонетокъ, на фигуры съ извѣстными ярлыками, чѣмъ на живыхъ людей; но онъ будилъ мысль, онъ, какъ и другія сочиненія Вольтера, выбивалъ ее изъ старой колеи на новую дорогу.

Всѣ романы и сказки Вольтера, которыхъ мы перечислять не будемъ, избѣгая слишкомъ большихъ подробностей,—всѣ его романы и сказки въ прозѣ и стихахъ носятъ болѣе или менѣе сатирическій, философскій и публицистическій отпечатокъ. Но нельзя пройти молчаніемъ романъ его «Простякъ» (l'Ingénu), въ которомъ онъ затрогиваетъ извѣстную тэму Руссò,—сопоставленіе грубой, но здоровой и доброй природы съ образованіемъ и его условными требованіями, нерѣдко извращенными и безнравственными. Природа олицетворена въ романѣ въ лицѣ молодаго человѣка, француза, уроженца Канады, выросшаго по смерти родителей среди гуроновъ. Это дитя природы попадаетъ потомъ во Францію, и съ самаго начала, особенно пріискавъ себѣ любовницу, забавно сталкивается съ нравами и предразсудками культурнаго міра. Столкновенія эти вскорѣ принимаютъ и серьёзный характеръ. Простякъ попадаетъ въ Парижъ, гдѣ онъ беззащитенъ противъ интриги, и гдѣ ему приходится свести знакомство съ Бастиліей. Въ крѣпости его утѣшаетъ и поучаетъ давно уже посаженный туда янсенистъ; его любовница, тоже пріѣхавшая въ Парижъ, чтобы отыскать его, не можетъ выручить его изъ заключенія безъ пожертвованія своей чести и умираетъ съ горя. «Простякъ»—живая картина послѣднихъ лѣтъ Людовика XIV, написанная рукою мастера.

Еще въ сороковыхъ годахъ, при жизни маркизы Дюшатлè, Вольтеръ написалъ для нея опытъ философіи исторіи и опытъ исторіи человѣческаго ума отъ Карла Великаго до настоящаго времени. Теперь онъ передѣлалъ и издалъ эти два труда вмѣстѣ, подъ заглавіемъ: «Опытъ о нравахъ и духѣ народовъ, и главныя событія исторіи отъ Карла Великаго до Людовика XIII», поставивъ впереди

философію исторіи, какъ введеніе. Маркиза Дю-Шатлѐ, большая любительница естествознанія и математики, не могла терпѣть исторіи,— конечно, потому что исторія излагалась до тѣхъ поръ и тяжело и безсмысленно. Извѣстная «Всеобщая исторія» Боссюэта не удовлетворяла ее ни тою точкой зрѣнія, на которой стоялъ этотъ духовный писатель, ни со стороны полноты и разнообразія свѣдѣній. Боссюэтъ довелъ свою исторію только до Карла Великаго. Желая показать своей подругѣ, что исторія можетъ быть и интересна и привлекательна, Вольтеръ написалъ свои два опыта, которые были имъ отдѣланы вновь и изданы въ 1756 году. То была первая остроумная, но, разумѣется, очень несовершенная попытка во Франціи внести въ изложеніе исторіи критическій пріемъ и сдѣлать изъ нея поучительные для человѣчества выводы. Ставъ на точку зрѣнія «добраго гражданина», Вольтеръ болѣе интересуется судьбою людей, чѣмъ паденіемъ троновъ; исторія, по его мнѣнію, должна бы больше заниматься человѣчествомъ; она должна бы говорить прежде всего: homo sum,— а большинство историковъ ограничиваются описаніемъ сраженій. Читатель долженъ узнавать изъ исторіи, что̀ измѣнчиво сообразно мѣсту и времени. «Все странное въ настоящее время не было странно въ былыя времена. Исторія должна быть историческимъ развитіемъ мнѣній: господствующія мнѣнія характеризуютъ духъ данной эпохи, а послѣдній направляетъ великія событія. Вольтеръ признаетъ прогрессъ очевиднымъ историческимъ явленіемъ и требуетъ, чтобъ историкъ показывалъ, насколько положеніе дѣлъ измѣняется къ лучшему. Указаніе дѣйствующихъ силъ въ явленіяхъ историческихъ, различеніе причинъ и слѣдствій— вотъ что необходимо для историка. Въ сущности исторія есть лишь сборъ преступленій, безумій и бѣдствій, между которыми иногда попадаются кое-какія доблести, кое-какія счастливыя эпохи, какъ жилища, разбросанныя въ дикихъ пустыняхъ». Предразсудки и заблужденія вытѣсняютъ ис-

на марьонетокъ, на фигуры съ извѣстными ярлыками, чѣмъ на живыхъ людей; но онъ будилъ мысль, онъ, какъ и другія сочиненія Вольтера, выбивалъ ее изъ старой колеи на новую дорогу.

Всѣ романы и сказки Вольтера, которыхъ мы перечислять не будемъ, избѣгая слишкомъ большихъ подробностей,—всѣ его романы и сказки въ прозѣ и стихахъ носятъ болѣе или менѣе сатирическій, философскій и публицистическій отпечатокъ. Но нельзя пройти молчаніемъ романъ его «Простякъ» (l'Ingénu), въ которомъ онъ затрогиваетъ извѣстную тэму Руссо̀,—сопоставленіе грубой, но здоровой и доброй природы съ образованіемъ и его условными требованіями, нерѣдко извращенными и безнравственными. Природа олицетворена въ романѣ въ лицѣ молодаго человѣка, француза, уроженца Канады, выросшаго по смерти родителей среди гуроновъ. Это дитя природы попадаетъ потомъ во Францію, и съ самаго начала, особенно пріискавъ себѣ любовницу, забавно сталкивается съ нравами и предразсудками культурнаго міра. Столкновенія эти вскорѣ принимаютъ и серьёзный характеръ. Простякъ попадаетъ въ Парижъ, гдѣ онъ беззащитенъ противъ интриги, и гдѣ ему приходится свести знакомство съ Бастиліей. Въ крѣпости его утѣшаетъ и поучаетъ давно уже посаженный туда янсенистъ; его любовница, тоже пріѣхавшая въ Парижъ, чтобы отыскать его, не можетъ выручить его изъ заключенія безъ пожертвованія своей чести и умираетъ съ горя. «Простякъ»— живая картина послѣднихъ лѣтъ Людовика XIV, написанная рукою мастера.

Еще въ сороковыхъ годахъ, при жизни маркизы Дю-Шатлѐ, Вольтеръ написалъ для нея опытъ философіи исторіи и опытъ исторіи человѣческаго ума отъ Карла Великаго до настоящаго времени. Теперь онъ передѣлалъ и издалъ эти два труда вмѣстѣ, подъ заглавіемъ: «Опытъ о нравахъ и духѣ народовъ, и главныя событія исторіи отъ Карла Великаго до Людовика XIII», поставивъ впереди

философію исторіи, какъ введеніе. Маркиза Дю-Шатлѐ, большая любительница естествознанія и математики, не могла терпѣть исторіи,— конечно, потому что исторія излагалась до тѣхъ поръ и тяжело и безсмысленно. Извѣстная «Всеобщая исторія» Боссюэта не удовлетворяла ее ни тою точкой зрѣнія, на которой стоялъ этотъ духовный писатель, ни со стороны полноты и разнообразія свѣдѣній. Боссюэтъ довелъ свою исторію только до Карла Великаго. Желая показать своей подругѣ, что исторія можетъ быть и интересна и привлекательна, Вольтеръ написалъ свои два опыта, которые были имъ отдѣланы вновь и изданы въ 1756 году. То была первая остроумная, но, разумѣется, очень несовершенная попытка во Франціи внести въ изложеніе исторіи критическій пріемъ и сдѣлать изъ нея поучительные для человѣчества выводы. Ставъ на точку зрѣнія «добраго гражданина», Вольтеръ болѣе интересуется судьбою людей, чѣмъ паденіемъ троновъ; исторія, по его мнѣнію, должна бы больше заниматься человѣчествомъ; она должна бы говорить прежде всего: homo sum,— а большинство историковъ ограничиваются описаніемъ сраженій. Читатель долженъ узнавать изъ исторіи, что̀ измѣнчиво сообразно мѣсту и времени. «Все странное въ настоящее время не было странно въ былыя времена. Исторія должна быть историческимъ развитіемъ мнѣній: господствующія мнѣнія характеризуютъ духъ данной эпохи, а послѣдній направляетъ великія событія. Вольтеръ признаетъ прогрессъ очевиднымъ историческимъ явленіемъ и требуетъ, чтобъ историкъ показывалъ, насколько положеніе дѣлъ измѣняется къ лучшему. Указаніе дѣйствующихъ силъ въ явленіяхъ историческихъ, различеніе причинъ и слѣдствій— вотъ что необходимо для историка. Въ сущности исторія есть лишь сборъ преступленій, безумій и бѣдствій, между которыми иногда попадаются кое-какія доблести, кое-какія счастливыя эпохи, какъ жилища, разбросанныя въ дикихъ пустыняхъ». Предразсудки и заблужденія вытѣсняютъ ис-

тину и разумъ; люди ловкіе и счастливые опутываютъ слабыхъ, губятъ несчастныхъ и сами дѣлаются игрушкой судьбы, какъ и тѣ рабы, которыми они управляютъ. Это было то апріористическое отношеніе мыслителей XVIII вѣка къ историческимъ явленіямъ, о которомъ мы упоминали выше. Мало-по-малу, продолжаетъ Вольтеръ, люди начинаютъ просвѣщаться при видѣ собственныхъ безумій и несчастій, общество съ теченіемъ времени исправляетъ свои понятія, люди научаются мыслить. Но міръ очень медленно приближается къ мудрости, и никогда нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что поворотъ назадъ уже невозможенъ. Къ сожалѣнію, однимъ и тѣмъ же безуміямъ, повидимому, суждено повторяться отъ времени до времени. Съ этой точки зрѣнія Вольтеръ быстро обозрѣваетъ въ своемъ «Опытѣ» древнюю исторію, и подробно и живо излагаетъ исторію новыхъ народовъ, пріурочивая ее къ вѣку Людовика XIV, какъ самой блестящей эпохѣ въ исторіи человѣчества. Для Боссюэта исторія есть послѣдствіе божественной и чудесной силы, преслѣдующей свои высшія цѣли при посредствѣ своихъ избранниковъ, вопреки противодѣйствію людей. У Вольтера уже нѣтъ рѣчи ни объ этой направляющей силѣ, ни о сверхъестественныхъ ея цѣляхъ и средствахъ; природа человѣка имѣетъ дѣло только съ собою и внѣшнею природой; ея силы и страсти, то сокрушаемыя, то поощряемыя природой, опредѣляютъ весь ходъ исторіи, въ которой все происходитъ въ силу естественной необходимости.

Къ послѣднему періоду жизни Вольтера относится также новый и въ высшей степени плодотворный родъ его сочиненій, вызванныхъ ужасающими, безчеловѣчными процессами и казнями, въ которыхъ еще такъ страшно проявлялись во Франціи религіозная нетерпимость, фанатизмъ и суевѣріе.

9-го марта 1762 года, въ католической Тулузѣ подвергся варварской казни купецъ-протестантъ Жанъ Каласъ, жертва

юридическаго убійства, по ложному обвиненію въ повѣшеніи собственнаго сына, будто бы за его желаніе перейти въ католицизмъ. Старшій сынъ Каласа, Маркъ-Антонинъ, дѣйствительно, былъ найденъ въ одинъ вечеръ повѣшеннымъ въ подвалѣ отцовскаго дома, но никому не было извѣстно, что было причиной его насильственной смерти и не была ли она самоубійствомъ. Узнавъ объ этомъ ужасномъ событіи, отецъ тотчасъ послалъ втораго сына за хирургомъ; но, спасая честь семьи, не рѣшился сказать ему, въ какомъ положеніи былъ найденъ несчастный. Хирургъ, увидѣвъ на шеѣ слѣды веревки, призналъ его задушеннымъ, и вѣсть объ этомъ мгновенно разнеслась по фанатически-настроенному городу. Около дома Каласа собралась толпа народа; предубѣжденный не менѣе толпы, мэръ явился со стражей и арестовалъ все семейство. Пошли толки и увѣренія, что протестантъ задушилъ своего сына, желавшаго сдѣлаться католикомъ, тогда какъ въ этой несчастной семьѣ безпрепятственно жила очень преданная ей служанка, ревностная католичка. Какъ у насъ подозрѣваютъ евреевъ въ употребленіи христіанской крови, такъ въ Тулузѣ всѣ были увѣрены въ то время, что коварные протестанты всегда предупреждаютъ убійствомъ возвращеніе своихъ единовѣрцевъ въ лоно католической церкви. Маркъ-Антонинъ, молодой человѣкъ съ нѣкоторыми странностями, вѣроятно повѣсившійся самъ, былъ признанъ мученикомъ, пострадавшимъ за истинную вѣру. Его тѣло было торжественно перенесено въ католическую церковь, гдѣ происходило и не менѣе торжественное его погребеніе; на могилѣ его возведенъ былъ памятникъ, изображавшій покойнаго съ пальмой въ одной рукѣ и съ надписью въ другой: «отрекаюсь отъ ереси». Послѣ крайне неправильнаго слѣдствія, при которомъ дѣло не обошлось безъ пытки, тулузскій парламентъ приговорилъ отца къ колесованію, а втораго сына его, который прежде другихъ увидѣлъ повѣшеннаго брата, къ вѣчному изгнанію. Мать покойнаго, убитая смертью

сына и страшнымъ горемъ семьи, раздѣлявшая тюремное заключеніе съ мужемъ, измученная послѣ его казни долгими увѣщаніями отречься отъ протестантской ереси, разлученная съ двумя дочерьми, помѣщенными въ католическіе монастыри, уѣхала куда-то въ деревню, даже и не помышляя о возможности жаловаться на неправый судъ и приговоръ. Но Вольтеру довольно было узнать сущность этого вопіющаго дѣла, чтобы поднять тревогу на всю Францію. Онъ пишетъ своимъ пріятелямъ и знакомымъ, собираетъ точныя фактическія свѣдѣнія, выслушиваетъ сына казненнаго Каласа и убѣждаетъ мать ѣхать въ Парижъ, чтобы тамъ искать защитниковъ и требовать возстановленія чести мужа и семьи. Онъ пишетъ свой знаменитый «Трактатъ о терпимости», по поводу смерти Жана Каласа; ему стыдно быть французомъ, быть человѣкомъ; онъ требуетъ возстановленія честной памяти казненнаго, возвращенія дочерей и имущества несчастной вдовѣ его. Скандалъ былъ такъ великъ, что король назначилъ особый верховный судъ для пересмотра дѣла Каласа, и 9-го мая 1765 года, въ годовщину казни ни въ чемъ неповиннаго человѣка, верховный судъ единогласно призналъ приговоръ тулузскаго парламента недѣйствительнымъ, а казненнаго и семью его — невиновными; король назначилъ оправданной семьѣ денежную помощь въ вознагражденіе за понесенные ею убытки. «Вамъ обязаны Каласы этою побѣдою», писалъ тогда Вольтеру д'Аламберъ: «вы одни подняли за нихъ всю Францію и всю Европу».

Въ то время, когда семейство Каласа еще томилось въ заключеніи, въ другомъ мѣстѣ южной Франціи, въ предѣлахъ того же тулузскаго судебнаго округа, произошло другое дѣло въ томъ же родѣ. Въ Кастрѣ проживало въ своемъ небольшомъ имѣніи протестантское семейство Сирвеновъ, состоявшее изъ отца, матери и трехъ дочерей. Младшая изъ нихъ явилась однажды къ епископу, который, узнавъ, что она протестантка, велѣлъ отвезти ее въ монастырь для об-

ращенія на путь истинный. Для убѣжденія несчастной дѣвушки, въ монастырѣ были употреблены розги; дѣвушка въ изступленіи бѣжала и открыто бросилась въ колодецъ. Отцу и тутъ было приписано потопленіе дочери за ея приверженность къ католической церкви. Духовенство уже возбуждало народъ противъ мнимаго убійцы, когда Сирвены, напуганные примѣромъ семейства Каласа, тайно бѣжали въ Швейцарію. Тамъ они обратились къ Вольтеру, который добился и для нихъ того же самаго, что онъ сдѣлалъ для Каласовъ.

Новая казнь, на этотъ разъ въ Аббевиллѣ въ Пикардіи, произвела на Вольтера еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ казнь несчастнаго Каласа. Двое молодыхъ людей, одинъ семнадцати, другой шестнадцати лѣтъ, де-Ла-Барръ и д'Эталлондъ, были обвинены въ поврежденіи деревяннаго распятія на одномъ аббевильскомъ мосту, въ неснятіи шляпъ передъ капуцинской процессіей и въ пѣніи противо-религіозныхъ пѣсенъ. Обвиняемые были юридически уличены только по двумъ послѣднимъ пунктамъ обвиненія; во всемъ дѣлѣ играли большую роль личная ненависть и самыя гнусныя наускиванья. Несмотря на это, юноши были приговорены къ жестокой казни. Судъ постановилъ вырвать у Эталлонда языкъ, отрѣзать ему руку и потомъ сжечь его заживо на городской площади; но бѣдному мальчику удалось бѣжать въ Германію, гдѣ онъ поступилъ въ прусскую службу. Де-Ла-Барру, оставшемуся въ рукахъ варварской юстиціи, положено было отрубить голову и потомъ сжечь его трупъ; но прежде казни онъ долженъ былъ подвергнуться пыткѣ: желали довести его до собственнаго сознанія въ преступленіи. Несчастный выдержалъ пытку съ необыкновеннымъ мужествомъ и былъ казненъ 5 іюня 1766 года. Всего ужаснѣе въ этомъ дѣлѣ было то, что юношу, мальчика, жестоко казнили за простое нарушеніе полицейскихъ правилъ. Но по тогдашнимъ уголовнымъ законамъ неуваженіе къ процессіи и пѣніе грѣшныхъ пѣсенъ считались преступленіями противъ божества

болѣе важными, чѣмъ преступленія противъ человѣка. «Я не понимаю», писалъ Вольтеръ д'Аламберу, «какъ могутъ мыслящія существа жить въ странѣ обезьянъ, которыя такъ часто превращаются въ тигровъ. Мнѣ стыдно жить даже на границѣ. Теперь не до шутокъ; остроты не идутъ къ убійствамъ. Какъ! бузирисы въ судейскомъ платьѣ подвергаютъ шестнадцатилѣтнихъ дѣтей ужаснѣйшимъ казнямъ! И нація это терпитъ! Объ этомъ говорятъ одну минуту и потомъ бѣгутъ въ Комическую Оперу. Мнѣ совѣстно быть до такой степени чувствительнымъ и запальчивымъ въ мои годы. Я плачу о людяхъ, у которыхъ вырываютъ языкъ, тогда какъ вы употребляете вашъ языкъ на то, чтобы говорить вещи очень пріятныя и очень забавныя. Вашъ желудокъ, любезный философъ, варитъ хорошо, а я совсѣмъ не перевариваю пищи. Вы еще молоды, а я человѣкъ старый и больной. Простите мою грусть». За эти золотыя слова можно, въ самомъ дѣлѣ, простить Вольтеру не только его грусть, но и многое другое. Переписка Вольтера за это время показываетъ, что онъ няньчился съ очень странною для нашего времени, но понятною въ половинѣ восемнадцатаго вѣка мыслію — основать внѣ угнетенной и фанатической Франціи небольшую колонію мыслителей въ той части Германіи, которая принадлежала Фридриху-Великому...

Ни эта мысль, ни мысль о пересмотрѣ процесса Ла-Барръ не удались Вольтеру; но онъ и послѣ не переставалъ возставать противъ варварскихъ судебныхъ приговоровъ, чтобы предупредить ихъ исполненіе или добиться оправданія осужденныхъ послѣ казни. Предметомъ его вниманія были не только отдѣльные случаи, но и состояніе французской юстиціи вообще. Въ 1764 году, когда вышелъ трактатъ Беккаріа о преступленіяхъ и наказаніяхъ, онъ сообщилъ автору, въ видѣ письма, о казни Ла-Барра и потомъ написалъ толкованіе на сочиненіе итальянскаго криминалиста. Онъ настойчиво требовалъ упрощеннаго и единообразнаго уголовнаго законодательства, болѣе правильнаго и человѣчнаго пред-

варительнаго слѣдствія, отмѣны пытокъ и усиленныхъ видовъ смертной казни, которая, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, должна быть замѣнена, по его мнѣнію, каторжными работами. Главными столпами застарѣлыхъ пріемовъ французской юстиціи были парламенты, представлявшіе въ то же время единственный и послѣдній оплотъ противъ королевскаго произвола. И въ 1771 году, когда канцлеръ Мопу задумалъ радикальное преобразованіе судебной части и разогналъ парижскій парламентъ, Вольтеръ коренными образомъ разошелся съ общественнымъ мнѣніемъ, которое осуждало эту мѣру съ политической точки зрѣнія, хотя она и была направлена противъ устарѣлой судебной корпораціи, враждебной всякому прогрессу. Исторія показала, что онъ не ошибался. Вѣрный впечатлѣніямъ, вывезеннымъ изъ Англіи, Вольтеръ хотѣлъ свободы, огражденной закономъ; по его мнѣнію, всѣ равны, какъ люди, но не могутъ быть равны, какъ члены общества; законы должны ограждать права сословій; но онъ былъ въ то же время рѣзкимъ противникомъ привилегій духовенства, избавленнаго отъ уплаты налоговъ, и сторонникомъ закрытія монастырей. Нерѣдко случалось ему возвышать голосъ въ пользу французскаго крестьянства, подавленнаго всякими поборами и повинностями, и требовать скорыхъ мѣръ къ улучшенію общаго положенія крестьянъ. Въ его глазахъ, всякому человѣку принадлежитъ естественное право свободно располагать собою, своимъ семействомъ и своею собственностью. Но ему, какъ человѣку аристократическаго воспитанія, какъ свѣтскому человѣку первой половины восемнадцатаго вѣка, были еще чужды тѣ суровыя и послѣдовательныя ученія о равенствѣ, которыхъ выразителемъ были Руссо и люди его поколѣнія.

Главнымъ предметомъ его размышленій и занятій и въ этой послѣдней порѣ жизни, его спеціальностью, если можно такъ выразиться, были философскіе и теологическіе вопросы. Онъ былъ безпощаденъ къ католическому міровоззрѣнію, выдававшему самые трудные и темные вопросы бытія за

нѣчто порѣшенное на-вѣки, и боролся съ этимъ міровоззрѣніемъ во всевозможныхъ видахъ. Въ половинѣ прошлаго вѣка Дидро и д'Аламберъ предприняли, подъ именемъ «Энциклопедіи», изданіе обширнаго всеобщаго словаря по части наукъ, искусствъ и промышленности. Всѣ пріобрѣтенія человѣческаго ума и знанія должны были войти въ это изданіе въ ихъ современномъ освѣщеніи. Вольтеръ былъ усерднымъ сотрудникомъ «Энциклопедіи» по вопросамъ исторіи, эстетики, философіи и теологіи. Самъ онъ издалъ въ 1764 году свой «Философскій Словарь», отъ котораго не замедлилъ отречься публично, въ виду грозившей ему опасности, и нѣсколько другихъ сочиненій того же характера: «Философъ-невѣжда»; «Все въ Богѣ, или толкованіе на Мальбранша»; «Надо рѣшиться, или принципъ дѣятельности»; мнимыя «Письма Меммія къ Цицерону», бесѣды между Лукреціемъ и Посидоніемъ, между Су-су и Ку, бесѣды Эвгемера и пр.

Точка отправленія Вольтера въ его философскихъ воззрѣніяхъ опредѣлилась въ сравнительно молодые годы его жизни. Живя въ Сирѐ, онъ написалъ для своей подруги «Трактатъ о Метафизикѣ», въ которомъ онъ высказалъ мысль, что какъ для уразумѣнія системы мірозданія намъ нужно перенестись съ земли на солнце, такъ и для пониманія человѣка необходимо отрѣшиться отъ всѣхъ человѣческихъ предразсудковъ и представить себя жителемъ Юпитера или Марса, сошедшаго на землю. «Спустившись на этотъ небольшой комокъ грязи, — говоритъ онъ далѣе въ томъ же «Трактатѣ»,— и точно также ничего не зная о человѣкѣ, какъ человѣкъ не знаетъ ничего о Марсѣ или Юпитерѣ, я пристаю къ берегамъ океана, въ Кафрерію, и принимаюсь отыскивать человѣка. Мнѣ попадаются обезьяны, слоны, негры, обладающіе всѣ кое-какими проблесками несовершеннаго разума. И тѣ и другіе имѣютъ свой языкъ, который мнѣ непонятенъ, и всѣ ихъ дѣйствія, повидимому, въ одинаковой степени направлены къ извѣстной цѣли. Если я буду судить о видѣнномъ по первому ихъ дѣйствію

на меня, то сначала мнѣ покажется, что слонъ — самый разумный изъ всѣхъ этихъ существъ; но, чтобы не судить поверхностно, я беру дѣтенышей всѣхъ этихъ животныхъ, разсматриваю шестимѣсячнаго ребенка-негра, маленькаго слона, маленькую обезьяну, львенка, собачку, и вижу несомнѣнно, что у этихъ юныхъ животныхъ несравненно больше силы и ловкости, больше идей, страстей и памяти, чѣмъ у негра, что они ощутительнѣе проявляютъ всѣ свои желанія; но черезъ нѣсколько времени у негра оказывается столько же идей, сколько у всѣхъ этихъ животныхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Я замѣчаю, что у животныхъ породы негровъ есть языкъ гораздо болѣе членораздѣльный и болѣе разнообразный, чѣмъ языкъ другихъ животныхъ. Я изучаю этотъ языкъ и, наконецъ, путемъ наблюденія надъ нѣкоторымъ превосходствомъ негра передъ обезьянами и слонами, заключаю, что, дѣйствительно, это человѣкъ, и составляю себѣ такое опредѣленіе: человѣкъ есть чернокожее животное, голова котораго покрыта шерстью, ходящее на четырехъ лапахъ, почти столь же ловкое какъ обезьяна, менѣе сильное чѣмъ другія животныя одной съ нимъ величины, имѣющее немного больше идей, чѣмъ они, и болѣе способное выражать эти идеи, но подчиненное однимъ и тѣмъ же необходимостямъ, рождающееся, живущее и умирающее точно такъ же, какъ и они». Проникнувъ въ другія мѣста земнаго шара, и встрѣтивъ тамъ иныхъ животныхъ, увидѣвъ, вмѣсто чернокожаго человѣка, людей желтыхъ и бѣлыхъ, безпристрастный наблюдатель расширяетъ свое опредѣленіе, но остается при прежней точкѣ зрѣнія въ своихъ наблюденіяхъ. Онъ убѣдится такимъ образомъ, какъ убѣжденъ и самъ Вольтеръ, что человѣкъ, какъ животное, получаетъ свои первыя идеи черезъ впечатлѣнія, воспринимаемыя его чувствами. Память удерживаетъ эти впечатлѣнія, которыя мы приводимъ въ порядокъ и совокупляемъ въ общія понятія, также извлеченныя нами только изъ частныхъ понятій, такъ что всѣ человѣческія познанія

проистекаютъ изъ этой способности совокуплять и приводить въ порядокъ наши воспріятія. Разумѣется, все это не больше какъ знаменитое ученіе Локка о способахъ познаванія; но Вольтеръ первый популяризовалъ это важное ученіе во Франціи и Европѣ. Съ нимъ, съ этимъ ученіемъ, тѣсно связаны у Вольтера существеннѣйшія для человѣческой мысли представленія о божествѣ и о душѣ. Вольтеръ совсѣмъ напрасно прослылъ безбожникомъ: онъ былъ свободно-мыслящимъ деистомъ, котораго философскія воззрѣнія не мирились съ атеизмомъ. Кромѣ давнихъ предупрежденій, поводомъ къ мнѣнію о Вольтерѣ, какъ атеистѣ, могли служить приведенные имъ доводы въ пользу деизма. Однимъ изъ этихъ доводовъ была полезность идеи божества, безъ которой подверглось бы великой опасности самое существованіе человѣческаго общества. Вольтеръ высказывалъ эту мысль и въ прозѣ, и въ стихахъ:

Ce systéme sublime à l'homme est nécessaire.
C'est la sacré lien de la société.
Le premier fondement de la sainte équité.
Le frein du scélérat, l'espérance du juste.
Si les cieux, dépouillés de son empreinte auguste,
Pouvaient cesser jamais de le manifester,
Si Diêu n'existait pas, il faudrait l'inventer [1]).

Вольтеръ считалъ атеизмъ доступнымъ только мыслителямъ; массѣ народа нужны, по его мнѣнію, прочная узда и проповѣдь о божествѣ награждающемъ и наказующемъ; онѣ нужны и сильнымъ міра, напоминая имъ существованіе высшей правды, предъ которой они отвѣтственны за свои дѣйствія. Такой практическій, можно сказать, житей-

[1]) Это дивное ученіе необходимо человѣку. Оно — священное звено, связующее общество, коренная основа святой справедливости, узда для злодѣя, надежда справедливаго. Еслибъ небеса, лишившись своего высокаго отпечатка, могли когда нибудь перестать проявлять его, еслибъ божество не существовало, — то слѣдовало бы выдумать его. — Изъ посланія къ неизвѣстному автору «De tribus impostoribus, 1598».

скій доводъ въ метафизическомъ вопросѣ первой важности смущалъ и продолжаетъ смущать многихъ. Если божество необходимо для массы, какъ утверждалъ Вольтеръ, то, значитъ, онъ самъ, мыслитель, отнюдь не принадлежавшій къ толпѣ, могъ обходиться безъ него. Но этотъ выводъ былъ бы невѣренъ. Вольтеръ былъ дѣйствительно деистомъ въ глубинѣ души. Отвергая суевѣріе, враждуя противъ католическаго духовенства, онъ не сходилъ съ почвы деизма, глубоко въ немъ укоренившагося:

Corrige le valet, mais respecte le maître.
Dieu ne doit pas souffrir des sottises du prêtre:
Reconnaissons le Dieu, quoique très-mal servi.
De lézards et de rats mon logis est rempli;
Mais l'architecte existe, et quiconque le nie
Sous le manteau du sage est atteint de manie [1]).

Міръ существуетъ, — слѣдовательно, заключалъ Вольтеръ, существуетъ и его строитель. Міръ устроенъ разумно, — слѣдовательно онъ устроенъ разумомъ. Движеніе свѣтилъ, тяготѣніе нашей планеты къ солнцу подчинены глубокимъ математическимъ законамъ. Или самыя звѣзды — великіе геометры, или ихъ движеніе опредѣлено вѣчнымъ геометромъ, какъ превосходно назвалъ божество Платонъ. Живыя тѣла составлены изъ рычаговъ, повинующихся законамъ механики, и влажныхъ частей, обращающихся по правиламъ гидростатики; они не сами дали себѣ это строеніе слѣдовательно — существуетъ вѣчный создатель ихъ. Мыслящія существа не могли произойти отъ немыслящихъ; умъ Ньютона происходитъ отъ другого ума. Въ «Философскомъ Словарѣ», въ разговорѣ философа съ природой, первый спрашиваетъ послѣднюю, какъ можетъ она, столь гру-

[1]) Бичуй слугу, но уважай господина. Божество не должно терпѣть отъ глупостей патеровъ. Признаемъ это божество, хотя ему и служатъ очень дурно. Въ моемъ домѣ много ящерицъ и крысъ, но архитекторъ существуетъ, и тотъ, кто отрицаетъ его, зараженъ маніей подъ плащемъ философа.

бая въ своихъ горахъ и моряхъ, являться столь утонченною въ своихъ животныхъ и растеніяхъ. «Хочешь ли знать истину, бѣдное дитя?» отвѣчаетъ природа. «Дѣло въ томъ, что мнѣ присвоили неподобающее имя; меня зовутъ природой, а я вся — искусство». Вольтеръ не разъ высказывалъ ту же мысль въ своихъ сочиненіяхъ, и всегда отвергалъ то рѣзкое противоположеніе цивилизаціи естественному состоянію человѣка, природы — искусству, которое было порождено крайней искуственностью всей французской цивилизаціи прошлаго вѣка и которое страстно проповѣдывалъ Руссо. Зло, конечно, существуетъ въ мірѣ въ огромныхъ размѣрахъ. Оно еще недавно сказалось такъ безпощадно и разрушительно въ лиссабонской катастрофѣ. «Прокричавшіе, что все хорошо, были шарлатаны», говоритъ Вольтеръ. Въ особенности, человѣкъ — существо самое жалкое, «имѣющее нѣсколько часовъ отдыха, нѣсколько минутъ удовлетворенія и длинный рядъ дней страданія въ своей жизни; но это потому, что міръ не могъ быть созданъ иначе, какъ въ извѣстныхъ условіяхъ, по мнѣнію Вольтера, необходимымъ для самого божества. Побѣдить зло навсегда было невозможно и для вѣчнаго разума. «Я предпочитаю поклоняться божеству не безконечному, чѣмъ божеству злому», говорилъ онъ; «я всегда буду затрудненъ вопросомъ о происхожденіи зла, но останусь при томъ предположеніи, что добрый Аурамазда, все сотворившій, не могъ сдѣлать иначе».

Такова была оригинальная теологія Вольтера, не раздѣляемая, разумѣется, никакою церковью и никакими раціоналистическими школами. Но въ этомъ видѣ онъ твердо стоялъ за идею божества. Въ своемъ сочиненіи «Богъ и люди», онъ говоритъ, между прочимъ: «Никакое общество не можетъ существовать безъ справедливости; будемъ же провозглашать справедливое божество. Если государственный законъ караетъ дознанныя преступленія, будемъ провозглашать божество, карающее за тайныя преступленія.

Пусть философъ, если желаетъ, будетъ спинозистомъ; но государственный человѣкъ долженъ быть деистомъ. Вы не знаете, что такое божество,— какъ оно караетъ, какъ награждаетъ; но вы знаете, что оно должно быть высшимъ разумомъ, высшею справедливостью, — и этого довольно. Никто не въ правѣ противорѣчить вамъ, потому что вы высказываете нѣчто вѣроятное и необходимое человѣчеству». Противъ атеизма и вредныхъ его вліяній на нравы написанъ Вольтеромъ въ 1769 году романъ: «Исторія Женни», главная мысль котораго — невозможность доказать, что божество не караетъ злыхъ, и необходимость для человѣка быть справедливымъ въ виду этой невозможности.

Но, вопреки общепринятымъ понятіямъ, признаніе божества не влекло за собою у Вольтера признанія души, отдѣльной отъ тѣла. Отвергнувъ врожденныя идеи Декарта, онъ, ученикъ Локка, отвергнулъ и самую душу, въ смыслѣ разумной силы, совершенно независимой отъ тѣла. Онъ, правда, не раздѣлялъ мнѣнія матеріалистовъ, что наше тѣло само по себѣ одарено способностью мыслить, но думалъ, вмѣстѣ съ Локкомъ, что божество могло сообщить способность мыслить одной частицѣ матеріи — человѣческому мозгу. Божество производитъ въ насъ понятія и движенія, но лишь при помощи искуснаго построенія нашихъ чувствъ и органовъ, причемъ нѣтъ надобности въ особомъ существѣ, пребывающемъ въ нашемъ тѣлѣ. Животныя, какъ и мы сами, имѣютъ понятія, память, желанія и движенія, и однако никто не приписываетъ имъ безтѣлесной души: зачѣмъ же намъ предполагать ее для объясненія скромнаго превосходства нашихъ способностей и дѣятельности? Насъ изумляетъ мысль, какъ поразительное явленіе; но развѣ не столько же поразительно и самое ощущеніе? Божественное могущество раскрывается столько же въ ощущеніяхъ мельчайшаго насѣкомаго, сколько и въ мозгу Ньютона. Душа, по мнѣнію Вольтера, не что иное, какъ способность, принятая за субстанцію. Она, говоритъ онъ, не безсмертна.

«Было бы отрадно пережить самого себя, сохранить на-вѣки лучшую часть собственнаго существа по разрушеніи другой его части, всегда пребывать съ своими друзьями и проч. Эта мечта была бы утѣшительна въ дѣйствительныхъ невзгодахъ. Я не утверждаю, что имѣю доказательства противъ безтѣлесности и безсмертія души; но всѣ вѣроятія противъ этихъ свойствъ ея». Полнѣе и уже безъ всякихъ прикрасъ, со всѣми оттѣнками своего ума и характера, съ свойственными ему скептицизмомъ и ироніей, Вольтеръ высказался по этому вопросу въ 1772 году, въ письмѣ къ старой и слѣпой, но очень умной женщинѣ и давнишней знакомой, г-жѣ дю-Деффанъ: «Я зналъ одного человѣка, который былъ сильно убѣжденъ, что по смерти пчелы прекращается и ея жужжаніе... Онъ прибавлялъ, что очень дерзко связывать смертное съ безсмертнымъ. По его мнѣнію, наши ощущенія такъ же трудно постигнуть, какъ и наши мысли; природѣ или творцу природы одинаково трудно даровать идеи двуногому животному, называемому человѣкомъ, какъ и ощущеніе земляному червю. По его словамъ, природа такъ распредѣлила вещи, что мы думаемъ головою, какъ ходимъ ногами. Онъ сравнивалъ жизнь съ музыкальнымъ инструментомъ, который, будучи изломанъ, уже не издаетъ звука. Онъ считалъ въ высшей степени очевиднымъ, что человѣкъ, какъ и всѣ животныя и растенія, а можетъ быть какъ и всѣ другіе предметы въ мірѣ, созданъ для того, чтобъ быть и потомъ не быть. Онъ полагалъ, что эта мысль служитъ утѣшеніемъ во всѣхъ горестяхъ жизни, потому что всѣ эти мнимыя огорченія были неизбѣжны; зато, доживъ до старости Демокрита, этотъ человѣкъ, какъ и онъ, смѣялся надъ всѣмъ».

Подъ вліяніемъ этой мысли, Вольтеръ съ годами становился все больше и больше детерминистомъ. Сначала онъ былъ рѣшительнымъ защитникомъ свободной воли человѣка. Свобода, говорилъ онъ въ своемъ «Трактатѣ о метафизикѣ», есть возможность дѣйствовать, двигаться по соб-

ственному выбору. Камни лишены этой возможности, данной только человѣку и животнымъ. Желать и дѣйствовать безъ принужденія къ желанію — значитъ быть свободнымъ, Такова свобода божества, такова свобода человѣка. Но «въ божествѣ свобода есть возможность всегда думать то, что оно желаетъ, и всегда дѣлать то, что оно желаетъ», а свобода въ человѣкѣ есть лишь «слабая, ограниченная и преходящая возможность предаваться нѣкоторымъ мыслямъ и производить нѣкоторыя движенія». Ошибочное мнѣніе, будто человѣкъ не свободенъ, вызвано зрѣлищемъ нашихъ страстей, иногда вовлекающихъ его противъ воли въ извѣстныя дѣйствія, напримѣръ, гнѣва, любви и пр. Но сказать: человѣкъ не свободенъ, потому что онъ иногда не свободенъ, все равно, что сказать: люди иногда хворають, — слѣдовательно, они никогда не бываютъ здоровы. Къ этимъ соображеніямъ Вольтера впослѣдствіи примкнули другія, имъ противорѣчившія. Воля человѣка опредѣляется его разумѣніемъ, а разумѣніе, т.-е. понятія, не зависитъ отъ насъ,— слѣдовательно, воля не свободна. Никто не знаетъ, какая мысль придетъ ему на умъ черезъ минуту, что онъ сдѣлаетъ и скажетъ, куда пойдетъ. Наши мысли подчинены какой-то необходимости,— слѣдовательно, необходимости же подчинена и воля. Въ 1772 году, Вольтеръ уже прямо выступаетъ защитникомъ детерминизма. «Опасеніе лишить человѣка какой-то ложной свободы,— говоритъ онъ въ своемъ «Принципѣ дѣйствія»,—отнять у добродѣтели ея заслугу, и у преступленія — его ужасъ, иногда устрашало нѣжныя души; но, просвѣтившись въ этомъ отношеніи, онѣ вскорѣ возвращались къ той великой истинѣ, что все есть непрерывная цѣпь причинъ и слѣдствій, что все необходимо... Эта истина никогда не можетъ вредить морали. Порокъ тѣмъ не менѣе остается порокомъ, какъ болѣзнь — болѣзнью. Злыхъ всегда придется укрощать; они, обреченные злу, всегда будутъ предназначены возмездію».

Теперь понятно, что разумѣлъ Вольтеръ, избравъ для

«Было бы отрадно пережить самого себя, сохранить на-вѣки лучшую часть собственнаго существа по разрушеніи другой его части, всегда пребывать съ своими друзьями и проч. Эта мечта была бы утѣшительна въ дѣйствительныхъ невзгодахъ. Я не утверждаю, что имѣю доказательства противъ безтѣлесности и безсмертія души; но всѣ вѣроятія противъ этихъ свойствъ ея». Полнѣе и уже безъ всякихъ прикрасъ, со всѣми оттѣнками своего ума и характера, съ свойственными ему скептицизмомъ и ироніей, Вольтеръ высказался по этому вопросу въ 1772 году, въ письмѣ къ старой и слѣпой, но очень умной женщинѣ и давнишней знакомой, г-жѣ дю-Деффанъ: «Я зналъ одного человѣка, который былъ сильно убѣжденъ, что по смерти пчелы прекращается и ея жужжаніе... Онъ прибавлялъ, что очень дерзко связывать смертное съ безсмертнымъ. По его мнѣнію, наши ощущенія такъ же трудно постигнуть, какъ и наши мысли; природѣ или творцу природы одинаково трудно даровать идеи двуногому животному, называемому человѣкомъ, какъ и ощущеніе земляному червю. По его словамъ, природа такъ распредѣлила вещи, что мы думаемъ головою, какъ ходимъ ногами. Онъ сравнивалъ жизнь съ музыкальнымъ инструментомъ, который, будучи изломанъ, уже не издаетъ звука. Онъ считалъ въ высшей степени очевиднымъ, что человѣкъ, какъ и всѣ животныя и растенія, а можетъ быть какъ и всѣ другіе предметы въ мірѣ, созданъ для того, чтобъ быть и потомъ не быть. Онъ полагалъ, что эта мысль служитъ утѣшеніемъ во всѣхъ горестяхъ жизни, потому что всѣ эти мнимыя огорченія были неизбѣжны; зато, доживъ до старости Демокрита, этотъ человѣкъ, какъ и онъ, смѣялся надъ всѣмъ».

Подъ вліяніемъ этой мысли, Вольтеръ съ годами становился все больше и больше детерминистомъ. Сначала онъ былъ рѣшительнымъ защитникомъ свободной воли человѣка. Свобода, говорилъ онъ въ своемъ «Трактатѣ о метафизикѣ», есть возможность дѣйствовать, двигаться по соб-

ственному выбору. Камни лишены этой возможности, данной только человѣку и животнымъ. Желать и дѣйствовать безъ принужденія къ желанію — значитъ быть свободнымъ, Такова свобода божества, такова свобода человѣка. Но «въ божествѣ свобода есть возможность всегда думать то, что оно желаетъ, и всегда дѣлать то, что оно желаетъ», а свобода въ человѣкѣ есть лишь «слабая, ограниченная и преходящая возможность предаваться нѣкоторымъ мыслямъ и производить нѣкоторыя движенія». Ошибочное мнѣніе, будто человѣкъ не свободенъ, вызвано зрѣлищемъ нашихъ страстей, иногда вовлекающихъ его противъ воли въ извѣстныя дѣйствія, напримѣръ, гнѣва, любви и пр. Но сказать: человѣкъ не свободенъ, потому что онъ иногда не свободенъ, все равно, что сказать: люди иногда хвораютъ, — слѣдовательно, они никогда не бываютъ здоровы. Къ этимъ соображеніямъ Вольтера впослѣдствіи примкнули другія, имъ противорѣчившія. Воля человѣка опредѣляется его разумѣніемъ, а разумѣніе, т.-е. понятія, не зависитъ отъ насъ,— слѣдовательно, воля не свободна. Никто не знаетъ, какая мысль придетъ ему на умъ черезъ минуту, что онъ сдѣлаетъ и скажетъ, куда пойдетъ. Наши мысли подчинены какой-то необходимости,— слѣдовательно, необходимости же подчинена и воля. Въ 1772 году, Вольтеръ уже прямо выступаетъ защитникомъ детерминизма. «Опасеніе лишить человѣка какой-то ложной свободы,— говоритъ онъ въ своемъ «Принципѣ дѣйствія»,— отнять у добродѣтели ея заслугу, и у преступленія — его ужасъ, иногда устрашало нѣжныя души; но, просвѣтившись въ этомъ отношеніи, онѣ вскорѣ возвращались къ той великой истинѣ, что все есть непрерывная цѣпь причинъ и слѣдствій, что все необходимо... Эта истина никогда не можетъ вредить морали. Порокъ тѣмъ не менѣе остается порокомъ, какъ болѣзнь — болѣзнью. Злыхъ всегда придется укрощать; они, обреченные злу, всегда будутъ предназначены возмездію».

Теперь понятно, что разумѣлъ Вольтеръ, избравъ для

себя и для своихъ сторонниковъ девизомъ: ècrasez l'infâme [1]). Онъ разумѣлъ то, что, по его мнѣнію, мѣшало человѣку свободно мыслить и вѣровать, т.-е. церковь, католицизмъ. Высказывая въ письмахъ къ д'Аламберу желаніе, чтобы «подлая» была поставлена во Франціи въ то же положеніе, въ какомъ она находится въ Англіи, онъ разумѣлъ именно католичество, считая его опорой суевѣрія и фанатизма. Приговоръ парижскаго парламента, осуждавшій «Энциклопедію» и поэму Вольтера «Естественная религія», привелъ его въ негодованіе. L'infâme — это была та вѣковая сила, та католическая организація, которая, опираясь на свѣтскую власть, насильственно предписывала свои законы совѣсти и мышленію, свою неискреннюю, дѣланную мораль. Только полное сокрушеніе этой силы могло доставить философіи полное право гражданства. Мы уже видѣли, какіе удары онъ наносилъ этой силѣ по поводу нѣсколькихъ возмущающихъ душу процессовъ. Но суевѣріе имѣло въ немъ неутомимаго и неистощимаго врага. На старости лѣтъ, все еще возбуждая своихъ литературныхъ друзей къ безустанной борьбѣ, Вольтеръ продолжалъ ее съ необыкновенной энергіей, издавая не только собственныя сочиненія, но и отыскивая чужія. Задолго передъ тѣмъ, въ 1733 г., въ Шампани умеръ, пятидесяти-пяти лѣтъ отъ роду, бѣдный сельскій священникъ Мелье, при жизни никому и ничѣмъ неизвѣстный, оставивъ рукопись, въ которой онъ, послѣ тридцати-лѣтняго исполненія своихъ обязанностей, излагалъ свои мнѣнія и каялся передъ людьми за свое долгое служеніе предразсудкамъ и неправдѣ. Какъ видно изъ его рукописи, это былъ отрицатель-фанатикъ, додумавшійся въ своемъ сельскомъ уединеніи до полнѣйшаго отрицанія не только католической и всякой церкви, но и всего даннаго общественнаго строя Франціи. Узнавъ отъ Тьеріо о существованіи этой рукописи, Вольтеръ сильно

[1]) Давите подлую.

заинтересовался ею. «Какъ! — писалъ онъ Тьеріо: — сельскій священникъ, и притомъ французъ, нѣчто въ родѣ Локка? Не можете ли вы прислать мнѣ рукопись?» Рукопись была написана нескладно, тяжело, безъ всякой литературной обработки. Но она привлекла своимъ искреннимъ и глубокимъ отрицаніемъ католичества, и Вольтеръ составилъ по ней свое «Извлеченіе изъ завѣщанія Жана Мелье», которое входитъ обыкновенно въ собраніе его сочиненій. «Всѣ, кто читаетъ эту книгу, убѣждаются ею», писалъ онъ д'Аламберу. Этотъ человѣкъ обсуждаетъ и доказываетъ. Онъ говоритъ передъ смертью, когда самые лжецы говорятъ правду: вотъ въ чемъ сила его доказательствъ. Жанъ Мелье долженъ обратить весь міръ. Отчего его сочиненіе такъ мало распространено въ публикѣ? Вы уже слишкомъ бездѣятельны въ Парижѣ!.. Какъ! «Церковная Газета» издается смѣло, а не найдется никого, кто принялся бы за Мелье?» Вольтеръ самъ не замедлилъ издать свое извлеченіе въ Голландіи, а потомъ напечатать его и вторымъ изданіемъ въ пяти тысячахъ экземпляровъ и разослать друзьямъ для безплатной раздачи желающимъ. Въ цѣломъ, Вольтеръ называлъ философское и политическое завѣщаніе сельскаго священника «длиннымъ, слишкомъ скучнымъ и даже слишкомъ отталкивающимъ». Политическая и соціальная сторона завѣщанія не могла интересовать человѣка, который былъ теоретикомъ только въ философіи, да и то теоретикомъ съ пріемами чисто-практическими. Но для насъ оно представляетъ большой историческій интересъ. Кто знакомъ хоть немного съ крайними отрицательными идеями и стремленіями нѣкоторыхъ слоевъ нашего отечества, тотъ непремѣнно будетъ пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ между ними и идеями французскаго сельскаго священника, умершаго чуть не полтораста лѣтъ тому назадъ. Это — преждевременный Руссо, но безъ его таланта и среды, на которую онъ могъ бы дѣйствовать, испытывая и на самомъ себѣ ея вліяніе, человѣкъ раздраженный и озлобленный

всѣмъ, что происходило передъ его глазами и о чемъ доходили до него слухи, всю жизнь глубоко таившій въ себѣ свои размышленія, сосредоточенный въ безысходномъ одиночествѣ и сдержанно ожидавшій своей физической смерти, чтобы открыть міру всю надуманную имъ горькую правду. Какъ всѣ люди мало образованные, онъ не признаетъ историческихъ условій, не видитъ въ исторіи тѣсной связи и преемственности между общественными явленіями и ихъ причинами; отрицая чудеса въ религіозной сферѣ, онъ незамѣтно для себя признаётъ возможность ихъ въ исторической жизни народовъ; онъ увѣренъ, что стòитъ только взяться за общественное дѣло съ его точки зрѣнія, безъ всякаго вниманія къ прошлому и настоящему, и завтра же всѣ люди будутъ равны, обезпечены и умственно развиты — взглядъ, конечно, несостоятельный, но въ высшей степени интересный и для публициста, и для историка литературы.

Но мы не можемъ распространяться ни объ этомъ преждевременномъ протестѣ противъ общественныхъ золъ, поднявшемся изъ среды угнетеннаго низшаго духовенства, ни о тѣхъ сочиненіяхъ Вольтера, относящихся къ послѣднему еріоду его жизни, въ которыхъ онъ очень близко касался теологическихъ вопросовъ и положительной религіи своего времени. Непризванные защищать догматы, которые онъ отрицалъ съ такимъ ѣдкимъ остроуміемъ и талантомъ, мы можемъ только охарактеризовать его съ исторической стороны, и то лишь въ общихъ чертахъ. Исторія въ нашемъ современномъ смыслѣ въ то время только нарождалась, и Вольтеръ, хотя и возмущался политическими и соціальными теоріями Мелье, тѣмъ не менѣе самъ невольно платилъ дань въ своихъ мнѣніяхъ о происхожденіи христіанства и всякой религіи. У тогдашнихъ мыслителей не было подъ рукою данныхъ для научной разработки сложныхъ историческихъ вопросовъ; ихъ задача была иная: имъ надо было бороться съ такою массой унаслѣдованныхъ золъ и неправдъ, что все ихъ вниманіе, всѣ силы ихъ таланта и

ума по необходимости были устремлены на отрицательную критику. И только тогда, когда эта критика сдѣлала свое дѣло, наступила для европейской науки пора спокойныхъ изслѣдованій и положительныхъ результатовъ. Говоря, напримѣръ, о христіанствѣ, Вольтеръ, какъ и другіе мыслители его времени, бралъ только отрицательную сторону, а не разсматривалъ его, какъ явленіе историческое, въ связи съ общимъ ходомъ человѣчества, предшествовавшимъ его распространенію. По его разсчету, религіозныя преслѣдованія погубили на землѣ до девяти съ половиною милліоновъ людей, и самая реформація, возникшая будто бы изъ ссоры между августинскими и доминиканскими монахами въ углу Саксоніи, по поводу индульгенцій, вызвала цѣлый вѣкъ раздоровъ, религіозныхъ войнъ и нищеты у тридцати народовъ земного шара. Суровость протестантскаго благочинія была антипатична поклоннику блестящаго версальскаго двора и великосвѣтскаго изящества. Онъ не терпѣлъ и французскихъ янсенистовъ, которые напоминали ему протестанство, и въ спорахъ ихъ съ іезуитами былъ больше на сторонѣ послѣднихъ, которые сами любили жить и давали жить другимъ. Когда іезуиты были удалены изъ Франціи, онъ часто повторялъ, что лисицъ выгнали, но для того, чтобъ предать всѣхъ мыслителей волкамъ. «Религія заключается въ добрѣ, а не въ наглой теологической болтовнѣ», писалъ онъ въ своемъ сочиненіи: «Богъ и люди». Мораль исходитъ отъ Бога, она одинакова вездѣ; теологія— дѣло людей, она повсюду различна и смѣшна. Поклоненіе божеству, карающему и награждающему, соединяетъ людей; телогическое резонерство поселяетъ между ними раздоры. Прогоните теологовъ, и міръ успокоится (по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ вѣры). Допустите ихъ, дайте имъ власть, и земля покроется кровью». Альбигойская война, варѳоломеевская ночь и драгоннады Людовика XIV отзываются въ подобныхъ и еще болѣе сильныхъ мѣстахъ сочиненій Вольтера по религіознымъ вопросамъ.

Въ Фернѐ Вольтеръ построилъ однакоже церковь съ знаменитой надписью: «Deo erexit Voltaire [1]), 1761». Въ Фернѐ былъ у него и театръ, къ великому соблазну его сосѣдей, строгихъ женевскихъ протестантовъ, недозволявшихъ театра въ своемъ городѣ. Когда въ «Энциклопедіи», въ статьѣ «Женева», авторъ далъ женевцамъ совѣтъ отступить отъ этой суровости, Руссо̀ и женевцы протестовали противъ такого соблазна. Руссо̀ объявилъ театры развратителями нравовъ, невозможными въ маленькой республикѣ, и разошелся съ «Энциклопедіей». Рано или поздно двѣ натуры, два воспитанія, два міровоззрѣнія, до такой степени противоположныя, какъ Вольтеръ и Руссо̀, не могли не столкнуться враждебно. Руссо̀ были противны аристократизмъ, свѣтскость, неоднократныя публичныя отреченія отъ своихъ убѣжденій, домогательство сильной роли при дворахъ, сдѣлки съ совѣстью, все, чѣмъ такъ полна долгая жизнь Вольтера. Практическій Вольтеръ, съ своей стороны, не терпѣлъ въ немъ мечтателя, ригориста и фанатика несбыточной утопіи о равенствѣ, человѣка неуживчиваго, необщительнаго, болѣзненно сомолюбиваго, подозрительнаго и потому непріятнаго. Трактатъ Руссо̀ о происхожденіи неравенства между людьми былъ названъ имъ, хотя и въ шутку, «новою книгой противъ человѣчества»; но это не помѣшало ему послать Руссо̀ любезное приглашеніе — пожить на свободѣ въ его имѣніи. Руссо̀ не поѣхалъ, потомъ разошелся съ «Энциклопедіей» изъ-за вопроса о томъ, нуженъ ли театръ въ Женевѣ, и потомъ написалъ Вольтеру письмо, въ которомъ прямо высказывалъ ему, что ненавидитъ его. Вольтеръ смѣялся надъ этимъ письмомъ, называлъ Руссо̀ безумцемъ, «cet archifou», но съ его стороны дѣло еще не доходило до публичнаго разрыва. Случилось, что въ 1762 году женевскія власти положили сжечь «Эмиля» Руссо̀ и арестовать автора. Руссо̀ написалъ противъ этого приговора свои «Нагорныя письма», въ которыхъ упре-

---

[1]) Богу воздвигъ Вольтеръ.

калъ женевское правительство въ томъ, что, преслѣдуя его сочиненіе, оно терпитъ гораздо болѣе опасныя сочиненія Вольтера. Съ этого времени Вольтеръ выступаетъ открытымъ врагомъ Руссô, какъ человѣка и писателя, нападаетъ на него со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ видахъ. Руссо для него не только безумецъ, но и злой безумецъ, маленькое чудовище, ублюдокъ Діогена, отыскавшій нѣсколько сгнившихъ досокъ отъ Діогеновой бочки, чтобы прикрыться ими и лаять.

Въ шестидесятыхъ годахъ Вольтеръ взялъ къ себѣ на воспитаніе маленькую родственницу Корнеля, самъ училъ ее грамматикѣ, слѣдилъ за ея воспитаніемъ и развитіемъ, и когда она подросла, научилъ ее играть на домашнемъ театрѣ и выдалъ замужъ, обезпечивъ ее навсегда. Когда французская академія собралась издать классиковъ съ толкованіями, Вольтеръ, ставившій выше всѣхъ классиковъ Расина, вызвался редактировать изданіе Корнеля, и назначилъ въ пользу его юной родственницы весь свой доходъ съ этого изданія. Молодая чета продолжала жить подлѣ старика, который какъ видно изъ его писемъ, очень радовался ея счастію.

Но эта благотворительная идиллія, несомнѣнно свидѣтельствовавшая о добромъ сердцѣ фернейскаго патріарха, не мѣшала ему часто принимать гостей, съѣзжавшихся издалека на болѣе или менѣе продолжительное время, и вести переписку съ тѣмъ самымъ Фридрихомъ, отъ котораго онъ бѣжалъ съ большими непріятностями, и котораго потомъ изобразилъ съ самой черной стороны въ своихъ посмертныхъ запискахъ, съ его сестрой маркграфиней Байрейтской, съ принцессой саксенъ-готской и Екатериной II [1]). Фридрихъ

[1]) Къ сожалѣнію, въ пространномъ трудѣ Денуартерра о Вольтерѣ, оказались безжалостно замаранными черною краской иныя страницы, гдѣ говорится о сношеніяхъ Вольтера съ русскимъ дворомъ, и такимъ образомъ испорчено обширное и довольно дорогое сочиненіе, которое, по своему объему (до сихъ поръ вышло семь томовъ), будетъ къ тому же прочитано немногими. Нѣтъ сомнѣнія, что обсуждаемый теперь но-

возобновилъ сношенія съ Вольтеромъ въ тяжкіе дни послѣ Коллинскаго пораженія, когда онъ даже помышлялъ о самоубійствѣ. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, онъ пытался завязать тайные переговоры съ Франціей; но онъ напрасно разсчитывалъ на Вольтера и на его сношенія съ Парижемъ. Вольтеръ не забылъ своего пребыванія въ Берлинѣ; онъ желалъ, чтобъ Фридрихъ былъ униженъ и наказанъ судьбою. Въ своихъ письмахъ къ друзьямъ, онъ называлъ его не иначе какъ Лукой (Luc) — по имени своей обезьяны, которая кусалась, когда ее ласкали, и переслалъ министру Шуазелю сатирическое стихотвореніе Фридриха на французовъ, короля и его любовницу, присланное ему авторомъ, какъ новое литературное произведеніе. Какъ обаятельно дѣйствовалъ на современниковъ талантъ Вольтера, показываетъ переписка съ нимъ Фридриха въ послѣднемъ періодѣ жизни фернейскаго патріарха. Несмотря на всѣ взаимныя оскорбленія и ссоры, Фридрихъ иногда обращался къ Вольтеру съ восторженными похвалами. «Хотите ли сладкихъ рѣчей — извольте. Я выскажу вамъ нѣсколько истинъ. Я чту въ васъ прекраснѣйшій изъ геніевъ, какіе когда-либо появлялись на землѣ; я удивляюсь вашимъ стихамъ, люблю вашу прозу, въ особенности мелкія вещи. До васъ ни одинъ авторъ никогда не имѣлъ такого тонкаго взгляда и вѣрнаго, чуткаго, вкуса. Вы прелестны въ бесѣдѣ, вы умѣете поучать и развлекать въ одно и то же время. Вы — плѣнительнѣйшее существо изъ всѣхъ, какія мнѣ случалось знать, способное внушить любовь всѣмъ и каждому, если пожелаете. Въ вашемъ умѣ такъ много чаръ, что вы можете оскорблять и въ то же время заслуживать снисхожденія тѣхъ, кто васъ знаетъ. Словомъ, вы были бы совершенствомъ, еслибъ не были человѣкомъ».

вый законъ о печати положитъ конецъ этому искалѣченію книгъ, котораго не избѣгали даже лексиконы, содержащіе всѣмъ извѣстные столѣтніе секреты.

По разсказамъ очевидцевъ, фернейскій патріархъ былъ неутомимымъ литературнымъ работникомъ, хотя бы увѣреніе его секрекаря, что Вольтеръ былъ занятъ отъ восемнадцати до двадцати часовъ въ сутки, и было нѣсколько преувеличено. Онъ спалъ очень мало, и ночью часто будилъ секретаря для занятій. Большую часть дня онъ проводилъ въ постели, читалъ или такъ быстро диктовалъ, что поспѣвать записывать его слова было очень трудно. Сочиняя что-нибудь для театра, онъ былъ точно въ лихорадкѣ и говорилъ: «Во мнѣ сидитъ сатана, да онъ и необходимъ для того, чтобъ писать стихи». Вольтеръ былъ очень нетерпѣливъ въ работѣ, любилъ скорѣе кончать начатое и тотчасъ отдавать въ печать все написанное. При всей своей запальчивости, онъ легко поддавался убѣжденіямъ. Оскорбивъ кого-нибудь изъ окружающихъ въ порывѣ раздраженія, онъ потомъ извинялся, ссылаясь на свои физическія страданія. Но любезность его къ женщинамъ не знала предѣловъ. Кто заглядывалъ въ его сочиненія, тому хорошо извѣстно, какое множество стихотвореній написано имъ для прекраснаго пола, который онъ привлекалъ еще и своей плѣнительной бесѣдой. Это былъ увлекательный разсказчикъ и діалектикъ, онъ говорилъ и словами, и необыкновенно выразительными тѣлодвиженіями. Когда онъ волновался, а это бывало очень часто, вся его фигура приходила въ движеніе; въ театрѣ онъ былъ неудобнымъ сосѣдомъ, и иногда даже смущалъ актеровъ своимъ нетерпѣніемъ и подвижностью. Когда онъ игралъ самъ, природная живость темперамента нерѣдко ставила его въ большое затрудненіе. Однажды, исполняя роль Люзиньяна, онъ былъ такъ взволнованъ въ той сценѣ, гдѣ Люзиньянъ узнаётъ своихъ дѣтей, и такъ разрыдался, что забылъ роль. Суфлеръ, какъ нарочно, замѣшкался, и Вольтеру пришлось импровизировать нѣсколько стиховъ.

Онъ былъ крайне умѣренъ въ пищѣ, пилъ мало вина, но кофе истреблялъ въ большихъ размѣрахъ. Не слишкомъ довѣряя врачамъ, онъ самъ придумывалъ себѣ діету и при-

бѣгалъ къ домашнимъ лекарствамъ. Предметомъ особенной его заботливости были глаза: онъ постоянно освѣжалъ ихъ холодною водой, и никогда не носилъ очковъ. Извѣстно, какъ выразительны и блестящи были эти глаза, и какъ много говорили они современникамъ фернейскаго патріарха. Въ послѣдніе годы жизни, головокруженія, нѣсколько припадковъ апоплексическаго свойства и астмъ, страшно изнуряли старика; но онъ не переставалъ бодриться и работать.

Въ 1770 году, парижскіе друзья и поклонники Вольтера задумали заказать его статую изъ мрамора извѣстному скульптору того времени, Пигаллю. Эту мысль предположено было исполнить по подпискѣ, въ которой должны были участвовать только французы. Но Вольтеръ пожелалъ, чтобъ принимались также и взносы иностранцевъ, въ особенности иностранныхъ государей, съ которыми онъ имѣлъ сношеніе въ жизни. Онъ объявилъ прямо, что Фридрихъ обязанъ дать ему это удовлетвореніе—за франкфуртскую исторію. По поводу будущей статуи, Вольтеръ острилъ и надъ самимъ собою. «Мнѣ семьдесять-шесть лѣтъ»—писалъ онъ въ это время г-жѣ Неккеръ: — «я только что оправился отъ крупной болѣзни, которая шесть недѣль терзала мое тѣло и мою душу. Говорятъ, г. Пигалль собирается пріѣхать скоро, чтобъ вылѣпить мое лицо; но для этого мнѣ прежде нужно бы имѣть лицо, а у меня теперь не угадаешь и мѣста, на которомъ оно было прежде. Мои глаза впали на нѣсколько пальцевъ, мои щеки — старый пергаментъ, плохо наложенный на кости, ни къ чему не прикрѣпленныя. Тѣхъ нѣсколькихъ зубовъ, которые еще держались, уже нѣтъ теперь... Никто никогда не лѣпилъ человѣка въ подобномъ состояніи!» Теперь мы знаемъ по статуѣ Гудона, какъ оригинально, какъ выразительно было еще это лицо почти восьмидесяти-лѣтняго писателя. Въ подпискѣ приняли участіе всѣ ученыя и литературныя извѣстности Парижа, и только тогда д'Аламберъ исполнилъ желаніе Вольтера и обратился къ Фридриху. «Я не могъ бы

безъ черной неблагодарности отказаться отъ вашего предложенія—участвовать въ подпискѣ на памятникъ, воздвигаемый Вольтеру общественною признательностью»,—отвѣчалъ Фридрихъ. — «Вамъ стòитъ только увѣдомить меня, что именно отъ меня требуется; я готовъ на всякое пожертвованіе для этой статуи, еще болѣе славной для литераторовъ, ее задумавшихъ, чѣмъ для самого Вольтера». Д'Аламберъ отвѣчалъ умно и съ достоинствомъ: «Одно экю [1]), государь, и ваше имя... Въ подписчикахъ у насъ нѣтъ недостатка, но самая подписка была бы недѣйствительна безъ вашего участія; мы примемъ съ признательностью все, что угодно будетъ прислать вашему величеству». Фридрихъ писалъ потомъ самому Вольтеру: «Языческая Грецiя возвела бы васъ на степень божества; вамъ воздвигли бы храмъ, мы же воздвигаемъ только статую,— слабое удовлетвореніе за всѣ преслѣдованія, навлеченныя вамъ завистью». Подписчики прибывали отовсюду, даже изъ инквизиціонной Испаніи. Посылая двадцать луидоровъ, герцогъ Альба писалъ: «Осужденный тайно образовать мой умъ, съ восторгомъ пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы публично заявить мою признательность и удивленіе великому человѣку, который указалъ намъ первый, куда слѣдуетъ идти». Несмотря на свое отвращеніе къ Вольтеру, Руссò также принялъ участіе въ подпискѣ, къ великой досадѣ своего врага, который даже требовалъ отъ своихъ друзей, чтобъ они возвратили Руссò его взносъ. Пигалль пріѣхалъ въ Ферне́, гдѣ провелъ нѣсколько дней; во время сеансовъ, Вольтеръ, какъ дитя, никакъ не могъ сидѣть спокойно, звалъ секретаря, диктовалъ ему письма, пока Пигалль лѣпилъ его фигуру, и, по обыкновенію, дѣлалъ во время диктовки такія мины, которыя совсѣмъ не годились для скульптора. Послѣдній былъ въ отчаяніи, и уже хотѣлъ

---

[1]) Un écu, серебряная монета, близкая къ нашему металлическому рублю.

отказаться отъ неисполнимаго предпріятія; но, къ счастію, въ послѣдній день его пребыванія въ Фернè, зашелъ разговоръ о золотомъ тельцѣ ветхозавѣтныхъ евреевъ, и Пигалль отозвался, что нужно по крайней мѣрѣ шесть мѣсяцевъ для отлитія подобной фигуры; старикъ былъ такъ доволенъ этимъ, что вполнѣ отдался въ распоряженіе скульптора, который такимъ образомъ схватилъ желанныя выраженія и позу, а на другой день потихоньку уѣхалъ изъ Фернè.

Работа Пигалля, украшающая одну изъ залъ французскаго Института, была одобрена заказчиками не безъ сильныхъ противорѣчій. Мысль сдѣлать нѣчто въ родѣ статуи Сенеки, открывающаго себѣ жилу, воспроизвести, почти въ обнаженномъ видѣ, это высохшее, костлявое, противоскульптурное тѣло, какъ выражались нѣкоторые и въ томъ числѣ самъ Вольтеръ, казалась странною многимъ. Она принадлежала Дидрò, который горячо защищалъ ее и художника, когда послѣдній представилъ модель своей работы. Несмотря на всѣ противорѣчія, Дидрò и Пигалль отстояли ее: художникъ придалъ столько жизни изображенному имъ скелету, что статуя нравилась даже и тѣмъ, кто высказывался противъ нея. Большинство публики тоже было не на сторонѣ художника; но меньшинство и нѣкоторые знатоки признавали его работу геніальной, выдерживающей сравненіе съ лучшими произведеніями античной скульптуры. Признаемся, мы тоже предпочитаемъ превосходно посаженную и драпированную, полную жизни и огня статую Вольтера, работы Гудона, на которую не перестаютъ и никогда не перестанутъ заглядываться посѣтители Французскаго-Театра въ Парижѣ и нашей императорской Публичной библіотеки [1]).

[1]) Эти два экземпляра превосходной работы Гудона сдѣланы имъ, одинъ — по заказу племянницы Вольтера, г-жи Дени, другой — по заказу императрицы Екатерины II. Послѣдній сдѣланъ сто лѣтъ тому

На самомъ закатѣ жизни Вольтера, его поманила обманчивая надежда увидѣть Францію правильно и широко развивающеюся путемъ мирныхъ и серьёзныхъ реформъ, предпринятыхъ сверху. Онъ былъ изъ тѣхъ, кто ожидалъ значительныхъ перемѣнъ къ лучшему со вступленіемъ на престолъ Людовика XVI, хотя и опасался его чрезвычайной набожности. Особенно сочувствовалъ онъ попыткамъ и начинаніямъ Тюргò; но министръ-реформаторъ вскорѣ сошелъ со сцены, и Вольтеру пришлось заявить ему одно безплодное уваженіе въ своемъ «Посланіи къ человѣку». А между тѣмъ Вольтеръ отнюдь не былъ демократомъ, сторонникомъ идеи полнаго равенства людей; не духовенство, а философы должны быть, по его мнѣнію, главною опорой королевской власти. Положеніе дѣлъ могло быть улучшено, по его мнѣнію, только союзомъ государей, мыслителей и образованныхъ людей; къ народу онъ относился всегда какъ къ варварской массѣ, нуждавшейся въ понужденіи къ труду, исправности и порядку. Безпощадный отрицатель и разрушитель средневѣковыхъ идей, сдѣлавшій столь богатый вкладъ въ умственную жизнь новѣйшей Европы, онъ еще принадлежалъ къ прошлому этою стороной своихъ мнѣній. Руссò пошелъ дальше его въ этомъ отношеніи, и расходился съ нимъ въ очень существенныхъ вопросахъ.

назадъ, въ 1781 году. Сначала статуя находилась въ эрмитажѣ Екатерины, вмѣстѣ со всей библіотекой Вольтера, купленною императрицей еще при жизни Вольтера и оставленной у него на пожизненное пользованіе. «Когда былъ построенъ въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія новый эрмитажъ, статуя Вольтера и его библіотека переправились туда. Но императоръ Николай не любилъ ни Вольтера, ни его статуи, и велѣлъ поставить послѣднюю въ таврическомъ дворцѣ; оттуда она впослѣдствіи передана въ императорскую Публичную библіотеку, куда въ то же время поступила изъ эрмитажа и вся библіотека Вольтера» (Статья г. Стасова: «Три французскихъ скульптора въ Россіи», помѣщенная въ № 4-мъ «Древней и Новой Россіи» въ 1877 году).

Продолжая слѣдить за событіями въ Европѣ, Вольтеръ одобрилъ, въ 1772 году, раздѣлъ Польши, какъ событіе, отвѣчающее интересамъ цивилизаціи, и по поводу войны Екатерины съ Турціею заявлялъ желаніе, чтобы варвары-турки были безотлагательно прогнаны изъ отечества Сократовъ, Платоновъ, Софокловъ и Эврипидовъ. Въ этомъ смыслѣ онъ продолжалъ свою переписку съ Фридрихомъ и Екатериной, не разставаясь и съ привычными литературными занятіями. На восемьдесятъ-третьемъ году жизни, онъ послалъ въ Парижъ свою новую трагедію «Ирина», для постановки которой онъ согласился пріѣхать въ Парижъ на шесть недѣль. Когда его спросили у парижской заставы, нѣтъ ли съ нимъ какой контрабанды,— онъ отвѣчалъ, что нѣтъ никакой, кромѣ его самого.

Вѣсть о прибытіи Вольтера быстро разнеслась по городу. Къ нему посыпались привѣтственныя стихотворенія и адресы, явились депутаціи; актеры пришли посовѣтоваться съ нимъ о распредѣленіи ролей въ «Иринѣ». Въ числѣ его посѣтителей былъ и знаменитый Франклинъ, въ то время представитель американской республики въ Парижѣ. Вольтеръ принималъ всѣхъ съ изысканной любезностью, крайне довольный самъ и приводя въ восторгъ своихъ посѣтителей. Когда онъ показывался на улицѣ, публика привѣтствовала его кликами. Но правительство относилось недовѣрчиво къ популярности Вольтера. При всемъ своемъ добросердечіи, король велѣлъ навести справки, не былъ ли запрещенъ Вольтеру въѣздъ въ Парижъ предшественникомъ его, Людовикомъ XV, но такого повелѣнія не оказалось. Вскорѣ сама судьба избавила правительство отъ безпокойства и наблюденій надъ слабымъ старикомъ. Волненія столичной жизни, послѣ долгаго и сравнительно спокойнаго пребыванія въ деревнѣ, имѣли рѣшительное вліяніе на здоровье Вольтера. «Восьмидесяти-четырехъ-лѣтняго дерева не пересаживаютъ, если не хотятъ погубить его»,— говорилъ давній врачъ Вольтера, Троншенъ. У старика ра-

спухли ноги и открылось кровохарканіе. Ему было запрещено принимать кого бы то ни было и говорить, но эти медицинскіе совѣты исполнялись плохо.

Вмѣстѣ съ докторомъ, Вольтеръ, по совѣту друзей, въ томъ числѣ д'Аламбера, пригласилъ аббата Готье, не желая,— говорилъ онъ,— чтобы тѣло его было выброшено, какъ тѣло бѣдной Лекуврёръ. «Нѣсколько дней тому назадъ»,— сказалъ онъ вошедшему аббату,—«я просилъ васъ побывать у меня для извѣстной вамъ цѣли. Если хотите, мы можемъ сейчасъ же покончить это дѣльце». Аббатъ выслушалъ его исповѣдь, но потребовалъ письменнаго заявленія его вѣры, и Вольтеръ охотно на это согласился. Въ этомъ заявленіи онъ говорилъ, что желаетъ умереть въ католической религіи, въ которой родился, что проситъ Бога и церковь простить его, если онъ могъ оскорбить ихъ. Тогда послѣдовало отпущеніе грѣховъ со стороны аббата и пожертвованіе Вольтеромъ 600 франковъ въ пользу бѣдныхъ прихода. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, на вопросъ своего секретаря Ваньера, каковы въ самомъ дѣлѣ его религіозныя убѣжденія, Вольтеръ потребовалъ перо и написалъ слѣдующія строки, хранящіяся въ парижской національной библіотекѣ: «Я умираю, поклоняясь Богу, любя моихъ друзей, не питая злобы къ врагамъ и ненавидя суевѣріе. 28-го февраля 1778.— Вольтеръ».

Оправившись немного отъ болѣзни, онъ посѣтилъ 30-го марта академію, которая приняла его съ большими почестями и избрала своимъ директоромъ, а оттуда поѣхалъ въ театръ, на представленіе «Ирины». На улицѣ и въ театрѣ публика толпами привѣтствовала Вольтера, и вмѣстѣ съ артистами приготовила ему апоѳеозу. И самъ онъ, въ своей ложѣ, и бюстъ его на сценѣ были увѣнчаны; было прочитано прославлявшее его стихотвореніе и вызвало громкіе крики и оваціи со стороны публики. «Меня хотятъ задушить подъ розами», воскликнулъ тронутый старикъ. Такое торжество очень не понравилось въ Версали, гдѣ въ это время, въ

дворцовой часовнѣ и въ присутствіи короля, произносились проповѣди противъ Вольтера. Вольтеру оставалось только спѣшить обратно въ Ферне́. Королю было извѣстно это намѣреніе престарѣлаго писателя, и онъ отозвался на подстрекательства духовныхъ лицъ, что надо дать ему спокойно умереть въ деревнѣ. Но племянница Вольтера, желая остаться въ Парижѣ, уговорила одного придворнаго написать ей, что если Вольтеръ возвратится въ Фернѐ, то ему будетъ запрещено выѣзжать оттуда. Въ виду этого письма, Вольтеръ рѣшился остаться въ столицѣ и усердно принялся за директорство въ академіи. Предложеніе его пересмотрѣть академическій словарь было принято; самъ онъ взялъ на себя букву А и сѣлъ за работу, возбуждая упавшія силы частымъ потребленіемъ кофе, принимая опій противъ астмы и окончательно разрушая тѣмъ безъ того одряхлѣвшій организмъ. Въ виду приближенія критическаго часа, опять былъ приглашенъ приходскій священникъ. Онъ грубо спросилъ умирающаго, вѣритъ ли онъ въ божественность Спасителя, на что больной быстро повернулся на другой бокъ съ словами: «Дайте мнѣ умереть спокойно!» Два дня спустя, 30-го мая, онъ скончался.(*)

Праху даровитаго писателя, раскрывшему Европѣ двери въ міръ новыхъ идей, суждено было долго не имѣть покоя. Самъ Вольтеръ устроилъ для себя могилу, прилегавшую къ его фернейской церкви, но потомъ потребовалъ, чтобъ тѣло его было погребено въ его ванной комнатѣ. Родственники оставили эту послѣднюю волю покойнаго безъ исполненія, а въ Парижѣ духовенство отказало ему въ погребеніи. Тѣло было поспѣшно набальзамировано и отправлено въ Сельерское аббатство, близъ Труа, въ Шампани, состоявшее въ вѣдѣніи Вольтерова племянника. Оно было погребено въ монастырской церкви, 2-го іюня, послѣ торжественнаго богослуженія. Едва успѣли опустить гробъ въ могилу, какъ пришло изъ Тура запрещеніе епископа; но было уже поздно. Тринадцать лѣтъ спустя, въ 1791 году, во время ре-

(*) Ah, ne me dites point de cet homme là, laissez moi mourir tranquillement (Vie de Voltaire, par Cond...

волюціи, національное собраніе постановило перевезти останки Вольтера и Руссо въ церковь св. Женевьевы, превращенной въ Пантеонъ. Во время реставраціи, Пантеонъ сталъ опять церковью св. Женевьевы, и грѣшныя кости обѣихъ литературныхъ знаменитостей были вынуты изъ склеповъ и зарыты подъ папертью. Но іюльская революція опять возвратила имъ прежнее мѣсто. Газеты сообщали впослѣдствіи, что на этотъ разъ не оказалось никакихъ костей: при реставраціи, духовенство, желая уничтожить ихъ, велѣло облить ихъ известкой...

Вольтеръ, конечно, былъ разрушитель, настойчивый, неутомимый и безпощадный, притомъ разрушитель, вооруженный замѣчательнымъ талантомъ и знаніемъ. Отсюда эта ненависть извѣстныхъ партій и слоевъ и къ его мнѣніямъ, и къ его смертнымъ останкамъ. Отсюда и крупное его историческое значеніе. Вся исторія человѣчества и отдѣльныхъ группъ его, называемыхъ народами, всегда была и будетъ процессомъ непрерывнаго разрушенія и созиданія, и люди, призванные служить выразителями этого процесса, исполняютъ только свою естественную миссію. Вольтеръ былъ вполнѣ человѣкомъ своего времени. Когда началась его литературная дѣятельность, средневѣковая философія была въ упадкѣ; католичество, нѣкогда двигавшее міръ, въ то время только задерживало естественный ростъ его. Нанося ему жестокіе удары, Вольтеръ расчищалъ поле для той самой науки, передъ которой мы всѣ теперь склоняемся. Важнѣйшіе религіозные и философскіе вопросы, вопросы морали и задачи исторіи — все это было затронуто критическимъ перомъ этого универсальнаго таланта, и если мы теперь не раздѣляемъ многихъ его мнѣній, если мы въ свою очередь видимъ слабыя стороны и ошибки мыслителей того времени, то обязаны этимъ ихъ энергіи и труду, тѣмъ треволненіямъ и жертвамъ, тому глубокому уваженію къ правамъ разума

и критики, безъ которыхъ остановилась бы умственная жизнь человѣчества.

Важнѣйшія сочиненія Вольтера, т.-е. тѣ, которыя по преимуществу даютъ ему право на крупное мѣсто въ исторіи литературы, никогда не были переведены на русскій языкъ. Во второй половинѣ прошлаго вѣка и въ первой четверти девятнадцатаго были, правда, переведены многія сочиненія Вольтера; библіографы насчитываютъ до 65 такихъ переводовъ [1]); но русскимъ переводчикамъ видимо были доступны только его беллетристическія произведенія: трагедіи, комедіи, сказки и т. п. Затѣмъ, между ними встрѣчаются нѣкоторыя брошюры, направленныя противъ католическаго фанатизма, напримѣръ, его изложеніе вопіющаго дѣла Каласа. Но въ этомъ длинномъ библіографическомъ перечнѣ русскихъ переводовъ мы напрасно искали сочиненій по общимъ вопросамъ религіи, философіи и морали. Въ этомъ отношеніи мы и теперь стоимъ на той же точкѣ, съ которой не могли сходить наши предки. Область этихъ вопросовъ, давно доступная всѣмъ и каждому въ западной Европѣ, и теперь еще остается заповѣдною для русской мысли и русскаго слова.

---

[1]) См. любопытную брошюру г. Языкова, вышедшую въ прошломъ году, подъ заглавіемъ: «Вольтеръ въ русской литературѣ» (Историко-библіографическій этюдъ).

НѢМЕЦКАЯ КАМЕЛІЯ.

Frau Venus. Roman von Karl Frenzel («Deutsche Romanbibliothek», №№ 1 — 7). Stuttgart. 1880.

Роману не счастливится въ настоящее время, не счастливится не количественно, а качественно. Едва ли когда-нибудь на книжномъ рынкѣ появлялось такое множество беллетристическихъ произведеній; едва ли когда-нибудь спросъ на нихъ былъ такъ великъ, какъ теперь. Но лучшіе мастера въ этомъ родѣ старѣютъ и мало-по-малу сходятъ со сцены, а новые нарождаются туго, и больше богаты геніальными претензіями, чѣмъ настоящимъ творческимъ и художественнымъ геніемъ. Крупнѣйшіе нѣмецкіе беллетристы, имена которыхъ уже давно пользуются завиднымъ правомъ привлекать вниманіе общества нѣмецкаго и не-нѣмецкаго, въ послѣднее время размѣнялись на мелочи. Послѣднія произведенія Шпильгагена и Ауэрбаха оставляютъ по себѣ въ умѣ и въ эстетическомъ чувствѣ читателя скорѣе разочарованіе, чѣмъ живой интересъ и удовольствіе. Прочитавъ «Бригитту» Ауэрбаха, мы не могли дать себѣ отчета, зачѣмъ написана эта повѣсть, если не для того, чтобы наполнить громкимъ литературнымъ именемъ нѣсколько газетныхъ или иныхъ фельетоновъ. Романъ-фельетонъ дѣйствительно вытѣсняетъ теперь въ Гер-

маніи прежній романъ, какъ самостоятельное, полное и цѣльное по идеѣ художественное произведеніе. По необходимости смиряясь передъ этимъ знаменіемъ времени, мы хотимъ познакомить читателей, въ сжатомъ очеркѣ, съ однимъ изъ современныхъ нѣмецкихъ романовъ-фельетоновъ, и избираемъ для этой цѣли едва ли не лучшій изъ нихъ — романъ Карла Френцеля: «Frau Venus», появившійся въ началѣ года въ «Deutsche Romanbibliothek». Для тѣхъ кто хорошо знакомъ съ типомъ камеліи, идеализированнымъ французскими романистами, интересно будетъ познакомиться съ такимъ же идеализированнымъ нѣмецкимъ типомъ. Французская камелія, какъ извѣстно, романически умираетъ въ чахоткѣ, оставаясь до послѣдней минуты вѣрной своему страстному чувству: чѣмъ же кончаетъ нѣмецкая камелія?

I.

На послѣдней берлинской художественной выставкѣ предметомъ общаго вниманія, сильныхъ порицаній и горячихъ похвалъ, была картина, рѣзко выдававшаяся изъ ряда другихъ. Защитники и блюстители строгой морали рѣзко осуждали сюжетъ и исполненіе картины. Она изображала Венеру, выходящую изъ пѣнистыхъ морскихъ волнъ, съ длинными бѣлокурыми волосами, развѣваемыми вѣтромъ, съ граціозно поднятою надъ головой рукою, со взглядомъ какъ-бы изумленнымъ въ виду всего, что представилось глазамъ новорожденной богини, но въ то же время сосредоточеннымъ и самоувѣреннымъ, съ легкою улыбкой, окруженную миѳическими фигурами, которыя, казалось, были поражены и ослѣплены этимъ чудеснымъ видѣніемъ. По мнѣнію строгихъ судей, нельзя было написать ничего великолѣпнѣе этого образа, но и ничего болѣе соблазнительнаго. Чары

красоты и искушенія были разлиты по всей картинѣ, страстно написанной и дышавшей страстью.

Передъ картиной ежедневно толпилась масса любопытныхъ зрителей. Картина висѣла въ одной изъ первыхъ залъ, отлично освѣщенная сверху, легко выдѣляясь на темно-красномъ фонѣ стѣны и преобладая уже одними своими размѣрами надъ всѣмъ, что было выставлено въ той же комнатѣ. Кругомъ раздавались наивныя замѣчанія несвѣдущихъ зрителей и солидные отзывы знатоковъ живописи. Но и тѣ, кто охотно отвернулся бы отъ такой картины, какъ соблазнительной и неприличной, не могли отъ нея оторваться.

Неудивительно, что передъ такою картиной уже болѣе получаса задумчиво сидѣлъ на кругломъ диванѣ молодой гвардейскій офицеръ, на лицѣ котораго послѣдняя нѣмецкая война оставила неизгладимый слѣдъ въ видѣ шрама. Но, несмотря на этотъ шрамъ, въ темныхъ глазахъ его не трудно было прочесть выраженіе душевной мягкости и добродушія. Графъ Альбертъ Бергтаузенъ — такъ звали этого зрителя — могъ быть очень суровъ и храбръ на войнѣ, но въ будничной жизни легко подпадалъ чужому вліянію. На этотъ разъ поклонники картины рѣшительно преобладали въ толпѣ надъ ея порицателями. Кругомъ слышались вопросы, замѣчанія.— «Придумалъ ли самъ авторъ этотъ образъ, или списалъ его съ модели, съ какой-нибудь камеліи?» — спросилъ кто-то изъ зрителей.— «Кто написалъ эту картину?» — спрашивалъ другой.— «Эдгардъ Штурмъ, молодой человѣкъ, который въ прошломъ году выставилъ прелестный портретъ дамы въ черномъ платьѣ съ краснымъ розаномъ въ рукѣ».— «Вѣдь это не настоящая Венера?» — «Совсѣмъ нѣтъ, это просто хорошенькая женщина буржуазнаго круга»... «Во всякомъ случаѣ, Штурмъ — художникъ съ замѣчательнымъ талантомъ; въ этомъ поразительномъ сочетаніи чистѣйшей красоты съ фантастически-чудовищными фигурами такъ много генія, оригинальности»... «Гдѣ

живетъ художникъ?» — «Здѣсь, у насъ, въ Берлинѣ».— Замѣчательно»...

На глазахъ Берггаузена новая волна зрителей смѣнила прежнюю, и до него стали доноситься другіе голоса и другіе отзывы. Но онъ знаетъ о живописцѣ гораздо больше, чѣмъ публика. Они знакомы, графъ Берггаузенъ не разъ бывалъ въ мастерской живописца, когда тотъ писалъ свою картину; художникъ, конечно, не показывалъ ему своей богини, но графъ Берггаузенъ знаетъ и его модель: при взглядѣ на картину, ему припоминается прошлое. Этотъ знакомый образъ переноситъ его за два года назадъ, но онъ никакъ не можетъ связать прошлое съ настоящимъ. Эта картина для него загадка, и можетъ быть именно ея загадочность заставляетъ его просиживать такъ долго передъ нею...

Въ залу вошли двѣ знакомыя ему дамы, съ которыми онъ поспѣшилъ раскланяться. Но младшая изъ нихъ предупредила его привѣтствіе ироническимъ поклономъ и словами: «Здравствуйте, графъ. Вы все въ безмолвномъ размышленіи передъ богиней?» Она была некрасива, но блестящіе сѣрые глаза ея смотрѣли умно и самоувѣренно, губы плотно и энергически примыкали одна къ другой; эти глаза, эти губы, свѣжія краски лица и стройный станъ вошедшей видимо нравились графу. Несмотря на все уваженіе, съ какимъ она относилась къ своей спутницѣ, можно было тотчасъ замѣтить, что первая роль принадлежала ей. На Адельгейдѣ Пфлюгъ, единственной дочери богатаго фабриканта, лежалъ характерный отпечатокъ богатства и доставляемыхъ имъ житейскихъ удобствъ и избалованности. То была одна изъ самыхъ завидныхъ невѣстъ нѣмецкой столицы, привыкшая сдерживать порывы своихъ многочисленныхъ поклонниковъ. Графъ Берггаузенъ охотно бывалъ у нихъ въ домѣ и пользовался особеннымъ расположеніемъ ея отца. Фабрикантъ Пфлюгъ любилъ принимать у себя, вмѣстѣ съ людьми своего круга, и чистокровныхъ дворянъ.

Прошлою зимой, въ обществѣ даже были толки о предстоящемъ бракѣ между Адельгейдой и графомъ; но лѣтомъ отецъ уѣхалъ съ дочерью изъ Берлина, и съ наступленіемъ осени, въ октябрѣ, графъ Берггаузенъ во второй разъ встрѣчался съ Адельгейдой на выставкѣ.

Они встрѣтились, какъ старые знакомые, но ему показалось, что она относится къ нему теперь съ бо̀льшею холодностью и сдержанностью, чѣмъ прежде. Ужь не дошли ли и до нея слухи о предстоящей ихъ помолвкѣ? И охота людямъ распространять подобные слухи безъ всякаго къ тому повода! Или она досадуетъ на то, что онъ еще не объяснился съ нею? Но она сама видимо сторонилась отъ него. Она сама сказала ему разъ на балу: «Дѣвушка съ моимъ состояніемъ, некрасивая собой, но и недурная, можетъ только оставаться старой дѣвой, если не вышла замужъ семнадцати лѣтъ,—а мнѣ уже двадцать-четыре. Я слишкомъ стара, чтобы заблуждаться, и слишкомъ молода, чтобы не придавать самой себѣ больше значенія, чѣмъ моему богатству». Какъ же было, послѣ этого, рѣшиться на объясненіе съ нею? Онъ былъ бѣденъ, онъ не имѣлъ ничего, кромѣ жалованья и кое-какихъ долговъ. Положа руку на сердце, онъ затруднялся сказать и самому себѣ, что любитъ эту дѣвушку. Она не принадлежала къ числу тѣхъ женскихъ натуръ, къ которымъ мужчина не подходитъ безнаказанно: отъ нея нельзя было загорѣться. Быть можетъ, однако, его привлекала къ ней именно эта безопасность личныхъ отношеній, исключавшая возможность болѣе страстнаго чувства.

Дамы и графъ обошли вмѣстѣ всѣ залы и кабинеты выставки, и хотя при выходѣ не было никакой надобности проходить черезъ красную залу, гдѣ висѣла интересная картина, Адельгейда направилась туда.

— Съ моей стороны было бы безжалостно увести васъ отсюда, не давъ вамъ возможности взглянуть еще разъ на вашу богиню,—сказала она графу, улыбаясь...

— Вы приписываете мнѣ страсть, о которой ничего не знаетъ мое сердце,— отвѣчалъ онъ простодушно.

— Серьёзно?

Она произнесла этотъ вопросъ такимъ особеннымъ тономъ, и посмотрѣла на него такъ пристально, что онъ ничего не отвѣтилъ. Ея сильно возбужденное состоянiе видимо не допускало никакихъ возраженiй.

— Эти глаза, эти волосы, эта грацiя сводятъ мужчинъ съ ума,— сказала она, глядя на картину.— Природная ли это красота, или искусство, дѣйствуя какъ природа, привлекаютъ всѣхъ?

— Всѣхъ? — спросилъ графъ больше для того, чтобъ показать, что онъ слушаетъ свою собесѣдницу, чѣмъ по внутреннему побужденiю.

— Не всѣхъ? — И она недовѣрчиво посмотрѣла на него. — Только какой-нибудь глупецъ или дикарь остается равнодушнымъ къ этой картинѣ.— И она вдругъ засмѣялась, но въ ея смѣхѣ было что-то принужденное. — Какъ вы странно смотрите, графъ! Точно я не та, что и обыкновенно, или какая-нибудь колдунья. Васъ изумляютъ мои странныя слова? Я шучу. Мой отецъ, какъ и вы, влюбленъ въ эту картину, и даже купилъ ее.

— Вашъ отецъ? Въ такомъ случаѣ, я могу только пожелать, чтобъ вы счастливо владѣли ею.

— Мнѣ кажется, эта картина будетъ отлично выдаваться въ нашей галереѣ, особенно на той стѣнѣ, что противъ входной двери. Тамъ оставалось до сихъ поръ безобразное пустое мѣсто.

Она произнесла эти слова съ нѣкоторымъ высокомѣрiемъ, разсматривая картину въ бинокль съ разныхъ сторонъ, какъ совершенно избалованное существо, для котораго даже произведенiе крупнаго таланта не больше, какъ предметъ легкой забавы.

Галерея господина Пфлюга славилась не только между его знакомыми, но и въ любительскихъ и художническихъ

кружкахъ. Живописецъ имѣлъ основаніе не разсчитывать на пріобрѣтеніе его картины правительствомъ для національнаго музея, и охотно продалъ ее частному лицу. Все это было очень естественно, и однако графъ Альбертъ Бергаузенъ слушалъ свою собесѣдницу съ изумленіемъ, точно она разсказывала ему сказку.

— Конечно... Тамъ прекрасное мѣсто для такой картины.

Надо же было сказать что-нибудь, подумалъ про себя графъ. А она насмѣшливо улыбалась, точно графъ никогда еще не казался ей такимъ ничтожнымъ, какъ теперь. Въ эту минуту, кто-то сказалъ при ней вполголоса: «Вотъ онъ!»

Высокій и стройный молодой человѣкъ, съ темными вьющимися волосами, поспѣшно проходилъ черезъ залу, какъ-бы уклоняясь отъ общаго вниманія, и едва отвѣтилъ на поклонъ графа.

— Эдгаръ Штурмъ!—тихо сказалъ графъ Адельгейдѣ. Вы позволите подозвать его?

Графъ не замѣтилъ, что она вспыхнула, услыхавъ этотъ вопросъ, и только почувствовалъ легкое давленіе ея руки на свою руку.

— Нѣтъ, нѣтъ!—проговорила она съ большою горячностью.—За кого же онъ принимаетъ меня! Точно я хочу выставиться здѣсь передъ всѣми владѣтельницей его картины! Да я уже разъ видѣла его также мелькомъ, какъ и сейчасъ. Онъ вышелъ тогда изъ комнаты отца и, проходя нашимъ садомъ, казался такимъ счастливымъ и гордымъ. Вы знаете его?

— Мы не совсѣмъ друзья, но знаемъ другъ друга короче, чѣмъ просто знакомые.

— А эта красавица? Это его жена, или предметъ его страсти?

— Право, не знаю. Но мнѣ кажется, что я встрѣчалъ оригиналъ этой картины.

— Благоволите проводить меня до кареты.

И, прощаясь, она пригласила графа вечеромъ къ отцу.

— Отецъ будетъ очень радъ васъ видѣть...—проговорила она, подсаживаемая графомъ въ карету, и потомъ дружески и заманчиво улыбнулась ему въ окно.

Домъ г. Пфлюга стоялъ въ одной изъ красивѣйшихъ загородныхъ улицъ Тиргартена, отдѣланный и убранный по его богатству и вкусу. Спасаясь отъ дыма и чада своей фабрики, господинъ Пфлюгъ, по собственному его выраженію, любилъ «погружаться въ эѳиръ красоты», вести знакомство съ артистами, художниками и учеными. Знакомство это дѣйствительно доставило ему нѣкоторыя общія понятія объ искусствѣ и наукѣ, нѣкоторое умѣнье говорить о музыкѣ и живописи, и выборъ пріобрѣтенныхъ имъ картинъ былъ вообще довольно удаченъ. Одноэтажный домъ его, наполовину прикрытый старыми деревьями, отдѣленный отъ улицы желѣзною рѣшеткой и растеніями, былъ слишкомъ обширенъ для него и его дочери — жена господина Пфлюга скончалась три года тому назадъ — но господинъ Пфлюгъ не рѣшился отдать часть его въ наемъ. Рано или поздно — толковали его знакомые — господинъ Пфлюгъ женится вторично — ему всего пятьдесятъ съ чѣмъ-то лѣтъ, и хорошо, что въ домѣ остается много мѣста для молодой жены. А можетъ быть комнаты, которыя занимала покойная госпожа Пфлюгъ, ожидаютъ водворенія зятя въ домѣ хозяина: господинъ Пфлюгъ, полагали его знакомые, слишкомъ сильно любитъ свою дочь, чтобы разстаться съ нею послѣ ея брака.

Адельгейда и ея компаньонка, миссъ Бреддонъ, весело встрѣтили графа, когда онъ посѣтилъ ихъ въ день своей встрѣчи съ ними на выставкѣ. Настроеніе Адельгейды, повидимому, совсѣмъ измѣнилось послѣ утренней встрѣчи ея съ графомъ. Въ ней не оставалось и слѣда того возбужденнаго состоянія, которое онъ замѣтилъ на выставкѣ. Спокойная ясность ея настроенія, ея мягкій голосъ, которые онъ такъ любилъ съ самаго начала ихъ знакомства, возвратились къ ней по прежнему. Бесѣдуя, они ходили по саду подъ лучами за-

ходившаго солнца. День былъ почти лѣтній, и только рано наступившія сумерки напомнили о томъ, что была уже осень. Гость и хозяйка любезно разспрашивали другъ друга, какъ провели они лѣто, что видѣли новаго, съ кѣмъ свели новыя интересныя знакомства. Графъ говорилъ о своей матери и сестрахъ, которыхъ посѣтилъ недавно въ ихъ маленькомъ имѣніи. Разговоръ моло-по-малу перешелъ къ ихъ общимъ знакомымъ, и графъ не замѣтилъ самъ, какъ произнесъ имя Штурма. И вотъ, ему пришлось теперь удовлетворить любопытство своей собесѣдницы.

Графъ познакомился и сошелся съ нимъ за два года передъ тѣмъ, въ деревнѣ и семьѣ одного изъ ихъ общихъ знакомыхъ. Эдгаръ Штрумъ выдѣлялся между своими собратами по искусству большимъ образованіемъ и относительной свѣтскостью. Отецъ его раснисывалъ комнаты, но въ глубинѣ души считалъ себя призваннымъ къ лучшей долѣ и обиженнымъ судьбою. Большое трудолюбіе и бережливость дали ему возможность открыть сыну то высшее поприще, о которомъ онъ нѣкогда мечталъ для себя. Эдгаръ рано обнаружилъ необыкновенную способность къ живописи; но отецъ настаивалъ, чтобъ онъ предварительно пріобрѣлъ нѣкоторое «ученое» образованіе, прежде чѣмъ предаться своему любимому занятію. Юноша усердно посѣщалъ гимназію, и прошелъ весь гимназическій курсъ. Въ то время, когда познакомился съ нимъ графъ Альбертъ Бергтаузенъ, ему было уже двадцать-пять лѣтъ; ни отца, ни матери его уже не было въ живыхъ; онъ былъ совершенно одинокъ. Его блестящія надежды на славу даровитаго художника еще не оправдались, но онъ видимо преуспѣвалъ въ своемъ искусствѣ—нѣсколько недавно сдѣланныхъ имъ портретовъ свидѣтельствовали объ этомъ до очевидности, и юный художникъ бодро смотрѣлъ въ будущее.

Послѣ этого перваго знакомства, молодые люди предприняли вмѣстѣ поѣздку въ южную Германію, и замѣтно сблизились. Разсказъ графа объ его оригинальномъ спутникѣ и

замѣчательномъ талантѣ послѣдняго въ высшей степени заинтересовалъ Адельгейду. Съ наступленіемъ сумерекъ, миссъ Бреддонъ уже не разъ приглашала хозяйку и гостя возвратиться въ комнаты, но Адельгейда не внимала ея приглашеніямъ. Ей было такъ хорошо, такъ интересно, она точно была чѣмъ-то несказанно обрадована.

— Вы такъ вѣрно и естественно описали мнѣ этого художника, что я вижу его передъ собою,— сказала она графу, входя съ нимъ наконецъ въ ярко-освѣщенную комнату, гдѣ уже давно поджидала ихъ миссъ Бреддонъ.— Судя по его картинѣ, я представляла его себѣ совсѣмъ иначе. Вы можете посмѣяться надо мной: я представляла его высокомѣрнымъ, дико-геніальничающимъ художникомъ, но мнѣ гораздо больше нравится тотъ скромный работникъ, котораго вы знаете и называете вашимъ хорошимъ пріятелемъ.

И, опустившись на круглый диванъ посреди комнаты, она движеніемъ руки пригласила графа сѣсть подлѣ.

— Изъ вашихъ словъ можно однако заключить, что картина Штурма не особенно вамъ нравится.

— Съ другомъ дома, какъ вы, я могу быть вполнѣ откровенна,— отвѣчала Адельгейда полу-серьёзно, полу-льстиво. Когда отецъ сказалъ мнѣ сегодня за завтракомъ, что покупаетъ эту картину, я испугалась и даже обидѣлась. Подумайте: такая картина въ нашей залѣ... Но вы знаете отца: наше противорѣчіе могло подкрѣпить его рѣшеніе. И вѣдь онъ въ сущности правъ: я признаю красоту этой картины, не хочу быть чопорной дѣвой; въ картинѣ есть что-то неотразимо волнующее мои чувства. Вы знаете, съ кого написана богиня?

Предлагая графу этотъ вопросъ, Адельгейда отвернулась и стала всматриваться въ китайскія вазы и чашки, стоявшія на мраморномъ каминѣ.

— Я не рѣшился спросить его объ оригиналѣ,— сказалъ графъ,— потому что, кажется, знаю оригиналъ и не могу предполагать никакой связи между нимъ и Штурмомъ.

— Тутъ есть что-то загадочное. Ужь не тайна ли это, къ которой лучше не прикасаться?..

— Совсѣмъ нѣтъ! Я говорю только о моей догадкѣ, о возможномъ сходствѣ. Сотни людей могли точно также видѣть ту даму, которую напоминаетъ картина, какъ видѣли ее и я, и Штурмъ.,.

— Онъ, стало быть, видѣлъ ее?

— Два года тому назадъ, въ Баденъ-Баденѣ. Мы были тамъ вмѣстѣ. Она встрѣчалась намъ на гуляньяхъ, на дворѣ стараго зáмка, на скачкахъ. Такой красавицы нельзя было не замѣтить, а она еще и одѣвалась великолѣпно и со вкусомъ.

— Но кто же этотъ фениксъ въ женскомъ образѣ? Развѣ у нея нѣтъ имени? Или она мгновенно исчезла въ туманѣ во мракѣ, какъ фея?

— Почти такъ. Ее звали Юлія. Нѣкоторое время мы принимали ее за княгиню Подгорскую, потому что князь постоянно сопровождалъ ее...

— А!

Губы Адельгейды насмѣшливо и презрительно сжались, она сдѣлала легкое отклоняющее движеніе правой рукой, какъ-бы давая понять собесѣднику, что съ нея и этого довольно. Но, вслѣдъ затѣмъ, она же и спросила:

— Если Штурмъ зналъ эту даму въ Баденъ-Баденѣ, то онъ могъ встрѣтиться съ нею и здѣсь?

— Едва ли. Князь уѣхалъ съ нею въ Лондонъ. Впрочемъ, такой красавицѣ не скрыться нигдѣ.

— И вы не сказали вашему пріятелю, кого напоминаетъ вамъ его картина? Онъ самъ не намекалъ вамъ на это?

— Обстоятельства, при которыхъ мы встрѣтили эту даму, таковы, что мы не охотно говоримъ о ней.

— Онъ, можетъ быть, боится прикоснуться къ незакрывшейся еще ранѣ? — иронически замѣтила Адельгейда. Вы до крайности возбуждаете мое любопытство.

Но въ корридорѣ послышались въ эту минуту мужскіе

голоса и затѣмъ приближавшіеся шаги, которые выручили графа изъ затрудненія.

— Мой отецъ!— сказала Адельгейда съ замѣтнымъ оттѣнкомъ досады въ голосѣ, и встала.

Въ дверяхъ показался господинъ Пфлюгъ, простирая обѣ руки къ своей единственной дочери. Но онъ былъ не одинъ: за нимъ шелъ тотъ самый художникъ, о которомъ только-что шла оживленная бесѣда.

Господинъ Пфлюгъ представилъ дочери новаго гостя, упомянулъ о своей любви къ искусству, любезно спросилъ графа о недавнихъ маневрахъ; и даже сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ миссъ Бреддонъ, представляя и ей автора «безбожной» картины.

Добродушіе и словоохотливость господина Пфлюга проявлялись не особенно изящно, но противостоять имъ было невозможно. Однихъ подкупало его богатство, другихъ трогала кажущаяся непринужденность и искренность его обращенія. Въ данную минуту его появленіе оказалось очень пріятнымъ для всѣхъ, даже для досадовавшей сначала Адельгейды. Вечеръ прошелъ весело для всѣхъ; хозяева и гости разошлись не раньше одинадцатаго часа. Эдгаръ произвелъ на всѣхъ самое лучшее впечатлѣніе. Онъ держалъ себя очень скромно, но искры его талантливой натуры минутами ярко блистали въ общемъ разговорѣ. Адельгейда слушала его съ большимъ интересомъ.

— Не понимаю,— сказалъ художникъ графу, когда они вышли на улицу,— почему эту дѣвушку не считаютъ красивою. Какъ будто эти пепельные волоса, эти свѣтлые, говорящіе глаза — не рѣдкость, не красота!

Графу, какъ старому знакомому Пфлюговъ, пришлось отвѣчать художнику на нѣсколько вопросовъ объ этомъ семействѣ, и даже разувѣрять его въ томъ, будто бракъ его съ Адельгейдой — дѣло рѣшенное, даже въ своемъ желаніи жениться на богатой дѣвушкѣ. Эдгаръ находилъ, что богатство не можетъ быть препятствіемъ къ счастливому браку,

и назвалъ графа мечтателемъ. Но графъ стоялъ на своемъ: богатство Адельгейды мѣшаетъ ему любить ее и высказываться передъ нею. Еслибъ она была бѣдна, онъ не сталъ бы себя сдерживать. А теперь ея состояніе могло бы только отравить его счастіе: мысль, что она стала графиней Вергтаузенъ за свои деньги, можетъ не покидать ее послѣ супружества.

Эдгардъ внимательно слушалъ его.

— Вы, стало быть, не любите этой дѣвушки? — спросилъ онъ опять съ глубокимъ вздохомъ. И странная мысль блеснула въ его головѣ.

— И нелюбимъ ею, — прибавилъ графъ.

Нѣсколько минутъ они шли молча. Эдгардъ возобновилъ разговоръ.

— Это необыкновенная дѣвушка по всему, что я отъ васъ узналъ и что видѣлъ сегодня. Съ какимъ пониманіемъ, съ какимъ чувствомъ говорила она сегодня объ искусствѣ! Я почти увѣренъ, что обязанъ ей больше, чѣмъ ея отцу, сбытомъ моей картины.

— Напротивъ, — отвѣчалъ графъ съ своей обычной добродушной откровенностью. — Она отсовѣтывала отцу покупать вашу картину, но по причинѣ для васъ только лестной. Ваша картина потрясла и взволновала ее, она сама не знаетъ, какъ отнестись къ ней, страшиться ли ея, или любить. Она поставила меня въ большое затрудненіе своими вопросами о томъ, дѣйствительная ли женщина ваша богиня, или фантастическая.

— А что вы ей сказали?

— Что же я могъ сказать? Или много, или ничего. Но я не скрылъ отъ нея, что видѣлъ женщину, похожую на вашу Венеру.

— Вы видѣли ее, графъ? Кто же эта дама?

— Я не передавалъ вамъ моего замѣчанія, потому что не знаю, какъ относитесь вы теперь къ нашему приключе-

нію въ Баденъ-Баденѣ. Мнѣ не хотѣлось сказать вамъ: ты рисуешь богиню, а эта богиня — она, Юлія!»

— Вы еще на забыли Юлію?

— Ваша картина доказываетъ, что и вы ее помните. И какъ забыть такую красавицу? Мое смутное, блѣдное представленіе о ней — ничто въ сравненіи съ тѣмъ живымъ образомъ, который поренесенъ на полотно вашимъ удивительнымъ искусствомъ.

— Мое искусство ничтожно! — прервалъ Эдгаръ. — Я лучше бы сдѣлалъ, еслибъ отбросилъ подальше и кисть и палитру. Къ чему долѣе обманывать? Образъ Венеры не созданъ моимъ воображеніемъ, не скопированъ рабски съ какой-нибудь модели: Юлія жива, Юлія у меня!

Графъ остолбенѣлъ отъ изумленія. Ужь не сказку ли разсказалъ ему Эдгаръ? Эта дѣвушка, которую онъ зналъ только великолѣпно разряженною, только въ богатѣйшихъ кружевахъ, она теперь — любовница, модель или жена бѣднаго живописца, годовымъ доходомъ котораго нельзя оплатить даже и ея серегъ!

— Юлія, которую мы называли княгиней Подгорской? — сказалъ графъ въ недоумѣніи, какъ будто предполагая еще возможность ошибки со стороны Эдгара.

— Да, она! Та самая, которая блеснула тогда передъ нашими глазами и мгновенно исчезла. Но разсказывать объ этомъ было бы слишкомъ долго. Хотите видѣть ее завтра? Мы часто говоримъ съ ней о васъ. Покойной ночи — я ожидаю васъ завтра.

Эдгаръ ушелъ такъ поспѣшно, что его собесѣдникъ не успѣлъ ничего сказать ему въ отвѣтъ. Невольно припомнились ему ихъ встрѣчи съ этой дамой. Красота ея вызвала тогда изъ груди Эдгара крикъ удивленія; графъ, съ своей стороны, былъ плѣненъ ея манерой держать себя и изящнымъ костюмомъ. И красавица замѣтила ихъ; она поблѣднѣла при встрѣчѣ съ Эдгаромъ: она, можетъ быть, слышала его восторженное восклицаніе. Съ тѣхъ поръ они встрѣча-

лись часто, она — всегда въ сопровожденіи пожилой женщины или одного господина. Послѣ войны 70-го года, Баденъ-Баденъ пересталъ быть раемъ парижскаго полу-свѣта, игроковъ, космополитическаго общества. Повсюду воцарились тамъ чинность и скука; ни странныхъ костюмовъ, ни размалеванныхъ лицъ камелій. Тотъ господинъ и его дама живутъ близъ русской церкви, на уединенной дачѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной садомъ. Это князь Подгорскій, однажды завязавшій съ графомъ Берггаузеномъ разговоръ въ читальной залѣ и обмѣнявшійся съ нимъ визитными карточками. Кругомъ полагаютъ, что за отношеніями князя Подгорскаго къ этой дамѣ скрывается романическая исторія, что онъ увезъ ее отъ родителей; но никто не зналъ, женился онъ на ней, или нѣтъ.

Однажды, во время послѣобѣденной прогулки, когда художникъ и графъ Берггаузенъ отдыхали въ сельской гостинницѣ за бутылкой вина, вдругъ загорѣлся скирдъ сѣна, по неосторожности работника. Сильный вѣтеръ быстро раздулъ пламя: всему селенію грозила большая опасность. Молодые люди берутъ на себя управиться съ огнемъ, даютъ совѣты собравшемуся народу и спасаютъ, что только возможно спасти. На графа Берггаузена упала при этомъ тяжелая горящая балка и сшибла его съ ногъ. Въ эту минуту въ селеніе въѣхала карета; кучеръ хотѣлъ-было направить лошадей подальше отъ огня, но сидѣвшая въ каретѣ дама велѣла ему подъѣхать ближе къ мѣсту пожара. То была красивая незнакомка, плѣнившая обоихъ пріятелей. По счастливой случайности, съ ея пріѣздомъ измѣнилось направленіе вѣтра; пожаръ былъ прекращенъ; она раздала денежную помощь пострадавшимъ и пригласила обожженнаго графа Берггаузена въ свою карету, а съ нимъ и его пріятеля Эдгара. Смутно слышалъ графъ нѣжныя рѣчи между Эдгаромъ и красавицей; слабость и боль не давали ему возможности разобрать хорошенько, что именно говорили они другъ другу. И потомъ, когда они уже подъѣхали къ гостинницѣ въ Ба-

денъ-Баденѣ, когда кёльнеры сбѣжались на помощь, и красавица, нагнувшись надъ нимъ, поливала ему голову кельнской водою, ему послышалось, что она сказала тоже стоявшему надъ нимъ Эдгару: «Вечеромъ, я буду!»

Исполнила ли она это обѣщаніе — онъ не знаетъ. Весь вечеръ и всю ночь онъ пролежалъ въ лихорадкѣ; Эдгаръ, какъ братъ, ухаживалъ за нимъ и не спалъ. На слѣдующій день, князь Подгорскій прислалъ узнать объ его здоровьѣ, и Берггаузенъ, оправившись, сдѣлалъ визитъ ему и его сострадательной красавицѣ. Но вслѣдъ затѣмъ, князь Подгорскій уѣхалъ, и садовникъ его дома передалъ графу Берггаузенту оставленное уѣхавшимъ письмо. Князь Подгорскій писалъ, что сожалѣетъ о представившейся необходимости спѣшить и уѣхать, не простившись, прибавляя, что важныя дѣла потребовали его безотлагательной поѣздки въ Лондонъ. «Юлія поручаетъ передать вамъ поклонъ и проситъ васъ не забыть ее совсѣмъ. Она суевѣрна и убѣждена, что еще встрѣтится съ вами въ жизни». Завидѣвъ потомъ Эдгара, графъ Берггаузенъ издали крикнулъ ему:

— Я сейчасъ отъ Подгорскаго. Онъ внезапно уѣхалъ...

— Да? — спокойно спросилъ Эдгаръ.

— Уѣхалъ съ нею...

— Не оставить же ее здѣсь одну! — засмѣялся Эдгаръ.

И потомъ, какъ часто ни заговаривалъ съ нимъ графъ еще въ Баденъ-Баденъ объ уѣхавшей красавицѣ, Эдгаръ ни разу не обнаружилъ ни малѣйшаго безпокойства или волненія. Вскорѣ пріятели разстались: графъ возвратился въ Берлинъ, Эдгаръ поѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Брюссель и Парижъ.

Теперь, возвратившись домой и озадаченный признаніемъ Эдгара, графъ поспѣшилъ отыскать прощальное письмо Подгорскаго и прочесть его упоминаніе о Юліи. «Замѣчательно», подумалъ онъ: «ея предчувствіе сбывается», и положилъ письмо въ бумажникъ.

II.

Студія Эдгара Штурма находилась на самомъ краю города, почти за-городомъ, въ домѣ, роскошно построенномъ во время извѣстной берлинской грюндерской горячки; теперь въ немъ можно было дешево нанять помѣщеніе за отсутствіемъ богатыхъ нанимателей. Художникъ праздно сидѣлъ на отворенномъ окнѣ своей студіи, пріятно размышляя о наступившей для него извѣстности, и поджидая своего пріятеля, приглашеннаго вчера. Онъ пробовалъ работать, но работа не спорилась; ему казалось даже, что онъ только портитъ сегодня то, что удалось ему вчера. Онъ долго говорилъ и смѣялся съ Юліей, но ему стало трудно продолжать бесѣду съ ней. Теперь Юлія ушла въ свою комнату, съ цѣлью, какъ сказала она, улыбаясь, приготовиться къ предстоящему знатному посѣщенію и въ качествѣ швеи и любовницы живописца не посрамить себя передъ ожидаемымъ гостемъ, до сихъ поръ принимавшимъ ее за княгиню.

Эдгаръ вздохнулъ свободнѣе, когда она вышла изъ мастерской. Но что же случилось? Отчего воздухъ сталъ стѣснять его въ присутствіи этой женщины, которая была его утѣшеніемъ и отрадой въ работѣ и удовольствіяхъ? Она не измѣнилась. Она была по прежнему добра и красива, весела и ласкова. Она восторженно привѣтствовала успѣхъ Эдгара на выставкѣ, она такъ гордилась тѣмъ, что прославлена его искусствомъ; никогда жизнь не казалась ей такъ привлекательною, какъ теперь. Да, міръ былъ бы прекрасенъ, жизнь свѣтла, виды на будущее отрадны, еслибъ на этомъ горизонтѣ не было одного чернаго пятнышка. А такимъ пятнышкомъ была для Эдгара именно Юлія, и голосъ совѣсти напрасно разувѣрялъ его въ этомъ.— Предатель, жестокій, неблагодарный! упрекалъ онъ самого себя. Но рѣзкость самообличеній не могла искоренить злой мысли, работавшей въ его умѣ. Онъ чувствовалъ себя узникомъ, ко-

торому цѣпь мѣшаетъ двигаться свободно. Между нимъ и ослѣпительно блеснувшимъ ему будущимъ счастіемъ постоянно являлась Юлія. Темною полосой ложилась ея тѣнь на всю его будущность.

— «Жалкій человѣкъ!» воскликнулъ онъ и вскочилъ съ своего мѣста. «Забыть, оттолкнуть, предать эту женщину, которой ты обязанъ своею извѣстностью, которая всѣмъ пожертвовала для тебя?» И онъ нетерпѣливо зашагалъ по комнатѣ. Нѣтъ, онъ еще достаточно крѣпокъ и вѣренъ, чтобъ отбросить всѣ соблазны и исполнить свой долгъ, какъ бы тяжело это ни было. И почему же тяжело? Онъ могъ бы съ такимъ же основаніемъ спросить: отчего онъ любитъ сегодня Юлію не такъ горячо, не такъ страстно, какъ любилъ годъ тому назадъ? Ему пришлось бы только подтвердить самый фактъ, и только. Было ли причиной тому все притупляющее время, или просто пресыщеніе, — онъ не могъ рѣшить. Но мысль, что ему придется вѣчно жить съ ней такимъ образомъ, безъ новыхъ бурь и перемѣнъ, давила его умъ и сердце. Онъ не могъ понять, не могъ допустить, чтобъ романическое приключеніе, сильная страсть приводили къ спокойному будничному сожительству. Въ своемъ художническомъ тщеславіи, онъ представлялся самому себѣ однимъ изъ тѣхъ титановъ, въ которыхъ боги пустили Этной для ихъ укрощенія. Самъ онъ не давалъ себѣ отчета въ томъ, но его сердечная измѣна искала благовидно прикрыться его талантомъ. Свободный художникъ не можетъ выносить цѣпей, хотя бы то были золотыя цѣпи любви. Только на свободѣ, безъ заботъ о женѣ и дѣтяхъ, можетъ вполнѣ развиться его творческая сила. Пиръ жизни такъ роскошенъ — и только ему нѣтъ мѣста на этомъ пирѣ. Судьба приглашаетъ его преимущественно передъ тысячами другихъ насладиться пиромъ, а онъ по глупости готовъ отклонить ея приглашеніе. И эта глупость стала для него дѣломъ чести!

Быть можетъ, такія мысли давно уже бродили смутно въ его умѣ, и только случай помогъ ему придать имъ опре-

дѣленность и окраску. Успѣхъ и продажа картины, знакомство съ Пфлюгомъ, появленіе Адельгейды открыли передъ нимъ иной міръ, въ освѣщеніи котораго настоящая его жизнь представилась ему жалкою и ничтожною. Искусство даетъ ему такія же права на этотъ міръ, какія дало Альберту знатное происхожденіе. Художнику открытъ доступъ всюду, самые знатные люди не чуждаются его. Какъ и всякій другой, онъ могъ бы протянуть руку за одною изъ милліонныхъ дѣвицъ, еслибъ... Да, еслибъ въ жизнь его не вплелась Юлія. Но развѣ онъ имѣлъ когда-нибудь въ виду, хотя бы въ дни самой бурной страсти, принести ей въ жертву свою будущность? Ужели за одинъ годъ блаженства онъ долженъ заплатить десятками лѣтъ жалкаго существованія и недовольства? И захочетъ ли она сама изъ рая сдѣлать адъ? Хорошо, что онъ разговорился вчера съ Альбертомъ — пусть тотъ узнаетъ все. Можетъ быть, онъ дастъ какой-нибудь совѣтъ, придумаетъ выходъ изъ этого лабиринта. Да и нельзя впередъ разсчитывать на женское сердце. Самой Юліи могутъ наконецъ наскучить уединенная жизнь, работа и наши отношенія. Ей пришла безумная фантазія взяться за иголку и поселиться со мной на чердакѣ; она, быть можетъ, уже сожалѣетъ объ этомъ, и только изъ упрямства не хочетъ признаться въ своемъ сожалѣніи.

На лѣстницѣ послышались шаги воина со шпорами, дверь отворилась, и Эдгаръ привѣтствовалъ графа.

— Вы такъ разсѣянно озираетесь вокругъ, точно чего-нибудь ищите, сказалъ Эдгаръ съ полу-принужденнымъ смѣхомъ. Юлія въ своей комнатѣ, она сейчасъ придетъ.

— Вы женаты? — спросилъ графъ:

— Нѣтъ. По нашимъ характерамъ, мы давно разлюбили бы другъ друга, еслибъ были женаты.

— И эта любовь началась въ Баденъ-Баденѣ? По крайней мѣрѣ, вы можете назваться вѣрною четой.

— Мы знали другъ друга и раньше. Мы съ дѣтства

жили въ одномъ домѣ. Ея отецъ былъ фабричный рабочій, мать — прачка, они жили подъ крышей нашего дома. Она на два года моложе меня; мы часто играли вмѣстѣ на лѣстницѣ и на дворѣ. Когда ей было лѣтъ одинадцать или двѣнадцать, ея родители оставили нашъ домъ, и мы съ тѣхъ поръ потеряли другъ друга изъ виду. Потомъ я встрѣтилъ ея имя на афишѣ: она исполняла пѣсни въ народномъ театрѣ. Разумѣется, я пошелъ послушать ее, но случилось такъ, что я не возобновилъ знакомства съ ней. Недѣли черезъ двѣ я уѣхалъ изъ города, и встрѣтилъ ее только въ Баденъ-Баденѣ подъ руку съ княземъ Подгорскимъ.

— И ничего не сказали мнѣ тогда! — замѣтилъ Альбертъ съ мягкимъ оттѣнкомъ упрека.

— Потому что я самъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Съ тѣхъ поръ мы постоянно переписывались, пока ей не удалось порвать отношенія къ графу. Однажды вечеромъ она неожиданно явилась предо мною на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы теперь стоите, въ простомъ платьѣ, безъ золота и шелка, явилась любящей дѣвушкой, желающей начать новую жизнь. Въ домѣ еще оставались свободныя комнаты: она наняла, поселилась, принялась за шитье и нашла много заказовъ. Въ большомъ городѣ мы жили точно въ блаженномъ снѣ...

Кто-то тихо постучался. Эдгардъ отворилъ дверь.

Никогда Юлія не казалась графу такою красавицей, какъ теперь, въ своемъ гладкомъ бѣломъ шерстяномъ платьѣ съ голубою шелковой отдѣлкой, съ своими густыми свѣтлыми волосами, завязанными въ греческій узелъ, съ глубокими голубыми глазами, которымъ темныя рѣсницы и брови придавали еще больше блеска. Только-что выслушанный имъ разказъ Эдгара еще усиливалъ ея привлекательность. По тому, какъ она поздоровалась съ нимъ, онъ тотчасъ замѣтилъ, что ей стòтъ только захотѣть, чтобы попрежнему казаться знатной дамой. Она держала себя очень скромно, но говорила умно и весело. Въ ней можно было замѣтить

и женское желаніе нравиться, но графъ не считалъ возможнымъ поставить ей въ вину эту слабость.

Юлія разсказала о своемъ разрывѣ съ княземъ Подгорскимъ, о своемъ счастіи съ Эдгаромъ, который въ это время взялъ кисть и сѣлъ за работу. Говоря о картинѣ Эдгара, графъ упомянулъ объ Адельгейдѣ, какъ о дѣвушкѣ, на которую эта картина произвела сильное впечатлѣніе.

— Не будемъ говорить объ этомъ! — рѣзко прервалъ его Эдгаръ.— Мало ли какая фантазія можетъ придти въ голову избалованной богатой дѣвушкѣ, все обращающей въ игрушку! Сегодня она хвалитъ и любезничаетъ, завтра забудетъ и броситъ.

— Вы, стало быть, не знаете этой дѣвушки, этой глубокосердечной, сосредоточенной натуры. Внѣшность часто обманываетъ.

— Она некрасива? — спросила Юлія.

— Подлѣ богини, конечно, некрасива,— отвѣчалъ Альбертъ.— Но я и не имѣлъ въ виду ея внѣшность, я разумѣлъ только нѣкоторую холодность, съ какою она относится къ людямъ. Она богата и умна, она боится быть обманутой или быть застигнутой врасплохъ собственнымъ чувствомъ.

— Знаете ли, графъ, такъ можетъ наблюдать и говорить только влюбленный? лукаво замѣтила Юлія.

— Или тотъ, у кого такая же натура и кому знакомы эти душевныя движенія.

— Такъ или иначе, а результатъ все-таки будетъ одинъ графъ Берггаузенъ женится на Адельгейдѣ! — воскликнулъ Эдгаръ, бросая кисть на полъ.

«Это раздражаетъ васъ?» чуть не спросилъ удивленный графъ. Еслибъ онъ любилъ Юлію, еслибъ былъ художникомъ, ему было бы все равно — графъ ли, или купецъ женится на Адельгейдѣ Пфлюгъ.

— Я уже сказалъ вчера, что и не помышляю о такомъ

бракѣ,— возразилъ графъ послѣ нѣкотораго молчанія, больше для Юліи, которая тревожно смотрѣла на возбужденнаго Эдгара, чѣмъ для этого послѣдняго. — Когда вы ближе познакомитесь съ Пфлюгами, то убѣдитесь, какъ неосновательна ваша догадка.

— Да я не желаю тамъ бывать! На что мнѣ этотъ деньгами набитый сундукъ! — Тутъ онъ замѣтилъ изумленіе Альберта и легкую скадку безпокойства на лбу Юліи.— Извините, я говорю глупости. Мнѣ не дается работа, и я досадую на васъ, ни въ чемъ неповинныхъ.

Собесѣдники перемѣнили разговоръ. Эдгаръ видимо старался загладить свою странную выходку дѣятельнымъ участіемъ въ общей бесѣдѣ и бо̀льшею любезностью. Но графу уже было не по себѣ. Онъ поспѣшилъ проститься. Провожая гостя, Эдгаръ повторилъ свое извиненіе:

— Меня смутно страшитъ ревность Юліи, — сказалъ онъ. Сегодня было такъ много разговора объ этой госпожѣ Пфлюгъ.

— Въ другой разъ я буду осторожнѣе и постараюсь не смущать это прелестное созданіе,— отвѣчалъ Альбертъ.

— Она прелестна, не правда ли?

— Вы счастливый человѣкъ, Штурмъ.

Когда Эдгаръ возвратился въ мастерскую, гдѣ быстро водворились сумерки, Юлія стояла у окна, прислонившись головою къ стеклу. Она съ крикомъ бросилась къ нему на шею; на глазахъ ея были слёзы.

— Не оставляй меня, Эдгаръ, не покидай меня! — рыдала она.

— Что съ тобой, милая? — тихо спросилъ Эдгаръ. Внутри его происходило нѣчто такое, что задерживало его голосъ.— Что за безуміе! Откуда у тебя такая мысль? Мнѣ — покинуть тебя! А съ тобой мою славу, мою радость!

Она ободрилась и отерла слезы.

— Ты правъ, это безуміе. Мы не можемъ разстаться. Но эта мысль, точно ножъ, вдругъ уколола мнѣ сердце.

Зачѣмъ хочешь ты писать еще и покинутую Аріадну? — прибавила Юлія стараясь улыбнуться.

— Потому что она мнѣ заказана и будетъ хорошо оплачена,— возразилъ онъ шутливымъ тономъ.— Впрочемъ, Аріадна только выиграла отъ того, что была покинута Тезеемъ: божество заключило ее въ свои объятія.

— Но вѣдь сердце ея страдало въ этихъ объятіяхъ.

На этотъ разъ буря миновала; его нѣжность, его увѣренія разсѣяли первую тучу на ихъ счастливомъ небѣ.

Въ слѣдующіе дни разлука съ Юліей казалась и ему самому невозможностью, безуміемъ. Ему опять хотѣлось и видѣть и слышать только ее одну. Но это продолжалось недолго. Новая картина писалась туго, онъ досадовалъ, скучалъ, и сама Юлія совѣтовала ему развлечься, побывать въ обществѣ. Выходя изъ мастерской, онъ совсѣмъ не думалъ идти къ Адельгейдѣ, но шаги его какъ-то непроизвольно направились въ ту сторону парка, гдѣ стоялъ домъ ея отца. Но онъ вѣдь не измѣнитъ Юліи, не лишится свободы оттого, что пройдетъ мимо этого дома и заглянетъ въ его окна. Случилось, что г. Пфлюгъ гулялъ въ это время по саду, покуривая сигару и отъ времени до времени заглядываясь на прохожихъ. Эдгаръ поклонился ему и хотѣлъ пройти мимо. Но господинъ Пфлюгъ неохотно упускалъ случай побесѣдовать съ художникомъ, когда это не мѣшало его коммерческимъ занятіямъ. Онъ съ изысканной учтивостью отвѣтилъ на поклонъ Эдгара, просилъ его зайти и самъ отворилъ ему дверцу рѣшетки. Не успѣвъ опомниться, Эдгаръ былъ уже въ саду, въ домѣ, лицомъ къ лицу съ Адельгейдой.

Она была оживлена, разговорчива, любезна, окружена роскошью и богатствомъ. На этотъ разъ, еще больше, чѣмъ въ день перваго знакомства, она представилась Эдгару воплощеннымъ гармоническимъ сочетаніемъ тончайшаго вкуса, изысканнѣйшей формы съ благороднымъ воодушевленіемъ, съ чистымъ, дѣвственнымъ сердцемъ, и онъ вернулся въ

мастерскую совсѣмъ въ другомъ настроеніи, чѣмъ съ какимъ вышелъ изъ дому. Онъ не смѣлъ признаться въ этомъ громко, но онъ чувствовалъ себя счастливымъ при мысли, что не связанъ неразрывными узами съ Юліей. И отчего не могъ бы онъ разстаться съ нею безъ шума и ссоръ, точно также, какъ она разсталась съ княземъ? Подобныя отношенія никогда не бываютъ продолжительны, думалъ онъ: именно страстность ихъ и дѣлаетъ ихъ только временными.

Адельгейда заявила желаніе возобновить свои акварельныя работы, и онъ вызвался быть ея учителемъ. Это открыло ему свободный доступъ къ ней. Присутствіе англичанки не стѣсняло его. Онъ не говорилъ Адельгейдѣ ничего такого, что не могъ бы слышать всякій. Тактъ Адельгейды наложилъ бы узду и на болѣе смѣлаго обожателя, чѣмъ онъ, а его еще сдерживало и чувство сердечной вины передъ Юліей. Зато онъ часто видался съ Адельгейдой, былъ постоянно въ свободномъ и отрадномъ общеніи съ нею. Какая разница между ея образованіемъ и тѣми верхушками, какія удалось схватить Юліи въ прежніе годы! Чего только не узнавалъ онъ, чему только не научался отъ Адельгейды! Тамъ, гдѣ Юлія, умѣвшая только хорошо болтать по французски и пѣть французскіе романсы, судила объ его художническихъ планахъ по наивному впечатлѣнію, Адельгейда разумно высказывала опредѣленное, мотивированное мнѣніе; тамъ, гдѣ ему приходилось помогать скудному пониманію Юліи, Адельгейда, напротивъ, двигала его самого. Душа художника, какъ струнный инструментъ, тогда только звучитъ полными аккордами, когда счастіе, когда опытная рука играетъ на ней. По мнѣнію Эдгара, только Адельгейда могла дать его таланту полное развитіе. Только ея любовь могла вознести его на высоты настоящаго идеала.

Онъ, стало быть, любитъ ее? Когда, за урокомъ рисованія, онъ смотрѣлъ со стороны на тонкій профиль ея лица, на ея красивую руку, когда она легко, но увѣренно шла

подлѣ него, когда онъ углублялся въ ея умные свѣтло-сѣрые глаза, она казалась ему очень хорошенькой, почти такой же красавицей, какъ Юлія. Онъ не понималъ, какъ могъ графъ Альбертъ отклонить всякое сравненіе между этими двумя женщинами. Красота Адельгейды была лишь иная, болѣе чистая, чѣмъ чувственно соблазнительная красота Юліи. Правда, онъ постоянно видѣлъ ее въ блескѣ богатства, въ пріятной обстановкѣ благоустроеннаго дома, незнающаго житейскихъ заботъ и стремящагося только наслаждаться собою и прелестями міра. Но все это великолѣпіе, это ничѣмъ несмущаемое существованіе принадлежали къ ней, какъ ея жемчугъ, какъ ея одежда. Его артистическая натура возмущалась противъ легкаго отношенія графа ко всей этой внѣшности, противъ мысли о возможности мысленно выдѣлить изъ нея Адельгейду. Какъ и другія ея свойства, богатство принадлежало ей какъ нѣчто прирожденное, нѣчто такое, что разумѣется само собою. Было бы не только недостойно, было бы смѣшно, еслибъ она принялась за шитье и бѣдное мѣщанское хозяйство.

Эдгаръ ничего не сказалъ Юліи о своихъ частыхъ посѣщеніяхъ дома Пфлюга. Сначала онъ намѣревался не умалчивать о нихъ, и только выжидалъ благопріятной минуты, но такая минута не представлялась, и признаніе, долго отсрочиваемое, становилось все тяжелѣе и опаснѣе. Первоначальное нежеланіе сказать правду перешло въ страхъ, что тайна откроется. Онъ и не думалъ о томъ, что неискренность и притворство, на которыя онъ осудилъ себя, и безъ того все больше и больше отравляли ихъ взаимныя отношенія

Да и какъ было скрыть отъ женщины такую глубокую перемѣну? Прежде Юлія знала всегда, куда онъ идетъ, она часто выходила съ нимъ вмѣстѣ. Ея появленіе въ мастерской художника возбуждало его къ работѣ; ея поцѣлуй, ея шутка прогоняли его досаду на неудавшійся штрихъ кисти. Теперь все это прошло, точно между ними никогда не было

ничего подобнаго. Онъ придумывалъ все новые предлоги чтобы уходить изъ дому, разсѣянно внималъ ея словамъ, даже не отвѣчалъ иногда на ея вопросы. Сначала она объясняла это его усталостью послѣ сильнаго напряженія, и гнала отъ себя мысль объ его сердечной измѣнѣ. Не только самообольщеніе любви, но и благородство ея сердца не допускали этой мысли. Онъ былъ для нея больше, чѣмъ любовникомъ, она поклонялась въ немъ человѣку и художнику. Со всею довѣренностью молодости, красоты и счастія, она никогда не заботилась о томъ, что принесетъ ей завтрашній день. Старость, утрата красоты, смерть, даже его охлажденіе — все это, быть можетъ, незбѣжно, но когда-то еще все это случится! Оттого катастрофа постигла ее совершенно неожиданно. Не друзья, не борьба ходожника съ трудностями задуманной задачи, не жажда одиночества, вдругъ овладѣвающая человѣкомъ, — того одиночества, въ которомъ создавалось все великое въ искусствѣ, не они разлучали ее теперь съ возлюбленнымъ. Другая женщина пріобрѣла вліяніе надъ нимъ. Онъ покинулъ ее, потому что любилъ другую. Ея красота, ея страсть и всѣ ея чары были безсильны передъ вліяніемъ ея соперницы. Почувствовать и угадать это было для Юліи одно и тоже. Признаніе Эдгара пришло бы теперь слишкомъ поздно: съ первыхъ его словъ Юлія бросила бы ему въ лицо имя Адельгейды Пфлюгъ и закричала бы ему: — «Ты ее любишь!».

Юлія хорошо знала, что ни князь Подгорскій, ни графъ Берггаузенъ никогда не женились бы на ней, и мало безпокоилась объ этомъ. Но она не сомнѣвалась, что изъ ея любви къ Эдгару, изъ ея связи съ нимъ должны сложиться тѣ законныя отношенія, которыя принято называть супружествомъ. Она считала себя его женою, его — свомъ супругомъ, хотя бы бракъ между ними и состоялся лишь впослѣдствіи. Она чувствовала, что художнику въ началѣ его поприща, художнику, только-что расправляющему крылья, необходи а свобода отъ супружеской ноши. Юлія была ди-

каркой въ обществѣ, она относилась къ установленнымъ формамъ и учрежденіямъ съ недовѣрчивостью и завистью существа, исключеннаго изъ общественной среды не по своей винѣ, а случайно, по рожденію и плохому воспитанію. Она въ то же время хорошо присмотрѣлась къ нравамъ тѣхъ, которые называютъ себя порядочнымъ обществомъ и возвышаются надъ другими знатностью и богатствомъ, и презирала господствующую въ обществѣ фальшь. Въ самомъ разгарѣ страсти Эдгара, ей было бы не трудно обвѣнчаться съ нимъ. Но она до сихъ поръ и не помышляла объ этомъ серьёзно. Какъ Рождество неизбѣжно приходитъ къ концу года, такъ, по ея мнѣнію, долженъ былъ наступить, безъ всякихъ усилій съ ея стороны, торжественный часъ ихъ супружескаго союза.

Теперь этотъ часъ миновалъ навсегда. Праведница побѣдила сирену. Праведница?—спрашивала Юлія со всей горечью оскорбленнаго чувства. У ней та же страсть въ сердцѣ что и у меня, но она лучше драпируется въ складки добродѣтели. Она богата, и потому можетъ быть нравственна. Для него, можетъ быть, не нужно, чтобъ она стала его возлюбленной, для него вся задача въ томъ, чтобъ имѣть ее женою. Велики лицемѣріе и неправда того свѣта, который осуждаетъ мое чувство и одобряетъ любовь той! Освободить молодаго человѣка, извѣстнаго художника, изъ сѣтей отверженной женщины, въ которыя онъ случайно попалъ — такой подвигъ достоенъ невинности. Что за бѣда, если на долю невинности выпадетъ при этомъ нѣкоторая выгода? Кто за это осудитъ?

Страстнымъ натурамъ нестерпимы напряженныя и глубоко неискреннія отношенія. Эдгаръ по всякому ничтожному поводу громко досадовалъ на весь міръ, на пустоту и скуку жизни, затѣвалъ съ Юліей частые споры о вещахъ совершенно безразличныхъ, и потомъ убѣгалъ изъ дому, отыскивая внѣ дома того спокойствія, которое покинуло его душу. Юлія нѣкоторое время переносила эту игру и сдерживалась.

Но раздраженіе и оскорбленное чувство наконецъ прорвались у ней наружу. Однажды, когда Эдгаръ возобновилъ свои жалобы, повторяя, что ему нужны другія лица, другая обстановка, что онъ намѣренъ провести зиму въ Венеціи, Юлія прервала его:

— Неужели ты не хочешь честно объясниться со мной? Если ты меня больше не любишь, неужели тебѣ нужно еще и обманывать меня?

— Обманывать тебя? Я тебя не понимаю!

— Ты, можетъ быть, пересталъ понимать и самого себя. Я тебѣ въ тягость, я — помѣха твоимъ планамъ, я — бремя, которое ты хочешь сбросить. Но вмѣсто того, чтобы сказать это прямо, ты ищешь пустаго предлога...

— Предлога къ моему возбужденному, болѣзненному настроенію? На что мнѣ предлогъ? Развѣ твоя капризность, раздражительность и рѣзкость дѣйствуютъ на меня успокоительно и пріятно? Я ломаю голову надъ труднѣйшими замыслами, а ты... Что пользы во взаимныхъ обвиненіяхъ? Мы оба измѣнились. Ты уже не та, что прежде, и я не остался такимъ, какъ былъ...

— Ты признаёшь это! — возразила она съ горечью и грустью.

— Развѣ я властенъ надъ душою? Развѣ въ моей волѣ останавливать время? Чего же собственно ты хочешь отъ меня? Ты досадуешь на развлеченія, необходимыя для меня при усиленной, утомительной работѣ, на тѣ сношенія, которыя двигаютъ меня впередъ? Ты хочешь, чтобъ я постоянно вздыхалъ у твоихъ ногъ, вмѣсто того, чтобы учиться и совершенствоваться въ моемъ искусствѣ?

— Нѣтъ, не твое искусство, а женщина причиной твоего безпокойства и волненія. Я заграждаю тебѣ путь къ тому, что ты называешь теперь своимъ счастіемъ. Ты любишь Адельгейду Пфлюгъ. Пожалуйста, не возражай! Ты надѣешься жениться на ней. Я стала теперь черной точкой въ твоей жизни, какъ была прежде ея свѣтиломъ. Ты только

о томъ и думаешь, какъ бы удалить меня, не оставаясь слишкомъ виновнымъ въ собственныхъ глазахъ. Будь покоенъ: я не буду мѣшать тебѣ и съумѣю уйти прежде, чѣмъ ты прикажешь мнѣ убраться!

— Прикажешь? Я прикажу тебѣ убраться? Какимъ тономъ ты говоришь со мной! Какъ страшно ты преувеличиваешь! И при этомъ ты требуешь, чтобъ я былъ ровенъ и хладнокровенъ! Что за романъ придуманъ твоею подозрительностью и ревностью! Да, ревностью. Съ тѣхъ поръ, какъ Берггаузенъ проболтался объ Адельгейдѣ Пфлюгъ, объ ея участіи къ моему искусству, ты находишься въ бреду. Ревность — плохой придатокъ къ любви. Ты не позволишь мнѣ теперь рисовать другую женщину, изъ опасенія, что она можетъ быть тебѣ опасна. Но каково бы ни было твое мнѣніе въ этомъ отношеніи, какое основаніе далъ я тебѣ считать меня измѣнникомъ, человѣкомъ способнымъ забыть, что ты для него сдѣлала и какъ великъ его долгъ передъ тобой?

— Ты не долженъ мнѣ ничего, кромѣ любви. Все остальное — вздоръ. Я же пожертвовала для тебя только богатымъ человѣкомъ, который не нравился мнѣ болѣе. Это подсказываетъ тебѣ и внутренній голосъ, но ты еще стараешься заглушить его. Нѣтъ, Эдгаръ, къ чему вести со мной фальшивую игру? Я не принадлежу къ порядочному обществу, меня нельзя обмануть словами и притворнымъ чувствомъ. Такъ какъ любовь твоя погасла, забрось подальше твою игрушку, забрось ее туда, откуда она явилась, — въ омутъ!

— Юля!

И онъ подошелъ къ ней съ открытыми объятіями; но губы ея гнѣвно сжались, она отстранила его.

— Оставь! — сказала она холодно, сопровождая это слово еще болѣе холоднымъ взглядомъ, который заставилъ его отступить, и вышла изъ комнаты.

Быть можетъ, она еще надѣялась, что онъ пойдетъ за нею, что эта мучительная сцена окончится примиреніемъ.

Одну минуту его невольно влекло къ ней. Она была такъ красива, она была его богиней... Но на порогѣ онъ все-таки вернулся. «Надо пересилить себя», думалъ онъ: «рано или поздно я долженъ же разстаться съ нею; такія отношенія не могутъ длиться вѣчно. И къ чему, въ сущности, обязываетъ меня честь? Какой нравственный долгъ связываетъ меня съ дѣвушкой, которая добровольно бросилась мнѣ на шею? Напротивъ, на моей чести осталось бы неизгладимое пятно, еслибъ я женился на такой женщинѣ, еслибъ я навсегда приковалъ къ ней свое существованіе. Уйди!» проговорило въ немъ что-то, какъ будто одна близость этой женщины уже пятнала его. Онъ сорвалъ съ гвоздя шляпу и плащъ, и выбѣжалъ на улицу.

Юлія слышала, какъ онъ сбѣгалъ съ лѣстницы. Она не тронулась съ мѣста. Въ ея комнатѣ было темновато; она сидѣла у окна, смотрѣла на улицу, но глаза ея блуждали и ничего не видѣли. Никогда не считала она себя въ такой степени жалкою и покинутою, какъ теперь. Во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни она сохраняла бодрость и легкое, веселое настроеніе. Сегодня нѣчто невыразимое впервые сломило ее. Дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Она быстро встала, зажгла всѣ свѣчи, посмотрѣлась въ зеркало: она еще не увяла, она все еще красива, какъ богиня той картины; потомъ съ дикимъ хохотомъ отскочила отъ зеркала, закрыло лицо обѣими руками и горько зарыдала.

Въ этихъ слезахъ созрѣло ея рѣшеніе. Она не станетъ дожидаться изганія, она уйдетъ отъ него также добровольно, какъ и пришла къ нему. Лучшія ея цѣпочки и браслеты пошли на покрытіе расходовъ добродѣтельнаго сожительства съ художникомъ и труженической жизни. Но и того, что у нея еще оставалось, было достаточно, чтобъ уѣхать изъ Берлина и просуществовать нѣкоторое время. Одну минуту она остановилась на мысли написать князю Подгурскому, потомъ вспомнила о Бергтаузенѣ, какъ о человѣкѣ, который не оттолкнетъ ее. Къ чему же отчая-

ваться? Механически взяла она въ руки газету, лежавшую близко на столѣ, и пробѣжала въ ней объявленія. Ея мѣсто теперь на рынкѣ, она должна искать работы и мѣста... Глаза Юліи случайно упали на слѣдующія строки: «Нужна воспитательница для двухъ дѣвочекъ, шести и восьми лѣтъ; непремѣнно требуется знаніе французскаго языка. Вальтеръ, директоръ Пфлюговской фабрики, близь Глогау, въ Силезіи». Она не могла оторваться отъ этихъ строкъ. «Туда!» — сказала она или подсказала ей какая-то невидимая сила.

III.

Изъ всѣхъ людей, до сихъ поръ искавшихъ расположенія Адельгейды, Эдгаръ рѣзко выдѣлялся своею оригинальностью, своею огненною рѣчью, своими фантастическими планами, своею воспріимчивостью къ сильнымъ впечатлѣніямъ. Обычная обстановка богатой буржуазной жизни давно уже наскучила избалованной Адельгейдѣ, она давно искала чего-нибудь новаго, небывалаго. Ея жизнь была такъ сѣра, такъ однообразна — въ текущемъ, какъ и въ прошломъ году все то же общество, тѣ же балы и празднества, та же манія покидать городъ лѣтомъ и возвращаться осенью, тѣ же люди и разговоры. Появленіе Эдгара въ домѣ господина Пфлюга привлекательно нарушило это однообразіе, и невѣдомая дотолѣ тревога овладѣла всѣмъ существомъ Адельгейды. Она то бѣгала его, то возвращалась къ нему еще съ бо́льшею горячностью, чѣмъ прежде. Напрасно старалась она давать невинныя названія тому новому ощущенію, которое и мучило и счастливило ее, напрасно колебалась дать ему настоящее имя. Ей не хотѣлось сказать самой себѣ, что она любитъ, не зная, любима ли она взаимно. Но тщетны были эти колебанія, эти разсудочныя измышленія: она любила Эдгара сильною, земною, изум-

лявшею ее страстью. Оттого-то такъ сильно занимала ее мысль о той женщинѣ, образъ которой онъ перенесъ на полотно. Эта женщина, очевидно, была его возлюбленной. Многіе намеки его показывали, что онъ тяготится этими цѣпями, но не можетъ ихъ сбросить. Адельгейда догадывалась по всему, что онъ не былъ счастливъ; любовь и ревность помогли ея проницательности. Его взгляды, вздохи, слова, выдавая его чувство къ ней, заставляли предполагать какую-то тайну, о которой онъ принужденно умалчивалъ. Не разъ хотѣлось ей самой спросить его, какъ друга, о причинѣ его горя, или написать объ этомъ Берггаузену. Но привычка не дѣлать ничего такого, что несогласно съ общепринятымъ приличіемъ, и опасеніе услышать вещи, которыя должны навсегда разлучить ее съ Эдгаромъ, не позволяли ей рѣшиться. «Пусть онъ заговоритъ самъ», думала Адельгейда: «онъ долженъ заговорить, если дѣйствительно любитъ меня»...

Наступилъ день, когда господинъ Эрихъ Пфлюгъ давалъ большой праздникъ, открывая, по его выраженію, «свой зимній сезонъ». На этотъ разъ, поводомъ къ празднеству была выставка недавно купленной картины Штурма въ его галереѣ. Разумѣется, живописецъ и владѣлецъ картины должны быть главными героями такого празднества. Но господину Пфлюгу безспорно принадлежала первая роль: даровитыхъ художниковъ довольно много, но какъ рѣдки въ наше время, когда искусство въ наше время ищетъ хлѣба, покровители художниковъ и покупщики картинъ! И что сталось бы съ Эдгаромъ Штурмомъ безъ Эриха Пфлюга? Ему пришлось бы отвезти свою картину обратно въ мастерскую. Поэтому да здравствуетъ Эрихъ Пфлюгъ, покровитель идеальнаго искусства! Въ день своего праздника, ему постоянно слышалось это привѣтствіе, которымъ гости должны будутъ почтить его вечеромъ. Его широкое, красноватое лицо сіяло отъ удовольствія, его сердце радовалось. Но еще пріятнѣе было бы ему, еслибъ графъ Берг-

гаузенъ посватался сегодня за Адельгейду. Быть тестемъ и дѣдомъ графской фамиліи было всегда его любимою мечтой...

Но графу Альберту было не по себѣ на этомъ великолѣпномъ праздникѣ въ честь Эдгара Штурма. Вечеромъ онъ былъ мало общителенъ и разговорчивъ, и когда господинъ Пфлюгъ, удивляясь его молчаливости, взялъ его подъ руку, чтобы пройтись съ нимъ по установленной цвѣтами галереѣ, графъ сослался на головную боль и на духоту въ залѣ.

— «Со мной былъ сегодня замѣчательный случай, въ которомъ замѣшаны и вы,— сказалъ господинъ Пфлюгъ своему собесѣднику, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ любезностей.

— Я?

— Да. Вотъ послушайте. Утромъ, когда я вышелъ изъ кабинета въ главную контору, я засталъ тамъ женщину, одѣтую просто, но съ большимъ вкусомъ. Она стояла спиною ко мнѣ у конторки и говорила вполголоса съ моимъ старымъ прокуристомъ. Красивая, стройная, тонкая фигура; пріятный голосъ. Они говорили о Вальтерѣ, директорѣ фабрики въ Глогау. Я подхожу; дѣвушка повертывается ко мнѣ, кланяется... Лицо, любезный графъ, можно сказать изъ розъ и лилій, лицо прелестнѣйшей нимфы, еслибъ только оно не смотрѣло такъ строго и печально. Я тотчасъ подмѣтилъ нѣчто вродѣ нужды и бѣдности, освѣдомился о причинѣ ея прихода и узналъ, что директоръ Вальтеръ ищетъ воспитательницу для своихъ дѣвочекъ, что она желаетъ получить это мѣсто, но хочетъ сначала разузнать о самомъ господинѣ, женатъ ли онъ... Ей не хотѣлось бы принять такое мѣсто у вдовца. Съ такимъ лицомъ — еще бы! Все въ этой дѣвушкѣ говорило объ ея нравственныхъ качествахъ и образованіи... Я кое-что понимаю по этой части... Вальтеръ можетъ считать себя счастливымъ, если покончитъ съ нею... Я заговорилъ съ ней по-

французски: прекрасный выговоръ! Она жила пока безъ мѣста, занималась шитьемъ. Бѣдняга! Она назвала мнѣ людей, на которыхъ работала, и я, разумѣется, велѣлъ навести справки. Отзывы отовсюду благопріятные. Я уже телеграфировалъ Вальтеру, что нашелъ для него приличную воспитательницу. Завтра она должна придти въ контору за окончательнымъ отвѣтомъ.

— Изъ вашихъ словъ я вижу только, какъ вы добры,— замѣтилъ графъ Альбертъ, совсѣмъ не понимая въ чемъ дѣло.

— Да, не кровопійца бѣднаго люда,— самодовольно отвѣчалъ господинъ Пфлюгъ. Дѣлаю, что могу для разрѣшенія соціальнаго вопроса, поддерживаю таланты и посильно помогаю бѣднымъ. Но не объ этомъ рѣчь. Вы и не ожидаете, любезный графъ, что и вы участвуете въ моей исторіи.

— Да, вы говорили. Но я пока еще не вижу какимъ образомъ. Когда-то и у меня была учительница.

— Но то была не моя дѣвица, — засмѣялся господинъ Пфлюгъ.— Моя дѣвица видѣла васъ въ Баденъ-Баденѣ, въ томъ семействѣ, гдѣ она прежде жила... Зовутъ ее Юлія Гартъ...

Графъ Альбертъ остолбенѣлъ отъ удивленія. Какъ могла придти Юліи безумная мысль ѣхать въ провинцію гуверванткой! Она—французская бонна при дѣтяхъ! Что нибудь особенное должно было совершиться для того, чтобы внушить ей такое рѣшеніе. И что говорила она о немъ самомъ господину Пфлюгу? Ссылалась на его рекомендацію? И что ему дѣлать? Открыть ли глаза господину Пфлюгу? Предать дѣвушку, которая никогда не сдѣлала ему зла?

— Юлія Гартъ, — сказалъ онъ, потирая лобъ рукою, какъ-бы припоминая что-то, — помню, помню... Да, въ Баденъ-Баденѣ... очень красивая дѣвушка, очень способная...

Господинъ Пфлюгъ засмѣлся и полу-фамильярно, полусдержанно положилъ руку на плечо собесѣдника.

— Я не требую вашего свидѣтельства, любезный графъ:

довѣряю въ подобныхъ случаяхъ собственнымъ глазамъ и моему знанію людей. Въ этой дѣвушкѣ я вполнѣ увѣренъ. А вы, извѣстный ненавистникъ женщинъ, вы проходите мимо самыхъ образованныхъ, самыхъ богатыхъ невѣстъ. — «Кажется, ясно», подумалъ онъ при этомъ. «Странный человѣкъ! А могъ бы сразу раздѣлаться съ долгами»...

За ужиномъ графъ Альбертъ сидѣлъ еще молчаливѣе, чѣмъ прежде, ѣлъ и пилъ какъ-то безсознательно, не впопадъ отвѣчая своей любезной сосѣдкѣ и даже самой Адельгейдѣ, сидѣвшей напротивъ, рядомъ съ Эдгаромъ, какъ виновникомъ празднества. Юлія не выходила у него изъ головы. Когда онъ вопросительно останавливалъ тревожный взглядъ на сидѣвшихъ напротивъ, Эдгаръ въ смущеніи избѣгалъ этого взгляда, а на лицѣ потуплявшейся Адельгейды показывался легкій румянецъ. Ихъ смущеніе говорило ясно, что и его надежды на взаимность потерпѣли такое же крушеніе, какъ и счастіе Юліи. Нѣтъ, онъ не можетъ ее выдать!

Послѣ тостовъ за искусство и художниковъ вообще, за Эдгара Штурма въ особенности, и наконецъ за хозяина дома и его прекрасную дочь, господинъ Пфлюгъ произнесъ приличную рѣчь, встрѣченную съ шумнымъ одобреніемъ, а графъ Альбертъ окончательно рѣшился умолчать о прошломъ Юліи, что бы ни вышло изъ ея страннаго намѣренія пойти въ воспитательницы. Въ домѣ господина Пфлюга было принято, «по старо-германскому обычаю», какъ утверждалъ хозяинъ, что гости, выходя изъ-за стола, пожимали другъ другу руки. Графъ Альбертъ былъ послѣднимъ, которому протянула руку Адельгейда. Теперь они объяснятся, подумалъ господинъ Пфлюгъ и искусно удалилъ постороннихъ.

Между Адельгейдой и графомъ дѣйствительно произошло объясненіе, но не то, о которомъ мечталъ хозяинъ дома.

— Вы были сегодня такъ молчаливы, такъ задумчивы, графъ, что, я боюсь, вы считаете этотъ вечеръ потеряннымъ,— нашлась Адельгейда.

— Неужели я такъ дурно велъ себя, что далъ поводъ къ такому подозрѣнію? Прошу вашего прощенья: вы вѣдь знаете, отъ начала нашего знакомства, что я плохой собесѣдникъ. А сегодня мнѣ еще пришлось бороться съ нѣкоторыми мыслями, съ моей нерѣшительностью...

Она покраснѣла и поправила свой браслетъ.

— А теперь вы рѣшились?—спросила она, не глядя на него, нѣсколько дрожавшимъ голосомъ.

— Да, и потому этотъ вечеръ не потерянный, а рѣшительный и вѣчно памятный въ моей жизни.

— Это такъ серьёзно?

Ея сердце сильно билось. По движенію ея груди, онъ могъ угадать ея волненіе.

— Серьёзно только для меня. Вы знаете, какъ дружелюбно, какъ любезно относится ко мнѣ вашъ отецъ. Я отъ души отвѣчаю ему тѣмъ же, я не желалъ бы оставаться неблагодарнымъ. Но есть одно обстоятельство...

Адельгейда приготовилась выдержать или отклонить ударъ; немного нахмурившись, она твердо смотрѣла на него своими свѣтлыми глазами.

— Одно обстоятельство...

— Въ которомъ мы съ вами не сходимся. Но съ нынѣшняго вечера я убѣжденъ, что вы раздѣляете мое мнѣніе, что желаніе вашего отца, еслибъ оно было высказано, поставило бы и васъ въ мучительное затрудненіе.

— Благодарю васъ, графъ, — сказала она, краснѣя, но твердымъ голосомъ и свободно смотря ему въ глаза.—Благородство никогда не измѣняетъ вамъ. Вы дружески протягиваете мнѣ руку, чтобы помочь мнѣ перейти черезъ опасное мѣсто. Такой другъ всегда будетъ мнѣ дорогъ!

Она нарочно сдѣлала удареніе на словѣ другъ. Альбертъ понялъ ее и, слегка цѣлуя ея руку, сказалъ:

— Да, другъ, который умѣетъ уступить мѣсто другому, болѣе счастливому. Теперь, когда мы оба согласны, не трудно будетъ убѣдить и вашего отца.

И они разстались.

Эдгаръ слѣдилъ издали за этимъ разговоромъ. Онъ видѣлъ по всему, что рѣчь идетъ о чемъ-то важномъ, онъ былъ почти увѣренъ, что сердце Адельгейды отнынѣ принадлежитъ ему, но страхъ за избалованную свѣтскую дѣвушку, быть можетъ способную предпочесть графскій титулъ званію художника, сильно безпокоилъ его. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ прошелъ въ отдаленнѣйшія комнаты, точно каждый изъ гостей могъ замѣтить его пораженіе и отнестись къ нему съ сожалѣніемъ или насмѣшкой. Онъ уже помышлялъ о томъ, какъ уйти, не прощаясь; онъ обдумывалъ, что лучше: отказаться ли отъ Адельгейды навсегда, или прямо объясниться съ нею, рискуя быть отвергнутымъ, какъ глупецъ или высокомѣрный нищій... Но въ ту минуту, когда онъ пошелъ къ двери, она уже стояла передъ нимъ.

Видъ ея — та особенность ея лица, которая всегда плѣняла и притягивала его — возвратилъ ему бодрость, а можетъ быть мгновенно превратилъ его оборонительное положеніе въ наступательное. Они объяснились.

А графъ, между тѣмъ, возвратившись домой, засталъ у себя долго ожидавшую Юлію, которой непремѣнно хотѣлось сказать ему, что она уѣзжаетъ, что въ разговорѣ съ господиномъ Пфлюгомъ она ссылалась на свое знакомство съ графомъ и надѣется на его рекомендацію.

IV.

Широкій дворъ, отдѣляющій шумныя зданія фабрики господина Пфлюга, съ ихъ паровыми машинами и молотами, отъ дома, занимаемаго директоромъ Вальтеромъ, окруженъ и покрытъ снѣгомъ; суровымъ холодомъ обдаетъ его вѣтеръ; на туманно-сѣромъ небѣ заходитъ красный шаръ солнца. Юлія отодвинулась отъ стола, за которымъ писала, поднялась съ мѣста и усталыми, безнадежными глазами загля-

нула въ маленькія стекла оконъ. Видъ этой массы голыхъ строеній съ высокими почернѣлыми трубами, этого печальнаго снѣжнаго ландшафта, напоминающаго все однообразіе и дрянность людской жизни, отвѣчалъ ея душевному настроенію... И ей приходится замерзнуть, какъ замерзло все кругомъ... Она быстро затворила ставни, опустила шторы, чтобы не видѣть того, что происходитъ на дворѣ, зажгла свою лампу и сѣла опять къ столу, чтобы окончить начатое письмо къ графу Бергтаузену. Пробѣжавъ пространное начало письма, она продолжала:

«Моя обстановка совсѣмъ не такъ жалка, какъ вы, можетъ быть, заключаете по этимъ первымъ строкамъ. Когда я писала ихъ, скудное солнце освѣщало бумагу, и я смотрѣла на пустынный дворъ, гдѣ вѣтеръ по временамъ поднималъ снѣжные вихри. Прибавьте ко всему этому послѣдній день года, печальнѣйшій изъ всѣхъ дней, если къ полуночи не предстоитъ свиданія въ маскарадѣ. Мой хозяинъ и моя хозяйка уѣзжаютъ въ городъ на какой-то праздникъ; какъ прилично добропорядочной воспитательницѣ, я остаюсь дома для присмотра за дѣтьми. Я испекла имъ обычныя яства, и мы еще сваримъ пуншъ... Гдѣ встрѣтите вы новый годъ? Въ веселомъ обществѣ, съ шутками и смѣхомъ. Отъ души желаю вамъ всего хорошаго въ настоящемъ году, любезный графъ. Съ какимъ удовольствіемъ подняла бы я за васъ руки къ небу, еслибъ небо внимало нашимъ мольбамъ и исполняло наши просьбы. И хорошо, что оно этого не дѣлаетъ: въ противномъ случаѣ я стала бы молить его не о милосердіи, а о мщеніи. Медея! Я не забыла этого имени, которое вы дали мнѣ, когда я приходила проститься съ вами.

«Буду разсказывать по порядку. Лампа горитъ привѣтливо, и, думая о васъ, я чувствую себя хорошо и свободно. У меня хорошенькая особая комната, разумѣется, съ безотраднымъ видомъ на фабрику и на несчастныхъ людей, которые изнуряютъ себя тамъ работой; мои воспитанницы

Эмма и Элиза — маленькія добродушныя дѣвочки; мы читаемъ, пишемъ, считаемъ, бренчимъ и поемъ, да разучиваемъ avoir и être. Здѣсь говорятъ, что у меня необыкновенная способность къ воспитанію и обученію. Какіе, подумаешь, таланты могутъ скрываться въ человѣкѣ, о которыхъ онъ и самъ ничего не знаетъ. Директоръ и его жена, блѣдная, болѣзненная, раздражительная дама, приняли меня чрезвычайно любезно. Иначе и нельзя было принять дѣвушку, пользующуюся покровительствомъ ихъ принципала. Всѣ относятся ко мнѣ въ высшей степени дружелюбно, обѣ дѣвочки, кажется, полюбили меня, а главный инженеръ фабрики въ меня влюбился. Въ Рождество у насъ были гости, мнѣ пришлось играть и пѣть, и похваламъ не было конца. Несмотря на мой простой костюмъ, мужчины не спускали съ меня глазъ, но я приняла такой серьёзный видъ, смотрѣла такой строгой монашенкой, что никто изъ гостей не сказалъ мнѣ лишняго слова. Еслибъ вы могли заглянуть въ мое сердце, вы узнали бы, какъ презираю я всю вашу породу!

«Я не помню, чтобы мнѣ когда-нибудь приходилось жить такъ спокойно, такъ свободно отъ всякихъ желаній, такъ пассивно ожидать завтрашняго дня, безъ всякихъ надеждъ и опасеній. Еслибъ кто-нибудь предлагалъ мнѣ заранѣе такое однообразное существованіе, такое окаменѣлое состояніе моего сердца, я возразила бы ему, что лучше умереть. А теперь я встаю каждое утро и ложусь каждый вечеръ въ этой толчеѣ, часъ смѣняется такимъ же часомъ, на каждый назначена своя работа, и все вмѣстѣ такъ сѣро, безразлично, беззаботно и безстрастно, что можно, если есть охота, просуществовать тутъ до ста лѣтъ, а все-таки прожить одинъ только день. Иногда я, конечно, встаю среди ночи, по моей комнатѣ точно ходятъ видѣнія, духи прошлаго, шепчущіе, манящіе, насмѣшливые, и я утопаю въ слезахъ. Невольно переношусь я мыслію къ нему. Я сопровождаю его всюду, я стою за нимъ, когда онъ рисуетъ, и смотрю въ окно, когда

нула въ маленькія стекла оконъ. Видъ этой массы голыхъ строеній съ высокими почернѣлыми трубами, этого печальнаго снѣжнаго ландшафта, напоминающаго все однообразіе и дрянность людской жизни, отвѣчалъ ея душевному настроенію... И ей приходится замерзнуть, какъ замерзло все кругомъ... Она быстро затворила ставни, опустила шторы, чтобы не видѣть того, что происходитъ на дворѣ, зажгла свою лампу и сѣла опять къ столу, чтобы окончить начатое письмо къ графу Берггаузену. Пробѣжавъ пространное начало письма, она продолжала:

«Моя обстановка совсѣмъ не такъ жалка, какъ вы, можетъ быть, заключаете по этимъ первымъ строкамъ. Когда я писала ихъ, скудное солнце освѣщало бумагу, и я смотрѣла на пустынный дворъ, гдѣ вѣтеръ по временамъ поднималъ снѣжные вихри. Прибавьте ко всему этому послѣдній день года, печальнѣйшій изъ всѣхъ дней, если къ полуночи не предстоитъ свиданія въ маскарадѣ. Мой хозяинъ и моя хозяйка уѣзжаютъ въ городъ на какой-то праздникъ; какъ прилично добропорядочной воспитательницѣ, я остаюсь дома для присмотра за дѣтьми. Я испекла имъ обычныя яства, и мы еще сваримъ пуншъ... Гдѣ встрѣтите вы новый годъ? Въ веселомъ обществѣ, съ шутками и смѣхомъ. Отъ души желаю вамъ всего хорошаго въ настоящемъ году, любезный графъ. Съ какимъ удовольствіемъ подняла бы я за васъ руки къ небу, еслибъ небо внимало нашимъ мольбамъ и исполняло наши просьбы. И хорошо, что оно этого не дѣлаетъ: въ противномъ случаѣ я стала бы молить его не о милосердіи, а о мщеніи. Медея! Я не забыла этого имени, которое вы дали мнѣ, когда я приходила проститься съ вами.

«Буду разсказывать по порядку. Лампа горитъ привѣтливо, и, думая о васъ, я чувствую себя хорошо и свободно. У меня хорошенькая особая комната, разумѣется, съ безотраднымъ видомъ на фабрику и на несчастныхъ людей, которые изнуряютъ себя тамъ работой; мои воспитанницы

Эмма и Элиза — маленькія добродушныя дѣвочки; мы читаемъ, пишемъ, считаемъ, бренчимъ и поемъ, да разучиваемъ avoir и être. Здѣсь говорятъ, что у меня необыкновенная способность къ воспитанію и обученію. Какіе, подумаешь, таланты могутъ скрываться въ человѣкѣ, о которыхъ онъ и самъ ничего не знаетъ. Директоръ и его жена, блѣдная, болѣзненная, раздражительная дама, приняли меня чрезвычайно любезно. Иначе и нельзя было принять дѣвушку, пользующуюся покровительствомъ ихъ принципала. Всѣ относятся ко мнѣ въ высшей степени дружелюбно, обѣ дѣвочки, кажется, полюбили меня, а главный инженеръ фабрики въ меня влюбился. Въ Рождество у насъ были гости, мнѣ пришлось играть и пѣть, и похваламъ не было конца. Несмотря на мой простой костюмъ, мужчины не спускали съ меня глазъ, но я приняла такой серьёзный видъ, смотрѣла такой строгой монашенкой, что никто изъ гостей не сказалъ мнѣ лишняго слова. Еслибъ вы могли заглянуть въ мое сердце, вы узнали бы, какъ презираю я всю вашу породу!

«Я не помню, чтобы мнѣ когда-нибудь приходилось жить такъ спокойно, такъ свободно отъ всякихъ желаній, такъ пассивно ожидать завтрашняго дня, безъ всякихъ надеждъ и опасеній. Еслибъ кто-нибудь предлагалъ мнѣ заранѣе такое однообразное существованіе, такое окаменѣлое состояніе моего сердца, я возразила бы ему, что лучше умереть. А теперь я встаю каждое утро и ложусь каждый вечеръ въ этой толчеѣ, часъ смѣняется такимъ же часомъ, на каждый назначена своя работа, и все вмѣстѣ такъ сѣро, безразлично, беззаботно и безстрастно, что можно, если есть охота, просуществовать тутъ до ста лѣтъ, а все-таки прожить одинъ только день. Иногда я, конечно, встаю среди ночи, по моей комнатѣ точно ходятъ видѣнія, духи прошлаго, шепчущіе, манящіе, насмѣшливые, и я утопаю въ слезахъ. Невольно переношусь я мыслію къ нему. Я сопровождаю его всюду, я стою за нимъ, когда онъ рисуетъ, и смотрю въ окно, когда

онъ лежитъ у ея ногъ, цѣлуетъ ея руки, клянется ей въ любви, которая принадлежитъ мнѣ, потому что я пожертвовала для него всѣмъ. Мщеніе, мщеніе! подсказываетъ мнѣ тогда внутренній голосъ, и я дивлюсь, что вынесла разрывъ и не сошла съ ума».

Едва успѣла Юлія окончить и запечатать письмо, какъ дѣти уже звали ее, да и госпожа Вальтеръ желала посовѣтоваться съ ней насчетъ парaднаго туалета. Юлію ожидала и еще одна новость. Директоръ только-что получилъ депешу, въ которой господинъ Пфлюгъ извѣщалъ о предстоящемъ своемъ прибытіи на фабрику. «Тамъ что-нибудь случилось», — сказалъ изумленный этимъ извѣстіемъ Вальтеръ. — Господинъ Пфлюгъ не охотникъ до зимнихъ поѣздокъ. У насъ тутъ все благополучно, а тамъ...» —Онъ глубокомысленно помолчалъ. — «Можетъ быть вы, госпожа Юлія, получили какое-нибудь извѣстіе изъ дома Пфлюговъ?» Но Юлія отвѣчала отрицательно. «Странно», — разсуждалъ директоръ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. «Погода ни мало не поощряетъ къ путешествіямъ: буря, мятель, морозъ. Какъ угодно господину Пфлюгу. Вы потрудитесь, госпожа Юлія, посмотрѣть, все ли въ порядкѣ въ тѣхъ трехъ комнатахъ перваго этажа, гдѣ онъ обыкновенно останавливается».

Вечеромъ третьяго января, въ сильный морозъ при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, господинъ Пфлюгъ дѣйствительно прибылъ на фабрику, окоченѣлый, несмотря на свою великолѣпную шубу, и въ дурномъ расположеніи духа. Директоръ сопровождалъ его въ каретѣ со станціи желѣзной дороги, всѣ окна его дома были освѣщены, большая рождественская елка была опять зажжена снизу до верху, комнаты гостя хорошо протоплены и согрѣты. Господинъ Пфлюгъ постарался улыбнуться встрѣтившимъ его обитателямъ фабрики и процѣдилъ имъ всего лишь нѣсколько благодарственныхъ словъ вмѣсто обычной рѣчи. Госпожа Вальтеръ смутилась и упала духомъ, ожидая, что вся ея любезность, ея новое шелковое платье, обновленное въ этотъ вечеръ, и приготовленный ею

ужинъ не произведутъ желаннаго дѣйствія на высокаго гостя; но мужъ ея самодовольно потиралъ руки, и сказалъ ей и Юліи, хлопотавшей около обѣденнаго стола:

— Будьте веселы; какое намъ дѣло до того, что случилось въ Берлинѣ! Дѣла на фабрикѣ идутъ отлично. У нихъ произошло тамъ что-нибудь въ семьѣ, чѣмъ недоволенъ господинъ Пфлюгъ. Тутъ мы помочь не можемъ. Пожалуйста, не будьте тоскливы!

Юлія чуть не уронила стакана, услыхавъ догадку Вальтера о горѣ въ семьѣ господина Пфлюга. Только Адельгейда могла причинить ему это горе, только ея любовь къ Эдгару.

— Слишкомъ много церемоній, милая госпожа Вальтеръ, слишкомъ много труда и заботы для бѣднаго путешественника, — сказалъ господинъ Пфлюгъ, входя изъ своихъ комнатъ въ столовую и привѣтствуя семейство директора. — Всѣ мы странники, — говоритъ поэтъ, — и за каждымъ изъ насъ сидитъ черная забота. Но она легче переносится въ кругу добрыхъ людей. Радуюсь, что вижу васъ здоровой, васъ и вашихъ дѣтокъ. А, госпожа Гартъ! Надѣюсь, вы столько же счастливы, сколько умѣете дѣлать счастливыми другихъ. Которой же изъ дамъ я обязанъ любезнымъ убранствомъ моихъ комнатъ? Госпожѣ Гартъ! Замѣчательно, какъ вы угадали мой вкусъ, мои привычки. Человѣкъ родится съ слабостями, а когда имѣешь за собою пятьдесятъ лѣтъ жизни, тогда уже не разстаешься съ ними.

Господинъ Пфлюгъ былъ человѣкъ подвижный. Говоря такимъ образомъ, онъ переходилъ отъ одного изъ присутствовавшихъ къ другому, подавалъ дамамъ руку, раздавалъ дѣтямъ подарки, гладилъ ихъ по головѣ, переглядывался съ директоромъ. Юлія смотрѣла на него съ участіемъ.

Къ ужину были приглашены главныя лица фабрики и конторы. Юлія никогда не была хорошей актрисой, она только поверхностно усвоила себѣ пріемы высшаго круга, но и этого было достаточно, чтобы придать ей въ глазахъ собравшагося общества привлекательность чего-то особен-

наго, аристократическаго. И эта привлекательность не покидала ее и при болѣе близкомъ знакомствѣ. Напротивъ, она, по мнѣнію господина Пфлюга, только усиливалась по мѣрѣ сближенія съ Юліей. Господинъ Пфлюгъ задумалъ расширить свою фабрику и поставить на ней новыя машины; поэтому пребываніе его тамъ уже не могло быть ограничено обычными четырьмя или пятью днями. Днемъ онъ все осматривалъ, толковалъ съ кѣмъ было нужно, распоряжался, но по вечерамъ Вальтеру и его супругѣ было трудно занять высокаго гостя. «Хорошо, что г-жа Гартъ у насъ въ домѣ»,—замѣтилъ директоръ своей женѣ, озабоченный вечерами господина Пфлюга. Юлія, очевидно, нравилась ему; онъ охотно говорилъ съ нею и любилъ слушать разсказы объ ея путешествіяхъ. Иногда онъ дразнилъ ее и дѣтей. Когда г-жа Вальтеръ спрашивала, не пригласить ли къ обѣду того или другаго изъ городскихъ знакомыхъ, господинъ Пфлюгъ возражалъ: «Я съ благодарностью принимаю всякое ваше рѣшеніе, высокоуважаемая госпожа Вальтеръ, но намъ такъ хорошо въ нашемъ тѣсномъ кругу. Я до глупости люблю домашнюю жизнь, а ваша домашняя жизнь меня плѣняетъ. Зачѣмъ намъ расширять нашъ маленькій кружокъ? Зачѣмъ стремиться дальше, когда хорошее такъ близко. Знаете... Гёте!»

Господинъ Пфлюгъ никогда еще нѐ встрѣчалъ такой женщины, какъ Юлія. Его незнакомство съ женщинами вообще, его неопытность въ отношеніяхъ этого рода придавали Юліи исключительную прелесть въ его глазахъ. Достигнувъ собственными усиліями богатства и крупнаго положенія въ промышленномъ мірѣ, господинъ Пфлюгъ не имѣлъ ни времени, ни охоты заниматься женщинами. Его покойная супруга всегда оставалась скромной, добродушной экономкой—не болѣе. Никто никогда не встрѣчалъ въ его домѣ дамъ высшаго круга, актрисъ или женщинъ полусвѣта. Познакомившись съ Юліей, онъ былъ еще совершеннымъ новичкомъ въ сердечныхъ дѣлахъ.

Юлія поняла раньше его самого, что происходитъ въ душѣ его. Она съ улыбкой и дружески принимала его неуклюжія учтивости и любезности, оставаясь по прежнему сдержанной и мало доступной. Она и не ободряла, и не отталкивала его. Она надѣялась, что можетъ прекратить эту игру во всякую данную минуту. Но къ чему же вся эта игра? Въ глубинѣ своей совѣсти, она не давала прямаго отвѣта на этотъ вопросъ; она успокоивалась на томъ, что не имѣетъ въ виду ничего дурнаго, что единственная цѣль ея — пріобрѣсти довѣріе этого человѣка, чтобы узнать отъ него объ отношеніяхъ его дочери къ Эдгару.

Такъ какъ господинъ Пфлюгъ не скрывалъ своего пристрастія къ госпожѣ Гартъ, то его мнѣніе о ней, разумѣется, стало общимъ на фабрикѣ. Юлія и прежде пользовалась общимъ расположеніемъ, но теперь каждый спѣшилъ восхвалять ее при немъ. Ему и въ голову не приходило считать себя единственнымъ виновникомъ всѣхъ этихъ восхваленій; онъ былъ увѣренъ, что и другіе, исполненные благодарности и уваженія къ ней, не находятъ лучшаго предмета для разговоровъ съ нимъ. Такое общее настроеніе въ свою очередь дѣйствовало обратно и на господина Пфлюга. Его желаніе сблизиться съ Юліей росло изо дня въ день. Наконецъ, онъ рѣшился, и за обѣдомъ завелъ разговоръ о томъ, что расширеніе фабрики потребуетъ еще и перестройки жилыхъ строеній, которыя тоже надо хорошенько осмотрѣть.

— Еще не сдѣлалъ вамъ визита, госпожа Гартъ,— сказалъ онъ при этомъ удобномъ случаѣ.— Но сегодня исправлю мое упущеніе. Вы подарите мнѣ четверть часика, не правда ли? Время — деньги, но и добрыя рѣчи — тоже деньги.

Сердце Юліи тревожно забилось, когда постучались въ ея дверь. Быть можетъ, она ожидала любовнаго объясненія? Быть можетъ, она опасалась какого-нибудь неожиданнаго открытія? Господинъ Пфлюгъ могъ обратиться къ ней

съ вопросами объ ея прошломъ, и тогда ей пришлось бы сказать всю правду. Голосъ ея звучалъ не такъ твердо какъ бы ей хотѣлось, когда она произнесла: «Войдите!»

.Но одинъ видъ господина Пфлюга тотчасъ успокоилъ ее. Его красное, упитанное, добродушное лицо съ сѣрыми глазами и толстыми губами всегда производило на нее впечатлѣніе чего-то успокоительнаго, невмѣняемаго и безпомощнаго. Этотъ человѣкъ могъ быть уменъ и искусенъ въ своихъ промышленныхъ дѣлахъ, но до нея онъ не доросъ. Охотно щеголяя своими классическими познаніями, онъ могъ разсказать ей кое-что о волшебствахъ Цирцеи, но не имѣлъ никакого понятія о томъ, какъ отнестись къ современной Цирцеѣ.

— Тѣсненько вы живете, милая госпожа Гартъ, тѣсненько!—началъ онъ, въ смущеніи поглаживая свои короткіе, густые, побѣлѣвшіе волосы.—Директоръ могъ бы дать вамъ другую комнату, съ окнами въ садъ.

Юлія окружила своего гостя такимъ трогательнымъ вниманіемъ, что онъ совсѣмъ растаялъ.

— Вы балуете меня, моя милая госпожа Гартъ,—сказалъ онъ, выражая свое удовольствіе самымъ сопротивленіемъ ея любезному вниманію. Мнѣ будетъ трудно вырваться отсюда и возвратиться въ мой пустынный домъ.

— Пустынный? Въ большой столицѣ, при вашемъ кругѣ знакомыхъ? Домъ, гдѣ съ вами неразлучна ваша дочь? Вы шутите, господинъ Пфлюгъ.

— Нѣтъ, я говорю серьёзно. Старость одинока. Судьба преждевременно лишила меня жены! У дочери другія мысли на умѣ, а не угожденіе отцу. Оно въ сущности естественно, но все-таки непріятно, когда приходится испытать это на дѣлѣ.

— Да,—засмѣялась Юлія, желая показать своею веселостью, что ей ничего неизвѣстно о томъ, что происходитъ въ семьѣ господина Пфлюга.—Но если ваша дочь подаритъ вамъ такого зятя, какого вы желаете...

— Въ томъ-то и бѣда, что нѣтъ! — прервалъ господинъ Пфлюгъ. — Я не такой дуракъ, чтобъ удивляться, что дѣвушки желаютъ выходить замужъ. Мнѣ было бы непріятно имѣть въ домѣ перезрѣлую дочь. Но я могъ ожидать, что мужъ, котораго изберетъ себѣ моя единственная дочь... Ахъ, милая госпожа Гартъ, не все то золото, что блеститъ! Я очень несчастный человѣкъ...

Господинъ Пфлюгъ всталъ съ почетнаго мѣста на зеленомъ диванѣ, куда усадила его Юлія, и зашагалъ по комнатѣ. Онъ какъ будто раздумывалъ, какъ будто мысленно искалъ какого-нибудь рѣшенія тяготившему его вопросу. Юлія смотрѣла на него съ участіемъ и состраданіемъ, но не тронулась съ мѣста. Когда онъ остановился передъ нею, и глаза ихъ встрѣтились, онъ продолжалъ:

— Горе и досада задушатъ меня, если я не выскажусь. Я довѣряю вамъ, милая госпожа Гартъ, вы меня поймете и, можетъ быть, дадите мнѣ добрый совѣтъ.

— Увы! Я лучше попросила бы васъ не огорчать меня вашимъ разсказомъ. Мнѣ больно видѣть страданіе такого добраго, хорошаго человѣка, какъ вы. Но если это облегчитъ васъ — говорите. Мой слухъ, мое сердце къ вашимъ услугамъ.

— Какъ было бы хорошо, еслибъ Адельгейда походила на васъ, еслибъ она была также хороша, также добра и разсудительна. И для нея самой, и для себя, я совѣтовалъ ей выдти за графа Бергтаузена, храбраго воина, прекраснаго кавалера...

— Благороднѣйшаго человѣка, — подтвердила Юлія.

— Именно — вѣдь вы его знаете? Можетъ ли отецъ сдѣлать лучшій выборъ для своей дочери? Онъ нравился и ей самой. Она охотно принимала его любезности и отличала его отъ другихъ. Вдругъ является въ мой домъ живописецъ, сводитъ ее съ ума своими рѣчами, она влюбляется...

— Въ живописца?

— Отчего же нѣтъ? Не считайте меня за варвара, милая госпожа Гартъ. Я люблю искусство, уважаю художниковъ, но дочь Эриха Пфлюга — не пара начинающему живописцу. Еслибъ за Адельгейду посватался какой-нибудь великій, извѣстный всему свѣту художникъ, стоящій на собственныхъ ногахъ и ненуждающійся въ моихъ деньгахъ, чтобы сдѣлать карьеру, я далъ бы имъ мое благословеніе, какъ ни тяжко мнѣ отказаться отъ такого чудеснаго зятя, какъ графъ Бергтаузенъ. Но молодой человѣкъ еще ничего не значущій, ничего не имѣющій, обязанный мнѣ всею своей извѣстностью и нѣкоторымъ счастіемъ — это уже слишкомъ! Человѣкъ, который за мое гостепріимство платитъ мнѣ тѣмъ, что сводитъ съ ума мою дочь и разрушаетъ мой домашній покой!

Господинъ Пфлюгъ замолчалъ. Онъ очевидно ждалъ отвѣта.

— Я не позволю себѣ судить объ отношеніяхъ мнѣ чуждыхъ,— сказала Юлія, опустивъ глаза.— Но я думаю, что вашей дочери должно быть очень больно противорѣчить любимому желанію такого отца, и что достаточно переговорить съ ней объ этомъ серьёзно, чтобъ образумить ее. Если я хорошо поняла васъ, она еще мало знаетъ этого живописца; ея склонность еще не можетъ быть глубока и сильна; пожалуй, это только прихоть молодой, ничѣмъ не занятой и романически настроенной дѣвушки.

— Ахъ, милая госпожа Гартъ, Адельгейда уже не ребенокъ! Она всегда была романтична и сумасбродна, и въ то же время настойчива и упряма. Наши молодыя дѣвушки учатся и читаютъ слишкомъ много, онѣ дѣлаются преждевременно самостоятельны и зрѣлы въ своихъ сужденіяхъ и чувствахъ. Двадцати-двухъ лѣтъ отъ роду такое существо, если оно богато, уже видѣло половину міра и вкусило больше удовольствій, чѣмъ ея мать во всю свою жизнь. Избалованному вкусу ничто уже не нравится. Такова оборотная сторона богатства. Прихоть ли это, или страсть —

Адельгейда клянется, что никогда не измѣнитъ своему влеченію. Мои совѣты, просьбы, угрозы не привели ни къ чему — они только подлили масла въ огонь.

— Вашей дочери хорошо извѣстно, что вы слишкомъ добрый отецъ, что вы не можете вѣчно сердиться на нее...

— Ого! — грозно замѣтилъ господинъ Пфлюгъ.— Я не совѣтую имъ раздражать меня. Никогда не дамъ я моего согласія на этотъ бракъ. Я отказалъ этому непрошенному гостю отъ дому и въ послѣдній разъ напомнилъ моей дочери ея обязанности ко мнѣ, да и къ самой себѣ. Въ послѣдній разъ!

Юлія могла бы отъ души посмѣяться этимъ словамъ, но ей было жаль добраго и глуповатаго человѣка.

Господинъ Пфлюгъ вынулъ изъ кармана бѣлый шелковый платокъ и отеръ имъ потъ съ лица.

— Моя доля завидна, не правда ли? Имѣть дочь, которая постоянно или сердится, или плачетъ! И чѣмъ все это кончится? Она убѣжитъ отъ меня, какъ дочь Шейлока — знаете у Шекспира. Оттого-то мнѣ такъ хорошо здѣсь, точно въ раю, оттого-то мнѣ не хочется и думать объ отъѣздѣ...

— И, можетъ быть, ваше пребываніе здѣсь самое лучшее средство вразумить вашу дочь,— поспѣшила прибавить Юлія.— Оставайтесь у насъ, пока все уладится, пока ваша дочь попроситъ у васъ прощенія. Повѣрьте мнѣ: ея теперешнее одиночество громко заговоритъ къ ея совѣсти.

— Юлія — я хотѣлъ сказать: милая госпожа Гартъ — вы умнѣйшая изъ женщинъ. Вы говорите, какъ ангелъ. Вы дали мнѣ лучшій совѣтъ: я остаюсь.

Онъ подалъ ей руку, и когда она протянула ему свою узенькую, нѣжную ручку, онъ чуть не поднесъ ее къ губамъ; но мысль, что ему не пристало цѣловать руку гувернанткѣ своего директора, мгновенно остановила его. Онъ только подержалъ руку Юліи въ своей.— Благодарю васъ, милая госпожа Гартъ — я остаюсь! — возвѣстилъ онъ и,

точно осчастливленный, направился къ двери. «Еслибъ она была равнодушна ко мнѣ, то не посовѣтовала бы мнѣ остаться»,— подумалъ онъ. Но почему ея участіе возбуждало въ немъ такое радостное волненіе? — Этого онъ объяснить не умѣлъ.

Юлія была тоже очень довольна этимъ первымъ уединеннымъ разговоромъ съ господиномъ Пфлюгомъ. Онъ открылъ ей свою тайну, неважную, жалкую тайну, но все же нѣчто такое, чего другіе не знали, о чемъ онъ еще не разъ будетъ говорить съ нею одной.

Когда господинъ Пфлюгъ на что-нибудь рѣшался, для него уже невозможны были никакія колебанія, никакіе возвраты. Теперь онъ объявилъ госпожѣ Вальтеръ, что располагается у ней по домашнему. «Буду вамъ въ тягость»,— сказалъ онъ,— но единственно для того, чтобъ отъ нея услышать, какъ пріятенъ такой гость, который, къ тому же, и полный хозяинъ у нихъ въ домѣ. А госпожа Вальтеръ была и въ самомъ дѣлѣ довольна его пребываніемъ на фабрикѣ. Господинъ Пфлюгъ былъ въ своемъ родѣ любезный собесѣдникъ, «галантный человѣкъ»; онъ уже не одинъ разъ выписывалъ изъ города прекрасные букеты для «своей хозяйки», ѣздилъ съ нею кататься, по вечерамъ разсказывалъ разныя разности, даже возилъ ее съ дѣтьми смотрѣть представленія какого-то особеннаго фокусника. Однажды вечеромъ госпожа Вальтеръ разсказала объ одной своей поѣздкѣ на небольшую ближайшую гору, покрытую лѣсомъ, откуда открывался красивый видъ на окрестность и гдѣ стояла гостинница, услужливо укрывавшая путниковъ отъ холода и непогоды.

— Этого мы не пропустимъ мимо ушей любезная хозяйка,— сказалъ господинъ Пфлюгъ.— Поѣдемте туда: дорога ровная, погода установилась. На горахъ блеститъ снѣгъ, а кто знаетъ, переживетъ ли онъ лѣто? Мы съумѣемъ повеселиться и зимою. Какъ вы думаете, госпожа Гартъ?

Юлія была очень рада такой поѣздкѣ, обѣщавшей на-

рушить однообразіе ихъ ежедневной жизни, а ея одобреніе еще болѣе разохотило господина Пфлюга. На другой же день онъ отправился развѣдать о дорогѣ и заказать хозяину гостинницы все что нужно для участниковъ и участницъ предположенной прогулки; въ подобныхъ случаяхъ господинъ Пфлюгъ обыкновенно не жалѣлъ денегъ. Въ назначенный день все устроилось по его желанію. Не только люди и лошади, но и небо, и земля, казалось, подчинились въ этотъ день его волѣ.

— Въ древности васъ сочли бы за волшебника,— сказала ему Юлія, садясь въ сани съ господиномъ Вальтеромъ и маленькой Элизой.

— Не волшебникомъ, а очарованнымъ,— любезно возразилъ господинъ Пфлюгъ.

Онъ первый выѣхалъ съ госпожею Вальтеръ и другою ея дочерью, остальные слѣдовали за ними — всего было двѣнадцать саней. Тутъ были важнѣйшія изъ лицъ, служащихъ на фабрикѣ, и нѣсколько пріятелей изъ ближайшаго города. Былъ ясный зимній день. Оледенѣлыя деревья блистали, какъ великолѣпные кристаллы. Путники весело прибыли въ гостинницу на верху горы, гдѣ небольшой оркестръ встрѣтилъ ихъ торжественнымъ маршемъ изъ втораго акта «Тангейзера». Гостинница была украшена зелеными вѣтками и флагами. Раздались крики: Браво! Ура! Всѣ въ восторгѣ спѣшили пожать руку сіявшаго господина Пфлюга. Съ горы былъ видѣнъ городокъ съ его стройными церковными башнями, снѣжными крышами и клубами дыма.

— Какъ хорошъ этотъ видъ! — сказала Юлія господину Пфлюгу.

Лицо ея могло бы въ эту минуту напомнить господину Пфлюгу недавно пріобрѣтенную имъ картину...— Такіе глаза были только у богини Эдгара Штурма. Но господинъ Пфлюгъ думалъ о другомъ. Чувствуя голодъ, онъ правильно заключалъ, что другіе должны быть еще болѣе голодны, чѣмъ

онъ, и что при такихъ условіяхъ видъ хорошо убраннаго обѣденнаго стола еще пріятнѣе самаго красиваго ландшафта.

— Красота не существуетъ для голоднаго,— засмѣялся онъ.— Прошу за столъ, господа. За стаканомъ хорошаго вина снѣжныя горы еще красивѣе. Кажется, римлянинъ Горацій воспѣлъ нѣчто подобное, а онъ былъ знатокъ по этой части. Прошу за столъ, господа!

Хорошо понимая, что этотъ праздникъ устроенъ собственно для нея, Юлія привѣтливо чокнулась за обѣдомъ съ любезнымъ хозяиномъ, когда онъ кончилъ свой неизбѣжный спичъ къ гостямъ.

— Какой чистый, гармоническій звукъ,— замѣтилъ онъ любезно.— Это хорошее предзнаменованіе: мы еще долго не разстанемся, госпожа Гартъ.

— Но въ такомъ случаѣ сердца должны еще лучше звучать чѣмъ стаканы, господинъ Пфлюгъ,— тихо проговорила Юлія.

Именно потому, что она сказала это тихо, среди гама и шума обѣденной компаніи, господинъ Пфлюгъ почувствовалъ что-то особенное, чего онъ никогда еще не испытывалъ въ жизни. Умъ его мутился, сердце волновалось. Взгляды ихъ постоянно встрѣчались, точно искали другъ друга. Связывавшая ихъ тайна, неизвѣстная никому изъ присутствовавшихъ, придавала въ его глазахъ еще бо̀льшую прелесть такимъ отношеніямъ. Онъ предчувствовалъ романъ, романъ съ самою красивою изъ женщинъ, какихъ онъ когда-либо видѣлъ,— и это былъ его первый романъ. Юлія, съ своей стороны, думала не о настоящей минутѣ, она не имѣла въ виду очаровать господина Пфлюга. Изъ участниковъ поѣздки онъ былъ ей всѣхъ пріятнѣе, потому что относился къ ней дружески и съ особеннымъ уваженіемъ. Она радовалась пиру, обществу; она была лишена ихъ слишкомъ долго, чтобы не осушить съ особеннымъ удовольствіемъ своего бокала. Подъ монашеской одеждой

гувернантки волновалась вакханка.— Будь осторожна! думала она про себя. Но она не могла помѣшать своему лицу раскраснѣться, не могла измѣнить его естественное выраженіе.

Къ концу обѣда поднялись мятель и буря. Дикія завыванія вѣтра встревожили все общество и напугали дамъ. Но господинъ Пфлюгъ нашелся и тутъ. Онъ предложилъ воспользоваться свободными комнатами гостинницы, чтобы переночевать на горѣ. Нѣкоторые предпочли уѣхать поскорѣе, большинство осталось. Оставшіеся съ безпокойствомъ слѣдили глазами за уѣхавшими; но факелы уѣхавшихъ скоро погасли, и они быстро скрылись во мракѣ. Отряхая свою шубу, господинъ Пфлюгъ торопливо бѣжалъ отъ воротъ къ дверямъ гостинницы. Съ чернымъ шерстянымъ платкомъ на головѣ, Юлія стояла на порогѣ съ факеломъ въ рукѣ, держа его надъ головою. Красноватый, трепетный свѣтъ его падалъ на ея лицо, выдѣляя его на мрачномъ фонѣ. Господинъ Пфлюгъ отступилъ передъ нею, какъ передъ волшебнымъ видѣніемъ...

— Это вы, госпожа Юлія? На дворѣ?

— Я свѣчу вамъ,— засмѣялась она.— Какъ жаль, что мы не поѣхали съ другими! Какъ славно ѣхать ночью, въ бурю и мятель!

— И вы не боялись бы?

— Я? Я стала бы бояться? Съ вами?

— Вы со мною!

И она протянула ему руку. Не зная самъ, что онъ дѣлаетъ, онъ поднесъ ея руку къ губамъ.

— Съ вами я поѣхала бы на край свѣта!

Разспросы о погодѣ, которыми осадили господина Пфлюга гости, когда онъ вернулся въ залу гостинницы, помѣшали ему собраться съ мыслями и дать себѣ отчетъ въ томъ, что съ нимъ происходитъ. Потомъ, находившійся въ числѣ гостей, нѣкто медицинальратъ заговорилъ съ нимъ о своемъ племянникѣ, котораго желалъ пристроить на фабрикѣ, пред-

пославъ своей просьбѣ матримоніальный совѣтъ. Почтенный совѣтникъ полагалъ, что господину Пфлюгу слѣдуетъ вторично жениться, и притомъ на молодой женщинѣ, и не замедлилъ выставить своего племянника образцомъ семейнаго счастія и добродѣтели. Устроилась и партія въ вистъ; но, кромѣ того же совѣтника, гости играли шутя и съ ошибками. Общее вниманіе дѣлилось между продолжавшейся бурей и картами. Юліи не было въ залѣ, но отсутствіе ея вскорѣ было замѣчено дамами, желавшими угодить господину Пфлюгу. Дамы заговорили о ней первыя; госпожа Вальтеръ отозвалась, что Юлія, вѣроятно, у дѣтей, но что дѣти теперь уже заснули. Дамы же стали теперь относиться къ ней съ нѣкоторой почтительностью, когда она опять появилась въ залѣ и сѣла разливать чай. Она опять оживила все общество, обрадованное къ тому вѣстью хозяина гостинницы, что непогода стихла, небо прояснилось и бурю смѣнила свѣтлая, лунная ночь.

Послѣ чая гости пожелали другъ другу покойной ночи. Самъ господинъ Пфлюгъ жаловался на усталость, и однакоже онъ остался одинъ бесѣдовать съ хозяиномъ о предстоявшемъ на другой день завтракѣ. Онъ видимо былъ возбужденъ, не надѣялся заснуть и искалъ предлога остаться внизу и говорить хоть съ кѣмъ-нибудь.

— Гдѣ же госпожа Юлія? — спросилъ онъ хозяина. — Тоже пошла на верхъ?

— Къ вашимъ услугамъ, — сказала Юлія, смѣясь. — Господинъ Пфлюгъ не слыхалъ какъ она вошла. — Тамъ, на верху, очень душно въ маленькихъ комнатахъ, — прибавила она, и я не могла бы тамъ заснуть. Лучше подремать здѣсь до утра, на покойномъ креслѣ.

Поправивъ свѣчи и лампы, хозяинъ скромно вышелъ.

— И мнѣ еще рано ложиться, — замѣтилъ господинъ Пфлюгъ, вынимая изъ кармана золотые часы; но помутившимся глазамъ его трудно было разобрать, что показываютъ стрѣлки. Въ сосѣдней комнатѣ пробили часы.

— Десять! — сосчитала Юлія.

— Вы позволите мнѣ бесѣдовать съ вами?.. спросилъ господинъ Пфлюгъ.

— Я прошу васъ объ этомъ. Зала такъ велика, что намъ не нужно чертить меломъ по полу наши границы. Мнѣ нужно очень мало мѣста, очень мало!

Она усѣлась въ старомъ кожаномъ креслѣ, закинувъ голову назадъ и протянувъ ноги на скамейку. Господинъ Пфлюгъ усердно покрылъ ея маленькія ноги дорожнымъ пледомъ, и отвѣтомъ на эту любезность была ея благодарная улыбка. Они уже помѣнялись ролями: она стала госпожей, а онъ слугою.

— Вы галантный человѣкъ, господинъ Пфлюгъ, и еслибъ я не была бѣдной... воспитательницей...

— Бѣдной воспитательницей? — повторилъ онъ съ добродушной насмѣшкой. Вы не знаете, какъ вы богаты! Вы царица красоты, вышедшая изъ моря богиня!

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросила она съ горечью, гнѣвно сжавъ губы, такъ что господинъ Пфлюгъ испугался, не сказалъ-ли онъ чего-нибудь неловкаго и непріятнаго. Вы балуете меня похвалами, господинъ Пфлюгъ. Это не хорошо съ вашей стороны. Что сталось бы со мной, еслибъ я помнила только о моемъ лицѣ и забыла мою бѣдность? Венера была богиней на Олимпѣ; въ нашемъ свѣтѣ она была бы цыганкой.

— Цыганки и пастушки часто дѣлались княгинями, — замѣтилъ господинъ Пфлюгъ.

— Преціоза? Но это случалось въ старыя времена, въ Испаніи. И развѣ нё открылось потомъ, что Преціоза была дочь графа? Я не то, я дитя простыхъ рабочихъ, снѣжинка въ вихрѣ жизни.

— Ваши родители... Господинъ Пфлюгъ остановился. Онъ боится, онъ ничего такъ не боится, какъ темной родни, вылѣзающей изъ погребовъ и заднихъ дворовъ.

— Мой отецъ умеръ семь лѣтъ тому назадъ; мать умерла

раньше его двумя годами. У меня нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ, ни родныхъ, которые бы когда-нибудь приняли во мнѣ участіе. И однакоже я никогда не падала духомъ.— И, приподнявшись, она пропѣла вполголоса: «Riez, riez, ma belle, riez, riez toujours».

— Бѣдная, героическая дѣвушка!—съ увлеченіемъ проговорилъ господинъ Пфлюгъ.

Онъ взялъ ея руку, чтобы покрыть ее поцѣлуями, но она отняла ее.

— Какъ вы жестоки! Вы даже не хотите оставить мнѣ вашу ручку, мнѣ, старому человѣку, который уже не можетъ имѣть притязаній на ваше сердце?

— Старому человѣку!—проговорила она.—Пятидесятилѣтніе люди самые опасные. Я знаю только одну, для которой они не могли бы быть опасны—именно себя.

— Почему же?

— Почему? Потому что я бѣдная дѣвушка. Еслибъ я не держалась обѣими руками за мое сердце, что сталось бы со мной? Отвѣтьте мнѣ по совѣсти, какъ честный человѣкъ.

— Вы стали бы моей женой!—вскричалъ онъ, ухватившись за свои волосы.—Дайте свободу вашему сердцу, Юлія. Я люблю васъ, я чувствую, что не могу жить безъ васъ; вотъ моя рука, мое состояніе—ударимъ по рукамъ.

Его волненіе испугало ее: она приподнялась на своемъ креслѣ.

— Вашей женой! проговорила она глухо, потерла лобъ рукою, посмотрѣла на него, покачала головой, такъ что заплетенные волосы ея опустились, огибая ея лицо и шею.— Вашей женой! Она вскочила, и все, что смутно таилось въ душѣ ея, все, что ее волновало—удивленіе, страхъ, дикая радость, удовлетворенное тщеславіе, ощущеніе, что она можетъ отмстить теперь тѣмъ, кто такъ тяжело оскорбилъ ее, воспоминаніе о прошломъ, надежда на будущее, и невыразимо мучительная жалость къ самой себѣ,—все то,

чего она не могла назвать, чего не смѣла выяснить себѣ, все это выразилось въ истерическомъ припадкѣ, въ хохотѣ, рыданіяхъ и плачѣ.

— Милая, дорогая Юлія! — успокоивалъ ее господинъ Пфлюгъ. — Мое неуклюжее предложеніе испугало, можетъ быть огорчило васъ. Но того, что случилось, передѣлать нельзя. Еслибъ не теперь, у меня никогда не достало бы духу признаться вамъ въ моемъ чувствѣ. Теперь мнѣ уже нельзя терять время. Вы смѣетесь — да, нельзя! Вы знаете меня, я знаю васъ; каждый день каждый часъ я вижу въ васъ соединеніе всего, что можетъ осчастливить человѣка. Въ мои года, можетъ быть, глупо простирать къ вамъ руку; но невелико было бы могущество любви, еслибъ она покоряла себѣ только молодыхъ и красивыхъ!

Пока онъ говорилъ, Юлія опять пришла въ себя и овладѣла собою. Все яснѣе и яснѣе становилось ей, что въ ея рукахъ и его, и ея собственная участь. Какъ истомленная, опустилась она на ту скамейку, гдѣ прежде покоились ея ноги.

— Такъ это правда? — тихо и протяжно сказала она, глядя ему въ глаза. — Вы любите меня, вы предлагаете мнѣ ваше имя, ваше блестящее положеніе...

Господинъ Пфлюгъ ощущалъ невыразимое блаженство.

— Примите все это, — сказалъ онъ. — Это не графская корона, но все же лучше, чѣмъ чужой хлѣбъ. У васъ будетъ, правда, немолодой мужъ...

Но добрый, умный, благородный, — тихо прибавила она.

— Въ вашемъ распоряженіи будетъ столько денегъ, сколько вы пожелаете, и вы получите возможность жить только для себя и для преданнѣйшаго изъ вашихъ почитателей.

— Ваше предложеніе лестно для меня выше мѣры, господинъ Пфлюгъ; моя благодарность никогда не можетъ сравняться съ вашей добротой. Но могу ли я принять его? Что скажетъ свѣтъ? Что скажетъ ваша дочь?

— Свѣтъ посмѣется надо мной нѣсколько дней, а потомъ будетъ всю жизнь завидовать моему счастію. А Адельгейда? Не будемъ говорить о ней. Неужели мнѣ соображаться съ желаніемъ дочери, которая никогда не соображалась съ моими? Неужели я долженъ приносить жертву ей, которая никогда не хотѣла ничѣмъ пожертвовать для своего отца? Пусть ее выйдетъ за своего живописца — у ней свое независимое состояніе отъ матери. Повѣрьте мнѣ, милѣйшая, дорогая Юлія: никто не осмѣлится оказать неуваженіе моей женѣ.

Онъ обнялъ и хотѣлъ поцѣловать ее. Но вспоминаніе объ Адельгейдѣ оживило въ ея воображеніи образъ Эдгара и все ея прошлое. Совѣсть громко заговорила въ ней. Она внутренно упрекала себя въ недостойномъ поступкѣ, въ готовности обмануть добраго человѣка, который такъ сердечно желалъ ей добра, и только добра. Она высвободилась изъ его объятій и встала.

— Довольно Господинъ Пфлюгъ, уже слишкомъ довольно: я никогда не могу быть вашей женой!

— Ради Бога, Юлія, говорите ради Бога! Я не нравлюсь вамъ? Вы любите другаго?

— Нѣтъ, нѣтъ! Дайте мнѣ уйти, не мучьте меня вопросами!

— Ничто не можетъ разлучить насъ, кромѣ вашей воли, Юлія, — сказалъ онъ съ жаромъ. — Довѣрьтесь мнѣ. Если васъ давитъ что-нибудь прошлое — выскажитесь, облегчите ваше сердце. Или я, открывшій вамъ всю свою душу, не заслуживаю и вашей откровенности? Вы такое рѣдкое, такое прекрасное явленіе...

— Вы не знаете меня, господинъ Пфлюгъ, — горько отозвалась она. — Вы будете презирать меня, когда меня узнаете. Вы не услышите отъ меня ничего утѣшительнаго. Но вамъ я обязана сказать правду.

Она опять сѣла на скамейку и сложила руки на колѣняхъ.

— Меня мучитъ жажда.

Господинъ Пфлюгъ подбѣжалъ къ столу, налилъ два стакана краснаго вина и подалъ ей одинъ изъ нихъ.

— Чокнемся за будущее, милая Юлія, за долгую дружбу!

Рука ея дрожала и вино пролилось на полъ. Господинъ Пфлюгъ сѣлъ напротивъ, со страхомъ ожидая ея признаній, но заранѣе готовый отпустить ей всякіе грѣхи.

— Я дитя пролетаріевъ, я родилась на чердакѣ отдаленнаго угла столицы. Отецъ мой работалъ на машинной фабрикѣ, мать была прачкой. Я росла безъ братьевъ и сестеръ, въ нищетѣ, въ борьбѣ за кусокъ хлѣба. Но если счастіе не улыбалось мнѣ, то у меня не было и дурнаго примѣра передъ глазами. Мои родители жили согласно. Разумѣется, между ними не было замѣтно той любви и нѣжности, о которыхъ говорятъ знатные люди. Въ народной школѣ я научилась тому, чему можетъ выучиться въ ней бѣдная дѣвочка. Моя живая натура, мое красивое лицо, говорили другіе, больше пригодятся мнѣ въ жизни, чѣмъ знанія. Мать умерла, когда я еще не совсѣмъ стала на ноги, и мнѣ пришлось заработывать хлѣбъ на табачной фабрикѣ...

— Вы — на фабрикѣ! — перебилъ господинъ Пфлюгъ. — Существующій общественный порядокъ никогда не казался ему несправедливѣе и извращеннѣе, чѣмъ въ эту минуту.

— Но я не могла долго выдержать это существованіе. Меня бранили за лѣность, безпорядочность, за страсть къ нарядамъ. Можетъ быть, и основательно бранили, но я была безсильна противъ своей природы. Во мнѣ было нѣчто такое, что оскорбляло моихъ товарокъ и поражало мужчинъ. Родись я аристократкой, у меня все было бы въ отличномъ порядкѣ. А то у меня ничего не клеилось, мое тщеславіе не соотвѣтствовало моему служебному положенію, моя веселость не согласовалась съ моей бѣдностью. У меня вдругъ открыли хорошій голосъ, директоръ одного народнаго театра далъ мнѣ возможность пользоваться нѣкоторое время уроками своего капельмейстера; но они были скудны, эти уроки: моя красота и смѣлость пополнили то, чего недоставало въ

моемъ пѣніи. Мнѣ было семнадцать лѣтъ, я одѣвалась въ пышное длинное платье, пѣла веселыя пѣсни, бойкіе куплеты, и понравилась. Подумайте, какая радость наполняла тогда мое сердце — я могла, благодаря заработываемымъ деньгамъ, облегчить и усладить послѣднія недѣли жизни моего смертельно больнаго, бѣднаго отца. Онъ умеръ на моихъ рукахъ, благословляя меня за мои заботы. Съ тѣхъ поръ я поняла, что во мнѣ двѣ натуры: цыганки и сестры милосердія

— Изумительно! — проговорилъ господинъ Пфлюгъ. Онъ не спускалъ глазъ съ Юліи, онъ слушалъ ея исповѣдь, какъ прелестнѣйшую музыку.

— Не съ благочестивыми мыслями возвратилась я съ могилы отца, — продолжала Юлія. — И откуда могли онѣ взяться? Никакой проповѣдникъ не произнесъ надъ нею надгробнаго слова, могильщикъ и товарищи отца по фабрикѣ опустили его въ землю и бросили нѣсколько вѣнковъ въ его могилу. Этимъ все и кончилось. Я осталась одна, никому не обязанная отчетомъ въ моихъ дѣйствіяхъ. Кругомъ холодное, пустынное, неизмѣримое море. Расправляй руки, плыви или тони. Я удержалась на поверхности воды. При моемъ тогдашнемъ положеніи и заработкѣ, я еще могла считать себя избранницей судебъ. Сначала пятьдесятъ, потомъ семьдесятъ-пять талеровъ мѣсячнаго жалованья — подумайте, господинъ Пфлюгъ! съ такими средствами живешь среди нищихъ какъ принцесса! Мой голосъ не силенъ и я не умѣла пѣть; но слушатели приходили отъ меня въ восторгъ. Вы можете посмѣяться надо мной, потому что я хвалю себя. Синьора Юлія — такъ звали меня на афишкѣ — была магнитомъ маленькаго народнаго театра. Каждый вечеръ меня осыпали похвалами и любезностями. Директоръ берегъ меня, какъ драгоцѣнность, я жила у его жены, ко мнѣ относились въ ихъ домѣ какъ къ дочери. Въ удовольствіяхъ и поклонникахъ не было недостатка. Мнѣ минуло восемнадцать лѣтъ, и глупо было бы съ моей стороны не пользоваться

этими годами. Богатая дѣвушка помышляетъ въ эту пору о замужествѣ, о положеніи въ обществѣ; у бѣдной дѣвушки нѣтъ будущности. Я страшилась мысли выдти за скромнаго человѣка и въ бѣдности влачить однообразную жизнь. Мнѣ нужны были шумъ, краски, перемѣны. А что касается сердца, въ то время я еще усерднѣе держала его на привязи, чѣмъ теперь. Я не вѣрила мужчинамъ: всѣ они были въ моихъ глазахъ одинаковы.

— Всѣ одинаковы! механически повторилъ господинъ Пфлюгъ, не зная радоваться ли этому или печалиться.

— Гадкая, хитрая змѣя — не правда ли? Мелюзина съ рыбьей кровью въ жилахъ и рыбьимъ хвостомъ или нѣчто въ этомъ родѣ! Нѣтъ, господинъ Пфлюгъ: я только играла съ мужчинами, какъ и они со мной играли. Мы, бѣдные люди, болѣе открыты всѣмъ явленіямъ жизни, чѣмъ богатые, мы не страшимся ихъ, но и насъ нельзя обмануть громкими словами. Примѣръ моихъ товарокъ рано показалъ мнѣ, что значили мужскія клятвы. Поклонниковъ было у меня, сколько я хотѣла, но не было ни одного любовника. Впослѣдствіи я сошлась съ княземъ Подгорскимъ. Сильной страсти къ нему я не чувствовала; но я была тронута его добротой и дружбой. Три года прожили мы согласно и дружно. По его желанію, я выучилась по-французски и прочла множество книгъ, которыя онъ мнѣ приносилъ. Ему обязана я тѣми небольшими знаніями, какія я теперь имѣю. Я была его прилежной ученицей и веселой собесѣдницей. Еслибъ любовь могла быть постоянна, я теперь жила бы съ нимъ по прежнему. Разстроенное здоровье князя потребовало поѣздки на воды. Мы были съ нимъ въ Карлсбадѣ и Висбаденѣ, а осень провели въ Баденъ-Баденѣ. Будущей осенью пройдетъ съ тѣхъ поръ ровно три года. Гдѣ-то я буду тогда? Въ Баденъ-Баденѣ я познакомилась съ графомъ Бергтаузеномъ и научилась уважать его. Судьбѣ угодно было, чтобъ я познакомилась тамъ же и съ другимъ человѣкомъ, товарищемъ моихъ дѣтскихъ игръ, котораго образъ никогда

не могъ изгладиться изъ моего сердца. Въ дѣтствѣ мы вмѣстѣ играли; потомъ мой отецъ переселился въ другую часть города, мы не видались больше, и только много лѣтъ спустя я замѣтила его въ числѣ посѣтителей народнаго театра, которые мнѣ рукоплескали. Послѣ представленія, я искала его въ залѣ, въ саду театра, меня тянуло къ нему больше, чѣмъ къ кому-нибудь другому, хотѣлось обнять его, разсказать ему мою душу... Но я не нашла его и потомъ уже не встрѣчала больше. Его-то послалала мнѣ судьба въ Баденъ-Баденѣ»...

— И онъ живъ еще?— воскликнулъ господинъ Пфлюгъ внѣ себя отъ раздраженія. — Кто онъ такой: офицеръ? купецъ? какъ его имя?

Въ рукахъ Юліи была теперь судьба Эдгара. Назвать его по имени значило бы навсегда разстроить бракъ его съ Адельгейдой. Великодушіе ли или умный разсчетъ сдержали ее, но она отвѣчала на вопросы господина Пфлюга:

— Вы не знаете его. Онъ — бѣдный художникъ; скульпторъ...

— Вѣчно эти художники! — пробормоталъ господинъ Пфлюгъ.

— Что дѣлать! — возразила Юлія. У нихъ цыганская кровь въ жилахъ и отблескъ лучшаго міра на лицѣ. Неудивительно, что при этой встрѣчѣ мой жребій былъ брошенъ. Я предпочла бы смерть утратѣ этого человѣка, котораго любила безумно; не сказать ему: я люблю тебя, одного тебя! было бы для меня хуже смерти. И въ его груди зажглась искра и произвела пожаръ. Мы сговорились сойтись зимою въ Берлинѣ и уже никогда не разлучаться. Я призналась князю Подгорскому во всемъ; онъ предсказывалъ мнѣ плохой исходъ моей страсти, но не мѣшалъ мнѣ уѣхать. Горе той женщинѣ, которая безумно отдаетъ всю свою душу одному человѣку!

— И этотъ негодяй предалъ васъ, измѣнилъ вамъ?

— Измѣнилъ и бросилъ! — отвѣчала Юлія съ хохотомъ

и рыданіями. — Я отдалась ему вся, я начала трудовую жизнь, чтобы сдѣлаться его достойной. Только для него отказалась я отъ мірскаго шума и свѣта, которыми была ослѣплена прежде.— Она встала.— Ахъ, я была глупа, я только того и заслуживала, чтобъ онъ выжалъ меня и бросилъ. Въ этомъ тяжкомъ положеніи я случайно прочла объявленіе господина Вальтера въ газетѣ и пришла къ вамъ. Теперь вы знаете, кто я. Казните меня, если вы должны казнить, и простите, если можете.

— Юлія... А этотъ человѣкъ — гдѣ онъ теперь?

— Я ничего о немъ не знаю, и онъ не знаетъ обо мнѣ. Онъ могъ бы стоять тутъ, на вашемъ мѣстѣ, его дыханіе могло бы касаться моихъ волосъ, и между нами все-таки лежала бы неизмѣримая пропасть.

— Такъ вы не любите его, не смотря на всю вашу ненависть?— спросилъ онъ настойчиво.

Такой вопросъ со стороны господина Пфлюга изумилъ ее. Онъ видимо научился многому изъ ея исповѣди. Имъ овладѣло невѣдомое дотолѣ броженіе. Какіе-то скрытые ключи зашевелились въ его внутреннемъ мірѣ, въ немъ вспыхнулъ огонь, до тѣхъ поръ таившійся подъ пепломъ дѣловой жизни, и когда онъ порывисто взялъ ее за руки и, задыхаясь, повторилъ: «Вы его не любите?» — взволнованная Юлія забыла возрастъ и сѣдые волосы своего увлеченнаго почитателя. «Я не люблю его», сказала она, смотря прямо въ глаза своему почитателю. «Была минута, когда мнѣ хотѣлось убить его, но и это прошло. Теперь пустите меня, вы больно жмете мнѣ руки»...

Но онъ не слышитъ ее, онъ еще крѣпче сжимаетъ ея нѣжныя руки; она закричала бы, еслибъ новое, еще болѣе сильное впечатлѣніе не лишило ее голоса.

— Но я люблю васъ, Юлія!—громко произнесъ онъ.— Какое мнѣ дѣло до вашего прошлаго? Я вижу васъ, я держу васъ, я хочу обладать вами, и никто не вырветъ васъ изъ моихъ рукъ...

Онъ крѣпко обнялъ ее обѣими руками и страстно цѣловалъ. Отвѣчали ли ея уста на эти поцѣлуи? Одинъ разъ, и еще разъ... И, прежде чѣмъ господинъ Пфлюгъ могъ опомниться, она вырвалась изъ его рукъ, прыгнула къ двери и взялась за ручку замкà. Она еще разъ повернулась къ нему лицомъ, страстная, манящая, съ губами, сложенными для новаго поцѣлуя, едва переводя духъ, потрясая красновато-золотистыми волосами, съ которыхъ, казалось ему, сыпались искры.

— Покойной ночи, господинъ Пфлюгъ!

Она вышла. Слегка заскрипѣли ступеньки лѣстницы подъ ея легкими, бѣглыми шагами... Еще одинъ звукъ лукаваго, полусдержаннаго смѣха... и на верху затворилась дверь...

Не сонъ ли все это? Не видѣніе ли? Господинъ Пфлюгъ падаетъ на то кресло, гдѣ она лежала... «А я все-таки женюсь на ней!» говоритъ онъ въ душѣ.

Романъ собственно конченъ. Его развязку угадать не трудно. Нѣмецкая камелія становится вѣрной и добродѣтельной женой человѣка, котораго она любитъ, съ тѣмъ характернымъ оттѣнкомъ прекрасной хозяйки дома — Hausfrau — безъ котораго немыслима жена въ хорошей нѣмецкой семьѣ. Но онъ былъ бы неполонъ безъ короткаго эпилога, растянутаго авторомъ на двѣ большія главы. Господинъ Пфлюгъ привозитъ Юлію, свою невѣсту, въ Берлинъ, въ сопровожденіи г-жи Вальтеръ. Устроивъ дамъ въ гостинницѣ и возвратившись въ свой домъ, онъ даетъ Адельгейдѣ согласіе на бракъ съ Эдгаромъ. Но Эдгару наскучили препятствія и непріятности, смѣнившія прежнюю свободу и пріятность его романическихъ отношеній къ богатой и хорошо воспитанной дѣвушкѣ. Она слишкомъ холодна, слишкомъ благоразумна для художника. Она не ушла къ нему, когда отецъ отказалъ ей въ своемъ согласіи на этотъ бракъ. Эдгаръ рвется опять къ Юліи, онъ прибѣгаетъ къ ней въ

гостинницу, дѣлаетъ ей сцену и уступаетъ только ея обѣщанію пріѣхать на другой день къ нему въ мастерскую, для рѣшительныхъ объясненій. У Эдгара застаетъ ее Адельгейда, поспѣшившая къ нему послѣ радостнаго свиданія съ отцомъ. Юлія увозитъ Адельгейду въ домъ отца; онѣ сближаются; обѣ онѣ любили Эдгара и обѣ были имъ обмануты. Эдгаръ не выдерживаетъ этого кризиса. Онъ устроиваетъ пріятельскую пирушку и на ней лишаетъ себя жизни изъ револьвера. Одни приписываютъ это неосторожности, незнанію того, что револьверъ былъ заряженъ; другіе громко говорятъ о намѣренномъ самоубійствѣ. А въ небольшой семьѣ господина Пфлюга готовятся двѣ свадьбы: господинъ Пфлюгъ женится на Юліи; его дочь выходитъ за графа Бергтаузена...

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА ВЪ ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.

Восточная война 1853 — 1856 гг. Соч. г.-л. М. И. Богдановича. Четыре тома.

Новый трудъ М. И. Богдановича возвращаетъ насъ весьма кстати къ изученію эпохи, особенно интересной въ данную минуту. Хотя авторъ главнымъ образомъ заботится объ обстоятельномъ изложеніи военныхъ дѣйствій въ восточную войну пятидесятыхъ годовъ, но тѣмъ не менѣе его трудъ наводитъ читателя на многія соображенія — о недавнихъ еще отношеніяхъ западной Европы къ Россіи въ восточномъ вопросѣ, о сравнительномъ размѣрѣ силъ той и другой стороны въ этомъ сложномъ до чрезвычайности дѣлѣ, въ которомъ многіе у насъ и теперь, какъ и тогда, мало склонны руководствоваться знаніемъ дѣла, анализомъ всѣхъ его подробностей и внимательнымъ изученіемъ дѣйствительныхъ условій, при которыхъ приходится рѣшаться на тотъ или другой шагъ. Подъ исключительнымъ вліяніемъ патріотическаго воодушевленія могутъ, конечно, совершаться великія дѣла; но предоставленное самому себѣ, лишенное «руля и вѣтрилъ» критики и фактическихъ свѣдѣній, это воодушевленіе можетъ доводить всякое дѣло до послѣдней крайности, до международнаго кризиса, послѣдствія кото-

раго даютъ себя чувствовать долгое время, даже и въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о судьбахъ обширной страны и крупной національности, какова, напримѣръ, Россія, въ связи съ судьбами другихъ славянскихъ народностей. Не одна только Турція, но и отношенія къ восточному вопросу Англіи и Австріи, наиболѣе изумившей насъ двадцать лѣтъ тому назадъ своимъ образомъ дѣйствій въ тогдашнюю турецкую войну, должны быть у насъ постоянно въ виду при обсужденіи этого запутаннаго и труднаго вопроса, въ которомъ не малую роль призваны бываютъ играть и внутреннія дѣла государствъ.

По своему оффиціальному положенію военнаго исторіографа, а также и по близости той эпохи къ намъ, почтенный авторъ «Восточной войны» не могъ опуститься въ глубь восточнаго вопроса и дать полную характеристику лицъ, которыхъ дѣятельность имѣла вліяніе на тогдашнія событія. Внутренняя и дипломатическая сторона войны пятидесятыхъ годовъ занимаетъ въ его .сочиненіи второстепенное мѣсто, и въ этомъ отношеніи нельзя предъявлять къ нему тѣхъ требованій, которымъ могъ болѣе или менѣе удовлетворить западно-европейскій историкъ, и которымъ отчасти удовлетворилъ талантливый Кинглэкъ. Г-нъ Богдановичъ пользовался за то болѣе богатымъ матеріаломъ, относящимся до нашихъ военныхъ дѣйствій. Эти военныя дѣйствія по необходимости остаются главнымъ предметомъ его изслѣдованій. Для выясненія ихъ онъ пользовался лучшими, и русскими, и иностранными сочиненіями, относящимися къ восточной войнѣ, изданными и рукописными записками, и даже словесными показаніями многихъ лицъ, принимавшихъ въ ней дѣятельное участіе. Онъ относится къ войнѣ, какъ къ совершившемуся и неотразимому факту, и старается изложить ея подробности. Въ глазахъ автора, причинами невыгоднаго для насъ парижскаго договора были: «недостаточное вооруженіе войскъ и плохое устройство хозяйственнаго управленія нашей арміи, въ особенности по

части призрѣнія больныхъ и раненыхъ», а главною причиной «было то, что мы не успѣвали пользоваться благопріятными случаями для пораженія непріятеля, неоднократно встрѣчавшимися въ продолженіе войны». Авторъ совсѣмъ не касается вопроса о томъ, возможно ли было государству сравнительно бѣдному, съ крѣпостнымъ населеніемъ и строемъ, бороться противъ всей почти западной Европы, обогащенной свободнымъ умственнымъ и хозяйственнымъ трудомъ и сильно развитою промышленностью. Точно такъ же относится онъ и къ причинамъ восточной войны пятидесятыхъ годовъ. Не углубляясь въ нихъ политически, онъ останавливается лишь на ближайшей изъ нихъ — на сочувствіи Людовика-Наполеона къ Англіи, гдѣ онъ нашелъ убѣжище во время гоненій, испытанныхъ Наполеонидами въ остальной Европѣ, и на ненависти его къ Россіи, такъ много способствовавшей паденію его дяди, а потомъ признавшей его самого императоромъ позже, чѣмъ другія европейскія государства, и въ такой формѣ, которая возбудила его неудовольствіе и злобу. Вѣрный своей главной задачѣ — критическому изложенію военныхъ дѣйствій и ошибокъ, авторъ не упоминаетъ объ ошибкахъ тогдашней нашей дипломатіи. Только двѣ первыя главы его сочиненія посвящены отношеніямъ Россіи къ Турціи, дѣлу о святыхъ мѣстахъ, въ которомъ мы разошлись съ Франціей, и переговорамъ князя Меншикова въ Константинополѣ по этому собственно дѣлу.

Православные и католики издавна соперничали между собою относительно льготъ и преимуществъ, принадлежавшихъ обоимъ исповѣданіямъ въ святыхъ мѣстахъ. Еще въ 1740 году Франція исходатайствовала у султана новыя привилегіи для католической церкви, въ ущербъ православнымъ. Впослѣдствіи, при общемъ равнодушіи французовъ къ религіознымъ дѣламъ, православные добились нѣ-

скольких фирманов, возстановивших древнія их права, и въ такомъ положеніи оставалось это дѣло до половины текущаго столѣтія, когда Наполеонъ III рѣшился возобновить забытыя права католиковъ. Таковъ былъ ближайшій поводъ къ разладу между Россіей и Турціей, который не замедлилъ поссорить Россію и съ западными державами. Для поддержанія правъ, принадлежавшихъ православнымъ, императоръ Николай Павловичъ, въ февралѣ 1853 года, отправилъ въ Константинополь князя Меншикова въ качествѣ чрезвычайнаго посла. Послу было поручено требовать, чтобы православное духовенство было удовлетворено, и чтобы турецкое правительство заключило съ Россіей конвенцію, текстъ которой былъ составленъ въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и врученъ послу при отъѣздѣ его изъ Петербурга. Конвенція эта формально подтверждала прежнее право русскихъ посланниковъ ходатайствовать въ пользу церквей константинопольскихъ и другихъ, а также въ пользу духовенства; обязывала Порту уважать эти ходатайства, формально установляла права восточныхъ патріарховъ и другихъ духовныхъ лицъ, пожизненную ихъ несмѣняемость, за исключеніемъ нѣкоторыхъ законныхъ случаевъ, права греческаго исповѣданія въ Іерусалимѣ, и требовала новаго укрѣпленія фирманомъ и гатти-гумаюномъ постановленій, изданныхъ предшественниками султана въ пользу іерусалимской церкви; конвенція обязывала также Порту, въ случаѣ желанія русскаго двора, назначить въ Іерусалимѣ или его окрестностяхъ удобное мѣсто для построенія русской церкви и страннопріимнаго дома, подъ особымъ надзоромъ русскаго генеральнаго консула въ Сиріи. Къ конвенціи былъ приложенъ проектъ секретныхъ условій, на основаніи которыхъ Россія обязывалась съ своей стороны помогать султану сухопутными и морскими силами для защиты его владѣній, въ случаѣ разрыва Порты съ какою-либо изъ европейскихъ державъ. Князю Меншикову даны были, сверхъ того, инструкціи для сношеній съ представителями вели-

кихъ державъ въ Константинополѣ. Вотъ что было, между прочимъ, сказано въ этихъ инструкціяхъ относительно Франціи: «Новая имперія и новый императоръ признаны нашимъ августѣйшимъ монархомъ съ такими ограниченіями и на такихъ условіяхъ, которыя наиболѣе удобны для высказанія въ глазахъ свѣта видовъ и намѣреній русскаго правительства. Поступать дружественно, мирно, привѣтливо, но — въ то же время — осторожно и твердо; никакихъ напрасныхъ вызововъ, но — вмѣстѣ съ тѣмъ — и никакихъ уступокъ. Не оскорблять Людовика-Наполеона въ его основательныхъ щекотливостяхъ (dans ses susceptibilités raisonnables), но не спускать ему ни въ чемъ, не уступать ему въ притязаніяхъ политики и законной наслѣдственности Наполеонидовъ: такова система, которой слѣдовалъ и которой предполагаетъ и впредь слѣдовать императоръ. Самая форма признанія французской имперіи нами принята въ этомъ духѣ. Она была послѣдствіемъ вызова, брошеннаго Наполеономъ съ перваго его шага державамъ, низложившимъ первую имперію, и его притязанія поставить свой демократическій принципъ выше принципа древнихъ монархій (d'élever son principe démocratique au dessus de celui des vieilles monarchies). Нашъ августѣйшій монархъ, принявъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Франціей такую форму и заставя новаго императора удовольствоваться ею, не только поступилъ согласно съ своимъ искреннимъ убѣжденіемъ, но имѣлъ въ виду политическую цѣль — ослабить то обаяніе страха и силы, которое оказываетъ новое французское правительство на слабыя государства, и въ числѣ ихъ на Турцію».

Правительство не сомнѣвалось тогда въ благорасположеніи Англіи, которой, по словамъ тѣхъ же инструкцій, были сообщены «съ полной откровенностью наши виды и цѣль посольства князя Меншикова»; въ инструкціяхъ нашему чрезвычайному послу было высказано, что англійское министерство, въ лицѣ лорда Эбердина, «питаетъ совершен-

ное довѣріе къ умѣреннымъ и консервативнымъ намѣреніямъ Россіи». «Что же касается до прочихъ двухъ великихъ европейскихъ державъ» (т.-е. Австріи и Пруссіи), сказано было въ тѣхъ же инструкціяхъ, «то вамъ извѣстно, что мы состоимъ съ ними въ тѣсномъ союзѣ, и потому было бы излишне сообщать вамъ, что между ихъ кабинетами и нашимъ существуютъ совершенное тожество видовъ и прочность взаимныхъ обязательствъ во всѣхъ главныхъ вопросахъ европейской политики. Это относится наипаче къ Австріи, которая, по своему географическому положенію, преимущественно передъ Пруссіей, можетъ оказывать дѣятельное вліяніе на дѣла Востока. Конечно, въ спорѣ, возникшемъ по поводу св. мѣстъ, Австрія, какъ держава католическая, не можетъ слишкомъ явно поддерживать права греко-россійскаго исповѣданія противъ притязаній католиковъ. Но вѣнскій кабинетъ, руководясь свойственною ему проницательностью, легко могъ усмотрѣть, что въ этомъ вопросѣ для Франціи шло дѣло не столько о религіозномъ сомнѣніи, сколько о политической цѣли, и мы должны были заключить, что Австрія, именно какъ держава католическая, никогда не признаетъ исключительнаго покровительства, котораго домогается Франція надъ всѣми христіанами одного съ нею исповѣданія. А потому, нисколько не колеблясь, мы обратились къ Австріи съ такими же объясненіями, какія сообщены нами Англіи, и съ просьбою дѣйствовать такимъ же образомъ въ Константинополѣ и Парижѣ. Мы должны отдать справедливость австрійскому правительству въ томъ, что оно предупредило наши желанія ихъ исполненіемъ. На-дняхъ полученные нами отзывы, совершенно самопроизвольные (entièrement spontanés) съ его стороны, убѣждаютъ насъ, что вѣнскій кабинетъ совершенно понялъ тайные виды французскаго правительства... Итакъ, мы имѣемъ вполнѣ право надѣяться, что В. С. найдете въ уполномоченномъ вѣнскаго двора искренно намъ союзнаго (dans le mandataire d'une cour notre Alliée la plus

intime), совершенную взаимность содѣйствія, которая происходитъ отъ стремленія къ одной цѣли и желанія достигнуть однихъ и тѣхъ же результатовъ.

Князь Меншиковъ прибылъ въ Константинополь $^{16}/_{28}$ февраля на военномъ пароходѣ «Громоносецъ», съ большою свитой. «Обычный церемоніалъ требовалъ», говоритъ г. Богдановичъ, «чтобы, прежде всего, онъ сдѣлалъ визитъ министру иностранныхъ дѣлъ Порты, но какъ занимавшій тогда сію должность Фуадъ-эфенди явно выказалъ, по дѣлу о св. мѣстахъ, недоброжелательство къ Россіи, то князь Меншиковъ далъ знать верховному визирю, что желаетъ имѣть съ нимъ частное, дружеское свиданіе и проситъ назначить для того день. Визирь, вѣроятно, не понявъ намѣренія посла— видѣть его за-просто, принялъ князь Меншикова со всѣми почестями, обычными при церемоніальныхъ посѣщеніяхъ. Посолъ, не предвидя такого недоразумѣнія, поѣхалъ къ визирю во фракѣ, сверхъ котораго на немъ было необходимое по тогдашнему времени года верхнее платье (пальто), и не снималъ его въ длинномъ нетопленномъ корридорѣ, полагая, что передъ пріемною залой есть передняя, либо какая-нибудь другая комната, гдѣ можно будетъ снять верхнюю одежду. Но когда онъ дошелъ до конца корридора и приподнялась завѣса изъ чернаго сукна, за которою на порогѣ стоялъ верховный визирь въ парадномъ мундирѣ, Меншиковъ, прежде нежели подойти къ нему, снялъ пальто и перекинулъ его черезъ лѣвую руку, а потомъ сѣвъ на предложенное мѣсто въ углу софы, положилъ пальто возлѣ себя. Бесѣда съ визиремъ, незнавшимъ никакого изъ европейскихъ языковъ, продолжалась не болѣе четверти часа; однако же посолъ успѣлъ сообщить ему, что, желая исполнить успѣшно данное императоромъ порученіе, не можетъ вести переговоровъ съ Фуадомъ, котораго недобросовѣстность и двуличіе обнаружились въ сношеніяхъ съ русскимъ посольствомъ. Когда же визирь, по выходѣ Меншикова провожавшій его по корридору, поровнявшись съ комнатой

министра иностранныхъ дѣлъ, указалъ черезъ драгомана на Фуада-эфенди, стоявшаго въ мундирѣ, посолъ прошелъ мимо, какъ бы не замѣчая турецкаго министра. Такой рѣшительный поступокъ князя Меншикова заставилъ Фуада-эфенди подать въ отставку, на что немедленно послѣдовало соизволеніе султана: случай до того времени безпримѣрный въ Турціи. На мѣсто Фуада, министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ Рифаатъ-паша, уже исправлявшій эту должность, а также бывшій прежде посланникомъ въ Вѣнѣ».

Черезъ нѣсколько дней русскій посолъ имѣлъ аудіенцію у султана и вручилъ ему письмо императора Николая Павловича, — письмо, которое напечатано вполнѣ въ сочиненіи г. Богдановича и въ которомъ русскій императоръ, напоминая о добросовѣстномъ соблюденіи имъ самимъ всѣхъ обязательствъ и договоровъ съ Портой, писалъ что желаетъ того же со стороны Турціи, и между прочимъ высказалъ слѣдующія мысли:

«Весьма далекъ я, высокій и державный другъ, отъ намѣренія подвергнуть ваше правительство распрямъ съ другими державами, либо предложить вамъ нарушеніе какого-либо условія, основаннаго на трактатѣ, состоящемъ донынѣ въ силѣ и обязательномъ для Турціи.

«Но, съ другой стороны, въ нынѣшнемъ вопросѣ, я долженъ совѣтовать вамъ сохраненіе правъ, освященныхъ вѣками, признанныхъ всѣми вашими славными предшественниками и подтвержденныхъ вами самими, въ пользу православной церкви, которой догматы исповѣдуютъ многіе изъ состоящихъ подъ вашимъ владычествомъ христіанъ, а равно и наибольшая часть моихъ подданныхъ.

«Ежели сохраненіе сихъ правъ и документовъ, дарованныхъ вашею волею и верховною властью, повело бы къ какому-либо замѣшательству, или если бы вслѣдствіе того ваши владѣнія были угрожаемы опасностью, то подобныя событія укрѣпили бы еще болѣе вашъ союзъ съ нами и

повели бы къ соглашенію, которое положило бы конецъ требованіямъ и притязаніямъ, несовмѣстнымъ съ независимостью вашего правительства и со внутреннимъ спокойствіемъ вашей имперіи.

«Позволяю себѣ надѣяться, что, ваше величество, убѣдясь въ справедливости этихъ замѣчаній и въ искренности словъ моихъ, устраните съ твердостью коварные и недоброжелательные извѣты, клонящіеся къ разрыву дружества и добраго сосѣдства, кои столь благополучно доселѣ существовали между нами».

Съ первыхъ же шаговъ князя Меншикова въ Константинополѣ обнаружилось, какъ сильно мы ошиблись тогда въ разсчетахъ на Англію, на ея готовность дѣйствовать съ нами за-одно въ случаѣ смерти «больнаго человѣка», какъ называлъ Турцію покойный государь въ своихъ бесѣдахъ съ англійскимъ посланникомъ Сеймуромъ, о которыхъ не упоминаетъ г. Богдановичъ, но содержаніе которыхъ было, безъ сомнѣнія, сообщено изъ Англіи турецкимъ министрамъ. Англія не желала уступить Рссіи не только ни одного клочка турецкой земли, но и простаго дипломатическаго вліянія въ Константинополѣ. Дѣйствительное настроеніе Англіи выразилось сначала въ столкновеніяхъ англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, полковника Роза, съ русскимъ повѣреннымъ, г. Озеровымъ, а потомъ въ слѣдующихъ словахъ англійскаго посланника, лорда Редклифа, обращенныхъ къ г. Озерову во время переговоровъ князя Меншикова съ Портой: «Положеніе ваше по сочувствію къ вамъ христіанъ, подданныхъ Турціи, всегда будетъ внушать подозрѣнія. Всякій одержанный вами на этой почвѣ успѣхъ возбудитъ неудовольствіе не только Порты, но и всѣхъ насъ, людей Запада. Если вы желаете исправить какое-либо нарушеніе заключенныхъ съ вами тракттовъ, требуйте, и безъ сомнѣнія вы получите немедленное удовлетвореніе; но если вы домогаетесь новыхъ правъ, то встрѣтите сильное противодѣйствіе и вооружите противъ себя коалицію. Скажу вамъ

прямо: слишкомъ тѣсная дружба между вами и Турціею возбудитъ столько же подозрѣній въ Европѣ, сколько разрывъ, который поведетъ за собою войну».

Незадолго передъ тѣмъ австрійскій повѣренный въ дѣлахъ, Клецль, уже сообщилъ г. Озерову, что лордъ Редклифъ въ откровенной бесѣдѣ заявилъ намѣреніе западныхъ державъ поддерживать Турцію. По многимъ подобнымъ причинамъ князь Меншиковъ имѣлъ полное основаніе писать графу Нессельроду, что «Порта болѣе чѣмъ когда-либо предана слѣпо внушеніямъ лорда Стратфорда, что турецкіе министры сообщаютъ ему въ подробности все, что касается до нашихъ переговоровъ, и что великобританскій посолъ, принимая на себя явно роль миротворца, побуждаетъ въ тайнѣ Диванъ противиться намъ въ самомъ важномъ изъ нашихъ требованій», т.-е. относительно заключенія конвенціи. Русскому послу стало ясно, что турки рѣшительно не хотятъ подписать конвенцію въ томъ видѣ, въ какомъ она была составлена нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Поэтому онъ измѣнилъ нѣсколько ея форму и предложилъ вновь составленный имъ проектъ въ формѣ сенеда (указа), въ которомъ были исключены нѣкоторыя мѣста, возбуждавшія наиболѣе сомнѣній въ совѣтникахъ Порты. Князь Меншиковъ, говоритъ г. Богдановичъ, не рѣшился сдѣлать болѣе существенныя измѣненія въ петербургскомъ проектѣ конвенціи, тѣмъ болѣе, что, состоя въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ съ канцлеромъ, онъ опасался, чтобы уклоненіе отъ составленныхъ послѣднимъ инструкцій не было выставлено передъ государемъ въ видѣ произвольнаго толкованія высочайшей воли. Въ измѣненномъ слегка видѣ сенедъ былъ сообщенъ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, который отвѣчалъ нашему послу въ назначенный имъ пятидневный срокъ, что султанъ готовъ удовлетворить требованія, Россіи и обезпечить права и преимущества греческой церкви. но что ручательства, въ видѣ присланнаго къ нему проекта сенеда, несовмѣстимы съ верховными правами султана. Не

принимая этого отзыва Рифаатъ-паши за отвѣтъ на свою ноту, князь Меншиковъ назначилъ Портѣ новый трехдневный срокъ для болѣе удовлетворительнаго отвѣта, угрожая прервать дипломатическія сношенія, а между тѣмъ рѣшился обратиться прямо къ султану. На данной ему аудіенціи посолъ старался убѣдить султана въ необходимости дать русскому императору вѣрныя ручательства въ соблюденіи преимуществъ православнаго исповѣданія турецкимъ правительствомъ:

«Воля моего государя непоколебима — сказалъ онъ.— Его расположеніе къ Оттоманской Портѣ, недопускающее и тѣни помышленія о преобладаніи, требуетъ формальнаго опроверженія злорадливыхъ толковъ объ его намѣреніяхъ. Онъ домогается явнаго доказательства вашей довѣренности. Никогда мой августѣйшій государь не думалъ, какъ доносили вашему величеству, мѣшаться въ ваши дѣла между вами и вашими подданными. Какъ въ мирное, такъ и въ военное время, онъ воздерживался отъ призыва къ столь естественному сочувствію своихъ единовѣрцевъ въ Турціи. Агенты его величества всегда склоняли къ слѣпому повиновенію верховной власти, и въ настоящихъ обстоятельствахъ, мой августѣйшій государь, желая согласить свою высокую набожность и свои религіозныя убѣжденія съ поддержаніемъ и утвержденіемъ вашей монархіи, обращается единственно къ могуществу и справедливости вашего величества, чтобы обезпечить и охранить подъ вашею защитою вѣковыя льготы и преимущества православнаго исповѣданія».

Султанъ обѣщалъ дать отвѣтъ нашему послу на другой или на третій день; но посолъ, прождавъ двое сутокъ на пароходѣ «Громоносецъ», получилъ, вмѣсто обѣщаннаго отвѣта, ноту съ просьбой о новой отсрочкѣ. Несмотря на происшедшую перемѣну въ личномъ составѣ турецкаго министерства, несмотря на готовность новаго великаго визиря и новаго министра иностранныхъ дѣлъ (Решидъ-паши) къ

нѣкоторымъ уступкамъ, лордъ Редклифъ склонилъ большинство членовъ верховнаго совѣта дать русскому послу отвѣтъ, составленный въ англійскомъ посольствѣ 6-го (18) мая.

Решидъ-паша посѣтилъ князя Меншикова и передалъ ему словесно постановленія верховнаго совѣта: «провозгласить верховное рѣшеніе, коимъ обезпечивалось statu quo (настоящее положеніе) іерусалимскихъ святынь, не допускавшее никакихъ измѣненій безъ предварительнаго соглашенія съ русскимъ и французскимъ дворами; даровать патріарху константинопольскому фирманъ, съ обозначеніемъ правъ греческаго исповѣданія; сообщить князю Меншикову, въ заключеніе переговоровъ, объяснительную ноту (une note explicative) и предложить ему сенедъ, въ силѣ формальнаго трактата, объ уступкѣ мѣста на сооруженіе церкви и страннопріимнаго дома для русскихъ въ Іерусалимѣ».

Уступая настояніямъ Решидъ-паши и представителей державъ въ Константинополѣ, князь Меншиковъ согласился однакоже возобновить переговоры и сообщить Решиду-пашѣ проектъ новой ноты, въ которой была исключена статья, относившаяся къ соблюденію всѣхъ прежнихъ договоровъ, подтвержденныхъ адріанопольскимъ трактатомъ. Но и этотъ проектъ былъ отвергнутъ Турціей. Князь Меншиковъ уѣхалъ тогда въ Одессу, откуда легко могъ возвратиться въ Константинополь, если бы представилась возможность возобновить переговоры; но этой возможности не представилось. Россія заявила о своемъ намѣреніи занять дунайскія княжества безъ объявленія войны, въ видѣ залога, а Франція и Англія направили свои флоты къ Дарданелламъ еще прежде, чѣмъ было заявлено намѣреніе Россіи занять княжества.

Г-нъ Богдановичъ, очевидно, даетъ лишь сжатый очеркъ переговоровъ, веденныхъ княземъ Меншиковымъ въ Константинополѣ. Его интересное сочиненіе не опровергаетъ и не подтверждаетъ нѣкоторыхъ показаній обнародованной въ Англіи дипломатической переписки, напр. свѣдѣнія о томъ,

что князь Меншиковъ непремѣнно желалъ вести переговоры съ Портой о конвенціи секретно отъ Франціи и Англіи, и даже угрожалъ немедленнымъ отъѣздомъ изъ Константинополя, если Порта сообщитъ Англіи о главной цѣли его прибытія въ Константинополь. Если это свѣдѣніе, основанное на оффиціальномъ заявленіи тогдашняго великаго визиря, вѣрно, то оно въ значительной мѣрѣ объясняетъ тогдашнее глубокое недовѣріе и раздраженіе Англіи противъ русской политики, которыя повели къ восточной войнѣ.

Какъ бы то ни было, разрывъ совершился, и покойный императоръ самъ начерталъ, на случай войны, подробный планъ военныхъ дѣйствій, остававшійся доселѣ неизвѣстнымъ публикѣ.

Покойный государь справедливо полагалъ, что «чѣмъ разительнѣе, неожиданнѣе и рѣшительнѣе нанесемъ ударъ, тѣмъ скорѣе положимъ конецъ борьбѣ», и «что сильная экспедиція съ помощью флота, прямо въ Босфоръ и Царьградъ, можетъ все рѣшить очень скоро». По плану покойнаго государя, «ежели флотъ въ состояніи поднять 16 тысячъ человѣкъ, съ 32-мя полевыми орудіями, съ необходимымъ числомъ лошадей при двухъ сотняхъ казаковъ, то сего достачно, чтобъ при неожиданномъ появленіи не только овладѣть Босфоромъ, но и самымъ Царьградомъ; буде же число войскъ можетъ быть и еще усилено, тѣмъ болѣе условій къ удачѣ». Указавъ подробности исполненія этого плана, покойный государь не оставилъ безъ отвѣта и другой вопросъ: «можемъ ли мы оставаться въ Царьградѣ при появленіи европейскаго враждебнаго флота у Дарданеллъ, и въ особенности ежели на флотѣ семъ прибудутъ и дессантныя войска?» — «Конечно, — было начертано въ планѣ — предупредить это появленіе можно и должно быстрымъ занятіемъ Дарданеллъ». Но князь Меншиковъ, которому, въ качествѣ ближайшаго исполнителя предположеній государя, былъ сообщенъ этотъ планъ, донесъ, что морское предпріятіе на Царьградъ весьма трудно и даже невозможно.

Г-нъ Богдановичъ не приводитъ соображеній, побудившихъ князя Меншикова сдѣлать такое донесеніе. Князь Меншиковъ едва-ли могъ сказать что-нибудь противъ счастливой и вполнѣ вѣрной мысли покойнаго государя о необходимости дѣйствовать рѣшительно и быстро. Его донесеніе по поводу сообщеннаго ему плана, вѣроятно, относилось главнымъ образомъ къ предположенію о возможности овладѣть Константинополемъ при помощи черноморскаго флота и двухъ дивизій сухопутнаго войска. Константинополь представляетъ одну изъ лучшихъ гаваней въ мірѣ не только въ торговомъ, но и въ стратегическомъ отношеніи. Самое требовательное искусство не могло бы устроить эту гавань лучше, чѣмъ это сдѣлала природа. Гавань такъ глубока, что доступна самымъ большимъ коммерческимъ и военнымъ судамъ. Длина и ширина ея даютъ возможность этимъ судамъ свободно двигаться и строиться въ гавани. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ она съуживается, она легко можетъ быть обороняема, даже просто запираема цѣпями для защиты всего въ ней находящагося отъ непріятельскаго нападенія. Высокія и холмистыя окрестности отлично защищаютъ ее отъ сильныхъ вѣтровъ, и когда на Черномъ морѣ свирѣпствуютъ жесточайшія бури, воды ея бассейна остаются совершенно спокойными. Отлогость ея береговыхъ возвышеній значительно облегчаетъ сообщенія между водою и сушей. Константинопольская гавань и ея водныя окрестности очень рѣдко замерзаютъ. Она чрезвычайно богата рыбой. При осадахъ, которымъ не разъ подвергался Константинополь, рыболовство давало сильную поддержку городу, какъ средство пропитанія, которое не можетъ быть отрѣзано непріятелемъ. Не менѣе благопріятно и сухопутное положеніе Константинополя. Городъ стоитъ на небольшомъ холмистомъ и продолговатомъ полуостровѣ, имѣющемъ форму рога, между Мраморнымъ моремъ и Босфоромъ. Отъ нападенія сухопутной арміи этотъ полуостровъ защищенъ съ трехъ сторонъ водою, а съ четвертой — со стороны суши —

не нуждается въ растянутой оборонительной линіи: онъ легко можетъ быть отдѣленъ отъ материка небольшою стѣной. Морскія и сухопутныя силы, сосредоточенныя въ городѣ и около него, могутъ успѣшно содѣйствовать другъ другу въ дѣлѣ обороны. Вотъ почему всегда требовались большія морскія и сухопутныя средства, чтобъ овладѣть этою позиціей. Вотъ иочему Константинополь чаще осаждали безуспѣшно, чѣмъ брали силой. Со временъ Константина Великаго до начала тринадцатаго вѣка, разные народы четырнадцать разъ тщетно осаждали столицу Восточной имперіи. Завоеваніе Константинополя крестоносцами и венеціанцами, въ 1203 году, стòило большихъ жертвъ и усилій съ моря и съ сухаго пути. Впослѣдствіи, въ эпоху продолжительной борьбы съ турками, Византійская имперія утратила сначала всѣ свои окраины и провинціи, но столица продолжала жить и держаться еще цѣлыхъ пятьдесьсятъ лѣтъ за стѣнами и водами, окружавшими полуостровъ, на которомъ она расположена. Въ наше время, когда паровые флоты западныхъ державъ могутъ быстро явиться на помощь Константинополю, и безъ того хорошо огражденному со всѣхъ сторонъ природой и искусствомъ отъ нападеній, попытка овладѣть имъ, при помощи такихъ скудныхъ военныхъ силъ, какія предполагалось употребить въ дѣло въ 1853 году, могла быть гибельна и для флота, и для дессантныхъ войскъ. Понятно, что князь Меншиковъ высказался противъ этого проекта. Самъ покойный императоръ призналъ его мнѣніе основательнымъ, и пожелалъ замѣнить первоначальный планъ другимъ—проектомъ овладѣть сперва Варной и укрѣпленіями залива Бургасъ. Но эта морская экспедиція съ дессантнымъ войскомъ была совершенно исполнима въ томъ только предположеніи, что мы имѣемъ дѣло съ одною Турціей; въ дѣйствительности же оказывалось, что западныя державы рѣшительно принимаютъ сторону Порты, и намъ оставалось только, по мнѣнію князя Варшавскаго, отказаться отъ рѣшительныхъ дѣйствій и огра-

ничиться занятіемъ дунайскихъ княжествъ, которыя въ то время еще не составляли одного цѣльнаго государства. Фельдмаршалъ полагалъ, что занявъ княжества, «мы не начинаемъ войны, а между тѣмъ можемъ выиграть время, что для насъ полезно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, нынѣ державы Европы, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многія, противъ насъ, а другія не за насъ. Невѣроятно, однако же, чтобы хотя къ будущему году не встрѣтилось какихъ-либо поводовъ къ несогласію между европейскими державами, что должно обратиться въ нашу пользу; во-вторыхъ, мы можемъ приготовиться къ войнѣ и избѣгнуть тѣхъ непредвидѣнныхъ препятствій, которыя, какъ показываетъ исторія всѣхъ нашихъ войнъ въ Турціи, всегда замедляли наши успѣхи, или были причиною огромныхъ потерь, такъ что когда даже мы брали верхъ, то большею частью были обязаны тѣмъ оплошности самихъ турокъ».

Надежды князя Варшавскаго на несогласія между державами, какъ и слѣдовало ожидать, оказались очень шаткими. Но фельдмаршалъ не ограничился ими. Въ проектахъ, представленныхъ имъ на высочайшее имя, въ сентябрѣ 1853 года, во время пребыванія государя въ Варшавѣ, онъ изложилъ свои соображенія относительно предстоящаго намъ образа дѣйствій противъ Турціи со стороны границъ европейской и азіятской, а также и на морѣ. «Самый опытъ убѣждаетъ насъ», писалъ между прочимъ фельдмаршалъ, «что какъ бы мы ни зашли далеко, хотя бы взяли Варну, перешли Балканы и дошли до Андріанополя, во всякомъ случаѣ Европа не допуститъ насъ воспользоваться нашими завоеваніями. Мы будемъ терять людей, понесемъ большіе расходы и можемъ подвергнуться пораженію, а пользы и пріобрѣтеній съ сей стороны, даже въ случаѣ успѣха, ожидать не можемъ». Поэтому князь Варшавскій совѣтовалъ, занявъ дунайскія княжества, защищать линію Дуная отъ вторженій турокъ на лѣвый берегъ рѣки, и въ этомъ оборонительномъ положеніи выжидать событій. Въ то же время

онъ настаивалъ на необходимости поднять христіанское населеніе Турціи, считая такое возстаніе страшнымъ для Турціи оружіемъ въ нашихъ рукахъ, оружіемъ, «успѣху котораго не можетъ препятствовать ни одна изъ европейскихъ державъ». Зная отвращеніе покойнаго государя къ возбужденію народовъ противъ правительствъ, фельдмаршалъ объяснялъ слѣдующимъ образомъ законностъ такого средства противъ турціи:

«Мѣру сію нельзя, мнѣ кажется, смѣшивать съ средствами революціонными. Мы не возмущаемъ подданныхъ противъ ихъ государя; но если христіане, подданные султана, захотятъ свергнуть съ себя иго мусульманъ, ведущихъ съ нами войну, то нельзя безъ несправедливости отказать въ помощи нашимъ единовѣрцамъ, ибо христіанинъ въ Турціи есть, по тамошнимъ законамъ, жертва фанатизма или прихоти каждаго визиря, паши и даже какого-нибудь аяна».— «И если, писалъ далѣе фельдмаршалъ, козни и происки Запада успѣли, можетъ быть, нѣсколько ослабить влеченіе христіанъ къ православному, единовѣрному имъ государю, то съ войной влеченіе сіе должно пробудиться». Припоминая примѣры христіанскихъ ополченій во время прежнихъ нашихъ войнъ съ Турціей, князь Варшавскій находилъ, что основаніе дѣла было вѣрно, «но недоставало зерна, изъ котораго могли бы разростаться христіанскія ополченія; не было ни инструкторовъ, ни кадровъ, и недоставало умѣнья употребить въ дѣло храбрыя, но нестройныя полчища. Нынѣ же эти неудобства могутъ быть устранены. Войска Молдавіи и Валахіи, въ числѣ до 10 тысячъ человѣкъ, могутъ служить зерномъ христіанскихъ ополченій въ Турціи». По мнѣнію фельдмаршала, надо было сформировать постепенно отъ 40 до 50 т. человѣкъ войска изъ туземныхъ христіанъ, и такимъ образомъ не только сберечь наши собственныя войска, но и сократить расходы, такъ какъ содержаніе туземныхъ ополченій должно было стоитъ дешевле, чѣмъ передвиженіе въ Турцію и пребываніе тамъ нашихъ войскъ.

Высказывая эти соображенія, князь Варшавскій упускалъ изъ виду одно весьма существенное въ такомъ дѣлѣ обстоятельство: отсутствіе въ данную минуту той совокупности нравственныхъ условій, безъ которыхъ немыслимъ успѣхъ подобнаго движенія, да и немыслимо самое движеніе въ сколько-нибудь значительныхъ, а тѣмъ менѣе народныхъ размѣрахъ. Прямой связи между русскимъ обществомъ и народомъ съ одной стороны, и христіанскимъ населеніемъ Турціи съ другой, въ то время не существовало; передъ началомъ войны, вліяніе западныхъ державъ и Австріи съ успѣхомъ противодѣйствовало русскому вліянію, обѣщая угнетеннымъ христіанамъ вѣрное освобожденіе; наконецъ, самый духъ той системы, которая господствовала у насъ въ пятидесятыхъ годахъ, исключалъ возможность свободнаго, а не формальнаго и казеннаго только движенія въ смыслѣ, указанномъ княземъ Варшавскимъ. Къ намъ могли пристать тогда отдѣльные люди изъ болгаръ, грековъ, сербовъ и валаховъ, но отнюдь не массы. Въ то время даже бѣглые изъ Россіи раскольники служили казаками въ Турціи. И дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ г. Богдановичъ, жители дунайскихъ княжествъ не выказали въ пятидесятыхъ годахъ сочувствія къ Россіи, болгары недовѣрчиво выжидали послѣдствій войны, а сербы были удержаны уже одними вооруженіями Австріи.

Не болѣе благопріятно было сначала и наше положеніе на азіятской границѣ. Изъ записки князя Варшавскаго мы узнаемъ, что, по донесеніямъ тогдашняго кавказскаго намѣстника, князя Воронцова, онъ, въ случаѣ войны съ Турціей, не можетъ выставить въ поле болѣе четырехъ батальоновъ, и проситъ прислать ему шестнадцать батальоновъ. При такихъ условіяхъ оставалось только, по совѣту князя Варшавскаго, покинуть наши небольшія прибрежныя укрѣпленія по берегу Чернаго моря, такъ какъ онѣ не могли быть защищаемы, и вывести изъ нихъ обреченные гибели гарнизоны. «Скажутъ», писалъ фельдмаршалъ, «что эта мѣра

произведетъ дурное вліяніе, но еще хуже будетъ, когда непріятель возьметъ укрѣпленія съ плѣнными и орудіями». Онъ совѣтовалъ также уменьшить отряды въ мусульманскихъ провинціяхъ Кавказа, и такимъ образомъ собрать восемь батальоновъ, которые съ четырьмя свободными батальонами князя Воронцова составятъ уже двѣнадцать батальоновъ. Мысль Паскевича, что турки не могутъ нанести намъ большаго вреда съ азіятской стороны, что даже мы сами можемъ съ небольшими сравнительно силами угрожать Карсу и Ардагану, вполнѣ подтвердилась дальнѣйшимъ ходомъ войны. Его совѣтъ — оставаться на морѣ въ оборонительномъ положеніи, за полною невозможностью бороться противъ соединенныхъ флотовъ Англіи, Франціи и Турціи, былъ также принятъ и приведенъ въ исполненіе. Но всѣ эти совѣты были только внушеніями самаго простаго, такъ сказать, обыденнаго благоразумія. Ничего выдающагося, никакихъ основательныхъ надеждъ на что-нибудь лучшее въ будущемъ они не представляли. Фельдмаршалъ былъ уже старъ; та школа, въ которой онъ провелъ свои боевые годы, также отжила свое время, и дѣйствія его въ дунайскихъ княжествахъ вскорѣ показали, какъ сильно онъ былъ подавленъ тяжестью представившихся военныхъ обстоятельствъ, и какъ мало могъ онъ помочь Россіи въ то мрачное и трудное время.

Въ 1853 году Россія начинала войну, совсѣмъ неготовая къ ней, несмотря на громадныя цифры военныхъ чиновъ, числившихся по спискамъ нашей арміи. Подробности этого исчисленія приведены въ приложеніяхъ къ сочиненію г. Богдановича. На военномъ положеніи, численность нашей арміи, по штатному комплекту, простиралась до пятисотъ тысячъ человѣкъ дѣйствующихъ войскъ, считая пѣхоту, кавалерію, артиллерію и саперъ, при такомъ же числѣ войскъ резервныхъ и 40 тысячахъ донскихъ и новороссійскихъ казаковъ. На провіантскомъ довольствіи, говоритъ г. Богдановичъ, состояло болѣе милліона нижнихъ чиновъ

и на фуражномъ — болѣе двухсотъ тысячъ лошадей; но разница между списочною и боевою силой была огромна. Система резервовъ была крайне неудовлетворительна. Вооруженіе арміи оставляло желать очень многаго. Въ иностранныхъ арміяхъ значительная часть пѣхоты уже имѣла нарѣзныя ружья, а вся пѣхота—ружья ударныя; у насъ же въ нѣкоторыхъ частяхъ арміи все еще держались кремневыя. «Обученіе пѣхоты ограничивалось чистотою и изяществомъ ружейныхъ пріемовъ, точностью пальбы залпами; кавалерія была парализована столь же красивою, сколько и неловкою посадкой; артиллерія отличалась болѣе быстротою движеній, нежели мѣткостью выстрѣловъ. Манёвры, производимые въ мирное время, были эффектны, но мало поучительны. Продовольствіе нижнихъ чиновъ было весьма скудно и зависѣло отъ большаго или меньшаго довольства мѣстныхъ жителей, у которыхъ доводилось стоять войскамъ. Имѣя въ изобиліи главную изъ составныхъ частей пороха, селитру, мы, вступивъ въ борьбу съ коалиціей Европы, терпѣли крайній недостатокъ въ порохѣ. Не было и военныхъ людей, способныхъ до нѣкоторой степени замѣнить своими талантами недостававшія намъ условія успѣшной борьбы. Воронцовъ, Паскевичъ и Ермоловъ были уже стары; послѣдній, къ тому же, находился въ то время вдали отъ всякой военной дѣятельности.

Война началась для насъ, такимъ образомъ, при самыхъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ и условіяхъ. Наша дипломатія потерпѣла серьёзную неудачу въ Константинополѣ; спокойный, методическій, настойчивый и весьма искусный въ дипломатическихъ дѣлахъ, лордъ Редклифъ склонилъ Францію и Порту сдѣлать намъ всевозможныя уступки въ вопросѣ о св. мѣстахъ, но въ то же время ободрилъ султана и его министровъ не соглашаться на заключеніе съ нами конвенціи, привезенной княземъ Меншиковымъ изъ Петербурга и предоставлявшей намъ разъ навсегда покровительство надъ православнымъ духовенствомъ.

и населеніемъ Турціи. Въ военномъ отношеніи, какъ мы видѣли, шансы успѣха также были не на нашей сторонѣ. Страна бѣдная, съ слабой промышленностью, огромными разстояніями и безъ дорогъ, страна, въ которой все войско, кромѣ офицеровъ, поставлялось крѣпостнымъ населеніемъ, а положеніе солдата считалось юдолью плача и стоновъ,— эта страна должна была оказать чудеса стойкости, самопожертвованія и отчаяннаго мужества, даже полнаго равнодушія къ жизни и смерти, чтобы остаться на высотѣ своего историческаго положенія. Не искусственныя средства нападенія и обороны, и не таланты вождей служили намъ защитой въ эту скорбную войну, а живыя стѣны, сложенныя и пополняемыя изъ русскаго народа. Гдѣ нельзя было брать усовершенствованнымъ вооруженіемъ, хорошею тактикой и искусными военными соображеніями, тамъ приходилось брать грудью. Покойный государь, какъ видно изъ его писемъ, приводимыхъ г. Богдановичемъ, часто бывалъ раздраженъ и опечаленъ большими, нерѣдко безплодными, потерями нашей арміи.

Въ циркулярѣ ко всѣмъ дворамъ, наше министерство иностранныхъ дѣлъ объявило, что занятіе дунайскихъ княжествъ будетъ прекращено, какъ только Порта удовлетворитъ наши требованія; что русское правительство не желаетъ ни разрушенія турецкой имперіи, ни какихъ-либо территоріальныхъ пріобрѣтеній; что оно не откроетъ военныхъ дѣйствій, пока его къ тому не принудятъ, и что будучи далекъ отъ мысли возбуждать христіанское населеніе Турціи къ возстанію, русскій императоръ будетъ содержать ихъ въ повиновеніи султану. Для занятія княжествъ и южныхъ границъ Бессарабіи, по Нижнему-Дунаю, мы могли выставить въ іюнѣ 1853 года, на первый разъ, не болѣе 80 т. человѣкъ, при 196-ти орудіяхъ, подъ начальствомъ князя М. Д. Горчакова, которому уже исполнилось тогда шестьдесятъ четыре года. «Долговременное пребываніе при фельдмаршалѣ князѣ Варшавскомъ — начальникѣ, нетерпѣвшемъ самостоятельно-

сти въ своихъ подчиненнныхъ, оказало невыгодное вліяніе на характеръ князя Гарчакова», говоритъ г. Богдановичъ. «Потерявъ совершенно самоувѣренность, онъ не смотря на присущую ему личную храбрость, не оставлявшую его до конца жизни, сталъ бояться всякой отвѣтственности не только передъ государемъ, но и въ отношеніи къ общественному мнѣнію. Что скажутъ при дворѣ?— Что будутъ толковать въ Петербургѣ?—Эти вопросы стѣсняли его дѣятельность, не допуская его слѣдовать внушеніямъ своего разума и подчиняя его рѣшимость посторроннимъ внушеніямъ. Горя любовью къ Россіи и военной славѣ, прямой во всѣхъ своихъ дѣлахъ и помыслахъ, онъ заискивалъ въ случайныхъ людяхъ, и нерѣдко выказывалъ неумѣстную въ его положеніи уступчивость, что много вредило ему, заставляя нѣкоторыхъ сомнѣваться въ его дарованіяхъ. Князь Михаилъ Дмитріевичъ постоянно обнаруживалъ въ военныхъ совѣтахъ и въ кабинетныхъ занятіяхъ здравый, просвѣщенный умъ, но лишь только садился на коня и долженъ былъ распоряжаться войсками въ полѣ, всѣ его способности исчезали въ туманѣ сомнѣній и нерѣшимости. Благородный, прямодушный, онъ бывалъ довѣрчивъ къ людямъ, не всегда того достойнымъ. Такъ, напримѣръ, онъ, по занятіи дунайскихъ княжествъ нашими войсками, допустилъ пребываніе въ своей главной квартирѣ австрійскаго военнаго агента, майора Тома, который, получивъ образованіе въ Ришельевскомъ лицеѣ и изучивъ русскій языкъ, сообщалъ въ Вѣну подробныя свѣдѣнія обо всемъ, что происходило въ русской арміи, и даже вошелъ съ валахскими и молдавскими боярами въ сношенія, имѣвшія цѣлью подчиненіе княжествъ австрійскому правительству. Заботливый о нуждахъ солдатъ, прозванный въ рядахъ ихъ, почетнымъ именемъ честнаго князя, Горчаковъ любилъ ихъ, но не умѣлъ говорить съ ними. Да и вообще, образованный, богатый свѣдѣніями и опытностью, поэтъ въ душѣ, князь Горчаковъ терялся на всякомъ шагу; разсѣянный, забывчивый, суетливый, онъ, при всѣхъ своихъ

высокихъ душевныхъ качествахъ, былъ обреченъ безсилію». Ходъ восточной войны, поскольку въ ней участвовалъ князь М. Д. Горчаковъ, во многихъ отношеніяхъ подтверждаетъ эту характеристику.

Въ краткомъ обзорѣ любопытнаго сочиненія г. Богдановича мы не можемъ, конечно, прослѣдить всѣ военныя событія пятидесятыхъ годовъ, описываемыя авторомъ обстоятельно и подробно. Читатель найдетъ въ его сочиненіи разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ княжествахъ, на Черномъ морѣ (Синопское дѣло, бомбардированіе Одессы, осада Севастополя, взятіе Керчи и Кинбурна и пр.), на азіятской границѣ Турціи, на Балтійскомъ и Бѣломъ моряхъ и на Тихомъ океанѣ. Мы можемъ только остановиться на нѣкоторыхъ фактахъ, наиболѣе характеристичныхъ и наименѣе извѣстныхъ читателямъ.

Наши дѣйствія на Дунаѣ, по занятіи княжествъ русскими войсками, не были удачны. Дунай представляетъ для турокъ превосходную оборонительную линію, усѣянную болѣе или менѣе сильно укрѣпленными пунктами. Превосходство турокъ въ числѣ войскъ давало имъ возможность появляться неожиданно на лѣвой сторонѣ Дуная въ различныхъ пунктахъ; съ нашей стороны нельзя было непосредственно прикрывать княжества отъ ихъ вторженія, а было бы выгоднѣе, какъ вѣрно замѣчаетъ г. Богдановичъ, «расположить главныя силы въ одной или въ двухъ центральныхъ позиціяхъ, ограничиться наблюденіемъ линіи Дуная и дѣйствовать рѣшительно противъ непріятеля не прежде, какъ допустивъ его на значительное разстояніе отъ рѣки, что способствовало бы, при успѣхѣ, воспользоваться побѣдой: такимъ образомъ дѣйствовали, на томъ же театрѣ войны, Суворовъ при Фокшанахъ и Рымникѣ, и Милорадовичъ у Обилешти. Въ случаѣ же набѣговъ непріятеля небольшими партіями, можно было противодѣйствовать имъ летучими отрядами. Вмѣсто того, князь Горчаковъ, желая преградить туркамъ доступъ на лѣвую сторону Дуная, раздробилъ свои силы на нѣсколько

отрядовъ, которые должны были встрѣчать непріятеля, какъ только онъ появится гдѣ-либо на лѣвомъ берегу рѣки». Начальникамъ отрядовъ вмѣнено было въ обязанность стараться нападать на непріятеля во время самой его переправы. «Такимъ образомъ, начальники нашихъ отрядовъ, которымъ запрещено было переходить на правую сторону Дуная, ограничивались пассивною обороной лѣваго берега и лишены были вполнѣ иниціативы дѣйствій».

Къ ошибкѣ главнокомандующаго присоединялись очень часто серьёзныя ошибки отдѣльныхъ военныхъ начальниковъ. Одною изъ такихъ ошибокъ было дѣло подъ Ольтеницей, 23-го октября, подробно описанное г. Богдановичемъ. Непріятель переправился въ этомъ пунктѣ на лѣвый берегъ Дуная, построилъ ретраншементъ впереди карантина и поставилъ свои батареи съ амбразурами. Обозрѣніе непріятельской позиціи при помощи усиленной рекогносцировки показало, что турки, 21-го и 22-го октября, успѣли укрѣпиться кругомъ карантина и вооружить нѣсколько батарей; въ самыхъ укрѣпленіяхъ замѣчены три батальона, а впереди небольшое число иррегулярной конницы; нѣсколько орудій большаго калибра было усмотрѣно на эполементахъ, возведенныхъ на покатости праваго берега Дуная. Тогда же открыты пѣхота и иррегулярная конница, продолжавшая переправляться черезъ Дунай къ Ольтеницѣ. Вся эта мѣстность представляла особенныя выгоды для турокъ. «Отъ селенія Новой-Ольтеницы до самаго Дуная пролегаетъ равнина, примыкающая правою стороной къ рѣкѣ Аржису, вдоль которой, на пространствѣ въ ширину около ста саженъ, тянется густой кустарникъ, затрудняющій движеніе войскъ. Далѣе мѣстность въ сосѣдствѣ карантина, и вообще между карантиномъ и Дунамъ, перерѣзана въ различныхъ направленіяхъ низменными лощинами, въ видѣ широкихъ рвовъ, наполненныхъ топкою, весьма вязкою грязью; лѣвѣе же, къ такъ-называемой Граничарской башнѣ, простираются кустарники и камышъ на болотистой почвѣ. На высотахъ противоле-

жащаго (праваго) берега Дуная, имѣющаго въ этомъ мѣстѣ 212 саж. ширины, были устроены турецкія батареи, вооруженныя орудіями большаго калибра, которыя вмѣстѣ съ батареей, сооруженной на островѣ (одномъ изъ дунайскихъ острововъ), могли перекрестно обстрѣливать пространство впереди карантина. Ниже карантина, у пристани лѣваго берега Дуная, стояли пять лодокъ, вооруженныхъ орудіями, которыя, въ совокупности съ артиллеріей ретраншемента впереди карантина, обстрѣливали настильно мѣстность между карантиномъ и Новою-Ольтеницей. На самомъ же ретраншементѣ (какъ оказалось впослѣдствіи) находилось въ амбразурахъ, выложенныхъ изъ туровъ и фашинъ, 20 орудій». Высота брустверовъ простиралась до четырехъ футъ, толщина насыпей,— отъ десяти до двѣнадцати футъ, а глубина топкихъ рвовъ, окружавшихъ турецкія укрѣпленія, до семи футъ. На такой-то мѣстности и противъ такихъ укрѣпленій было направлено всего шесть тысячъ человѣкъ, подъ главнымъ начальствомъ генерала Данненберга. Послѣ нѣкоторой бомбардировки, войска были двинуты на штурмъ.

«Войска смѣло шли на приступъ, но третій и четвертый батальоны Селенгинскаго полка, за каждымъ изъ коихъ слѣдовали уступами по два батальона Якутскаго полка, были задержаны въ ста саженяхъ отъ укрѣпленія переходомъ черезъ топкій ровъ. Тогда же непріятель сдѣлалъ по нимъ залпъ картечью, изъ всѣхъ орудій укрѣпленія, и вслѣдъ затѣмъ открылъ по всей линіи ретраншемента батальный огонь, продолжавшійся нѣсколько минутъ; первый и второй батальоны Селенгинскаго полка, по выходѣ изъ кустовъ, также были встрѣчены картечью и ружейнымъ огнемъ. Колонны наши пріостановились, но только на одно мгновенье, послѣ чего снова устремились на штурмъ. Въ шестидесяти шагахъ отъ непріятеля наши войска встрѣтили новую преграду,— широкую топкую канаву; но она не остановила наступавшія колонны. Подъ сильнѣйшимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, батальоны устремились впередъ, перегоняя

другъ друга; первый и третій батальоны Якутскаго полка, обойдя съ фланговъ третій Селенгинскій батальонъ, опередили его. Уже въ этихъ войскахъ большинство штабъ-офицеровъ и офицеры знаменныхъ ротъ выбыли изъ строя, но, несмотря на убійственный огонь, наши колонны подошли къ укрѣпленіямъ. Охотники, въ головѣ которыхъ шли поручикъ Селенгинскаго полка Зиненко и прапорщикъ Якутскаго Раздеришинъ, достигли рва. Устрашенный смѣлымъ наступленіемъ нашихъ войскъ, непріятель сталъ свозить артиллерію съ ретраншемента; часть пѣхоты и кавалеріи поспѣшно уходила къ берегу Дуная. Огонъ турокъ сдѣлался замѣтно слабѣе. Уже наши охотники стали спускаться въ ровъ. Но этотъ первоначальный успѣхъ былъ купленъ дорогою цѣной, и много храбрыхъ выбыло изъ рядовъ нашей пѣхоты. Генералъ Данненбергъ, сообразивъ, что еслибъ даже и удалось намъ овладѣть укрѣпленіями карантина, мы не могли бы удержаться въ нихъ подъ огнемъ сильныхъ турецкихъ батарей, расположенныхъ на правомъ берегу Дуная, приказалъ прервать штурмъ и отвести назадъ сражавшіеся батальоны. Войска наши отошли неохотно, но въ порядкѣ, за топкія канавы, гдѣ получили приказаніе остановиться, чтобы подобрать раненыхъ и убитыхъ, подъ покровительствомъ артиллеріи». Въ этомъ дѣлѣ у насъ безплодно выбыло изъ строя 970 человѣкъ. «Общій голосъ утверждалъ, — говоритъ г. Богдановичъ, — что войска наши непремѣнно овладѣли бы укрѣпленіями ольтеницкаго карантина, еслибъ не получили приказанія отступить. И дѣйствительно — что заставило отказаться отъ довершенія успѣха? Опасались ли, какъ говорили одни, что турки очищаютъ укрѣпленія съ тѣмъ, чтобъ дать свободу дѣйствовать по нимъ съ тыла всѣмъ батареямъ, сооруженнымъ на дунайскомъ острову, и на правомъ берегу Дуная? Но это было возможно предвидѣть заранѣе, и въ такомъ случаѣ не слѣдовало предпринимать штурма. Или — какъ полагали другіе, — не надѣялись на успѣхъ, найдя укрѣпленія сильнѣе, чѣмъ за-

ключали изъ сдѣланной рекогносцировки? Слѣдовательно, самая рекогносцировка была недостаточна къ тому, чтобы основываясь на ней, рѣшиться на такое отважное предпріятіе. Обвиняли въ неудачѣ генерала Данненберга, но и со стороны князя Горчакова были сдѣланы важныя упущенія. Ему слѣдовало послать къ Ольтеницѣ не одну бригаду, а цѣлую дивизію, тѣмъ болѣе, что это предпріятіе было первое, и потому послѣдствія его могли оказать вліяніе на всю кампанію вообще; непростительно было дѣйствовать на-авось, особенно когда другія войска стояли, такъ-сказать, подъ рукою. Къ тому же, ему слѣдовало предварительно дать надлежащія наставленія генералу Данненбергу, который, при всей своей учености и совершенномъ знаніи теоріи военнаго искусства, не имѣлъ большой боевой опытности и, достигнувъ званія корпуснаго командира, не одержалъ ни одного успѣха. Но кто бы ни былъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ, несомнѣнно то, что наши войска честно исполнили свой долгъ и что турки не могли похвалиться побѣдой; мы отступили, а не были отбиты. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ ноября, телеграфическія депеши возвѣстили Европѣ, что Омеръ-паша, переправясь у Ольтеницы черезъ Дунай, разбилъ сильный русскій отрядъ и обратилъ русскихъ въ бѣгство на всѣхъ пунктахъ, что онъ уже достигъ Бухареста». Причиною неожиданнаго перехода турокъ на правый берегъ Дуная, послѣ ольтеницкаго дѣла было, по всей вѣроятности, сосредоточеніе русскихъ войскъ въ окрестностяхъ Ольтеницы, не позволившее Омеру-пашѣ помышлять о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ на лѣвой сторонѣ Дуная, и напрасно приписывали этотъ переходъ давленію Австріи, которая вовсе не мѣшала туркамъ сосредоточить значительныя силы на другомъ пунктѣ лѣваго берега, у Калафата, противъ Виддина, и перенести главныя дѣйствія въ Малую Валахію.

Мы остановились подробнѣе на Ольтеницкомъ дѣлѣ, потому что оно болѣе или менѣе даетъ понятіе и о другихъ тогдашнихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ дунайскихъ княже-

ствахъ. Чтобы дополнить эту характеристику, мы должны прибавить, что жители «княжествъ, позабывъ, — какъ говоритъ г. Богдановичъ, — всѣ прежнія благодѣянія нашего правительства, увлекались увѣреніями валахскихъ выходцевъ, участвовавшихъ въ смутахъ 1848 года и которые, обольщая своихъ земляковъ несбыточными надеждами, побуждали ихъ покровительствовать турецкимъ агентамъ и извѣщать ихъ о движеніяхъ русскихъ отрядовъ». Такимъ образомъ турки, укрѣпившись въ Калафатѣ, на лѣвомъ берегу Дуная, противъ Виддина, узнали отъ жителей подробности расположенія нашихъ войскъ въ Малой Валахіи. Имъ было извѣстно, что отрядъ полковника Баумгартена, въ числѣ около 2,500 человѣкъ, былъ слишкомъ выдвинутъ впередъ при Четати, что ближайшіе къ нему войска генерала Бельгарда стояли въ разстояніи 12-ти верстъ, въ с. Моцецея, а войска подъ личнымъ начальствомъ командующаго мало-валахскимъ отрядомъ, графа Анрепа, — въ 24-хъ верстахъ отъ Четати, въ Быйлешти, — и они бросились изъ Калафата на Баумгартена. Въ извѣстномъ дѣлѣ 25 декабря 1853 года при Четати, наши войска оказали чудеса мужества, отражая нападенія превосходившаго ихъ численно непріятеля. Но оплошность главнаго начальства дорого стоила намъ и въ этомъ дѣлѣ. Четыре съ небольшимъ тысячи человѣкъ нашего войска, при двѣнадцати орудіяхъ, дрались противъ восемнадцати тысячъ турокъ при 24 — 30 орудіяхъ. Потери отряда Баумгартена были тѣмъ значительнѣе, что тремъ его батальонамъ, при шести орудіяхъ, пришлось три часа обороняться противъ непріятеля, почти въ десять разъ сильнѣйшаго, а пришедшій къ нему на помощь отрядъ генерала Бельгарда долженъ былъ атаковать крѣпкую позицію, сильно затянутую турецкими войсками. Въ одномъ отрядѣ Баумгартена у насъ убито и ранено 1347 человѣкъ, т.-е. большая часть людей, состоявшихъ на лицо; въ отрядѣ Бельгарда — 675 человѣкъ. Положеніе этихъ войскъ было до того опасно, что, встрѣтившись съ одессцами Бельгарда,

тобольцы Баумгартена обнимали ихъ, называя своими спасителями; командиръ тобольскаго полка Баумгартенъ, въ письмѣ къ генералу Бельгарду, прямо отозвался, что еслибъ одессцы пришли къ мѣсту боя получасомъ позже, то не существовало бы тобольскаго полка. Турки, правда, отошли обратно къ Калафату, потерявъ въ бою четыре орудія; но этотъ успѣхъ стоилъ намъ несоразмѣрно дорого, благодаря бездѣйствію генерала графа Анрепа, который, услышавъ канонаду, не пришелъ на помощь къ своимъ подчиненнымъ, хотя и могъ бы нанести вмѣстѣ съ ними жестокое пораженіе туркамъ. Гулъ канонады, гремѣвшей у Четати, былъ услышанъ въ Быйлешти въ то самое время, когда въ главномъ отрядѣ отправлялось богослуженіе. Было Рождество. Послѣ богослуженія въ отрядѣ произведенъ церковный парадъ. Въ артеляхъ варили кашу; но солдаты, слыша пальбу, которая постепенно усиливалась, опрокинули котлы, не выжидая, пока будетъ готова ихъ пища, и рвались въ бой на выручку своихъ товарищей. Наконецъ, имъ было приказано выступить. Войска двинулись по дорогѣ къ Модловитѣ и могли бы отрѣзать хотя нѣкоторую часть турецкихъ войскъ при обратномъ ихъ движеніи къ Калафату. Но вскорѣ графъ Анрепъ счелъ излишнимъ дальнѣйшее наступленіе и возвратился въ Быйлешти, полагая, что достаточно и движенія небольшихъ силъ генерала Бельгарда на помощь полковнику Баумгартену. «Императоръ Николай Павловичъ, въ воздаяніе отличнаго подвига, оказаннаго нашими войсками въ этомъ сраженіи, наградилъ главныхъ виновниковъ его: полковника Баумгартена производствомъ въ генералъ-маіоры и орденомъ св. Георгія 3-й степени; генералъ-маіоровъ Бельгарда и Жигмонта — золотыми шпагами, украшенными бриллiантами, съ надписью: «за храбрость». Тѣмъ не менѣе государь, «съ сердечнымъ сокрушеніемъ узнавъ объ огромной потерѣ войскъ, ничуть не соразмѣрной съ предметомъ, а еще менѣе понятной», изъявилъ князю Горчакову свое неудовольствіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Реляція писана такъ неясно, такъ противорѣчиво, такъ неполно, что я ничего понять не могу. Я уже обращалъ твое вниманіе на эти донесенія, писанныя столь небрежно и дурно, что выходятъ изъ всякой мѣры. Въ послѣдній разъ требую, чтобъ въ рапортахъ ко мнѣ писана была одна правда какъ есть, безъ романовъ и пропусковъ, вводящихъ меня въ совершенное недоумѣніе о происходившемъ. Здѣсь напримѣръ: 1) зачѣмъ войска были растянуты такъ, что въ Четати стоялъ Баумгартенъ, съ 3 б., въ Моцецѣ Бельгардъ съ 4-мя; а Анрепъ въ Быйлешти, на оконечномъ лѣвомъ флангѣ, съ главнымъ резервомъ; 2) зачѣмъ, по первому свѣдѣнію о движеніяхъ турокъ, Анрепъ не пошелъ имъ прямо въ тылъ, что кажется просто было, и отчего бы вѣроятно изъ нихъ никто не воротился въ Калафатъ, 3) отчего Анрепъ, съ 15-ю эскадронами и конной батареей, опоздалъ и не преслѣдовалъ бѣгущихъ турокъ? Все это мнѣ объясни, ибо ничего этого изъ реляціи понять не можно.

«Ежели такъ будемъ тратить войска, то убьемъ ихъ духъ и никакихъ резервовъ недостанетъ на ихъ пополненіе. Тратить надо на рѣшительный ударъ — гдѣ же онъ тутъ??? Потерять 2 т. человѣкъ лучшихъ войскъ и офицеровъ, чтобъ взять 6 орудій и дать туркамъ спокойно воротиться въ свое гнѣздо, тогда какъ надо было радоваться давно желанному случаю, что они, какъ дураки, вышли въ поле, и не дать уже ни одной душѣ воротиться; это просто задача, которой угадать не могу, но душевно огорченъ, видя подобныя распоряженія».

Мы оставались въ дунайскихъ княжествахъ еще болѣе полугода, до конца іюля 1854 года. Почтенный авторъ обозрѣваемаго нами историческаго труда подробно излагаетъ дальнѣйшія событія: переправу русской арміи на правую сторону Дуная; неудовольствіе государя на нерѣшительность князя Горчакова; прибытіе къ дунайской нашей арміи новаго главнокомандующаго, князя Варшавскаго, «любезнаго отца командира», какъ называлъ его государь въ своихъ пись-

махъ; медленныя движенія нашихъ войскъ вслѣдствіе опасеній Паскевича относительно намѣреній Австріи; неудачную осаду Силистріи и неудачное дѣло при Каракулѣ; отступленіе изъ-подъ Силистріи и очищеніе дунайскихъ княжествъ, которыя были заняты послѣ насъ австрійскими войсками. Читатель найдетъ не мало новыхъ и интересныхъ свѣдѣній объ этихъ событіяхъ въ сочиненіи г. Богдановича. Но едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго автора, что мы могли бы оставаться въ княжествахъ, потому что не было достаточной причины ожидать открытія военныхъ дѣйствій со стороны Австріи. Повидимому, князь Варшавскій, дѣйствительно, очень неохотно прибылъ къ арміи, неохотно велъ осаду Силистріи, и вскорѣ опять сдалъ начальство князю Горчакову. Его пребываніе въ арміи въ качествѣ главнокомандующаго не только не подвинуло впередъ нашихъ военныхъ дѣлъ на Дунаѣ, но даже замедлило ихъ движеніе. Онъ совѣтовалъ государю снять осаду Силистріи и добровольно очистить княжества, чтобы избѣжать опаснаго столкновенія съ Австріей. Очень возможно, какъ полагаетъ г. Богдановичъ, что, дѣйствуя болѣе энергично, мы еще могли бы овладѣть по крайней мѣрѣ Силистріей, прежде чѣмъ увидѣли бы австрійцевъ въ тылу и во флангахъ нашей арміи, но Австрія, дѣйствительно, принимала въ это время угрожающее положеніе. Потребовавъ, чтобъ русскія войска къ 30-му апрѣля очистили княжества, Англія и Франція предложили берлинскому и вѣнскому дворамъ поддерживать настойчиво это требованіе, на что оба двора изъявили свое согласіе. На приглашеніе западныхъ державъ присоединиться къ ихъ союзу, Австрія и Пруссія отвѣчали, правда, уклончиво, однакоже подписали протоколъ, которымъ было условлено: поддерживать цѣлость турецкихъ владѣній — слѣдовательно, очищеніе княжествъ отъ русскихъ войскъ, и освобожденіе христіанъ, но безъ нарушенія власти султана. Притомъ, между Пруссіей и Австріей состоялся союзный договоръ, особою статьей ко-

тораго было положено, что, такъ какъ неопредѣленное продленіе занятія русскими войсками дунайскихъ княжествъ опасно и вредно для Германіи, то въ случаѣ, если не послѣдуетъ вскорѣ выступленія русскихъ войскъ, Австрія потребуетъ очищенія княжествъ, а Пруссія поддержитъ это требованіе; если же и затѣмъ не будетъ со стороны Россіи удовлетворительнаго отвѣта, то должны быть предприняты обѣими германскими державами наступательныя дѣйствія, какъ и въ случаѣ присоединенія дунайскихъ княжествъ къ Россіи, или перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы.

Россія въ то время, конечно, не могла уже помышлять ни о присоединеніи княжествъ, ни о переходѣ черезъ Балканы, но въ приведенной нами статьѣ австро-прусскаго договора упоминалось объ отказѣ Россіи очистить княжества, какъ о поводѣ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Да и помимо этого трактата, весь ходъ переговоровъ между Турціей и западными державами съ одной стороны, и Россіею съ другой — ясно показалъ, въ какую сторону несомнѣнно клонится австрійская политика. Когда флоты Англіи и Франціи вступили вмѣстѣ съ турецкимъ флотомъ въ Черное море, еще безъ объявленія войны Россіи, въ концѣ декабря 1853 года, императоръ Николай Павловичъ обратился къ берлинскому и вѣнскому дворамъ съ предложеніемъ заключить, на случай войны Англіи и Франціи противъ Россіи, договоръ, которымъ обѣ германскія державы обязались бы соблюдать строжайшій нейтралитетъ, поддержанный силою оружія. При этомъ государь повторилъ увѣреніе въ своей готовности прекратить войну, какъ только будутъ обезпечены достоинство и пользы Россіи и, въ случаѣ, если событія измѣнятъ положеніе дѣлъ въ Турціи, не рѣшаться ни на что безъ предварительнаго соглашенія съ своими союзниками. Это предложеніе было сообщено по принадлежности русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, Будбергомъ, и отправленнымъ въ Вѣну графомъ А. Ѳ. Орловымъ. Но Пруссія отклонила его, опасаясь «подвергнуть себя такимъ слу-

чайностямъ, которыхъ послѣдствія нельзя было предвидѣть». Австрійскій императоръ, съ своей стороны, спросилъ графа Орлова: обяжется ли россійскій монархъ не переходить черезъ Дунай, очистить княжества по окончаніи войны и вообще не нарушать цѣлости владѣній Порты? и когда графъ Орловъ отозвался, что нашъ государь не можетъ принять на себя такихъ обязательствъ, то императоръ Францъ-Іосифъ объявилъ ему, что и онъ не можетъ принять сдѣланное ему предложеніе. «Я долженъ — продолжалъ онъ — держаться основаній, принятыхъ мною вмѣстѣ съ тремя великими державами, руководясь единственно пользами и достоинствомъ моей имперіи». Вслѣдъ затѣмъ австрійское правительство усилило войска, стоявшія въ Трансильваніи, 30-ти-тысячнымъ корпусомъ, о чемъ тогда же было сообщено лондонскому кабинету. Въ началѣ марта 1854 года, государь уже писалъ князю Горчакову, что «расположеніе Австріи изъ двусмысленнаго дѣлается болѣе и болѣе ясно намъ враждебнымъ и не только парализуетъ расположеніе сербовъ намъ содѣйствовать, но угрожаетъ намъ самимъ на правомъ нашемъ флтнгѣ, и даже нашему тылу вторженіемъ въ собственные наши предѣлы». Наконецъ въ іюнѣ состоялся прямой договоръ между Австріею и Турціей, по которому Австрія принимала на себя обязательство исчерпать всѣ дипломатическія и другія средства, чтобы добиться удаленія «иноземной арміи» изъ княжествъ, и, въ случаѣ нужды, употребить необходимое число войска для достиженія этой цѣли. Текстъ этого договора напечатанъ въ приложеніяхъ ко второму тому сочиненія Кинглэка о вторженіи англо-французовъ въ Крымъ, но г. Богдановичъ почему-то не упоминаетъ о немъ въ своемъ почтенномъ трудѣ.

Не одни только преклонныя лѣта фельдмаршала, но и предстоящая борьба Россіи съ западными державами и угрожающее положеніе Австріи могли побуждать его отказаться отъ смѣлаго плана — возбудить возстаніе христіанскихъ племенъ, подвластныхъ Турціи и наступательно дѣйствовать

изъ Малой Валахіи на Софію. Вызванный въ февралѣ изъ Варшавы въ Петербургъ, онъ предлагалъ государю отвести дунайскую армію за Серѣтъ и даже за Прутъ и ограничиться оборонительными дѣйствіями; только настойчивыя убѣжденія государя заставили его одобрить переправу черезъ Нижній-Дунай и предпринять осаду Силистріи. По прибытіи къ арміи, едва осмотрѣвъ теченіе Нижняго-Дуная отъ Гирсова до Измаила, фельдмаршалъ уже писалъ государю, что «въ случаѣ войны съ Австріею, намъ невозможно держаться на Дунаѣ и въ княжествахъ, что поэтому нельзя предпринять никакихъ наступательныхъ движеній до полученія положительныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ Австріи, и высказывалъ мнѣніе, что, можетъ быть, лучше-бы было очистить добровольно княжества, чтобы занять въ нашихъ предѣлахъ болѣе надежную позицію и вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у Германіи всякій предлогъ къ разрыву съ нами».

Опасность, которою угрожала намъ Австрія, была такъ велика въ глазахъ князя Варшавскаго, что мысль о ней совершенно парализовала его дѣйствія. Въ теченіи почти мѣсяца онъ не озаботился даже обложеніемъ Силистріи со всѣхъ сторонъ, имѣя къ тому всѣ средства, и такимъ образомъ далъ туркамъ возможность подвозить туда продовольствіе, порохъ, снаряды, и даже вводить подкрѣпленія по дорогамъ изъ Рущука и Шумлы. Г. Богдановичъ не безъ основанія полагаетъ, что, предпринявъ осаду крѣпости противъ собственнаго убѣжденія и опасаясь съ одной стороны высадки англо-французовъ, съ другой — вступленія австрійцевъ въ княжества, фельдмаршалъ просто сомнѣвался въ успѣхѣ ввѣреннаго ему дѣла. «Только такимъ образомъ,— прибавляетъ онъ,—можно объяснить сооруженіе кругомъ нашего лагеря подъ Силистріей безполезныхъ полевыхъ укрѣпленій, вооруженныхъ осадною артиллеріей, которую безпрестанно, съ большимъ трудомъ, перетаскивали туда съ осадныхъ батарей, а потомъ возвращали на прежнія мѣста безъ всякой причины». 25-го мая фезьдмаршалъ опять пишетъ

государю: «Бывая почти ежедневно въ траншеяхъ, забочусь, сколько силы позволяютъ, объ успѣшномъ ходѣ работъ, медленно подвигающихся впередъ, такъ что трудно теперь предвидѣть конецъ осады, ибо турки безпрестанно подкрѣпляютъ гарнизонъ крѣпости. У нихъ уже до 25 т. въ самой Силистріи и по деревнямъ въ тылу. Ожидая ихъ, я приказалъ укрѣпить лагерь, сдѣлать новые удобные мосты; но Омеръ-паша доселѣ въ полѣ не показывается и, вѣроятно, вслѣдствіе общаго плана концентрируетъ ихъ около Шумлы и начнетъ черезъ 15 дней, т.-е. въ то время, когда Австрія, собравъ уже, какъ извѣстно, большой лагерь около Германштадта, также откроетъ кампанію... Въ семь переходовъ австрійцы могутъ быть въ Плоешти, а намъ отъ Силистріи до Фокшанъ 15 дней... Здоровье мое день ото дня разстроивается, но я постараюсь остаться здѣсь елико возможно долѣе, думая, что могу быть полезенъ»...

Какъ бы ни вредили дѣятельности фельдмаршала на Дунаѣ его преклонные годы,—а они вредили несомнѣнно,—нельзя однако-же не согласиться съ мнѣніемъ Кинглэка, что весною и лѣтомъ 1854 года Австрія была готова къ разрыву съ Россіей изъ-за княжествъ и устьевъ Дуная. Ея отношенія къ западнымъ державамъ были особенно тѣсны и близки именно до тѣхъ поръ, пока русскія войска оставались въ княжествахъ, составлявшихъ ближайшій предметъ и ближайшую цѣль ея политики. Достигнувъ этой цѣли и занявъ княжества, Австрія успокоилась и выжидала, что будетъ дальше. Она еще не нападала на насъ — это правда; но въ подобныхъ случаяхъ мѣры предосторожности принимаются заранѣе; было бы поздно спасаться тогда, когда уже состоялось нападеніе, и князь Горчаковъ едва-ли ошибался въ половинѣ іюля, когда писалъ военному министру: «Начинается чортова пляска. Дней черезъ десять я буду имѣть съ фронта около ста тысячъ австрійцевъ, съ праваго фланга отъ сорока до пятидесяти тысячъ англо-фразнцузовъ и въ тылу отъ 50 до 60 тысячъ турокъ».

Мы не думаемъ также, вопреки мнѣнію г. Богдановича, чтобы дальнѣйшее занятіе княжествъ русскими войсками непремѣнно заставило англичанъ и французовъ вести войну не въ Крыму, гдѣ мы не были готовы, а на Дунаѣ, гдѣ у насъ уже были сосредоточены въ то время значительныя силы. Англичане съ самаго начала серьёзно помышляли о Севастополѣ, какъ о главномъ предметѣ союзныхъ военныхъ дѣйствій. Преобладающей морской державѣ естественно представлялось наиболѣе выгоднымъ военнымъ предпріятіемъ — сокрушеніе русскаго черноморскаго флота, воинственный духъ котораго только-что проявился въ знаменитомъ Синопскомъ дѣлѣ; послѣднее было принято и выставлено союзными державами за направленный противъ нихъ вызовъ, за нанесенное имъ оскорбленіе. Но кромѣ этой главной цѣли англійскихъ государственныхъ людей, сильная экспедиція въ Крымъ могла состояться также изъ чисто стратегическихъ соображеній. Хотя сильная русская армія и находилась уже на Дунаѣ, но для противодѣйствія ей союзникамъ не нужно было непремѣнно дѣйствовать также на Дунаѣ. Имѣя въ своемъ распоряженіи громадныя морскія силы и перевозочныя средства, свободно располагая Чернымъ моремъ, они могли сдѣлать крупную высадку въ одномъ изъ побережныхъ черноморскихъ пунктовъ, чтобъ отвлечь русскія силы отъ Дуная и отъ прямыхъ столкновеній съ турками. Къ тому же побуждало ихъ и трудное санитарное состояніе ихъ войскъ въ Варнѣ и Добруджѣ. На пространствѣ между Дунаемъ и Адріанополемъ, мѣстныя условія таковы, что цѣлыя арміи могутъ таять тамъ отъ болѣзней и трудныхъ переходовъ. Опираясь, сверхъ того, на угрожающее положеніе Австріи относительно Россіи, союзники могли безъ особенныхъ опасеній оставить въ сторонѣ негостепріимныя мѣстности Европейской Турціи, и предпринять экспедицію на полуостровъ, первоклассная гавань котораго давала надежный пріютъ нашему флоту и, по ихъ мнѣнію, могла при благопріятныхъ условіяхъ угрожать самому Константинополю.

Взять Севастополь съ моря не было возможности. Никакіе корабли не могли бы устоять противъ сильныхъ четырнадцати береговыхъ батарей его, вооруженныхъ 610-ю орудіями. Непріятельскій флотъ, покусившійся вторгнуться на севастопольскій рейдъ, говоритъ г. Богдановичъ, былъ бы встрѣченъ, въ 1200 саженяхъ отъ входа въ бухту, выстрѣлами четырехъ бомбовыхъ пушекъ, на разстояніи 800 саженъ отъ входа подвергался бы дѣйствію восьмидесяти орудій; по мѣрѣ приближенія къ входу на рейдъ, онъ могъ быть поражаемъ, въ разстояніи 400 саж., огнемъ изъ 146 орудій, а въ разстояніи 200 саж. отъ входа — встрѣчными, перекрестными и тыльными выстрѣлами болѣе чѣмъ двухсотъ орудій съ береговыхъ батарей. Не менѣе сильному огню подвергался непріятель и по выходѣ на рейдъ, гдѣ было сосредоточено дѣйствіе 247-ми орудій. Далѣе въ глубину рейда, огонь батарей ослабѣвалъ по числу орудій, но былъ дѣйствительнѣе по близости разстоянія; въ 400 саж. отъ входа, непріятель подвергался огню 123 орудій, а при дальнѣйшемъ движеніи, его могли поражать, кромѣ береговыхъ батарей, 230 орудій одного борта эскадры Корнилова и около 300 орудій одного борта эскадры Нахимова. Союзники знали объ этихъ грозныхъ сооруженіяхъ и естественно должны были придти къ мысли о нападеніи на Севастополь съ сухаго пути, гдѣ у насъ не могло быть значительныхъ войскъ и гдѣ мы были отдѣлены отъ остальной Россіи огромными, едва проходимыми разстояніями. По существовавшему до развитія пароходства мнѣнію о трудности высадокъ въ большихъ силахъ, нападеніе на Севастополь считалось невѣроятнымъ; однакоже князь Меншиковъ опасался, что непріятель, для содѣйствія флоту, высадитъ на берегъ небольшія силы для овладѣнія береговыми батареями. Поэтому было приступлено къ сооруженію укрѣпленій для защиты гавани съ суши. Но въ началѣ сентября 1854 года, ко дню высадки союзниковъ, ни одинъ изъ сооружаемыхъ бастіоновъ еще не былъ оконченъ. Вооруженіе укрѣп-

леній южной стороны состояло въ то время изъ 145 орудій, разсѣянныхъ на протяженіи болѣе шести съ половиною верстъ и притомъ такъ, что артиллерія не могла обстрѣливать сосредоточенными выстрѣлами почти ни одного пункта впереди лежащей мѣстности болѣе какъ изъ трехъ или четырехъ орудій. Всѣхъ войскъ можно было собрать тогда въ Крыму не болѣе 25 т. Прося у военнаго министра подкрѣпленій, князь Меншиковъ писалъ ему въ концѣ іюня: «Въ настоящее время Крымъ — существенный пунктъ, на которомъ долженъ рѣшиться вопросъ о нашемъ вліяніи на дѣла Востока. Подумайте о томъ, любезный князь, и вспомните старинную поговорку: «самъ Богъ побораетъ большимъ силамъ!» Справедливость требуетъ прибавить, что князь Меншиковъ, узнавъ объ очищеніи Валахіи нашими войсками и о вступленіи туда австрійцевъ, тогда же, въ письмѣ къ государю, предвидѣлъ, что покушеніе на Севастополь было вѣроятнѣе всѣхъ прочихъ предположеній о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ союзниковъ, и что они могутъ высадить въ Крыму отъ 50 до 60 тысячъ человѣкъ, не считая турецкихъ войскъ. Въ началѣ сентября непріятель дѣйствительно высадился въ числѣ 60 тысячъ, считая и турецкую дивизію, съ 134 полевыми и 73 осадными орудіями. Средства, которыми располагали союзники на морѣ, были громадны. Французскія войска были перевезены со всѣми ихъ запасами и обозами на 172 морскихъ судахъ разной величины, англійскія — на 150 паровыхъ и парусныхъ транспортахъ. Кромѣ полевой артиллеріи и парковъ артиллерійскаго и инженернаго, союзная армія имѣла при себѣ 11 тыс. туровъ, 9600 фашинъ, 180 тыс. земляныхъ мѣшковъ, 30 тыс. кирпичей, 21,600 шт. шанцоваго инструмента и пр. Одно французское интендантство заготовило 1 милл. раціоновъ муки, сухарей и соли, полтора милл. раціоновъ рису, кофе и сахара, 240,000 раціоновъговядины, 450,000 сала, 800,000 вина, 300,000 водки, большое количество дровъ

и угля. Госпитальная часть также была снабжена необходимыми силами и средствами.

Къ тому времени, когда союзники показались въ виду Евпаторіи, наши войска, расположенныя на Альмѣ, были въ числѣ лишь до 35-ти тысячъ, съ 84 орудіями, и состояли изъ молодыхъ солдатъ, ни разу не бывшихъ въ дѣлѣ. Мы, слѣдовательно, были неготовы. Г-нъ Богдановичъ обстоятельно говоритъ объ этой высадкѣ и о распоряженіяхъ князя Меншикова, который, питая недовѣріе ко штабамъ, исполняя почти все непосредственно самъ, недостаточно оградилъ и укрѣпилъ избранную имъ позицію на Альмѣ. Считая лѣвый флангъ ея неприступнымъ, главнокомандующій не принялъ никакихъ мѣръ для противодѣйствія ея обходу. Въ нѣсколько минутъ зуавы, перейдя черезъ рѣку и цѣпляясь за крутыя скалы, появились на гребнѣ утесовъ лѣваго берега рѣки. Генералъ Боске, изумленный тѣмъ, что по войскамъ его не было сдѣлано ни одного выстрѣла, сказалъ окружавшимъ его офицерамъ: «Эти господа рѣшительно не хотятъ драться!» Лѣвый флангъ былъ обойденъ и былъ принужденъ отступить; на правомъ флангѣ первое нападеніе англичанъ было отбито, но ненадолго. Отступленіе вскорѣ сдѣлалось общимъ. Девять тысячъ челокѣкъ были убиты, ранены, контужены или пропали безъ вѣсти въ этомъ дѣлѣ съ обѣихъ сторонъ, въ томъ числѣ 5,709 съ нашей стороны, 3,353 со стороны союзниковъ. Французская пѣхота постоянно уклонялась отъ удара въ штыки, и дѣйствовало исключительно на такомъ разстояніи отъ нашихъ войскъ, что, поражаемыя пулями Минье, они не могли вредить нпріятелю стрѣльбой изъ своихъ гладкоствольныхъ ружей. Владимірскій полкъ, дѣйствовавшій на правомъ флангѣ противъ англичанъ, вышелъ изъ боя всего съ двумя штабъ-офицерами и девятью оберъ-офицерами; убыль нижнихъ чиновъ полка оказалась такъ велика, что онъ былъ разсчитанъ въ одинъ батальонъ четырехротнаго состава. Дѣло въ томъ, что отступленіе обойденнаго французами лѣ-

ваго фланга заставило отступить и нашъ центръ; но правое крыло упорно держалось на позиціи, когда французская батарея, занявъ одну изъ высотъ въ центрѣ нашей позиціи, стала громить войска этого фланга, не поддержаннаго своевременно резервами, и заставила его отступить подъ сильнымъ огнемъ англійской артиллеріи. Г-нъ Богдановичъ говоритъ, что отступленіе было исполнено нашими войсками безъ всякой суеты, въ совершенномъ порядкѣ; только одинъ Углицкій полкъ, по недоразумѣнію, пустился бѣглымъ шагомъ, но тотчасъ остановился, когда былъ настигнутъ княземъ Меншиковымъ, приказавшимъ остановить полкъ и продолжать отступленіе съ музыкой. Сраженіе продолжалось съ ранняго утра до пятаго часа пополудни.

Въ самый день битвы на Альмѣ, 8-го сентября, во время отступленія нашихъ войскъ къ рѣкѣ Качѣ, князь Меншиковъ, полагая, что наибольшая опасность угрожала Севастополю именно съ моря, приказалъ Корнилову затопить нѣсколько кораблей на рейдѣ. Утромъ 9-го сентября, Корниловъ собралъ на совѣтъ флагмановъ и капитановъ, и объявилъ имъ, что непріятель легко можетъ занять высоты праваго берега Бельбека, распространиться къ Инкерману и Голландіи, дѣйствовать съ высотъ по кораблямъ эскадры Нахимова и принудить нашъ флотъ оставить настоящую позицію, съ цѣлью облегчить своимъ судамъ доступъ на рейдъ; что если союзная армія овладѣетъ въ то же время сѣверными укрѣпленіями, то ничто не спасетъ черноморскаго флота отъ гибели и позорнаго плѣна. На основаніи этихъ соображеній, Корниловъ, не заявляя въ совѣтѣ полученнаго приказанія, придложилъ выдти въ море и атаковать непріятельскія суда, столпившіяся у мыса Улюкола. По словамъ адмирала, уничтоживъ непріятельскую армаду, мы лишили бы союзную армію продовольствія и помощи, а при неудачѣ могли бы взорвать на воздухъ сцѣпившіеся съ нами непріятельскіе корабли, отстоять честь русскаго флага и спасти родной свой портъ. Корниловъ разсчитывалъ, что

союзный флотъ, даже одержавъ побѣду, былъ бы обезсиленъ гибелью большей части своихъ кораблей и не осмѣлился бы атаковать приморскія батареи Севастополя, а безъ содѣйствія флота непріятельская армія не овладѣла бы городомъ, гдѣ наши войска могли укрѣпиться и держаться до прибытія подкрѣпленій. Надо замѣтить, что нашъ флотъ былъ парусный и могъ быть застигнутъ штилемъ частью еще въ бухтѣ, частью въ открытомъ морѣ: уже одно это соображеніе заставляло сомнѣваться въ успѣхѣ предпріятія предложеннаго Корниловымъ, который, впрочемъ, и самъ не ожидалъ успѣха, а восторженно предлагалъ лучше погибнуть въ бою, чѣмъ въ бездѣйствіи. Безмолвно приняли его предложеніе флагманы и капитаны; не многіе могли отвѣчать на него своимъ согласіемъ; остальные предпочитали другое средство обороны — затопить входъ на рейдъ, но не могли рѣшиться и на это безъ глубокой скорби о родномъ флотѣ. Нѣсколько минутъ длилось гробовое молчаніе; наконецъ, капитанъ Зоринъ прервалъ его и объяснилъ необходимость пожертвовать для загражденія фарватера старѣйшими по службѣ кораблями и обратить экипажи ихъ и другихъ кораблей на подкрѣпленіе гарнизону. Корниловъ отвергнулъ предложеніе Зорина, и хотя видѣлъ, что большинство не находило иной развязки, однако не далъ высказаться членамъ совѣта и прекратилъ совѣщаніе словами: «Готовьтесь къ выходу; будетъ данъ сигналъ, что кому дѣлать!» Распустивъ совѣтъ, адмиралъ отправился къ князю Меншикову и заявилъ свое намѣреніе выдти въ море. Князь повторилъ данное наканунѣ приказаніе — затопить фарватеръ. Корниловъ отвѣчалъ, что не сдѣлаетъ этого.— «Ну, такъ поѣзжайте въ Николаевъ, къ мѣсту вашей службы!» — сказалъ раздраженный главнокомандующій и велѣлъ ординарцу позвать вице-адмирала Станюковича, чтобы черезъ него сдѣлать дальнѣйшія распоряженія. — «Остановитесь! —вскричалъ Корниловъ: — это самоубійство.., то, къ чему вы меня принуждаете... Но чтобы я оставилъ Сева-

стополь, окруженный непріятелемъ, — это невозможно! Я готовъ повиноваться вамъ»...

Такова была первая страница того мартиролога, который мы называемъ обороной Севастополя. Отнынѣ все вниманіе, всѣ силы Россіи и двухъ первоклассныхъ западныхъ державъ были направлены къ этому пункту; сотни тысячъ войска, тысячи орудій и огромныя массы пороха и снарядовъ, все, чѣмъ люди могутъ безпощадно истреблять другъ друга, было сосредоточено тутъ въ теченіи долгихъ, безконечныхъ одиннадцати мѣсяцевъ. Люди ежедневно падали сотнями и тысячами, укрѣпленія валились подъ ударами могущественнѣйшей артиллеріи, отъ которой дрожала земля и помрачалось солнце; но и сраженные люди, и разрушенныя укрѣпленія быстро замѣнялись новыми, и не было конца этой смѣнѣ павшихъ жертвъ, привыкшихъ видѣть смерть другихъ и подвергаться ей, новыми жертвами, которыя такъ же скоро привыкали къ своему безъисходному положенію, и такъ же скоро погибали. Какъ Дантовъ адъ, Севастополь точно былъ отмѣченъ страшной надписью, мрачно предостерегавшей отъ всякой надежды на спасеніе. — «Какъ-съ, вы хотите-съ уйти съ вашего поста-съ», говорилъ Нахимовъ выбившемуся изъ силъ и заболѣвшему моряку, который просился на отдыхъ: «вы должны умирать здѣсь; вы часовой-съ, вамъ смѣны нѣтъ-съ и не будетъ. Мы всѣ здѣсь умремъ-съ; помните-съ, что вы черноморскій морякъ-съ и защищаете родной вашъ городъ-съ; мы непріятелю отдадимъ-съ одни наши трупы и развалины». Дни, недѣли и мѣсяцы, чуть не цѣлый годъ Севастополь и его окрестности представляли собою настоящее царство разрушенія, страданій и смерти. То была эпопея въ дѣйствіи, эпопея героическая, конечно, но и чудовищная по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ... Въ продолженіи одиннадцатимѣсячной осады, по свѣдѣніямъ г. Богдановича, у французовъ и англичанъ выбыло изъ строя, не считая больныхъ, до 70,000 человѣкъ; у насъ въ самомъ Севастополѣ выбыло

102,000, и въ сраженіяхъ при Альмѣ, Балаклавѣ и пр. до 26 тысячъ, если не считать выздоровѣвшихъ, которые были и у союзниковъ. Непріятельская артиллерія выпустила во время осады 1,356,000 выстрѣловъ и издержала 271,650 пудовъ пороху въ видѣ ядеръ, бомбъ, гранатъ, боевыхъ ракетъ и проч.; съ нашей стороны выпущено 1.027,000 снарядовъ, или 150,000 пудовъ пороху...

Сначала полагали, что союзники атакуютъ сѣверныя укрѣпленія Севастополя. 11 сентября, когда уже были затоплены корабли на рейдѣ, князь Меньшиковъ сообщилъ Корнилову свое намѣреніе — оставить для непосредственной обороны Севастополя моряковъ, саперъ и резервные батальоны 13 й пѣхотной дивизіи и идти съ остальными войсками въ поле къ Бахчисараю, чтобъ сохранить сообщенія съ Перекопомъ, занять фланговую позицію и оттуда угрожать непріятелю. Корниловъ не раздѣлилъ этого мнѣнія: онъ представлялъ главнокомандующему опасное положеніе города въ случаѣ нападенія союзниковъ на сѣверное укрѣпленіе, по взятіи котораго многочисленною арміей невозможно было долго держаться въ Севастополѣ. «Непріятель не можетъ повести рѣшительную атаку на сѣверныя укрѣпленія, имѣя у себя на флангѣ и въ тылу нашу армію», отвѣчалъ князь Меншиковъ и приказалъ тогда же сформировать изъ корабельныхъ командъ батальоны для защиты города. Событія оправдали мнѣніе главнокомандующаго. Выходя на дорогу, ведущую къ Перекопу, онъ могъ получать подкрѣпленія изъ южной Россіи; но союзники могли тѣмъ не менѣе атаковать сѣверное укрѣпленіе и взять его. Для отпора ихъ арміи, у насъ было всего 17 батальоновъ, сформированныхъ изъ моряковъ, и 9 батальоновъ сухопутнаго войска, всего около 18,000 человѣкъ, да нѣсколько морскихъ командъ на укрѣпленіяхъ южной стороны и на приморскихъ батареяхъ. Ожидая нападенія съ этой стороны, подполковникъ Тотлебенъ и контръ-адмиралъ Истоминъ съ самаго дня непріятельской высадки предприняли

оборонительныя работы, чтобы усилить позицію на линіи сѣвернаго укрѣпленія. Это былъ первый шагъ, сдѣланный молодымъ инженеромъ, предпринявшимъ и славно исполнившимъ дѣло защиты Севастополя, говоритъ г. Богдановичъ. Благодаря его находчивости и самоотверженію, почти открытый городъ, облекшись въ броню, сопротивлялся чуть не цѣлый годъ всѣмъ усиліямъ новѣйшаго осаднаго искусства и заставилъ непріятеля купить успѣхъ дорогою цѣной.

Но союзники не были согласны между собою на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Лордъ Рагланъ непремѣнно хотѣлъ атаковать Севастополь съ сѣвера; успѣхъ этой атаки, еслибъ она была предпринята безотлагательно, казался несомнѣннымъ и князю Меншикову, и Корнилову и Тотлебену, какъ и лорду Раглану; но сильно больной главнокомандующій французовъ, маршалъ Сентъ-Арно, не соглашался съ своимъ англійскимъ товарищемъ. Занятые уборкой убитыхъ и раненыхъ, союзники двинулись со взятой ими нашей позиціи на Альмѣ не раньше 11-го сентября, и ночью 12-го рѣшено было обогнуть бухту и подойти къ Севастополю съ юга. Тогда Корнилову и Тотлебену, вскорѣ принявшему de facto начальство надъ всѣми войсками въ Севастополѣ, пришлось на̀-скоро усиливать укрѣпленія южной стороны, чтобъ принудить непріятеля къ правильной осадѣ. 14-го сентября вооруженіе южной стороны большею частью еще состояло изъ артиллеріи незначительнаго калибра. Только правая часть оборонительной линіи до нѣкоторой степени могла считаться обезпеченною; остальная часть, на протяженіи болѣе пяти верстъ, была совершенно доступна, потому что входившія въ составъ ея укрѣпленія имѣли слабую полевую профиль, были не окончены и большею частью безъ рвовъ, а обширные промежутки между ними оставались открыты. Утромъ 15-го сентября, на южной сторонѣ Севастополя было расположено до 16,000 штыковъ, съ 32 полевыми орудіями; нѣсколько тысячъ человѣкъ были оставлены на сѣверной сторонѣ и нѣсколько тысячъ на судахъ въ бухтѣ.

цузской арміей изъ рукъ умирающаго Сентъ-Арно. Рѣшено было ослабить предварительно огонь русскихъ укрѣпленій. Съ этою цѣлью союзники раздѣлили свою армію на двѣ части, изъ которыхъ одна должна была дѣйствовать противъ крѣпости, а другая составляла обсерваціонный корпусъ, расположенный надъ обрывами Сапунъ-горы, фронтомъ къ Балаклавѣ и Ѳедюхинымъ высотамъ. А между тѣмъ оборонительныя работы производились въ Севастополѣ съ прежнею горячею дѣятельностью. Въ двадцать дней, съ 14-го сентября по 5-е октября, было построено вновь болѣе двадцати батарей; на укрѣпленія поставлено вновь 206 орудій, почти всѣ большихъ калибровъ. Союзники, съ своей стороны, дѣятельно возводили крѣпость противъ крѣпости, и уже 5-го октября могли открыть бомбардировку изъ 126 осадныхъ орудій, къ которымъ потомъ присоединились 1243 орудія союзнаго флота. Въ одинъ этотъ день съ обѣихъ сторонъ выпущено 95 тысячъ снарядовъ; у насъ выбыло изъ строя 1.205, у союзниковъ 868 человѣкъ. И при всемъ томъ, въ общемъ итогѣ, бомбардированіе было неудачно. Французскія батареи должны были замолчать; бомбардировка флота сильно повредила лишь Константиновскій фортъ; только англійскія осадныя батареи съ успѣхомъ громили 3-й бастіонъ. Къ тремъ часамъ дня тамъ уже была сбита треть всего вооруженія, передъ остальными орудіями амбразуры совершенно разрушены, почти всѣ офицеры убиты или ранены, и прислуга многихъ орудій замѣнена два раза. Артиллеристы бастіона продолжали однако-же обороняться до послѣдней крайности. Къ довершенію ихъ опаснаго положенія, непріятельской бомбой былъ взорванъ пороховой погребъ въ исходящемъ углѣ бастіона. «Когда разсѣялся дымъ, уцѣлѣвшіе люди увидѣли страшную картину: вся передняя часть бастіона была сброшена въ ровъ, и весь бастіонъ обратился въ кучу земли; вездѣ валялись опаленные, обезображенные трупы. При взрывѣ погибло болѣе ста человѣкъ, изъ которыхъ отъ многихъ, въ томъ числѣ отъ

капитанъ-лейтенанта Лесли — не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ. Несмотря на громъ выстрѣловъ, слышны были громкіе крики «ура» въ траншеяхъ англичанъ. Съ нашей стороны ожидали, что непріятель, пользуясь столь рѣшительнымъ успѣхомъ, пойдетъ на штурмъ. Казалось, дальнѣйшая защита бастіона стала невозможною; но ничто не могло поколебать стойкости его защитниковъ. Прислуга артиллеріи и офицеры были немедленно замѣнены другими людьми, которые тотчасъ стали приводить въ порядокъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ орудій, а между тѣмъ, для отвлеченія непріятельскихъ выстрѣловъ отъ взорваннаго бастіона, батарея Будущева, съ громкими криками «ура», участила огонь по англійскимъ батареямъ. Однимъ изъ нашихъ выстрѣловъ былъ взорванъ зарядный ящикъ на англійской батареѣ. Съ корабля «Ягудіилъ» свезена на 3-й бастіонъ команда въ 75 человѣкъ, изъ которыхъ на другой день вечеромъ возвратились на корабль только 25 человѣкъ, прочіе были убиты или ранены. Для подноски зарядовъ отъ Госпитальной пристани къ бастіону посланы охотники, которые, проходя подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, бо̀льшею частью погибли»...

Но все это было только слабое, сравнительно, начало тѣхъ ужасовъ разрушенія и смерти, которые разразились впослѣдствіи надъ Севастополемъ. Несмотря на успѣхъ англійской артиллеріи, главная цѣль бомбардированія — совершенное ослабленіе русскихъ батарей — не была достигнута, и союзники принуждены были приступить къ формальной, медленной осадѣ. Число ихъ батарей, орудій, снарядовъ и войска должно было возрости до размѣровъ, передъ которыми блѣднѣютъ сейчасъ приведенныя нами цифры. Защитники Севастополя, проводя дни въ жестокой борьбѣ съ непріятелемъ, по ночамъ исправляли поврежденныя укрѣпленія и возводили новыя. Русская армія также усиливалась подходившими подкрѣпленіями. Въ половинѣ октября она уже была числомъ сильнѣе непріятельской, принужденной

цузской арміей изъ рукъ умирающаго Сентъ-Арно. Рѣшено было ослабить предварительно огонь русскихъ укрѣпленій. Съ этою цѣлью союзники раздѣлили свою армію на двѣ части, изъ которыхъ одна должна была дѣйствовать противъ крѣпости, а другая составляла обсерваціонный корпусъ, расположенный надъ обрывами Сапунъ-горы, фронтомъ къ Балаклавѣ и Ѳедюхинымъ высотамъ. А между тѣмъ оборонительныя работы производились въ Севастополѣ съ прежнею горячею дѣятельностью. Въ двадцать дней, съ 14-го сентября по 5-е октября, было построено вновь болѣе двадцати батарей; на укрѣпленія поставлено вновь 206 орудій, почти всѣ большихъ калибровъ. Союзники, съ своей стороны, дѣятельно возводили крѣпость противъ крѣпости, и уже 5-го октября могли открыть бомбардировку изъ 126 осадныхъ орудій, къ которымъ потомъ присоединились 1243 орудія союзнаго флота. Въ одинъ этотъ день съ обѣихъ сторонъ выпущено 95 тысячъ снарядовъ; у насъ выбыло изъ строя 1.205, у союзниковъ 868 человѣкъ. И при всемъ томъ, въ общемъ итогѣ, бомбардированіе было неудачно. Французскія батареи должны были замолчать; бомбардировка флота сильно повредила лишь Константиновскій фортъ; только англійскія осадныя батареи съ успѣхомъ громили 3-й бастіонъ. Къ тремъ часамъ дня тамъ уже была сбита треть всего вооруженія, передъ остальными орудіями амбразуры совершенно разрушены, почти всѣ офицеры убиты или ранены, и прислуга многихъ орудій замѣнена два раза. Артиллеристы бастіона продолжали однако-же обороняться до послѣдней крайности. Къ довершенію ихъ опаснаго положенія, непріятельской бомбой былъ взорванъ пороховой погребъ въ исходящемъ углѣ бастіона. «Когда разсѣялся дымъ, уцѣлѣвшіе люди увидѣли страшную картину: вся передняя часть бастіона была сброшена въ ровъ, и весь бастіонъ обратился въ кучу земли; вездѣ валялись опаленные, обезображенные трупы. При взрывѣ погибло болѣе ста человѣкъ, изъ которыхъ отъ многихъ, въ томъ числѣ отъ

капитанъ-лейтенанта Лесли — не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ. Несмотря на громъ выстрѣловъ, слышны были громкіе крики «ура» въ траншеяхъ англичанъ. Съ нашей стороны ожидали, что непріятель, пользуясь столь рѣшительнымъ успѣхомъ, пойдетъ на штурмъ. Казалось, дальнѣйшая защита бастіона стала невозможною; но ничто не могло поколебать стойкости его защитниковъ. Прислуга артиллеріи и офицеры были немедленно замѣнены другими людьми, которые тотчасъ стали приводить въ порядокъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ орудій, а между тѣмъ, для отвлеченія непріятельскихъ выстрѣловъ отъ взорваннаго бастіона, батарея Будущева, съ громкими криками «ура», участила огонь по англійскимъ батареямъ. Однимъ изъ нашихъ выстрѣловъ былъ взорванъ зарядный ящикъ на англійской батареѣ. Съ корабля «Ягудіилъ» свезена на 3-й бастіонъ команда въ 75 человѣкъ, изъ которыхъ на другой день вечеромъ возвратились на корабль только 25 человѣкъ, прочіе были убиты или ранены. Для подноски зарядовъ отъ Госпитальной пристани къ бастіону посланы охотники, которые, проходя подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, бо̀льшею частью погибли»...

Но все это было только слабое, сравнительно, начало тѣхъ ужасовъ разрушенія и смерти, которые разразились впослѣдствіи надъ Севастополемъ. Несмотря на успѣхъ англійской артиллеріи, главная цѣль бомбардированія — совершенное ослабленіе русскихъ батарей — не была достигнута, и союзники принуждены были приступить къ формальной, медленной осадѣ. Число ихъ батарей, орудій, снарядовъ и войска должно было возрости до размѣровъ, передъ которыми блѣднѣютъ сейчасъ приведенныя нами цифры. Защитники Севастополя, проводя дни въ жестокой борьбѣ съ непріятелемъ, по ночамъ исправляли поврежденныя укрѣпленія и возводили новыя. Русская армія также усиливалась подходившими подкрѣпленіями. Въ половинѣ октября она уже была числомъ сильнѣе непріятельской, принужденной

къ тому же растянуться на большомъ пространствѣ для прикрытія своихъ осадныхъ работъ. Зная раздробленіе растянутой непріятельской арміи, русскіе главнокомандующіе, сначала князь Меншиковъ, потомъ князь Горчаковъ, естественно приходили къ мысли напасть на непріятеля не со стороны Севастополя, гдѣ онъ былъ защищенъ грозными батареями и достаточными силами, а со стороны его обсерваціонной линіи. Севастопольская борьба разросталась, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе въ своихъ размѣрахъ. То была борьба двухъ грозныхъ крѣпостей и двухъ армій, прикрывавшихъ эти крѣпости. Но въ то время, какъ обѣ крѣпости гордо и искусно выдерживали ежедневную борьбу, борьба двухъ армій постоянно оканчивалась не въ нашу пользу. Уже 13-го октября намъ неудалось предпринятое княземъ Меншиковымъ нападеніе на Балаклаву, главную базу англійскихъ войскъ. Недождавшись прибытія двухъ дивизій, которыя были уже въ пути, главнокомандующій атаковалъ англичанъ значительными силами у Балаклавы. Англичане совсѣмъ не ожидали нападенія и не успѣли еще усилить свою позицію впереди этого города. Взятіе Балаквалы поставило бы ихъ въ трудное, почти безвыходное положеніе. Но овладѣть этимъ пунктомъ намъ не удалось, и дѣло 13-го октября, показавъ союзникамъ слабѣйшій пунктъ ихъ расположенія, только заставило ихъ принять мѣры противъ грозившаго имъ удара. Та же неудача повторилась и 24-го октября, при Инкерманѣ, гдѣ у насъ выбыло изъ строя до десяти тысячъ человѣкъ и гдѣ, несмотря на двухстороннее нападеніе нашей арміи и севастопольскаго гарнизона на союзниковъ, мы потерпѣли неудачу, благодаря бездѣйствію, на которое была обречена треть крымской арміи, недостатку предварительныхъ распоряженій и отсутствію общей связи между отдѣльными частями дѣйствующихъ войскъ. Такую же неудачу потерпѣли мы въ дѣлѣ 4-го августа 1855 года на Черной. Но уже инкерманское дѣло породило въ князѣ Меншиковѣ сомнѣніе въ успѣхѣ обороны

Севастополя. Донося о послѣдствіяхъ этой битвы, онъ высказывалъ свое сомнѣніе государю. Встревоженный мрачными мыслями главнокомандующаго, императоръ Николай писалъ тогда князю М. Д. Горчакову:

...«Крайне жаль, что намѣреніе князя Меншикова не имѣло удачи, стоивъ столько драгоцѣнной крови; потеря храбраго Соймонова весьма чувствительна, но еще болѣе со жалѣть должно, что эта неудача, нисколько не уронившая духа войскъ, отразилась на князѣ Меншиковѣ такимъ упадкомъ духа, что наводитъ на меня опасенія самыхъ худшихъ послѣдствій. Онъ не скрываетъ, что не видитъ болѣе надежды съ успѣхомъ атаковать союзниковъ и предвидитъ даже скорое паденіе Севастополя. Признаюсь, такое направленіе мыслей меня ужасаетъ за послѣдствія. Неужели должны мы лишиться Севастополя послѣ такой крѣпкой защиты, послѣ столькихъ горькихъ потерь храбрѣйшихъ героевъ, и съ паденіемъ Севастополя дожить до всѣхъ тѣхъ потерь, которыя легко предвидѣть можно отъ подобнаго со бытія? Страшно и подумать. Но держась постоянно пра вила — предвидѣть худшее, чтобъ имъ не быть неожиданно застигнутымъ, не скрываю отъ тебя, что надежды на лучшій исходъ, развѣ по особой милости Божіей, не предвижу. Готовясь къ тому, прошу тебя мнѣ сообщить мысли твои, что въ такомъ случаѣ считаешь за лучшее предпринять, чтобъ, по крайней мѣрѣ, остановить дальнѣйшія, еще худшія послѣдствія. Съ потерей Севастополя наврядъ ли Меншиковъ отстоитъ и Крымъ, въ особенности ежели новый десантъ, какъ говорятъ, будетъ высаженъ у Евпаторіи, дабы угрожать Перекопу и тѣмъ совершенно отрѣзать наше сообщеніе. Ужасно и подумать!»...

Но и князь Горчаковъ, назначенный впослѣдствіи, въ половинѣ марта, главнокомандующимъ въ Крыму, вскорѣ пришелъ къ тому же мнѣнію, что и князь Меншиковъ. Правда въ суровую зиму 1854 — 55 годовъ, положеніе союзныхъ армій въ Крыму, особенно англичанъ, было ужасно; но и

наше положеніе было тяжело до крайности. Князь Меншиковъ требовалъ подкрѣпленій и по болѣзни сначала просилъ прислать ему помощника, а потомъ заявлялъ желаніе быть уволеннымъ отъ должности главнокомандующаго. Если мы не такъ сильно терпѣли отъ холода, какъ союзники, то продовольствованіе нашей арміи въ Крыму было связано съ величайшими затрудненіями. При открытіи военныхъ дѣйствій въ Крыму существовало только одно шоссе, устроенное вдоль южнаго берега, отъ Севастополя до подошвы Чатырдага. Всѣ другіе главные пути сообщенія на полуостровѣ состояли изъ почтовыхъ дорогъ отъ Симферополя къ другимъ городамъ Таврической губерніи. Эти дороги оставались въ первобытномъ видѣ. Въ сѣверной, степной части Крыма онѣ были хороши лѣтомъ въ сухую погоду, пролегая большею частью по глинистому грунту, но во время дождей и зимою дѣлались непроходимыми. Въ южной, горной части Крыма, сообщенія затруднены крутыми спусками, подъёмами и топкими долинами рѣчекъ. Зимою 1854 — 55 годовъ дороги были такъ испорчены на всемъ протяженіи отъ Перекопа до Севастополя, что курьеры нерѣдко ѣхали шагомъ съ остановками на пути. Н. И. Пироговъ, ѣхавшій на курьерскихъ, употребилъ около двухъ сутокъ на проѣздъ 72-верстнаго разстоянія отъ Симферополя до Севастополя. Обозъ съ провіантомъ, высланный изъ Перекопа 17-го декабря, прибылъ въ Симферополь 21-го января, т.-е. прошелъ 134 версты въ 34 дня, круглымъ числомъ по четыре версты въ сутки. Такимъ образомъ приходилось доставлять къ Севастополю провіантъ, фуражъ, дрова и проч. Для этого, по разсчету г. Богдановича, необходимо было, чтобы въ теченіи восьми мѣсяцевъ, когда, по свойству дорогъ, подвозы возможны, находилось въ постоянномъ движеніи не менѣе 132,600 подводъ, а въ подвижномъ магазинѣ было ихъ только 7,000; остальныя 125,600 подводъ приходилось брать съ жителей тѣхъ губерній, которыя прилегали къ театру войны. Санитарная часть была также въ ужасающемъ со-

стоянія. Получивъ въ октябрѣ свѣдѣніе объ истощеніи перевязочныхъ припасовъ въ Крыму, главнокомандующій южною арміей тогда же предписалъ кременчугской коммиссаріатской коммиссіи отправить въ Перекопъ и Херсонъ 180 тысячъ аршинъ бинтовъ, 52 тысячи аршинъ компрессовъ и 250 пудовъ ветоши; но эти припасы, высланные въ глубокую осень, пришли въ Крымъ уже послѣ прибытія подкрѣпленій изъ южной арміи и сраженій при Балаклавѣ и Инкерманѣ, когда потребность въ госпитальныхъ средствахъ впятеро увеличилась. Въ началѣ ноября, изъ показываемыхъ по спискамъ 126,323 строевыхъ нижнихъ чиновъ, кромѣ оставленныхъ въ госпиталяхъ южной арміи около 6,000 человѣкъ, состояло въ госпиталяхъ и лазаретахъ крымской арміи 27,244 человѣка, и въ томъ числѣ 10,553 чел. раненыхъ, не считая легко раненыхъ, которые оставались на службѣ при войскахъ. Въ день инкерманскаго сраженія, ни въ севастопольскихъ, ни въ симферопольскихъ госпиталяхъ уже не было ни одного свободнаго мѣста. Нѣсколько дней послѣ этого дѣла, Севастополь былъ буквально наполненъ ранеными, которые оставались не только безъ перевязки, но даже безъ крова и пищи, несмотря на всѣ усилія начальствующихъ лицъ. «Чтобъ удалить эту массу раненыхъ и больныхъ изъ осажденнаго города, рѣшено было отправить ихъ въ Симферополь, единственный большой городъ по всей линіи сообщеній крымской арміи съ остальною Россіей. Еще въ половинѣ сентября, послѣ сраженія при Альмѣ, было предписано военному губернатору города Симферополя, графу Адлербергу, приготовить помѣщеніе не менѣе какъ для 6,000 раненыхъ. Само собою разумѣется, что неотлагательное исполненіе такого приказанія въ городѣ, населенномъ всего 18-ю тысячами жителей, оказалось невозможнымъ. Когда же, послѣ сраженія при Инкерманѣ, многіе изъ симферопольскихъ жителей успѣли оставить городъ и были очищены многія изъ публичныхъ зданій, тогда цѣлая половина Симферополя обра-

тилась въ громадный госпиталь, переполненный ранеными и больными. Число первыхъ впослѣдствіи доходило до 18 тысячъ, а больныхъ къ марту 1855 года набралось до 9 тысячъ. Но и тамъ, по недостатку медицинскихъ средствъ, больные находились въ бѣдственномъ положеніи. Нерѣдко приходилось имъ, по прибытіи въ Симферополь, проводить на повозкѣ полдня и болѣе; затѣмъ, не снимая съ нихъ окровавленнаго платья, ихъ укладывали, за неимѣніемъ постелей, на полу, на рогожи, или на солому. Изъ тысячи служителей, постоянныхъ было не болѣе ста; остальные назначались временно изъ выздоровѣвшихъ, либо изъ музыкантовъ, и смѣнялись, ещё не успѣвъ привыкнуть къ госпитальной службѣ».

Недостатокъ въ помѣщеніи для больныхъ и раненыхъ заставилъ перевозить ихъ изъ Симферополя въ Херсонъ и другія мѣста. Ихъ отправляли на повозкахъ подвижнаго магазина, возвращавшихся изъ Севастополя. Въ ненастную погоду телѣги вязли въ грязи, и больные по цѣлымъ часамъ оставались подъ проливнымъ дождемъ. Въ четыре мѣсяца, съ 1-го ноября по 1-е марта, вывезено такимъ образомъ изъ севастопольскихъ и симферопольскихъ госпиталей около 15,000 человѣкъ. Дурныя дороги и неудобныя подводы, говоритъ г. Гюббенетъ, недостатокъ врачей и фельдшеровъ, перевязочныхъ матеріаловъ, лекарствъ и хирургическихъ инструментовъ, теплой одежды и котловъ для варенія пищи, имѣли сильное вліяніе на здоровье больныхъ. Бывали даже случаи, что десятая часть перевозимыхъ умирала въ пути, дѣлаясь жертвой страшныхъ лишеній и безпорядковъ. Понятно, прибавляетъ г. Богдановичъ, что союзники, отправляя своихъ больныхъ и раненыхъ моремъ въ Константинополь, теряли меньше людей, чѣмъ мы. За недостаткомъ врачей, пришлось сдѣлать вызовъ и русскимъ, и иностранцамъ. Въ 1854 и въ 1855 гг. въ крымскую армію поступило всего около 300 своихъ и 114 итальянскихъ и американскихъ врачей, но иностранцы не могли

принести большой пользы, потому что не знали русскаго языка. Изъ медико-хирургической академіи и университетовъ было выпущено до семи-сотъ человѣкъ раньше окончанія курса, но и это не помогло дѣлу. Молодые люди, непривычные къ новому своему положенію, почти всѣ переболѣли тифомъ. А между тѣмъ, въ началѣ марта 1855 г., изъ числившихся по спискамъ въ крымской арміи 148,789 человѣкъ, въ госпиталяхъ и лазаретахъ находилось около 32 тысячъ, въ томъ числѣ до 9 тысячъ раненыхъ.

Тѣмъ временемъ двѣ грозныя крѣпости — англо-французская и русская — продолжали борьбу, неся ежедневно жестокія потери, разрушая и исправляя свои укрѣпленія, дѣлая смѣлыя, отчаянныя вылазки и отражая ихъ съ ожесточеніемъ. Въ такомъ положеніи, ухудшенномъ неудачною попыткой штурмовать все еще занятую союзниками Евпаторію, съ цѣлью помѣшать непріятелю двинуться оттуда къ Перекопу, засталъ дѣла князь Горчаковъ, прибывшій въ Крымъ на смѣну князя Меншикова. Получивъ уже на одрѣ болѣзни извѣстіе объ этой новой неудачѣ, покойный государь поручилъ наслѣднику престола отвѣчать князю Меншикову слѣдующимъ многозначительнымъ письмомъ:

«Государь, чувствуя себя несовершенно здоровымъ, приказалъ мнѣ, любезный князь, отвѣчать вамъ его именемъ на послѣдняго вашего курьера, отъ 7-го февраля.

«Его величество крайне былъ огорченъ неудачною попыткою, произведенною, по вашему приказанію, генераломъ Хрулевымъ, на Евпаторію, и значительною потерею, вновь понесенною нашими храбрыми войсками без всякаго результата.

«Его величество не можетъ не удивляться, что, пропустивъ три мѣсяца для атаки сего пункта, когда въ немъ находился самый незначительный гарнизонъ, не успѣвшій еще укрѣпиться, вы выждали теперешній моментъ для подобнаго предпріятія, тогда именно, когда, по всѣмъ

свѣдѣніямъ, достовѣрно было извѣстно, что туда прибыли значительныя турецкія силы съ самимъ Омеръ-пашой. Его величество не можетъ не припомнить вамъ, что онъ предвидѣлъ этотъ грустный результатъ.

«Изъ журнала осадныхъ работъ подъ Севастополемъ, его величество убѣждается, что союзники, подвигаясь все ближе, устроивая новыя батареи, какъ противъ 4-го бастіона, такъ и на Сапунъ-горѣ, и получивъ значительныя подкрѣпленія, замышляютъ что-то рѣшительное, что также подтверждается всѣми газетными статьями.

«Съ другой стороны, усматривая изъ вашихъ неоднократныхъ донесеній, что, при теперешнемъ числѣ войскъ, вы рѣшительно считаете всякое наступательное движеніе невозможнымъ, его величество видитъ одинъ только выгодный исходъ всему дѣлу, а именно: если непріятель покусится на штурмъ и Богъ поможетъ отбиться, то немедля перейти въ наступленіе, какъ изъ самой крѣпости, такъ и со стороны Чоргуна на Кадикіой, назначивъ для сего послѣдняго движенія сколь-возможно большее число свободныхъ войскъ съ нужною артиллеріею и кавалерію, дабы угрожать одновременно центру, правому флангу и даже тылу непріятельскаго расположенія.

«Если же непріятель самъ предприметъ наступательное движеніе, то его величество не сомнѣвается, что принятыми вами мѣрами, на крѣпкой и почти неприступной позиціи, нынѣ вами занимаемой и столь сильно укрѣпленной, вы вездѣ встрѣтите его и съ Божіею помощью остановите всякое дальнѣйшее покушеніе.

«Что касается до признаваемой вами необходимости новаго затопленія 3-хъ линейныхъ кораблей, для замѣны разнесеннаго прежняго загражденія севастопольскаго рейда [1]),

---

[1]) Послѣ бурь, размывшихъ прежнюю преграду изъ затопленныхъ судовъ, князь Меншиковъ испрашивалъ высочайшее разрѣшеніе затопить вновь три корабля у входа на рейдъ.

его величество, не отвергая пользы сего загражденія, не можетъ однако не замѣтить, что мы сами уничтожаемъ нашъ флотъ.

«За симъ государь поручаетъ мнѣ обратиться къ вамъ, какъ къ своему старому усердному и вѣрному сотруднику, и откровенно сказать вамъ, любезный князь, что, отдавая всегда полную справедливость вашему рвенію и готовности исполнять всякое порученіе, довѣріемъ его величества на васъ возлагаемое, государь, съ прискорбіемъ извѣстившись о вашемъ болѣзненномъ теперешнемъ состояніи, о которомъ вы нѣсколькимъ лицамъ поручали неоднократно словесно доводить до высочайшаго его свѣдѣнія, и желая доставить вамъ средства поправить и укрѣпить разстроенное службою ваше здоровье, высочайше увольняетъ васъ отъ командованія крымскою арміею и ввѣряетъ ее начальству генералъ-адъютанта князя Горчакова, которому предписано немедленно отправиться въ Севастополь. До его пріѣзда, его величество вполнѣ остается увѣреннымъ, что вы съ прежнимъ усердіемъ будете продолжать исполнять должность, вами доселѣ занимаемую.

«Извѣстясь также о болѣзненномъ состояніи сына вашего, вслѣдствіе сильной контузіи, его величество разрѣшаетъ ему воротиться сюда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначаетъ его генералъ-адъютантомъ.

«За симъ государь поручаетъ мнѣ, любезный князь, искренно обнять своего стараго друга Меншикова и отъ души благодарить за его всегда усердную службу и за попеченіе о братьяхъ моихъ».

Но еще до разрѣшенія сдать начальство надъ войсками въ Крыму князю Горчакову, князь Меншиковъ по болѣзни передалъ временно начальство надъ арміей барону Остенъ-Сакену и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласилъ князя Горчакова прибыть въ Севастополь.

Его высочество государь наслѣдникъ, извѣщая князя Горчакова о назначеніи его главнокомандующимъ крымской

арміей и генералъ-адъютанта Лидерса временно командующимъ войсками на южной нашей границѣ, писалъ:

«Его величество разрѣшаетъ вамъ, по вашему собственному усмотрѣнію, усилить крымскую армію всѣми войсками, которыя вы сочтете возможнымъ немедля туда направить. Его величество имѣетъ при томъ въ виду, что сохраненіе Севастополя есть вопросъ первѣйшей важности, и потому рѣшается, въ случаѣ разрыва съ Австріею и наступленія непріятеля, жертвовать временно Бессарабіею, и частью даже Новороссійскаго края до Днѣпра, для спасенія Севастополя и Крымскаго полуострова.

«Кончивъ съ Божіею помощіею благополучно дѣло въ Крыму, всегда можно будетъ соединенными силами обѣихъ армій обратиться на австрійцевъ и заставить ихъ дорого заплатить за временный успѣхъ»...

Приведенныя нами февральскія письма государя наслѣдника къ князю Меншикову и князю Горчакову ярко изображали трудности нашего тогдашняго положенія. Завязавшіеся вновь переговоры въ Вѣнѣ, въ которыхъ Россія изъявила согласіе на весьма значительныя уступки, не имѣли успѣха; между Англіей, Франціей и Австріей состоялся договоръ, по которому, въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій между Австріей и Россіей, договаривающіяся стороны обязывались заключить между собою оборонительный и наступательный союзъ, и взаимно поддерживать одна другую сухопутными и морскими силами. Подъ Севастополемъ союзники, не давая покоя гарнизону, накопляли громадныя силы и средства. Въ началѣ февраля, число союзныхъ войскъ подъ Севастополемъ было равно числу нашихъ войскъ: и у нихъ и у насъ въ Крыму было по 120 тысячъ человѣкъ, но это численное отношеніе вскорѣ измѣнилось въ ихъ пользу, число союзныхъ войскъ въ Крыму вскорѣ увеличилось до 170 тысячъ, когда число нашихъ не превышало 110-ти. Осадныя работы ихъ подвигались впередъ; по указанію Ніеля, французы открыли параллели и построили новые

батареи противъ Малахова-Кургана. Защитники Севастополя продолжали геройски отстаивать крѣпость, даже возводить новыя укрѣпленія, нерѣдко удивлявшія непріятеля, вести неустанно контръ-минныя работы. Но въ виду колоссальныхъ осадныхъ средствъ, подготовленныхъ союзниками, ежедневное, ежеминутное мученичество, которое переживали наши моряки и армія уже полгода, по самому простому естественному закону, не могло не оказать на нихъ своего неотразимаго вліянія. Каково было положеніе Севастополя къ веснѣ, и какъ сильно, какъ глубоко было закравшееся въ душу всѣхъ фаталистическое убѣжденіе въ неизбѣжности смерти, показываетъ слѣдующій эпизодъ, заимствованный г. Богдановичемъ у Алабина.

«7-го марта не стало доблестнаго защитника Малахова-Кургана — Истомина. Онъ погибъ въ то время, когда возвращался на бастіонъ Корнилова съ Камчатскаго люнета, по гребню траншеи; по сторонамъ его шли командиръ люнета Сенявинъ и инженерный офицеръ Черкавскій. — «Ваше п — ство, сойдите въ траншею: тутъ очень опасно», — сказалъ ему Сенявинъ. — «Э, батюшка, все равно, отъ ядра не спрячешься», — отвѣчалъ Истоминъ. Въ это мгновеніе ядро оторвало ему голову, контузивъ Сенявина и ударивъ Черкавскаго въ голову костями черепа адмирала. Истоминъ былъ достойнымъ членомъ семьи черноморскихъ моряковъ, возросшей и преисполнившейся духомъ безстрашія подъ руководствомъ Лазарева. Поступивъ на Малаховъ-Курганъ, Истоминъ заботился о немъ и берегъ его, какъ прежде берегъ свой корабль «Парижъ». Съ самаго начала осады онъ не раздѣвался, спалъ весьма мало, и въ послѣдніе дни свои, постоянно находясь въ нервическомъ раздраженіи, принималъ мускусъ, чтобы поддержать свои физическія силы. Благодаря его дѣятельности, Малаховъ-Курганъ сталъ отдѣльною сильною крѣпостью. Чувство долга поселило въ Истоминѣ совершенное равнодушіе къ смерти. Когда многіе храбрые, испытанные сослуживцы адмирала заявляли

удивленіе его необыкновенной отвагѣ, онъ повторялъ: «А я удивляюсь вашему удивленію. Я и такъ незаконно живу на свѣтѣ: мнѣ слѣдовало быть убитымъ въ первую бомбардировку. Почему же не играть мнѣ тѣмъ, чѣмъ я пользуюсь долѣе срока». Наканунѣ вечеромъ, когда у него въ башнѣ сидѣлъ генералъ Хрулевъ и собралось нѣсколько офицеровъ, пришелъ какой-то ластовой офицеръ съ жалобой, что его не произвели въ поручики, между тѣмъ какъ младшій въ чинѣ былъ удостоенъ этой награды за дѣло, въ которомъ меньше его принималъ участія. Истоминъ, обратясь къ своимъ гостямъ, сказалъ: «Странно: какое время теперь, а онъ хочетъ поручичьяго чина! Ну, не все-ли равно умереть — поручикомъ или подпоручикомъ? Я, напримѣръ, убѣжденъ, что не выйду живъ отсюда, и мнѣ рѣшительно все равно — генераломъ ли меня убили бы или поручикомъ!»

8-го марта прибылъ на сѣверную сторону новый главнокомандующій, окруженный блестящимъ штабомъ. Войска съ ледянымъ равнодушіемъ приняли какъ его, такъ и его увѣренія въ скоромъ изгнаніи союзниковъ. Армія не ожидала отъ него ничего рѣшительнаго, а морякамъ онъ былъ неизвѣстенъ. Чтобы дать понятіе о томъ, въ какой адъ сливались тогда осада и оборона Севастополя, достаточно сказать, что вооруженіе сухопутныхъ укрѣпленій южной стороны уже было доведено до тысячи орудій, изъ которыхъ 466 могли дѣйствовать прямо противъ непріятельскихъ осадныхъ батарей, а остальныя были назначены для обстрѣливанія ближайшей мѣстности или для фланговой, тыльной и внутренней обороны укрѣпленій. Гарнизонъ считалъ 34 тысячи штыковъ и до 9 тысячъ человѣкъ артиллерійской прислуги. На осадныхъ батареяхъ непріятеля стояло 541 орудіе. По числу орудій наша артиллерія не уступала, слѣдовательно, непріятельской; но относительно калибровъ перевѣсъ былъ на сторонѣ союзниковъ, и къ тому же у насъ не было средствъ поддерживать продолжитель-

ное время учащенную пальбу по незначительности запаса снарядовъ и пороха въ Севастополѣ. Приходилось беречь заряды, чтобы не остаться потомъ безоружными. На сторонѣ атакующаго были также и выгоды мѣстности. Занимая охватывающую позицію, онъ могъ удобно сосредоточивать огонь и поражать нѣкоторыя укрѣпленія продольными и тыльными выстрѣлами. Непріятельскіе снаряды, перелетавшіе черезъ оборонительную линію, поражали вторую линію нашихъ укрѣпленій и попадали въ городъ. Въ ожиданіи штурма, обороняющійся былъ принужденъ держать резервы вблизи, подъ непріятельскимъ огнемъ, тогда какъ у атакующаго находились подъ выстрѣлами только прислуга орудій и траншейные караулы, а остальныя войска были расположены внѣ выстрѣловъ. Оттого мы терпѣли несравненно бо̀льшій уронъ, чѣмъ непріятель. Во время общей бомбардировки въ концѣ марта, у союзниковъ выбыло изъ строя 1,850 человѣкъ, у насъ 6,130 человѣкъ— болѣе чѣмъ втрое, и это только одна изъ многихъ подобныхъ цифръ, приводимыхъ г. Богдановичемъ. Потери непріятеля тогда только были равны нашимъ, когда онъ не только бомбардировалъ, но и штурмовалъ наши укрѣпленія, напримѣръ, во время кровопролитнаго штурма передовыхъ укрѣпленій на лѣвомъ флангѣ нашей оборонительной линіи, 26 мая (7 іюня): тогда и мы и непріятель потеряли по пяти съ половиною тысячъ человѣкъ.

Этотъ удачный для союзниковъ штурмъ произвелъ сильное впечатлѣніе на главнокомандующаго. Князь Горчаковъ пришелъ къ той мысли, какую уже высказывалъ князь Меншиковъ императору Николаю. Донося Государю Императору объ отчаянномъ, геройскомъ сопротивленіи гарнизона многочисленному непріятелю, князь Горчаковъ писалъ:

...«Но какая отъ этого польза? Редуты съ 50-ю орудіями, хотя бо̀льшею частью и заклепанными, остались въ рукахъ непріятеля и, что всего хуже, онъ устроитъ на нихъ или

около, батареи, которыя пресѣкутъ всякое дневное, а можетъ быть и ночное сообщеніе по бухтѣ; наконецъ, у меня, съ имѣющимся и ожидаемымъ порохомъ, не болѣе 135,000 выстрѣловъ по 6 іюня, а тамъ порохъ будетъ подходить весьма малыми количествами: этого менѣе чѣмъ на 10 дней, если отвѣчать огню непріятеля, хотя въ умѣренной соразмѣрности.

«Теперь я думаю объ одномъ только, какъ оставить Севастополь, не понеся непомѣрнаго, можетъ быть болѣе 20 тысячъ, урона. О корабляхъ и артиллеріи и помышлять нельзя, чтобы ихъ спасти. Ужасно подумать!

«Всемилостивѣйшій государь! Прибывъ сюда тому восемь недѣль назадъ, я засталъ непріятеля превосходнаго числомъ, въ неприступной, съ тыла укрѣпленной позиціи, охватывающаго городъ своими апрошами и редутами, по всему объему его, и находящагося уже въ 60-ти саженяхъ отъ 4-го бастіона. Теперь, послѣ весьми недѣль утомительнѣйшей осады, послѣ выдержанія неслыханнаго бомбардированія, причинившаго намъ огромную потерю въ людяхъ, и особенно въ штабъ и оберъ-офицерахъ, я вижу непріятеля снова усилившагося, продолжающаго получать новыя подкрѣпленія. Онъ угрожаетъ прервать сообщеніе по бухтѣ; пороху у меня на десять дней. Я въ невозможности болѣе защищать этотъ несчастный городъ.

«Государь, будьте милостивы и справедливы! Отъѣзжая сюда, я зналъ, что обреченъ на гибель, и не скрылъ это передъ лицомъ вашимъ. Въ надеждѣ на какой-либо неожиданный оборотъ, я долженъ былъ упорствовать до крайности; теперь она настала; мнѣ нечего мыслить о другомъ, какъ о томъ: какъ вывести остатки храбрыхъ севастопольскихъ защитниковъ, не подвергнувъ болѣе половины ихъ гибели. Но и въ этомъ мало надежды. Одно, въ чемъ не теряю я надежды, это то, что, быть можетъ, отстою полуостровъ. Богъ и ваше величество свидѣтели, что во всемъ этомъ не моя вина».

Можетъ быть, взглядъ князя Горчакова на наше положеніе въ Крыму, въ концѣ мая 1855 года, былъ слишкомъ мраченъ. Послѣ этого письма его къ Государю, Севастополь еще выдержалъ пятисуточное усиленное бомбардированіе, осыпавшее его 72 тысячами снарядовъ, и отбилъ генеральный штурмъ 6 (18) іюня, отъ которыхъ у насъ выбыло изъ строя около 5,000 человѣкъ, не считая легко раненыхъ, оставшихся во фронтѣ, и столько же потерялъ непріятель. Но въ сущности главнокомандующій былъ правъ, и блистательное отраженіе іюньскаго штурма не разсѣяло его опасеній. Онъ попрежнему писалъ объ очищеніи Севастополя, которое, «по всей вѣроятности», «будетъ намъ стоить отъ 10 до 15,000 человѣкъ», попрежнему жаловался на недостатокъ въ порохѣ. Такъ думалъ не одинъ главнокомандующій. Нѣкоторые защитники Севастополя тоже полагали, что слѣдовало оставить его тотчасъ послѣ отраженія штурма 6 (18) іюня. Очиствивъ тогда Севастополь и расположившись на сѣверномъ берегу рейда, мы сохранили бы до 42-хъ тысячъ человѣкъ, выбывшихъ изъ фронта съ 7 іюня по конецъ августа. Честь русскаго оружія была блистательно удовлетворена девятимѣсячною необычайной обороной крѣпости, вдоль и поперегъ израненной непріятелемъ, и не разъ возрождавшейся вновь изъ пепла, благодаря героизму своихъ защитниковъ. Ежеминутное истребленіе людей, не сулившее впереди вѣрнаго успѣха, не могло же длиться до безконечности. Моряки и солдаты болѣе или менѣе примирились, правда, съ ужасающею обстановкой своей оборонительной жизни. Нѣсколько трогательныхъ сценъ, разсказываемыхъ очевидцами, свидѣтельствуютъ лучше всякихъ реляцій о необычайномъ простодушіи и полной беззаботности, съ которыми эти закаленные въ опасностяхъ люди несли свою тяжелую службу Россіи. «Въ свободное послѣобѣденное время матросы собирали въ сосѣдствѣ укрѣпленій пули, за которыя имъ щедро платили, и сами иногда приплачивались за нихъ жизнію или кровью» — разсказы-

около, батареи, которыя пресѣкутъ всякое дневное, а можетъ быть и ночное сообщеніе по бухтѣ; наконецъ, у меня, съ имѣющимся и ожидаемымъ порохомъ, не болѣе 135,000 выстрѣловъ по 6 іюня, а тамъ порохъ будетъ подходить весьма малыми количествами: этого менѣе чѣмъ на 10 дней, если отвѣчать огню непріятеля, хотя въ умѣренной соразмѣрности.

«Теперь я думаю объ одномъ только, какъ оставить Севастополь, не понеся непомѣрнаго, можетъ быть болѣе 20 тысячъ, урона. О корабляхъ и артиллеріи и помышлять нельзя, чтобы ихъ спасти. Ужасно подумать!

«Всемилостивѣйшій государь! Прибывъ сюда тому восемь недѣль назадъ, я засталъ непріятеля превосходнаго числомъ, въ неприступной, съ тыла укрѣпленной позиціи, охватывающаго городъ своими апрошами и редутами, по всему объему его, и находящагося уже въ 60-ти саженяхъ отъ 4-го бастіона. Теперь, послѣ весьми недѣль утомительнѣйшей осады, послѣ выдержанія неслыханнаго бомбардированія, причинившаго намъ огромную потерю въ людяхъ, и особенно въ штабъ и оберъ-офицерахъ, я вижу непріятеля снова усилившагося, продолжающаго получать новыя подкрѣпленія. Онъ угрожаетъ прервать сообщеніе по бухтѣ; пороху у меня на десять дней. Я въ невозможности болѣе защищать этотъ несчастный городъ.

«Государь, будьте милостивы и справедливы! Отъѣзжая сюда, я зналъ, что обреченъ на гибель, и не скрылъ это передъ лицомъ вашимъ. Въ надеждѣ на какой-либо неожиданный оборотъ, я долженъ былъ упорствовать до крайности; теперь она настала; мнѣ нечего мыслить о другомъ, какъ о томъ: какъ вывести остатки храбрыхъ севастопольскихъ защитниковъ, не подвергнувъ болѣе половины ихъ гибели. Но и въ этомъ мало надежды. Одно, въ чемъ не теряю я надежды, это то, что, быть можетъ, отстою полуостровъ. Богъ и ваше величество свидѣтели, что во всемъ этомъ не моя вина».

Можетъ быть, взглядъ князя Горчакова на наше положеніе въ Крыму, въ концѣ мая 1855 года, былъ слишкомъ мраченъ. Послѣ этого письма его къ Государю, Севастополь еще выдержалъ пятисуточное усиленное бомбардированіе, осыпавшее его 72 тысячами снарядовъ, и отбилъ генеральный штурмъ 6 (18) іюня, отъ которыхъ у насъ выбыло изъ строя около 5,000 человѣкъ, не считая легко раненыхъ, оставшихся во фронтѣ, и столько же потерялъ непріятель. Но въ сущности главнокомандующій былъ правъ, и блистательное отраженіе іюньскаго штурма не разсѣяло его опасеній. Онъ попрежнему писалъ объ очищеніи Севастополя, которое, «по всей вѣроятности», «будетъ намъ стоить отъ 10 до 15,000 человѣкъ», попрежнему жаловался на недостатокъ въ порохѣ. Такъ думалъ не одинъ главнокомандующій. Нѣкоторые защитники Севастополя тоже полагали, что слѣдовало оставить его тотчасъ послѣ отраженія штурма 6 (18) іюня. Очистивъ тогда Севастополь и расположившись на сѣверномъ берегу рейда, мы сохранили бы до 42-хъ тысячъ человѣкъ, выбывшихъ изъ фронта съ 7 іюня по конецъ августа. Честь русскаго оружія была блистательно удовлетворена девятимѣсячною необычайной обороной крѣпости, вдоль и поперегъ израненной непріятелемъ, и не разъ возрождавшейся вновь изъ пепла, благодаря героизму своихъ защитниковъ. Ежеминутное истребленіе людей, не сулившее впереди вѣрнаго успѣха, не могло же длиться до безконечности. Моряки и солдаты болѣе или менѣе примирились, правда, съ ужасающею обстановкой своей оборонительной жизни. Нѣсколько трогательныхъ сценъ, разсказываемыхъ очевидцами, свидѣтельствуютъ лучше всякихъ реляцій о необычайномъ простодушіи и полной беззаботности, съ которыми эти закаленные въ опасностяхъ люди несли свою тяжелую службу Россіи. «Въ свободное послѣобѣденное время матросы собирали въ сосѣдствѣ укрѣпленій пули, за которыя имъ щедро платили, и сами иногда приплачивались за нихъ жизнію или кровью» — разсказы-

ваетъ г. Богдановичъ со словъ очевидца: «нѣкоторые изъ нихъ представили въ штабъ до 20 пудовъ собранныхъ ими пуль. Но когда подвезли въ Севастополь значительное количество свинцу, то былъ запрещенъ этотъ опасный промыселъ. Пища матросовъ варилась на батареѣ, причемъ ихъ кухня, общая со всѣми офицерами, состояла изъ неглубокой ямы, вырытой у одного изъ траверсовъ, съ кое-какъ сложенною печью и маленькою плитой. Солдатамъ же приносили утромъ и вечеромъ готовую кашицу изъ ротныхъ артелей, помѣщавшихся въ городѣ и Корабельной слободкѣ. На батареяхъ постоянно имѣлись нѣкоторые запасы, и въ томъ числѣ нѣсколько куръ. Въ особенности нравилось солдатамъ держать пѣтуховъ, которые среди боевой суеты напоминали своимъ крикомъ спокойствіе и безмятежность деревенской жизни. На редутѣ Шварца, у одного изъ моряковъ-офицеровъ былъ пѣтухъ, совершенно ручной, любимецъ всего населенія батареи, котораго матросы прозвали Пелисеевымъ (Пелисье). На 6-мъ бастіонѣ, сравнительно болѣе безопасномъ, въ казематѣ, стоялъ рояль и иногда устраивались музыкальные вечера, съ помощію скрипача и флейтиста, приходившихъ съ другихъ бастіоновъ». А между тѣмъ, въ это же время, уже послѣ отбитаго штурма когда союзники сами нуждались въ отдыхѣ и дали намъ вздохнуть, въ севастопольскомъ гарнизонѣ все-таки выбыли изъ строя, съ 7-го по 28-е іюня, болѣе 3,200 человѣкъ. 8-го іюня, на батареѣ Жервé былъ раненъ въ ногу на вылетъ генералъ Тотлебенъ и долженъ былъ передать завѣдываніе всѣми работами въ другія руки. 28-го іюня, смертельно раненъ адмиралъ Нахимовъ. Корниловъ сошелъ въ могилу гораздо прежде и Нахимова и Истомина. Нахимовъ не надѣялся на счастливый исходъ осады и не скрывалъ своего убѣжденія. Но онъ говорилъ также, что не выйдетъ ни живымъ, ни мертвымъ изъ Севастополя, — и сдержалъ свое слово.

Такова была эта доблестная, безгранично преданная сво-

ему дѣлу дружина черноморскихъ моряковъ. Осада Севастополя губила ее; съ каждымъ днемъ эти герои съ дѣтскимъ сердцемъ отходили въ вѣчность; отстоять родной ихъ городъ, такъ славно представлявшій въ то время Россію, не было никакой возможности. Надо было спасти армію, таявшую тамъ безслѣдно. Съ 28-го іюня по 4-е августа, гарнизонъ потерялъ отъ бомбардированія и при вылазкахъ еще 9,097 человѣкъ, а непріятель только 5,044. Рядомъ съ проявленіями полнаго равнодушія къ опасностямъ и беззавѣтной покорности долгу и судьбѣ, естественно проявлялось и крайнее утомленіе продолжительною и все еще безъисходною борьбой. Людямъ, измученнымъ физически и нравственно, хотѣлось отдохнуть душою. «Постоянный бой, не прекращающійся ни днемъ, ни ночью, вѣчныя бомбы и ядра начинаютъ дѣйствовать на нервы», писалъ уже послѣ дѣла на Черной генералъ-маіоръ Крыжановскій генералъ-адъютанту Безаку. «Душа невольно жаждетъ покоя, отдыха, а тутъ впереди (т.-е. до зимы) еще три мѣсяца такого существованія. Не трудно, что готовъ атаковать не только Ѳедюхины горы, но и самый адъ, чтобы окончить это неестественное положеніе»...

Эти строки, приводимыя г. Богдановичемъ, чрезвычайно характеристичны, если сопоставить ихъ смыслъ съ военными событіями, непосредственно имъ предшествовавшими, и тѣми, которыя за ними слѣдовали. Такъ-называемое дѣло на Черной, или атака неприступныхъ Ѳедюхиныхъ высотъ, стоившая намъ огромныхъ и притомъ безплодныхъ потерь, можетъ быть объяснена лишь тогдашнимъ общимъ настроеніемъ духа въ крымской арміи и излишней податливостью главнокомандующаго. Уступая разнымъ вліяніямъ изъ Петербурга, главнокомандующій предпринялъ это дѣло безъ вѣры въ его успѣхъ, безъ умѣнья исполнить его надлежащимъ образомъ. Многіе желали, такъ или иначе, выдти изъ несноснаго положенія и жаждали боя, который могъ бы измѣнить его. Это желаніе поддерживалъ прибывшій изъ

Петербурга, по дѣламъ службы, генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій. По мнѣнію барона, слѣдовало предпринять что-нибудь рѣшительное тотчасъ по прибытіи подкрѣпленій, которыя подошли въ концѣ іюля и между которыми уже было ополченіе... Увѣренный въ невозможности успѣха наступательныхъ дѣйствій, князь Горчаковъ не имѣлъ достаточно характера, чтобъ провести свое мнѣніе. Его волновало всегдашнее опасеніе петербургскихъ толковъ о бездѣйствіи крымской арміи, и онъ уступилъ вліянію барона Вревскаго. По высочайшему повелѣнію, главнокомандующій собралъ 28-го іюля военный совѣтъ, членамъ котораго было предложено высказать на другой день письменно свои мнѣнія по вопросамъ, относящимся къ данному положенію дѣлъ. Нѣкоторые члены совѣта предлагали .прежде всего очистить южную сторону, но главнокомандующій, убѣжденный самъ въ необходимости этой мѣры, отвергнулъ ее, потому что она пала бы на его отвѣтственность; большинство высказалось въ пользу нападенія на союзниковъ со стороны Черной, и онъ счелъ за лучшее исполнить планъ большинства, въ успѣхъ котораго не вѣрилъ самъ. Наканунѣ сраженія онъ писалъ военному министру, что гибель Севастополя неминуема, что позиціи непріятеля на Гасфортовой горѣ и на Ѳедюхиныхъ высотахъ почти неприступны, что непріятель многочисленнѣе насъ, и что самъ онъ мало надѣется на успѣхъ... Раненый Тотлебенъ, спрошенный главнокомандующимъ, не одобрилъ наступленія къ Черной. По его мнѣнію, даже въ случаѣ успѣха мы не могли бы удержаться на Ѳедюхиныхъ высотахъ, не могли бы помѣшать непріятелю продолжать осаду Севастополя. Главнокомандующій, повидимому, согласился съ мнѣніемъ генерала Тотлебена, но потомъ уступилъ опять вліянію барона Вревскаго.

Результатъ этого несчастнаго дѣла, такъ же странно задуманнаго, какъ и странно веденнаго, у всѣхъ въ памяти. Мы потеряли болѣе 8,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 1,742 безъ вѣсти пропавшими, потому что многіе изъ нашихъ

раненыхъ остались въ рукахъ непріятеля, противъ 1,811 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя у союзниковъ. Севастополь остался въ прежнемъ положеніи. Чаша страданій еще не переполнилась. «Продолженіе до крайности защиты Севастополя» — писалъ главнокомандующій Государю Императору — «конечно, будетъ для насъ славнѣе, чѣмъ очищеніе его безъ очевидной необходимости. Дѣйствуя такъ, армія понесетъ, можетъ быть, большой уронъ; но она для того только и существуетъ, чтобы умирать за вашу славу». Севастополь держался еще три недѣли, выдержалъ два новыхъ усиленныхъ бомбардированія, ужасныхъ по ихъ размѣрамъ, и отбилъ новый штурмъ на всѣхъ пунктахъ, кромѣ Малахова-Кургана; потерявъ съ 9-го августа до 16,000 человѣкъ отъ бомбардированія, онъ потерялъ еще 12.488 человѣкъ въ одинъ день послѣдняго штурма! Желаніе главнокомандующаго исполнилось: онъ опасался, какъ видно изъ его писемъ къ военному министру, что непріятель, зная о постройкѣ моста черезъ бухту и ожидая, что мы сами очистимъ Севастополь, не произведетъ штурма, не дастъ намъ повода уйти... Онъ не хотѣлъ брать этого шага на свою отвѣтственность... Къ счастью, мостъ черезъ бухту былъ уже готовъ, и защитники могли оставить разрушенный, но все еще дорогой имъ городъ...

Кровь стынетъ въ жилахъ, когда читаешь объ этой бойнѣ, когда возьмешь въ толкъ эти страшныя событія и цифры. Чѣмъ сказочнѣе, чѣмъ невѣроятнѣе онѣ сами по себѣ, тѣмъ поразительнѣе онѣ для васъ, когда вы, такъ сказать, осязаете ихъ руками, видите глазами, постигаете, какъ реальные, несомнѣнные факты. Война въ извѣстныхъ случаяхъ, разумѣется, неизбѣжна, какъ одинъ изъ могущественныхъ факторовъ исторіи; она, разумѣется, всегда связана съ большими личными и общественными несчастіями; но эти несчастія утроиваются всякій разъ, когда она предпринята безъ серьёзнаго соображенія относительныхъ силъ той и другой стороны, безъ разнообразныхъ матеріальныхъ

и умственныхъ средствъ, необходимыхъ для ея успѣха, изъ-за крупныхъ политическихъ ошибокъ вмѣсто великой руководящей идеи. Такая война непремѣнно сопровождается особенно тяжелыми событіями и послѣдствіями. Однимъ изъ такихъ событій была гибель Севастополя и черноморскаго флота, о которыхъ Россія такъ мало знала до знаменитой осады. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что однимъ изъ лучшихъ всходовъ русской государственной силы былъ у насъ черноморскій флотъ, созданный адмираломъ Лазаревымъ вдали отъ центра административныхъ интригъ и удушливой военной формалистики, пригрѣтый исключительно-благопріятными мѣстными условіями. Многими своими свѣтлыми сторонами это прекрасное военное учрежденіе представляло лучшія стороны русскаго народнаго характера, и оттого оно явилось крупною нравственною силой въ критическую пору. Но оно еще не окрѣпло съ матеріальной стороны; его средства были слишкомъ слабы, чтобы быть поставленными на карту въ неравной борьбѣ съ флотами первоклассныхъ морскихъ державъ, — и оно сломилось, увлекая за собою, въ своемъ трагическомъ паденіи, русское владычество на Черномъ морѣ. Судьба не дала ему окончательно взойти и расцвѣсть, развиться и жить на пользу Россіи; она и его обрекла участи многихъ хорошихъ начинаній и явленій русской жизни. Парижскій миръ, заключеніе котораго было слѣдствіемъ очевидной для всѣхъ необходимости, подтвердилъ опасенія, высказанныя княземъ Меншиковымъ еще до высадки союзниковъ на Крымскій полуостровъ. Въ Крыму, дѣйствительно, былъ рѣшенъ на много лѣтъ вопросъ о нашемъ вліяніи на дѣла Востока. Князь Меньшиковъ совсѣмъ не былъ полководцемъ; многія ошибки въ исполненныхъ имъ военныхъ дѣйствіяхъ теперь уже не подлежатъ сомнѣнію; но онъ былъ умный человѣкъ, повидимому, понимавшій положеніе политическихъ дѣлъ. По всей вѣроятности, именно этимъ обстоятельствомъ объясняются его сдержанность, неувѣренность въ успѣхѣ и

желаніе удалиться съ театра войны. Онъ не хотѣлъ играть ту роль, которую принялъ на себя впослѣдствіи его нерѣшительный, но болѣе суетливый преемникъ.

Какъ бы то ни было, гибель черноморскаго флота была для насъ жестокою, не скоро вознаградимою утратой. Флотъ имѣетъ громадное значеніе въ войнѣ со всякой державой, имѣющей пространныя приморскія владѣнія и сильныхъ союзниковъ на морѣ. Желѣзныя дороги отчасти, но только отчасти, замѣняютъ выгоды и удобства сильнаго флота въ военное время. Крымская война показала, что флотъ столько же безсиленъ противъ серьёзныхъ береговыхъ укрѣпленій, если ихъ орудія стрѣляютъ такъ же далеко, какъ и корабельныя пушки, сколько полезенъ для другихъ цѣлей: блокады, перевозки войскъ, провіанта, снарядовъ и всѣхъ принадлежностей арміи. На соединенныхъ флотахъ Франціи и Англіи были перевезены въ Крымъ такія массы людей и тяжестей, которыя сдѣлали ихъ положеніе въ Крыму несокрушимымъ. Черное и Азовское моря были въ ихъ рукахъ. Корабли ихъ могли не только подвозить въ Крымъ все нообходимое для осады Севастополя, но и опустошать приморскіе пункты, высаживать войска въ любомъ мѣстѣ черноморскаго побережья: Евпаторія, Керчь и Кинбурнъ были заняты ихъ войсками. Осенью 1855 года Омеръ-паша могъ высадиться съ цѣлою арміей сначала въ Батумѣ, потомъ въ Сухумъ-Кале. Этого важнаго обстоятельства нельзя упускать изъ виду при обсужденіи шансовъ всякой войны съ Турціей, если у Турціи будутъ сильные флотомъ союзники. Желѣзная дорога къ Севастополю значительно измѣняетъ къ лучшему наше положеніе въ Крыму противъ пятидесятыхъ годовъ, но она вполнѣ не замѣнитъ флота, не говоря уже о томъ, что она можетъ быть перерѣзана въ томъ или другомъ пунктѣ. Въ недавнюю пору горячаго воодушевленія русскаго общества дѣломъ подавленныхъ турецкихъ славянъ, когда лучшіе люди и силы рвались положить конецъ возмущающему душу турецкому порядку

вещей на Балканскомъ полуостровѣ, о флотѣ не было и помину; а между тѣмъ, онъ является однимъ изъ могущественныхъ и, можетъ быть, необходимыхъ условій успѣха въ желанной борьбѣ съ страною, географически представляющей изъ себя полуостровъ и пользующеюся покровительствомъ первоклассной морской державы. Высоко цѣня великодушное общественное увлеченіе, нельзя въ то же время совсѣмъ оставить въ сторонѣ всякій разсчетъ, обязательный уже въ интересахъ того дорогаго дѣла, которому такъ желательно принести существенную пользу. Невольно вспоминался въ эту оживленную пору нашъ погибшій черноморскій флотъ, который успѣлъ бы значительно окрѣпнуть и разростись въ послѣднія двадцать лѣтъ, еслибъ свирѣпая буря той восточной войны преждевременно и безжалостно не покончила его существованія.

Восточная война пятидесятыхъ годовъ вмѣняетъ намъ также въ обязанность обращать побольше вниманія на австрійскую политику въ восточномъ вопросѣ. Въ существѣ дѣла, она едвали много измѣнилась противъ прежняго. Въ пятидесятыхъ годахъ это была политика австро-германская. Австрія считалась тогда представительницей германскихъ интересовъ по отношенію къ турецкому Востоку. Теперь изъ австро-германской она сдѣлалась австро-венгерскою, и нѣтъ причинъ ожидать, что эта перемѣна девиза можетъ сопровождаться благопріятными для насъ послѣдствіями. А положеніе Австріи при всякомъ столкновеніи Россіи съ Турціей представляетъ для насъ капитальную важность въ военномъ отношеніи...

Мы далеко не исчерпали нашимъ очеркомъ тѣхъ интересныхъ и новыхъ фактовъ и цифръ, которые приведены въ военно-историческомъ трудѣ г. Богдановича. Мы познакомили читателей, и то лишь въ главныхъ чертахъ, съ военными дѣйствіями на Дунаѣ и въ Крыму, и совсѣмъ

не коснулись другихъ театровъ восточной войны, описываемой тѣмъ же авторомъ. Существующія монографіи и записки отдѣльныхъ лицъ о восточной войнѣ касаются исключительно того или другаго изъ ея крупныхъ событій; прекрасное сочиненіе Кинглэка — переведенное на многіе языки, — только, къ сожалѣнію, не на русскій, — посвящено исключительно крымской экспедиціи; сочиненіе г. Богдановича, напротивъ, обнимаетъ всѣ театры военныхъ дѣйствій того времени. Почтенному труду нашего автора нельзя отказать ни въ фактической обстоятельности, ни въ осторожности выводовъ, ни въ новости многихъ свѣдѣній, которыя до сихъ поръ оставались необнародованными. Авторъ снабдилъ свое сочиненіе прекрасными географическими и стратегическими картами и обстоятельными приложеніями, въ которыхъ, какъ и въ текстѣ, не мало интереснаго матеріала. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ богатый вкладъ въ нашу историческую литературу, близко соприкасающійся съ важными современными вопросами, найдетъ многочисленныхъ читателей.

РЕМЕСЛЕННЫЕ СОЮЗЫ ВЪ АНГЛІИ.

The Conflicts of Capital and Labour historically and economically considered, being a history and review of the trade unions of Great Britain, by George Howell. London. 1878.

Англійское общество занято и увлечено теперь внѣшними дѣлами; берлинскій договоръ и конвенція 4-го іюня естественно привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе. Но рядомъ съ этими новостями и заботами дня, и параллельно съ ними, идетъ въ Англіи серьёзная внутренняя работа обусловленная и духомъ времени, и исключительными условіями англійской жизни. Чрезвычайное развитіе промышленной дѣятельности, постоянно возроставшее въ теченіи текущаго столѣтія въ двухъ первенствующихъ государствахъ западной Европы, естественно привело эти народы къ рѣзкому антагонизму между интересами капитала и труда, между рабочимъ классомъ и хозяевами промышленныхъ предпріятій. Столкновеніе и борьба этихъ, повидимому, совершенно различныхъ интересовъ начались не со вчерашняго дня; на материкѣ они породили цѣлыя соціальныя теоріи, крупные перевороты и потрясенія, до сихъ поръ приводившія обыкновенно къ трагической развязкѣ. Великая задача — согласовать условія даннаго экономическаго

строя съ требованіями человѣколюбія и справедливости постоянно оказывалась гораздо болѣе трудною, чѣмъ это представлялось многимъ въ самомъ началѣ, и сложившійся вѣками экономическій строй постоянно выходилъ побѣдителемъ изъ отчаянной борьбы, которую отъ времени до времени открывали противъ него рабочіе классы. Причины этихъ трагическихъ неудачъ не разъ подвергались тщательному изслѣдованію сторонниковъ и противниковъ даннаго строя, и въ то время, какъ одни приходили къ мысли о необходимости предварительной широкой политической свободы для дальнѣйшаго движенія соціальныхъ задачъ, другіе видѣли именно въ политической свободѣ условіе, противодѣйствующее этому движенію.

Иначе ставился тотъ же вопросъ въ Англіи, и настоящее положеніе его въ этой странѣ, особенный характеръ и преданія которой исключаютъ возможность одностороннихъ теоретическихъ увлеченій, въ высшей степени своеобразно и поучительно. Давно уже подвергнутое основательной критикѣ и разбитое лучшими мыслителями начало laissez faire, laissez passer, нигдѣ не находитъ себѣ такого широкаго примѣненія въ разнообразныхъ отрасляхъ общественной жизни, какъ въ Англіи. Казалось бы, она представляетъ крайне неудобную почву для соціальныхъ реформъ въ интересѣ рабочихъ классовъ. И, дѣйствительно, о подобныхъ реформахъ тамъ нѣтъ и рѣчи... сверху. Но широкая политическая свобода, умѣряемая лишь судебными приговорами, даетъ полную возможность низшимъ классамъ стремиться къ улучшенію своего положенія самостоятельно, снизу, опираясь на собственные интересы, права и средства. То, что было нѣкогда предпринято политически безправною частью среднихъ классовъ въ видахъ избирательной реформы, дѣлается теперь такъ же самостоятельно и послѣдовательно рабочимъ классомъ съ цѣлью улучшить свое трудное положеніе. Законодательство сначала противодѣйствуетъ такому движенію; въ данномъ случаѣ противодѣйствіе было тѣмъ

энергичнѣе, что движеніе, о которомъ мы говоримъ, затрогивало интересы сословія, представители котораго почти безраздѣльно господствовали въ палатѣ общинъ. Но оно тѣмъ не менѣе настойчиво продолжалось, принимая все болѣе и болѣе серьёзные и обширные размѣры, вызывая петиціи съ десятками и сотнями тысячъ подписей, склоняя въ свою пользу общественное мнѣніе и власти; дѣло кончилось тѣмъ, чѣмъ всегда кончается въ подобныхъ случаяхъ въ Англіи: движеніе, оказавшееся практическимъ отвѣтомъ на исторически выработанныя потребности народной жизни, признано и регулировано законодательною властью, составъ которой не переставалъ существенно измѣняться въ прогрессивномъ смыслѣ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

Такимъ образомъ возникли въ Англіи такъ-называемые ремесленные союзы (trade unions), не разъ обращавшіе на себя пытливое вниманіе европейскихъ писателей. Одно изъ лучшихъ сочиненій по этому предмету — сочиненіе, которому отдаютъ полную справедливость въ самой Англіи — принадлежитъ, какъ извѣстно, члену Орлеанскаго дома, графу Парижскому, и вышло въ свѣтъ еще въ 1869 году. Въ Англіи эти ремесленные союзы вызвали цѣлую литературу памфлетовъ и журнальныхъ статей, брошюръ и цѣлыхъ сочиненій, къ которымъ присоединился недавно, можно сказать на-дняхъ, почтенный и крайне любопытный трудъ Джорджа Гоуэлля, извѣстнаго своимъ сборникомъ законовъ, относящихся къ труду («The Handy-Book of the labour laws»). Авторъ во всѣхъ подробностяхъ знакомъ съ интереснымъ предметомъ, которому посвящена его книга, и сообщаетъ новѣйшія свѣдѣнія о состояніи и дѣлахъ ремесленныхъ союзовъ. Свѣдѣнія эти доходятъ до нынѣшняго года. Но онъ не ограничивается ими. Онъ предпосылаетъ имъ весьма обстоятельное историческое изслѣдованіе о происхожденіи ремесленныхъ союзовъ въ Англіи и освѣщаетъ передаваемыя имъ свѣдѣнія критикой ошибочныхъ пред-

ставленій о дѣятельности описываемыхъ союзовъ и тѣхъ предубѣжденій и предразсудковъ, которые еще продолжаютъ вредить ихъ нравственному кредиту въ нѣкоторой части англійскаго общества, въ особенности между сторонниками узкихъ и окаменѣлыхъ экономическихъ теорій. Книга написана живо, умно, съ большимъ знаніемъ дѣла, съ просвѣщеннымъ и сочувственнымъ къ нему отношеніемъ. Вотъ почему мы останавливаемъ на ней вниманіе нашихъ читателей и считаемъ не лишнимъ познакомить ихъ, въ общихъ чертахъ, съ ея содержаніемъ.

Разумѣется, крупныя общественныя явленія вездѣ возникаютъ исторически, изъ живыхъ потребностей народной жизни; но ни гдѣ эта историческая связь явленій, ихъ преемственное наслоеніе, не выдается такъ осязательно-наглядно и ярко, какъ въ Англіи. Ремесленные союзы возникли тамъ совсѣмъ не такъ, какъ, напримѣръ, народились у насъ, конечно, полезныя, но бѣдныя средствами и результатами ссудо-сберегательныя товарищества. Они не были привиты народу сверху, не явились результатомъ удачныхъ теоретическихъ соображеній, а произошли преемственно изъ тѣхъ промышленныхъ и торговыхъ корпорацій, которыя имѣли огромное значеніе въ средніе вѣка подъ названіемъ «гильдій». Въ русской народной промышленности артель была и еще остается такимъ же естественнымъ историческимъ явленіемъ, какъ гильдія или ремесленный союзъ въ Англіи. Средневѣковая западно-европейская «гильдія», не въ смыслѣ, конечно, нашихъ теперешнихъ купеческихъ гильдій, возникшихъ искусственно и ничѣмъ не связанныхъ съ народною жизнію, была долгое время господствующимъ типомъ, по которому слагались общественныя отношенія въ средневѣковыхъ городахъ Англіи и остальной Европы. Люди соединялись въ гильдіи для извѣстныхъ общихъ цѣлей. Существовали гильдьи религіозныя, торговыя, муниципальныя, ремесленныя, и нынѣшніе рабочіе союзы — говоритъ Гоуэлль, ссылаясь на историче-

скіе памятники — не что иное, какъ преемники этихъ послѣднихъ, ремесленныхъ гильдій, но преемники иного типа, отвѣчающіе экономическимъ и соціальнымъ условіямъ настоящаго времени. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка торговцы и ремесленники группировались въ гильдіи для огражденія своихъ правъ и интересовъ отъ посягательствъ городской олигархіи и дворянства, такъ въ новое время, въ виду господствующей мануфактурной системы (Factory System) и практической необходимости оградить себя отъ возможныхъ злоупотребленій и бѣдствій, возникли новые ремесленные союзы. Средневѣковыя гильдіи, какъ показываютъ сохранившіеся ихъ уставы, всегда имѣли цѣлью братское соединеніе людей въ союзы, закрѣпленные клятвой, для взаимной помощи и поддержки. Таковъ общій характеръ всѣхъ прежнихъ гильдій и современныхъ ремесленныхъ союзовъ. Правила и частности этихъ братствъ видоизмѣнялись согласно нуждамъ, интересамъ и требованіямъ даннаго времени и данныхъ обстоятельствъ, но существенныя черты взаимной самопомощи неизмѣнно сохранялись въ нихъ съ древнѣйшихъ временъ по настоящее время. Періодическія собранія «братьевъ» на общихъ праздникахъ гильдій были точно такимъ же обычнымъ явленіемъ въ средніе вѣка, какъ и ежегодные съѣзды англійскихъ ремесленныхъ союзовъ въ наше время. Суммы, необходимыя для достиженія цѣлей каждой гильдіи, пріобрѣтались также посредствомъ братскихъ взносовъ и приношеній. Высшей степени своего развитія торговыя и городскія гильдіи достигли въ Лондонѣ, который можно назвать ихъ колыбелью, если не ихъ родиной. Все средневѣковое устройство лондонскаго Сити было основано на гильдейскихъ началахъ, и служило образцомъ для другихъ городовъ Англіи. При Ательстанѣ лондонскія гильдіи вступили въ союзъ между собою, и образовавшаяся такимъ образомъ гильдія управляла съ тѣхъ поръ всѣмъ городомъ. Рядомъ со старыми древнѣйшими гильдіями, присвоивавшими себѣ привилеги-

рованное положеніе, въ городахъ возникали новыя, преимущественно ремесленныя, пытавшіяся вырвать городское управленіе изъ рукъ привилегированныхъ корпорацій, или, по крайней мѣрѣ, получить наравнѣ съ ними участіе въ городскомъ управленіи. Въ XIV и XV столѣтіяхъ эти новыя гильдіи пріобрѣли большую силу. Короли пользовались ими для усиленія своихъ доходовъ и въ этихъ видахъ подтверждали ихъ уставы. Гильдіи, разумѣется, избирали сами свои должностныя лица, и каждая регулировала условія избраннаго ею ремесла.

Новѣйшіе ремесленные союзы, смѣнившіе собой прежнія гильдіи, также группируются по отдѣльнымъ ремесламъ: въ Англіи существуютъ союзы каменьщиковъ, механиковъ, плотниковъ и т. д. Но, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и промышленности, регулированіе ремеслъ уже не входитъ теперь въ кругъ ихъ дѣятельности. Свобода ремеслъ признана закономъ, и всѣ усилія современныхъ ремесленныхъ союзовъ точно такъ же направлены къ огражденію интересовъ и правъ своихъ членовъ отъ ограниченій и убытковъ со стороны отдѣльныхъ лицъ и компаній, стоящихъ во главѣ промышленныхъ предпріятій, какъ всѣ усилія средневѣковыхъ ремесленныхъ гильдій клонились къ достиженію равноправности между ними и старыми гильдіями, занявшими привилегированное положеніе.

«Всякій, кто близко познакомился съ устройствомъ и уставами ремесленныхъ обществъ и съ устройствомъ старыхъ гильдій — говоритъ Гоуэлль — тотчасъ замѣтитъ сходство первыхъ съ ремесленными гильдіями, которыхъ дѣйствительными преемниками они являются. По мѣрѣ того, какъ болѣе бѣдные члены гильдій вытѣснялись болѣе зажиточными, вытѣсняемые вскорѣ ощущали необходимость сплотиться между собою, и отсюда возникли въ новое время ремесленные союзы, которые въ существѣ были точно такими же гильдіями, какъ городскія и ремесленныя гильдіи прежнихъ временъ. Новые союзы не были однако простымъ

продолженіемъ этихъ, нынѣ устарѣвшихъ обществъ, но законными ихъ наслѣдниками, плодомъ новыхъ общественныхъ и промышленныхъ условій народной жизни. Древность происхожденія, конечно, еще не оправдываетъ ихъ существованія; но прежде, чѣмъ рѣзко осуждать ихъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, подвергнуть ихъ искреннему и тщательному разбору.

«Всякій разъ, когда мы встрѣчаемъ въ какомъ-нибудь ремеслѣ возникновеніе этихъ союзовъ, мы, въ то же время, видимъ, что они сложились при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ и съ тѣми же цѣлями, что и средневѣковые ремесленные союзы, то-есть при крушеніи какой-нибудь старой системы и между людьми, наиболѣе терпѣвшими отъ этого разложенія, сложились съ цѣлью оградить свою независимость и свои интересы. Это обстоятельство, въ связи съ тожествомъ ихъ устройства, прямо даетъ право называть ихъ преемниками старыхъ гильдій и достаточно оправдывать ихъ существованіе, такъ какъ послѣдствія разложенія, не сдерживаемаго строгими ограниченіями, неизбѣжно вызывали, во всѣ времена, образованіе подобныхъ гильдій. Это можно назвать «историческимъ закономъ».

«Союзы и общества, сходныя съ нынѣшними ремесленными союзами, существовали въ Англіи еще до 1862 года, но они были исключеніями, встрѣчаемыми, главнымъ образомъ, въ строительныхъ ремеслахъ. Причина этого явленія очевидна: въ средніе вѣка эти ремесла наиболѣе походили на наши новѣйшія мануфактуры съ ихъ малымъ числомъ хозяевъ, множествомъ рабочихъ; съ ихъ подрядчиками и вычетами изъ заработной платы».

Правда, мысль о происхожденіи современныхъ ремесленныхъ союзовъ въ Англіи изъ существовавшихъ въ этой странѣ ремесленныхъ гильдій принадлежитъ не нашему автору. Она уже не разъ была высказана и сторонниками и противниками нынѣшнихъ союзовъ. Сторонники искали и находили имъ въ этой мысли полное историческое оправ-

данiе; противники, съ своей стороны, приводили ее какъ аргументъ въ пользу ихъ отсталости и ненужности. Но Гоуэллю принадлежитъ указанiе на то, насколько новые союзы дѣйствительно сходны съ старыми и отжившими учрежденiями этого рода въ Англiи, и насколько они отвѣчаютъ насущнымъ требованiямъ именно новѣйшаго времени.

Новые союзы образовались и явились на свѣтъ божiй не въ одинъ день. Имъ надо было выдержать сначала тяжкую борьбу съ прежними условiями жизни въ странѣ, гдѣ не было ничего похожаго на единоличную диктатуру государственной власти и гдѣ все законодательство постоянно исходило отъ аристократiи и наиболѣе богатой части средняго сословiя. Англiйское законодательство до двадцатыхъ годовъ строжайшимъ образомъ запрещало всякiе союзы между ремесленниками, за исключенiемъ старыхъ гильдейскихъ. Суды безпощадно примѣняли эти законы къ нарушителямъ: исторiя первыхъ ремесленныхъ союзовъ представляетъ непрерывную цѣпь судебныхъ разбирательствъ, неизмѣнно оканчивавшихся обвинительными приговорами къ денежнымъ штрафамъ и тюремному заключенiю. Постепенная отмѣна этихъ жестокихъ законовъ, начавшаяся съ 1824 года, дала, наконецъ, возможность новымъ союзамъ вздохнуть свободнѣе, и въ настоящее время можно сказать, что Англiя покрыта сѣтью этихъ союзовъ. Не съ разу была признана за ними и гражданская правоспособность. Законъ 1824 года допустилъ ихъ существованiе на основанiи правила: «laissez faire, laissez passer», но онъ ничѣмъ не оградилъ правъ ихъ, какъ юридическихъ лицъ. Строго говоря, полная эмансипацiя новыхъ союзовъ состоялась всего три года назадъ, въ 1875 году, когда прошелъ законъ о ремесленномъ трудѣ (Labour Laws), окончательно сравнявшiй юридическое положенiе хозяина съ юридическимъ положенiемъ ремесленника. «Нынѣ, — говоритъ нашъ авторъ, — передъ нами ремесленные союзы въ полной силѣ, прочные и свободные, съ долгою исторiей, съ огромнымъ

числомъ членовъ и большими капиталами, — вооруженные всѣми средствами, чтобъ успѣшно выдерживать великія битвы промышленности».

По своей сущности, ремесленные союзы въ Англіи ничто иное, какъ составленныя по добровольному соглашенію общества съ цѣлью взаимной помощи для поддержанія наиболѣе благопріятныхъ условій труда. Такова ихъ первая и главная основа; сюда же относятся и всѣ ихъ законныя усилія, направленныя къ возвышенію заработной платы и противъ ея пониженія, къ уменьшенію числа рабочихъ часовъ и противъ его увеличенія, а также регулированіе всѣхъ дѣлъ, относящихся къ способамъ найма и увольненія и къ самому характеру работъ. Авторъ вводитъ насъ во внутреннюю жизнь этихъ союзовъ, знакомитъ съ ихъ финансами и управленіемъ, и мы послѣдуемъ за нимъ въ эту интересную, но мало извѣстную область англійской народной жизни.

Каждый союзъ имѣетъ свой общій фондъ, составленный изъ членскихъ взносовъ, которые колеблятся между 2-мя пенсами (около 6-ти коп.) въ недѣлю въ обществахъ сравнительно бѣдныхъ, и 1-мъ шиллингомъ (около 40 коп.)— въ наиболѣе богатыхъ. Главные расходы, производимые изъ составляющагося такимъ образомъ общаго фонда, падаютъ на пособія членамъ во время ихъ болѣзни и ихъ семействамъ въ случаѣ ихъ смерти, на вознагражденія послѣ несчастныхъ случаевъ на работѣ, на пенсіи старикамъ, на помощь въ случаѣ случайной безработицы и во время стачекъ. Размѣры этихъ выдачъ различны въ разныхъ обществахъ и видоизмѣняются въ слѣдующихъ наибольшихъ и наименьшихъ предѣлахъ. Союзы выдаютъ ремесленникамъ: въ случаѣ болѣзни — отъ 5-ти до 12-ти шиллинговъ въ недѣлю; въ случаѣ смерти мужа — отъ 6-ти до 12-ти шиллинговъ, и отъ 4-хъ до 10-ти шиллинговъ — въ случаѣ смерти жены, на погребеніе; въ случаѣ тѣлесныхъ поврежденій на работѣ — отъ 50-ти до 150-ти фунт. стерл. еди-

новременно; пенсіи старикамъ выдаются въ размѣрѣ отъ $2^{1}/_{2}$ до 7-ми шиллинговъ въ недѣлю; при случайной безработицѣ — отъ 8-ми до 10-ти шиллинговъ въ недѣлю; при стачкахъ — отъ 10-ти до 15-ти шиллинговъ. Многіе союзы выдаютъ еще по 6-ти фунт. стерл. въ случаѣ эмиграціи или утраты рабочихъ инструментовъ. О томъ, какъ велики эти расходы въ ихъ сложности можно судить по тому, что ремесленный союзъ механиковъ израсходовалъ такимъ образомъ съ 1851 года — 659,516 фунт. стерл. (по нынѣшнему курсу, около 6-ти милл. рублей), союзъ чугунно-летейщиковъ, съ 1848 года,— 365,316 фунт., союзъ котельниковъ, съ 1867 года,— 61,000 фунт., союзъ плотниковъ, съ 1860 года,— 54,325 фунт., что составляетъ капиталъ въ 1.140,157 фунт., или около 10-ти милл. рублей для однихъ только четырехъ названныхъ союзовъ.

Союзомъ всегда управляетъ комитетъ, избираемый общимъ собраніемъ на три мѣсяца — въ союзахъ съ однимъ только мѣстнымъ кругомъ дѣятельности, и на годъ — въ центральныхъ или окружныхъ союзахъ. Управленіе дѣлами распредѣляется бòльшею частью между четырьмя лицами — предсѣдателемъ, помощникомъ предсѣдателя, казначеемъ и секретаремъ, которые могутъ быть смѣняемы лишь въ случаѣ злоупотребленій. Суммами союзовъ завѣдываютъ особые коммиссары — trustees — отвѣчающіе за их цѣлость. Трудъ этихъ выборныхъ должностныхъ лицъ оплачивается умѣреннымъ жалованьемъ. Въ самыхъ крупныхъ союзахъ секретарь получаетъ не болѣе 240 фунт., въ другихъ всего 130 фунт., хотя онъ долженъ быть заваленъ дѣломъ. Предсѣдатели получаютъ или по одному шиллингу за каждое собраніе или по 40 фунт. въ годъ, казначеи почти столько же. Но все это только въ союзахъ болѣе богатыхъ и съ большимъ райономъ дѣятельности. Въ союзахъ чисто-мѣстныхъ должностныя лица получаютъ почти ничтожное вознагражденіе.

Каждое ремесло, каждая значительная въ торговомъ или

промышленномъ отношеніи мѣстность имѣетъ свой союзъ. Сначала въ этомъ дѣлѣ участвовали одни только фабричные и городскіе ремесленники,— земледѣльческій классъ оставался въ сторонѣ, но съ 1872 года и онъ присоединился къ общему движенію, присоединился съ большимъ жаромъ и увлеченіемъ. Нынѣ союзъ земледѣльцевъ — «The Agricultural Labourers' Union» — распространился по всему королевству, подраздѣленный на три большія общества и 1,771 отрасль, съ 78,000 членовъ, ежегоднымъ приходомъ въ 22,055 фунт. (около 200,000 руб.) и своими газетами, сильно распространенными въ сельскомъ быту и обсуждающими не только вопросы о заработной платѣ и числѣ рабочихъ часовъ, но и вопросы политическіе—о дарованіи избирательнаго права земледѣльцамъ, о кандидатахъ въ члены парламента, о мѣстномъ управленіи, благотворительныхъ учрежденіяхъ и т. д.

Въ настоящее время ремесленные союзы Соединеннаго Королевства насчитываютъ до 1.250,000 членовъ и располагаютъ годовымъ приходомъ приблизительно въ 2 милл. фунт. и почти такимъ же резервнымъ фондомъ. При сильной и прочной организаціи, союзы имѣютъ свои общіе совѣты, свои съѣзды или конгрессы, на которыхъ обсуждаются экономическіе и политическіе вопросы, имѣющіе прямое или косвенное отношеніе къ условіямъ ремесленнаго труда и къ интересамъ ремесленниковъ. Мы не имѣемъ въ виду исчерпать сочиненіе Гоуэлля и отсылаемъ къ нему нашихъ читателей, интересующихся этимъ живымъ и насущнѣйшимъ вопросомъ современной Европы. Авторъ, конечно, излагаетъ исторію гильдій и ремесленныхъ союзовъ съ большею подробностью и обстоятельностью, чѣмъ мы могли это сдѣлать въ короткой замѣткѣ. Онъ говоритъ также о технической подготовкѣ ремесленниковъ, о поштучной работѣ, о числѣ часовъ работы, о разнообразныхъ проявленіяхъ дѣятельности союзовъ, въ особенности о стачкахъ, о вліяніи союзовъ на внѣшнюю торговлю Англіи, и разби-

ваетъ однимъ прикосновеніемъ здраваго смысла тѣ странныя предубѣжденія, которыя еще сохранились въ Англіи противъ этого новаго явленія въ ея промышленной жизни. Но, изложивъ въ общихъ чертахъ устройство и характеръ отдѣльныхъ ремесленныхъ союзовъ въ Англіи, мы не можемъ не остановиться и на состоявшихся уже попыткахъ къ объединенію этихъ отдѣльныхъ союзовъ.

Въ англійской публикѣ живетъ смутное опасеніе — undeflnet dread, какъ выражается нашъ авторъ — что ремесленные союзы могутъ слиться въ одну обширную и постоянную организацію, съ оборонительными и наступательными цѣлями, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ предпринимателямъ промышленныхъ предпріятій придется имѣть дѣло уже не съ отдѣльными союзами, представляющими различныя ремесла, а съ могущественной федераціей всѣхъ союзовъ королевства. Опасеніе это уже вызвало, пять лѣтъ тому назадъ, учрежденіе «союза хозяевъ» (The Federation of Associated Employers of Labour), съ собственнымъ органомъ подъ названіемъ: «Capital and Labour». Въ мотивахъ этого учрежденія было высказано, что оно вызвано чрезвычайнымъ развитіемъ, притѣснительною дѣятельностью, опасными замыслами и тщательною организаціей ремесленныхъ союзовъ. Но авторъ не раздѣляетъ этихъ опасеній. Паника, овладѣвшая нѣкоторыми умами — говоритъ онъ — заставила ихъ преувеличить мнимыя и дѣйствительныя опасности, вытекающія изъ существованія ремесленныхъ союзовъ. Мысль о сліяніи ихъ въ одну федерацію, дѣйствительно, высказывалась не разъ, но была отвергаема самими союзами. Пять лѣтъ тому назадъ она была предложена на съѣздѣ ремесленныхъ союзовъ въ Лидсѣ, затѣмъ на слѣдующемъ съѣздѣ въ Шеффильдѣ, но вызвала сильныя возраженія. Точно также не посчастливилось ей и на съѣздѣ 1875 года, въ Ливерпулѣ. Напрасно хозяева и печать предсказывали, что если подобная федерація состоится, то англійской промышленности грозитъ неизбѣжная

гибель. Это предсказаніе — остроумно замѣчаетъ авторъ — дѣлалось такъ часто, что оно утратило свое дѣйствіе, какъ въ баснѣ о волкѣ и овцахъ, и еслибъ предвѣщаемое бѣдствіе дѣйствительно случилось, то, за недовѣріемъ къ этимъ Кассандрамъ, стадо было бы расхищено, прежде чѣмъ подоспѣетъ помощь. Дѣло въ томъ, что столь страшная въ глазахъ многихъ федерація союзовъ представляетъ большія практическія затрудненія, и самое бо̀льшее, что пока только возможно въ этомъ направленіи, заключается, по мнѣнію нашего автора, въ сліяніи нѣсколькихъ однородныхъ союзовъ въ одно центральное общество. Но и такое сліяніе требуетъ еще предварительнаго соглашенія разнообразныхъ практическихъ интересовъ, преслѣдуемыхъ отдѣльными союзами.

Дѣло объединенія и сліянія ограничивается пока скромными размѣрами ремесленныхъ союзовъ (Trades Council). Цѣль ихъ — служить посредниками въ сношеніяхъ между отдѣльными мѣстными союзами одного города и обсуждать сообща дѣла общаго интереса; но кругъ ихъ дѣятельности не переходитъ за предѣлы нѣсколькихъ союзовъ въ городѣ или округѣ. Они учреждаются по добровольному соглашенію союзовъ, которые вольны имѣть свои совѣты или совсѣмъ не имѣть ихъ. Совѣты эти необязательны для союзовъ. Расходы на нихъ также добровольны и совершенно ничтожны. Одна изъ главнѣйшихъ задачъ совѣтовъ — обсуждать тѣ политическіе вопросы, которые не касаются отдѣльныхъ союзовъ, а всей ихъ совокупности. Такова была ихъ роль во время агитаціи въ пользу отмѣны старыхъ уголовныхъ законовъ, направленныхъ противъ полной свободы труда, и утвержденія законовъ, ограждающихъ фонды союзовъ. Во все это время, ремесленные совѣты были центрами политической жизни въ городахъ, созывали митинги, приготовляли петиціи и поддерживали сношенія съ своими доброжелателями въ парламентѣ. Ими были устроены крупныя демонстраціи во многихъ большихъ промышленныхъ

центрахъ, и вообще они много способствовали успѣху тогдашняго движенія.

Но не они ведутъ къ объединенію всѣхъ ремесленныхъ союзовъ королевства. Въ этомъ отношеніи ближе всего подходятъ къ цѣли ежегодные съѣзды или конгрессы союзовъ, имѣющіе съ 1871 года постоянный выборный комитетъ, называемый «парламентскимъ комитетомъ». Обязанность комитета — слѣдить за всѣми законодательными вопросами, имѣющими прямое или косвенное отношеніе къ союзамъ, и принимать мѣры къ пересмотру или полной отмѣнѣ законовъ и предложенію новыхъ, отвѣчающихъ интересамъ ремесленнаго труда. Съѣзды начались съ 1868 года и съ тѣхъ поръ повторяются ежегодно. Они высказываютъ желанія и надежды союзовъ, имѣя постоянно въ виду законодательную дѣятельность парламента, и охотно отдаютъ справедливость тѣмъ актамъ законодательства, которыми укрѣпляются или расширяются права ремесленнаго класса. Глазговскій съѣздъ 1875 года, соединившій 139 делегатовъ, которые явились представителями 109 союзовъ и 539,823 членовъ, привѣтствовали принятые парламентомъ Labour Laws, о которыхъ мы упомянули выше. Докладъ такъ-называемаго «парламентскаго комитета» высказался такъ объ этихъ законахъ: «Въ виду этихъ новыхъ законовъ, комитетъ признаетъ ихъ великое значеніе и цѣну; рабочіе отнынѣ не подлежатъ болѣе дѣйствію исключительнаго уголовнаго кодекса; дѣло эмансипаціи отнынѣ дополнено и закончено». Комитетъ отдалъ справедливость образу дѣйствій министерства и палаты общинъ, въ которой, по его выраженію, «ни кѣмъ не было произнесено ни одного такого слова, которымъ могъ бы оскорбиться самый щекотливый изъ рабочихъ». Въ видѣ приложенія къ этому докладу, комитетъ напечаталъ старательно составленное Кромптономъ «Объясненіе новыхъ законовъ о трудѣ», изъ котораго каждый делегатъ могъ вполнѣ ознакомиться съ ихъ характеромъ и содержаніемъ.

Прошлогодній, десятый конгрессъ ремесленныхъ союзовъ состоялся въ сентябрѣ въ Лейстерѣ, изъ 141 делегата, представлявшихъ 112 союзовъ и 691,089 членовъ. Докладъ «парламентскаго комитета» обнималъ на этотъ разъ двадцать-два различныхъ вопроса, въ томъ числѣ вопросъ о кодификаціи уголовныхъ законовъ и объ отмѣнѣ тюремнаго заключенія за долги. На съѣздѣ обсуждались и другіе вопросы, не особенно интересные для нашихъ читателей. Замѣчательно, что только съ этого, десятаго, съѣзда сказалась замѣтная перемѣна въ тонѣ англійской печати — этого могущественнаго органа среднихъ классовъ — относительно ремесленныхъ союзовъ. Гоуэлль удостовѣряетъ это, припоминая, что до тѣхъ поръ печать вообще относилась къ нимъ недовѣрчиво и недоброжелательно. «Насколько будетъ умѣренна англійская печать въ обсужденіи вопросовъ, касающихся труда и движенія рабочаго класса, настолько усилится и ея вліяніе на этотъ классъ» — заключаетъ онъ свое замѣчаніе о нѣкоторомъ примиреніи печати съ союзами.

Сессія съѣзда ремесленныхъ союзовъ обыкновенно продолжается шесть дней, съ 9 часовъ утра до 5 пополудни. Вечеръ посвящается большому митингу въ самой большой изъ городскихъ залъ, для объясненія и защиты началъ, на которыхъ основаны союзы. Предсѣдатель съѣзда избирается въ первый день собравшимися делегатами, обыкновенно изъ гражданъ того города, гдѣ происходитъ съѣздъ. Пренія идутъ правильно, съ соблюденіемъ парламентскихъ порядковъ и приличій. Ораторы иногда обнаруживаютъ скудное знакомство съ исторіей или современными событіями, но это обстоятельство не составляетъ исключительной особенности однихъ только ремесленныхъ съѣздовъ. Расходы на съѣздъ весьма умѣренны и покрываются взносами делегатовъ; сторонняя помощь не разъ была предлагаема съѣздамъ, но они всегда отклоняли ее. Суммы на «парламентскій комитетъ» составлялись всегда изъ взносовъ, добро-

вольно дѣлаемыхъ союзами, приславшими своихъ делегатовъ.

Въ виду изложенныхъ фактовъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что «четвертое сословіе» народилось въ западной Европѣ. Существованіе его давно уже ощутительно и на материкѣ, особенно во Франціи и Германіи. Но нигдѣ еще это сословіе не приняло такого правильнаго склада, не получило такой стройной организаціи и не располагаетъ такими матеріальными средствами, какъ въ странѣ вѣковой политической свободы и громадной промышленной дѣятельности. Интересы капитала и труда естественно должны были получить свое наибольшее развитіе въ Англіи, которую можно было бы назвать сплошною мануфактурой колоссальныхъ размѣровъ, еслибъ въ ней не было еще и глубоко укоренившейся науки, и богатой литературы, и многаго другаго, еслибъ въ настоящую минуту ея граждане, недовольные торжествующею политикой торійскаго министерства, не могли громко заявлять свое неудовольствіе, въ виду общихъ ликованій и всѣхъ прелестей берлинскаго конгресса...

